ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

10

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

10

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, С.В. Журавлев (заместитель ответственного редактора),
А.П. Корелин, академик РАН Г.А. Куманев, В.А. Кучкин,
академик РАН Ю.А. Поляков, Н.М. Рогожин,
Е.Н. Рудая (редактор-координатор), А.К. Соколов, В.В. Трепавлов,
В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов (заместитель ответственного редактора)

Научно-организационная работа — Г.Б. Куликова
Научно-техническая работа — И.А. Головань

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 1997 — .
Вып. 10 / [отв. ред. Ю.А. Петров; ред.-координатор Е.Н. Рудая]. — 2012. — 493 с. — ISBN 978-5-8055-0236-2.

По установившейся традиции выпуск 10 «Трудов Института российской истории» представляет малоизученные и дискуссионные вопросы, а также новые темы, которые способствуют более глубоким постановке и пониманию проблем отечественной истории. Книга открывается рубрикой, посвященной празднованию 1150-летия зарождения российской государственности. Юбилейные даты — 150 лет отмены крепостного права в России и 70-летие начала Великой Отечественной войны, широко отмечавшиеся в 2011 г., определили содержание соответствующих разделов данного тома. Остальные рубрики издания представляют разнообразный материал по актуальным вопросам истории России от Средневековья до конца XX столетия.

ISBN 978-5-8055-0236-2

© Институт российской истории РАН, 2012
© Российская академия наук, серия «Труды Института российской истории» (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

1150-ЛЕТИЕ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А.А. Горский
Начало Руси: юбилейная дата и исторические реалии 9

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В.Б. Перхавко
Торговые люди русского Средневековья в фольклоре 19

Н.И. Никитин
О характере присоединения Сибири к России 53

150-ЛЕТИЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

В.Я. Гросул
Крестьянский вопрос в общественном мнении России накануне реформы 1861 г. 71

И.А. Христофоров
«Либеральный патернализм»: крестьянский вопрос до и после 1861 г. в литературе и в действительности 115

Ю.П. Бокарев
Исторические традиции в хозяйственном менталитете современной российской деревни 131

70-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская
Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа 155

Б.У. Серазетдинов
Военная экономика Западной Сибири и ее вклад в дело победы в годы Великой Отечественной войны 177

А.А. Иголкин
О проекте Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг. 204

ИСТОРИЯ РОССИИ. XX ВЕК

А.В. Мамаев
Совет районных дум и муниципальное хозяйство г. Москвы в первые месяцы большевистской власти (конец 1917 — первая половина 1918 г.) 221

В.В. Лобанов
Материалы Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)-ВКП(б) как источник по истории «обновленческого» раскола 237

Т.М. Смирнова
Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советскойпослереволюционной России. 1920–1930-е годы 259

В.А. Невежин
Большие кремлевские приемы Сталина: зарождение традиции 279

В.Н. Земсков
Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) 303

В.А. Шестаков
Особенности мобилизационного развития СССР в годы хрущевской «оттепели» 319

С.В. Журавлев
Мода и социализм: материалы к обсуждению 343

ИСТОРИЯ НАРОДОВ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.А. Романенко
Лидеры российской социал-демократии об Австро-Венгрии в период Первой мировой войны 359

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В.М. Кабузан
Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. 397

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В.А. Артамонов
Полтавская победа и гетманщина в 1708—1709 гг. (К 300-летию победы Петра Великого под Полтавой) 411

В.М. Хевролина
Россия и воссоздание Болгарского государства 435

И.А. Хормач
Римская конференция 1924 г. 445

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА

И.В. Поткина, И.А. Хормач
Международная научная конференция «Российско-итальянские общественные и культурные связи. XV—XX вв.» 465

В.Б. Перхавко
«Круглый стол» на тему«Крепостное право в истории России» 475

Сведения об авторах 491

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН представляет читателю десятый выпуск своих трудов. По традиции, как и в предыдущих выпусках, в центре внимания авторов находятся малоизученные и дискуссионные вопросы и новые темы, исследование которых способствует более глубокому пониманию проблем отечественной истории.

Читатели нашего серийного издания могли заметить, что набор рубрик в каждом выпуске трудов варьируется. Их содержание определяется накапливающимися в портфеле редколлегии работами, а также юбилейными и историческими датами. Такой подход к комплектации материалов делает каждый выпуск индивидуальным и актуальным.

Десятый выпуск открывается рубрикой, посвященной подготовке к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности. Она содержит статью доктора исторических наук А.А. Горского, посвященную генезису русской государственности. Автор знакомит нас с событиями «старины глубокой», когда происходило складывание государства Русь.

В рубрике «Русское Средневековье» представлены статья кандидата исторических наук В.Б. Перхавко о торговых людях и статья кандидата исторических наук Н.И. Никитина о присоединении Сибири. В.Б. Перхавко на основе обобщения произведений устного народного творчества, а также исследований историков и литературоведов представил образ средневекового русского купечества. Н.И. Никитин, исследуя процесс вхождения Сибири в состав Российского государства, раскрывает различные точки зрения на проблемы, существующие в историографии, уделив особое внимание исторической терминологии, в частности термину «присоединение Сибири».

В 2011 г. в нашей стране широко отмечалось 150-летие отмены крепостного права в России. Специальная рубрика посвящена этой проблеме. В статье доктора исторических наук В.Я. Гросула на основе материалов из фондов ГАРФ проанализированы настроения различных кругов российского общества в связи с этим судьбоносным событием в истории государства, показаны планы и надежды различных социальных слоев — крестьян, дворян, купцов, духовенства. Схожие проблемы ставит перед собой кандидат исторических наук

И.А. Христофоров в статье о том, как крестьянский вопрос дебатировался в России до и после отмены крепостного права. Автор показывает противоречивость реакции на крепостническую систему и ее слом в правительственных сферах и в общественных кругах.

Статья доктора исторических наук Ю.П. Бокарева посвящена историческим традициям в хозяйственном менталитете крестьянина. Проблема взаимосвязи перемен в социально-экономической области и общественного сознания рассматривается автором на материале современной российской деревни.

Рубрика «70-летие начала Великой Отечественной войны» открывается статьей докторов исторических наук А.С. Сенявского и Е.С. Сенявской, давно и активно работающих в области социальной и исторической психологии, которые рассмотрели трансформации советской идеологии в период Великой Отечественной войны. Авторы акцентируют свое внимание на следующих аспектах и проблемах: роль общественного сознания, его различные уровни, взаимосвязь социальной психологии и идеологии, влияние на общественное сознание национальных традиций, идеологических установок, формируемых структурами власти. Статья кандидата исторических наук Б.У. Серазетдинова показывает особенности развития военной экономики Западной Сибири и вклад региона в достижение Победы. Автор вводит в научный оборот материалы из региональных архивов.

В рубрику вошла также статья из научного архива доктора исторических наук А.А. Иголкина (1951—2008), безвременно ушедшего из жизни. Автором впервые в историографии проанализированы этапы разработки Госпланом СССР 15-летнего плана развития народного хозяйства СССР на 1943—1957 гг., показан и реализм, и волюнтаризм плановых наметок по отраслям.

В рубрике, посвященной отечественной истории XX века, кандидатом исторических наук А.В. Мамаевым на основе новых документов из архивов Москвы рассмотрена радикальная трансформация органов управления городским хозяйством столицы и основные направления их деятельности в первый период существования советской власти (1917 — лето 1918).

Кандидат исторических наук В.В Лобанов исследует вопрос, как созданная в 1922 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) оказывала влияние на т.н. «обновленческий раскол» и раскрывает партийно-государственную линию по отношению к православной церкви.

Доктор исторических наук Т.М. Смирнова обращается к особенностям развития семейных форм воспитания детей-сирот в советской России в 1920—1930-е годы.

В статье доктора исторических наук В.А. Невежина показано, как с мая 1935 г. складывались традиции проведения больших кремлевских приемов с участием Сталина и его «ближнего круга» и какую роль эти приемы играли в утверждении культа личности вождя.

Доктор исторических наук В.Н. Земсков обратился к острому вопросу о масштабах политических репрессий в СССР. Автор раскрывает масштабы раскулачивания крестьян в 1929—1933 гг., проверки и фильтрации военнопленных в период Великой Отечественной войны, подвергая критике различные спекулятивные суждения вокруг этой проблемы.

Доктор исторических наук В.А. Шестаков рассматривает особенности, созданной в годы сталинских пятилеток модернизационной системы в условиях «хрущевской оттепели». Он анализирует, какие ставились цели в тот период и каковы оказались результаты.

В статье доктора исторических наук С.В. Журавлева поставлена проблема о роли моды в советском общественном и властном дискурсе. Показана специфика советской моды, которая, с одной стороны, использовала общемировые тенденции, а с другой стороны, подвергалась диктату идеологии и особенностей общественного сознания.

Рубрика «История народов и межнациональных отношений» представлена статьей кандидата исторических наук С.А. Романенко «Лидеры российской социал-демократии об Австро-Венгрии в период Первой мировой войны». На основе новых архивных материалов автор проанализировал, как В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев оценивали внутренние национальные движения в империи Габсбургов 1914—1918 гг. и какое влияние эти процессы оказали на формирование их позиции по национальному вопросу.

В рубрике «Демографическая история» публикуется статья «Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX—XX вв.» из научного наследия известного российского ученого В.М. Кабузана (1932—2008).

В рубрике «История международных отношений и внешней политики России» кандидат исторических наук В.А. Артамонов в статье «Полтавская победа и гетманщина в 1708—1709 гг. (К 300-летию победы Петра Великого под Полтавой)» раскрывает, роль Полтавской виктории в становлении России как великой европейской державы.

Доктором исторических наук В.М. Хевролиной раскрыта роль России в воссоздании Болгарского государства после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., показано, как шла борьба за нацио-

нальную болгарскую церковь, формировалось гражданское управление, разрабатывался первый вариант болгарской конституции.

Доктор исторических наук И.А. Хормач исследовала подготовку и ход Римской конференции 1924 г., которая была посвящена проблеме ограничения морских вооружений. Автор вводит в научный оборот много новых архивных материалов, показывающих, в частности, несовпадение позиций высшего политического руководства и военных ведомств советской России по этой проблеме.

Выпуск содержит также рубрику «Хроника научной жизни Института», информирующую об участии Института российской истории РАН в международной научной конференции «Российско-итальянские общественные и культурные связи. XV—XX вв.», которая прошла в ноябре 2011 г., и об организованном Институтом в феврале 2011 г. «круглом столе» на тему: «Крепостное право в истории России».

1150-ЛЕТИЕ ЗАРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А.А. Горский

НАЧАЛО РУСИ: ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Статья посвящена генезису русской государственности. Возникновение государства Русь рассматривается как процесс, основные черты которого были предопределены славянским расселением по Восточноевропейской равнине и эволюцией восточнославянского общества. Среди вех на пути государствообразования важное место занимают события 1150-летней давности — приход на Север Восточной Европы варяжского князя Рюрика. Именно его преемники сумели объединить все восточнославянские политические образования под единой властью, что привело к формированию крупнейшего в средневековой Европе государства.

Ключевые слова: Русь, образование государства, славяне, варяги, Рюрик.

2012 год отмечен сразу несколькими юбилейными датами. Среди них 200-летие Отечественной войны 1812 г., 400-летие освобождения Москвы от интервентов в ходе Смутного времени. К 2012 году относится и юбилей, в официальных документах определенный как 1150-летие российской государственности.

Когда предметом празднование становятся *события*, как в первых двух случаях, датировать их обычно не представляет сложности. Иное дело, если речь идет об исторических *процессах*, к каковым относится возникновение государственности. Здесь любая точная дата будет условной, всего лишь маркирующей более или менее важное опять-таки *событие*, оказавшее воздействие на процесс политогенеза. Что касается начала русской государственности[1], то дат, связанных с теми или иными событиями на пути государствообразования, может быть отмечено несколько.

Самая ранняя из них — 839 год. Под этой датой франкские Бертинские анналы сообщают, что ко двору императора франков Людовика Благочестивого прибыло посольство от византийского императора Феофила, а с ним — люди, пришедшие ранее послами в Константинополь от «хакана» (chacanus) народа (gens) «Рос» (Rhos). Выяснение личностей послов, предпринятое по инициативе Людовика, позволило устано-

вить, что они являлись по происхождению «свеонами» (выходцами из Средней Швеции — Свеаланда)[2]. Таким образом, уже в конце 830-х годов фиксируется некое образование под именем «Русь»[3], чей правитель носил восточный по происхождению титул «хакан» (каган). Однако где располагалась эта Русь — остается неясным: источник не содержит данных о ее локализации. Исследователями предлагались в качестве возможного местонахождения и Среднее Поднепровье, и Поволховье (район будущего Новгорода), и Верхнее Поволжье[4]. Высказывались даже мнения, что посольство было отправлено из Скандинавии, или что каган, упоминаемый в источнике, — это правитель не Руси, а Хазарии (и, следовательно, речь идет не о политическом образовании под названием Русь, а об отдельных скандинавах, называвших себя *русью* и служивших хазарскому кагану). Две последние трактовки маловероятны[5], но в любом случае локализация Руси, упомянутой в Бертинских анналах, остается спорной; неизвестно и имя ее правителя. Тем не менее, 839 г. — это дата первого упоминания Руси в дошедших до нас источниках и свидетельство о дипломатических контактах этого политического образования с двумя крупнейшими европейскими государствами Раннего Средневековья — Византийской и Франкской империями.

Следующая дата — 860 год, когда войско *руси* (греч. ‘Ρως) на 200 судах совершило нападение на Константинополь — столицу Византийской империи. Это событие имеет точную датировку (июнь 860 г.), но, как и в случае с известием Бертинских анналов, неясна локализация того политического образования, из которого было совершено нападение. В качестве версий в историографии назывались Среднее Поднепровье, Поволховье, Северное Причерноморье. Высказывалась даже экзотическая точка зрения, что поход совершили норманны, пришедшие не с Севера, из Восточной Европы, а с Юга — из Средиземного моря[6]. Неизвестны и имена предводителей Руси[7]. Кроме того, военное нападение нет оснований расценивать как ключевое событие в процессе становления государственности, тем более, что это был не первый поход в византийские владения: «Житие Георгия Амастридского», созданное не позднее 842 г., говорит о нападениях русских на малоазийское побережье Империи[8].

Следующая дата — 862 (6370 от Сотворения Мира) год, под которым в «Повести временных лет» рассказывается о приглашении на княжение славянскими группировками Севера Восточной Европы — словенами и кривичами, а также их финноязычными соседями (чудью) «из-за моря» варяга Рюрика. Минусом этой даты является ее неточность. Датировки событий IX столетия в «Повести временных лет», памятнике начала XII в., реконструировались летописцами с опорой на отрывочные данные, заимствованные из греческих хроник[9]. В предшество-

вавшем «Повести временных лет» так называемом Начальном своде конца XI в., чей текст донесен Новгородской первой летописью младшего извода, о приходе Рюрика говорится под 6362 (854) г.[10] Вместе с тем, несомненно, что летописцы конца XI — начала XII в. отводили появлению в Восточной Европе Рюрика ключевое место в своем повествовании. С него брала начало династия, обладавшая в эпоху, когда работали авторы Начального свода и «Повести временных лет», монополией на власть на Руси. Согласно Начальному своду, со времен Рюрика и его братьев «прозвашася Русь», а по «Повести временных лет» именно Рюрик и пришедшие с ним варяги первоначально назывались *русью*, т.е. именно они принесли это название, ставшее затем наименованием народа и государства восточных славян, в Восточную Европу[11]. По версии Начального свода и одной из редакций «Повести временных лет», Рюрик сразу же становился князем в Новгороде, по версии другой редакции «Повести» он сначала садился на княжение в Ладоге, а через два года основывал Новгород и перебирался туда[12].

Наконец, завершает ряд 882 (6390) год — дата, под которой в «Повести временных лет» рассказывается о захвате преемником Рюрика Олегом Киева[13]. Эта дата так же искусственна, как и 862 год (Начальный свод о занятии Киева говорит под тем же 854 г., что и о призвании Рюрика[14]). Но само событие весьма существенно: в результате него были объединены два протогосударственных образования восточных славян — северное с центром в Новгороде и южное со столицей в Киеве; благодаря этому была создана своего рода ось государственной территории Руси, вытянутая с севера на юг по Восточноевропейской равнине, вдоль торгового пути «из варяг в греки».

В историографии дореволюционного периода главной вехой в процессе государствообразования на Руси считался 862 год. Именно в 1862 г. в стране отмечали 1000-летие России. Долгое время появление династии фактически приравнивалось к появлению государства. Однако со второй половины XIX столетия все более стало набирать силу представление, что корни государственности восходят к «дорюриковой» эпохе, к развитию местного славянского общества[15]. Такое представление еще более укрепилось в советский период, когда возникновение государства стали связывать с появлением деления общества на классы. Случившееся в 862, по «Повести временных лет», году стало рассматриваться как всего лишь эпизод в длительном процессе. В умалении значения этого события в историографии советской эпохи сыграл роль и тот факт, что рассмотрение проблемы возникновения русской государственности всегда было тесно увязано с дискуссией по т.н. «варяжскому вопросу». Со времени становления в России истории как науки (XVIII в.) шел спор о том, кем были летописные «варя-

ги» — иноземцы «из-за моря», к которым принадлежал родоначальник древнерусской княжеской династии Рюрик. Тех, кто считал, что они были скандинавами («норманнами», по западноевропейской терминологии Раннего Средневековья), принято именовать «норманистами», тех, кто это отрицал — «антинорманистами». При этом среди «антинорманистов» были сторонники отождествления варягов с разными народами (западными славянами, финнами, балтами и т.д.)[16]. К концу XIX — началу XX в. дискуссия практически прекратилась. Причиной этого было, в первую очередь, накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX—X в. присутствовали тяжеловооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были *варяги*. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, сына Рюрика Игоря, его жены Ольги) и многих лиц из их окружения первой половины X в. (упоминаемых в летописных текстах и во включенных в «Повесть временных лет» текстах договоров Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение[17]. Тем не менее, в XX в. дискуссия по варяжскому вопросу продолжилась — но совсем в ином ключе. «Антинорманизм» советской историографии не имел ничего общего с прежним, дореволюционным антинорманизмом. Историки советской эпохи признавали, что варяги — это норманны, но отрицали тезис о создании ими Древнерусского государства (противостоя в этом как старым норманистам, так и старым антинорманистам). В таком контексте появление в Восточной Европе Рюрика рассматривалось как не слишком значительное событие. Как более важная обычно рассматривалась дата 882 год — объединение под единой властью Киева и Новгорода[18].

Что можно сказать о процессе образования государства на Руси и о месте в нем событий, датированных «Повестью временных лет» 862 годом, на современном этапе изучения?

Явлением, предопределившим основы и характер древнерусской государственности, стало заселение Восточноевропейской равнины славянами[19], которое являлось составной частью расселения славян в VI—VIII вв. на обширной территории Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в свою очередь представлявшего собой составную часть Великого переселения народов — грандиозного миграционного движения, охватившего Европу в I тыс. н.э. и полностью изменившего этническую и политическую карту континента. Сла-

вянское расселение предопределило, во-первых, территориальные пределы распространения древнерусской государственности: государство Русь сложилось в основном на территории, колонизованной славянами в VI—VIII вв.[20], и только отчасти (на северо-востоке, в междуречье Оки и Волги) — на землях, где в IX—X столетиях еще преобладало дославянское, финно-угорское население (здесь славянская колонизация шла вместе с освоением территорий государственной властью). Во-вторых, именно расселение славян заложило главную экономическую основу древнерусской государственности — земледельческое хозяйство с преобладанием пашенного земледелия (дославянское население лесной зоны Восточной Европы — балты и финно-угры — занималось в основном охотой и рыболовством)[21]. Наконец, в славянском обществе сложились и политические предпосылки перехода к государственности.

Традиционная трактовка восточнославянского общества накануне образования государства как «племенного» не соответствует ни данным источников[22], ни современным научным представлениям о политогенезе. В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический общественный строй до Нового времени, этнологи пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom*, что обычно переводится на русский язык как «вождество». При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признано деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем есть старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Главное отличие сложных вождеств от простых усматривают в том, что первые включают в себя подчиненные простые вождества, а у власти находится правящий клан. Именно от стадии вождеств следовал переход к государствообразованию[23]. У славян племенная структура была сломана в ходе Расселения VI—VIII вв. Славянские догосударственные общности раннего Средневековья были новообразованиями, сложившимися в результате миграций, и с точки зрения современных представлений о политогенезе являлись вождествами (причем в VIII—IX вв. преимущественно «сложными» вождествами)[24]. Византийцы, представители наиболее развитой государственности тех времен, подметили территориально-политический характер славянских группировок, и уже начиная с VII столетия именовали их преимущественно не терминами γένος и ἔθνος, указывающими на этническую общность, а термином, образованным от общеславянского самоназва-

ния «словѣне» — «славинии» (Σκλαβηνία)[25]. Территориальный характер общностей восточных славян не остался без внимания и у древнерусского летописца начала XII в. — автора «Повести временных лет». Он отметил наличие в восточнославянских группировках наследственных «княжений»[26]; слово «княжение» есть точный древнерусский эквивалент англ. *chiefdom* — «вождество», то есть древнерусский книжник определил устройство восточнославянских догосударственных общностей тем же понятием, что ныне вошло в обиход современных исследователей, только восемью с половиной веками раньше...

Как можно оценить роль в образовании государства Русь норманнов?

Не вызывает серьезных сомнений, что скандинавское происхождение имела древнерусская княжеская династия, что норманны и их потомки составили заметную часть дружинного окружения первых русских князей, т.е. сыграли серьезную роль в формировании общественной элиты Древнерусского государства. Что касается степени влияния норманнов на темпы и характер формирования русской государственности, то для ее выяснения в первую очередь необходимо сопоставить хронологию и особенности государствообразования на Руси и у западных славян и посмотреть, не было ли в формировании Древнерусского государства специфических черт, которые могут быть связаны с воздействием варягов.

Ранее Руси, в первой половине IX в., возникло первое западнославянское государство — Великая Моравия, погибшее в результате нашествия венгров в начале X столетия. Западнославянские государства, сохранившие независимость, — Чехия и Польша, — складывались одновременно с Русью, в течение IX—X вв. Говорить об «ускорении» норманнами процесса государствообразования на Руси, следовательно, оснований нет. Сходны были и характерные черты в формировании Древнерусского и западнославянских государств. И на Руси, и в Моравии, и в Чехии, и в Польше ядром государственной территории становилась одна из «славиний», а соседние постепенно вовлекались в зависимость от ее правителей. Во всех названных странах основной «государствообразующей» силой была княжеская дружина. Везде (кроме Моравии) наблюдается смена старых укрепленных поселений (градов) новыми, служившими опорой государственной власти[27]. Таким образом, нет следов воздействия норманнов и на характер государствообразования. Причина здесь в том, что скандинавы находились на том же уровне политического и социального развития, что и славяне (у них в IX—X столетиях также шли процессы формирования государств), и сравнительно легко включались в процессы, шедшие на восточнославянских землях.

Все же существует одна черта в складывании Древнерусского государства, которую можно связать с ролью варягов. Это объединение

всех восточных славян в одном государстве. Данный факт, обычно воспринимаемый как само собой разумеющийся, в действительности является уникальным: ведь объединения в одном государстве не произошло ни у западных, ни у южных славян. И у славян восточных для IX столетия можно говорить о нескольких центрах потенциального государствообразования: в Среднем Поднепровье (у полян), на севере Восточной Европы (у словен и их соседей), в землях северян, древлян, волынян, прикарпатских хорватов. Развитие вполне могло пойти таким образом, что на Восточноевропейской равнине образовалось бы и существовало несколько государственных образований (собственно, позже, с XII в., такая полицентричная система государств здесь сформировалась и просуществовала несколько столетий).

В этом свете роль Рюрика и пришедшего с ним контингента выглядит более существенной, чем это обычно представлялось историографии прошлого столетия (хотя, конечно, ее нет оснований рассматривать как исключительную, что делалось в XVIII — первой половине XIX в.). Именно Рюрик и его преемники с их дружинами производили объединение «славиний» Восточной Европы (и некоторых неславянских общностей) под единой властью. Варяги, приходившие в Восточную Европу ранее, ограничивались установлением контроля над отдельными участками торговых путей: на Севере — в Поволховье и Верхнем Поволжье, на Юге — в земле полян (летописные Аскольд и Дир)[28]. Рюрик после своего прихода установил на Севере Восточноевропейской равнины более масштабную систему власти, в которой появился такой важный элемент (получивший развитие при последующих русских князьях), как управление территориями не через посредство местных правителей, а путем назначения наместников[29] (в современной политической антропологии это признается одним из признаков перехода от «вождества» к государству). Олег объединил северные территории словен, кривичей и их финноязычных соседей с политическим образованием в Среднем Поднепровье и сделал данниками ряд «славиний» Юга Восточной Европы (древлян, северян, радимичей)[30]. Сменивший его Игорь еще более расширил подвластную Киеву территорию на Юге[31]. Позже Ольга непосредственно подчинила Киеву землю древлян[32], Святослав покорил вятичей[33], а Владимир к концу X столетия стал управлять всей Русью через наместников (сыновей), что знаменовало собой завершение формирования государственной территориии[34].

Таким образом, объединение действительно осуществляли норманны по происхождению, но не любые, а варяжские князья, и тоже не всякие, а Рюрик и его преемники при помощи своих дружинных контингентов. Норманны, появлявшиеся на Руси в эпоху после прихода

Рюрика, в течение X столетия, играли уже совершенно другую роль. Это были отряды викингов, нанимавшиеся русскими князьями для внешних войн. Часть таких варягов погибала в походах, часть возвращалась на родину[35], часть оседала на Руси, пополняя дружинный слой. Ничего принципиально «государствообразующего» эти варяги внести не могли, поскольку деятельность их была подчинена интересам русских князей.

С чем была связана особая роль варяжского контингента во главе с Рюриком и его потомков в установлении той масштабной системы властвования в Восточной Европе, которая сложилась в течение конца IX—X в., — особый вопрос. Есть основания для предположения, что Рюрик и его люди были группировкой норманнов, ранее пребывавшей на территории Франкской империи Каролингов, и, следовательно, хорошо знакомой с развитой системой государственного управления[36]. Но в любом случае появление Рюрика и его дружины в Восточной Европе стало событием, многое предопределившим в ее судьбе.

[1] Термин «русский» здесь и ниже употребляется в «средневековом» смысле (=восточнославянский).

[2] Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. P. 19—20.

[3] Rhos является латинской передачей византийской транскрипции названия «Русь» — ‘Ρως.

[4] См.: *Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 6; *Прицак О.* Походження Русі. Київ, 1997 С. 99; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси, 750—1250. М., 2000. С. 55—68; *Zukerman C.* Deux étapes de la formation de l’ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. P. 95—114; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 42—43; *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Freiburg, 2002. S. 182—185.

[5] См.: *Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. С. 113—115.

[6] Источники и обзор мнений см.: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000 г. М., 2003.

[7] «Повесть временных лет» (начало XII в.) приписывает руководство похода киевским князьям Аскольду и Диру, но их упоминание является домыслом летописца, будучи вставкой в текст о нападении, взятый из византийских хроник (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 21—22). В более раннем летописном памятнике, т.н. Начальном своде конца XI в., имена предводителей еще не названы (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 105).

[8] См.: *Бибиков М.В.* Byzantinorossica: свод византийских свидетельств о Руси. М., 2009. II. С. 135—137.

[9] См.: *Лурье Я.С.* Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 56—99.

[10] Новгородская первая летопись ... С. 105—106.

[11] См.: Новгородская первая летопись ... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19—20; *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 38—42.

[12] Новгородская первая летопись ... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20; М., 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 14 («ладожская» версия).

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 22—24.

[14] Новгородская первая летопись ... С. 107.

[15] См., напр.: *Ключевский В.О.* Соч. М., 1987. Т. 1. С. 143—162.

[16] См. об этом: *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. Вып. 7: Проблемы историографии.

[17] В последнее время предпринимаются попытки реанимации «старого антинорманизма» — тезиса, что варяги не были норманнами (см.: Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 8 (156)). Между тем, в течение XX столетия был накоплен значительный материал (в первую очередь, археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX—XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений). На территории Руси зафиксированы многочисленные погребения конца IX — X в., захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии (об этом говорит сходство погребального обряда и инвентаря с теми, которые известны из раскопок в самих скандинавских странах). Они обнаружены и на Севере Руси (район Поволховья — Приладожья), и на Верхнем Днепре (район Смоленска), и в Среднем Поднепровье (район Киева и Чернигова), т.е. там, где располагались главные центры формирующегося государства. По своему социальному статусу эти люди были в значительной своей части знатными воинами, дружинниками (См.: Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 391—393, 405—407; *Мурашева В.В.* «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // Российская история. 2009. № 4.). Чтобы отрицать в такой ситуации «норманство» летописных варягов (а летописи этим термином — «варяги» — именуют как раз дружинников иноземного происхождения), надо допускать невероятное: что о воинах — выходцах из Скандинавии, от которых остались археологические свидетельства их пребывания в Восточной Европе, письменные источники умолчали, и наоборот — те иноземные дружинники (нескандинавы), которые в летописях упоминаются под именем «варягов», почему-то не оставили следов в материалах археологии.

[18] См., напр.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 450—454.

[19] См. о нем: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; *Его же*. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995; *Его же*. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.

[20] Ранее VI столетия славяне обитали, по-видимому, только на юго-западе будущей территории Руси — между Средним Днепром и Восточным Прикарпатьем.

[21] См.: Древняя Русь: город, замок, село. С. 219—242.

[22] Восточнославянские догосударственные общности (поляне, древляне, дреговичи, вятичи и др.) *ни в одном источнике ни разу* не именуются «племенами». Тем не менее историографическая традиция применения к ним этого термина столь устойчива, что порой сбивает с толку даже специалистов. Так, недавно А.П.Толочко всерьез рассуждал о том, что автор «Повести временных лет» из всех терминов, обозначавших в древнерусском языке этнические общности, выбрал слово *племя* и «последовательно» (!) применял его к общностям восточных славян (*Tolochko O.P.* The Primary Chronicle's "Ethnography" Revisted: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols, 2008. P. 170—172, 179). А ведь для того, чтобы убедиться в обратном, достаточно обратиться к тексту источника: в нем эти группировки не обозначаются ни как «племена», ни через какой-либо иной terminus technicus.

[23] См.: Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

[24] См.: *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160—177; *Горский А.А.*

Русь ... С. 10—14; *Его же*. К вопросу об уровне развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Восточная Европа в древности и средневековье: ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2011.

[25] См.: *Литаврин Г.*Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. Этот термин прилагался к группировкам не только балканских славян, но также западных и восточных. Так, император Византии Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (середина X в.), говоря о зависимых от киевских князей восточнославянских группировках, определяет их как «Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев» (т.е. древлян, дреговичей, кривичей и северян, см.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989. С. 44, 45, 50, 51; ср. у него же употребление того же понятия применительно к общностям западных славян: Там же. С. 107—109).

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10: «И по сихъ братьи (после братьев Кия, Щека и Хорива, основателей Киева. — *А.Г.*) держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане».

[27] См.: *Štěpánek M*. Opevněné siliště 8—12 století ve střední Europě. Praha, 1965; *Łowmiański H*. Początki Polski. Warszawa, 1970. T. 4. S. 445—493; Warszawa, 1973. T. 5. S. 310—504; *Флоря Б.Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 108—111, 117—119; *Его же*. Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западнославянских странах в эпоху раннего феодализма // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: проблемы феодальной государственной собственности и государственноцй эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М., 1988; *Раткош П*. Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 81—89; *Тржештик Д*. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Жемличка П., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.). М., 1991; *Горский А.А.* Русь ... С. 46—48, 87—94, 108—111.

[28] Новгородская первая летопись ... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19—21.

[29] Новгородская первая летопись ... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23, 24.

[31] Новгородская первая летопись ... С. 109—110; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 44, 45, 50, 51, 156, 157.

[32] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—60.

[33] Там же. Стб. 65.

[34] Там же. Стб. 81—84, 121; см. также: *Горский А.А.* Русь ... С. 58—76.

[35] См.: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. М., 1985.

[36] См.: *Горский А.А.* Русь «от рода франков» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32); *Его же*. Начало Руси: славяно-варяжская дилемма? // Родина. 2009. № 9. В современной историографии все более обращается внимание на важность воздействия Франкской империи и государств — ее наследников на процессы образования государств у скандинавов и славян, см.: Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols, 2008.

В.Б. Перхавко

ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ФОЛЬКЛОРЕ

В работе впервые в отечественной и зарубежной литературе на основе обобщения результатов исследований фольклористов, литературоведов и историков, произведений устного народного творчества представлен фольклорный образ средневекового русского купечества. Для них характерны избирательность сюжетов, определенные стереотипы восприятия прошлого, отсутствие точных календарных дат, искажение топонимов и антропонимов, совмещение разновременных деталей быта, событий, явлений.

Ключевые слова: фольклор, купечество, эпический герой, прототип.

В отечественной фольклористике давно уже ведется дискуссия о соотношении эпоса и истории[1]. Истоки устного народного творчества восточнославянских народов уходят в глубокую древность, и на протяжении длительного времени его характер постоянно трансформировался. А.Н. Веселовский различал четыре стадиальных формы эпоса. По его мнению, лирико-эпические песни на первой стадии слагались «по горячим следам исторического события». На следующей стадии создается просто эпическая песня, тон которой становится более спокойным, актуальность исчезает. Третья стадия отмечена появлением циклов песен о родственных по духу героях. И лишь на четвертой стадии зарождается цельный, полный эпос[2]. Таким образом, фольклор включает разновременные наслоения, которые далеко не просто расчленить, отделить ранние элементы от более поздних.

В произведениях устного народного творчества (былинах, исторических песнях, преданиях, сказках), создававшихся на протяжении нескольких столетий, широко представлен социальный срез средневекового русского общества: в них действуют князья, бояре, воины-дружинники и крестьяне, попы и купцы. Не раз исследователями предпринимались попытки идентифицировать некоторых из

былинных персонажей с определенными историческими лицами, связать фольклорные мотивы с реалиями прошлого[3].

Вместе с тем, как историки, так и фольклористы до сих пор недостаточно отражают в русском эпосе торговлю и жизнь купечества периода Средневековья, ограничиваясь лишь отдельными частными наблюдениями[4]. Наиболее привлекательным для исследователей стал новгородский былинный герой Садко[5]. Между тем, истоки устных былин (старин, старинок), передававшихся из поколения в поколение народными сказителями и записанных в XVII—XX вв., восходят к далеким временам Средневековья и отражают кое-какие реалии торгового быта даже древнерусской эпохи. Рассмотрим взаимосвязанные проблемы: 1) в какой степени образная картина, сложившаяся в фольклоре, соответствует письменным свидетельствам о старинном русском купечестве и торговом быте; 2) можно ли использовать произведения устного народного творчества в качестве самостоятельного и полноценного источника по истории торгового мира средневековой Руси; 3) определить временные и жанровые особенности памятников фольклора, выявить в них типичное и нетипичное, ранние пласты и позднейшие наслоения, а также связи с литературными произведениями. Сравнительный анализ фольклорной информации и исторических реалий практически не требует подробного рассмотрения жанровой специфики, сюжетной композиции, поэтики, сказочных эпических элементов, обрядовой семантики былин, уводящих в сторону от основной нити исследования.

Какой же образ средневекового купца сформировался на протяжении столетий в русском эпосе? Прежде всего, в нем запечатлелась связь кое-кого из богатырей с купечеством, а гостей — с богатырским миром. В одной из былин Катерину Микуличну, жену Добрыни Никитича, якобы погибшего на Куликовом поле, сватают «за того ли гостя торгового, за того ли Алешу Поповича»[6]. Богатырь Добрыня Никитич, согласно былинам, происходил из Рязани (по иной, менее распространенной версии — из Казани) из семьи богатого гостя[7]. Но жизнь его связана не с родным городом. В былине «О Добрыне Микитьевиче» герой после приключений просит:

«Ой вы гости, вы гости, корабельщики,
Увезите меня в стольный Киев-град,
Довезите к родимой матушке»[8].

В былине «Иван Гостиный сын», возникновение которой Б.А. Рыбаков датировал домонгольским периодом, герой, проявляя удаль молодецкую, лихо скачет на своем коне от Киева до Чернигова[9]. Как

предположил Ю.И. Смирнов, усомнившийся (на мой взгляд, без достаточных оснований) в столь ранней датировке былины, появление в ней среди участников пира у князя Владимира, наряду с князьями-боярами и богатырями, купцов связано с более поздним закреплением за главным персонажем, который первоначально был богатырем, прозвища «Гостиный сын», что произошло после оформления эпической иерархии[10]. По-видимому, в былинах сохранились отголоски тех далеких времен, когда древнерусский воин-дружинник порой одновременно выступал в роли торгового человека, сбытчика дани на международных рынках[11].

Согласно одной из версий, новгородский гусляр Садко до того, как стал богатым купцом, гулял по Волге 12 лет подобно речным пиратам-ушкуйникам[12]. По мнению Б.Н. Путилова, в былинном образе Садко, полностью вымышленного персонажа, не имеющего исторического прототипа, «запечатлелись характерные черты новгородского общества XII—XV веков»; в нем также чувствуется «богатырское начало — только выражается оно не в воинских подвигах», «в нем преломилась вера людей Древней Руси в наличие таинственной власти над человеком и в то, что человек, поступая *правильно*, пройдет свою жизнь достойно»[13]. Купеческое происхождение имеют еще два богатырских персонажа русского народного эпоса: «Суровец богатырь, Суздалец, богатого гостя Заморенин сын» и Чурила Пленкович, сын старого Пленка Сароженина. Составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль застал употребление в сфере торговли таких ныне мало кому понятных терминов, как «суровской (сурожской) товар», «суровской (сурожской) ряд». Реже использовалось слово «сурога», обозначавшее купца, торговавшего в розницу «суровским» (т.е. шелковым) товаром.

Слово «сурожский» давно проникло в русский язык: с XIV в. летописцы называют Азовское море (иногда вместе с Черным морем) Сурожским и упоминают о пребывании в Москве с 1357 г. гостей-сурожан. Этот специфический термин происходит от русского названия «Сурож» когда-то знаменитого торгового центра Крыма — Судака (так называли город восточные люди), или древней Сугдеи (Солдайи). В купеческой среде Москвы во второй половине XIV в. выделилось привилегированное объединение гостей-сурожан, привозивших дорогой шелк, красители, ковры, пряности и прочие экзотические товары из Сурожа (совр. Судака), Кафы (Феодосии), Константинополя, Малой Азии и даже далекой Италии. Они получали большие прибыли и пользовались значительными привилегиями. Древнейшее упоминание об их пребывании в Московском княжестве Рогожский летописец приводит под 1357 г.: «А на Москву

приходил посол силен из Орды Ирыньчеи на Сурожане»[14]. В Никоновской летописи это событие записано под 1356 г. в ином варианте: «Того же лета прииде на Москву изо Орды Ирынчей и с ним гости-сурожане»[15]. По более достоверной версии Рогожского летописца, золотоордынский посол приходил в Москву с жалобой на действия сурожан. Очевидно, далеко не последнюю роль в возвышении гостей-сурожан сыграло выполнение ими дипломатических и торговых поручений московских великих князей и родовитого боярства, весьма заинтересованных в сбыте излишков своих натуральных доходов в обмен на дорогостоящие заморские товары. Сурожанами их называли только в летописных источниках, а в актовых документах Московской Руси XIV—XV вв. они обычно именовались гостями. Гости-сурожане были весьма заинтересованы в сохранении хороших отношений и с золотоордынскими властями, и с итальянской (а с 1475 г. — турецкой) администрацией Кафы.

Образ удачливого и предприимчивого купца, торговавшего с Сурожем, надолго запечатлелся в памяти народной. Былинный русский богатырь Чурила Пленкович, сын старого Пленка Сароженина (т.е. сурожанина), дарит князю Владимиру из своих подвалов «золоту казну, сорок сороков черных соболей, другую сорок печерских лисиц, камку белохрущету (одноцветную шелковую ткань. — *В.П.*)[16]. Как видим, сказители былин, передавая их из поколения в поколение, исключительно точно описывали ассортимент товаров купцов-сурожан (пушнину, шелк).

А.Н. Веселовский выводил имя былинного богатыря Суровца (именуемого также как Сурог, Суровен) от летописного Сурожа[17]. Уточнение его происхождения (Суровец-суздалец) Веселовский объяснял попросту географическим подновлением в связи с созвучием с Суздалем, более известным в народном эпосе Северной Руси, чем Сурож. Поскольку в былинах преобладают героические сюжеты, гость-сурожанин превратился в богатыря Суровца, разгромившего татарскую рать, в чем также можно увидеть историческое зерно. Ведь монголы в XIII в. не раз (в 1223, 1239, 1253 гг.) нападали на Судак. В отличие от А.Н. Веселовского, В.Ф. Миллер, отождествив имя Суровец с именем богатыря Саура Сауровича или Ванидовича, на мой взгляд, безосновательно считал, что появление в былинах антропонима «Суровец» связано не с гостями-сурожанами, происходившими из Сурожа, а с характерным для эпоса искажением названий[18].

Именно с сурожанами связано начало строительства белокаменных купеческих палат на Руси в конце XV в., когда в Московском Кремле их возвели гость Таракан и ставшие великокняжескими казначеями Ховрины, которые происходили из сурожан. Более массо-

вое строительство жилых домов из камня и кирпича богатыми купцами развернулось в городах России (особенно в Москве, Пскове, Новгороде Великом, Нижнем Новгороде) только с XVII в.[19] Вопреки приведенной ниже фольклорной информации, ни в Южной, ни в Северной Руси в домонгольскую эпоху купцы не возводили дома из камня и кирпича. Киевский богатырь Иван Годенович просит князя Владимира, Илью Муромца, Алешу Поповича, Добрыню Никитича и Василия Казимерского:

«Съездите вы во Чернигов-град,
Съездите вы на широкий двор
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
Посватайтесь Настасью Митреевишну!»

И богатыри вместе с князем Владимиром, прискакав в Чернигов,

«Воходили во светлую светлицу,
В тое палату белокаменну,
Поклон ведут по-ученому,
И сами говорят таковы слова:
— Здравствуй, Митрей, гость-купец!»[20]

Фольклорная торгово-купеческая терминология несколько отличается от терминов, использовавшихся в древнерусской литературе и официальном делопроизводстве средневековой России. Только в произведениях устного народного творчества можно встретить упоминания о «гостях-корабельщиках», «купцах-гостях», «купцах торговых», «гостях торговых», «купчинушках», об ограблении «купчиков купцов торговых»[21]. Былинный герой Иван Годинович, поклонившись на все стороны,

«Дмитрию — гостю торговому в особину,
И сам говорит таково слово:
“Здравствуешь, Митрий — гость торговыий!”»[22]

В одном из вариантов былины «Алеша Попович и Змей Тугарин» Тугарин Змеевич, собирательный образ которого олицетворяет кочевников-завоевателей, покорив Киев, взял в плен «всех купцов-гостей»[23]. По свидетельству англичанина Г. Лэйна (после 1583 г.), русские называли приезжих английских коммерсантов «гости корабельские (ghosti carabelski)»[24]. Термин «гости-корабельники» («гости-корабелщики», «гости-корабельницы») не позже начала XVII в. про-

ник и в переводную «Повесть о Бове Королевиче», тесно связанную с русским фольклором и напоминающую богатырскую сказку[25].

Зачем же сказителям былин понадобилось давать такие двойные определения, как «купцы-гости» и «купцы торговые»? Дело в том, что к XVI в. наименование «купец» в официальном делопроизводстве утвердилось в ином, чем прежде, значении. С конца XV в. в актах и законодательных памятниках Московского государства (Белозерской уставной грамоте 1488 г., Белозерской таможенной грамоте 1497 г., Судебнике 1550 г., Соборном Уложении 1649 г. и др.) термином «купец» стали также обозначать любого покупателя товаров и недвижимости[26]. В конце XV— начале XVIII в. термин «купец» имел два значения: 1) профессиональный торговец (в летописях, исторических повестях и сказаниях, агиографических сочинениях, художественной литературе); 2) покупатель в сочетании с антонимом «продавец», что характерно для законодательных и актовых источников. И это второе значение слова «купец» вошло с конца XV в., прежде всего, в таможенное делопроизводство, а затем и в законодательные документы по одной простой причине: в лексике русского языка до XVIII в. отсутствовало существительное «покупатель», хотя и употреблялся ряд других слов, образованных от корня *куп* при помощи приставки *по-* (*покуп* в значении «купля, покупка» — с XII—XIII вв., *покупати* или *покупити* — с XIII в., *покупочный* — с XVI в., *покупка* — с XVII в.)[27]. В результате ко второй половине XV в. созрела почва для внедрения в язык законодательных памятников и актовых документов антонимической пары «купец — продавец». Впервые она появилась в Белозерской уставной грамоте 1488 г. В противном случае, одного из участников любой торговой сделки пришлось бы обозначать словосочетанием «человек купивший» либо «покупающий человек».

В различных актовых документах XVI—XVII вв. за понятием «купец», как правило, скрывается не профессиональный торговец, а вообще покупатель, в том числе земли, скота. В таможенных уставных грамотах (с XVI в.) и таможенных книгах XVII в. «купцами» записывали покупателей товара, а их контрагентов — «продавцами»[28]. Лишь с середины XVIII в. в делопроизводстве купцами стали обозначать, прежде всего, профессиональных торговцев, входивших в купеческое сословие. А до этого сказителям на протяжении XVI—XVII вв. приходилось подчеркивать принадлежность былинных персонажей-купцов к миру торговцев-профессионалов. Итак, термин «торговые купцы», очевидно, проник в фольклор в конце XV — начале XVIII в., когда в официальных документах словом «купец» обозначали любого покупателя.

Что же касается «гостей-корабельщиков» и «гостей торговых», то эти былинные словообразования могли появиться как до, так и

после 1728 г., когда прекратили существование старые привилегированные купеческие корпорации, включавшие гостей и членов Гостиной сотни[29]. На протяжении последующих десятилетий XVIII в. термины «гость», «гостиный сын» применительно к купечеству уходят из употребления, под словом «гость» стали подразумевать лишь человека, пришедшего (приехавшего) в гости.

Но в ряде исторических песен (например, в былинах о Садко, «Константин Саулович»), как и в письменных источниках, применительно к торговым людям используются термины «купец», «гость»[30]. Героиня былины «Михайло Казарин и сестра», вызволенная богатырем из татарского плена, заявляет о себе:

«Я из города да я Флоринского,
Я отца купца Петра богатого,
Уж я маменьки Катерины я Ивановной»

(в другом варианте былины:
«Была я дочи гостиная,
Из Волынца города из Галичья,
Молода Марфа Петровична»)[31].

Совершив терминологический экскурс, вернемся к социальной характеристике купечества, отраженной в памятниках фольклора. В эпосе подчеркивается близость торговых людей к правителю, на что уже обращалось внимание в литературе[32]. У короля Ячмана «було два гостя богатые, королевские два племенника»[33]. Купцы непременно присутствуют на великокняжеских пирах, о чем повествуется, к примеру, в зачине былины о Дунае:

«В стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На могучиих на богатырей,
На всех купцов на торговыих,
На всех мужиков деревенскиих»[34].

В былине «Алеша Попович и Змей Тугарин» описывается такой же пир, на котором «гости купеческие», выступая в роли поручителей в споре, дают в заклад свои корабли[35]. Кстати, система поручительства одних людей за других, отправлявшихся торговать за границу либо бравших на откуп (государевы кабаки, таможни и пр.), широко распространилась в России в более поздний период, в XVI—XVII вв.

Купцы пируют и во дворце цареградского царя Василия Окуловича (былина «Царь Соломан и Василий Окулович»)[36].

Новгородский былинный герой Садко, разбогатев и женившись, возвел себе «палаты белокаменны», и сам приглашал на пир «всех своих купцей богатыих новгородскиих... всех-то господ он своих новгородскиих»[37]. Именно в пьяном угаре чаще всего проявлялась одна из черт зажиточного купечества — хвастовство:

«Купцы менитые, гости торговые,
И все были они на пиру пьяные все,
И все они напивалися, наедалися и порасхвастались:
Умной похвастал матерью,
А безумной похвастал молодой жоной,
А иной похвастал золотой казной,
Иной похвастал имением-богатесью»
(*былина «Иван Гостиный сын»*)[38].

В исторической песне, возникшей не ранее конца XVI в., повествуется:

«Царь Иван Грозный созвал пир:
А пир идет про князей — про бояр,
Про вельможи, гости богатые,
Про тех купцов про сибирскиих»[39].

Гораздо позже, в XVII в., на званых обедах у патриарха и великого государя Филарета Никитича (в том числе с участием царя Михаила Федоровича) и царя Алексея Михайловича можно было встретить именитых русских гостей[40]. По наблюдениям ученого и путешественника из Голштинии Адама Олеария, воеводы уездных городов устраивали два—три раза в год пиршества для богатых купцов с целью получения от них дорогих подарков[41]. Олеарий не раз упоминает также об участии самых знатных торговых людей в приемах послов при царском дворе и в прочих публичных церемониях в присутствии царя (например, во время праздника Входа Иисуса Христа в Иерусалим, в Вербное воскресенье)[42].

Народная память запечатлела целый ряд дорогих товаров, привозившихся купцами на Русь из стран Западной Европы и Востока: «во Чернигове вина заморские, вина заморские да заборчивые»; «шляпа сорочинская Греческой земли»; «хрущатая камка» (шелковая ткань); «белый шемаханский шелк»; «скурлат-сукно»; «стамет» (разновидность сукна); «багрецовые сукна»; «зелен сафьян»; «слоно-

вая кость»; «скачной жемчуг»; яхонты и прочие драгоценные камни. В былинах нередко упоминаются и традиционные предметы древнерусского экспорта: «дорог рыбий зуб» (моржовая кость); «соболиная шуба»; «сорок сороков — сорок черных соболей»; меха куницы и лисицы; сибирский черный соболь. Один из эпических персонажей Чурила Пленкович носил «шубу ту купеческу»[43].

Когда в Киев приплывают тридцать кораблей «славнова гостя богатова», «молода Соловья сына Будимеровича», он «подносит князю свое дороги подарочки: сорок сороков черных соболей, второе сорок бурнастых лисиц; княгине поднес камку белохрущетую»[44]. А князь Владимир предлагает ему для проживания «дворы княженецкия... боярския... и дворянския». Багрецовыми сукнами и другими ценными заморскими товарами полон дом былинного героя Дюка Степановича. Вот перечень товаров, привезенных еще одним былинным героем Соловьем Будимировичем[45]:

«Ишше разны-ти товары все заморские,
Разны матерьи-ти были шелковые,
Разны атласы были, бархаты
Ише находился груз да красно золото,
Находилось во грузу да чисто серебро,
Ще ведь было в кораблях каменье драгоценное,
Разны меха были — для зимы-то шить на шубы-разные».

Реже в эпосе можно встретить информацию о предметах внутреннего обмена. В былине «Микула Селянинович» рассказывается о поездках крестьян за солью в город:

«Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд...»[46].

Направления поездок былинных героев отчасти совпадают с торговыми маршрутами средневековых русских купцов: от Киева, Чернигова, Великого Новгорода, Мурома, Галича до Царьграда, Корсуни, Литвы, Золотой Орды, Араратских гор, «Бухарского царства», «Греческой земли», «земли Ляховецкой» (Польши), «земли Поморянской», «Веденецкой земли» и Индии. Они плавают по Волге, Днепру («Непру-реке»), Волхову (Волх-реке), Неве, Дунаю, Белоозеру, Ладожскому озеру, озеру Ильмень, Балтийскому (Варяжскому), Каспийскому, Черному («Турецкому») морям. Часть указанной выше географической номенклатуры заимствована из Библии,

многие топонимы и гидронимы проникли в народный эпос еще в домонгольскую эпоху, а некоторые (к примеру, Астрахань, Вологда, Казань, Кострома) — в XIV—XVI вв. Но в маршрутах поездок былинных героев нет должной точности и последовательности: Садко, к примеру, может ехать в Золотую Орду из Новгорода через Балтийское море, а не по Волге. «Веденецкой землей», откуда приплывает как-то на трех черных кораблях в Киев, «во пристань во купеческу» Соловей Будимирович, сказители, очевидно, называли Венецию[47]. Былинную «Индию» В.Б. Вилинбахов гипотетически отождествлял не с Индостаном, о котором на Руси до путешествия Афанасия Никитина существовали фантастические представления, заимствованные из переводного «Сказания о Индийском царстве», а с землями поморских славян на южном побережье Балтийского моря (Венедией → Виндией → Индией), где когда-то обитали праславянские племена венедов[48]. Восточные славяне издавна поддерживали торговые и этнокультурные связи с Южной Прибалтикой, но по отношению к данному региону в эпосе обычно применяется традиционное его название — «земля Поморянская» («царство Поморское»)[49].

Вести беспошлинную торговлю было естественным желанием любого купца, и лишь с целью заманить царицу Соломанию на свои корабли и украсть ее Ивашка Поваренин, герой былины «Царь Соломан и Василий Окулович», отказывается от предложенных ему торговых льгот:

«Не могу быть без дани, без пошлины.
Сходи на насады червленые, —
На тех на насадах червленыих
Оцени товары заморские»[50].

Киевский князь Владимир Красно Солнышко оказывает милость боярину-ростовщику Ставру («торгуй в нашем городе во Киеве... век безпошлинно») и дает еще большую привилегию приезжему гостю Соловью Соловьевичу (Будимировичу):

«В каждом городи торгуй без дани-пошлине,
Хоть в Киеви торгуй, хочь во Серни-горе; —
Везьде тебе все воля вольная»[51].

Согласно Повести временных лет, после похода 907 г. на Царьград Вещий Олег сразу же заключил договор с Византией, согласно которому купцы из Руси получили право беспошлинной торговли: «да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же»[52]. Таможенная пошлина в Византийской империи составляла до 10% от

стоимости вывозимых товаров. А вот по поводу каких-либо налоговых льгот в сфере внутренней торговли Руси в период до XIV в. никаких письменных свидетельств не сохранилось. 1363—1374 гг. датируется тарханная и оброчная грамота великого московского князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевке, переселяющемуся в Кострому: «не надобе ему никоторая дань, ни ямъ ни подвода, ни тамга, ни осм[нич] ее, ни весчее, ни мыт, ни костки, ни побережное, ни гостиное, ни которая пошлина»[53]. Практика предоставления льгот привилегированным торговцев (и частным лицам, и монастырям) сохранялась и в XVI—XVII вв. В частности, такими жалованными грамотами были наделены: гости-сурожане (и их потомки), переведенные властями в конце XV в. из Москвы в Новгород Великий; «смолняне» («смоляне») — смоленские купцы, переселенные в 1514 и 1525 гг. в столицу России; «московские торговые иноземцы» конца XVI — XVII в.[54]

В былине «Глеб Володьевич», содержащей отголоски древнерусской торговли с центром византийских владений в Крыму — Херсонесом (летописной Корсунью), с течением времени отразилась, однако, торговая жизнь более поздней эпохи второй половины XIII — XVII в., когда, наряду с мытом и осмничим, известными еще в домонгольский период, появилось немало новых сборов с купцов: тамга, весчее, мостовое, побережное, явка и другие[55]. Ее герой Глеб Володьевич (в одном из былинных вариантов, записанным на Мезени, — князь «Лев да сын Володович») отправился за синее море в Корсунь, где правила некая Маринка Кайдаловна, обложившая приезжих торговцев огромными пошлинами:

«Да под город подышли — взяла пошлину,
На рейду зашли — да взяла пошлину,
На якорь ведь встали — взела пошлину,
В таможню взошли — да взела пошлину,
В харчевню взошли — да за харчевен набрала,
Да правила Маринка тридцать три пошлины»[56].

В их числе фигурируют три пары рукавиц:

«Да трое рукавки — три ватюшки,
Те за рукавки, за ватюшки
Да было плочена по три тысеци рублей»[57].

Последняя деталь носит отнюдь не сказочный характер, а базируется на исторических реалиях. Из торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом (1229) можно узнать об условиях передви-

жения с товарами по Касплянскому волоку, между верхним течением Днепра и Западной Двиной, где западноевропейские купцы должны были «тиоуну на вълъць дати роукавиць, аж бы товаръ пьревьзлъ»[58]. Это подношение одного из предметов импорта имело символическое значение, ведь подчинявшиеся тиуну волочане (люди, обслуживавшие волок) перетаскивали суда по суше в рукавицах. Как предположил Б.А. Рыбаков, толчком к сложению былины «Глеб Володьевич» стали действия в Крыму новгородского князя Глеба Святославича, владевшего в 1064—1065, 1067—1068 гг. Тмутараканью и, по информации В.Н. Татищева, посланного великим киевским князем Святославом Ярославичем в 1076 г. в поход на Корсунь вместе с Владимиром Мономахом[59]. Со временем фольклорная лексика обогатилась существительным «протаможье» и глаголом «протаможити», известными в древнерусских письменных источниках с XV в. и обозначающими провоз товаров в обход таможни, без уплаты таможенной пошлины, и штрафные санкции за подобного рода нарушения[60].

В произведениях фольклора подмечена еще одна особенность организации торговли в средневековом русском городе. Гость Терентий идет в «холщовой (темной) ряд», чтобы приобрести «холщевый (шелковый) мех». В Новгороде Великом холщевный ряд известен по письменным источникам с первой половины XVI в. Садко хранит рыбу на гостином дворе и там же закупает товары новгородские[61]. Правда, торговые ряды былинные сказители почему-то упоминают только в Новгороде. До последней четверти XVIII в., когда при Екатерине II купцам в 1782, 1785 гг. разрешили держать лавки в своих домах, их профессиональная деятельность, не будучи тесно связанной с домашним бытом, протекала главным образом на торгу, в специализированных рядах, либо на гостином дворе. Даже ценные товары они хранили не только на усадьбах, но и в подклетах каменных патрональных купеческих храмов, являвшихся нередко центрами торговых товариществ[62].

В народном эпосе сохранились воспоминания о богатых купеческих корпорациях Новгорода Великого. В былине «Садко — богатый гость» говорится о таком товариществе при церкви св. Николы Можайского:

«И будет во Нове-граде
У того ли Николы Можайскова,
Те мужики новгородские
Сходилися на братшину Никольшину,
Начинают пить канун, пива яшныя...»[63]

Герой заплатил за прием в «Никольшину братчину» пятьдесят рублей, что соответствует вступительному взносу в Иванское объ-

единение, функционировавшее с XII в. на базе храма св. Иоанна Предтечи на Опоках. Былинный Садко, построив на свои деньги в Новгороде три храма — «во имя Стефана-архидьякона», «во имя Софеи Премудрыя» и «во имя Николая Можайскова»,

«Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы вызукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым жемчугом усадил,
Царские двери вызолочевал»[64].

А св. Николай покровительствовал путешественникам и мореплавателям, в том числе купцам. Как тут ни вспомнить о купеческих храмах, известных в Великом Новгороде по летописям и другим источникам: уже упоминавшейся выше церкви св. Иоанна Предтечи; церкви св. Параскевы Пятницы — покровительницы торговли, возведенной на Торговище в 1156 г. на средства заморских «гостей»; церкви св. Троицы, построенной в 1165 г. купцами, торговавшими с крупным западнославянским поморским центром Щецином[65]. Правда, в литературе уже обращалось внимание на несовпадение названий этих реально существовавших новгородских церквей, связанных с купечеством, и храма из былины о Садко[66].

Образы купцов из народного эпоса, конечно же, носят обобщающий характер. В полной мере им не соответствовал ни один из реальных торговых людей русского средневековья, хотя в литературе нередко ссылаются на летописные известия о новгородце Сотко Сытиниче. Согласно Новгородской первой летописи старшего извода (древнейшая часть Синодального списка середины либо второй половины XIII в., весной 6675 (1167) г. «заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба, при князи Святославе Ростиславици, при архиепископе Илии»[67]. Ей предшествовал деревянный храм Бориса и Глеба 1146 г. Строительство каменного храма затянулось на шесть с половиной лет, но в летописном свидетельстве 6681 (1173) г. об освящении церкви Бориса и Глеба имя ктитора уже не упоминается[68]. В более позднем Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода (середина XV в.), помимо аналогичной информации 1167 г. о «Сотко Сытиниць», под 6557 (1050) г. в статье, повествующей о гибели от пожара деревянного Софийского собора, уточняется, что стоял он «конець Пискупле улице, идеже ныне поставилъ Сотъке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховом»[69]. Эту более позднюю локализацию храма В.Л. Янин вполне правомерно признал ошибочной[70]. Находившаяся в Новгородском детинце и ставшая культовым центром Прусской улицы, церковь Бориса и Глеба

впоследствии не раз перестраивалась (в XIII—XVI вв.)[71]. По-видимому, начало формирования былинного образа Садко было положено в период между закладкой каменного храма св. Бориса и Глеба и его первой перестройкой, т.е. между 1167 г. и концом XIII в.

Ряд ученых однозначно и прямолинейно отождествляют былинного героя Садко с летописным Сотко Сытиничем. Д.С. Лихачев, например, не сомневался «в том, что «Сатко» летописи и Садко былин — одно и то же лицо»[72]. Но был ли летописный Сотко Сытинич купцом? Скорее всего, нет. И вот почему. Во-первых, согласно социальному статусу, купцов в допетровской России никогда не именовали на *-ич*, с таким отчеством (да и то лишь на печатях, но не в актовых документах) указывали новгородских купеческих (сотенных) старост, известных с XIII в.[73] Во-вторых, в XII—XV вв. церкви в Новгороде Великом возводились лишь на средства купеческих объединений, только с начала XVI в. отдельные купцы (прежде всего, из числа переселенных из Москвы гостей-сурожан и их потомков) стали там выступать в роли заказчиков и строительных подрядчиков при сооружении каменных храмов[74]. По-видимому, летописный Сотко Сытинич относился к житьим людям (житьим) — группе непривилегированных феодалов в Новгороде Великом, происходивших из разбогатевших горожан. Владея землей, житьи люди также активно занимались торговлей и по социальному положению были близки к богатым купцам (гостям).

Ряд исследователей датируют сложение новгородского цикла былин о Василии Буслаеве и Садко XIV—XV вв.[75] Но, кажется, ближе к истине те ученые, кто относит, во всяком случае, появление фольклорного героя Садко к более ранней эпохе[76]. В этой связи А.Н. Веселовский верно отметил: «Можно представить себе, что Сотко-Садок, спасенный на море предстательством св. Бориса и Глеба — построил им церковь, что последний факт летопись верно запомнила, забыв о местном чуде, которое, вращаясь в устах народа, заменило имена св. князей более известным и популярным, особливо в Новгороде с его братчиной Никольщиной: именем св. Николы. Ему-то и строит церковь былевой Садко. На этой стадии развития легенда осложнилась далее теми элементами сказки, которыми наполнены, за выключением эпизода о Николе, дошедшие до нас былины»[77]. Его мнение поддержал известный русский фольклорист В.Ф. Миллер, пояснивший, как в народном воображении в одном персонаже позже слились образы купца и гусляра: «Итак, новгородское предание, составившее первоначальную основу былины, рассказывало что-то об одном из богатых новгородских торговцев XII века, связавшего свое имя с сооружением каменной церкви и предпринимавшего обширные торговые обороты»[78]. Возведение в

XII в. храма св. Бориса и Глеба неким новгородцем Сотко Сытиничем (возможно, внезапно разбогатевшим «житьим человеком») послужило лишь импульсом для народных сказителей, дававших волю своей фантазии и постепенно сформировавших былинный образ Садко-гусляра, Садко — удалого купца. В былинах о нем реальные черты торгового быта Великого Новгорода сочетаются со сказочным сюжетом, действительное — с гиперболизацией. Как объективно подчеркивал фольклорист Б.Н. Путилов, «совпадение былины и летописи — пример своеобразного появления типологического схождения, но никак не конкретного взаимодействия»[79]. Заимствовав от реального лица имя, фольклорный герой начинал далее по воле сказителей собственную жизнь.

Далеко не сразу былинный Садко стал видным купчиной. В молодости он, будучи гусляром («гусельщиком»), потешал на пирах бояр и купцов (по другой версии являлся речным пиратом-ушкуйником) и лишь позже, разбогатев с помощью Водяного царя, приобщился к дальним торговым поездкам, приносившим большие барыши, и обзавелся семьей. Что ж, стратификация средневекового русского общества не носила замкнутый характер, и в Новгороде Великом можно было перейти из одной социальной группы в другую (за исключением боярства). И в Москве в середине XV в. гость-сурожанин В.Г. Ховрин стал казначеем и боярином великого князя, а его правнучка породнилась с Романовыми[80].

В Петербурге в 1871 г. была записана А.Ф. Гильфердингом былина «Святогор и Садко», начинающаяся со следующих слов:

«Святогор-то был богатырь
И жил-то у Садка купца богатаго,
И Садко-то ведь купец-то был богатыя.
Явилась у Святогора-то богатыря,
Явилась сила-то великая,
И проговорил ли Святогор это богатырь
И этому Садку богатому:
— И я поеду-то ко стольнему ко граду ко Киеву.
Да проговорил Садко купец богатыя:
— Ай же Святогор да богатырь ты!
И нет у нас поспехов богатырскиих.
И написал-то лист Садко купец богатыя,
Написал-то в землю сорочинскую;
Выслали-то шляпу сорочинскую
А тому ли Святогору-то богатырю,
А весом шляпонька-то сорока пудов»[81].

Это былинное свидетельство частично соответствует реалиям Средневековья. Купеческая верхушка уже в XII—XIII вв. привлекалась к решению важных государственных дел[82]. Помимо собственно торговли купцы в Древней Руси выполняли и поручения властей, например, снаряжение дружины и ополчения перед началом военных действий. В 1137 г. во время конфликта Новгорода с князем Всеволодом Мстиславичем у его сторонников из числа бояр было конфисковано 1500 гривен серебра, выданных затем купцам «крутитися на войну», т.е. на приобретение военного снаряжения[83]. Иногда в лихую годину их даже использовали в качестве воинов. Так, в 1195 г. новгородские торговцы вместе с дружиниками («огнищане и гридба и купце») участвовали в походе против Чернигова, организованном князем Всеволодом Большое Гнездо, а в 1234 г. не только «огнищане и гридба», но и «купець и госте» отбивали нападение литовцев, захвативших посад и торг Старой Русы[84]. «Купцев добрых много» погибло в 1315 г. во время сражения новгородского войска под Торжком с ратью тверского князя Михаила Ярославича[85].

На далекой сибирской р. Индигирке русские старожилы еще в XX в., чтобы укротить ветер, дождь, пургу и прочие ненастья, исполняли местный вариант былины «Садко», содержащий, в частности, такие строки:

«Садко гость богатенький,
Он не мало по морю беговал,
Ни разу морского царя не даривал,
Врагу лукавому не веровал,
Государю батюшке подати не плачивал...»[86]

Прежде чем отправиться к морскому царю, на, казалось бы, верную погибель, «Садко богат купец» заботится о близких, обращаясь к сотоварищам:

«Вы дайте бумажку скоропищатую,
Чернилишко дайте с перышком,
Опишите вы, братия, мои пожитки все.
Которое он пишет к отцу, к матери,
Которое он пишет к молодой жене,
Которое он пишет к малым детушкам,
Которое он пишет во божьи церкви...»[87]

Тот же Садко пил «зелено вино» в «царевом да большом кабаке», но не промотал там свои богатства, в отличие от персонажей былины «Встреча двух купцов в кабаке», записанной на побережье Бело-

го моря[88]. В ней повествуется, как купеческий сын «пропивал-то все именье родна батюшка» и побратался с такой же голью кабацкой, выходцем из купеческой среды[89]. Здесь прослеживаются явные сюжетные параллели с произведениями русской демократической сатиры XVII в. — «Повестью о Горе и Злосчастии», «Повестью о Савве Грудцыне». Но в отличие от героини «Повести о Карпе Сутулове», молодая жена Авдотья Ивановна из былины «Про гостя Терентиша», притворившись больной, в отсутствие мужа проявляет супружескую неверность и подвергается жестоким побоям[90]. В эпосе почему-то не осуждается поведение самих мужей, будто бы всегда сохранявших верность женам во время длительных торговых поездок и будто бы не вступавших в сексуальные отношения с другими женщинами, о чем упоминается, в частности, в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина[91].

Можно поверить, что родителям, подобно матери былинного героя Ивана Гостина сына, которая его «продавала купцям-гостям заморянам // ай заморянам купцам да вавилонянам», приходилось в безвыходной ситуации продавать своих детей, дабы спастись от голода. И купил мальчика за 50 рублей «Павел, гость заморенин», и повезли Ивана за море в черном корабле, повествуется далее в былине[92]. В Новгороде Великом во время страшного голода 1229 г. «даяху свои дети отець и мати одерень гостем из хлеба»[93]. А слово «заморене» изредка использовалось по отношению к иностранным купцам и в приказной документации: например, в описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается о грамоте, которую доставили «из Ругодива немцы Гридя да Еремейка заморене»[94].

Обратимся к еще одному былинному герою, принадлежащему к торговому миру. Гость Таракашка (Торокан), который в ряде вариантов носит имя Василий или Иван и еще одно прозвище Пустоволосьевич (Пустоволодьевич), чаще всего является одним из персонажей былины «Царь Соломан и Василий Окулович»[95]. В некоторых вариантах былины о Ваське-пьянице зять Батыги (Батыя?), пришедшего с ратью под Киев, именуется Тараканчиком Корабликовым, или Тараканником (Тороканом) Каранниковым, или Торокашкой Скурлатьевичем. Васька Торокашко действует также в былине о князе Борисе Романовиче (сюжет, связанный с Данилой Ловчанином), где дает князю Владимиру коварный совет овладеть женой князя Бориса. В одном из вариантов былины «Царь Соломан и Василий Окулович» царскую жену из Царьграда умыкнул для Василия Окуловича Поваренин, но «маленьки робятушка», отвечая на расспросы вернувшегося домой царя Соломана, почему-то называют виновником происшествия гостя Таракашку:

«Приходил Торокашко, да гость заморенин,
Приходил Торокашко да на трех кораблях;
Он увез царицу за сине море!»[96]

Такое же совмещение двух этих персонажей характерно для былины «Царь Соломан и Василий Окулович», записанной на Мезени[97]. А.В. Марков обратил внимание В.Ф. Миллера на возможность сопоставления былинного Васьки Торокашки с гостем-сурожанином Василием Тороканoвым. Судивший вместе с наместником с 1519 г., он мог вызвать недовольство у многих новгородцев, тем более что был для них чужаком-пришельцем из Москвы. Время сложения былины, в которой, по его предположению, в имени Васьки Тороканова отразилась народная память о новгородском купеческом старосте, московском госте-переселенце Василии Тараканове, В.Ф. Миллер ограничивал первой половиной XVI в., а место — Новгородом Великим[98].

Скорее всего, этот былинный купеческий образ имеет собирательное значение, и на его появление и оформление оказала влияние деятельность гостей Таракановых. В писцовых книгах конца XV — начала XVI в. можно встретить упоминания о новгородских деревнях Владимира и Никиты Таракановых, выделенных им великим князем в качестве компенсации за утраченные подмосковные села[99]. В XVI в. на Торговой стороне Новгорода в Плотницком конце существовали богатые «сурожские дворы», в том числе «палата каменна» Андрея Тараканова[100]. В начале XVI в. должность новгородского купеческого старосты занимал Владимир Тараканов, а Василий Никитич Тараканов ставил подпись под тремя торговыми договорами с Ганзой и Ливонией в 1514, 1521 и 1531 гг.[101] В 1547 г., например, Софийский дом закупил у Петра Васильевича Тараканова, внука одного из московских «сведенцев», семь поставов «сукон тюпинских»[102]. На средства Таракановых были построены церкви Климента на Иворове улице, Успения в селе Сытине на берегу Ильменя, Федора Стратилата с трапезной в монастыре св. Николы в Воротниках. Таракановы неоднократно делали богатые вклады деньгами, землями, дорогими крестами, иконами, книгами, ризами, коврами в Иосифо-Волоколамский, Соловецкий, Троице-Сергиев монастыри[103].

Народные сказители подмечали нюансы как бытовой, так и торгово-купеческой терминологии. Архаизмы из ранних записей былин в «Сборнике Кирши Данилова» (XVIII в.) в более поздних записях исчезают, уступая место модернизмам. В былине о Соловье Будимировиче, например, «снаряден двор с тремя теремами» заменяется «хрустальным дворцом», «высоки терема» — «высокими комнатами», а «гость-купец» превращается в «дорога гостя приезжево»[104]. При этом народные сказители нередко допускали преувели-

чения при характеристике героя, дабы подчеркнуть те или иные его черты (достаток, смекалку, силу, храбрость и т.д.). Вот как описывается, например, усадьба богатого новгородского гостя Терентиша:

«У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинки по маковке,
А есть и по земчужинке;
Ворота были вальящетыя,
Вереи хрустальныя,
Подворотина рыбей зуб»[105].

Упоминание о железном тыне могло появиться в былине «Про Терентиша» не ранее XVIII в., когда железными оградами стали окружать богатые усадьбы Петербурга и других городов России. А в доме этого же былинного купца стоят «печка муравленая», «да кровать слоновых костей» с периною.

С давних времен прослеживается связь фольклорных материалов с письменными источниками. С фольклором, в частности, тесно связана легендарная повесть о казнях на Красной площади при Иване Грозном купцов, в том числе Харитона Белоулина (Белеуленева). Первым из историков на данное сочинение обратил внимание И.Е. Забелин, считавший датировку в нем этого события 1574 (7082) г. ошибочной[106]. Д.Н. Альшиц, опубликовавший несколько списков этой повести, утверждает об обратном и, ссылаясь на несколько параллелей с описанием казни в Москве в 1570 г. Альбертом Шлихтингом, полагает, что она была создана в конце XVI в.[107] Однако, скорее всего, это записанное позже произведение возникло не ранее XVII в. Среди его фольклорных элементов в двух списках (ГИМ. Собр. Забелина. № 263; РНБ. Q. XVII. 252) упоминаются 300 плах, 300 топоров, 300 палачей, казнивших горожан, в том числе гостей и членов Гостиной сотни. Один из них, торговый человек Гостиной сотни, могучий телосложением (подобно богатырю), Харитон Белоулин (Белеуленев — в Забелинском летописце: ГИМ. Собр. Забелина. № 263) перед смертью обратился к царю-тирану с гневными словами упреков. Затем его обезглавленное тело встало на ноги и продолжало трястись до ночи так, что палачи не могли свалить труп на землю. Потрясенный этим зрелищем царь уехал с площади и помиловал остальных осужденных на казнь людей.

Как выяснила Н.Б. Голикова, Гостиная сотня появилась в промежутке между 1568 и 1584 гг., но, скорее всего, вскоре после Земского собора 1566 г. либо после 1571 г. К концу XVI в. в ней уже насчитывалось до 300 человек, то есть в десять раз больше, чем гостей[108]. 7094 (1585/1586) г.

датирована купчая грамота, согласно которой «Дмитрей Леонтьев сын Воропаева торговой человек Гостиные сотни» продал Соловецкому монастырю часть своего двора в Москве и заложил за 5 рублей всю усадьбу[109]. Тем не менее, в письменных источниках конца XVI в. торговые люди Гостиной сотни, которые пользовались различного рода льготами, оформлявшимися как общими корпоративными, так и персональными жалованными грамотами, и занимали второе место в социальной иерархии российского купечества, упоминаются гораздо реже, чем гости.

В еще одной редакции «Повести», входящей в состав Щепкинского летописца (ГИМ. Музейское собр. № 3996) и отнесенной Д.Н. Альшицем к новгородскому виду произведения, герой именуется Харитоном Алексеевым Левренским, а среди выведенных на казнь перечисляются «сто князей, сто боляр и сто торговцев больших гостей» (эти же цифры фигурируют в списке РНБ, КП, 1958. 217)[110]. И далеко не случайно в состав трех летописцев неофициального характера середины XVII — XVIII в. (ГИМ. Музейское собр. № 3996; Собр. Забелина. № 263; РНБ. Q. XVII.252; ИРЛИ.Пинежское собр. № 440), наряду с «Повестью о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине», входит столь же легендарное историческое сочинение — «Повесть о взятии Смоленска», в котором рассказывается о том, как якобы Иван Грозный в течение трех лет осаждал Смоленск[111]. По мнению М.А. Салминой, последнее произведение, помещенное в летописцах под 1555, 1576, 1587 и 1593 гг., в действительности было создано в 1630-е годы и навеяно событиями Смоленской войны 1632—1634 гг.[112] Как обоснованно утверждают М.Д. Каган и С.К. Росовецкий, оригинальные сочинения с вымышленным героем, подобные «Повести о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине», которая возникла как литературная обработка устного предания в московской купеческой среде гораздо позже описываемого события, вообще не могли появиться в России в XVI в.[113]

В отличие от нее, для англичанина Ричарда Джемса под Архангельском была записана в 1619—1620 гг. песня, ставшая быстрым откликом на смерть М.В. Скопина-Шуйского, который появился спустя несколько лет после его ухода из жизни (1610):

«А росплачютца гости Москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»[114]

Как видим, члены самой привилегированной государственной торговой корпорации предстают здесь как патриоты своего Отечества,

думающие в тяжкую годину об его спасении[115]. В Пискаревском летописце конца первой четверти XVII в. так описывается заговор против царя В.И. Шуйского летом 1610 г. после поражения царских войск от поляков под Клушином: «И в ту пору стало на Москве волнение великое в боярех и в дворянех, и в гостех, и вся чернь встала...»[116]

В народном эпосе отразились также воспоминания о действиях ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского. Фольклорист П.В. Киреевский записал в Боровском уезде Калужской губернии песню о Минине и Пожарском, в которой инициатор создания Второго ополчения предстает как «богатый мещанин» из Нижнего Новгорода, собирающий войско только из удалых молодцев, только из купцов. Воевода князь Дмитрий Пожарский обращается в ней к ополченцам: «храбрые солдатушки, нижегородские купцы»[117]. Песня эта, преувеличивающая роль купечества, хотя в действительности ядро ополчения составляли дворяне и прочие служилые люди (стрельцы, пушкари), возникла, очевидно, в городской торгово-предпринимательской среде[118]. Впрочем, в состав нижегородского войска, ходившего в 1608 г. под командованием воеводы А.С. Алябьева на Балахну, входили и посадские люди[119]. А в одной из былин, записанной А.Ф. Гильфердингом в Кижах, М.В. Скопин-Шуйский обращается к жителям Новгорода Великого с просьбой о военной помощи:

«Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тут Скопин да на добра коня,
Еще ехал-то Скопин да и во Новгород,
Он заутрену служил пречистой богородице,
На заутрену он положил пятьсот рублей,
На обедню полагал он целу тысящу,
Собирал ён мужичков да новгородскиих,
Говорил ён мужичкам да новгородскиим:
— Ай же мужички вы новгородские!
Соберите-тко мне силушки сорок тысящ;
Ехал-то Скопин да к каменной Москвы
Со своима со войскамы со великима»[120].

Кое-кто из посадских торговых людей, подобно Минину, проявил себя в годы Смуты на военном поприще. К примеру, торговец Федор Федулов командовал псковскими ратными людьми, изгнавшими в 1614 г. шведов из Гдова[121]. Но все это единичные случаи. Чаще всего роль купечества сводилась к выделению денежных средств на содержание ополченцев. Вот как характеризуется деятельность Кузьмы Минина в этой же исторической песне из Калужской губернии:

«Как в старом-то было городе,
Во славном и богатом Нижнем,
Как ужь жил тут поживал богатый мещанин,
Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
Из удалых молодцов нижегородских купцов;
Собравши их, он речи им взговорил:
“Ох, вы гой еси товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте ваших жен, детей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себе вострыих копиев,
Вострых копиев, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку;
Пойдем-ко мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву”»[122].

Почему же организатор Второго ополчения, в отличие от подавляющего большинства письменных источников, назван в былине Кузьмой Сухоруковым?

Предки Минина известны с XVI в. в небольшом волжском г. Балахне (недалеко от Нижнего Новгорода), где они промышляли добычей и торговлей солью. Документы о жизни и предпринимательской деятельности отца, братьев и прочих родственников Кузьмы Минина в Балахне ввели в научный оборот И.А. Кирьянов и В.А. Кучкин. По данным писцовой книги 1591 г. дворцовой Заузольской волости, «за балахонцем за посадским человеком за Минею за Онкундиновым» числились три деревни, принадлежавшие ему на праве собственности и дававшие дополнительный доход. В них имелись 13 5/12 десятины пахотной земли, 26 1/4 десятины перелога и 7 десятин хоромного леса. Проживавшие в деревнях подневольные работники Мины Анкундинова занимались сельским хозяйством. Его потомки в XVII в. владели в Балахне значительным состоянием — лавками, городскими дворами, соляными варницами. Фамильное прозвище Мининых происходит от имени отца Кузьмы — Мины Анкудинова, являвшегося в начале 80-х годов XVI в. совладельцем соляной трубы Каменки[123]. Значит, деда К. Минина звали Анкундин (Анкудин), а отцовское имя заменило ему отчество (Минич) и фамилию (Минин), хотя правильнее было бы его именовать Кузьма Минич Анкундинов (либо, как тогда писали: Козьма Минин сын Анкудинов).

В «Новом летописце», завершенном около 1635 г., он ошибочно именуется как «Козма Минин, рекомый Сухорук», а двор «Кузьмы Захарьева сына Сухорука» (но не Минина!) впервые упоминается в Нижнем Новгороде в купчей 1602 г.[124] Однако нижегородский посадский человек Кузьма Захарьевич Сухорук не имеет ничего общего (за исключением имени) с одним из предводителей Второго ополчения, которого порой в справочной и учебной литературе ошибочно называют с таким же отчеством[125]. Кстати, имя Захар не упоминается в поминальных записях рода думного дворянина Кузьмы Минича и его сына стряпчего Нефеда Минина[126]. Ознакомившийся с «Новым летописцем», В.Н. Татищев называл в «Истории Российской» одного из организаторов Второго ополчения Козьмой Сухоруковым либо Сухоруким[127]. Нижегородский историк А.Я. Садовский еще в 1916 г. доказал, что это разные люди, которых объединяет лишь общее имя[128]. Но до сих пор по отношению к национальному герою России в научно-популярной и справочной литературе можно встретить неверное именование «Кузьма Минич Захарьев-Сухорук», что не соответствует действительности — сухоруким он не был[129]. Вряд ли человек с таким физическим дефектом мог ворочать огромные мясные туши и рубить их топором.

В еще одной дошедшей до нас исторической песне «Как давным-давно на святой Руси» повествуется:

«Лишь заслышали, лишь завидели
Наш Пожарский князь с купцом Мининым,
Что грозит беда каменной Москве,
Что Литва нам, та Литва гордая,
Проговариват с грозой дерзкою,
С грозой дерзкою и поганскою,
Что сулят нам те чародеины,
Чародеины бесорманские,
Безвремянную смерть позорную,
Поднялися те добры молодцы,
Поднялися те Руси верные,
Что Пожарский князь с купцом Мининым...»[130]

Показательно, что ни в одном из письменных источников XVII в. по истории Смутного времени Минина не называют купцом. В отличие от старших братьев Ивана и Федора, Кузьма Минин, не получив, очевидно, доли в семейном деле, покинул родной город Балахну и переселился в Нижний Новгород, где со временем приобрел мясную лавку. Простым мясником именуется он в Хронографе 1617 г.: «художеством бяше преже говядарь»[131]. «...Некий муж благолюбив и до-

бросмыслен зело, именем Козма Минин, от посацкаго чина земским старемниинством почтен бысть в Нижнем граде», — сообщается под 1612 г. в «Повести о победах Московского государства»[132]. По словам талантливого писателя и участника событий Смутного времени, автора «Летописной книги» С.И. Шаховского, жил «в то же время человек некий в Нижнем Новгороде убогою куплею питаяся, сиречь продавец мясу и рыбе в требания и в снедь людям, имя ему Кузма»[133]. Согласно Пискаревскому летописцу конца первой четверти XVII в., «некий торговой человек от простых людей, имянем Козьма, прозвище Минин, смышлен и язычен» в Нижнем Новгороде «почал советовати с своею братьею с нижегородцы з гостьми и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государьству»[134]. Слово «некий», использованное по отношению к Минину в ряде источников, подчеркивает тот факт, что до 1611 г. его имя было известно лишь узкому кругу нижегородцев, а писавшие позже авторы почти ничего не знали о происхождении одного из руководителей Второго ополчения. Составитель Бельского летописца повествует, как «учал збиратца в Нижнем Новагороде князь Дмитрей Михайловичь Пожарской да от молодчих от торговых людей с ним посацкой человек нижегородец Кузьма Минин»[135]. И лишь в более позднем Летописце Льва Вологдина (Великий Устюг, 1765 г.) он именуется нижегородским купцом[136].

В исторической песне, записанной П.Н. Рыбниковым в Карелии со слов сказителя А.Е. Чукова, отражено участие представителей купечества в земских соборах при царе Алексее Михайловиче, обращающимся с вопросом к ним:

«Ай же вы, купцы-гости богатые!
Пособите государю дума думати:
Надо думать крепка дума, не продумати.
Мни-ка пишет нонь король земли Шведския:
Он у нас просит города Смоленска,
А давает ли нам Хинскую землю.
Так отдать ли нам Смоленск али не отдати,
Али нам за Смоленск постояти,
Али нам на Смоленск нанимати?»[137]

И это фольклорное свидетельство соответствует исторической действительности. Представители купеческой верхушки (гости, смоляне, торговые люди-москвичи, члены Гостиной сотни) начиная с 1566 г. непременно участвовали в работе земских соборов[138]. С ними советовались, в частности, по поводу продолжения Ливонской войны (1566), условий мира со Швецией (1617), при обсуждении вопроса об

Азове (1642). Совсем неправдоподобным кажется герой еще одной старины — «купец темный»[139]. Разве мог незрячий человек, которого легко обманывала жена с любовником, торговать!? Так, параллельно с подлинной информацией в эпосе соседствует сказочное, нереальное.

Одно из народных преданий, бытовавших в Среднем Поволжье, появилось в районе знаменитой Макарьевской ярмарки, напротив которой было расположено село Лысково, ставшее с XVII в. вотчиной грузинского князя-царевича. Вспыльчивый вотчинник любил покуражиться не только над собственными крестьянами, но и над купцами. Никто из них не мог перечить барину царских кровей. И лишь один торговец из новеньких отказался продавать ему приглянувшийся товар по заниженной цене. Разгневанный самодур набросился на купца, а тот кинулся бежать из ярмарочных рядов в озеро, куда забрался по горло и князь. Так они стояли в воде, пока барин не остыл от гнева и не простил торгового человека[140].

Фольклорист Н.А. Криничная записала в Архангельской области народные предания о разбойниках, грабивших в старину богатых купцов на дорогах, в том числе у ямы на волоке возле Черной слободы[141].

Несколько преданий связано с именем Сергея Ивановича Поганкина — известного псковского купца XVII в., который упоминается впервые в одном из документов 1644 г. как простой посадский человек — «огородник». В последующее время он постоянно расширял сферу деятельности, приобретая дворы, сады, нивы, лавки (в мясном, сапожном, суконном рядах), активно включаясь не только во внутреннюю, но и во внешнюю торговлю. Только за два осенних дня 1671 г. Поганкин закупил па торге в Пскове, переработал и перепродал иноземным гостям 1321 пуд сала, продал 875 пудов псковского льна, 1878 пудов пеньки и 336 пудов выделанной кожи. Его громадное состояние было нажито далеко не праведными путями. Порой ему удавалось переправлять десятки возов с товарами в Прибалтику, минуя таможню. В 1659 г. Поганкин был головой Псковского денежного двора. Одно время он находился в качестве земского выборного лица в числе пяти — шести крупных купцов, заседавших в Псковской земской избе, которая управляла Псковом и его пригородами. Венцом его купеческой карьеры стало зачисление в 1679 г. в государеву Гостиную сотню (жалованная грамота на чин была выдана 11 января 1680 г.) и позднее награждение за службу царским жалованным ковшом. В 1681/1682 г. он возглавлял Мытный двор в Москве, с 1688 г. — Большую таможню в Пскове. 15 июля 1686 г. Поганкин получил жалованную грамоту об освобождении его от службы и тягла по линии Гостиной сотни в Москве и уплате тягла и несении службы в Пскове вместе с посадскими людьми, а также подведомственности Новго-

родскому приказу. Скончался он в 1694 г., оставив после себя богатое наследство. Сергей Иванович был погребен, по всей вероятности, в Златоустовском монастыре, в котором Поганкиными была выстроена церковь во имя св. Иоанна Предтечи[142]. До сих пор стоят построенные С.И. Поганкиным каменные палаты Г-образной формы, носящие его имя — Поганкины. За их массивными стенами некогда жил этот богатейший купец, хранились ценные товары[143].

Согласно псковским преданиям, на месте Поганкиных палат, в стенах которых были замурованы купеческие сокровища, когда-то стояла жалкая лачуга бедняка-бондаря — родоначальника Поганкиных, случайно обнаружившего (то ли в углу под куриным гнездом, то ли в огромном валуне на берегу р. Великой) клад золотых монет, на которые и были выстроены каменные палаты[144]. В одной из легенд прозвище владельца палат связывается с Иваном Грозным, который, прибыв вместе с опричниками в Псков, потребовал от него денег. «Сколько же тебе, государь, нужно?» — спросил купец. «Ах, ты, поганый! Да разве ты настолько богат, что в состоянии будешь вполне удовлетворить меня», — промолвил царь[145]. Другие же говорили, что Поганкины получили свое прозвище от «поганок», звериных шкурок, которыми торговали; третьи, что они разбогатели на поганые (бесовские) деньги; а четвертые рассказывали о большей их дружбе с погаными людьми (иноземцами). Будто бы злая жена Поганкина, ревнуя мужа к детям, бросила малолетних сына и дочь в дремучем лесу. Но несчастные, выжив, стали нищенствовать и однажды забрели на двор Поганкиных, где отец их признал, а мать-преступницу обрек на смерть, привязав к хвосту дикого коня. В народе утверждали также, что Поганкин водил знакомство с разбойниками из Сорокового бора (Гдовский уезд), которые приезжали к нему бражничать в палатах[146]. В одной псковской легенде происхождение фамилии Поганкина объясняется в русле народной этимологии тем, что купец поддерживал тесные отношения с иностранными коммерсантами неправославного вероисповедания, т.е. с «погаными». Но, скорее всего, она ведет начало от нелицеприятного прозвища «Поганка», которое закрепилось за отцом С.И. Поганкина[147].

В политическом трактате «О причинах гибели царств» («Описание вин или причин»), переведенном, скорее всего, с польского языка и распространившемся в России с начала XVII в., приводится притча: «Каков купец или торговый человек, таков и товар его»[148]. Так звучат старинные русские поговорки, отражающие торговый быт: «Прасол с мясом, а наши всегда без каши»; «Без ума торговать — лише деньги терять»; «Торг повольной — купец любовной»; «Похваля продать — а хуля купить»[149]. При уступке товара купцы нередко приговаривали: «Не у продажи дело стало». Вот еще несколько пословиц, касающих-

ся торговых людей и записанных В.И. Далем: «Покупатель дома похвалит, а купец в лавке»; «Торговать, так по сторонам не зевать»; «У купца расчет, у покупателя другой (свой)»; «У купца цена, у покупателя другая. У купца своя цена, у покупателя своя»; «Дорожиться — товар залежится; продешевить — барышей не нажить»; «Купчик купец, разудалый молодец. Купец — плутец. Купчик голубчик — деньголупчик»; «Купец божится, а про себя отрекается»[150].

Все они характеризуют профессиональную психологию и поведенческие стереотипы основной массы купечества, стремившегося получить как можно больше прибыли. При этом использовались разнообразные приемы обмана покупателей.

* * *

Хотя былины и прочие произведения устного народного творчества были записаны в сельской местности, на окраинах России, создавались они (судя по детализации и точности в подаче бытовых реалий) и в городской торгово-ремесленной среде. Однако эти реальные черты торгового быта Средневековья тесно переплетаются с гиперболизацией прошлого и чаще всего смещены на временной шкале, не имеющей в народной памяти даже относительную точность. В одной и той же былине часто сосуществуют асинхронные детали и социальные типы. В то же время, именуя торговцев, сказители, чтобы избежать двусмысленности, использовали термины, отсутствующие в письменных источниках («гости торговые», «гости-корабельщики» и др.). В фольклоре уделяется внимание, главным образом, быту и семейным отношениям купечества, а не его рыночным операциям. В материалах эпоса проскальзывает извечная мечта простых людей сказочно разбогатеть и повысить свой социальный уровень. Вместе с тем, завидуя зажиточным купцам, поднявшимся из низов, народ нередко считал источником их богатств грабеж либо случайную удачу, но не многолетний кропотливый труд.

В былинах и исторических песнях присутствуют стилистические трафареты и шаблоны, определенные каноны, повторяющиеся мотивы, традиционные устойчивые словосочетания и формулы[151]. Для эпических произведений характерны следование определенному этикету и ориентация на более ранние образцы (imitatio). Как писал Д.С. Лихачев, «должное и сущее смешиваются»[152]. Историческим песням присуща избирательность сюжетов; в них, к примеру, совсем не отражены сухопутные поездки древнерусских гостей в страны Западной Европы, торговая активность псковского купечества и монастырей, «выводы» и «своды» торговых людей, деятельность государственных привилегированных купеческих корпораций (Гостиной и Суконной сотен). В ряде случаев прослеживается влияние фольклора на древнерусскую

литературу. Былинные персонажи торговых людей, за исключением Кузьмы Минина, носят обобщающий характер, их нельзя безоговорочно отождествлять с конкретным человеком. Вот почему древнерусские эпические произведения, в отличие от письменных материалов, нельзя использовать в качестве полноценного и самостоятельного источника по истории торговли и купечества средневековой Руси, тем более что в былинах не содержится никакой принципиально новой информации по данной теме. Вместе с тем, их можно и нужно привлекать при изучении отражения и преломления в устном народном творчестве (а стало быть, и в памяти народа) исторических реалий эпохи Средневековья, в том числе в рыночной сфере.

[1] *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924; *Путилов Б.Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 168, 173; *Его же.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 228, 233; *Азбелев С.Н.* Эпос и история (один из теоретических аспектов) // Русский фольклор: материалы и исследования. Л., 1981. Т. XX. С. 3—9; *Его же.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

[2] *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 492; *Его же.* Из лекций по истории эпоса / публикация В.М. Гацака // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 292—294.

[3] См., например: *Марков А.В.* Бытовые черты русских былин. М., 1904; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969; *Путилов Б.Н.* Древняя Русь в лицах: боги, герои, люди. СПб., 1999.

[4] *Рабинович М.Г.* Средневековый русский город в былинах // Советская этнография. 1986. № 1. С. 116—124; *Перхавко В.Б.* Торговый мир русского Средневековья в былинах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 28—39; *Его же.* История русского купечества. М., 2008. С. 425—453.

[5] *Аксаков К.* Садко-купец («Звонкие струны у Садки-купца!..») // Album de madame Olga Kozlow. М., 1883; *Веселовский А.Н.* Былина о Садке // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1886. Ч. 248. № 12; *Липец Р.* Местные мотивы в былине о Садко у М.С. Крюковой и других сказителей // Былины М.С. Крюковой. М, 1941. Т. II.

[6] Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974. С. 278, 279.

[7] Там же. С. 28; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1991. С. 62, 79. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); *Скрыбыкина Л.Н.* Былины русского населения северо-востока Сибири. Новосибирск, 1995. С. 20.

[8] *Скрыбыкина Л.Н.* Указ. соч. С. 13.

[9] Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 200—203. Б.А. Рыбаков, впрочем, не видел в герое этой былины никаких купеческих черт. См.: *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 130, 131.

[10] *Смирнов Ю.И.* Былина «Иван Гостиный сын» и ее южнославянские параллели // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1968. Т. XI. С. 57—59.

[11] Подробнее о древнерусских воинах-торговцах IX—X вв. см.: *Перхавко В.Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 119.

[12] Новгородские былины / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1978. С. 175, 176.
[13] *Путилов Б.Н.* Древняя Русь в лицах. С. 169, 170, 173.
[14] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2000. Т. XV. Стб. 65. Более подробно об этой привилегированной группе московского купечества см.: *Сыроечковский В.Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935; *Перхавко В.Б.* Первые купцы российские. М., 2004. С. 131—144, 151—159; *Его же.* Торговый мир ... С. 405—410.
[15] ПСРЛ. М., 2000. Т. X. С. 228.
[16] *Ржига В.Ф.* О Чуриле Пленковиче // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. 1923. Т. 28. С. 75—83.
[17] *Веселовский А.Н.* Богатыри Сурожцы // *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. СПб., 1881. С. 77.
[18] *Миллер В.Ф.* Былины о Сауре и сродные по содержанию // ЖМНП. 1893. № 10. С. 475.
[19] См.: *Перхавко В.Б.* Московские купцы-строители XV века // Отечественная история. 1997. № 4. С. 10—13; *Его же.* Первые купцы российские. С. 161—198.
[20] Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 124.
[21] *Миллер Вс.* К былине о князе Глебе Володимировиче // ЖМНП. 1903. Июнь. С. 308, 310; Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. Л., 1986. С. 305, 322.
[22] Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 205.
[23] *Скрыбыкина Л.Н.* Указ. соч. С. 79.
[24] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2006. С. 348.
[25] См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 279, 280, 641, 642.
[26] Судебники XV—XVI веков. М., Л., 1952. С. 171, 173, 372, 402, 406; Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. Гл. X. Ст. 209, 244; Гл. XVII. Ст. 13, 34; Гл. XVIII. Ст. 15; Гл. XXV. Ст. 11.
[27] Словарь русского языка XI—XVII вв. (далее — СлРЯ XI—XVII вв.). М., 1990. Вып. 16. С. 185, 186.
[28] Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. М., 1983. Ч. I—III; *Кистерев С.Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. С. 47, 168. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI—XVII веков; т. I).
[29] См. подробнее: *Аксенов А.И.* Положение и судьбы гостей в конце XVII — XVIII вв. // Проблемы отечественной истории. М., 1973. Ч. 1; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 186—204.
[30] Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 179, 269—285.
[31] Там же. С. 185, 190.
[32] *Марков А.В.* Бытовые черты русских былин. С. 29, 30.
[33] Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 112.
[34] См.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 114.
[35] Эта деталь имеется не во всех вариантах былины. Ср.: Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 88; Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 73—77.
[36] Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 2: Былины Печоры. № 272. С. 307, 308.
[37] Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 273.
[38] Там же. С. 322.

[39] *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1864. [Ч. 2], вып. VI. С. 70.
[40] *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложения. XVI. С. 87, 92, 96.
[41] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию: пер. с нем. М., 1996. С. 210.
[42] Там же. С. 147, 182, 225.
[43] *Марков А.В.* Бытовые черты русских былин. С. 58—67; *Плисецкий М.М.* Историзм русских былин. М., 1962. С. 216.
[44] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977. С. 11.
[45] Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. С. 108. См. также: *Марков А.В.* Беломорские былины. СПб., 1901. С. 65.
[46] Как видим, объем закупленной соли, стоившей в эпоху Средневековья гораздо дороже, чем сейчас, явно преувеличен. См.: Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 98; *Ржига В.Ф.* Микула Селянинович // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1929. Т. II, кн. 2. С. 444, 445.
[47] *Марков А.В.* Бытовые черты русских былин. С. 48—51; *Плисецкий М.М.* Указ. соч. С. 187—189.
[48] *Вилинбахов В.Б.* Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре // Slavia occidentalis. Poznań, 1965. T. 25. S. 155—190.
[49] См.: *Слаский К.* Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими землями в VI—XI вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. VI. С. 61—90; *Херрман И.* Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 191—196; *Его же.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8—128; *Вилинбахов В.Б.* Современная историография о проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение.1980. № 1. С. 79—84; *Перхавко В.Б.* Связи Древней Руси со славянскими странами. М., 1987. С. 44—46; *Лецеевич Л.* Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье: несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. С. 144—152. (Материалы по археологии России; вып. 1).
[50] Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 261.
[51] *Марков А.В.* Беломорские былины. С. 336; Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С.339.
[52] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 31—32; М., 1998. Т. II. Стб. 23. В Повести временных лет этот текст включен под 6415 (907) г. как отдельное предварительное соглашение, однако еще А.А. Шахматов обосновал, что он представляет собой компиляцию из русско-византийского договора 911 (912) г. См.: *Шахматов А.А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при императорском Петроградском университете. 1915. Вып. 8. С. 393—400. Точку зрения А.А. Шахматова поддержали ряд отечественных и зарубежных ученых, но среди историков есть и немало сторонников самостоятельного договора 907 г. См.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси, IX — первая половина X в. М., 1980. С. 84—89; Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. / подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 417, 418, 601. (Литературные памятники).
[53] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1962. Т. III. № 238. С. 259.
[54] *Афанасьева В.И.* Привилегия как исключительное право в развитии торговли средневековой Руси // Право и политика. 2006. № 12 (84). С. 119—126.

[55] *Миллер Вс.* К былине о князе Глебе Володимировиче. С. 308—310; *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 98—100; *Новиков Ю.А.* «Глеб Володьевич»: «вымысел» или отражение исторической реальности? // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1998. С. 193 —199.
[56] Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. СПб., 2004. Т. 4: Былины Мезени. № 195. С. 517.
[57] Там же.
[58] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / подготовили к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 24.
[59] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 98—100; *Татищев В.Н.* История российская. Ч. 2 // Собрание сочинений. М., 1995. Т. II. С. 91, 92; См. также о князе Глебе Святославиче: *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 96—98.
[60] СлРЯ XI—XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 247.
[61] Новгородские былины. С. 151, 177, 311; Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым: в 3 т. / под ред. А.А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. С. 190.
[62] *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 41, 42.
[63] Новгородские былины. С. 177, 178.
[64] Там же. С. 178, 179.
[65] Подробнее см.: *Перхавко В.Б.* Торговый мир средневековой Руси. С. 292— 295.
[66] *Рабинович М.Г.* Средневековый русский город в былинах. С. 123.
[67] ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 32.
[68] Там же. С. 34.
[69] Там же. С. 181, 219.
[70] *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 124, 125.
[71] *Новоселов И.В.* От Благовещения до Благовещения: строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб., 2002. С. 110, 111.
[72] Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. I: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. С. 230.
[73] *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. III. С. 9, 92, 93.
[74] *Варенцов В.А.* Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 34—40; *Петров Д.А.* Строительство Сырковых // Заказчик в истории русской архитектуры. М., 1994. С. 64—96. (Архив архитектуры; вып. 5).
[75] Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 30; *Азбелев С.Н.* Новгородские былины и летопись // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. VII. С. 43—51.
[76] *Порфиридов Н.Г.* Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 215, 216; *Лихачев Д.С.* Народное поэтическое творчество XII — начала XIII в. // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. I. С. 230; *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М., 1956. С. 20.
[77] *Веселовский А.Н.* Былина о Садке. С. 279, 280; См. также: *Азбелев С.Н.* Новгородские былины и летопись. С. 43—51.
[78] *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1. С. 288.
[79] *Путилов Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 24.
[80] См.: *Перхавко В.Б.* Гость и боярин великого князя // От Древней Руси к новой России: юбилейный сб., посвящ. чл.-кор. РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 191—203.
[81] *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины. / подгот. текста и коммент. А.И. Никифорова. Изд. 4-е. М.; Л., 1950. Т. 2. № 119. С. 307.

[82] См.: *Перхавко В.Б.* Купечество и власть в средневековой Руси // Доклады Института российской истории РАН, 1995—1996 гг. М., 1997. С. 71—73.
[83] ПСРЛ. Т. III. С. 25, 26.
[84] Там же. С. 234, 283.
[85] Там же. С. 336.
[86] *Гурвич И.С.* Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1953. Вып. 19. С. 37.
[87] *Скрыбыкина Л.Н.* Указ. соч. С. 89.
[88] Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым: в 3 т. / под ред. А.А. Горелова. СПб., 2003. Т. 2. С. 195.
[89] *Марков А.В.* Беломорские былины. С. 280, 281.
[90] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 15—19.
[91] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 8, 12, 21, 25.
[92] Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым: в 3 т. / под ред. А.А. Горелова. СПб., 2002. Т. 1. № 24. С. 127—129.
[93] ПСРЛ. Т. III. С. 71, 280.
[94] Опись архива Посольского приказа. 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 57.
[95] Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. С. 457—459; Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. Т. 2. № 272. С. 307, 308.
[96] Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. Т. 1. № 92. С. 293—296.
[97] Там же. СПб., 2003. Т. 3. С. 67.
[98] *Миллер В.Ф.* К былине о Соломане и Василии Окуловиче // ЖМНП. 1913. № 3; *Его же.* Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. С. 174—202.
[99] Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. I. Стб. 703—705, 781; СПб., 1862. Т. II. Стб. 118, 119, 347—349, 465—467, 486—490.
[100] *Янин В.Л.* К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» // Советская археология. 1981. № 3. С. 85—96.
[101] *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 345—348; *Сыроечковский В.Е.* Указ. соч. С. 111—113; *Варенцов В.А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв.: учеб. пособие по спецкурсу. Вологда, 1989. С. 11—34.
[102] *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке: очерк социально-экономической и политической истории города. Харьков, 1957. С. 143—145.
[103] Там же. С. 145—147; *Варенцов В.А.* Московские гости в Новгороде. С. 34—40; *Гордиенко Э.А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
[104] Русское народное поэтическое творчество. Т. I. С. 133.
[105] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 15, 430; Новгородские былины. С. 307.
[106] *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. II. С. 242, 243.
[107] *Альшиц Д.Н.* Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1961. Т. 17. С. 255—271.
[108] *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 216—222.
[109] *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Т. 2. Стб. 610, 611.
[110] *Альшиц Д.Н.* Указ. соч. С. 265, 267, 268.
[111] *Копанев А.И.* Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 57—65, 77, 78; *Каган М.Д.* Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СКиКДР). СПб., 1998. Вып. 3: XVII в., ч. 3. С. 223—225.

[112] *Салмина М.А.* Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 192—195; *Ее же.* Повесть о взятии Смоленска // СКиКДР. Вып. 3: XVII в., ч. 3. С. 101—104.

[113] *Росовецкий С.К.* Устная проза об Иване Грозном — правителе // Русский фольклор: материалы и исследования. Л., 1981. Т. 20. С. 87—89; *Каган М.Д.* Указ. соч. С. 223—225.

[114] *Симони П.К.* Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства // Сборник отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1907. Т. LXXII. № 7. С. 2—3; *Миллер В.Ф.* Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915. С. 581.

[115] М.В. Скопин-Шуйский стал, пожалуй, самым популярным героем русского фольклора эпохи Смуты. См. подробнее на эту тему: *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. Гл.: Эпический герой Смутного времени. С. 207—231.

[116] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 212.

[117] *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1868. [Ч. 2], вып. VII. С. 21, 22; Исторические песни. Л., 1951. С. 377. (Б-ка поэта. Малая серия. 2-е изд.).

[118] *Миллер В.Ф.* Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915. № 203. С. 615, 616; *Соколова В.К.* Русские исторические песни XVI—XVII вв. М., 1960. С. 111, 112. П. Бессонов называл это произведение фольклора даже не песней, а «побывальщиной» (*Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. [Ч. 2], вып. VII. Дополнения. С. 121). См. о Втором ополчении: Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1913. Т. XI; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 393—402; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения, 1611—1613 гг. М., 1939.

[119] *Филатов Н.Ф.* Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. Н. Новгород, 1996. С. 116.

[120] *Гильфердинг А.Ф.* Онежские былины. Т. 2. № 88. С. 152.

[121] ПСРЛ. М., 2000. Т. V, вып. 2. С. 278 (свидетельство Псковской 3-й летописи по Архивскому 2-му списку).

[122] *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Киреевским. [Ч. 2], вып. VII. С. 21, 22.

[123] *Кирьянов И.А.* О Кузьме Минине (новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144—146; *Кучкин В.А.* О роде Кузьмы Минина // Там же. 1973. № 2. С. 209—211.

[124] ПСРЛ. М., 2000. Т. XIV. С. 116.

[125] *Хачко А.Ю.* Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения: материалы науч. конф. Н. Новгород, 2003. С. 7—11. Ср.: Русское устное народное творчество: хрестоматия / сост. В.П. Аникин. М., 2006. С. 565.

[126] *Филатов Н.Ф.* Указ. соч. С. 25.

[127] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1996. Т. VI. С. 356, 357.

[128] *Садовский А.Я.* Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин-Сухорук? Н. Новгород, 1916.

[129] См. перечень источников и литературы о нем: *Перхавко В.Б.* Кузьма Минин // Московский журнал. 2000. № 4. С. 10—15.

[130] *Миллер В.Ф.* Отголоски Смутного времени в былинах. СПб., 1906. С. 10—13.

[131] Перевод данной фразы, сделанный О.В. Твороговым («занимался прежде торговлей скотом»), представляется не вполне адекватным, ведь мясники закупали скот на убой, а не для продажи в живом виде. См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 352, 353.

[132] Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 29, 30.
[133] Там же. С. 414, 415.
[134] ПСРЛ. Т. 34. С. 217.
[135] Там же. С. 259.
[136] Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 139.
[137] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. 1. № 33а. С. 263.
[138] Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909. С. 12—15. См. также: *Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. // Исторические записки. 1961. Т. 71. С. 203—210, 214—217; *Мордовина С.П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 127—141; *Floria B.N.* Sklad spoleczny soborów ziemskich w państwe Moskiewskim w XVI wieku // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1974. T. XXXVI, Z. 1. S. 51; *Морозова Л.Е.* Купечество на земских соборах XVI—XVII вв. // Российское купечество от Средних веков к Новому времени: науч. конф., Москва, 2—4 нояб. 1993 г.: тез. докл. М., 1993. С. 21—23.
[139] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 1. № 35. С. 271.
[140] *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге: в 3 ч. Казань, 1884. С. 75, 76.
[141] *Криничная Н.А.* Предания русского Севера. СПб., 1991. С. 126—128.
[142] См. более подробно о нем: Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина / списал с подлинника К.Г. Евлентьев: особое прил. к «Археологической записке о Поганкиных К.Г. Евлентьева». Псков, 1870; *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 348; *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV—XVII веках. Псков, 2004. С. 249— 256; Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: сб. документов / сост.: Т.Б. Соловьева (отв. сост.), Т.А. Лаптева. М., 2004. Т. 1. № 83. С. 332, 334.
[143] *Евлентьев К.Г.* Палата Поганкина в Пскове. Псков, 1870. (Изд. 2-е: Псков, 1881); *Спегальский Ю.А.* Псковские каменные жилые здания XVII века. М.; Л., 1963. С. 40—51, рис. 22, 23; *Лабутин В.И.* Сергей Поганкин, владелец каменных палат // Псков через века. Памятники Пскова сегодня. СПб., 1994. С. 51—60.
[144] *Евлентьев К.Г.* Археологическая записка о Поганкиных К.Г. Евлентьева. Псков, 1870. С. 6—8.
[145] Там же. С. 8.
[146] Там же. С. 8, 9.
[147] Там же. С. 6—9; *Степанов Ю.* Легенды и предания Псковщины. Псков, 1993. С. 40.
[148] Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. С. 466, 467.
[149] Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. С. 438, 439.
[150] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1994. С. 326—331.
[151] *Букатина Ю.Е.* Русская былина в культурно-историческом контексте: проблемы интерпретации в XX в. // Источниковедение культуры: альманах. М., 2007. Вып. 1. С. 247—283.
[152] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 89.

Н.И. Никитин

О ХАРАКТЕРЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РОССИИ

Статья посвящена историографии вопроса о вхождении Сибири в состав Российского государства. Анализируются основные концепции истории становления «Русской Сибири», представленные в литературе с XVIII в. до наших дней. В связи с новыми подходами к теме особое внимание уделяется исторической терминологии. Применительно к Сибири термин «присоединение» в силу своей универсальности предпочтительнее термина «завоевание», ибо полнее отражает исторические реалии, а предлагаемые «критерии присоединения» необходимо соотносить с мировой практикой того же времени.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, завоевание, добровольное вхождение, мирное вхождение, присоединение.

Статья посвящена не столько истории присоединения Сибири, сколько историографии вопроса и прежде всего — тем новым подходам, которые обозначились в последнее время в сибиреведческой литературе в связи с изучением процесса расширения Российского государства на восток. Вполне закономерно, что процесс этот определялся и толковался в нашей историографии на разных этапах ее развития по-разному. В дореволюционной литературе преобладала концепция «завоевания Сибири российским оружием», но при этом ряд крупных исследователей — И.Н. Болтин, Н.Я. Данилевский, М.К. Любавский — придерживались точки зрения о преимущественно мирном характере присоединения края[1]. В работах советских историков до 1940—1950-х годов речь тоже в основном шла о «завоевании», с тем, правда, отличием, что если в дворянско-буржуазной историографии, за исключением работ так называемых областников («сибирских сепаратистов»), этому термину обычно не придавалось отрицательно-осуждающего смысла, то в ранней марксистской литературе отрицательный подтекст явно присутствовал, а порой и доминировал, ибо перед ней была поставлена вполне определенная задача: разоблачение «колониальной политики русского царизма».

«Переломными» в плане определения характера вхождения территории Северной Азии в состав Российского государства были 1960-е годы. После ввода в широкий научный оборот материалов, плохо вписывавшихся в «концепцию завоевания», и, видимо, не без влияния моментов конъюнктурно-политического характера

В.И. Шунков, являвшийся тогда общепризнанным лидером сибиреведения, призвал коллег отдать предпочтение термину «присоединение» как включающему в себя «явления различного порядка — от прямого завоевания до добровольного вхождения». При этом Шунков делал важные оговорки, в частности подчеркивал, что «отрицать наличие в этом процессе элементов прямого завоевания, сопровождавшегося грубым насилием, значит игнорировать факты»[2].

Термин «присоединение» благодаря своей «всеохватности» (или, если угодно, «расплывчатости») устроил подавляющее большинство сибиреведов, однако в 1970-е годы, уже под явным давлением идеологического пресса (напомню, что тогда во имя «дружбы народов» историков, по сути дела, принуждали к отказу от освещения «негативных» сторон былых взаимоотношений народов СССР), в литературе стала широко распространяться другая формулировка — о «преимущественно мирном» и даже «добровольном» характере вхождения в состав Российского государства Сибири (и не только Сибири). «Присоединение» же сторонникам более удобной для «интернационального воспитания трудящихся» формулировки не подходило именно из-за его «расплывчатости», допускающего и случаи «прямого завоевания».

Пожалуй, самым ревностным и последовательным сторонником концепции «добровольного вхождения» был якутский историк Г.П. Башарин. Не оспаривая факты военных столкновений русского и коренного населения Сибири, он, однако, не придавал им значения, определявшего ход и, тем более, суть политических событий на севере Азии в XVI—XVII вв., рассматривая их в одном ряду с внутренними распрями самих сибирских народов и вооруженными конфликтами соперничавших друг с другом русских отрядов. В этой связи главной ошибкой В.И. Шункова (в последние годы жизни тоже, кстати, отдававшего предпочтение концепции «мирного вхождения») Г.П. Башарин считал дробление «единого процесса» присоединения Сибири на «мирную» и «немирную» составляющие. Почему вхождение Сибири в состав России надо считать «единым процессом» (и что понимать под ним) Башарин не разъяснил...[3]

Установка на «мирное вхождение» оказала сильное воздействие на сибиреведение 1970—1980-х годов, привела, в частности, к широкому распространению в литературе мнения о «в целом бескровном» характере включения Сибири в состав России, однако, вопреки утверждениям некоторых современных исследователей, открытой поддержки большинства историков все же не получила (и более того — в те же годы подвергалась критике). Наиболее приемлемым для сибиреведов по-прежнему оставался термин «присоединение», в который каждый был волен вкладывать свой смысл[4].

С началом «Перестройки» и обвалом господствовавшей идеологии термин «присоединение» вновь перестал устраивать некоторых сибиреведов и тоже по причине его многозначности, «расплывчатости». На этот раз в нем не нравилось уже то, что его можно употребить в смысле «мирного и добровольного вхождения». Наиболее решительную позицию по этому вопросу занял новосибирский историк А.С. Зуев — серьезный исследователь, внесший большой вклад в изучение истории Сибири XVII—XVIII вв., но в какой-то момент, видимо, решивший «расшевелить» научное сообщество вбросом радикальных идей, основанных по большей части на эмоциях, чем на фактах. Зуев призвал весь процесс включения Сибири в состав России «оценить как завоевание, поскольку он имел преимущественно военный характер и сопровождался вооруженной борьбой русских с сибирскими аборигенами» и далее высказывался в том плане, что термин «добровольное вхождение» вообще не имеет права на существование, ибо в мировой истории нет ни одного примера, «когда бы один этнос по-настоящему добровольно (без всяких внешних побудительных причин) присоединился бы к другому этносу (вошел в состав другого государства)». Тут же Зуевым разъяснялось, когда в принципе можно было бы говорить о «по-настоящему добровольном» вхождении. Во-первых, если решение о смене подданства принимают сами народы, полностью понимая, что такое подданство, а не их вожди (т.е., надо полагать, через плебисцит?), и, во-вторых, если решение это вызвано «искренним стремлением стать подданными России», а не диктуется расчетом на материальные или политические выводы (надеждой на помощь и защиту в борьбе с соседями, желанием поучаствовать в русских походах, чтобы захватить добычу и т.п.). Исходя из таких критериев, А.С. Зуев вопреки сложившемуся в литературе мнению отказал в добровольности перехода под власть России кетам, томским татарам, забайкальским бурятам, кодским хантам, алтайским и другим этническим группам, чей переход в российское подданство на добровольной основе подтвержден документальными источниками[5].

Вряд ли, однако, подобный «максималистский» подход к проблеме приблизит нас к истине. «Добровольность» в вышеизложенной трактовке — вещь немыслимая там, где решаются жизненно важные вопросы, а институт подданства к таковым, безусловно, относится. Согласно нормам русского языка, «добровольно» — значит всего лишь «по своей (по доброй) воле», т.е. по собственной инициативе, через собственное волеизъявление. А какими соображениями руководствуются те, кто просится «под высокую государеву руку», — «корыстными» или «бескорыстными» — это уже другой вопрос, может

быть, и заслуживающий специального рассмотрения, но к понятию «добровольности» отношения не имеющий. Общеизвестен «институт добровольного холопства» на Руси. Совершенно добровольно поступает на фабрику к капиталисту и становится наемным работником вчерашний крестьянин, и факт этой добровольности исследователи не подвергают сомнению из-за того, что люди могут менять свой социальный статус, руководствуясь не «искренним стремлением» стать холопом или рабочим у данного хозяина, а пытаясь избежать голодной смерти, найти покровителя или просто поправить свое материальное положение

Ставить же под сомнение добровольный характер перехода того или иного народа в российское подданство лишь на том основании, что решение об этом принимается «вождями», а не в ходе всенародного плебисцита (т.е. с точки зрения современного права), значит множить число историографических курьезов, попыток вульгаризации и модернизации истории. Излишне доказывать нереальность достижения подлинного волеизъявления народных масс в средневековом обществе — и с точки зрения ментальностей эпохи, и с точки зрения ее технических возможностей.

Тем не менее, у А.С. Зуева по вопросу о добровольности имеются единомышленники, например В.А. Тураев (Владивосток), В. и Д. Цыбикдоржиевы (Улан-Удэ). Они утверждают, что «нет практически ни одного, даже самого маленького народа, который бы оказался в составе России по собственной воле», что «вряд ли можно сыскать исторические факты добровольных уступок земель одним этносом другому»[6]. Однако такая точка зрения вряд ли имеет шансы на широкое признание научной общественностью, ибо слишком уж противоречит многим хорошо и давно известным фактам.

Вопрос о добровольном присоединения ряда народов к России неоднократно обсуждался нашими историками еще в начале «Перестройки». Например, весьма масштабно и остро проходило такое обсуждение в 1989 г. в Звенигороде на «круглом столе», посвященном формированию российского многонационального государства. Ведущие докладчики — С.Г. Агаджанов и В.Л. Егоров — подчеркивали недопустимость «однотипной интерпретации исторически сложных неоднозначных актов добровольного присоединения», когда исследователи «отождествляли понятие добровольности в феодальный, капиталистический и современный периоды». В докладах указывалось также на необходимость выяснять «конкретные мотивы таких важных шагов», ибо «принятие решения о добровольном присоединении предполагает серьезные внешнеполитические причины или кризисные явления во внутренней жизни. Оно предполагает также

достаточно высокую степень общественно-политического и экономического развития. Это акт обоснованный и подготовленный объективно создавшейся ситуацией, причем далеко не всегда предполагающей единогласное мнение всех социальных групп»[7].

В ходе работы этого «круглого стола» тоже раздавались призывы «вообще исключить из научного лексикона понятие добровольности вхождения», но они были аргументированно раскритикованы и не получили поддержки большинства. Как отметил тогда в своем выступлении А.А. Преображенский, «советская наука имеет известные издержки в трактовке этой проблемы. Натяжки, конъюнктурные соображения, желание отметить юбилей во что бы то ни стало и т.д. имели место, что греха таить... Не будем слишком строги к подобным фактам — это все-таки прошлое... Необходимо извлечь уроки, взять все положительное, не бросаясь из крайности в крайность. В выступлениях коллег, по-моему, вполне оправданно указывалось на то, что добровольность не выдумка, не миф, она действительно существовала в практике взаимоотношений народов с Россией... Притом внешнеполитический фактор имел весьма важное значение, когда тому или иному народу грозил геноцид со стороны более сильных соседних государств»[8].

Вопрос о присоединении к России иноязычных конгломератов был затронут и в одной из последних монографий А.Н. Сахарова, отметившего, что в XVI в. «этот процесс был сложным и драматическим, много было здесь и трагедий, и крови. Но немало здесь было и доброй воли, желания народов объединиться под рукой Москвы. Ведь кабардинцев никто не толкал к объединению, они пришли к нему сами. Как и башкир никто не заставлял присоединяться к Москве, они пришли к этому тоже сами... чтобы избежать геноцида со стороны своих более сильных противников. Позднее так же было и с другими государствами Северного Кавказа, Закавказья и т.д.»[9].

В.В. Трепавлов, специально рассмотрев вопрос о формах подданства различных народов русскому царю в XV—XVIII вв., хотя порой и иронизировал по поводу придумывания историками XX в. «добровольных присоединений, мирных вхождений и т.п.», но тем не менее привел немало вполне конкретных примеров добровольных присоединений (в том числе — «жителей юго-западной Сибири») к России и подробно раскрыл главные побудительные мотивы этих шагов, вполне в тех условиях понятные: надежды избавиться от вражеских вторжений и притеснений собственной знати, желание находиться в подданстве у православного государя и т.д.[10] А в вышедшей под его редакцией коллективной монографии «Русские в Евразии» речь идет, в частности, о документах XVI—XVII вв., сохранивших свиде-

тельства о многочисленных посольствах народов Кавказа, «бивших челом в холопство» (т.е. о подданстве) русскому царю[11].

Так что отрицаемую в принципе некоторыми исследователями возможность добровольного вхождения нерусских народов в состав России (равно как и других государств) надо признать вполне реальной, подтвержденной вполне надежными источниками и признаваемой многими ведущими специалистами по истории межнациональных отношений. И вряд ли корректно рассматривать эту «идеологему советской историографии» как одну из важнейших причин вспышек национализма и роста антирусских настроений в бывших союзных и автономных республиках СССР, как это делает А.С. Зуев[12]: наивно полагать, что «националисты» знают историю обязательно лучше, чем «интернационалисты» или «великодержавные шовинисты». Корни национализма глубже и находятся совсем в других сферах общественной жизни, а найти повод для его проявления никогда и ни для кого не составляло большого труда.

* * *

Еще один, несколько неожиданный для историографии начала XXI столетия поворот темы «Присоединение Сибири к России». А.С. Зуев в своих работах уделяет основное внимание военно-политическим событиям на крайнем северо-востоке Азии в XVII—XVIII вв., трактуя их, по сути дела, в духе работ 1920—1930-х годов как «колониальную войну» со стороны России и «национально-освободительную войну» со стороны местных народов (чукчей, коряков, ительменов)[13].

Вряд ли, однако, «колониальная» терминология в данном случае уместна: она вновь выглядит явной модернизацией (если не вульгаризацией) событий далекого прошлого. За последние полстолетия историками убедительно доказано, что Сибирь не стала колонией в полном, социально-политическом значении слова, ибо там отсутствовал такой важный признак колониальной зависимости, как управление на основе специального (колониального) режима, отличного от того, что был в метрополии[14]. И вообще, какой-либо регион России, выступавший по отношению к остальным как классическая метрополия, найти пока никому не удалось. Та же Сибирь, как заметил знаменитый полярный исследователь Ф. Нансен, представляла собой, «в сущности, естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины...»[15].

Что же касается «национально-освободительной борьбы» (тоже выражение из современного политического лексикона), то с представлениями о ней плохо согласуются многие из событий, разыгравшихся на северо-востоке Азии в XVII—XVIII вв., и прежде всего — нападе-

ния чукчей на племена и роды, ставшие российскими подданными (юкагиров, коряков, тунгусов). Ведь попытки российских властей воспрепятствовать этим нападениям и явились одной из причин «чукотской войны». Широко распространенные в регионе практически среди всех народов набеги с целью грабежа, захвата рабов, а также для «испытания силы и мужества молодых воинов», детально описанные самим А.С. Зуевым, в соединении с частыми требованиями ясачных людей к российской администрации защитить их от нападений «немирных соседей»[16], — тоже вызывают сомнения в правомерности приведенных им в этой связи оценок и характеристик.

В литературе последних лет все чаще встречаются обвинения советской историографии в примитивизации процесса присоединения Сибири (и не только Сибири) к России[17]. В общем и целом их можно считать справедливыми, но при изложении и обобщении взглядов на проблему присоединения их современные критики сами порой впадают в упрощение и примитивизацию. Одни, например, приписывают «некоторым историкам» мнение о «добровольном вхождении в состав Русского государства всех без исключения народов Сибири»[18] (что было совершенно нетипично для советской историографии даже в самые «застойные» годы). Другие, по сути дела, ставят знак равенства между сторонниками «преимущественно мирного» и сторонниками «преимущественно добровольного» характера присоединения[19], хотя между теми и другими дистанция огромного размера.

Понятия «мирное» и «добровольное» вхождение отождествлять, разумеется, нельзя, однако столь же недопустимо ставить знак равенства между понятием «немирное» («насильственное») присоединение и понятием «завоевание». Семантика слова «завоевание» предполагает необходимость вести боевые действия — *воевать* с кем-то. Но как считать «завоеванными» те земли, где практически не было войны, не было вооруженного сопротивления присоединению? (В крайнем случае их можно считать «захваченными».) А таких, без боя присоединенных, территорий в Сибири было немало, так как некоторые районы были вообще не заселены, а в других местные жители из-за своей малочисленности далеко не всегда имели возможность и желание противостоять русским отрядам, хотя, скорее всего, в большинстве своем и не стремились особо стать подданными далекого «белого царя» и не вполне понимали, что означает такое подданство. Пример тому — земли остяцкого «князца» Бардака, где пусть и под угрозой применения оружия, но без вооруженных столкновений был поставлен русский город Сургут, и подобные ситуации были, конечно, не только сибирской спецификой: аналогичные случаи отмечались и в других регионах, например в Среднем Поволжье

(там жители «горной» стороны Волги во время «Казанской войны» приняли российское подданство хоть и под угрозой военного насилия, но без сопротивления)[20].

* * *

У концепции «завоевания» Сибири в настоящее время немало приверженцев. И первым среди них надо назвать венгерского историка Шандора Сили. К западноевропейской историографии его работы отнести целиком нельзя по той причине, что как исследователь сибирской проблематики он сформировался в России. В 1989—1992 гг. Ш. Сили учился в аспирантуре Санкт-Петербургского университета, где под руководством Р.Г. Скрынникова подготовил диссертацию «Ключевые вопросы присоединения Сибири к России в конце XVI—XVII вв. в русской и советской историографии» (защитил ее он, правда, уже в Венгрии, в Институте русистики, в 1993 г.) и во многом предвосхитил главные положения концепции А.С. Зуева[21].

Из отечественных историков аналогичных взглядов на характер присоединения Сибири к России в настоящее время придерживаются И. Измайлов (Казань), Л.Р. Кызласов (Москва), уже упоминавшиеся историк из Владивостока В.А. Тураев и бурятские исследователи Цыбикдоржиевы[22]. Порой до полного абсурда эта точка зрения доведена в некоторых работах публицистического характера, авторы которых (И.Г. Романов, Д.Н. Верхотуров), по замечанию А.С. Зуева, «зачастую страдают “модернизацией” исторического прошлого, перенося на него современные понятия о праве и суверенитете», и демонстрируют «плохое знание сути поднятых... вопросов»[23].

Однако в целом «концепция завоевания» Сибири не разделяется большинством историков. Это констатирует исследователь новейшей сибирской историографии В.Н. Чернавская (считающая, что расширение Русского государства на восток было преимущественно мирным по характеру), это же честно признает и сам А.С. Зуев[24]. И он же разъясняет, почему реанимация «концепции завоевания» не находит большой поддержки: «на сегодняшний день переосмысление носит скорее эмоциональный, нежели научный характер»[25]. Как говорится, ни убавить, ни прибавить...

Показательна позиция известного якутского историка В.Н. Иванова. Проанализировав большой конкретно-исторический материал, он вновь пришел к выводу о предпочтительности для северо-востока Азии термина «вхождение», подчеркнув, что здесь «сочетались насильственные и мирные действия» при преобладании вторых[26]. М.И. Ципоруха, автор одной из последних обобщающих (научно-популярных) работ по этой проблематике, хотя и дал своей книге

«воинственное» название «Покорение Сибири», но счел нужным оговориться, что «в целом мирный характер присоединения Сибири к Руси и освоения Сибири русскими людьми очевиден для любого непредвзято настроенного исследователя»[27].

Дальневосточный однофамилец А.С. Зуева — В.Н. Зуев, тоже, как отмечалось выше, далек от идеализации взаимоотношений русских и аборигенов, но тем не менее приходит к выводу, что «довольно частые военные конфронтации пришлых иноземцев и туземного населения не изменили в целом мирного вхождения необъятных территорий Сибири в состав Русского государства». А крупнейший исследователь истории русских географических открытий на севере Азии Б.П. Полевой, который менее всего был склонен к лакировке русско-туземных отношений в угоду каким-либо установкам, незадолго до своей кончины счел нужным отметить, что вооруженных конфликтов в ходе присоединения Сибири было «относительно не так уж много, чтобы они могли затормозить продвижение русских на новые земли»[28].

А.С. Зуев приводит эти высказывания как пример «парадоксальности» и «противоречивости» суждений их авторов[29]. Но, может быть, здесь уместнее другие объяснения? Не являются ли эти высказывания свидетельством более глубокого проникновения исследователей в суть тех сложных и противоречивых событий, что происходили на севере Азии в конце XVI — начале XVIII в.? Ведь даже среди наших западных коллег, традиционно рассматривавших присоединение Сибири к России как завоевание, ныне в этом вопросе нет единодушия. Многие из них, как подметил А.С. Зуев, «указывают на сочетание русскими в деле покорения Сибири военных акций и мирных методов (А. Краузе, Р. Кернер, Ю. Семенов, Дж. Ланцев, Г. Хуттенбах, Р. Пирс, Дж. Гибсон, Ю. Слезкин, А. Каппелер и др.)». А некоторые «в своих исследованиях и оценках акцентируют внимание на мирные формы взаимоотношений русских и коренных народов и не придают решающего значения военному завоеванию (С. Данн, Э. Данн)»[30].

Точку в этом историографическом споре, видимо, ставить рано, однако то обстоятельство, что термин «присоединение» отвергают сторонники самых крайних, диаметрально противоположных точек зрения на историю вхождения Сибири в состав России, является еще одним свидетельством его предпочтительности перед другими. В «неопределенности», «расплывчатости», «нейтральности», «гибкости» термина «присоединение» — как раз его самая сильная сторона, позволяющая историкам разных «школ» и направлений оставаться на почве реальных фактов и при этом «не поступаться принципа-

ми». По-видимому, это теперь осознает и сам «зачинатель спора» — А.С. Зуев: слово «присоединение» неизменно присутствует в названиях его последних работ, включая капитальную монографию о вхождении Чукотки в состав России (и это естественно, ибо другой термин был бы там неуместен просто потому, что попытка подчинить чукчей военной силой провалилась, и территория их обитания, как это следует и из работы А.С. Зуева, была постепенно присоединена как раз мирным путем)[31]. И становится непонятным, из-за чего же, собственно, разгорался весь сыр-бор. Прав академик АН Туркменистана М. Аннанепесов: «Думается, что этот термин (присоединение. — *Н.Н.*) имеет широкий смысл и под него можно подогнать добровольное и насильственное, мирное и немирное присоединение народов. Ничего страшного в этом я не вижу, и нет оснований отказываться от такого действительно универсального термина»[32].

В самом деле. Интересы науки никак не пострадают, если, скажем, историки будут рассматривать включение Сибири в состав России в целом как «присоединение» и одновременно, излагая ход связанных с ним событий, определять их как «завоевание» или, допустим, «мирное вхождение» применительно к конкретным народам и регионам.

* * *

«Новые подходы» к истории Сибири конца XVI — XVII в. не ограничиваются дискуссиями о *характере* включения Северной Азии в состав Российского государства. Сомнению начинают подвергаться, казалось бы, общепризнанные факты *присоединения* многих сибирских земель к России в XVII—XVIII вв. Тот же А.С. Зуев сформулировал специальные «параметры и критерии присоединения». По его мнению, основанием, позволяющим считать те или иные земли «присоединенными», не могут считаться в отдельности ни «сам факт появления на ней русских землепроходцев и объясачивания местного населения», ни «строительство на ней русских укрепленных пунктов», ни даже «объявление иноземцам “государева милостива слова” и приведения их к “шерти-присяге”» («в любом случае это были номинальные акты, отражающие к тому же точку зрения лишь одной, русской стороны»). Согласно этой концепции, для того чтобы признать те или иные «землицы» и народы «присоединенными», необходим целый комплекс признаков: «наличие политико-правового акта о приеме в подданство и принятии подданства»; «реальное закрепление русских на присоединяемой территории путем строительства укрепленных пунктов и включении территории в русскую административную структуру» (т.е. «распространение на новые земли

и новые народы постоянно действующей системы русского государственного управления»); «стабильное взимание ясака без применения открытого насилия»[33].

Надо заметить, что подобные мнения высказывались в нашей историографии и до А.С. Зуева применительно к самым различным регионам. В частности, на упоминавшемся «круглом столе» в Звенигороде в 1989 г. представитель Чечено-Ингушетии Я.З. Ахматов заявил, что «присоединение — это установление административной и государственной власти России на данной территории, а также границ». «Если та или иная территория попадает под юрисдикцию административных органов России, то это реальное присоединение, все, что было до этого, — просто взаимоотношения»[34].

Близкую А.С. Зуеву, но более «умеренную» позицию по вопросу о критериях присоединения (отождествляемого с подданством) занимает В.В. Трепавлов, не рассматривающий, впрочем, конкретные сроки присоединения к России тех или иных районов Сибири. По его мнению, такими признаками применительно к XV—XVIII вв. являются: «включенность территории (народа) в высшую государственную символику... налогообложение в пользу единого государства; распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства... Вести речь о вхождении территорий в состав государства можно лишь с тех пор, как она обзаводится хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев»[35].

В этих суждениях немало резонного. Надо, в частности, согласиться с А.С. Зуевым, что нельзя смешивать «присоединение» и «освоение» территорий. Это действительно «совершенно разные процессы», хотя в условиях Сибири нередко переплетавшиеся[36]. Но целиком его концепцию принять трудно. Если рассматривать под предложенным им углом зрения всю территорию Северной Азии, то «неподконтрольные» российской администрации районы можно обнаружить не только на Камчатке или в Корякии, о чем пишет Зуев, но и во многих других местах Сибири, и не только применительно к XVII—XVIII вв., но и к гораздо более поздним временам, включая, возможно, и наши дни. Кажется, никто из исследователей не оспаривает того факта, что север Западной Сибири в начале XX столетия являлся частью России. Но вот каким увидел его в районе рек Вах, Таз и Пур известный географ В.Н. Скалон в конце 1920-х годов: «Село Ларьяк — главный форпост советской культуры на Вахе. Здесь сельсовет, фактория, интегральный кооператив, школа, больница. А дальше за стеной красивого бора — болота, перелески, болота на

сотни верст, пустынные, унылые, не охваченные даже картой, где далеко не всегда была нога русского. Кромка бора — фактическая граница влияния сельсовета... А дальше неписанные и неописанные пространства — владения туземных магнатов»[37].

Нельзя не видеть, что, обвиняя сибиреведов в «слабой проработке» и «максимальном упрощении» вопроса о присоединении к России новых земель, А.С. Зуев и его единомышленники опять впадают в противоположную крайность — в *максимальное усложнение* картины, доведение ее порой до абсурда. Историки, писавшие о присоединении сибирских земель к России в результате географических открытий на севере Азии или военных походов служилых и промышленных людей XVII в., конечно же, отдавали себе отчет, что в данном случае речь может идти лишь о самой первой, начальной фазе присоединения, и ею, учитывая дальнейшее развитие событий, в некоторых случаях и в самом деле становится «уже сам факт появления» русских на той или иной территории...

Как заметил В.В. Трепавлов, «каждый регион при своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов: собственно *присоединение* (иногда в виде завоевания), т.е. установление российского подданства; постепенная *инкорпорация* в структуру государства; наконец, *ассимиляция*, которая со временем все более активизировалась...»[38]. С такой схемой с некоторыми оговорками можно согласиться, однако следует учитывать, что уже первый этап этого процесса — присоединение (пусть и в виде завоевания) — далеко не всегда акт единовременный и скоротечный. Он в свою очередь может быть разделен на определнные фазы — от попадания в «сферу влияния» до «прочного включения» в состав государства.

Примечательно, что А.С. Зуев в последних работах корректирует и уточняет свою трактовку понятия «присоединение». В уже упомянутой монографии о Чукотке он пишет, что подразумевает под присоединением «как *процесс*, так и *результат* включения “чужой” территории и ее населения в состав какого-либо государства»[39]. С такой формулировкой уже не приходится спорить. Следует только добавить, что далеко не всегда процесс присоединения являлся непрерывным и необратимым. Выход каких-то территорий или народов из подчинения тому или иному государству (временный или окончательный) — не такое уж редкое явление в истории, однако утрата государством своих земель не может «отменить» факта их присоединения к нему в более ранние времена.

Если для изучения территориальных приращений государств Средневековья и Нового времени использовать лишь приведенные выше «критерии присоединения», то это может привести к хаосу в

историографии, и не только сибирской. «Повиснут в воздухе» давно и вполне обоснованно принятые даты присоединения к России Среднего и Нижнего Поволжья, Башкирии, Украины и многих других земель; территорию Киевской Руси вообще придется ограничить узкой и к тому же «пунктирной» полоской (главным образом вдоль пути «из Варяг в Греки») и т.д. А главное, произойдет неоправданный разрыв с мировой практикой. Если у западноевропейских государств было принято считать своими владениями всего лишь *открытые* (и тут же покидаемые) их экспедициями острова и земли, то почему правомерность подобных действий нельзя признать за Россией в ходе русских географических открытий на севере Азии?

То, что новые концепции присоединения не учитывают международно-правовой аспект проблемы, — пожалуй, их самое уязвимое место. В.В. Трепавлов, правда, делает оговорку относительно XVIII столетия: по его мнению, с этого времени «можно также учитывать закрепление территорий за Россией в результате международных договоров»[40]. В последней монографии А.С. Зуева (2009 г.), где позиция автора по всему комплексу вопросов, связанных с присоединением Сибири, представлена в более смягченном, чем ранее, виде, также идет речь о «международно-правовых понятиях» XVIII в. (Они, по признание Зуева, все же дают России основание считать Чукотку своей территорией по крайней мере с 1779 г., когда Екатерина II издала указ о принятии чукчей в свое подданство.)[41] Однако надо заметить, что основные нормы международного территориального права были выработаны в мире еще до XVIII в. и тогда же был определен «набор» действий государства, необходимый для приобретения новых территорий.

На этом вопросе специально останавливался в своей монографии о формировании дальневосточной границы России А.Ю. Плотников — профессор, член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по безопасности. Он отмечает, что «практика территориальных приобретений» Нового времени была сформирована в своих основных, базовых принципах к середине XVII в. и исходила из двух возможных способов «легального» присоединения территории. Это (1) «первоначальное приобретение» «ничейной», не принадлежавшей до этого другому государству земли и (2) «производное приобретение», при котором к новому владельцу (государству) переходят территории, ранее уже входившие в состав другого государства. Первый способ, получивший название «первичного завладения», относился, прежде всего, к приобретению колоний и других новых «ничейных территорий». Он состоял в том, что первый, кто открыл неизвестную до этого землю и, хотя бы номинально, завладел ею, и

является ее собственником. В период Великих географических открытий (XV—XVI вв.) для приобретения «ничейной земли» было достаточно увидеть ее в океане и нанести на карту, чтобы она была признана владением государства, ее открывшего. В XVIII—XIX вв. этого было уже недостаточно, но — «давало большие преимущества, если у государства-претендента имелись убедительные доказательства такого первооткрытия»[42].

Конкретный пример — Аляска. Если исходить из предложенных А.С. Зуевым «параметров и критериев», то, за исключением ряда островов и отдельных участков побережья, она никоим образом не может считаться присоединенной к России. Между тем статус Аляски как российского владения был подтвержден (с определением границ) международными конвенциями, и продана она была тоже в соответствии с общепринятыми в то время правовыми нормами как принадлежавшая России[43].

* * *

И еще один аспект «проблемы присоединения». В новейших исследованиях все чаще подчеркивается необходимость отказаться от «руссоцентристского» подхода к присоединению нерусских земель к России, содержатся призывы «взглянуть на это дело... глазами... аборигенов», «тщательно проанализировать различия во взглядах на статус пребывания в составе России у русских властей и у присоединенных народов». Приводятся конкретные примеры, когда «категория подданства» в силу своей абстрактности, «не воспринималась адекватно коренными сибиряками», не осознающими, «частью какой колоссальной державы стали»[44].

Такой подход, конечно же, надо признать полезным, особенно для изучения ментальностей эпохи, но, во-первых, вряд ли количество «сторон» здесь следует ограничивать лишь двумя (русская власть и нерусские народы). Не менее интересно узнать, как понималось «пребывание в составе России» и в широких слоях русского народа. И, во-вторых, было бы неверным придавать субъективным представлениям о подданстве решающее значение в вопросе о вхождении (или невхождении) какого-то народа или какой-то территории в состав России. В данном случае будет предпочтительнее смотреть на проблему не с какой-то одной стороны, а со всех, глазами не только русских и аборигенов, а прежде всего — своими, т.е. стремиться подходить к вопросу объективно.

Жители Воронежа в XVII в., отправляясь в Москву, говорили, что пошли «на Русь», т.е дистанцировали себя от России; у сибиряков подобное дистацирование наблюдается даже в начале XX в. (а у мно-

гих и по сей день); донские казаки в «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 г.) называли места своего обитания частью «Московския области». Но вряд ли это дает основание ставить под сомнение факт нахождения в составе России Воронежского уезда в XVII в., Сибири — в XIX—XX вв., а территорию Войска Донского считать полностью инкорпорированной в состав Московского государства уже к середине XVII в.

При всех разногласиях с вышеназванными исследователями спор у нас получается не столько сущностный, сколько терминологический. Это типично для последнего времени с его «переоценками ценностей». Не случайно историки все чаще вспоминают слова Рене Декарта: «Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет»...[45] Показательно, что А.С. Зуев в своей последней монографии (о присоединении Чукотки) во вводном разделе детально разъясняет, что он понимает не только под «присоединением», но и под терминами «аборигены», «этнос», «народ», «регион», под этнонимами «русские» и «чукчи». Может быть, такое «разжевывание» терминологии вскоре станет обязательным для всех научных изданий? Нерадостная перспектива. Ведь научная терминология в гуманитарной сфере — вещь, как правило, довольно условная, и редкий термин может с абсолютной точностью отразить все многообразие, всю сложность процессов и явлений, с которыми его связывают. Когда на «круглом столе» в Звенигороде в 1989 г. была подвергнута сомнению правомерность употребления применительно к далекому прошлому термина «многонациональное государство», А.А. Преображенский заметил: «Историки, применяя это понятие, сознают его условность. Но более удачного определения пока не предложено...»[46]

Термин — это почти всегда упрощение, условность, допускаемая ученым, чтобы выделить главное в изучаемых событиях и явлениях и при этом быть понятым коллегами. Терминология должна облегчать работу исследователя, а не осложнять ее. Поэтому попытки изменить устоявшуюся терминологию оправданны лишь тогда, когда к тому имеются очень веские основания. В случае же с понятием «присоединение» такие основания усмотреть трудно, они порою надуманны, и наглядное подтверждение этого — некоторые высказывания самих сторонников его новых, «усложненных» трактовок.

Так, В.В. Трепавлов пришел к следующему заключению: «В *составе Российской державы* на протяжении четырех столетий существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом. Например, в XIX — начале XX в., наряду с губернско-уездным делением, имелись казачьи войска, горные и пограничные округа, протектораты. Ранее существовали еще и

“царства” на месте завоеванных татарских ханств, а также различные вассальные владения. Подобная “многослойность”, очевидно, характерна вообще для имперской государственности»[47]. И если исходить из этого, совершенно справедливого положения, то напрашивается такой вывод. Присоединение различных территорий к какому-либо государству может осуществляться в самых различных формах. Оно бывает сразу же полным и абсолютным, с быстрым включением в административную систему государства (по отношению к иноязычным народам — случай довольно редкий). Но и вассалитет, и протекторат, и включение в сферу деятельности своей администрации и т.д. и т.п. — все это тоже формы присоединения, означающие лишь соответственно разную степень подчиненности территорий данному государству на тот или иной момент.

Объединение различных способов установления подчиненности одним термином «присоединение» вовсе не означает отказа от их специального изучения применительно к каждому региону в различные исторические периоды. Но такая работа не является чем-то принципиально новым для наших историков. Она, например, давно находит отражение на исторических картах, когда территории, находившиеся в вассальной (или иной неполной) зависимости, окрашены тем же цветом, что и основная территория государства, но не сплошь, а штриховкой или иными изобразительными средствами, показывающими особый статус региона в составе России. Работу в этом направлении надо, конечно продолжать и совершенствовать, но желательно не терять при этом способности «видеть за деревьями лес», не тонуть в частностях, забывая о главном.

[1] *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 32, 33, 42, 43, 53.

[2] *Шунков В.И.* Некоторые проблемы истории Сибири (К созданию «Истории Сибири») // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 66, 67.

[3] *Башарин Г.П.* Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 4, 5, 25, 44, 67, 68 и др.

[4] См.: *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 31; *Никитин Н.И.* История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 42, 43*; Его же.* Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988. С. 40.

[5] *Зуев А.С.* Сибирь: вехи истории (XVI—XVII вв.). Новосибирск, 1998. С. 72, 73; *Его же.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1: Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124—136; *Его же.* Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России: военно-политический аспект, вторая половина XVII — XVIII век: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2005.

[6] *См.*: *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 95, 104.
[7] Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995. С. 9, 17.
[8] Там же. С. 44, 45.
[9] *Сахаров А.Н.* Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006. С. 105, 106.
[10] *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007. С. 102, 105—109.
[11] Русские в Евразии XVII—XIX вв.: миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008. С. 280—283.
[12] *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 93, 94.
[13] См.: Там же. С. 105.
[14] См.: *Горюшкин Л.М.* О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. С. 66, 67; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 9. В современных справочных изданиях основное значение слова «колония» определяется так: «Страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии), лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима» (Российский энциклопедический словарь. / под ред. А.М. Прохорова. М., 2001. Кн. 1. С. 709).
[15] Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.
[16] *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 41, 155—158.
[17] См.: *Его же*. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 94.
[18] *Сафронов Ф.Г.* Тихоокеанские окна России... Хабаровск, 1988. С. 13, 14, 54.
[19] См.*: Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 76—78, 90.
[20] Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 94; *Трепавлов В.В.* «Белый царь». С. 140; Русские в Евразии ... С. 17, 18).
[21] На базе своей диссертации Ш. Сили подготовил монографию «Концепции овладения Сибирью в русской и советской историографии», которая вышла на венгерском языке в 2005 г. Ее основные положения на русском языке см.: Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике. Будапешт, 2005. С. 74—82.
[22] См.: *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 93, 95, 103, 104.
[23] Там же. С. 106, 107.
[24] *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России XVII — начала XVIII века: ист.-историогр. очерки. Владивосток, 2003. С. 9, 39; *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 106.
[25] *Зуев А.С.* От завоевания к вхождению, или Как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5. С. 61—63.
[26] *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 20, 21, 149.
[27] *Ципоруха М.И.* Покорение Сибири. От Ермака до Беринга. М., 2004. С. 6.
[28] *Зуев В.Н.* К вопросу об изучении так называемой «чукотской войны» (30—70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв.: (ист.-археол. исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 231, 232; История Русской Америки. М., 1997. Т. 1. С. 16, 17.
[29] *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 98.

[30] *Его же*. Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России ... С. 15. См. также: *Ананьев Д.А.* История Сибири конца XVI — первой половины XIX в. в англо- и германоязычной историографии (XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. С. 17.

[31] *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII—XVIII век). Новосибирск, 2009.

[32] Российское многонациональное государство ... С. 98.

[33] *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири ... С. 166—175, 184; *Его же*. Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России ... С. 44, 45.

[34] Российское многонациональное государство ... С. 35, 59.

[35] *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI—XX) // Россия в XX в.: проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 116, 117; *Его же*. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 634; *Его же*. «Белый царь». С. 134.

[36] *Зуев А.С.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии. С. 130.

[37] *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005. С. 14.

[38] *Трепавлов В.В.* Присоединение народов России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 2. С. 198.

[39] *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII — XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 19

[40] *Трепавлов В.В.* «Белый царь». С. 135.

[41] *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России ... С. 242, 243, 399.

[42] *Плотников А.Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX века: двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007. С. 11—13.

[43] История Русской Америки. М., 1999. Т. 2. С. 420—436; *Плотников А.Ю.* Указ. соч. С. 35—45, 87—93.

[44] *Зуев А.С.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии. С. 132; *Трепавлов В.В.* Присоединение народов к России и установление российского подданства. С. 198; *Его же*. «Белый царь». С. 7, 183.

[45] *Маркедонов С.* Заколдованное слово // Родина. 2004. № 5. С. 22

[46] Российское многонациональное государство ... С. 43.

[47] *Трепавлов В.В.* Присоединение народов к России и установление российского подданства. С. 202; *Его же*. «Белый царь» С. 202. (Курсив мой. — *Н.Н.*).

150-ЛЕТИЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

В.Я. Гросул

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 Г.

В статье исследуются общественные настроения в России по крестьянскому вопросу накануне реформы 1861 г. В основу ее положены материалы 1-й и 4-й экспедиций III отделения, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, которые в своем комплексе до сих пор не были изучены. Эти материалы являются результатом специального наблюдения за общественным мнением страны. Автором сделаны обоснованные выводы о настроениях различных кругов российского общества в тех или иных губерниях. Выявлены планы и надежды крестьян, дворян, купцов, духовенства, крепостного крестьянства. В статье показывается как откликнулись крестьяне на реальную реформу сразу после 19 февраля 1861 г.

Ключевые слова: крепостное право, реформа, Александр I, общественное мнение, Манифест 19 февраля 1861 г., земельный вопрос, отрезки, крепостные крестьяне, дворянство, духовенство, купечество.

Непосредственная подготовка Крестьянской реформы 1861 г., несомненно, крупнейшего события XIX в. в России, заняла примерно пять лет и прошла через несколько этапов, каждый из которых включал серию различного рода мероприятий. Одним из них можно считать создание простора для развития общественного мнения и, вместе с тем, его регулирование в пользу тех планов, которые имелись у верховной власти. Если знаменитый тост Константина Аксакова в честь общественного мнения, произнесенный в ноябре 1855 г. на многолюдном банкете по случаю 50-летия сценической деятельности М.С. Щепкина[1], хоть и не был спонтанным, но неожиданным, то последующие события становятся более сложными и многообразными. Власть, с одной стороны, поощряла гласность, с другой, внимательно следила за общественными настроениями в различных слоях русского общества, стараясь чтобы они не вышли за предназначенные им пределы. Вспоминая о том времени, брат

К.С. Аксакова — И.С. Аксаков, подчеркивал: «Кто не был свидетелем этой поры, тому и не представить себе, каким движением внезапно была объята Россия. Откуда ни возьмись, “общественное мнение”, — которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, — явилось такою неодолимой нравственной силой, которой никакая в мире живая сила, личная власть не могла сопротивляться»[2].

Учет общественного мнения шел по многим каналам, далеко не все из которых изучены и даже обозначены. Именно по инициативе одного из главнейших двигателей реформы великого князя Константина Николаевича была организована командировка ряда видных литераторов по России с целью описания реального состояния тех или иных регионов с учетом, прежде всего, быта и нравов. Результатом этой поездки стала публикация отчета о ней виднейшего российского драматурга А.Н. Островского в «Морском сборнике» за 1859 г., а затем, в 1860 г. его знаменитой «Грозы». А ведь еще совсем недавно, в 1850 г. правительственным циркуляром запрещалось издание сочинений в поддержку крепостных крестьян и печатное отражение злоупотреблений помещиков. Там же не допускалось признание полезным изменение отношений между крестьянами и помещиками[3].

Литература и особенно журналистика стали играть заметную роль в развитии общественного мнения в целом, и по крестьянскому вопросу, в частности. Как писалось в одном из жандармских донесений, посланных из Ковенской губернии в августе 1859 г.: «Без пособия литературы, по мнению жарких защитников гласности, общественное мнение в России не достигло бы в крестьянском вопросе той степени развития, на которой находится ныне»[4]. И несколько далее, в том же донесении подчеркивалось: «Печатная гласность пользуется вообще величайшим сочувствием всех образованных сословий народа и ее считают лучшим пособием к подготовлению общественного мнения ко всем нововведениям и единственным средством к искоренению лихоимства, злоупотреблений служебных лиц и вообще всякого зла в государстве»[5].

В том же 1859 г. в декабре месяце один из органов российской прессы под названием «Русская газета», не отличавшейся какой-то широкой известностью, помещает статью под названием «Об изобличительной литературе», где писалось, что два — три года тому назад литература повернула на изобличительный путь и это встретило противодействие со стороны определенных лиц, призванных следить за порядком в обществе. Защищая этот род литературы, автор статьи С. Словутинский подчеркивал: «Изобличительная литература, как бы ни слабо она действовала, должна неминуемо принести

прекрасный плод: она должна содействовать будущему развитию нашего общественного мнения»[6].

Предоставляя заметный простор для свободы прессы, власть отнюдь не собиралась пускать дело на самотек и приняла соответствующие охранительные меры. Совет министров подготавливает решение, одобренное императором, с целью подталкивать литературу в нужном для правительства направлении. Было создано специальное учреждение, которое должно было действовать параллельно с Главным управлением цензуры, еще руководствовавшимся цензурным уставом 20-х годов[7], и которое должно было «служить орудием правительства для подготовления умов, посредством журналов, к предпринимаемым им мерам». Членам этого учреждения рекомендовалось войти в «сношения с редакторами главнейших журналов и замечательнейшими авторами, действуя на них не силою официальной строгости, а мерами убеждения и поощрения и приобретая таким образом нравственное на них влияние»[8]. Так, в январе 1859 г. был создан Комитет по делам книгопечатания во главе с Н.А. Мухановым, просуществовавший, однако, очень непродолжительное время[9].

Правительственная политика в области печати явно не отличалась определенной четкостью. В ней прослеживаются заметные колебания и даже некоторая неуверенность, что находило отражение и в соответствующих постановлениях. 3 апреля 1859 г. последовало распоряжение Министерства народного просвещения, которое разослали редакторам всех периодических журналов, допускавшее гласность в обсуждении вопросов государственной и правительственной деятельности[10]. В этих условиях, как писал Н.М. Дружинин, «...даже в самый тяжелый период цензура нового царствования была далека от прежнего террора: несмотря на строгие предписания из центра, цензорский карандаш невольно дрожал и колебался в руках чиновников»[11].

Русская пресса кануна реформы привлекала внимание многих исследователей. Еще в 1923 г. Н.М. Дружинин написал монографию о «Журнале землевладельцев», которую опубликовал в 1926—1927 гг. Этот журнал был преимущественно консервативного направления, но, как пишет автор монографии, несмотря на стеснения цензуры, в журнале можно найти все оттенки мнений по крестьянскому вопросу от смягченного сохранения прежнего строя и до полного и радикального разрыва крепостных отношений. Н.М. Дружинин специально останавливается на влиянии общественного мнения на издателей журнала и подчеркивает: «Кормило “общественного мнения” принадлежало сторонникам “эмансипации”»[12].

Исследован также и ряд других органов прессы, издававшихся накануне реформы — «Колокол», «Отечественные записки», «Современник», «Морской сборник», «Русский вестник» и др. Недавно самарский историк С.А. Репинецкий опубликовал книгу, специально посвященную обсуждению крестьянского вопроса либеральной публицистикой 1856—1860 гг. Он изучил четыре периодических либеральных издания — «Отечественные записки», «Русский вестник», «Атеней», «Экономический указатель» и непериодический сборник «Голоса из России». Примечательно, что славянофильские издания он к числу либеральных не относит. В данном случае он поддерживает мнение философа В.Ф. Пустарнакова и, таким образом, не соглашается с выводами таких видных исследователей славянофильства как Е.А. Дудзинская и Н.И. Цимбаев. По нашему мнению, в эпоху Крестьянской реформы славянофилы были либералами, хотя и с рядом специфических особенностей. Не случайно именно в это время у одного из видных славянофилов В.А. Черкасского возникла идея объединения славянофилов и западников и создания единой либеральной партии[13], хотя славянофилы и не признавали за собой названия либерал. Главным в отнесении к тому или иному лагерю, по нашему мнению, являлась социально-экономическая программа, а она у западников и славянофилов была в это время очень схожей. И те и другие были сторонниками упразднения крепостного права и феодализма в целом. Не были славянофилы и противниками личной свободы. Тот же Черкасский несколько позднее подчеркивал: «...в нашем Русском обществе политические и гражданские условия которого, обусловленные нашим своеобразным историческим развитием, оставили сравнительно так мало простора личному развитию человека, где его личное значение так всецело расплывается и так быстро исчезает в безличной правительственной массе »[14].

С.А. Репинецкий выделил три этапа, через которые прошла либеральная публицистика. Первый он определяет 1855—1857 гг., характеризуя его как открытое предъявление обществом власти своих социально-политических требований. Далее он отдельно выделяет 1858 г. как время участия общества в подготовке крестьянской реформы, преимущественно, в соответствии с планами правительства. Третий этап он ограничивает 1859—1860 гг., показывая его как оппозицию со стороны либеральной печати и даже пишет о возврате к полулегальным способам протеста и самовыражения[15]. По мнению автора, абсолютное большинство либеральных проектов отмены крепостного права исходило, прежде всего, из необходимости перехода к вольнонаемному труду. На втором месте шли требования наделения крестьян землей, хотя по этому второму пункту име-

лись существенные разногласия, касавшиеся размера крестьянских участков. Следующим по значимости в проектах либералов находился вопрос выкупа земли, но и по этому пункту имелись различные точки зрения. Обсуждались вопросы сроков проведения реформы, условия освобождения, организация возмещения помещикам, а также источники финансирования преобразований[16]. Особое место в публикациях либералов занимала проблема общины, выявившая различные подходы.

Пресса предреформенной поры позволяла в определенной степени знакомиться с состоянием общественного мнения по аграрному вопросу, но она не была единственным источником для ознакомления с ним. Существовало немало других каналов, по которым можно изучать настроения в разных слоях российского общества. Одним из них были исповедные книги. Еще в феврале 1722 г. Святейший Синод завел во всех православных приходах исповедные книги. Выписки из этих книг, так называемые исповедные ведомости, посылались в консисторию, а затем в обобщенном виде в Синод. Б.Г. Литвак, специально изучавший этот вид источников, подчеркивал, «что исповедь была важнейшим средством официальной слежки за состоянием умов всего христианского населения, и, конечно же, массы крестьян»[17]. Сведения об общественном мнении можно почерпнуть и в материалах Министерства народного просвещения, и в архивах военного ведомства, и в источниках судебных инстанций, прежде всего, Министерства юстиции, и в жалобах[18], перлюстрациях и в других материалах.

Особое место в изучении общественного мнения занимают архивы тайной полиции, прежде всего, известного III отделения, с самого своего основания уделявшего обзорам общественного мнения большое место и сообщавших о них в своих ежегодных отчетах. Мы обратим особое внимание именно на этот источник, поскольку наряду с конкретными сведениями оно учитывало информацию и из других ведомств, за которыми ему было вменено в обязанность внимательно следить. Донесения III отделения носили во многом обобщающий характер. Ежегодные Отчеты III отделения хорошо известны, и сравнительно недавно они, хотя и не полностью, были опубликованы отдельной книгой под названием «Россия под надзором». Обращаясь к Отчетам предреформенной поры, следует отметить, что в указанной книге из 254 страниц Отчета за 1855 г. опубликовано всего четыре. Если же обратиться к соответствующему архивному делу, где находит отражение первый год царствования Александра II, то там по крестьянскому вопросу сообщаются сведения, подобные которым приводились и раньше. По ним выходило, что в дурном обращении

с крестьянами было изобличено в 1855 г. 17 помещиков и 37 управителей и сельских старшин. От рук помещиков и управителей погибло 62 крестьянина, в том числе восемь женщин и шесть детей. Всех случаев неповиновения крестьян в этом году было 26. Что касается крестьян, то они лишили жизни девять своих помещиков и 17 управителей и старшин. Кроме того безуспешных покушений на жизнь с их стороны было отмечено 13[19].

Отчет за 1856 г. почему-то в упомянутой книге полностью отсутствует. Архивное же дело за этот год составляет 292 страницы и по крестьянскому вопросу содержит сведения по привычной схеме. Там за этот год указывается 65 случаев неповиновения крестьян в имениях и 46 подстрекательств крестьян к ослушанию и побегам. В дурном обращении с крестьянами изобличено 23 помещика и 28 управителей и сельских старшин. Смертельных случаев в результате побоев со стороны помещиков отмечено 62. Крестьяне лишили жизни 13 своих помещиков, а управителей и старшин — 14, безуспешных покушений на жизнь было 19[20].

Совсем другой характер носят сведения указанных Отчетов начиная с 1857 г. Именно в этом году в Отчете помещается специальный раздел под названием «Об улучшении быта помещичьих крестьян». В самом начале этого раздела писалось: «Из всех предметов, наиболее занимающих теперь Россию, самым важным является предположенное освобождение помещичьих крестьян. Слухи об изменении их быта, начавшиеся тому около трех лет, распространились по всей Империи и привели в напряженное состоянии как помещиков, так и крепостных людей, для которых дело это составляет жизненный вопрос»[21]. Далее в отчете сообщается о настроениях в различных слоях общества по отношению к крестьянской реформе с учетом немаловажных нюансов. Как там сообщалось, беспоместные дворяне, писатели и представители разных сословий, которые в процессе преобразований не понесут никаких потерь, с восторгом приветствуют уничтожение крепостного права. Что касается дворян, владевших крепостными людьми, но отличавшихся известным образованием, то они поддерживают установки правительства, но считают освобождение крестьян мерой преждевременной, потому что условия для этого еще не созданы. И, наконец, полуобразованные помещики, постоянно проживающие в деревне, и все мелкопоместные «страшатся даже мысли об изменении крепостного права». По их мнению, освобождение крестьян приведет к праздности и пьянству крестьян, и поля не будут обработаны, имения потеряют ценность, и дворяне разорятся.

Предсказывалась в этом отчете и враждебность помещиков властям в том случае, если они в процессе реформ понесут материальные

потери. Довольно подробно излагались настроения в губернских комитетах реформ и тех трудностях, с которыми они столкнулись как в экономической, так и социальной областях. При этом отмечались многочисленные проблемы, с которыми могут столкнуться как помещики, прежде всего, мелкопоместные, так и крестьяне.

В Отчете за 1858 г. содержался раздел под названием «О крестьянском деле». Он заметно отличается от предыдущего Отчета своей явной тревожностью. В нем писалось: «Первые Высочайшие рескрипты об изменении крестьянского быта произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все этого распоряжения ожидали; но выраженное официально оно озаботило даже тех, которые прежде одобряли означенную меру. Большая часть помещиков смотрит на это дело, как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее их разорение»[22]. Отмечалось, что даже Москва медлила с созданием дворянского комитета, а другие губернии ожидали решения первопрестольной. И далее в Отчете за этот год, подписанном В.А. Долгоруковым 6 марта 1859 г., отмечалось: «У многих таилась и доселе еще таится мысль, что само правительство, увидев разные неудобства объявленной меры, может быть, ее отменит».

В этом Отчете подчеркивалось явное нерасположение большинства дворян к разрешению крестьянского дела. Отмечалось также и наличие их меньшинства, которое называлось образованным и благомыслящим и желавшим содействовать видам правительства. Первые соглашались на предоставление крестьянам не только усадьбы, но и участка пахотной земли в их собственность, с последующим выкупом, или уступку им усадьбы без всякого вознаграждения. Они ратовали за то, чтобы немедленно даровать крестьянам все права свободных сословий без переходного состояния. Большинство же с трудом соглашалось на уступку крестьянам пахотных участков даже во временное пользование. Как там писалось, «считают необходимым оставить крестьян в полном подчинении владельцам и желали бы сохранить на них все или почти все нынешние права». Здесь же рассказывалось, что многие помещики прибегали к разного рода ухищрениям, желая накануне реформы создать для себя благоприятные условия.

В Отчете отмечалось также напряженное состояние крестьян при ожидании переворота в их судьбе. Упоминались крестьянские волнения в 25 губерниях, а также разные настроения в среде крестьянства. Как там пишется, многие понимают свободу в смысле вольницы, а некоторые думают, что земля принадлежит им столько же, как и помещикам, и в еще большей степени убеждены, что им принадле-

жат дома и усадьбы. Крестьяне не могут понять, почему они должны будут выкупать усадьбы, которые ими обстроены и в которых жили отцы и деды их[23].

Таким образом, в этом Отчете отразились настроения помещиков и широких масс крестьянства, показано размежевание среди помещиков, их деление на меньшинство и большинства, нежелание последних пойти на сколь-нибудь серьезные преобразования. Через год, в Отчете за 1859 г. также содержался раздел под названием «О крестьянском вопросе», где вновь подчеркивается недовольство помещиков подготовляемой реформой, отражаются их замечания на ход деятельности Редакционных комиссий, но о настроениях крестьянства здесь ничего не говорилось[24]. И, наконец, в последнем накануне реформы Отчете III отделения за 1860 г., подписанном 22 марта 1861 г., крестьянский вопрос находит отражение прежде всего в разделе под названием «О государственных преобразованиях». Там писалось: «В 1860 году из внутренних вопросов, наиболее занимавших умы на всем, можно сказать, пространстве Империи, весьма естественно был самым важным, как и в предшествовавшие три года, вопрос об освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости». Но поскольку о проведении реформы уже было объявлено, каких-либо подробных сведений о состоянии умов в этом разделе уже не сообщалось. Упоминались лишь «разнородные суждения» и опасения беспорядков и довольно подробно говорилось о крестьянском вопросе в Прибалтике. Не нашел отражения этот вопрос и в специальном разделе «О движении народного духа и внутреннем политическом состоянии империи», где говорилось о роли периодической печати и проявлении национальных движений на некоторых окраинах[25].

Четыре ежегодных Отчета III отделения в целом дают определенную информацию об общественном мнении в стране, прежде всего, среди дворянства и, в меньшей степени, среди крестьянства, но существующий богатейший материал в архиве III отделения дает возможность увидеть более широкую и разнообразную картину. В определенной степени эти источники были изучены, но, прежде всего, на основе 4-й экспедиции, меньше 1-й. Особое внимание уделялось исследователями изучению настроений среди крестьянства. Сложилась уже заметная историография, представленная трудами В.А. Федорова, Б.Г. Литвака, П.Г. Рындзюнского, В.И. Крутикова, Г.А. Кавтарадзе, А.И. Клибанова, М.А. Рахматуллина, М.М. Громыко, К.В. Чистова и др. Выявились различные точки зрения и даже имеет место предметная дискуссия о подлинных желаниях крестьян накануне реформы.

Известно, что еще весной 1856 г. среди крестьян шли упорные слухи о получении воли в период предстоящей коронации царя[26]. Это был далеко не первый слух о получении воли, подобные ему наблюдались и раньше[27]. В свое время И.Д. Ковальченко приводил донесение Л. Дубельта 1840 г. министру внутренних дел, где, среди прочего, писалось: «...помещичьи крестьяне и дворовые люди, по разнесшимся между ними слухам, что они непременно будут свободны, ежели помещики перестанут довольствовать их надлежащим образом, начали выходить из повиновения, отказываясь от работ и увеличивая свои требования». В Тамбовской губернии такие слухи больше всего были распространены тогда в Моршанском и Тамбовском уездах[28]. Известны слухи и более раннего времени, что послужило причиной известного Указа 12 мая 1826 г. о ложных слухах о свободе, разглашавшихся злонамеренными людьми[29].

Но в 1856 г. слухи дополнялись все новыми и новыми данными, подкреплявшимися ссылками на конкретные источники. Слухи носили различный характер. Так, в мае 1856 г. в среде помещичьих крестьян нескольких украинских и российских губерний распространялось мнение о поощрении правительством переселения в разоренный войной Крым, в результате чего тысячи крестьян направились в сторону Севастополя[30]. Чрезвычайное возбуждение среди крестьянства породил указ от 31 декабря 1856 г. «О порядке записей при увольнении помещиками крестьян в звание государственных». Указ этот был воспринят как указ о вольности, и буквально толпы людей бросились раскупать его текст. Дело дошло до того, что министр юстиции В.Н. Панин отдал распоряжение отбирать указ у всех, где бы он ни обнаружился. Крестьян, распространявших слухи об этом указе, арестовывали и секли розгами. Только в Петербурге было арестовано и высечено в полиции 150 человек. Подобные меры принимались и в провинции[31]. В январе 1857 г. начальник Ярославской губернии по этому поводу даже разослал специальный циркуляр, где предусматривалась целая система наказаний, в том числе розгами, за распространение слухов о свободе. Это циркуляр даже вызвал определенную размолвку между шефом жандармов и министром внутренних дел С. Ланским, придерживавшимся более мягких мер[32].

Слухи об освобождении от крепостной зависимости нередко становились поводом для активных выступлений крестьянства. Так, в ноябре 1857 г. они привели к отказу крестьян П.Л. Витгенштейна в Минской губернии подчиняться вотчинному управлению. В августе того же года они подвигли к волнениям крестьян в ряде помещичьих имений в Харьковской губернии. В сентябре 1858 г. слухи о свободе привели к отказу крестьян подчиняться помещице Комковой в

Костромской губернии, а несколько раньше, в марте того же года к отказу крестьян нескольких помещиков Нижегородской губернии подчиняться вотчинным властям[33].

Уже в 1856 г. военный министр А.И. Чернышев, подразумевая внутреннее положение в стране, подчеркивал, что «происшествия истинные, искажаясь молвою, легко становятся источником неосновательных и нелепых толков»[34]. Распространителями слухов стали сотни тысяч распущенных по домам солдат, крестьяне-отходники и, как ни удивительно, некоторые помещики, которые при своих крестьянах комментировали ход подготавливавшейся реформы. К распространителям слухов относились грамотные крестьяне, священники, купцы, мещане[35].

В середине октября 1857 г. жандармский офицер из Нижегородской губернии доносил: «Молва в простонародии об уничтожении крепостного состояния увеличилась. Об этом говорят открыто и это составляет предмет самого нетерпеливого ожидания. В особенности заметно, что дворовые люди, составляющие личную прислугу помещиков, становятся дерзкими. Между помещиками рождается опасение оставаться в своих деревнях. Все ожидают перемен, и неизвестность ожидаемого с каждым днем усиливает и вкореняет мысль, что ожидаемая свобода должна изменить их отношения в самом непродолжительном времени»[36].

Ожидаемая реформа все оттягивалась, и это все более усиливало недовольство крестьян. В сводке агентурных данных, составленных чиновниками III отделения 5 января 1860 г., говорилось: «В день нового года разговоры о крестьянском деле были почти повсеместные в народе и почти все они выражали злобу на помещиков, останавливающих благополучное окончание дела и пользующихся настоящим положением его, чтобы окончательно разорить крестьян. Во многих разговорах проявлялось сомнение, чтобы освобождение когда-либо осуществилось; говорили, что мужикам не дождаться воли, что вот уже третий новый год, как обманывают мужиков с волею, что если государь не примет решительных мер против дворян, то будет много несчастных, ибо крестьянам остается один выход — поднять руки на своих помещиков или поднять руки на самих себя. Донесения всех агентов по этому предмету совершенно сходны»[37].

То, что крестьяне с нетерпением ожидали реформу, оживленно обсуждали ее ход, подтверждается многими источниками. Нет сомнения в их желании воли и земли, но подлинная программа или, точнее, то, что действительно хотели крестьяне, в литературе точно не установлена. Прежде всего, остановимся на некоторых материалах, приведенных еще в дореволюционной литературе. В 1874 г.

сенатор Н.П. Семенов, известный деятель реформы, впоследствии автор известной трехтомной хроники по освобождению крестьян, опубликовал свою статью в журнале «Русский архив», где в качестве приложения приводилась записка, составленная неким Корибут-Дашкевичем в апреле 1859 г. Ссылаясь на свое знакомство с простым народом, автор записки утверждал, что после первых императорских рескриптов все помещичьи крестьяне заговорили о полной и безусловной свободе и о том, что их уволят со всею землей[38]. Комментируя эту записку, Н.П. Семенов вспоминал о своей беседе с одним крестьянином сразу после объявления Положения о реформе. Этот крестьянин говорил о надежде на большую волю и о том, что крестьяне пока получили лишь ту землю, на которой на себя пахали, а затем получат и ту, которая осталась у помещиков со всеми их усадьбами. Помещики же получат особый указ, и Государь примет их на свое иждивение[39]. Таково было одно из первых свидетельств о желании крестьян получить всю землю, свидетельств пока еще единичных и не позволяющих делать широкие обобщения. В дореволюционной литературе можно найти и некоторые другие подобного рода материалы, но особого внимания заслуживает крупная, монографического плана статья А.З. Попельницкого, вышедшая в двух номерах журнала «Современный мир» за 1911 г. и посвященная тому, как было принято крестьянами Положение 19 февраля 1861 г. крепостными крестьянами.

Автор привлек донесения генерал-майоров и флигель-адъютантов свиты Его величества, посланных в 42 губернии в феврале 1861 г. (с марта по июль были получены донесения из 39 губерний)[40]. Так, из Витебской губернии в одном из имений крестьяне заявили о своем согласии работать на помещика лишь две недели, а затем получить в свою собственность земли и леса. При этом они ссылались на волю Государя. Право на всю землю и ликвидацию повинностей и обязанностей объявили восставшие в Бездне (Казанская губ.). Всю землю требовали также крестьяне Кандеевки (Пензенская губ.) и Тамбовской губернии. В Калужской губернии крестьяне требовали даровой отдачи земель, но не ясно, всей или только той, которой они пользовались до реформы. Примерно такая же картина наблюдается в Саратовской губернии, где крестьяне настаивали на переходе в их собственность земли, усадьбы и лесов. В Самарской губернии четко требовали земли, находившейся в их пользовании до реформы. То же самое наблюдалось на Черниговщине, а также в Киевской губернии, где крестьяне добивались безвозмездного дарования им находящихся в их пользовании угодий. Из Минской губернии сообщали о требовании крестьян на землю

и волю, без какой-либо детализации, а из Тульской сообщали, что по мнению крестьян земля и леса божьи и царские и через два года будут ихними, крестьянскими[41].

Картина, таким образом, получилась довольно пестрой, но преобладали два подхода. Первый — получение всей земли и второй — лишь той, которой крестьяне пользовались до реформы. Оба они, однако, противоречили условиям реформы и, тем самым, отражали крестьянское недовольство, поскольку, как хорошо известно, крестьянский идеал заключался в лозунге «свободный труд на свободной земле»[42]. Попельницкий прямо писал: «Изданные положения далеко не осуществляли мечты крестьян относительно материального их обеспечения...». О реакции крестьян на реформу есть и более прямые сведения тех же флигель-адъютантов. Лишь в Вятской губернии, по донесению генерал-майора Мирбаха, крестьяне вели себя с доброю готовностью и совершенною покорностью, во всех других губерниях, как писал Попельницкий, «крестьяне, считая себя вольными по объявлении манифеста, решительно уклонялись от работ в помещичьих имениях», то есть создавалась угроза срыва весеннего сева. В этой связи власти прибегли к силовому воздействию и, автор статьи при этом поддержал мнение английского публициста и путешественника, несколько лет прожившего в России, М. Уоллеса, что «никогда телесные наказания не употреблялись так часто, как в первые три месяца по освобождении крестьян»[43].

Попельницкий привел официальные данные Министерства внутренних дел о числе волнений и беспорядков, количество которых в 1861 г. составляло 784 и происходили они в 2 034 селениях, причем в 449 случаях, охватывавших 1 666 селений, пришлось прибегнуть к военной силе[44]. Привел он также и ряд других ценных материалов. В еще одной своей статье, посвященной крестьянской идеологии, он ввел в научный оборот записку министра государственных имуществ М. Муравьева от октября 1857 г. В ней министр, объехавший ряд губерний, писал: «...крестьяне полагают свободу в прекращении всяких работ и платежей за землю и в неограниченном пользовании всеми землями помещиков, которые, по их мнению, должны будут выехать из имений в города, ибо земля, по понятиям крестьян, принадлежит им, а не теперешним владельцам имений»[45]. Попельницкий мобилизовал и ряд других материалов — записку помещика А.Д. Хрущова, по которой малороссийские крестьяне мечтали о получении в свою полную собственность всей земли, принадлежавшей помещикам; письмо эксперта Редакционных комиссий Н. Шишкова графу В.Н. Панину, где писалось, что «по понятиям и настроениям большей части крестьян... земля вся их»[46] и др.

В советской литературе также существует давняя дискуссия, каждый из участников которой настаивает на своем мнении. П.Г. Рындзюнский, в специальной статье, посвященной идейной стороне крестьянских движений, подчеркивал: «Крестьяне мечтали об утверждении в результате их борьбы строя обеспеченных собственными средствами производства и свободных от экономического, личного и всякого иного вида угнетения тружеников»[47]. Кстати, он обратил внимание на слова декабриста М.С. Лунина: «Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание»[48]. Можно добавить мнение на этот счет шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, писавшего, что среди крепостных крестьян «встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда»[49].

По мнению П.Г. Рындзюнского, во второй половине XVIII в. перед освободительным движением стояла задача поставить на место феодализма типа α феодализм типа β, то есть смену одной формы или варианта феодализма другим. Следующий этап, как пишет исследователь, заключался в «крестьянском стремлении к полному освобождению от феодального угнетения с предельными возможностями, какие предоставляла в этом направлении эпоха»[50]. Параллельно П.Г. Рындзюнский подчеркивает развитие в крестьянской среде и идей социальной утопии, что находит отражение и в работах других исследователей[51].

К конкретному изучению требований крестьян накануне реформы еще в 60-х годах прошлого века обратился В.А. Федоров[52]. По его мнению, крестьянство желало не только безвозмездного предоставления ему всех надельных земель, которые находились в их пользовании, но и земель, находившихся у помещиков под барской запашкой, а также помещичьих лесов и других угодий. По-другому, крестьяне требовали полной ликвидации помещичьего землевладения. Им была приведена указанная записка украинского помещика А.Д. Хрущова, поданная им в Редакционные комиссии в 1859 г. В записке прямо писалось, что народ Малороссии выражал надежду получить свободу и всю землю, принадлежащую помещикам. По этому мнению, помещики будут за это вознаграждены от правительства и навсегда удалятся из имений, которые поступят в безусловную собственность крестьян. Притом Хрущев подчеркивал: «Эта надежда превратилась в верование, охватившее весь народ от мала до велика»[53]. В.А. Федоров также привел донесение жандармского офицера из Воронежской губернии от 12 декабря 1857 г., где сообщалось, что некоторые крестьяне уверены в поступление в их владение даже господской земли со всеми угодьями. Примерно в том же духе писал

губернатору и предводитель дворянства Волоколамского уезда Московской губернии в 1858 г.[54]

Однако с выводами В.А. Федорова о стремлении крестьян накануне реформы 1861 г. не только сохранить за ними «неурезанные» наделы, но и осуществить раздел помещичьих земель не согласился Б.Г. Литвак, объявив такой вывод сильной модернизацией и стремлением подтянуть программу крестьян к уровню революционно-демократической теории[55]. Через несколько лет В.А. Федоров выступил с уже упоминавшейся статьей о крестьянских настроениях накануне реформы, где вновь в понятие «полная воля» включил требования ликвидации помещичьего землевладения с передачей всей земли крестьянам на принципах ее равного распределения, раздел помещичьего имущества, уничтожения феодальных повинностей как в пользу помещиков, так и государства, предоставление крестьянским общинам самоуправления, независимого от помещиков и от администрации.

Вновь напомнив о некоторых материалах своей статьи 1960 г. о требованиях крестьянского движения, В.А. Федоров привлек некоторые новые источники, которые подкрепляют его утверждения. В частности, он сослался на донесение московского полицмейстера князя Урусова от 24 января 1858 г., отражавшее пожелания крестьян получить в свое единственное владение как всю землю, находящуюся в их пользовании, так равно и господскую со всеми угодьями. При этом он добавлял, что подобные же мысли совершенно определенно высказывали крестьяне Калужской, Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Харьковской, Ярославской губерний. По его мнению, требование раздела помещичьих земель выдвигало подавляющее большинство крестьянства[56]. Для подкрепления своего утверждения В.А. Федоров привел выдержки из известной прокламации «Великорусс», опубликованной в «Колоколе» уже после реформы 1861 г., и где говорилось о двух партиях среди крестьянства, одна из которых желала полного перехода всей земли в собственность крестьян без выкупа и другая ратовала за сохранение прежних участков, но тоже без выкупа[57].

В.А. Федоров также упомянул о жандармском донесении из Воронежской губернии за 5 декабря 1860 г., содержащем информацию о желании помещичьих крестьян получить всю помещичью землю, на которую претендовали и казенные крестьяне[58]. В этой же статье он привел и ряд других аргументов в пользу своей точки зрения, среди которых фигурировала и статья Г.А. Кавтарадзе по истории крестьянского самосознания периода реформы[59]. Кавтарадзе, действительно, привлек ряд новых материалов в пользу версии Федорова,

как архивных, так и опубликованных. В них, среди прочего, говорилось о слухах среди крестьян, которые претендовали и на помещичью запашку, а помещики, по их мнению, получат от царя жалованье, став чиновниками[60].

Еще через несколько лет, в 1980 г. В.А. Федоров выпускает книгу по крестьянскому движению в дореформенный период и снова возвращается к данной дискуссии, подкрепив свое утверждение новыми фактами. Среди них вновь фигурируют архивные материалы об инспекционной поездке министра государственных имуществ Н.М. Муравьева летом 1857 г., отмечавшего желание крестьянства получить свободу, прекратить всякие работы в пользу помещиков и безгранично пользоваться всеми землями помещиков, которые вообще должны выехать из имений в города, ибо земля принадлежит им. Более того, как писалось в той же записке, «некоторые даже считают, что они не станут платить государственных податей, говоря, что будет полная свобода и что будут иметь свои собственные мирские судилища, которые заменят ныне существующие от правительства»[61].

Материалы, приведенные В.А. Федоровым, в целом, были весьма основательными и, видимо, по этой причине Б.Г. Литвак в новой книге, вышедшей в 1989 г., не стал открыто продолжать дискуссию, но все-таки выразил свое мнение по поводу тех требований, которые выдвигались крестьянами накануне реформы. Там он писал следующее: «Понятие “воля” — постоянный спутник процесса осознания себя как личности — имело самое простое содержание: свобода от помещика». И далее в понятие свобода он включает индивидуальные или массовые побеги, прошения о переводе в государственную или удельную деревню, даже в военные поселения. Это понятие, по его мнению, не выходит за рамки феодального строя, поскольку в основе его лежит стремление крестьянина перейти в менее обездоленное сословие[62]. Это, собственно, было скрытой формой дискуссии с В.А. Федоровым.

Последняя фраза Б.Г. Литвака была поддержана М.А. Рахматуллиным, тем самым включившегося в дискуссию. Он сослался при этом на мнение министра внутренних дел Л.А. Перовского, считавшего, что вольность в понимании крепостного крестьянства состояла в уравнении прав и обязанностей помещичьих крестьян с правами и обязанностями крестьян государственных[63]. И несколько далее, полемизируя со статьей В.А. Федорова от 1975 г., М.А. Рахматуллин как бы подводит итог: «Поэтому не представляется убедительным вывод о том, что в период подготовки реформы требование раздела помещичьих земель выдвигало подавляющее большинство крестьянства». По его словам, десятка два свидетельств о покушении

крестьян на помещичьи земли не могут говорить о подлинных желаниях крестьянства, поскольку значительно большее их число свидетельствовало о том, что в понимании крестьян «вся земля» — это надельная земля[64].

Действительно, два десятка фактов не могут затмить многие другие свидетельства. Но важно не только количество, но и характер свидетельств. Говоря о полемике по данному вопросу, М.А. Рахматуллин останавливается на работах Г.А. Кавтарадзе и В.И. Крутикова, первый из которых ближе по взглядам к В.А. Федорову, а второй — к Б.Г. Литваку. Сам он упомянул статью В.И. Снежевского, уже использовавшуюся В.А. Федоровым и Г.А. Кавтарадзе, который еще в 1898 г. писал: «*некоторые*... твердо убеждены, что в скором времени непременно последует такое распоряжение, по которому вся господская земля перейдет к крестьянам», цитирует того же Федорова, ссылавшегося на отчет министра Н.М. Муравьева, приводит некоторые новые факты в пользу и одной, и другой точки зрения. Но, хотя и признает необходимость привлечения нового материала, все-таки ближе к точке зрения Б.Г. Литвака[65]. Вместе с тем, взгляды самого Б.Г. Литвака становятся все более взвешенными. В новой своей работе, опубликованной в 1971 г., он пишет об эволюции крестьянского идеала. Если в дореформенный период, по его словам, крестьян больше всего занимала мечта о ликвидации личной зависимости от помещика, то на стыке 50—60-х годов крестьянский идеал приобретает новое содержание — личная свобода с *землей*. Правда, не указывается с какой землей, но примечательно в этой статье уважительное отношение автора к статье Г.А. Кавтарадзе[66]. Сам же Кавтарадзе, ученик С.Б. Окуня, в автореферате своей кандидатской диссертации, опубликованном в 1972 г., выражал свою приверженность точке зрения В.А. Федорова и еще раз подчеркнул, «что крестьяне стремились не к сохранению его (надела. — *В.Г.*) дореформенных размеров, а к получению всей занятой имением земли»[67].

В настоящее время необходимость привлечения нового материала не вызывает сомнений, но более двадцати лет, прошедших после выхода книги М.А. Рахматуллина, дали незначительный прирост новых источников. Наоборот, интерес к крестьянской тематике за эти годы заметно ослабел. В этой связи мы, прежде всего, обращается к архивам III отделения, но преимущественно не к его четвертой экспедиции, которые широко использовались, а к первой экспедиции, привлекавшейся по данной проблеме значительно меньше. Это объясняется тем, что многие дела первой экспедиции носят названия, которые напрямую к крестьянскому вопросу отношения вроде не имеют. Прежде всего, мы обращаемся к 321 делу за 1857 г., достаточ-

но хорошо известному, но состоящему из 42 частей, нуждающихся в комплексном исследовании.

Здесь находят отражение сведения почти из всех центральных губерний, а также из городов Дерпт, Одесса и Великого княжества Финляндского. Некоторое удивление на первый взгляд вызывает отсутствие соответствующих частей по Владимирской и Московской губерниям. Но как раз в том же, 1857 г. было заведено специальное дело по Владимирской губернии, а по Московской губернии имеется множество материалов, нашедших отражение в литературе. Итак, 15 ноября 1857 г. III отделением был разослан циркуляр по жандармским округам, в котором предписывалось наряду с донесениями о происшествиях представлять подробные сведения о носящихся слухах, происходящих толках и рассуждениях по предметам, заслуживающих внимания правительства, о состоянии умов как в высших слоях общества, так и между простым сословием, «об ожидании чего-либо (как например, освобождения крестьян и т.п.)...». Результатом этого циркуляра стало появление большого дела под названием «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». В нем идет речь в целом об общественном мнении в той или иной губернии, и материалы о крестьянском вопросе нужно было вычленять из общей информации различного характера. Хотя сведения о слухах по поводу приближающейся крестьянской реформы поступили лишь из тридцати губерний, в том числе и из Финляндии, основным вопросом, обсуждавшимся в различных общественных слоях, несомненно, был крестьянский.

Уже 6 декабря 1857 г. поступило довольно подробное донесение от подполковника Симановского — жандармского штаб-офицера из Тверской губернии. По этому донесению, слух о вольности распространялся между крестьянами и дворовыми людьми, но носил он не вполне определенный характер, поскольку не было ясно, ни когда эта вольность наступит, ни то, на каких основаниях она будет получена. Как там писалось, больше всего толков об уничтожении крепостного состояния можно услышать в сословии помещиков. Толки эти, как там сообщалось, носят различный характер. Некоторые ожидают освобождения крестьян в непродолжительном времени, большинство же считало, что это произойдет не раньше, как через несколько лет. «Одни говорят, что вместе с освобождением крестьян отойдет от помещиков и вся земля, которою крестьяне теперь пользуются без всякого им за оную возмездия, другие утверждают, что за землю дастся вознаграждение, при чем каждый усиливается угадать

в каком размере и каким образом они его получат; третьи толкуют что вся земля останется во владении помещиков»[68].

В этом донесении находят отражение и некоторые другие вопросы взаимоотношений помещиков и крестьян. Говорится о слухах по поводу мер, которые должны предшествовать освобождению крестьян. Речь идет о введении свободных браков, под чем, видимо, следует подразумевать заключение крестьянских браков без вмешательства помещиков; об ограничении их права ссылать крестьян и дворовых на поселение; лишении их права отдавать своих крестьян в рекруты в зачет и без зачета; о лишении их права переводить крестьян с оброка на барщину и о даровании права дворовым людям откупаться на волю без ведома и вопреки желанию помещика. Как отмечается в том же донесении, все эти толки берут свое начало от лиц, бывавших в Петербурге или Москве. Здесь же говорится об отношении к предполагавшейся реформе разных групп помещиков, одни из которых полностью поддерживают эмансипацию, другие ей противные. Как там писалось, «больше всего беспокоят их слухи об ограничении помещичьей власти»[69].

Через неделю, 14 декабря 1857 г. поступило донесение штабофицера корпуса жандармов из другой нечерноземной губернии — Костромской. В нем сообщалось, что с довольно давнего уже времени, месяца три или четыре назад распространился в здешнем обществе слух о «о непременном и весьма скором будто бы освобождении крестьян из под помещичьей власти». Слухи эти распространились из Петербурга, как приезжающими оттуда, так и через письма. В этом донесении говорилось о тех, кто положительно относился к предполагаемым мерам, но были и слои помещиков, которые назывались не многими, боявшихся лишиться выгод от своих имений. Многие все-таки ратовали за скорейшее разрешение этого вопроса, «потому что крестьяне, понимая слова вольность и свобода, в буквальном их смысле, неизбежно предались бы самовольству, и всеобщему неповиновению, которое и могло бы увлечь их даже к жестокостям». Слухи об освобождении, как там подчеркивалось, уже достаточно широко распространились и между самими крестьянами, в особенности в уездах Галичском, Чухломском и Солигаличском, благодаря тому, что значительная часть оброчных крестьян находилась в Петербурге. Отмечалось, однако, спокойствие среди крестьян и то, что никакого неповиновения своим помещикам они не оказывали[70].

Как уже говорилось, специальное дело по тоже нечерноземной — Владимирской губернии было заведено еще до появления упомянутого циркуляра. «Общий обзор Владимирской губернии» был состав-

лен флигель-адъютантом полковником Столыпиным в марте 1857 г. и уже тогда в нем сообщалось: «В последнее время она была взволнована, как и вся Россия, надеждами и слухами о вольности; но в волнении этом не было ничего мятежного, у хороших помещиков люди не выходили из повиновения; злоупотребление помещичьей власти было главной причиной частных восстаний». Автор обзора при этом отмечал былое редкое наличие злоупотреблений в этой губернии, чем в других, и находил тому объяснение в либеральных идеях местных помещиков, либеральных, как он заметил, в хорошем смысле слова.

Полковник Столыпин отмечал, что об освобождении крестьян речь идет во всех слоях общества как по всей России, так и на Владимирщине и противников эмансипации почти совсем нет, хотя трудно сказать, как у них в душе. Далее он остановился на некоторых возмущениях крестьян и обвинил в них помещиков[71]. Поступили сведения и из других нечерноземных губерний. Из Архангельска в октябре 1858 г. писали: «Относительно мнений о предполагаемом улучшении быта помещичьих крестьян, можно сказать, что большинство видимо свыкается с мыслью об эмансипации, и начинает все более и более сочувствовать этой идее; среднее же и низшее сословие с удовольствием ожидают предстоящих по сему изменений». Несколько позднее оттуда писали и о желании местных удельных крестьян перейти в государственные[72].

В сентябре 1860 г. поступили сведения об обсуждении крестьянского вопроса в новгородском обществе. Там подчеркивалась особая роль, которая выпадет на долю чиновничества в проведении будущей реформы, но чиновники эти, отнюдь, не отличаются исправным несением своих обязанностей. Автор данного отчета генерал-лейтенант Анненков при этом писал: «Трудно сказать, чтобы влияние этих лиц на ход дел, образ мыслей их и качества, отличающие их, могли принести для губернии существенную пользу и удовлетворить тем требованиям, которые появятся при окончательном решении крестьянского вопроса». По мнению Анненкова, крестьянский вопрос поглотил все остальные интересы. Но единства взглядов по нему нет. Особо он подчеркивал наличие довольно значительного количества дворян, которые не свыклись до сих пор с идеей о необходимости изменения крестьянского быта и не оставляют прежнюю систему управления своими имениями. В этой связи, по его мнению, при введении нового положения могут быть не вполне благоприятные последствия. Крестьяне Новгородской губернии, по его оценке, ведут себя хорошо, хотя в некоторых местах отмечены случаи неповиновения, которые стали «следствием подстрекательства и никогда не имели характер закоренелого упорства»[73].

Тот же генерал Анненков дал обзор и Вологодской губернии, но там он не нашел каких-либо проблем и доложил в связи с ближайшим решением крестьянского вопроса о добросовестном исполнении своих обязанностей чиновничеством и благоприятном настроении дворянства. Как он подчеркивал, «направление умов в Вологодской губернии находится в совершенно удовлетворительном состоянии, и в настоящее время не имеет в виду каких-либо особенностей, заслуживающих внимания»[74]. Примерно такая же информация поступила и из другой нечерноземной губернии — Вятской[75]. Несколько другим было положение в Калужской губернии. В жандармском донесении от 22 марта 1859 г. сообщалось, что и помещики, и крестьяне с нетерпением ожидают окончания действий Комитета о крестьянах, причем последние хотя и исполняют свои обязанности перед владельцами, «но работы их и прежде не усердные, в настоящее время в некоторых имениях под разными благовидными предлогами оказываются уклончивыми». Заметные перемены наблюдались в настроениях и среди дворовых, которые хотя и выполняют свои обязанности, «в некоторых проявляется дух самостоятельности, заметный только в их походке, приемах и жестах дающих понять, что они не вечные слуги своих господ». Отмечается меньший произвол в обращении помещиков со своими крестьянами и то, что «крестьяне привыкают к той мысли, что за усадьбы и пахотные поля им неминуемо придется постепенно расплачиваться, что прежде и в голову не приходило»[76].

Интересные сведения поступали из северных губерний, где крепостные крестьяне составляли небольшой процент к общему количеству населения. Уже 5 декабря 1857 г. из Петрозаводска — главного города Олонецкой губернии поступил рапорт жандармского полковника князя Мышецкого, где сообщалось о спокойствии в губернии и, вообще, о том, что помещичьих крестьян здесь так мало, что никогда не проявлялись толки об их освобождении, более того, «этот предмет здесь крестьян не интересует». Однако прошло всего два с половиной месяца, и тональность донесений того же полковника заметно изменилась. 22 февраля 1858 г. в очередном своем рапорте, направленном в III отделение, он уже сообщал следующее: «Толки об освобождении крестьян то стихают, то проявляются вновь смотря по мере приезжающих из С. Петербурга говорят об общей разладице крестьян с помещиками и это посеянное семя разными толками начинает проявляться и на нашей олонецкой почве в малолюдных имениях Г.Г. Янковского, Максимовой и частью в Каргопольском уезде...»[77].

Несколько позднее стали поступать сведения из Пермской губернии, где было значительное количество старообрядцев. В апре-

ле 1859 г. местный жандармский полковник фон Вендрих сообщал толки о свободе среди помещичьих и заводских крестьян и даже о случаях ослушания крестьян, не желавших работать на своих помещиков, для повиновения которых привлекались армейские силы. Позднее из этой губернии поступали сведения о спокойствии в среде крестьянства, однако с нетерпением ожидавшего обещанной реформы[78]. О спокойствии крестьян сообщали в марте и апреле 1859 г. и из Самарской губернии, где крепостные составляли менее одной трети всего населения. Но вскоре ситуация изменилась, и в декабре 1860 г. оттуда пришла записка под названием «О волнении умов в крестьянском сословии», немедленно доложенная императору[79].

В Смоленской губернии о молве об освобождении помещичьих крестьян от крепостного состояния речь шла в рапорте от 19 октября 1857 г., то есть еще до рассылки упомянутого циркуляра. Как там писалось, толки на этот счет распространились решительно во всех сословиях, и многие считали, что освобождение наступит в самое ближайшее время[80]. В рапортах из Псковской губернии, поступивших в конце 1860 г., обращалось внимание на то, что большая часть владельцев имений «придерживается старинной методы помещичьего управления, не сознавая никакой потребности изменить ее». Сохранялись и прежние методы взаимоотношений с крестьянами, поэтому в некоторых беспорядках, происходивших в губернии, обвинялись сами дворяне, хотя в целом отмечалась покорность местных крестьян[81].

Особый разговор о Петербургской губернии, где находилась столица и где очень тщательно собирались различного рода слухи. 8 ноября 1858 г. жандармский полковник Ранеев в своем донесении в III отделение писал о крестьянском вопросе как наиболее обсуждаемом в публике и народе. По его словам, помещичьи крестьяне нетерпеливо ожидают улучшения своего быта. Через несколько месяцев, 29 марта 1859 г. тот же Ранеев сообщал, что помещичьи крестьяне с терпением ожидают положительного исхода по улучшению своего быта «с наделением их землею по выкупу от правительства, предполагая, что дело это не может иметь другого способа». В конце того же года, 18 декабря 1859 г. Ранеев направил главному начальнику III отделения Долгорукову записку под названием «О толках и рассуждениях в настоящее время по СПетербургской губернии», где обобщил все имевшиеся у него сведения. По его словам, в уездах губернии между всеми сословиями разговор исключительно шел по поводу ожидаемого улучшения быта помещичьих крестьян. И далее он писал: «Помещичьи крестьяне совершенно уверены, что вся владеемая

помещиками земля сделается их собственностью, а помещики страшатся обязанности большого надела своих крестьян землею»[82].

Итак, появилось еще одно сведение о желании крестьян получить *всю* помещичью землю. Это было не какое-нибудь персональное мнение, а результат обобщения материалов по всей губернии. По Московской губернии, как отмечалось, было известно свидетельство предводителя дворянства Волоколамского уезда, сообщавшего московскому гражданскому губернатору, что «крестьяне считают себя вправе получить всю землю, включая и господскую со всеми угодьями». Примерно в том же духе писал и московский полицмейстер Урусов[83]. Какими сведениями пользовался предводитель дворянства одного из уездов и насколько это соответствовало общей ситуации в губернии сказать трудно, но навряд ли Волоколамский уезд отличался от других уездов Подмосковья, тем более, что московский полицмейстер, собственно, подтверждал его сообщение. По Петербургской губернии сообщение Ранеева, по его собственным словам, было результатом обобщений, на основании учета различных сведений. В целом же, мы недалеко уйдем от истины, если сделаем вывод об одинаковых настроениях крестьян двух столичных губерний и о желании их получить всю помещичью землю.

Отдельно остановимся на ситуации в центрально-черноземных и украинских губерниях. Мы уже упоминали декабрьский рапорт за 1857 г. из Воронежской губернии, где говорилось о желании некоторых крестьян получить всю господскую землю[84]. 5 декабря 1860 г., как уже писалось, в очередном рапорте из Воронежа доносили: «Крестьяне спокойны в ожидании развязки также к Новому году; но к сожалению идея об отдаче им всей помещичьей земли, — на дележ которой впрочем имеют претензию также и казенные крестьяне, — так распространена, что нельзя не предвидеть опасного разочарования, за последствие которого вперед отвечать нельзя»[85]. Между двумя этими рапортами имеются заметные отличия. В первом из них подчеркивалось желание *некоторых* крестьян, во втором же говорится о пожеланиях крестьянства Воронежской губернии в целом, причем на основе дополнительных трехлетних наблюдений.

В обзоре другой черноземной губернии — Тамбовской, составленном 9 августа 1859 г., его автор подполковник Дурново посчитал необходимым написать следующее: «Что же касается народного духа и состояния умов, то в некоторых селениях между помещичьими крестьянами проявляется по временам, хотя и не в сильной степени неповиновение своим помещикам, так что для приведения их в исполнение своего долга, почти всегда приходится земской полиции принимать участие, прибегая в этом случае только к обыкновенным

полицейским мерам». А через два года после реформы, 23 февраля 1863 г. уже другой жандармский офицер, полковник Безяев писал, что до сих пор крестьяне не могут примириться с мыслью, что дарованная им личная свобода не повлекла за собой права на даровое приобретение в собственность владеемой ими земли[86]. Здесь, таким образом, отражались стремления крестьян сохранить свои дореформенные участки вместе с отрезками, причем без выкупа.

Что же касается еще одной черноземной губернии — Курской, то оттуда шли донесения, где сообщалось лишь о народном спокойствии и отсутствии каких-либо толков и рассуждений, которые бы заслуживали внимания[87]. А из соседней Орловской губернии, как и из более северной, но уже нечерноземной Тульской губернии сведений вообще не поступило. Вместе с тем, в каждой из этих губерний крестьяне имели свои желания и, более того, накануне реформы зафиксированы в ряде их сел столкновения с помещиками. В сентябре и декабре 1857 г., а затем в 1858 и в 1860 гг. они отмечены в Тульской губернии, в марте 1858 — в Орловской[88]. Заметно большим спокойствием отличалась ситуация в южной Астраханской губернии, откуда в мае 1859 г. поступило донесение, где, среди прочего, писалось: «Из простого сословия одни только помещичьи крестьяне весьма интересуются своим освобождением, какового ожидают с большим нетерпением от щедрот милостивого и сердечно прославляемого ими государя императора; во всем этом имел я случай убедиться лично, при посещении моем помещичьих имений. Вообще помещичьи крестьяне Астраханской губернии живут спокойно, занимаются, как и всегда, своим делом, и до сего времени не было еще ни одного случая, чтобы они оказали неповиновение своим владельцам»[89].

Украинские губернии не представляли собой единого целого. Свои особенности имелись в Слободской Украине, Центральной, Правобережной, Новороссии. В донесении генерал-майора Богдановича из Харькова в сентябре 1859 г. состояние умов и дух народный оценивались как тихие и спокойные, отмечались случавшиеся в помещичьих имениях крестьянские беспорядки, но незначительные. Их он объяснял нежеланием крестьян исполнять барщину и, вообще, нерадивым отношением к исполнению своих обязанностей. Несколько позднее, в апреле 1860 г. Богданович писал о том, что все сословия с нетерпением ожидают разрешения крестьянского вопроса, особенно помещики[90]. Другой генерал-майор — Рындин, после того как передал соответствующую информацию в дело по 4-й экспедиции, сообщал об отсутствии каких-либо слухов, толков и рассуждений и делал вывод на основе направления умов во всех сословиях о сохранении спокойствия и в будущем[91]. Из южной украинской гу-

бернии — Херсонской в сентябре 1860 г. поступил рапорт от местного подполковника Заранека, объехавшего несколько уездов губернии и сообщившего в III отделение об общем желании дворянства как можно скорее разрешить крестьянский вопрос. «Крестьяне, как там писалось, ожидают совершенного освобождения их из помещичьей власти»[92]. Что понималось под совершенным освобождением от помещиков, жандармский офицер не расшифровывал. По-видимому речь шла не только об уничтожении личной зависимости от помещика, но и о независимости в земельных отношениях. Скорее всего, как пишут в литературе, это было представление о «большой» или «полной воле», когда «воли без земли не бывает»[93].

Осенью 1860 г. начальник IV округа Корпуса жандармов генерал-лейтенант Куцынский, инспектируя жандармские команды в девяти западных губерниях, «заметил везде и преимущественно в Киевской, Подольской и Ковенской губерниях какое-то напряженное состояние крестьян. Неразрешающийся вопрос о их освобождении порождает много толков — тем более, что везде найдутся подстрекатели». По мнению народа, как он писал далее, дело освобождения давно было бы разрешено, если бы не происки дворян[94]. Несколько позднее, 14 февраля 1861 г. поступило донесение от штаб-офицера Корпуса жандармов подполковника Грибовского из Киева. По его мнению, главным и почти общим разговором от крестьянина до помещика, не исключая и купцов, были беседы об ожидаемой свободе крепостных. Эти разговоры вела даже городская прислуга. Он отметил скопление лиц как местных, так и приезжих, которые собирались в кружки на базарах и в кабаках, а также по деревням и местечкам. Уже тогда называлась дата освобождения — 19 февраля 1861 г. — день восшествия на престол государя императора. Он также подчеркивал все большее и большее нетерпение в крепостных людях, не желавших исполнять инвентарные повинности[95].

Записка о положении в Волынской губернии была составлена полковником Ариндаренко в феврале 1858 г. В ней было обращено внимание и на настроения владельческих крестьян, численность которых определялась в 452 тыс. человек. Автор записки писал об улучшении положения крестьян после введения инвентарей и о повышении в этой связи их доверия к правительству и намечаемым правительственным преобразованиям в крестьянском быту. Несколько позднее, уже осенью 1859 г. из этой губернии сообщали об ожидавшемся со стороны простого класса народа высочайшего рескрипта о совершенном его освобождении. Даже называлась точная дата этого рескрипта — 8 сентября. Несбывшиеся ожидания, как там писалось, «приняты ими довольно равнодушно и вообще замечено...

что крестьяне Волынской губернии далеко не находятся в таком напряженном ожидании окончания эмансипационного вопроса, как в глубине России»[96].

Говоря о западных губерниях, следует обратить внимание на особенно подробную информацию, поступавшую по крестьянскому вопросу из Ковенской губернии. Уже в январе 1858 г. сообщалось о крестьянском вопросе как о главном предмете, занимавшем умы почти всех сословий и вызванных известным рескриптом императора на имя генерал-адъютанта В.И. Назимова. В феврале 1859 г., когда была завершена работа в Ковенском губернском комитете по крестьянскому делу, местный жандармский полковник Скворцов доносил о настроениях как крестьян, так и помещиков. По его мнению, крестьяне, хотя и с нетерпением ожидавшие своего освобождения, оставались спокойными и мало интересовались, на каких условиях последует улучшение их быта. Помещики, наоборот, принимали деятельные меры, «чтобы уменьшить в своих имениях число крестьянских хозяйств и чтобы сохранить во владении своем сколько можно более земли». В марте 1859 г. сообщалось о слухе, в соответствии с которым крестьянам будет предоставлено право выкупа не одних только усадьб, но и полевой земли. Трения по земельному вопросу упоминаются и в ряде других донесений. В них отмечалось нежелание крестьян получить свободу без земли. В одном из них, от 21 февраля 1860 г. отмечается стремление крестьян при уничтожении крепостного права получить часть земли. Неоднократно писали о недовольстве крестьян к дворянам, которых они обвиняли в замедлении работ по своему освобождению. В донесении от 26 ноября 1860 г. полковник Скворцов докладывал о небрежном исполнении крестьянами барщинной повинности, развитии у них духа сопротивления и убеждение их в том, что освобождение будет сопровождаться наделением землей за определенный выкуп, «к которому они добровольно готовятся». А в донесении от 19 января 1861 г. сообщалось о желании многих крестьян получить при освобождении большие льготы[97].

Из других западных губерний поступала менее подробная информация. Из Виленской губернии 29 ноября 1857 г. доносили: «На счет носящихся здесь слухах и толках обращает более всего внимание освобождение крестьян от крепостного состояния, помещики опасаются потерять вместе с крестьянами землю, а крестьяне не могут понять как можно их освободить от крепости без земли и поэтому обе стороны в нетерпеливом ожидании, чем вопрос этот решится». Несколько позднее, 3 мая 1858 г. оттуда сообщали о настроениях среди помещиков, которые ожидая «неминуемого ущерба в своих интересах, упали духом»[98].

Из соседней Гродненской губернии 13 декабря 1857 г. был послан рапорт под названием «О духе жителей и состоянии умов в разных сословиях Гродненской губернии», где выражалось сомнение в признательности со стороны помещиков по случаю будущего нового устройства быта крестьян. Последние же, за немногим исключением, ведут себя тихо и спокойно и можно полагать, что переход помещичьих крестьян в сословие вольных людей совершится без нарушений порядка и покорности. 25 августа 1858 г. из Гродно последовало очередное донесение, подписанное полковником Прасоловым. О крестьянах он, среди прочего, писал следующее: «... надежда на свободу делается всеобщею, и хотя они продолжают повиноваться своим помещикам, но надобно думать, что скрытная вражда большинства этих крестьян к своим владельцам выразится, по получении ими свободы, тем что они не захотят работать для них даже за плату, в чем уверены и помещики». 26 августа 1860 г. тот же Прасолов вновь сообщал о крестьянском вопросе в Гродненской губернии и о настроениях среди помещиков. Среди них он нашел и таких, которые говорили о нежелании некоторых крестьян выйти из крепостной зависимости, «а желают остаться под властью своих господ, боясь лишиться их покровительства и подпасть под управление подобное управлению государственных крестьян». Были и такие слухи, правда, исходившие от помещиков. А уже накануне самой реформы, 9 января 1861 г. в очередном своем донесении полковник Прасолов писал об огромном большинстве крестьян, убежденных в полной принадлежности им усадьб и земель, считая их наследственными от своих предков. Ссылаясь на мнение помещиков, он подчеркивал возможные большие затруднения при выкупе крестьянами этих усадьб и земель[99].

Из другой соседней губернии — Минской в декабре 1857 г. о настроении крестьян поступило лишь сведение как о людях кроткого характера, но в последнее время «часто возникают от них жалобы на их владетелей, но по следствиям оказываются маловажные или вовсе незаслуживавшие внимания»[100]. Более подробно освещается положение крестьян в еще одной губернии той же зоны — Витебской. В рапорте от 15 февраля 1861 г. говорилось о спокойном поведении местных крестьян, отсутствии симпатии между ними и помещиками, последние из которых испытывают настороженность в связи с приближающейся реформой. Предсказывалось столкновение крестьян с помещиками и нежелание со стороны крестьян работать на помещиков после получения воли. В этой связи, по мнению автора рапорта, чрезвычайно важно определить само время объявления манифеста. Не рекомендовалось это делать весной и зимнее время объявлялось

более предпочтительным. О Витебской губернии имеется сообщение и в другой части этого дела, где сообщалось о встревоженности помещиков, наиболее прозорливые из которых высказалось за освобождение, «иначе крестьяне, давно уже ожидающие оного, могут рано или поздно открыто возмутиться»[101].

Из прибалтийских губерний отклики на циркуляр поступили незамедлительно уже в конце 1857 г. Соответствующий рапорт из Курляндской губернии был составлен 28 ноября того же года. Там писалось: «об освобождении крестьян в России от крепостного состояния говорят в Курляндии давно как о предмете вовсе не секретном». Далее говорилось о различной реакции на этот слух в разных сословиях, предсказывались волнения и кровопролития, и чтобы их избежать, рекомендовалось в виде опыта предложить самим помещикам освободить своих крестьян, оставляя их на земле, поскольку если это осуществит правительство, то получится, что оно это сделало вопреки желаниям помещиков и тем самым невольно настроит против них крестьян[102]. В Лифляндии соответствующий рапорт был подписан местным жандармским штаб-офицером несколько позже — 13 декабря 1857 г. Он сообщил, что весьма много говорят в высшем кругу общества об освобождении крестьян в России, о чем местные жители узнали примерно три месяца тому назад из газеты «Le Nord», известной своей пророссийской ориентацией[103]. Более того, пронесся слух из Петербурга об объявлении высочайшего манифеста о свободе крестьян уже 1 января, то есть 1858 г. Как там подчеркивалось, новость эта, возбудившая живое внимание публики, к здешнему краю, собственно, не относится[104].

Еще одной губернией, к которой подготовлявшаяся реформа не имела прямого отношения, была Эстляндская. Из университетского города Дерпта поступило сведение о том, что там шли разговоры об освобождении крестьян в России, а в самой губернии, как явствует из рапорта от 10 декабря 1857 г., местные крестьяне, вышедшие из крепостного состояния еще в 1816 г., ожидают только облегчения барщины[105]. В рапорте, поступившем 3 декабря 1857 г. из Финляндии, сообщалось, среди прочего, следующее: «...молва же об освобождении из крепостного состояния крестьян и ожидаемым по разным частям администрации реформам, как предметы не касающиеся финляндцев, по свойственному им холодному равнодушию, не произвели на них никакого впечатления»[106].

Таковы общие сведения по крестьянскому вопросу, которые можно выявить при исследовании этого большого архивного дела. Разброс мнений оказался довольно значительным. Но поскольку материалы о крестьянах буквально вычленялись из других сведений о

состоянии общественного мнения в стране, то можно сказать, что на этом фоне крестьянский вопрос накануне 1861 г. был главнейшим среди прочих, которые также волновали российское общество. Не всегда есть возможность точно определить истинные пожелания крестьянства, и в этом отношении нельзя не согласиться с Г.А. Кавтарадзе, писавшем, что притязания крестьян на землю часто делались известны как бы нечаянно, из обмолвок крестьян или в экстремальных случаях[107]. Вместе с тем, общий вывод В.А. Федорова о том, что «требование раздела помещичьих земель выдвигало *подавляющее большинство крестьянства*»[108] обозрением донесений из губерний не подтвердился. При этом нельзя не заметить наличия существенных материалов о надеждах крестьян на полную волю, прежде всего о желаниях их получить всю землю.

Об этом недвусмысленно говорят обобщающие данные по Петербургской, Московской и Воронежской губерниям. Первые две губернии занимали особое положение в стране, и наблюдение за настроением различных кругов общества там было поставлено основательнее, чем в провинции. Ряд других материалов, приведенных В.А. Федоровым и Г.А. Кавтарадзе, также нельзя отнести к частным случаям. Причем эти материалы можно без труда пополнить. Так, еще 22 июня 1857 г. сообщали слухи о свободе, которые разнеслись среди помещичьих крестьян по Симбирской губернии и якобы желании правительства отдать им господские земли[109]. Поэтому желание крестьян получить всю землю нельзя отнести к числу исключений. Но можно увеличить и число примеров в пользу желаний получить землю, которой они были наделены. Такие разговоры среди крестьян были отмечены в декабре 1857 г. в Гродненской губернии[110], откуда в августе следующего, 1858 г. доносили: «В крестьянах замечается общее убеждение в наследственной принадлежности им земель и угодий какими они теперь пользуются»[111]. Подобного же рода донесения поступили из Калужской, Киевской, Ковенской, Курской и других губерний[112]. Учитывая все это, скорее всего, нужно видеть как крестьянскую программу-минимум, так и их программу-максимум. Программы, не находившие обычно каких-либо письменных выражений, но сложившиеся в головах крестьян, причем не только в предреформенную пору, а значительно раньше.

При этом нельзя не видеть очень пестрой картины настроений в среде крестьянства. Все-таки освобождению от крепостной зависимости подлежали более 22 млн. человек, поэтому в порядке исключения можно найти и таких, которые не желали расставаться со своими помещиками или, во всяком случае, об этом так говорившие. Так, сообщая о настроениях некоторых крестьян, из Калужской гу-

бернии доносили в январе 1858 г.: «...если их ожидания на счет вольности не сбылись, то они считают выгоднее оставаться на прежнем положении у хороших помещиков»[113]. Подобные сведения поступили также из Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской губерний[114]. Один из жандармских подполковников, ссылаясь на беседу с крестьянами в феврале 1858 г., доносил из Оренбургской губернии: «...хотя прежде у нас мог быть один не совсем добрый и справедливый барин — помещик, благосостояние которого из его личных видов, невольно было связано с нашим, а теперь их будет четыре: Вотчинная полиция, Мирское общество, сельское начальство и Земский исправник»[115].

Ходили по стране и разного рода нелепые слухи. Еще осенью 1855 г. в ряде районов страны распространялось мнение о том, что англичане и французы напали на Россию «единственно для освобождения крестьян от рабства»[116]. Подобного рода слухи распространялись и позднее. В феврале 1856 г. сообщалось о слухах, в соответствии с которыми на мирных переговорах решено даровать свободу всем крепостным людям и что мера эта якобы будет объявлена царским манифестом во время предстоящей коронации[117]. В марте 1857 г. из Харьковской губернии поступило донесение о пропаганде среди крестьян, которую вел среди крестьян отставной гвардейский солдат П. Гончаров, якобы слышавший в Москве об освобождении крестьян от помещиков с отобранием у них всего имущества. При этом он добавлял, что «император французов Наполеон, при заключении мира, настоятельно требовал от России, чтобы помещичьи крестьяне были освобождены и что будто бы Россия на это согласилась...»[118] В Казани в начале марта того же года распространялся слух о помещении в 5-й пункт мирной конференции постановления об освобождении крестьян[119]. А в конце того же 1857 г. из Орловской губернии писали: «Во время войны рассказывали, что Франция и Англия потому только воюют с Россией, что государь наш не согласен освободить крестьян»[120]. И уж совсем нелепый слух, который распространялся среди простого народа о том, что при сватовстве царствующей ныне государыни императрицы «Ее Величество объявила, что не желает выходить замуж за наследника престола такого государства, где существует крепостное состояние, и что Ее величество не прежде согласилась на замужество, как по получении обещания, что по вступлении на престол, Государь император уничтожит это состояние». По этим слухам, всем помещичьим крестьянам свобода будет объявлена во время коронации[121].

Об отрицательном отношении значительных масс крестьянства к реформе говорили многие и дореволюционные, и послереволю-

ционные авторы. Критически относился к реформе и Александру II известный историк С.М. Соловьев, подчеркивавший: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II-е»[122]. Даже один из апологетов концепции «великих реформ» Г. Джаншиев, признавал: «Словом, первое впечатление, произведенное манифестом, было смутное и далеко не “радостное”...» И несколько далее: «На народ манифест не произвел особенно сильного впечатления...»[123] Другой представитель либеральной историографии — А.А. Корнилов отметил: «Сами крестьяне отнеслись к реформе в разных местах различно. В большинстве случаев *положение* понято было превратно или вовсе не понято...»[124] А автор еще одной дореволюционной книги по истории реформы И. Иванюков вообще ничего не сказал, как она была встречена крестьянами[125].

Однако еще в 1911 г. И.И. Игнатович, изучив материалы о том, как крестьяне встретили реформу, писала: «Действительность подтвердила несоответствие Положения 19 февраля крестьянским ожиданиям»[126]. Тогда же Попельницкий, имея в виду время после Высочайшего повеления от 20 мая 1861 г. об отзыве флигель-адъютантов из губерний и начала работы мировых посредников, писал: «...наступила новая полоса в ходе крестьянской реформы, имевшая свои особенности, но отрицательное отношение крестьян к новым законоположениям и пассивное их сопротивление принятию их продолжалось, и чтобы переломить такое их настроение, пришлось практиковать то же “испытанное средство”, хотя и в несколько смягченных формах»[127]. Автор одной из первых советских книг о реформе 1861 г. Е.А. Мороховец, отмечая ее объективно позитивные результаты, заметил: «Реформа 19 февраля, разумеется, ни в коей мере не соответствовала ожиданиям крестьян, жаждавших перехода к ним без выкупа помещичьих земель и полного освобождения от помещичьей власти»[128]. Другой советский автор — П.А. Зайончковский по этому поводу писал: «По единодушным свидетельствам современников, повсеместно крестьяне встретили объявление “воли” нерадостно, царили всеобщее уныние, разочарование»[129]. В том же духе писал и В.А. Федоров: «“Недоумение” и “разочарование”, которым первоначально были встречены манифест и Положения 19 февраля, вскоре сменились открытыми протестами против объявленной “воли”, обманувшей ожидания крестьян»[130]. А вот слова крупнейшего историка-аграрника по XIX в. — Н.М. Дружинина, подчеркнувшего в своей последней книге: «Крестьяне мечтали о другой воле: они были уверены, что царь дарует им всю помещичью землю и сразу освободит их от всякого подчинения прежним господам»[131].

Г.А. Кавтарадзе привлек сведения из отчетов 167 доверенных лиц губернатора В.А. Арцимовича, командированных в приходы Калужской губернии для объявления сначала Манифеста, а затем Положения 19 февраля. Эти материалы, позволяющие с наибольшим приближением к действительности установить действительный отклик крестьянства целой губернии на реформу, свидетельствовали в целом о неблагоприятном впечатлении, произведенным на крестьян указанными официальными актами[132]. Эта реакция явно контрастировала с официальными и официозными средствами массовой информации, имитировавшими восторженный прием, устроенный крестьянством реформе.

Вместе с тем, следует учитывать наличие нескольких направлений исследователей по отношению к оценке реформы 1861 г. Эти направления хорошо прослеживались и в год пятидесятилетия реформы, то есть в 1911 г., и раньше. В.И. Ленин, видевший главную причину реформы в «силе экономического развития», ставил слова великая реформа и освобождение в кавычки[133]. В кавычки слово освобождение ставил и Г.В. Плеханов, видевший принципиальное отличие между восхвалявшим реформы Г.А. Джаншиевым и Н.Г. Чернышевским, уже в 1858 г. обнаружившим полное разочарование в крестьянской реформе[134]. Если революционные демократы, а затем и социал-демократы критиковали реформу слева, а либералы ее обычно восхваляли, видя в ней чуть ли не всеобщее благо, то консерваторы вели против нее атаку справа. Даже в 1901 г., когда отмечалось сорокалетие реформы, консервативные «Московские ведомости» в редакционной статье «Крестьянское законодательство» резко осуждали реформу. Характеризуя Положение 19 февраля 1861 г. как «жестокую ошибку кабинетных теоретиков», подражавших «пресловутой свободе Запад» и даровавших крестьянству «широкие права самоуправления», газета объявляла Положение в совершенной непригодности и требовала пересмотра всего крестьянского законодательства. По существу, газета выдвигала задачу радикального поворота правительства от «облагодетельствованных» крестьян к «обиженным» дворянам-землевладельцам[135]. Итак, таковы, в основном, материалы о надеждах и устремлениях крестьян накануне реформы 1861 г.

Настроения дворянства также неплохо известны[136]. Как отмечалось, в годовых отчетах III отделения было отражено негативное отношение большинства дворянства к приближавшейся крестьянской реформе. Опасения дворян лишиться своих крестьян прослеживается и на местном уровне. Достаточно красноречивый пример на этот счет приводится, например, в донесении от 3 мая 1857 г. из

Черниговской губернии[137]. О грустном впечатлении, произведенном известными рескриптами 1857 г. среди дворян Ковенской и Гродненской губерний, сообщалось в декабре того же года из Вильно[138]. О «тревожном состоянии в помещиках» писали в декабре 1857 г. из Казанской губернии[139]. При этом разброс мнений в среде дворянства тоже был довольно значительным, но как отмечал еще в 20-х годах прошлого века Н.М. Дружинин, «к концу затянувшегося обмена мнениями стала слагаться определенная “равнодействующая”, то искомое “общественное мнение”, которое пытался, правда неудачно, найти и сформулировать в своей статье А.Д. Желтухин»[140], то есть редактор «Журнала землевладельцев». «Равнодействующая» стала складываться к концу, но все-таки полностью не сложилась, ибо борьба в среде дворянства продолжалась и позднее и прослеживается все время подготовки реформы.

Имеются значительные материалы об опасениях, возникших в среде дворянства еще во время Крымской войны. К началу марта 1856 г. относится письмо, где говорилось о приезде в Казань одной барыни (видимо Л. Еремеевой, урожденной Полторацкой), которая «навела ужас и страх на казанское дворянство рассказом, что Указ об освобождении крестьян уже подписан...»[141]. Какова же должна была быть психологическая обстановка в среде казанских дворян, чтобы рассказ одной женщины породил у них «ужас и страх»? Но уже в конце 1857 г. ситуация в помещичьей среде несколько меняется. 26 ноября 1857 г. из Владимирской губернии сообщали: «Помещики, считавшие прежде невозможным освобождение своих крестьян, мало помалу склоняются в пользу этого предположения, стараясь угадать как удобнее привести его в исполнение, с меньшим для них убытком...»[142]

Одним из важных этапов борьбы в среде дворянства было создание в 1858 г. и последующая деятельность губернских комитетов по крестьянскому делу, составы которых хорошо известны. Как подчеркивал П.А. Зайончковский, «большинство его членов составляли крепостники, меньшинство — либерально настроенные помещики. Только в одном Тверском комитете большинство было за либералами»[143]. Даже в 1858 г. многие помещики еще не смирились с необходимостью отмены крепостного права. Дочь поэта А.Ф. Тютчева передала свои впечатления от посещения в августе 1858 г. Нижнего Новгорода. По ее словам, местное дворянство «здесь более цепко и упорно держится крепостного права, чем где бы то ни было»[144]. Однако нижегородский комитет не составлял исключения. Под стать ему был московский и многие другие комитеты. Создалась консервативная «партия», выдвинувшая своих идеологов в лице Н. Безобразова, В. Орлова-Давыдова, Г. Бланка и др.[145]

Общие настроения помещичьего дворянства наложили свой отпечаток и на деятельность дворянских собраний кануна реформы 1861 г. Прекрасно понимая мнение большинства дворян, министр внутренних дел с повеления самого императора предписал на этих собраниях крестьянским вопросом не заниматься. Но это предписание от 9 ноября 1859 г., разосланное по губерниям в форме циркуляра, не возымело должного действия. Во многих губерниях дворяне во время своих собраний пытались поднять крестьянский вопрос. Одной из таких губерний стала Тверская, где движение дворянства имело общероссийский резонанс. Местный губернатор был вынужден 13 декабря 1859 г. направить отношение тверскому предводителю дворянства и напомнить, что дворянству три раза было предоставлено право выразить свои мнения по крестьянскому делу: на предварительных уездных совещаниях, через избранный ими же Комитет и, наконец, посредством тех членов этого Комитета, которые были вызваны в Петербург. Окончательное же решение этого дела, как писалось в том же отношении, принадлежит правительству, которое будет учитывать интересы не одного только дворянства, а всех сословий и государственных учреждений[146]. Однако брожение среди дворян продолжалось и охватило многие губернии.

Еще в декабре 1858 г. губернский предводитель тульского дворянства был вынужден закрыть заседание дворянского собрания из-за сильного шума. Поводом стала статья Аксакова, напечатанная в «Московских ведомостях», в которой писалось, как один из членов Тульского комитета, князь Черкасский, борется с корыстолюбием и невежеством[147]. Черкасский принадлежал к меньшинству Комитета по крестьянскому делу, отстаивавшему идеи реформы и противостоявшему большинству, называвшегося партией застоя[148]. Брожение среди дворян проявилось и в Рязанской губернии. Они настаивали вопреки циркуляру на обсуждении крестьянского вопроса и направили коллективное письмо императору, отметив две кровные и безотлагательные нужды дворянства — отмена крепостного права и обязательный выкуп земли крестьянами. Естественно, разрешения царя на коллективное обсуждение этих вопросов не последовало[149].

Характеризуя дворянское собрание и соответствующие выборы в Ярославской губернии, открывшиеся 10 декабря 1859 г., местный жандармский офицер подчеркивал: «...имею честь донести, что сравнительно с выборами прежних лет, бывшие в настоящем году, по современному направлению умов дворянства, носили на себе особый отпечаток и по мнению моему имели довольно важное значение в современной истории государства». И далее, характеризуя действия ярославского дворянства, тот же офицер заключил, что

его поведение «...высказало настоящий дух этого сословия, тревожное и крайне вредное направление умов, в каком оно замечено»[150]. Дворянские выборы в Калужской губернии прошли в январе 1860 г. и были отмечены как благополучные, но и там дворяне обратились со своим письмом к императору по крестьянскому делу. Была предпринята попытка зачитать на собрании и письмо 42-х дворян Орловской губернии во главе с отставным генерал-майором и крупным землевладельцем и заводчиком С.И. Мальцевым в защиту дворянства, на что не последовало дозволения губернского предводителя дворянства[151].

Свои проблемы имелись и во время дворянского собрания во Владимирской губернии, состоявшегося в январе 1860 г. И здесь не обошлось без возбуждения крестьянского вопроса и составления адреса на имя императора, где, среди прочего, писалось: «...освобожденные крестьяне, лишенные защиты помещиков, при отсутствии суда и ответственности должностных лиц подвергнутся еще большей и невыносимой зависимости от произвола чиновников и чрез то могут совсем потерять уважение к действительной законности»[152]. Неудачная попытка возбудить во время дворянского собрания крестьянский вопрос имела место в январе 1860 г. и в Костроме[153], а также и в некоторых других губерниях. Имеются сведения о дворянских собраниях и иного свойства. Из Тамбова, где подобное собрание происходило в декабре 1860 г., в рапорте местного жандармского офицера Дурново сообщалось следующее: «В продолжении выборов между дворянством разъединение и несогласно заметно было более чем когда-нибудь, — интриги до того преобладали, что в это время забыт был даже главный и современный вопрос о крестьянах»[154].

Вопрос о крестьянах, действительно, оставался главным, но, согласившись на отмену крепостного права, что было непременным требованием императора, дворянство перенесло центр борьбы на земельный вопрос. Он стал важнейшим до самого Манифеста 19 февраля 1861 г. да и после, поскольку уже с декабря 1861 г. на дворянских собраниях стали раздаваться критические выступления в адрес верхов[155]. Дворянство прекрасно понимало значение земельного вопроса. Не случайно в одной из дворянских записок, составленных во Владимирской губернии, писалось: «демократическое движение имеет главным основанием в большинстве отстоять свою землю». И несколько далее там же отмечалось: «Показав силу монархической охранительной власти следует устранить главную причину демократизма, она выходит из земли, не касайтесь земли при освобождении и все успокоятся»[156]. Под демократическим движением подразумевалось дворянское большинство в губернских комитетах по крестьян-

скому вопросу, а также в дворянских собраниях. Борьба за землю все более сталкивала интересы помещиков и крестьян и выходила на первый план при подготовке ожидавшейся реформы[157]. 27 ноября 1857 г. было послано донесение из Тульской губернии, в котором сообщалось, что помещики находятся в полной уверенности о сохранении в их владении всех земель, принадлежавших как им, так и крестьянам. При этом также сообщалось об уверенности крестьян в своем освобождении от помещичьего владения с сохранением за ними не только имущества, но и их земли»[158]. Их земли это, значит, земли, которые они обрабатывали. В той связи Александр II в своей московской речи перед предводителями дворянства от 31 августа 1858 г. произнес следующие слова: «Я под усадебною оседлостью понимаю не одно строение, но всю землю»[159].

С антикрепостнических позиций публиковались статьи даже в таком, можно сказать, консервативном органе, как «Сельское благоустройство». Выступление на его страницах в 1858 г. чиновника особых поручений начальника губернии Дубенского, не принадлежавшего к дворянскому сословию, в статье которого в бедственном и разоренном состоянии были показаны помещичьи крестьяне Владимирской губернии, вызвало недовольство владимирских дворян, признавших ее клеветою[160]. А в упомянутом письме 42-х орловских дворян, среди прочего, писалось: «Дворянство русское еще не имеет ни одного печатного органа для беспрепятственного выражения своих мнений...»[161]. Речь, естественно, шла о помещиках большинства, выступавших против реформы. Даже в апреле 1859 г. одна из газет — «Русский Дневник», сообщая об окончании занятий Комитета по улучшению быта крестьян Казанской губернии, писала о наличии двух партий, «одна, в подражание другим губерниям, хочет обедов, речей, шампанского; другая ничего не хочет, т.е. ни обедов, ни речей, ни даже отмены крепостного состояния»[162]. И это было в апреле 1859 г., когда казалось, вся страна уже была настроена против крепостничества.

При оглашении документов реформы — Манифеста и Положений дворянство в целом, как отмечал Г. Джаншиев, «хранило затаенное злобное молчание»[163]. Среди видных деятелей реформы, однако, было немало дворян. В ее проведении активное участие принимали участие и западники, и славянофилы. Кстати, еще до своего знаменитого тоста в пользу общественного мнения К.С. Аксаков в своем письме Александру II, посланному еще в 1855 г., подчеркивал: «Правительство не может, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; без свободы общественного мнения это и невозможно»[164].

Картина общественного мнения по поводу этой реформы будет, однако, неполной, если ее отнести только к взаимоотношениям крестьян с помещиками. Она была более сложной и многоцветной и затрагивала и другие слои населения тогдашней России. Определенное расширение гласности позволило и им высказать свое мнение по поводу будущей реформы. Поэтому трудно согласиться с Г. Джаншиевым, когда он утверждал о равнодушии к реформе купечества и духовенства, поскольку она их прямо не задевала[165]. Российское купечество, постепенно трансформировавшееся в буржуазию, отнюдь не было безучастным зрителем происходивших событий. Как отмечается в литературе, раньше купечество делилось на несколько направлений. Часть из его представителей почти не интересовалась социально-политическими вопросами, в том числе и крепостничеством, будучи всецело занята своими деловыми интересами. Некоторые из них были не прочь заиметь своих крепостных крестьян[166]. Но были и такие купцы, которые выступали категорическими противниками крепостного права. К ним относят выходца из купцов историка и публициста Н.А. Полевого, писателя В.П. Боткина, сына книгоиздателя — Н.С. Селивановского. Но накануне реформы особенно заявил о себе один из богатейших людей страны, предприниматель, старообрядец поморского толка В.А. Кокорев. На встрече с московским генерал-губернатором А.А. Закревским он заявил: «Не скрою от вас, граф, что слух об освобождении крестьян наполняет мое сердце радостным трепетом, и этого трепета я удержать не в силах, тем более, что в числе 15 тысяч служащих, состоящих у меня на жаловании в разных губерниях, по моим делам — половина крепостных, и мне приходится каждый день встречаться с доказательствами неудобства крепостного состояния».

В.А. Кокорев стал инициатором ряда банкетов и публичных обедов, принявших форму политических акций и в которых участвовали многие купцы[167]. Он открыто говорил о необходимости скорейшего освобождения крестьян, вызвав неудовольствие тогдашних московских властей и помещиков-консерваторов. Московский генерал-губернатор в этой связи писал А.Ф. Орлову: «Пусть бы писал и представлял свои проекты правительству, но к чему эта гласность, которой он так нагло ищет в России и за границей? Правительству пора понять это и запретить Кокореву вмешиваться не в свои дела, пора Вам его осадить, а буде нужно и посадить». Московские власти все еще боялись гласности, но Кокорев продолжал публично излагать свои взгляды на крестьянский вопрос. В начале 1859 г. он публикует в «Санкт-Петербургских ведомостях» свою статью под на-

званием «Миллиард в тумане», где предлагал немедленно освободить крестьян с землей, находившейся в их пользовании, за выкуп[168].

Сложная ситуация сложилась в предреформенное время и в рядах духовенства. Как писал еще Г. Джаншиев, «духовенство, в особенности высшее, в большинстве было против освобождения, но встречались и сторонники его». И далее он добавлял: «Митрополит Филарет был противником освобождения крестьян»[169]. Действительно, хорошо известны настроения составителя Манифеста, несомненно, крупнейшей в то время величины русской православной церкви митрополита Филарета, который как и большинство иерархов, длительное время противился реформе[170]. Сам он не без сочувствия вспоминал то «старое доброе время», когда из 10 млн. крепостных 1 млн. был у церкви[171]. Но и среди деятелей православной церкви было свое большинство и меньшинство. Епископ Калужский и Боровский Григорий в своей речи при открытии дворянского собрания в 1858 г. сказал, что «улучшить быть крестьян есть дело богоугодное»[172], что очень не понравилось тогдашнему обер-прокурору Синода А.П. Толстому, призвавшего в союзники Филарета. Оба они, Толстой и Филарет, ополчились также и против органа казанской духовной академии «Православного Собеседника», где появились статья архиепископа Иосифа «Слово об освобождении крестьян» и статья А.П. Щапова «Голос древней русской Церкви в пользу несвободного сословия»[173]. Вообще, при открытии губернских комитетов по крестьянскому делу неизменно присутствовали руководители местных епархий, проводивших молебны и выступавших с краткими речами. Иногда, как это было в Олонецкой губернии, речи произносили ректора местных семинарий[174].

Из церковной среды вышел ряд убежденных противников крепостного права. Н.Г. Чернышевский был сыном видного церковного деятеля, сыном священника был и Н.А. Добролюбов, а упоминавшийся А.П. Щапов являлся профессором Казанской духовной академии. Тоже сын священника, известный историк С.М. Соловьев поместил статью в «Современнике» об эпохе Лжедмитрия, за которую в нем заподозрили противника крепостного права, а цензор получил соответствующее внушение[175]. В предреформенное время стало широко известным имя калязинского священника И.С. Беллюстина, книга которого «Описание сельского духовенства» была опубликована М.П. Погодиным за границей[176]. Беллюстин стал довольно известным публицистом, ратовавшим не только за интересы простого духовенства и крестьянства, но и беднейших городских кругов. Деятельность И.С. Беллюстина привлекла внимание III отделения, которое завело на него специальное дело[177]. Ополчились

против него и церковные власти, и лишь вмешательство императора Александра II спасло его от преследований[178].

Сохранились и некоторые другие свидетельства из духовной среды о том, как проходила крестьянская реформа. Один из сельских священников впоследствии сообщал о недовольстве крестьян реформой в своих записках, опубликованных в 1880 г.[179] Вообще многие священники попали в трудное положение, оказавшись как бы между молотом и наковальней при зачитывании Манифеста и Положений. Крестьяне, нередко, не доверяли священникам, обвиняли их в том, что они подкуплены помещиками. Их обвиняли и в превратном толковании этих документов, и в этом качестве они не пользовались авторитетом у крестьян. Вместе с тем, их обвиняли и в ложном толковании документов реформы что волновало умы крестьян[180]. Известны случаи избиения священников и даже их убийства недовольными крестьянами. В некоторых местах священников обвиняли за непрочтение Манифеста, хотя он еще не был получен, а в других за оглашение якобы подложной бумаги[181]. Собственно, еще в конце 1857 г., когда появились известные рескрипты, крестьяне стали обвинять священников в сокрытии бумаги о воле. Так, в декабре 1857 г. было послано донесение казанского жандармского подполковника Ларионова, где, среди прочего, писалось: «В некоторых селениях, крестьяне настоятельно домогаются от приходских священников объявления им о данной будто бы государем свободе и получая отрицательные ответы, негодуют на то, подозревая их в умышленном сокрытии от них указа о вольности...»[182] В архиве III отделения имеются также отдельные дела по обвинению священников в возмущении крестьян как до, так и после реформы[183]. Еще в январе 1858 г. нарекания вызвал новгородский священник Погодин, позволивший себе неправильное толкование крестьянам правил, напечатанных в газетах о предстоящей перемене[184]. За причастность к известному восстанию в Кандеевке был жестоко наказан священник Федор Померанцев, заключенный пожизненно в Соловецкий монастырь[185].

Накануне реформы 1861 г. будущее положение российского крепостного крестьянства дебатировалось во всех основных социальных кругах российского общества. Полного единства не было нигде. Различия наблюдались и в крестьянской среде, и в дворянской, купечестве, духовенстве. Но в целом сформированное в течение нескольких лет общественное мнение сыграло немалую роль в разрушении крепостнических устоев и проведении самой крупной реформы XIX в. в России. Последствия ее, однако, до сих пор не нашли однозначной оценки и будут неоднократно обсуждаться и в дальнейшем.

[1] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1900. Кн. 14. С. 444, 445.
[2] Цит. по: История России XVIII—XIX веков / под ред. Л.В. Милова. М., 2006. С. 653.
[3] *Розенберг В.А.* Цензура и крепостное право // Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 232.
[4] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 32 (1857 г.). Д. 321. Ч. 11. Л. 30 об.
[5] Там же.
[6] Русская газета: еженед. полит. и лит. изд. М., 1859. 9 янв. (вып. 58).
[7] *Малыхин Н.Г.* Очерки по истории книгоиздательского дела в СССР. М., 1965. С. 163, 186.
[8] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 33 (1858 г.). Д. 406. Л. 6 об., 8 об.
[9] *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. М., 1974. С. 64, 65.
[10] Там же. С. 77.
[11] *Дружинин Н.М.* «Журнал землевладельцев» (1858—1860 гг.) // *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 17.
[12] Там же. С. 18.
[13] *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 92, 93.
[14] Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. М., 1879. С. 272.
[15] *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856—1860 годов. Москва; Самара, 2010. С. 8.
[16] Там же. С. 81—92.
[17] *Литвак Б.Г.* Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг.: история и методика изучения источников. М., 1989. С. 199.
[18] *Генкин Л.Б.* Крестьянские жалобы первой половины XIX в. как исторический источник: по материалам Государственного архива Ярославской области // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: сб. ст. к 75-летию Н.М. Дружинина. М., 1961; *Кавтарадзе Г.А.* Жалобы крестьян первой половины XIX в. как исторический источник для изучения их социальных требований // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. Л., 1968. № 20. Вып. 4; *Паина Э.С.* Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник // История СССР. 1964. № 6; *Пундани В.В.* Жалобы и прошения государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1975. Вып. 9; *Пушкаренко А.А.* Крестьянские челобитные как источник для изучения классовой борьбы российского крестьянства в феодальную эпоху // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978, и др.
[19] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 20 (1855 г.). Л. 46, 48, 57.
[20] Там же. Д. 21 (1856 г.). Л. 74 об., 80, 86 об.
[21] Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827—1869. М., 2006. С. 448.
[22] Там же. С. 475.
[23] Там же. С. 476, 477.
[24] Там же. С. 495—497.
[25] Там же. С. 524—526, 527, 528.
[26] Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. М., 1962. С. 595.
[27] *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 122—153.
[28] *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959. С. 251.

[29] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 196 (1856 г.). Д. 115. Л. 27—27 об.; Оп. 197 (1857 г.). Д. 111. Л. 41 об.
[30] Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. С. 574—596.
[31] *Федоров В.А.* О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 года // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 4, 5.
[32] *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 212; ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Л. 1—49.
[33] Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг.: сб. док. М., 1963. С. 63—66, 96—100, 134, 135, 139, 140.
[34] Цит. по: *Рахматуллин М.А.* Указ. соч. С. 153.
[35] Там же. С. 158, 159.
[36] Цит. по: *Федоров В.А.* О крестьянских настроениях ... С. 5.
[37] Там же. С. 13.
[38] *Корибу-Дашкевич.* Нелепые толки и надежды помещичьих крестьян // Русский архив. М., 1874. Кн. 2. С. 451.
[39] *Семенов Н.* К истории упразднения крепостного права в России // Там же. С. 445.
[40] По этой теме автором опубликована также специальная статья*: Попельницкий А.З.* Первые шаги крестьянской реформы: (по донесениям свитских генерал-майоров и флигель-адъютантов, с марта по июль 1861 г.) // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 179—211.
[41] *Его же.* Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами // Современный мир. СПб., 1911. № 2. С. 226—228.
[42] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1994. С. 31.
[43] *Попельницкий А.З.* Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами // Современный мир. СПб., 1911. № 3. С. 176.
[44] Там же. № 2. С. 223. Впоследствии, в результате долговременных исследований, число волнений в помещичьих имениях в 1861 г. определили цифрой 1899, из которых на январь — май этого года пришлось 1340. За один этот год было в два раза больше волнений, чем за пять предреформенных лет с 1856 по 1860 г.: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. С. 736; Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 224.
[45] *Попельницкий А.* Влияние идеологии крестьян на ход освобождения их от крепостной зависимости // Современный мир. Пг., 1916. № 6. С. 21.
[46] Там же. С. 32—36.
[47] *Рындзюнский П.Г.* Идейная сторона крестьянских движений 1770—1850-х годов и методы их изучения // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 7.
[48] *Лунин М.С.* Сочинения и письма. Пг., 1923. С. 43.
[49] Цит. по: *Литвак Б.Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 199.
[50] *Рындзюнский П.Г.* Указ. соч. С. 7.
[51] См.: *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978; *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.
[52] *Федоров В.А.* Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации (до 19 февраля 1861 г.) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960; *Его же.* Лозунги крестьянской борьбы в 1861—1863 гг. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963.
[53] *Федоров В.А.* Требования крестьянского движения ... С. 140.
[54] Там же. С. 138.
[55] *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 18—21.

[56] *Федоров В.А.* О крестьянских настроениях ... С. 17.
[57] Колокол: газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вольная русская типография. 1857—1867. Лондон—Женева. Факсим. изд. М., 1962. Вып. 4. С. 913. Колокол: прибавочные листы к Полярной звезде. 1861. 15 окт. (Л. 109).
[58] Крестьянское движение в Воронежской губернии в 1861—1863 годах. Воронеж, 1961. С. 27.
[59] *Кавтарадзе Г.А.* К истории крестьянского самосознания периода реформы 1861 г. // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. Л., 1969. № 14, вып. 3. С. 54—57.
[60] Там же. С. 62, 63.
[61] *Федоров В.А.* Крестьянское движение в Центральной России 1800—1860: (по материалам Центрально-промышленных губерний). М., 1980. С. 151, 152.
[62] *Литвак Б.Г.* Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг. С. 184.
[63] *Рахматуллин М.А.* Указ соч. С. 226.
[64] Там же. С. 236.
[65] Там же. С. 230—242.
[66] *Литвак Б.Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 199, 213.
[67] *Кавтарадзе Г.А.* Крестьянский «мир» и царская власть в сознании помещичьих крестьян (конец XVIII в — 1861 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972. С. 16.
[68] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 32 (1857 г.). Д. 321. Ч. 26. Л. 3—3 об.
[69] Там же. Л. 4—11 об.
[70] Там же. Ч. 12. Л. 1—4.
[71] Там же. Д. 94. Л. 2—5.
[72] Там же. Д. 321. Ч. 1. Л. 12 об., 19, 21.
[73] Там же. Ч. 33. Л. 2—6.
[74] Там же. Л. 6 об—7.
[75] Там же. Ч. 7. Л. 1—1 об.
[76] Там же. Ч. 10. Л. 1—2.
[77] Там же. Ч. 17. Л. 1, 6—6 об.
[78] Там же. Ч. 20. Л. 1 об.—2, 6 об., 15 об.
[79] Там же. Ч. 22. Л. 1—9.
[80] Там же. Ч. 24. Л. 1—2 об.
[81] Там же. Ч. 34. Л. 1-7.
[82] Там же. Ч. 23. Л. 3. М.А. Рахматуллин привел лишь часть этой фразы. См.: *Рахматуллин М.А.* Указ. соч. С. 235.
[83] *Закс А.Б.* Крестьянское движение в Московской губернии накануне отмены крепостного права // Из истории крестьянства XVI—XIX вв. М., 1955, С. 152. (Труды Государственного исторического музея; т. 27). См. также: *Рахмтуллин М.А.* Указ. соч. С. 235.
[84] См. также: ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 160. Л. 59.
[85] Крестьянское движение в Воронежской губернии ... С. 27; ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 32 (1857 г.). Д. 321. Ч. 6. Л. 2.
[86] Там же. Ч. 25. Л. 1, 16.
[87] Там же. Ч. 14. Л. 1—10.
[88] Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. С. 88—91, 93—96, 140, 141, 163—172, 301—305.
[89] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 32 (1857 г.). Д. 321. Ч. 2. Л. 2 об.—3.
[90] Там же. Ч. 27. Л. 4, 8—9.
[91] Там же. Ч. 9. Л. 1—1 об.
[92] Там же. Ч. 28. Л. 9.
[93] *Федоров В.А.* Лозунги крестьянской борьбы ... С. 241, 247, 252.
[94] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 32 (1857 г.). Д. 321. Ч. 11. Л. 68.

[95] Там же. Ч. 36. Л. 1 об.—2.
[96] Там же. Ч. 5. Л. 9—10, 23 об.—24.
[97] Там же. Ч. 11. Л. 5, 8, 14, 21—21 об., 47—47 об., 71—73, 75 и др.
[98] Там же. Ч. 4. Л. 1 об.—2, 4—4 об.
[99] Там же. Ч. 8. Л.1 об.—2, 4—4 об., 12 об.—13, 23—24, 26—29.
[100] Там же. Ч. 16. Л. 2 об.
[101] Там же. Ч. 35. Л. 1—3; Ч. 15. Л. 2 об.
[102] Там же. Ч. 13. Л. 1—2 об.
[103] О роли газеты «Le Nord» и некоторых других зарубежных газет в распространении слухов об освобождении крестьян еще осенью 1857 г. см.: Там же. Д. 322. Л. 1—3, 8—об.
[104] Там же. Д. 321. Ч. 15. Л. 2—2 об.
[105] Там же. Ч. 29. Л. 2 об.; Ч. 30. Л. 1—1 об.
[106] Там же. Ч. 32. Л. 1 об.
[107] *Кавтарадзе Г.А.* К истории крестьянского самосознания ... С. 56, 57.
[108] *Федоров В.А.* О крестьянских настроениях ... С. 17.
[109] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 173. Л. 4.
[110] Там же. Д. 160. Л. 65.
[111] Там же. Д. 199. Ч. 10. Л. 32.
[112] Там же. Ч. 13. Л. 26 об.; Ч. 14. Л. 25 об.; Ч. 15. Л. 55; Ч. 17. Л. 56—56 об.
[113] Там же. Ч. 13. Л. 12.
[114] Там же. Д. 109. Ч. 20. Л. 18; Ч. 21. Л. 15; Ч. 22. Л. 10 об.; Ч. 23. Л. 2; Ч. 24. Л. 2 об.
[115] Там же. Д. 199. Ч. 24. Л. 2 об.
[116] *Рахматуллин М.А.* Указ. соч. С. 149.
[117] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 196 (1856 г.). Д. 115. Л. 5.
[118] Там же. Оп. 197 (1857 г.). Д. 111. Л. 40—40 об.
[119] Там же. Оп. 196 (1856 г.). Д.115. Л. 6, 10.
[120] Там же. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 25. Л. 3 об.—4.
[121] Там же. Оп. 196 (1856 г.). Д. 115. Л. 10.
[122] *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 346.
[123] *Джаншиев Гр.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 5, 80, 81.
[124] *Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 166.
[125] *Иванюков И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1903. С. 395.
[126] *Игнатович И.И.* Встреча на местах // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 179.
[127] *Попельницкий А.З.* Первые шаги ... С. 211.
[128] *Мороховец Е.А.* Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937. С. 124.
[129] *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1968. С. 164.
[130] Революционная ситуация в России в середине XIX века. С. 224.
[131] *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978. С. 24.
[132] *Кавтарадзе Г.А.* Крестьянский «мир» ... С. 16.
[133] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 140, 141, 172, 173.
[134] *Плеханов Г.* «Освобождение» крестьян: (справка к 50-ти летию) // Современный мир. СПб., 1911. № 2. С. 236; См. также: *Его же*. Падение крепостного права. Освобождение крестьян // Полн. собр. соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 1—33.
[135] Цит. по: *Волин М.С.* Сорокалетие крестьянской реформы в русской печати // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 105, 106.
[136] Об отношении дворянства к Крестьянской реформе 1861 г. см. книгу американского историка Т. Эммонса: *Emmons T.* The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. Cambridge: Univ. press, 1968.
[137] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 111. Л. 41 об.
[138] Там же. Д. 199. Ч. 3. Л. 1 об.

[139] Там же. Ч. 11. Л. 7.
[140] *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе ... С. 79.
[141] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 196 (1856 г.). Д. 115. Л. 6, 11.
[142] Там же. Оп. 197 (1857 г.). Д. 160. Л. 43.
[143] *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 93.
[144] *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 167.
[145] Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло, К.Ф., Эймонтова Р.Г. М., 2000. С. 203, 204; Революционная ситуация в России в середине XIX века. С. 189, 190.
[146] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 34 (1859 г.). Д. 11. Ч. 14. Л. 14.
[147] Там же. Оп 33 (1858 г.). Д. 11. Ч. 4. Л. 2.
[148] Там же. Л. 3 об.; *Гросул В.Я.* Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. М., 2001. С. 174.
[149] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 34 (1859 г.). Д. 11. Ч. 17. Л. 7—8, 10, 26.
[150] Там же. Ч. 18. Л. 6, 10.
[151] Там же. Оп. 35 (1860 г.). Д. 11. Ч. 2. Л. 1 об.—7 об., 8 об.—9 об.
[152] Там же. Ч. 4. Л. 11.
[153] Там же. Ч. 6. Л. 2 об.—3.
[154] Там же. Ч. 13. Л. 1 об.
[155] *Сладкевич Н.Г.* Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 107—114.
[156] ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 35 (1860 г.). Д. 11. Ч. 4. Л. 31, 32—32 об.
[157] *Баграмян Н.С.* Помещичьи проекты освобождения крестьян: (к проблеме «кризиса верхов») // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. С. 18—39.
[158] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 160. Л. 46—46 об.
[159] Там же. Д. 20. Л. 42 об.
[160] Там же. 1 эксп. Оп. 35 (1860 г.). Д. 11. Ч. 4. Л. 7.
[161] Там же. Ч. 2. Л. 9.
[162] Русский Дневник. 1859. 19 апр. (№ 81).
[163] *Джаншиев Гр.* Указ. соч. С. 87.
[164] *Бродский Н.Л.* Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 90.
[165] *Джаншиев Гр.* Указ.соч. С. 87.
[166] История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. С. 379, 380.
[167] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 20. Л. 19 об.—20.
[168] *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 года // *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С. 190; Революционная ситуация в России в середине XIX века. С. 94, 95.
[169] *Джаншиев Гр.* Указ. соч. С. 63, 64.
[170] *Мельгунов С.П.* Митрополит Филарет — деятель крестьянской реформы // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 158.
[171] Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 346.
[172] Открытие Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. Калуга, 1858. С. 4. Брошюра находится в: ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 13. Л. 40.
[173] *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 158, 159.
[174] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 23. Л. 10.
[175] *Розенберг В.А.* Указ. соч. С. 232.

[176] *Римский С.В.* Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов н/Д, 1998. С. 242.
[177] См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 34 (1859 г.). Д. 134.
[178] Там же. Л. 1—7.
[179] См: Записки сельского священника // Русская старина. 1880. № 3.
[180] *Попельницкий А.* Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами // Современный мир. СПб., 1911. № 3. С. 174, 175.
[181] *Грекулов Е.Ф.* Церковь и отмена крепостного права // Вопросы религии и атеизма: сб. ст. М., 1962. Вып. 10. С. 83, 99, 102.
[182] ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 11. Л. 7 об.—8.
[183] Там же. Оп. 198 (1858 г.). Д. 176 («О священнике, возмутившем крестьян в помещичьем имении Полтавской губернии»); Оп. 201 (1861 г.). Д. 130 («О возбуждении крестьян Ярославской губернии имения княгини Марии Владимировны Мещерской, рожденной графини Апраксиной, к неповиновению приходским священником Константином Ярославским»); Д. 137 («По письму помещицы Тверской губернии княгини Мещерской, рожденной графини Паниной, о вредном влиянии на ее крестьян приходского священника Иосифа Морковина»); Д. 139 («О священниках и других духовных лицах, обвиненных в неправильном объяснении крестьянами их повинностей»); Д. 140 («О священнике Орлове, неправильно объяснявшем крестьянам Псковского уезда имения барона Фитингофа их повинности»).
[184] Там же. Оп. 197 (1857 г.). Д. 199. Ч. 22. Л. 11 об.
[185] *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 173.

И.А. Христофоров

«ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ»: КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ДО И ПОСЛЕ 1861 Г. В ЛИТЕРАТУРЕ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье расссматриваются идеологический и социально-политический контекст, в котором разворачивались проектирование и реализация крестьянской реформы 1861 г. В центре внимания автора – противоречивость стратегии правительства, сочетавшей в себе патерналистские и либеральные элементы. Делается вывод, что отмена крепостного права стала плодом компромисса не только различных политических сил и групп, но и различных подходов, более или менее противоречиво уживавшихся в сознании многих активных участников ее обсуждения и осуществления.

Ключевые слова: отмена крепостного права, крестьянский вопрос, реформы, контрреформы, либерализм, правительственная политика.

Отмена крепостного права в 1861 г. стала ключевым, поворотным событием дореволюционной российской истории — с таким положением едва ли можно спорить. Долгие десятилетия — со времен Екатерины II — российская элита обсуждала (в основном в кулуарах и салонах) необходимость, возможность и пути этого преобразования. Отношение к крепостничеству и освобождению крестьян превратилось за это время в одну из центральных тем русской общественной мысли; способы освобождения крестьян неоднократно, хотя и негласно обсуждались и в правительственных «верхах». Неудивительно, что к началу подготовки «Положений 19 февраля 1861 г.» был накоплен немалый запас представлений, идей и фактической информации, которые влияли и на творцов реформы, и на ее противников. После принятия «Положений» споры не только не стихли, но напротив, разгорелись с новой силой. Теперь они бушевали вокруг последствий преобразования для судеб страны. Правильным ли путем пошло правительство? В каком направлении реформа должна быть развита (или скорректирована)? Нужно ли опекать и направлять освобожденное крестьянство (и если да, то как и куда?), или следует позволить ему самому заботиться о своем благосостоянии?[1]

Реформа вызывала самые противоречивые оценки не только современников, но и многочисленных поколений исследователей. В отечественной исторической и экономической литературе эти проблемы традиционно отличались немалой политизированностью.

До революции они интерпретировались с точки зрения русского *Sonderweg* («особого пути развития»)[2]; при советской власти оказались тесно связаны с пониманием характера и закономерности самих революций 1905 и 1917 гг. Ученые и публицисты разных эпох и убеждений увлеченно отвечали на вопросы о том, как именно отмена крепостного права повлияла на дальнейшее развитие страны, в какой мере 1861 г. «породил» 1905-й (а затем 1917-й и т.д.). Усилиями отечественных и зарубежных историков в настоящее время многие аспекты предыстории реформы, ее подготовки и реализации изучены вроде бы достаточно полно[3]. Немало известно и о реакции на преобразование различных общественных групп и классов, в том числе крестьян. Однако до сих пор не вполне ясно, как же развивалась российская деревня после 1861 г. Конечно, сейчас уже вряд ли приходится сомневаться в общем векторе развития: крестьянское и помещичье хозяйства двигались в сторону рынка, а традиционные социальные связи и нормы трансформировались (или, употребляя более сильный глагол, распадались), сменяясь структурами, характерными для индустриального общества. Однако вопрос (точнее — множество взаимосвязанных вопросов) в том, с какого уровня «стартовали» эти процессы, каким был их темп, насколько далеко они зашли и были ли необратимы.

Пожалуй, самой сложной и во всяком случае — одной из самых актуальных остается и проблема соотношения в развитии русской деревни «естественных» и «искусственных», индуцированных «сверху» тенденций. Старая тема «объективного» и «субъективного» в истории обретает в контексте крестьянского вопроса неожиданную свежесть, ведь, как показано в некоторых недавних исследованиях[4], само понимание этого вопроса и категории, в которых он формулировался, определялись не столько объективными фактами и реальными интересами, сколько господствовавшими в «верхах» априорными идеологическими установками. Это не значит, что элиты (как «бюрократия», так и «общественность» — разделение их в данном случае не принципиально) не интересовались реальностью и не имели о ней никакого понятия — наоборот! Но процесс формирования у них представлений о реальности был сложным и противоречивым, информация о ней просачивалась через множество институциональных и идеологических фильтров и доходила до центров принятия решений в радикально препарированном виде.

Конечно, это справедливо в отношении любых идеологии и политики. Но ситуация с крестьянским вопросом в России XIX в. оказалась особенно запутанной. С одной стороны, стоявшие перед властью и обществом в аграрной сфере задачи были невероятно масштабны, социально, политически и технологически сложны; это были задачи новой, модерной эпохи. С другой — благодаря крепост-

ному праву и традиционной «недоуправляемости» деревни в стране фактически полностью отсутствовала правовая, административная и информационная инфраструктура, необходимая для столь серьезных реформ. Вспомним, что речь идет не о компактной и легко «просматриваемой» городской среде, а о колоссальных по разбросанности и разнообразию пространствах крупнейшей страны мира, климат которой при тогдашних средствах коммуникации еще более ограничивал возможности контроля за деревней. Неудивительно, что технологии сбора сведений и управления этими пространствами оставались на протяжении всего предреволюционного столетия (особенно в первой его половине) крайне архаичными[5].

Дополнительную сложность этой картине придает то обстоятельство, что атмосфера в столичных канцеляриях, салонах и редакциях уже в начале века формировалась под воздействием европейских идей и стандартов. Великобритания, Франция, Германия — вот три модели, которые создавали (в разное время в различных комбинациях) идеологический контекст решения крестьянского вопроса. Но, желая быть — и являясь в восприятии элиты — частью Европы, Россия была безмерно далека от любой из этих стран по уровню развития инфраструктуры за пределами крупных и средних городов.

Эти обстоятельства, в общем, были очевидны уже современникам крестьянских реформ; хорошо известны они и историкам. Однако при этом они на удивление слабо воздействовали на «повестку дня» политиков и публицистов в XIX в. и еще слабее влияют на подходы, характерные для современной историографии. Действительно, когда речь идет о крестьянской реформе, анализу подвергаются либо намерения, декларируемые цели авторов законов, сами законы и политическая борьба вокруг их принятия, либо социально-экономические последствия реформ. Гораздо реже (а в отечественной литературе — крайне редко) внимание обращается на то, а был ли, собственно, у принятых законов шанс «работать», то есть на состояние и развитие инфраструктуры. Порой от намерений реформаторов исследователи прямо переходят к социально-экономической реальности, как будто никаких проблем на пути воплощения их замыслов не существовало (результатом такого «прыжка» может быть как идеализация преобразований, так и их необоснованная критика).

Что имеется в виду под инфраструктурой? Во-первых, система «общего» административного управления и суда, причем особое значение приобретает ее гибкость, слаженность работы разных ее уровней и способность являться «каналом коммуникации» между Петербургом и крестьянами (в обоих направлениях). Во-вторых, кредит, механизмы распределения налогового бремени и фиксации поземельных прав (т.е.

межевание и кадастр). В-третьих, система агрономической помощи и статистики[6]. Конечно, устройство и функционирование некоторых из перечисленных институтов затрагивалось в исторической и отчасти юридической литературе. Однако трудно найти работу, где они были бы проанализированы в комплексе с точки зрения «управляемости» деревни и возможности реально воздействовать на ее жизнь «сверху».

Столь же немногочисленны работы, посвященные «информационному обеспечению» преобразований. Удивительно, но никто из ученых не пытался оценить, как количественно и качественно менялась сумма знаний, которые имелись у элиты по поводу крестьянства в периоды наибольшего внимания к аграрному вопросу: скажем, в конце 1830-х, 1850-х, 1870-х или в 1905—1907 гг.[7] В итоге картина принятия решений оказывается очень статичной. В частности, невозможно понять, был ли тот или иной зигзаг аграрного курса ответом на реальные социально-экономические процессы или же он стал плодом политической борьбы и идеологических сдвигов, стимулировавших искаженное восприятие действительности «верхами» и обществом. На мой взгляд, обоснованные выводы о генезисе аграрных реформ и их воздействии на социально-экономическую реальность можно делать, лишь соединив воедино анализ институциональной инфраструктуры, идеологического контекста и политических условий, в которых эти реформы разрабатывались и воплощались.

Эту мысль можно развернуть на примере реалий 1840—1850-х годов. Известно, что ключевым для отечественной историографии являлся вопрос, была ли отмена крепостного права вызвана кризисом крепостничества как хозяйственной системы. П.Б. Струве, а вслед за ним и западные историки ревизионистского направления давали на него отрицательный ответ, считая, что у этой системы был еще немалый запас прочности[8]. С другой стороны, в советской историографии 1960—1980-х годов кризис крепостничества сомнению не подвергался, хотя имели место значительные разногласия относительно его признаков, глубины и локализации[9]. Примечательно, однако, что сторонники обоих точек зрения не задавались, в общем, очевидным вопросом о том, а была ли у современников той эпохи возможность заметить этот кризис (независимо от того, имелся он в наличии или нет). Между тем, в тогдашней России фактически не было ни современной экономической статистики, ни даже тех способов получения информации о реальности, которые появились во второй половине века. Личный же (скажем, помещичий) опыт едва ли был адекватной заменой статистическим данным. Да и с каким «докризисным» или «послекризисным» состоянием могли люди той эпохи сравнить свои субъективные наблюдения? С цветущим положением британской экономики?

Можно поэтому утверждать, что «кризис крепостнической системы хозяйства», даже если он существовал, не мог оказать заметного влияния на отмену крепостного права. Совсем другое дело — идеологический кризис «старого порядка». О колоссальной роли идеологического фактора в генезисе Великих реформ, как и о прогрессистском характере русской общественной мысли 1840—1850-х годов — придавленной, но не уничтоженной — написано уже немало[10]. Вместе с тем, картина остается далеко не ясной[11]. С одной стороны, бесспорным кажется факт повсеместного отторжения «николаевской системы» после поворота к реакции в 1848 г. В защиту правительственного курса в конце 1840-х и в 1850-е годы едва ли поднимался хоть один независимый и авторитетный голос. Сколько-нибудь серьезной идеологической поддержкой не пользовалось и крепостное право, которое, несмотря на неоднократные попытки Николая I его преобразовать, все же оставалось важным компонентом сложившейся политической системы. С другой — объединившись в критике, общественное мнение было совсем не столь едино в представлениях о направлении реформ, причем если речь идет о рубеже 1850—1860-х годов, то эти представления практически невозможно развести по четко очерченным «идейным лагерям». Применительно к этому времени можно говорить не столько о политических программах (их оформление в николаевскую эпоху едва ли было возможно уже из-за отсутствия пространства для серьезных публичных дискуссий, а несколько лет «оттепели» были слишком коротким сроком), сколько об общих идейных ориентирах, которым еще предстоял долгий путь кристаллизации и апробации.

С каким же идейным багажом подошло к началу нового царствования реформаторски настроенное поколение 35—45-летних бюрократов и общественных деятелей, которому предстояло сыграть решающую роль в разработке и реализации Великих реформ? Прежде всего, это был комплекс общепросветительских и прогрессистских идей, которыми жила в 1830—1840-х годах Европа, особенно Франция времен Июльской монархии и Второй республики. Благодаря исследованию У.Б. Линкольна и мемуарам мы имеем возможность представить кругозор и круг чтения представителей «либеральной бюрократии». Во-первых, большой популярностью пользовались в их среде сочинения французских социалистов (прежде всего, Прудона и Фурье) и французская политическая пресса (Journal de Debats, Le Temps, La siecle)[12]. Во-вторых, значительным, хотя, и не столь живым, несколько академическим было влияние немецких мыслителей и ученых: камералистов, много сделавших для теоретического обоснования и практической разработки проблем государственного хозяйства и так называемой «национальной экономики», а также

представителей «исторической школы» в юриспруденции и политэкономии (Ф.-К. Савиньи, Б. Гильдебрандт). Наконец, на всем протяжении первой половины XIX в. бесспорным авторитетом продолжала пользоваться британская классическая политэкономия А. Смита и Д. Рикардо. В 1830—1850-х годах она была распространена в основном в изложении французов — Ж.-Б. Сэя, Ф. Бастиа и Ш. Дюнуайе. Хотя и несколько поблекший к середине века, критикуемый и теснимый как «исторической школой», так и разного рода социалистическими учениями, классический либерализм считался хотя уже не бесспорным, но по-прежнему респектабельным[13].

Все упомянутые влияния были, в общем, не новы и в той или иной степени характерны для мыслящего общества России всех оттенков и направлений. Более того, есть все основания утверждать, что эти тенденции имели общеевропейский характер[14]. Однако на протяжении 1840-х и особенно в 1850-х годах в моду вошло и несколько относительно свежих «веяний», в очень большой степени определявших интеллектуальный климат эпохи «оттепели» начала александровского царствования. Прежде всего, следует упомянуть так называемое «народоведение» — очень идеологизированное направление политэкономических и этнографических штудий, одним из основателей которого выступил баварский публицист Вильгельм Риль[15]. «Естественная история народа как основа немецкой социальной политики» — так назывался обширный и очень популярный в Германии труд Риля (его первый том вышел в 1851 г.), в котором он, в частности, объявлял крестьянство носителем «чистой» народной культуры и призывал всячески беречь его быт и нравы. Риль пользовался в России рубежа 1850—1860-х годов огромным авторитетом, причем в разных идейных «лагерях»[16].

Впрочем, Риль не столько был первооткрывателем, сколько адаптировал к условиям момента то, что и до него «витало в воздухе» Центральной и Восточной Европы. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о резонансе, который получили в 1840-е годы в Европе и в России труды барона А. фон Гакстгаузена. Написанные при поддержке русского правительства, они выходили по своему значению далеко за рамки официоза и поднимали, в частности, важнейший и для Германии, и для России вопрос об органичности аграрных реформ и о необходимости учитывать при их разработке «национальные традиции» (главной из них Гакстгаузен считал крестьянскую общину)[17].

Другим интеллектуальным «новшеством» 1850-х годов стала так называемая «старая историческая школа» в германской политэкономии, представители которой достаточно резко порывали с классической универсалистской политэкономией во имя создания экономической доктрины, учитывающей национальные приоритеты и историческую

специфику той или иной страны. Особенно влиятельны были в этом контексте труды основателя «школы» Вильгельма Рошера, который являлся помимо прочего автором классической работы по экономике сельского хозяйства[18]. В этом же ряду следует упомянуть концепцию «социальной монархии» австрийца Лоренца фон Штейна[19].

Наконец, в 1850-е годы в обществе появилась мода на идеи континентальных англофилов — немца Рудольфа Гнейста и французов-орлеанистов — Камиля Одилона-Барро, Леона Фоше и в особенности Шарля де Монталабера и Алексиса де Токвиля. Последние, находясь в эпоху Второй империи в жесткой оппозиции авторитаризму Наполеона III, увязывали централизацию и «бюрократический деспотизм» французского императора с демагогией и популистской ставкой на поддержку масс. Своеобразным политическим манифестом этого течения можно считать вышедшую во Франции в 1856 г. книгу А. де Токвиля «Старый порядок и революция» — одновременно серьезное аналитическое исследование противоречий французской политической жизни конца XVIII в. и блестящий памфлет, нацеленный против современного Токвилю «демократического цезаризма». Именно в бюрократической централизации и в стремлении правительства к мелочной регламентации французский аристократ видел важнейшую предпосылку революции конца XVIII в., усматривая в то же время непосредственную связь централизаторских усилий абсолютистского правительства Бурбонов с революционным деспотизмом якобинцев и Бонапарта. Сочинение Токвиля пользовалось в России конца 1850-х колоссальной популярностью. Русские (особенно помещики) увидели в нем что-то вроде пророчества[20]. При этом если поверхностное чтение книги приводило к закономерному выводу, что неудачные реформы чреваты революцией, то более глубокое проникновение в мысль автора вскрывало фундаментальные парадоксы эпохи модерна: становление демократии и прогрессивного общественного мнения неразрывно связано с сокращением «количества свободы», унификацией политических процессов и унитаризмом административных практик.

Можно сказать, что для европейской мысли 1840—1850-е годы были временем разочарований — и в классическом либерализме, и в столь же классической романтической на него реакции, временем появления принципиально новых идейных парадигм и ответов на новые вызовы эпохи социальных революций и партийной борьбы[21]. Так что либерализм середины XIX в. и за пределами России находился на перепутье, не был чем-то единым и прозрачным. В России же у либеральной идеологии в это время не было и не могло быть ни серьезной интеллектуальной традиции, ни отчетливой институциональной и социальной опоры. В результате российское общество оказалось в достаточно парадоксаль-

ном положении: оно переваривало новинки европейской интеллектуальной моды, но находилось при этом в совершенно иной по сравнению с остальной Европой социально-политической ситуации.

Такое положение было чревато как эпигонством, так и интересными идеологическими коллизиями и гибридами. Не случайно один из наиболее серьезных и одновременно гибких отечественных политических мыслителей той поры — Ю.Ф. Самарин считал возможным ставить в один ряд все охарактеризованные выше и, в сущности, достаточно разнородные европейские идейные явления, с одной стороны, и славянофильство — с другой. В конце 1850-х годов в черновых заметках по поводу упомянутой книги Токвиля он писал: «Токвиль, Монталамбер, Риль, Штейн — западные славянофилы... Как у нас, так и во Франции, Англии, Германии на первом плане один вопрос: законно ли самодержавное полновластие рассудка в устройстве души человеческой, гражданского общества, государства? Вправе ли рассудок ломать и коверкать духовные убеждения, семейные и гражданские предания, словом, исправлять по-своему жизнь?» При этом «тирания рассудка в области философии, веры и совести соответствует на практике, в общественном быту тирании центральной власти». Вместе с тем, отличие европейских консерваторов от славянофилов Самарин видел в том, что те, «отстаивая свободу жизни и предание, обращаются к аристократии, потому что в исторических данных Западной Европы аристократия лучше других партий осуществляет жизненный торизм... Напротив, мы обращаемся к простому народу... В России единственный приют торизма — черная изба крестьянина. В наших палатах, в университетских залах веет всеиссушающим вигизмом»[22].

В этой цитате точно и емко выражено не только политическое кредо лидера славянофильства и одного из основных авторов «Положений 19 февраля 1861 г.», но и понимание им сути готовившейся крестьянской реформы. Самарин фактически предлагает здесь отказаться от любых попыток навязать крестьянам новые, рационалистические формы хозяйства и быта. Обращает на себя внимание, что «тирания» увязывается не с формой политического устройства (скажем, с самодержавием), а именно с «центральной властью» (в революционной Франции ее воплощал республиканский Конвент) и мировоззрением ее носителей.

Неприятие бюрократического вмешательства в «народную жизнь», централизации и регламентации кажется естественным для славянофильства. Но как оно сочеталось с участием Самарина в разработке крестьянской реформы, которая — как любая крупная реформа — *по определению* не могла обойтись без всех этих отвергаемых черт? Этот вопрос кажется еще более интересным, если принять во внимание, что ведущую роль в определении основных параметров реформы по-

мимо двух представителей славянофильского кружка — Самарина и кн. В.А. Черкасского — играли представители столичной бюрократии — Н.А. Милютин, А.П. Заблоцкий-Десятовский, Я.А. Соловьев, К.И. Домонтович, убежденные сторонники той самой «просвещенной регламентации», которая и была мишенью Токвиля и Самарина[23].

Большинство «просвещенных бюрократов» выросло в двух наиболее «продвинутых» ведомствах николаевской эпохи — Министерствах внутренних дел и государственных имуществ. Последнее из них на протяжении почти двух десятилетий занималось главным образом попытками установить систему действенного административного контроля в государственной деревне с целью направить жизнь крестьян в более «рациональное» русло[24]. Система патерналистской опеки, построенная П.Д. Киселевым и его сотрудниками, основывалась на доктрине «хорошо организованного полицейского государства», идеологическое содержание которой в свое время было детально изучено американским историком Марком Раевым (в понятие «полиция» в XVIII—XIX вв. вкладывался более широкий смысл, чем сейчас; его можно определить как «деятельность правительства по благоустройству страны»). Нельзя не согласиться и с точкой зрения Раева, который в своей классической биографии М.М. Сперанского подметил фундаментальное противоречие, свойственное не только взглядам этого видного деятеля николаевского царствования, но и последующим реформаторским программам: противоречие между их либеральными целями и патерналистскими средствами[25].

Как же традиция рационалистического патернализма, в общем, не придававшая большого значения инициативе со стороны опекаемых, соотносилась с классической либеральной доктриной, фундаментальной чертой которой была противоположная опеке идея самодеятельности homo oiconomicus? Надо сказать, что два эти вроде бы противоположных подхода достаточно мирно уживались в представлениях многих государственных и общественных деятелей первой половины XIX в. Мостиком между ними оказывалась мысль о том, что специфические условия России (размеры, отсталость, возможность критически осмыслить опыт других стран) делают необходимым «подталкивание» прогресса, а с другой стороны — заставляют отвергнуть «абсолютную экономическую свободу», часто превращающуюся в «свободу нищенства».

Мы можем обнаружить следы подобных размышлений и у представителей «старшего» поколения александровской сановной элиты, «унаследованных» Николаем I (Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрина, того же Киселева), и у новой генерации бюрократов, в руках которых оказалось проектирование Великих реформ 1860—1870-х годов. Возникающий от-

сюда идейный гибрид — «либеральный патернализм» — в целом можно считать типичным для российского реформаторства XIX — начала XX в. Однако каждая эпоха привносила в него свои оттенки. Так, немало различий было в мировоззрении двух поколений российской бюрократической элиты: поколений Сперанского и Милютина. По сравнению с «отцами», «дети» пользовались гораздо более современным политическим языком, более трезво относились ко многим просветительским иллюзиям, сознавали принципиальную важность общественной поддержки и (особенность, пожалуй, самая важная для судьбы реформ) — были гораздо более раскованны и динамичны и совершенно по-новому понимали ценность быстрых решений и опасность промедления[26].

Именно благодаря этим качествам им удалось свободнее обходиться с иерархическими нормами и бюрократическими процедурами, соблюдение которых убивало или выхолащивало многие начинания предшествовавшего царствования. Прагматизм и готовность идти на компромиссы ради достижения поставленных целей — эти качества сделали возможной разработку столь масштабной реформы, как отмена крепостного права, в просто молниеносном, по прежним, николаевским меркам, темпе. С другой стороны, если пытаться определить наиболее характерную черту крестьянской реформы 1861 г., то это будет именно ее компромиссный характер, который позволил снять или искусно обойти многие острые и спорные моменты преобразования.

Одной из фундаментальных особенностей политики правительства Николая I в аграрной сфере было именно сочетание в ней двух по сути противоположных стратегий: с одной стороны, правительство декларировало рационалистическое стремление «освободить» крестьян от пут, накладываемых на них общиной, пробудить в них предприимчивость и инициативу, а с другой — испытывало постоянный страх перед социальным расслоением в деревне[27]. Поскольку же любые меры по внесению в жизнь крестьян рационалистических начал в принципе можно было «прочитать» как искусственные и чреватые социальной рознью, правительственный курс был обречен на постоянное метание между рационализацией и охранением традиций. В итоге, например, вплоть до конца 1850-х годов руководители Министерства государственных имуществ так и не смогли определиться, заключается ли смысл проводимого ими курса в выравнивании, нивелировке экономического положения крестьян или, наоборот, следует поощрять в их среде инициативу в надежде, что выгоды экономического роста перекроют минусы, связанные с возможным обеднением части крестьянских хозяйств[28].

Интересно, что та же дилемма стояла в то время и перед многими помещиками, особенно крупными. И, судя по сравнительно недавним исследованиям крепостной общины первой половины XIX в., «душевла-

дельцы» в большинстве своем делали ставку не на предприимчивость, а на «выравнивание». Именно поэтому они всячески стимулировали уравнительное распределение земли в общинах, настаивали на наделении участками бобылей, противодействовали обеднению собственных крепостных, консервируя тем самым архаичные земледельческие и податные практики. Основным их мотивом была, конечно, забота о сохранении тяглых единиц, стабильности и предсказуемости доходов[29].

Таким образом, настоятельная необходимость рационализации крестьянских хозяйств *в теории* признавалась и бюрократией, и землевладельцами. Однако сколько-нибудь серьезному воплощению таких идей мешали опасения фискального и административного характера. Конечно, никто ни в правительстве, ни в вотчинных конторах не пытался «просчитать», насколько обоснованны такого рода опасения — для подобных прикидок в то время не существовало никаких статистических или математических средств (едва ли возможны они и сейчас). Живучесть страхов по поводу опасностей «раскрестьянивания» коренилась прежде всего в консерватизме и инертности традиционной аграрной экономики и патерналистской идеологии власти, с успехом пережившей все «прививки» экономического либерализма.

Какой выбор в этих условиях могли сделать и сделали Редакционные комиссии, разрабатывавшие «Положения 19 февраля»? Прежде всего, следует иметь в виду, что реформа проводилась режимом, уверенным в своем будущем и заинтересованным в том, чтобы эта уверенность была всеми прочувствована. Церемониальная неспешность и акцентирование исторической преемственности были необходимыми элементами символического обеспечения процесса реформирования. Не имея возможности объявить дореформенные порядки полностью несостоятельными, власть вынуждена была прибегать к сложным риторическим и идеологическим комбинациям с целью объяснить саму необходимость преобразований, не нанося ущерба своему авторитету. В этих условиях наилучшие шансы были у тех программ, которые вписывались в парадигму преемственности и континуитета как символически, так и по существу. Можно утверждать, что программа, сформулированная Редакционными комиссиями, соответствовала этой задаче. В то же время, она предполагала достаточно решительный переворот в существовавшей реальности, причем на разных уровнях: правовом, экономическом, социально-политическом. Примирение двух столь разных задач — преемственности и разрыва — обеспечивалось как идеологическими, так и техническими условиями реформы.

И символически, и практически в основу реформы легла идея опоры на «существующий факт». В риторическом смысле она подчеркивала роль самодержавия в формировании исторического процесса (и кресть-

янской политики в частности) в прошлом, настоящем и будущем. В практическом же — позволяла, во-первых, закрепить за крестьянами находившуюся в их пользовании надельную землю, а во-вторых — хоть немного успокоить помещиков тем, что выкуп будет привязан к существовавшим при крепостном праве повинностям, а сами крестьяне — к прежним местам жительства (благосостояние большинства помещиков зависело в то время, вопреки распространенному мнению, не от количества земли и душ, а от крестьянских повинностей).

Отказ от ломки существовавших институтов (общины, круговой поруки, обычного права) и коренившихся в этих институтах реалий: экономической взаимозависимости крестьян и помещиков, административно-правовой изолированности крестьянства — означал, что реформа будет разработана, утверждена и, так сказать, станет неотменимым фактом в сравнительно короткие сроки. Для таких противников рационалистического и бюрократического «вторжения» в жизнь, как Самарин, эта черта реформы была еще и спасительным средством заблокировать чрезмерное вмешательство в жизнь деревни «сверху». Нельзя забывать, что «Положения» создавались под мощным прессингом антиреформаторских сил, и опасения, что начатое дело будет «вырвано из рук и искажено», в очень большой степени определяли настроение большинства Редакционных комиссий[30].

Понятны и уязвимые места ставки на континуитет: правительство как бы откладывало ею на будущее те проблемы, которые не были решены в «Положениях» (например, всеобщий земельный кадастр или создание Сельского устава). Сглаживая одни проблемы, оно одновременно создавало новые. Так, в «Положениях» в целом удалось нивелировать противоположность интересов помещиков черноземных, нечерноземных и степных регионов. Если первые были заинтересованы в урезании наделов, то вторые и третьи хотели навязать крестьянам побольше дешевой земли, чтобы замаскировать выкуп личности (при этом все были заинтересованы в привязывании крестьян к их усадьбам и наделам, ибо без наличия доступных рабочих рук никакое помещичье хозяйство не имело шансов на выживание). Но достигнута такая цель была высокой ценой: скрытый выкуп личности крепостных внес колоссальную путаницу и неопределенность в вопрос о природе и целях самого выкупа и выкупных платежей.

Налицо было явное несоответствие между формой и содержанием выкупной операции. Формально она являлась добровольной сделкой двух сторон (крестьян и помещиков) по выкупу земельных наделов при посредничестве государства. Крестьяне вроде бы выкупали именно землю, причем государство выделяло им ссуду под залог покупаемого надела, — иначе говоря, эта операция была разновидностью

ипотечного кредита, причем в роли банка-кредитора выступала казна. Фактически же выкуп не был для крестьян добровольным; выкупалась не земля, а повинности, а плательщиками были не отдельные крестьяне, а общины. Таким образом, под маской частно-правовой, гражданской сделки скрывалась публично-правовая акция.

Одной из причин такой маскировки были господствовавшие в обществе настроения. Николаевская эпоха сформировала у очень многих представителей образованной элиты средних лет настоящую идиосинкразию к бюрократическому «дирижизму» во всех его проявлениях. С другой стороны, сохранялось и представление о правительстве как о единственной силе, способной к осмысленному и конструктивному творчеству, которое подкреплялось очевидным отсутствием в стране каких-либо иных организованных сил. Как видим, что эта идеологическая линия противоречила предыдущей, однако это противоречие не мешало двум тенденциям одновременно определять и общую атмосферу, и конкретные предложения по реформированию социальных отношений и системы власти в деревне. Помимо двух этих идейных комплексов существовал и третий: романтически-славянофильское отрицание рационализма.

Этот сложный идеологический «расклад» оказывал колоссальное влияние не только на содержание и форму «Положений 19 февраля», но и на правительственный курс в деревне в первые 10—15 лет после отмены крепостного права. В результате, с одной стороны, реформа следовала логике опеки с целью создания слоя рационализированных мелких земельных собственников, и в этом отношении, несомненно, предвосхищала будущую столыпинскую реформу. С другой — «Положения» признавали в отношении крестьян принцип невмешательства, что, в частности, отразилось в создании сложной и, по сути, почти полностью автономной системы крестьянского самосуда и самоуправления, не зависевших не только от бывших помещиков, но и от коронной администрации. Таким образом, отмена крепостного права стала плодом компромисса не только различных политических сил и групп, но и различных подходов, уживавшихся в сознании многих активных участников ее обсуждения. Неудивительно, что в первые пореформенные десятилетия ни в среде реформаторов, ни у их противников в правительстве и обществе, пожалуй, не существовало отчетливого представления о том, в каком именно направлении должна развиваться крестьянская реформа.

Еще одним фактором, определявшим судьбу реформы после 1861 г., были сущностные черты административно-правовой инфраструктуры в деревне. К их числу следует отнести очень слабую унификацию административно-правового пространства на уровнях

ниже уездного. Даже те минимальные ресурсы, которыми располагало здесь государство, были крайне раздроблены, а различные институты (мировые посредники и судьи, полиция, крестьянское самоуправление) фактически выполняли плохо совмещавшиеся друг с другом функции. Эта раздробленность на локальном уровне дублировалась полным отсутствием единства в центре, где «крестьянскими делами» ведало множество конкурирующих ведомств: Главный комитет, МВД, Министерство финансов, Министерство юстиции и Сенат, наконец, Министерство государственных имуществ.

В общем и целом, эта инфраструктура абсолютно не соответствовала масштабности и сложности задач, вставших перед государством после отмены крепостного права. В результате не выглядит удивительным фактическое «отсутствие» государства в деревне в 1860—1870-е годы. Если некоторых из лидеров Редакционных комиссий (например, Н.А. Милютина) и можно с оговорками считать «дирижистами», то нельзя не признать, что у них при всем их желании не было бы никаких шансов на выстраивание эффективной «вертикали власти», которая могла бы последовательно направлять развитие деревни в какое бы то ни было русло. Таким образом, либеральное (в смысле минимального вмешательства государства) решение многих проблем в «Положениях 19 февраля» помимо идеологической, имело и вполне прагматическую почву. Примечательно, что и в 1850—1870-х годах, и после 1906 г. одним из самых существенных препятствий к более массированному и настойчивому «вторжению» государства в жизнь крестьянских общин продолжала оставаться институциональная слабость власти (в первую очередь на местах) и отсутствие в ее распоряжении более современных технологий (землеустроительных, статистических, судебно-административных, и проч.). Эта проблема не исчезла и в 1920—1930-е годы.

В целом же изучение масштаба и характера «присутствия» государства в деревне в ту или иную эпоху позволяет совершенно по-новому взглянуть на смысл политического курса разных правительств и на пределы возможного в реализации многих широковещательных политических деклараций. Общей тенденцией в данной сфере можно считать растущее понимание «верхами» того, что в аграрной стране наращивание ресурсов и средств контроля над крестьянством — процесс не только неизбежный для любой власти, но и жизненно важный для ее стабильности.

[1] См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830—1890-е гг.). М., 2011.

[2] *Kingston-Mann E.* In Search of the True West: Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton, 1999.

[3] В числе ключевых работ в огромном массиве литературы на эти темы можно назвать исследования П.А. Зайончковского, Н.М. Дружинина, Т. Эммонса, Д. Филда, С. Хока, Б.Г. Литвака, Л.Г. Захаровой, С.Г. Кащенко, М.Д. Долбилова.

[4] *Frierson C.* Peasant Icons: Representations of Rural People in Late 19 century Russia. N.Y.; Oxford, 1993; *Kotsonis Y.* Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861—1914. L.; N.Y., 1999; См. также: *Долбилов М.Д.* Аграрный вопрос // Экономическая история России: энциклопедия. М., 2010. Т. 1.

[5] См. об этом воспоминания одного из чиновников МГИ и МВД, видного статистика, впоследствии — непременного секретаря Академии наук: *Веселовский К.С.* Воспоминания К.С. Веселовского // Русская старина. 1903. № 10.

[6] О роли инфраструктуры в аграрных реформах см. классическую работу лауреата Нобелевской премии по экономике Т. Шульца: *Schultz Th.* Transforming Traditional Agriculture. New Haven, 1964.

[7] Проблема «информационного обеспечения» аграрных реформ в имперской России затрагивалась в работах Джорджа Яни и Томаса Пирсона, однако сколько-нибудь подробно и доказательно рассмотрена ими не была, см.: *Yaney G.L.* The Urge to Mobilize: An Agrarian Reform in Russia, 1861—1930. Urbana, 1982; *Pearson T.S.* Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and Local Self-Government, 1861—1900. Cambridge, 1989.

[8] *Струве П.* Крепостное хозяйство. М., 1913; *Skerpan A.* The Russian national economy and emancipation // Essays in Russian history / Ed. by A. Ferguson. Hamden, 1964; *Domar E.D., Machina M.J.* On the profitability of Russian serfdom // Journal of economic history. 1984. N 4. P. 919—955.

[9] *Рындзюнский П.Г.* Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г. // Вопросы истории. 1967. № 7; *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр, 1861—1895. М., 1972.

[10] *Field D.* The end of serfdom: Nobility and bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge (Mass.), 1976; *Lincoln B.* The Great reforms: Autocracy, bureaucracy and politics of change in Imperial Russia. DeKalb, 1990.

[11] В частности, современная литература по российским реформам не имеет ничего подобного образцовому исследованию Дж. Галиардо, который еще сорок лет назад детально показал, какое огромное значение имели постепенные идеологические подвижки для решения крестьянского вопроса в Пруссии. Особое внимание он обратил на влияние либеральной экономической мысли, с одной стороны, и романтической идеализации крестьянина как носителя «народного духа» — с другой. См.: *Gagliardo J.G.* From Pariah to Patriot: The Changing Image of the German Peasant, 1770—1840. Lexington, 1969. В российской историографии сходный анализ был проделан В.И. Семевским, но на явно устаревших народнических методологических позициях и достаточно узкой источниковой основе. См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1—2.

[12] *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reforms: Russia's 'Enlightened Bureaucrats', 1825—1861. DeKalb, 1982. P. 84—88; *Веселовский К.С.* Указ. соч. С. 28, 29; *Оболенский Д.А.* Мои воспоминания о вел. кн. Елене Павловне// Там же. 1909. № 3. С. 505, 506.

[13] См.: *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России, 1805—1905. М., 2010. С. 45—135.

[14] См.: *Tribe K.* Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse, 1750—1840. Cambridge, 1988.

[15] *Smith W.D.* Politics and the Sciences of Culture in Germany, 1840-1920. Oxford, 1991; *Altenbockum A.* Wilhelm Heinrich Riehl, 1823—1897: Sozialwissenschaft zwischen Kulturgeschichte und Ethnographie. Köln, 1994.

[16] См. детальное исследование на эту тему немецкого филолога П. Тиргена: *Thiergen P.* Wilhelm Heinrich Riehl in Rußland (1856—1886): Studien zur russischen Publizistik und Geistesgeschichte der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Gießen, 1978.

[17] *Starr S.F.* August von Haxthausen and Russia // The Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 46 (107). P. 462—478.

[18] *Roscher W.G.* System der Volkswirthschaft. Münich, 1859. Bd. 2: Die Nationalökonomik des Ackerbaues und der verwandten Urproduktionen. Русское изд.: *Рошер В.Г.* Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности: руководство и книга для чтения государственным и сельским хозяевам. М., 1870.

[19] См.: *Павловский И.В.* Лоренц фон Штайн и русская общественность XIX века // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 106—122.

[20] См.: *Стремоухов П.Д.* Заметка одного из депутатов первого призыва// Русская старина. 1900. №4; Письма М.Н. Муравьева к А.А. Зеленому // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 227.

[21] См.: *Rohr D.G.* The Origins of Social Liberalism in Germany. Chicago, 1963.

[22] *Самарин Ю.Ф.* Заметки на книге Токвиля «Старый порядок и революция» // *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М., 2004. [Прил.]. С. 417.

[23] О составе и деятельности Редакционных комиссий см.*: Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856-1861. М., 1984. О роли дореформенного бюрократического опыта в мировоззрении «либеральной бюрократии» см.: *Lincoln W.B.* Op. cit.; *Христофоров И.А.* Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2. С. 93—109.

[24] *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1948—1956. Т. 1—2.

[25] *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. New Haven, 1983; *Idem*. Michael Speransky, Statesman of Imperial Russia, 1772—1839. 2nd ed. The Hague, 1969.

[26] Особенности мировоззрения «либеральных бюрократов» раскрыты, в частности, в работах Л.Г. Захаровой, см.*: Захарова Л.*Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

[27] См. размышления о реформе в государственной деревне Е.Ф. Канкрина и П.Д. Киселева: РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 50. Л. 358—435; Ф. 1589. Оп. 1. Д. 981. Л. 24—27; *Дружинин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 480, 481.

[28] См.: *Христофоров И.А.* От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства// Российская история. 2011. № 4.

[29] См.: *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976. С. 183—204; *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 54—93; *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.

[30] См.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена ...

Ю.П. Бокарев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ МЕНТАЛИТЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

В статье анализируется влияние унаследованных сельским населением исторических традиций и хозяйственной ментальности на современную аграрную экономику. Автор приходит к выводу о наличии в современной деревне двух типов ментальности, между представителями которых ведется скрытая и явная борьба.

Ключевые слова: хозяйственная ментальность, исторические традиции, аграрная экономика, социальные группы деревни.

Хозяйственный менталитет характеризует экономическое сознание населения, складывающееся исторически и проявляющееся в единстве сознательных и неосознанных ценностей, норм и установок, которые отображаются в хозяйственном поведении населения. Он «включает стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к работе и богатству, а также степень восприимчивости (или невосприимчивости) к зарубежному опыту»[1]. Исторические традиции занимают в структуре менталитета чрезвычайно важное место. Они формируют базовые фундаментальные ценностные стереотипы.

Хозяйственный менталитет предопределяет специфичность интересов, приоритетов и мотиваций социальных групп, принадлежащих к определенной национальной культуре, в сфере их экономической деятельности. Хозяйственный менталитет лежит в основе неформальной институциональной среды экономики. Степень соответствия или несоответствия между неформальными и формальными институтами определяется менталитетом хозяйствующих субъектов. От хозяйственного менталитета зависит работоспособность и эффективность всей системы национальной экономики. Этим определяется интерес к его изучению.

В нашей стране изучение хозяйственного менталитета активно ведут социологи, экономисты, психологи[2]. Однако историки подключаются к этой проблеме довольно слабо. После проведенной в 1994 г. в Институте всеобщей истории конференции о менталитете крестьян[3] появилось всего лишь несколько серьезных исследований на эту тему, главным образом, в провинции[4].

Поскольку хозяйственный менталитет формируется исторически, на протяжении жизни многих поколений, то определить его базовые

элементы и проследить направления эволюции призваны историки. Без исторических трудов легко принять второстепенное за главное, следствие за причину.

Так, социологи Высшей школы экономики выявили на селе следующую мотивационную ситуацию: пассивность, минимизация потребностей и усилий, лень. Они объяснили это оттоком наиболее предприимчивых и активных жителей деревни в города[5]. Однако любой, кто знаком с жизнью в деревне, знает, что она несовместима с ленью. Тем более нельзя обвинять в этом целую социальную группу. Обвинение сельских жителей в лени выдвинуто лишь для того, чтобы не раскрывать расхождения между проводящимися государством реформами и крестьянским менталитетом.

В других работах социологов можно встретить утверждение о нерыночном, антикапиталистическом менталитете жителей российской деревни, имеющем якобы глубокие исторические корни[6]. На самом деле, как бы глубоко мы ни заглядывали в русскую историю, там всегда находим фигуру торгующего крестьянина. Из крестьян вышли крупные российские промышленники и купцы. Иное дело, что в мотивации крестьян мы не находим погони за прибылью. Они продавали для того, чтобы что-то купить или за что-то заплатить.

Задача настоящей статьи — привлечение богатого исторического материала о крестьянском хозяйственном менталитете для объяснения экономического поведения жителей современной российской деревни.

Методологической основой исследования является современная теория асинхронного компаративного исследования, которую разрабатывают американские, французские и немецкие социологи (Мелвин Л. Кон, Сеймур М. Липсет, Чарльз Рейджин, Карл В. Метер, Эрвин К. Шойх и др.)[7].

Источниками являются обследования хозяйственных и народно-юридических обычаев крестьян, проводившиеся до революции Императорским русским географическим обществом, частично опубликованные в журнале «Живая старина» и приложениях к нему, но в своей массе хранящиеся в архиве Общества в Петербурге, а также современные социологические и этнографические исследования села. Во вспомогательных целях используются данные Федерального агентства по государственной статистике.

ТРИ ВСПЛЕСКА ИНТЕРЕСА К КРЕСТЬЯНСКИМ ТРАДИЦИЯМ

Илья Штейнберг отмечает три всплеска интереса к крестьянским традициям в современной России. Первый пик был связан с кампа-

нией начала 1980-х годов по внедрению в производство хозрасчета. Поиски «крестьянина» среди колхозников и рабочих совхозов тогда были связаны с желанием пробудить в жителе села задавленные коллективизацией традиции «крестьянина-земледельца»: самостоятельность, любовь к земле, трудолюбие, хозяйственность[8].

Во второй раз крестьянин оказался в центре общественного интереса, когда в начале 1990-х началась кампания по фермеризации деревни. Считалось, что фермер для успеха дела должен иметь крепкие крестьянские корни. В этот период особенно поднимались на щит хозяйственные традиции крестьянина-кулака. Бытовавшие до этого представления о кулаке как о «мироеде» и «эксплуататоре бедноты» были заменены на ярлык «настоящего хозяина», «крепкого крестьянина».

Одновременно началась реорганизация колхозов и совхозов в различные АО и ТОО, которая сопровождалась ростом интереса к вольной крестьянской общине со справедливым самоуправлением и эффективной самоорганизацией производства и сельского быта.

Последний взлет интереса к крестьянским традициям возник в эпоху составления и утверждения нового Земельного кодекса. Оказалось, что жители села не проявляли массового интереса к приобретению земли в частную собственность, что вроде бы опрокидывало ложное представление законодателей и журналистов о собственническом инстинкте крестьян. Более того, большинство жителей села отвергали любую возможность торговли земельными паями, что соответствовало традициям общинного землепользования.

ОШИБКИ РЕФОРМАТОРОВ

У наших реформаторов с начала перестройки не было конкретной национальной концепции модернизации. Они стали на путь подражания западной цивилизации как образца, без учета социокультурных традиций российского общества[9]. Не было учтено, что западная экономика — результат особых условий развития, не совпадающих с условиями развития России, и потому использование ее элементов нуждается в корректировке и адаптации, в том числе и в адаптации к менталитету российского общества.

Ошибки реформаторов привели к острому и затяжному кризису всей экономики. Особенно тяжелое положение сложилось в области сельского хозяйства. За 20 лет, прошедших со времени реформ, оно так и не смогло восстановиться до уровня 1990 г. (см. табл. 1). В 2008 г. по сравнению с 1990 г. общая посевная площадь составляла только 65,4%.

Таблица 1

Динамика посевных площадей и поголовья скота в 1990—2008 гг., %

Годы	Площадь посевов					Поголовье скота		
	Всего	Зерновые культуры	Картофель	Кормовые культуры	Лен-долгунец	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы
1990	100	100	100	100	100	100	100	100
1991	98,1	98,0	102,4	98,8	78,5	95,9	92,4	94,5
1992	97,4	98,2	108,1	95,3	78,3	91,6	82,3	87,2
1993	95,0	96,6	110,1	92,0	62,9	85,7	74,5	73,5
1994	89,5	89,2	104,7	88,9	32,2	75,9	64,9	57,5
1995	87,1	86,7	108,5	83,2	42,4	69,6	59,1	45,9
1996	84,6	84,7	107,9	80,6	36,7	61,5	49,9	36,8
1997	82,0	85,0	107,7	74,6	27,2	55,3	45,3	29,8
1998	77,9	80,4	104,1	69,3	25,7	49,9	45,0	24,3
1999	75,0	73,8	107,1	67,4	24,9	49,1	47,7	22,8
2000	72,6	72,4	107,0	65,3	25,7	47,8	41,0	22,7
2001	72,0	74,9	106,2	62,6	30,5	47,5	41,9	23,6
2002	71,9	75,3	106,3	60,8	26,5	46,5	45,3	24,9
2003	67,6	66,9	106,3	57,7	28,2	43,7	41,7	26,3
2004	66,9	69,4	104,2	54,0	26,9	40,3	35,0	28,0
2005	65,8	69,4	101,5	49,5	22,9	37,6	35,1	29,0
2006	65,5	68,7	99,7	47,0	20,2	37,6	41,2	31,7
2007	64,9	70,4	97,0	44,8	17,7	37,6	41,8	33,9
2008	65,4	74,1	73,2	41,7	18,4	37,1	42,6	н.д.

Источник: Основные показатели сельского хозяйства в России в 2010 году. М., 2011.

Наиболее заметно сократились посевы кормовых трав (41,7%) и льна-долгунца (18,4%). Выросли только посевы подсолнечника, сои, масличных культур, а также овощей. Но первые три культуры засевают промышленные предприятия, а овощи выращивают на пригородных и дачных участках.

Еще хуже положение дел в области животноводства. Число голов крупного рогатого скота в 2008 г. составляло только 37,1% от уровня 1990 г., а поголовье свиней — 42,6%. Поголовье овец едва достигло третьей части от уровня 1990 г. Более 98% говядины в России получают от убоя выбракованных коров и сверхремонтного молодняка из

молочных стад. Мясное скотоводство как отрасль сельского хозяйства перестало существовать. Чтобы прокормить население страна вынуждена ввозить мясо из-за рубежа весьма низкого качества.

Для объяснения такого положения вещей называются причины экономического порядка. Рассмотрим основные.

1. Высокие цены на технику и горючее, которые делают невозможным высокорентабельное производство сельскохозяйственной продукции. Но когда в нашей истории техника была для деревни дешевой, а сельское хозяйство — высокорентабельным?

2. Парк сельскохозяйственных машин в большинстве своем выработал весь свой ресурс. Он больше простаивает в ожидании ремонта, чем работает на полях. Но такая же ситуация была характерна и для советской эпохи.

3. Высокие процентные ставки на кредит (15—16%). Однако кредитные отношения были слабо распространены в деревне и в советские годы.

4. В сельском хозяйстве все еще продолжается передел собственности, происходят сгон крестьян с земли, прямые захваты, поглощения и умышленные банкротства предприятий. Однако это явление не так широко распространено в деревне, как в городе.

5. Демпинговые поставки продуктов питания из-за границы. Здесь причина перепутана со следствием. Недостаток отечественного производства вызывает необходимость импорта продовольствия. Какими бы ни были цены, отечественная продукция пользуется повышенным спросом как экологически более чистая и не измененная генетическими экспериментами.

6. Даже северные страны Западной Европы отличаются от России гораздо более благоприятными природно-климатическими условиями. Поэтому нам состязаться с западными производителями по эффективности сельскохозяйственного производства при прочих равных условиях невозможно. Но никто такой задачи и не ставит. Проблема в том, что современное российское сельское хозяйство никак не восстановит дореформенные размеры.

7. Социальные проблемы сельских жителей: необходимо строительство жилья на селе, улучшение социальных условий для крестьян. Но и эти проблемы, увы, не новые.

Как видим, экономические факторы не в состоянии полностью объяснить положение дел в сельском хозяйстве. Рассмотрим, какую роль сыграли в этом факторы ментального порядка.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕНТАЛИТЕТ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ КРЕСТЬЯН

В хозяйственном менталитете дореволюционных крестьян центральным, организующим было понятие труда: «Без труда ничего не дается». Тяжелый, изнурительный физический крестьянский труд считался источником благополучия и достатка: «Коли пот на спине, то и хлеб на столе».

Под достатком понималось все необходимое для спокойной, размеренной, праведной жизни: «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Богатство и бедность рассматривались как две крайности, которых следует избегать: «Богатство перед Богом великий грех, а бедность — перед людьми».

Бедняк, отчаявшись, может пойти на преступление: «Бедность не грех, а до греха доводит». Нужда заставляет бедняка перед всеми унижаться: «И нашим и вашим за копейку спляшем». Бедняку нельзя доверять, нельзя верить: «Бедность крадет, а нужда лжет».

Богатство — это помеха для спокойной жизни: «Кто до денег охоч, тот не спит и ночь», «Без денег сон крепче». Богатство пробуждает в человеке худшие чувства: алчность, самодурство, презрение к простым людям: «Деньги что каменья — тяжело на душу ложатся». Богач пользуется нуждою других: «Ел бы богач деньги, кабы убогий его хлебом не кормил». Богатство родителей калечит нравственность их детей: «У богатого черти люльки детей качают», «Богатство родителей — кара детям».

Богатые — угроза всему обществу: «Когда деньги говорят, тогда правда молчит». Богатому прощаются все преступления: «Кто украдет рубль, того отдают под суд, а кто тысяч двести, того держат в чести». Поэтому: «Живи своим трудом, а не чужим добром».

Крестьянский труд тем хорош, что позволяет избежать и бедности, и богатства: «Труд всегда дает, а лень только берет», «Не оттого оголели, что много ели, а оттого оголели, что работали — не вспотели». В то же время: «От трудов праведных не стяжать палат каменных».

Труд меняет отношение к окружающему, вызывает ощущение уверенности в себе. Трудовой человек вызывает уважение: «Без труда чести не получишь». Труд — это не только физические усилия, но также ум и смекалка.

К труду крестьяне приучали и своих детей: «Не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна».

По отношение к труду крестьяне оценивали другие социальные группы: «Купец — торгом, поп — горлом, а мужик горбом хлеб добывают», «Живем не тужим — бар не хуже: они на охоту, мы на работу; они спать, а мы работать опять; они выспятся да за чай, а мы — цепами качай».

Понятие труда тесно связано с землей: «Труженику земля — мать родная», «Пахарю земля — мать, а лентяю — мачеха», «Поле труд любит». Обрабатывающий землю крестьянин считался хозяином: «Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а тот, кто по ней за сохой ходит».

Важно отметить, что хозяин — это не собственник земли, а тот, кто ее обрабатывает и распоряжается результатами своего труда. Дореволюционный крестьянин не знал и не понимал института земельной собственности. Для него это было чем-то противоестественным. По представлениям крестьян, вся окружающая нас действительность подразделяется на две части: божье и человеческое. Небо, воздух, земля, леса, реки, моря — все это создано Богом, принадлежит только ему и дано людям на правах пользования: «Божья вода по Божьей земле бежит». Каждый, кто обрабатывает землю, имеет право пользоваться ею до тех пор, пока он ее обрабатывает[10].

Божье не может быть собственностью отдельных людей, оно получено в дар и не может продаваться, покупаться, переходить по наследству. Кто объявляет Божье своей собственностью, рискует быть наказанным: «На Божье посягать — свое потерять». Особенно ненавистны были крестьянам те, кто, объявив землю своей собственностью, оставил ее зарастать бурьяном или заставляет на ней работать других. Собственностью могло быть только то, что создано людьми: урожай, выращенный в хозяйстве скот, дом, постройки, хозяйственный инвентарь, обувь, одежда и т. д. При этом крестьяне ценили Божье гораздо выше человеческого: «Вражье-то лепко, а Божье-то крепко».

В соединении с Божьей землей труд становился священной традицией, передававшейся из поколения в поколение и, в конечном счете, исходящей из установленных Богом правил. Поэтому крестьяне были противниками новаций. «Сколько ни мудри, а воли Божьей не перемудришь», — отвечали они в ответ на нововведения.

Весьма показательны в этом отношении картофельные бунты. В представлении крестьян это растение было именно тем яблоком, которое вкусил в Раю Адам и бросил на землю, где оно и проросло. В 1834 г. была попытка заставить удельных крестьян сеять картофель. Несмотря ни на какие уговоры и телесные наказания, удельные крестьяне ложились на землю, говоря: «Воля ваша, а сеять не будем». В 1840—1944 гг. такая же попытка в отношении государственных крестьян привела к восстанию. Только в губерниях Севера, Приуралья, Среднего и Нижнего Поволжья в 1830—1840-х годах восстало более 500 тыс. крестьян, которые уничтожали посевы картофеля, избивали чиновников, переизбирали старост и старшин, нападали с

оружием в руках на карательные отряды. Правительство бросило на усмирение восставших войска. В ряде мест были произведены расстрелы крестьян. Тысячи повстанцев были сосланы в Сибирь или сданы в солдаты. Только с 1860-х годов картофель стал популярной для крестьян культурой[11].

Работа на чужой земле не называлась трудом. Для этого использовались не сакральные понятия: урок, повинность, работа. Такие занятия были тягостны для крестьян, выполнялись с неохотой: «На чужой работе и солнце не движется», «На барском поле хлеба не заработаешь». Иное дело труд для себя: «На себя работа не барщина». Такое отношение не изменилось, даже когда после отмены крепостного права землевладельцы стали платить крестьянам гораздо больше, чем они могли выручить от урожая на своем поле.

В конце XIX в. А.С. Ермолов подсчитал, что доход крестьян от наемного труда на высокотоварных помещичьих землях был в 4 с лишним раза выше их дохода от обработки аналогичных по площади своих земель[12]. Поэтому борьба крестьян против помещичьего землевладения объективно вела к снижению их жизненного уровня. Ни одна экономическая теория не в состоянии объяснить этого явления. Объяснить это можно только с позиций крестьянского менталитета.

Семья для крестьян была не просто домашним очагом. Она была производственной единицей, внутри которой существовало традиционное разделение труда. Экономические возможности крестьянской семьи зависели от величины ее земельного надела, а он полагался только женатым мужчинам. Такой порядок побуждал родителей стремиться к скорейшей женитьбе сына, чтобы расширить семейный надел и приобрести в дом дополнительную работницу. Родители невесты, в свою очередь, спешили «спихнуть девку с хлеба»[13].

Главу семьи называли хозяином. От него зависело благополучие семьи: «Хозяин добр — и дом хорош; хозяин худ — и в доме тож», «Не столько хозяину нужно добро, сколько добру нужен хозяин». Он не только мог применять в отношении нерадивых членов семьи санкции, ему полагалось быть жестким: «Туча не без грому, хозяин не без гнева»[14].

Главная забота хозяина — полеводство: «Где хозяин ходит, там и хлеб родится». Помимо этого он занимался рубкой и возкой дров, строительством или починкой избы, хозяйственных построек, забора, ремонтом конской упряжи, телеги и саней, сельскохозяйственных орудий. Он также осуществлял уход за лошадью. При наличии местных или отхожих промыслов ими также занимался мужчина. Во всем этом хозяину помогали его взрослые неженатые сыновья[15].

Крестьянские традиции требовали безусловного подчинения жены мужу. Характер аграрного производства, общинный уклад и

подушное обложение фактически исключали самостоятельное значение женщины. Объективно крестьянское бытие не предполагало равноправие полов, отводило женщине второстепенную, а следовательно, подчиненную роль. Всевластие мужа воспринималось женой как должное.

На плечах жены лежало домашнее хозяйство, огород, уход за коровой, мелким скотом и птицей. В ее подчинении находились взрослые дочери и дети любого пола. При этом занятия жены трудом не считались[16].

Главной социальной ячейкой, где складывался менталитет крестьянина, его представления об окружающем мире, о своем предназначении, должном и сущем, социальной справедливости, была община. Менталитет крестьянства — это общинный менталитет, сформированный в рамках замкнутого локального сообщества. Община регулировала поземельные отношения крестьян, решала их споры, распределяла повинности перед государством. Крестьянская община жила по законам Справедливости, а не Законности. Община выступала как институт, регулирующий внутреннюю жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, хранитель и транслятор хозяйственного опыта, всей системы ценностей крестьянства[17].

На общине замыкались основные проявления жизнедеятельности крестьянина, и его сознание было групповым, общинным. Мировосприятие крестьянина — это мировосприятие члена малого сообщества, вся жизнь которого от рождения до смерти проходила внутри замкнутого мира. Это было сознание коллектива людей, связанных между собой не только деловыми отношениями, но и эмоционально; сознание, ориентированное на традиции и идеалы предков. В рамках общинных сходов проходила общественная жизнь крестьянина. Выступать вместе с «миром» и от имени «мира» — эта тенденция коллективного сознания является лейтмотивом всех исходивших от крестьян общественных приговоров, челобитных, доверенностей[18].

Недаром крестьяне, вернувшиеся в деревню из армии, вызывали большой интерес, но никогда уже не воспринимались как обычные члены крестьянского сообщества.

Понятие «кулак» тесно связано с общиной. Оно появилось в дореформенной российской деревне. «Кулаком» называли крестьянина, наживавшего богатство на нужде односельчан и державшего весь «мир» (общину) в зависимости («в кулаке»). Прозвище «кулак» получали в деревне крестьяне, имевшие, по мнению односельчан, нечистый, нетрудовой доход, — ростовщики, скупщики, держатели кабаков[19].

Слабоизученным в историографии вопросом является воздействие на крестьянский менталитет товарных отношений.

Крестьянское хозяйство, как составной элемент целостной экономической системы, эволюционировало под воздействием рыночной конъюнктуры. Какие бы исходные причины не воздействовали на крестьянское хозяйство, оно всегда реагировало на изменение хозяйственной ситуации и играло роль достаточно важного уравновешивающего фактора в экономике страны, особенно в кризисные периоды.

Из-за низкой окупаемости сельскохозяйственного производства крестьянин настороженно относился к деньгам, операциям купли и продажи. С одной стороны, деньги были для крестьян элементом, сеющим раздоры в крестьянском мире, способным поссорить даже членов семьи: «Дружба, родство — дело одно, торги да промыслы — дело ино». С другой стороны, деньги могли выручить в трудную минуту: «Береги хлеб для еды, а деньги для беды». В целом же в отношении к деньгам прослеживается та же тенденция, что и в отношении к богатству, — избегать крайностей: «Лишние деньги — лишняя забота», с одной стороны, и «Легкий кошелек — тяжелое проклятие», с другой стороны.

Я не буду касаться сословия торгующих крестьян, появившегося в XVIII в. Большинство из них жили в городах и порывали с крестьянством, пополняя ряды купцов. Коснусь только торговых традиций крестьян-земледельцев.

Торговля считалась делом опасным: «Барышу наклад — родный брат». «Хлеб продать — дешев; хлеб купить — дорог». Мужик продает хлеб осенью и зимой, после сбора, когда деньги нужны на повинности; а покупает, как не хватит, весной. Покупать надо только самое необходимое: «Купишь лишнее — продашь нужное», «Товар полюбится — ум расступится». В торгах нельзя перебивать покупателя у соседа: «Торговаться одному, а конаться всем». Обычай не перебивать друг у друга цены, а когда приторговано, метать жребий[20].

При торговле следует торговаться: «Торгуешь — хаешь; купишь — похвалишь», «Не похваля, не продашь; не похуля, не купишь». Купил — не купил, а поторговаться можно.

Обман — необходимый элемент торговли: «Обчет невычет. Обчет не в зачет. Обчет не в счет», «Не побожившись, коня не продать», «Продавцовой божбе не вверяйся».

Крестьяне прекрасно понимали теорию полезности и рыночное ценообразование: «Чего мало, то дорого; чего много, то дешево», «Дорожиться — товар залежится; продешевить — барышей не нажить».

Традиционной формой торговли крестьян были сельские ярмарки, которые по своей организационно-экономической и производственной сущности были встроены в хозяйственный уклад крестьян. В условиях преобладания хозяйств трудово-потребительского типа ярмарки были традиционным, хорошо отработанным и приспособленным к экономическим условиям крестьян механизмом купли-продажи. Функционирование ярмарок по исторически устоявшимся обычаям было приспособлено к цикличности крестьянского труда.

Даже в местах действия ярмарок с очень малым товарооборотом каждый крестьянин мог удовлетворить свои хозяйственные нужды, не прибегая к дальним поездкам и большим расходам. Для крестьян ярмарка была необходимым и привычным экономическим институтом. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные приговоры, в которых четко прослеживается кровная заинтересованность крестьянских обществ в устройстве ярмарочных мест. Уже в первой трети XIX в. были зафиксированы случаи многолетней тяжбы общин относительно размещения конкретной ярмарки в том или ином селе[21].

Со временем, в результате формирования торгового законодательства установилась разрешительно-регистрационная практика, и учреждение ярмарок по приговорам сельских и обществ практически не встречало препятствий.

Типичен приговор Рубцовского сельского общества Ново-Алейской волости, Змеиногорского уезда, Томской губернии.

«По обществу числится дворов 314 крестьян домохозяев, имеющих право участия на сельских сходах на основании 57 ст. общим положением о крестьянах 280, при составлении настоящего приговора участвовали 220. 1906 года февраля 19 дня. Мы, ниже подписавшиеся крестьяне Рубцовского сельского общества в присутствии нашего сельского старосты Гридчина сего числа на сельском сходе, где имели суждение о том, что наше село Рубцовское большое и стоит на тракту между городами Семипалатинском и Барнаулом, по этому тракту очень часто проходят гурты рогатого скота и овец, из чего видно, что в нашем селе могут быть проведены торговые обороты скотом, хлебом и другими продуктами сельскохозяйственного производства. Храм в нашем селе построен и освящен 4 февраля сего года. Вследствие сего мы единогласно постановили через нашего доверителя Петра Маркова Плешкань покорнейше просим Томское губернское управление: разрешить открыть в нашем селе Рубцовском три семидневные ярмарки в год, именно: с 9 по 15 марта, с 19 по 25 июня, и третью с 22 по 28 октября. Площадь для устройства яр-

марок в нашем селе удобная и просторная, в том и подписываемся, а далее подписи имен и фамилий, всего 220 чел. Печать и подпись Рубцовского сельского старосты Гридчины»[22].

В данной ситуации уже действовал принцип конкуренции. Многие общества, чтобы привлечь максимальное число участников, нередко обращались с просьбами в соответствующие инстанции о перенесении сроков проведения своих местных ярмарок.

Поездка на ярмарку, куда нередко крестьяне отправлялись всей семьей, воспринималась как праздник. Это настроение старались поддержать устроители ярмарки, предлагая различные представления и состязания. Торговые сделки сопровождались традиционным торгом.

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА КРЕСТЬЯНСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ

В литературе можно встретить утверждения, будто большевики уничтожили крестьян или, во всяком случае, наиболее трудолюбивую их прослойку. Это далеко не так.

История развития сельского хозяйства России свидетельствует, что русский крестьянин никогда не был экономически свободным. Вся его жизнь протекала в жестких рамках надындивидуальных структур, которые ограничивали проявления индивидуальности, воспитывали чувство коллективизма и требовали соответствия общепринятым моделям поведения.

В течение нескольких столетий крепостного права крестьяне были лично несвободны. После отмены крепостного права экономическая деятельность крестьян была скована общиной. В 30-х годах XX века жесткие рамки общины были заменены колхозным строем, в котором также не было места проявлению индивидуализма и экономической независимости.

Надо сказать, что большевикам удалось реализовать не свою модель аграрной реформы, базировавшуюся на теории исчезновения крестьян путем их разложения на сельский пролетариат и буржуазию и предусматривавшую создание совхозов и госхозов, а народническую, основывавшуюся на теории устойчивости трудово-потребительского хозяйства и предусматривавшую широкое горизонтальное кооперирование крестьян путем создания артелей и тозов.

Правда, к середине 1930-х годов большевикам удалось трансформировать эту модель в средство для выкачивания из деревни дешевого зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Но в такой фор-

ме крестьяне теряли интерес к трудовой деятельности, и колхозный строй долго не продержался.

Дело в том, что после Великой Отечественной войны произошла еще одна трансформация колхозного строя. Крестьянская жизнь оказалась очень сложно устроенной системой социальных взаимодействий, реализацией многих способов поведения, практик, стратегий и микростратегий семейного уровня, сложной системой социальных сетей взаимопомощи и взаимозависимости. Советская система стимулировала тонкое и сложное плетение социальных сетей ради выживания.

Неформальные структуры во многом и сделали формальные институты реально работающими, наделили их социальной плотью. В советской действительности реально существовали лишь сложные взаимопаразитические и/или симбиотические советско-крестьянские хозяйства, одна из сторон которых была главной, явной, лицевой, официозом, а другая — стороной периферийной и даже теневой, но отнюдь не менее важной.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СЕЛЬСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Сегодня традиция избегать крайностей также присутствует в установках крестьян: по данным опросов, для 80% крестьян не важно или даже нежелательно быть богатыми.

Характер землепользования в крестьянской общине выражался в распределении земли «по числу работников» в семье, что исключало возможность концентрации земельной собственности в руках наиболее обеспеченных крестьян. Для большинства современных крестьян земля не объект собственности и тем более — предмет купли-продажи. Не удивительно, что сегодня до сих пор идут дебаты вокруг проблемы земельной собственности.

Неприемлемость этого нововведения сегодня лежит, прежде всего, в ментальной плоскости, а главным аргументом остается недопущение к земле горожан-предпринимателей. Так, согласно проведенным в 2003 г. исследованиям ВЦИОМ, даже при том, что 71% опрошенных в принципе, пускай на словах, но все-таки одобрили бы покупку земли у них в округе их соседями, но уже 47% были бы против приобретения земли у них в округе выходцами из других регионов России. Против покупки земли у них в округе жителями других республик бывшего СССР, «ближнего зарубежья» были 70% жителей села, и практически единодушно сельские жители (82%

опрошенных) не приветствовали бы покупателей из «дальнего зарубежья».

Еще одной особенностью отношений собственности в России была нерасчлененность власти и собственности. Если на Западе частная собственность являлась основой независимости индивида, то собственность в России носила характер пожалований, и наделение человека собственностью часто означало его прикрепление, зависимость от верховной власти. Поэтому собственность в России воспринимается в народе как «зло» не только вследствие ее «неправедного» происхождения, но и еще как средства принуждения.

Современные преобразования в российской деревне апеллируют к принципиально иной системе ценностей — либерально-индивидуалистической. Как и либеральные реформы П.А. Столыпина, современные российские реформы — это классический вариант «реформ сверху», проводимых без учета процессов, протекающих в деревнях, и состояния общественного сознания. Реформирование аграрного сектора проводилось по традиционной советской «технологии»: директивность, тотальность, форсированность и формальность преобразований. Выбор организационно-правовых форм предприятий мотивировался не столько экономическими, сколько политическими и социальными факторами.

В отличие от городского населения, которое является гораздо более «вестернизированным» и ориентированным на достижения, основной массой крестьян не были восприняты главные идеи реформ — свободы предпринимательства, частной собственности на землю, реорганизации коллективных хозяйств, развития фермерства. Этим идеям крестьяне противопоставляют уже упомянутые ценности «честного труда в коллективе». Сегодня российский крестьянин в массе своей — не товаропроизводитель, он не имеет опыта самостоятельного, ориентированного на рынок, хозяйствования. Так, по данным опросов, на коллективные формы сельскохозяйственного производства по-прежнему ориентированы 80% работников сельского хозяйства. Главными ценностями при этом остаются помощь в трудную минуту, стабильность, гарантированный заработок и занятость.

Кроме того, сами государственные структуры были не готовы к столь масштабным изменениям. В результате наблюдается непоследовательность проводимого курса реформ, постоянная смена «правил игры», от которой страдают, прежде всего, наиболее активные участники реформ — фермеры и руководители реорганизованных предприятий. К таким «шараханиям» государственной политики в аграрной сфере относятся незащищенность прав собственника; за-

паздывание, несовершенство и противоречивость законодательных актов; несовершенство налоговой и кредитной политики государства и коммерческих банков (не учитывается специфика с/х производства); несостоятельность государства как оптового покупателя с/х продукции (систематические неплатежи). Более того, нередко федеральные и местные власти идут на прямое нарушение прав сельхозпроизводителя через ограничение закупочных и розничных цен на продукты питания, демонстрируя при этом первостепенность недопущения расширения масштабов бедности в городах.

Института частной собственности на землю российская деревня почти не знала. До революции крестьянское землепользование регулировала община. После того как собственником земли стало государство, предприятия получили ее в бесплатное и бессрочное пользование. Администрация колхозов и совхозов получила право определять размеры приусадебных участков. После реформ 1990-х годов значительная часть земли в пределах населенных пунктов и вокруг них перешла в пользование сельских администраций.

Хотя жители села также получили возможность взять в собственность часть бывшей колхозной земли, но лишь 4% этим правом воспользовались. Из них 2% владельцев земельных паев стали фермерами, зарегистрировав предприятие, и еще 2% используют свои земельные доли или их часть без оформления предприятия. А 96% владельцев паев сдали свои земли в аренду колхозам и предпочитают в дополнение к своим приусадебным хозяйствам арендовать у администрации небольшие участки на окраине поселка под картошку или овощи.

В результате сельские администрации, подобно общине или колхозу, стали играть роль регулировщиков земельных отношений, выделяя земли под строительство домов, огороды и т. п. Из-за того что в сельской экономике растет значение индивидуальных хозяйств, влияние администраций только усиливается. В первые годы реформ в тех регионах, где есть спрос на землю, продажа участков или их сдача в аренду приносила местным администрациям известный доход, который они могли использовать на общие нужды сельского сообщества. Затем большинство районных и региональных властей лишили сельские администрации права распоряжаться землей, забрав себе столь лакомый источник доходов.

При ликвидации коллективных предприятий в распоряжение сельских администраций также перешли колхозный скот, техника, инвентарь. Сельчане пользуются этим добром совместно, бесплатно или за небольшую плату, необходимую для поддержания техники в рабочем состоянии.

Во многих селах ремонт дорог, водопровода и т. п., т. е. той части инфраструктуры, которая прежде была в ведении колхозов, производится на деньги, собранные у населения. Соответствующие организационные вопросы решаются на сходах с подачи администраций.

Таким образом, наблюдается некий новый феномен — административная община, т. е. общность, в которой роль посредника между государством и населением выполняют не столько органы самоуправления, сколько привычные низовые административные ячейки, взявшие на себя часть функций традиционной общины. Например, по наблюдениям Т.Г. Нефедовой, жители села Куриловка в засушливом саратовском Заволжье на сходе решили провести водопровод для полива огородов. Был создан общественный комитет, собраны средства (благо, село относительно зажиточное, с большим количеством частного скота), и в каждое домохозяйство подвели воду из реки[23].

До революции на сходах решался широкий круг вопросов: переделы пахотной земли (далеко не везде и с разной периодичностью), пользование общим выгоном для скота, создание общественного капитала или резервного зернового фонда, коллективная трудовая помощь малоимущим и огромная роль сельского схода в решении многих имущественных проблем домохозяйств (разделы, наследование и т. п.). Некоторые из этих элементов существуют и в личных приусадебных хозяйствах. Совместного владения землей уже нет, но совместные выгоны есть. Формируется общее стадо. Нанимаются пастухи, которых население поочередно кормит и дает временный кров. Общие вопросы, касающиеся не только содержания стада, но и обустройства села, решаются на сельских сходах, которые сейчас стали называть собраниями жителей.

Тем не менее, администрации, к которым в последнее время переходит все больше общественных функций, не могут полностью заменить общину или колхоз. Многие даже убыточные колхозы сохраняются потому, что они востребованы населением. В деревне часто можно услышать: «Как же жить без колхоза? Вместе же легче...». По многовековой традиции жители села не доверяют государству, нуждаются в посреднике для общения с ним в лице защитника-колхоза или местной администрации.

В последние годы принимаются меры по возрождению исторических ярмарок (Алексеевской в Котельниче, Кировская область, Маргаритинской в Архангельске, Никольской в Ишиме, Ирбитской в Екатеринбургской области, Коренской в Курской области и др.). К сожалению, это не те ярмарки, какие существовали в свое время в России. Во-первых, возрождаются только крупные городские ярмар-

ки, тогда как в дореволюционной России главную роль в крестьянской жизни играли сельские ярмарки. Во-вторых, крестьянин на этих ярмарках выступает только как покупатель, а не продавец. Так, например, на возрожденной Коренской ярмарке продавцами выступали 20 предприятий тяжелой промышленности, 9 предприятий легкой промышленности, 2 ремонтных завода, 1 учебный комбинат, 31 предприятие пищевой и перерабатывающей промышленности, 7 автотранспортных предприятий, 33 промышленных и торговых предприятия ближнего зарубежья и 2 российских филиала зарубежных промышленных корпораций[24]. А сельский производитель попрежнему вынужден «продавать» свою продукцию перекупщикам, диктующим цены. Как тут возродить рыночные традиции?

Даже в тех редких случаях, когда ставится вопрос о возрождении сельских ярмарок, меньше всего думают о сельском производителе. Например, с 11 апреля 2008 г. вступил в силу федеральный закон «О розничных рынках», который установил новые требования к организации розничных рынков. 31 мая того же года на заседании Законодательного собрания обсуждался вопрос об организации и проведении в Кировской области ярмарок.

Депутат Законодательного собрания от Советского района Андрей Бусыгин отметил на заседании: «Мы все понимаем, что большинство рынков, работающих в небольших сельских поселениях, не отвечают требованиям нового закона и в скором времени прекратят свое существование. Считаю, что этот процесс негативно отразится на налоговых поступлениях в местные бюджеты. Вместе с тем ФЗ “О розничных рынках” позволяет субъектам РФ устанавливать порядок деятельности ярмарок по продаже товаров, выполнению работ и оказанию услуг. Вносимый мною на рассмотрение законопроект позволит органам местного самоуправления выступать на своих территориях организаторами ярмарок, которые будут проводиться в заявленные дни. В соответствии со статьей 5 законопроекта инициатором проведения ярмарки в зависимости от статуса будут выступать правительство области, уполномоченные органы местного самоуправления, а также юридические, физические лица и индивидуальные предприниматели. Причем в последнем случае инициатива будет носить заявительный характер».

Крестьянский традиционализм связан с самим характером жизнедеятельности земледельца, его привязанностью к земле и лучшей адаптацией к тем формам общественной организации хозяйства, которые «оберегают» эту привязанность, пусть даже в ущерб экономическому прогрессу. Любые новации воспринимаются при этом навязанными сверху. Именно поэтому большинство реорганизованных

хозяйств выбрали формы акционерных обществ или товариществ. Для основной массы сельских жителей это — еще одна возможность удержаться в рамках привычных коллективных форм хозяйствования, ничего не меняя в своей жизнедеятельности принципиально. Этим же объясняется перераспределение трудовой нагрузки на самозанятость в личных подсобных хозяйствах: натуральные стратегии жизнеобеспечения более привлекательны, чем рыночные, не потому, что они экономически выгоднее, а потому, что привычнее.

В процессе разрушения советской системы хозяйствования в аграрном секторе сложилось, по меньшей мере, три типа хозяйств. Во-первых, это крупные агропредприятия — наследники колхозов и совхозов; их в 2003 г. было 22 тыс. Во-вторых, это фермерские хозяйства, их на порядок больше, 264 тыс. Третий уклад — это личные подсобные хозяйства, их — 16 млн[25]. Классификация эта достаточно условна, на самом деле типов хозяйств гораздо больше, но четкие границы между ними провести невозможно, ибо статистика не отражает всего разнообразия форм хозяйствования.

Крупные агропредприятия различаются как по размерам, так и по организации. Среди индивидуальных хозяйств есть такие, которые обеспечивают только простое воспроизводство, а есть высокотоварные, почти плантационные, практически неотличимые от фермерских. Последние также очень разнообразны и по организации (от семейных хозяйств до предприятий с наемными рабочими), и по площади землепользования (от 5—10 до 1 000 и более гектаров), и по доходам. А есть еще сельские предприниматели, которые, в отличие от фермеров, не ограничиваются сельским хозяйством, но делают ставку на переработку сырья. Есть такая форма хозяйствования, как сезонная аренда земли. Не стоит забывать и городских дачников — не тех, что разводят цветы «для красоты», а тех, кто выращивает картошку и овощи на шести сотках, кто помогает своим деревенским родственникам вести хозяйство или, унаследовав их дома, продолжает заниматься производством продукции на рынок и получает от этого доход, не сравнимый с мизерными городскими зарплатами.

По подсчетам Т.Г. Нефедовой: «Всего Европейская Россия для нормального функционирования коллективных предприятий — при той специализации и том механизме функционирования, что есть сейчас, — “нуждается” почти в 10 миллионах человек. Очевидно, что нереально достичь подобного заселения даже староосвоенных районов, если исключить насильственное выселение горожан в дальние деревни или массовое привлечение туда иностранцев, скажем китайцев. Отсюда следует, что само общественное сельское хо-

зяйство недонаселенных районов нуждается в серьезной трансформации»[26].

По Федеральному закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11 июня 2003 г.: «Крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии. Фермерское хозяйство может быть создано одним гражданином. Фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. К нему применяются правила гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями (статья 1). Органы государственной власти и местного самоуправления оказывают поддержку фермерским хозяйствам, в том числе посредством формирования экономической и социальной инфраструктур для обеспечения доступа фермерским хозяйствам к финансовым и иным ресурсам, а также в соответствии с законодательством Российской Федерации о малом предпринимательстве (статья 2). Граждане, которые заинтересованы в предоставлении им земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для создания фермерского хозяйства и осуществления его деятельности, подают в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления заявления».

Минимальные размеры земельных участков для фермерских хозяйств не устанавливаются.

Хотя в каждом районе есть ассоциация фермерских хозяйств, взаимодействие и кооперация фермеров обычно развита слабо. Самая элементарная кооперация между хозяйствами встречается редко, даже там, где она, казалось бы, необходима, например, при обработке земель, в сбыте продукции и т. п. Фермеры не столько сотрудничают, сколько конкурируют друг с другом, особенно в местах, где все занимаются одним и тем же (в зонах огуречной, капустной, луковой и прочих специализаций).

К фермерам мало кто из односельчан идет «наниматься в батраки». Да и сами фермеры стремятся скорее к поглощению земель соседних мелких хозяйств, чем к использованию местной рабочей силы. Поэтому чем больше фермерских хозяйств, тем сильнее растет безработица, а с нею вместе — алкоголизм и социальная напряженность.

Федеральный закон от 7 июля 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве» устанавливает (статья 2), что личное подсобное хозяйство — это форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Реализация гражданами этой продукции также не является предпринимательской деятельностью. Это означает, что платить налоги с полученных доходов от личного подсобного хозяйства не надо.

Граждане могут вести личное подсобное хозяйство с момента государственной регистрации прав на земельный участок, полученный или приобретенный ими для этих целей. Дополнительной регистрации личного подсобного хозяйства не требуется (пункт 2 статьи 3).

На личные подсобные хозяйства распространяются все меры государственной поддержки, предусмотренные законодательством Российской Федерации для сельскохозяйственных товаропроизводителей и осуществляемые за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов (пункт 3 статьи 7).

Как уже отмечалось выше, личные подсобные хозяйства производят значительную долю продовольствия и значит должны поддерживаться государством так же, как и сельскохозяйственные организации и крестьянские (фермерские) хозяйства .

С целью лучшего использования потенциала подсобных хозяйств населения в 1981 г. правительством СССР было принято постановление «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан». В нем предусматривалось зачисление продукции закупленной колхозами и совхозами по договорам с населением для последующей сдачи (продажи) государству в счет государственного плана производства и реализации продукции. В 80-е годы в подсобных хозяйствах сельскохозяйственного профиля (населения и предприятий) в различной степени было занято не менее 60% населения страны.

Личным подсобным хозяйством (ЛПХ) занимается 15,5 млн. семей, которым предоставлено 6,5 млн. га земель (в среднем по 0,42 га на семью), или 3,3% сельскохозяйственных угодий от их наличия в стране. На этой площади владельцы личных подсобных хозяйств производят 92% картофеля, 77% овощей, 59% мяса, 49% молока, 42% яиц от общего объема основных видов сельскохозяйственной продукции, производимой в России.

Российским законодательством личное подсобное хозяйство определяется как товарная непредпринимательская деятельность.

Таблица 2

Межсекторное сравнение показателей аграрного производства за 2003 и 2008 гг.

Показатели	Секторы производства					
	ЛПХ		Фермеры		Организации	
	2004	2008	2004	2008	2004	2008
Количество, тыс.	16000		261,4		22,1	
Хозяйственные угодья, млн. га	6,5		18,7		142,1	
Средний размер, га	0,4		71,5		6429,9	
Крупный рогатый скот, тыс. гол.	10654		2443		13493	
Свиньи, тыс. голов	7111		535		8334	
Овцы и козы, тыс. голов	2443		10027		4567	
Стоимость продукции, млрд руб.	644133		52524		458866	
Стоимость продуции, %	51,4	41,5	5,9	9,2	42,7	49,3
Произведено, %:						
картофеля	91,8	83,5	2,0	5,1	6,2	11,4
овощей	80,2	71,2	4,9	10,1	14,9	19,2
скота и птицы	52,7	44,7	2,4	3,1	45,1	52,2
молока	52,2	51,8	2,8	4,2	45,0	44,0
яиц	26,7	24,1	0,5	0,8	72,8	75,1
зерна	1,4	0,9	17,4	21,0	81,2	78,1
сахарной свеклы	1,1	1,0	10,3	9,8	88,6	89,2

Источники: Основные показатели сельского хозяйства в России в 2005 году. М.: РОССТАТ, 2005. С. 4—6. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2008 году. М.: РОССТАТ, 2008. С. 5, 6.

Речь идет о деятельности, в принципе не регулируемой формальными нормами хозяйствования. Эта сфера экономики не предполагает формализованного контракта как основу взаимодействия и потому не регулируется формальными институтами. Регуляция экономической жизни в рамках личного подсобного хозяйства основывается на традиции, взаимопомощи, солидарности, доверии как специфических формах экономических отношений.

Тем самым закон фактически закрепляет своего рода сословную привилегию и консервирует сектор неформальной экономики, к которой относится «разнообразие качественно разнородных видов деятельности, полностью или частично не подчиненных формальным нормам хозяйствования, не подкрепленных контрактами и не фиксируемых статистическим учетом». Это ставит фермеров, кото-

рые имеют юридический статус, платят налоги и ведут отчетность, в худшие условия, хотя хозяйство иного фермера по товарности и размеру надела бывает трудно отличить от ЛПХ. Лавинообразный рост банкротств КФХ впервые обозначился уже в 1993 г., а начиная с 1997 г. число фермеров-банкротов стало устойчиво превышать число вновь создаваемых фермерских хозяйств. Поддержка фермеров в федеральной программе также предусмотрена, но и привилегии ЛПХ остались.

С 1991 по 1998 г. товарность личных подсобных хозяйств населения снизилась по картофелю более чем в два с половиной раза (с 28,5 процента до 10,2 процента), по овощам — почти в два раза (с 16,7 процента до 9,5 процента), по реализации скота и птицы — на четверть (с 30,1 процента до 22,4 процента), на четверть же и по молоку (с 25,1 процента до 18,3 процента)[27]. Снижение товарности ЛПХ объясняется потерей жителями села коллективного хозяйства в качестве источника доходов. В результате увеличилась потребительская нагрузка на ЛПХ.

Упадок сельскохозяйственных предприятий и развал в большинстве регионов системы потребительской кооперации имеет и другое значение. И предприятия, и кооперация выполняли для мелкотоварного производства в ЛПХ функции рыночных интеграторов, обеспечивая его необходимыми товарами и услугами (семенами, молодняком скота, услугами техники и пр.) и содействуя сбыту продукции. Сейчас этого уже нет.

Хозяевами на селе стали крупные корпорации, не заинтересованные в процветании села. Сегодня в селе царит одна корпорация, завтра она, учитывая изменение конъюнктуры рынка, продаст свои акции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крестьянство сохранилось, выжило и существует. Но наряду с ним в современной деревне появились формы, чуждые крестьянскому менталитету и не опирающиеся на российские исторические традиции. Современное положение сельскохозяйственного производства характеризуется противоборством этих форм. Кто выйдет победителем? Исход борьбы во многом зависит от занятой государством позиции. Будет ли государство по-прежнему поддерживать западные аграрные формы или поддержит процесс восстановления крестьянского хозяйства — этот вопрос нуждается в серьезной проработке и тщательном изучении. Пока же государственной политике

свойственна непоследовательность и нерешительность, кризис будет продолжаться.

Могут ли социальные сети выживания превратиться в социальные сети развития? Сейчас эта система быстро меняется. Очень интересны свежие материалы по трансформации крупных колхозно-совхозных хозяйств — крупхозов. Наше село уже «беременно» новыми формами — оно быстро меняется, сочленяются разные для разных мест и групп процессы.

[1] Институциональная экономика: ученик / под общ. ред. А. Олейника. М., 2005. С. 702.

[2] Ментальность россиян: (специфика сознания больших групп населения России) / под ред. И.Г. Дубова. М., 1997.

[3] Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): материалы междунар. конф., Москва, 14—15 июня 1994 г. М., 1996.

[4] *Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И.* Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 156; *Кожевин В.Л.* Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 3. С. 78—84; *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). Тамбов, 2004.

[5] *Эфендиев А..Г.*, *Болотина И.А.* Современное российское село: на переломе эпох и реформ: опыт институционального анализа // Мир России. 2002. Т. XI, № 4.

[6] *Латова Н.В.* Российская экономическая ментальность: какой она стала в 1990-е годы и какой тип работника сформировался в результате? // Поиск эффективных институтов для России XXI века: Интернет-конференция, 27.10.2003—27.12.2003 г. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/115492.html; *Гайдай Т.В.* Россия: варианты институционального развития. // Теоретико-методологические основы исследования экономической ментальности: институциональный аспект: Интернет-конференция, 25.10.2006—15.12.06 г. URL: http://www.mirrossii.ru /db/msg/295702/print.html

[7] *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология. М., 1994; Сравнительная социология. Избранные переводы. М.: Academia, 1995.

[8] *Штейнберг И.* Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1(15).

[9] *Вуколова Т.С.* Модернизация российского общества и национальная экономическая ментальность // Поиск эффективных институтов для России XXI века: Интернет-конференция, 27.10.2003—27.12.2003 г. URL: http:// www. ecsocman. edu.ru/ db/ msg/ 125683.

[10] Архив Русского географического общества (далее — АРГО). Разд. 1. Оп. 1. № 64.

[11] *Токарев С.В.* Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939.

[12] *Ермолов А.С.* Организация полевого хозяйства. 2-е изд. СПб., 1891.

[13] *Асташова А.Н.* Свадебная обрядность крестьянства Воронежской губернии в пореформенный период 60—90-е гг. XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35.

[14] АРГО. Разд. 1. Оп. 3. № 74.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же. № 39.

[18] Там же.
[19] Деревня при НЭПе. Кого считали кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне. М., 1924. С. 21, 29, 30.
[20] АРГО. Разд. 1. Оп. 7. № 77.
[21] *Андрющенко Б.К.* Ярмарки Западной Сибири (XIX — начало XX в.): к истории проблемы. // Актуальные вопросы истории Сибири. Секция «История Сибири в XVII—XIX вв.»: 2 науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина, 6—7 окт. 1999 г.: материалы конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 127, 128.
[22] *Гнилицкая Г.Л.* Об организации ярмарок в селе Рубцово. URL: http:// www. rubtsovsk. ru /history /regsci01/ index.htm
[23] *Нефедова Т.Г.* Географические вариации сельского хозяйства // Отечественные записки. 2004. № 1 (15).
[24] URL: http:// hghltd. yandex.net /yandbtm?url=http %3A %2F%2 Fwww. zerno. avs.ru
[25] Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2004. С. 87, 94, 97.
[26] *Нефедова Т.Г.* Указ. соч.
[27] Основные показатели сельского хозяйства в России в 2008 году. М.: РОССТАТ, 2008. С. 3, 5, 6.

70-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЮ НАРОДА*

В Великой Отечественной войне наряду с материальными факторами решающую роль сыграли факторы «идеальные». Только совокупный эффект от взаимодействия мобилизующей советской идеологии и мобилизационного потенциала психологии народа смог спасти страну в почти безнадежной ситуации начала войны, помог выстоять в четырехлетнем противостоянии сильному и беспощадному врагу. При этом идеология должна была претерпеть и претерпела качественную трансформацию, задвинув на задний план классово-космополитические установки и переориентировавшись на национально-государственные, патриотические, что повлияло на массовое сознание и на последующую эволюцию советского общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, массовое сознание, идеология и психология, место и роль в войне, эволюция и трансформация в ходе войны.

Война — экстремальная ситуация для общества и власти, выявляющая их способность к мобилизации сил, к противостоянию другой силе, стремящейся сломить волю или даже уничтожить народ и страну. Народ в войне проверяется на жизнеспособность, а власть — на компетентность, эффективность и силу. В условиях тяжелых военных испытаний, в противостоянии врагу наряду с материальными факторами (военно-экономический потенциал, демографические ресурсы, технологический уровень производства и т.д.) огромную, а подчас и решающую роль играют факторы «идеальные», то есть общественное сознание. В его структуре выделяются такие уровни, как обыденное и теоретическое сознание, социальная психология и идеология.

В массовом сознании переплетаются элементы социальной психологии, мировоззренческие и нравственные установки. При этом оно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

представляет собой синтез явлений, уходящих корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей, с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти. Особое значение эта вторая составляющая приобрела в условиях сталинского режима.

Идеология является той частью общественного сознания, которая выражает его систематизированный, основанный на теоретических обобщениях аспект. Идеология выступает важнейшим средством ориентации социального поведения и инструментом побуждения к активным социальным действиям. Идеология имеет социальный характер, то есть отражает мировоззрение и положение определенных социальных групп в конкретном обществе. Идеология выполняет социально-мобилизующую функцию, формулируя долговременные цели социальной группы, пути их достижения и направляя ее действия.

Обыденная психология имеет глубокие этносоциокультурные корни, а также отражает повседневную практику людей. В ней обычаи, традиции, этносоциогрупповые и семейные установки переплетаются с чувствами, настроениями, мыслями, побуждениями, привычками, интеллектуальные аспекты связаны с эмоциональными. На этом уровне идеи и взгляды людей имеют эмпирический характер. Психология больших групп людей — этнических, социальных и т.д. — имеет отличия, иногда очень существенные. Особенности истории конкретной страны и нации накладывают отпечаток на психологию населения.

Таким образом, идеология представляет собой ценностно-смысловую часть сознания, выполняющую мобилизующую функцию, тогда как психология — ее эмоционально-волевую основу противостояния смертельному врагу.

В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. Именно взаимосвязь идеологических и психологических факторов формирует моральный дух армии и общества страны, находящейся в состоянии войны, их моральное состояние. Именно идеология и психология (в их тесной взаимосвязи) из всех элементов и уровней сознания советского народа имели решающее значение для противостояния агрессии немецко-фашистских оккупантов и их сателлитов.

В Великой Отечественной войне человеконенавистнической идеологии германского нацизма противостояла советская идеология, со всеми свойственными ей особенностями, психология советских народов, оборонявших свою землю, противостояла психологии захватчиков.

Идеологическая и психологическая составляющая в любой войне теснейшим образом взаимосвязаны. Целью любой войны является Победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены в своем, прежде всего, моральном превосходстве над противником, и, разумеется, в конечной победе над врагом. Все это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Однако, как можно заметить, смысловое содержание этих психологических явлений принадлежит к сфере идеологии. Поэтому любая морально-психологическая подготовка к войне, а также обеспечение определенного морального духа в ее ходе, осуществляются прежде всего идеологическими средствами и инструментами. Война всегда сопровождается комплексом пропагандистских акций с обеих сторон, которые подчеркивают справедливый характер ведения войны своей стороной, стараются опираться на психологию общества, на массовые настроения, в значительной мере влияя на них.

Важнейшим направлением подготовки к войне является пропаганда ее официальной мотивации. Каждая война имела свое идеологическое оформление, своеобразную идеологическую мотивацию, которая могла выражаться как в официальном определении войны высшими политическими и идеологическими институтами, так и в непосредственных лозунгах, используемых в пропагандистской работе в войсках.

В полной мере все это относится и к взаимодействию массового сознания советских людей с идеологией в период Великой Отечественной войны, в том числе участников непосредственной вооруженной борьбы с врагом. Однако ситуация этой войны имела огромную специфику, особенно если соотнести ее с ситуацией Первой мировой войны, вполне сопоставимой по значимости для судеб страны, по масштабам и степени напряжения сил, которые потребовались от народа и государства (ее тоже власть провозгласила Великой и Отечественной войной, по аналогии с 1812 годом, и И.В. Сталин, вероятно, при определении новой войны использовал обе эти ассоциации; правда, Первая мировая, с легкой руки большевиков, вошла в советскую историографию под именем «империалистическая»). Вместе с тем, во многом, в том числе и в решающих обстоятельствах, ситуации были «зеркальны». В отличие от Первой мировой войны, Великая Отечественная началась, да и продолжалась в условиях гораздо более неблагоприятных для России: сработал фактор «внезапности» нападения страны, с которой существовал договор о ненападении; Россия не имела времени для осуществления мобилизации и выдвижения войск к границам; у СССР не было столь далеко выдвинутых на Запад, к границам Германии, терри-

торий (польские земли), как у Российской империи; за кайзеровской Германией не стоял военно-экономический потенциал почти всей оккупированной Европы, как за гитлеровской; фашистская Германия до 1944 г. по-настоящему не воевала на два фронта, вынужденная распылять свои силы, а тяжесть боевых действий не распределялась примерно поровну — на Западе, где воевали англо-французские союзники, и на Востоке, а концентрировалась на Востоке; техническое и организационное превосходство противника еще не имело такого значения и в определенной степени уравновешивалось численным перевесом царской армии; хотя ход военных действий характеризовался переменным успехом, складываясь для России не вполне удачно, но не был столь катастрофичен, как начальный период войны для СССР; тяжелые поражения начала Великой Отечественной войны, при всем патриотизме армии и народа, не могли не иметь деморализующего влияния на страну, тогда как в начале Первой мировой патриотический подъем в стране укреплял моральный дух армии; тогда как самым слабым звеном Красной Армии было среднее и низшее управленческое звено — частью из-за репрессий, частью по другим причинам, в царской армии служил кадровый офицерский корпус (впрочем, достаточно быстро «выбитый)». Общими были технические и организационно-управленческие недостатки в армии: плохая связь, боязнь инициативы и т.д.

В целом же, ход войны, шедшей уже два с половиной года, очень непростой для Российской империи, к началу 1917 г. вполне позволял надеяться на успешное ее завершение. Однако империя рухнула — именно под военным бременем, развалившись «изнутри», война не сплотила народ, общество, армию перед вражеской угрозой, а, напротив, расколола их. Но в чем были причины?

Одна из главных — слабое идеологическое обеспечение войны. В обеих войнах большинство в армии составляли крестьяне, как правило, малограмотные, и уж во всяком случае, с узким кругозором. Но в Первую мировую они не понимали ни причин, ни смысла, ни целей войны. Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» был слишком абстрактен, не объяснял причин войны, а предлагаемые объяснения были не понятны и не могли удовлетворить неразвитый крестьянский ум. Не читать же было солдатам лекции по геополитике. В большинстве своем они до войны даже не слышали про Сербию и «братьев-славян», за которых им теперь почему-то приходилось умирать, и солдаты приходили к выводу, что воюют и умирают по прихоти царя[1]. В Великой Отечественной войне классовые иллюзии о «братском германском рабочем классе» растаяли в первые же дни войны, власть оперативно «перестроилась», и причины, смысл и цели войны были обозначены верховной властью ясно и четко. Они затрагивали жизненные инте-

ресы каждого советского гражданина и были доведены до каждого солдата. Вопрос стоял ребром: победить или умереть, в «лучшем» случае — оказаться порабощенным, на положении «недочеловеков».

В военное время противниками, как правило, ведется информационно-психологическая война, в том числе с использованием любых внутренних противников, подрывных элементов, оппозиционеров и т.п. Демократические свободы в условиях войны — непозволительная роскошь. Они используются вражеской агентурой и внутренними противниками власти для дискредитации режима, его ослабления, антивоенной агитации, распространения пораженческих настроений и паники и т.д. Николай II эту войну «вчистую» проиграл, а Сталин выиграл.

Особое значение имеет авторитет власти и его ограждение от любых попыток дискредитации. Против Николая II использовался широкий арсенал информационно-психологических средств: сальные анекдоты, шутки, распускались слухи, часто не имеющие ничего общего с реальностью. Но и сам император «подавал поводы»: предметом «информационных атак» были роль Распутина при дворе, иностранное («немецкое») происхождение императрицы, невысокая компетентность Николая II как государя. Отсюда слухи о заговорах при дворе, государственной измене на самом верху, порочности императрицы, слабости императора и т.д. Особенно старались российские либералы, рвавшиеся к власти и действительно устраивавшие заговоры против Николая II, от членов Государственной Думы и части генералитета до членов императорской фамилии. Поводом для подозрений в измене и вредительстве было широкое представительство лиц немецкого происхождения на государственной и военной службе, причем подавляющее их большинство служили «верой и правдой» Российской империи. Однако поиск «немецких агентов» как источника многочисленных неудач на фронтах перерастал в негативное отношение к царскому режиму в целом. Недовольных и оппозиционно настроенных в качестве наказания нередко направляли в действующую армию, еще более подрывая ее боеспособность.

Ничего подобного и быть не могло в сталинском СССР. Решающее значение имели как ясная политика в чрезвычайных условиях войны (по обеспечению внутренней безопасности, информационно-психологическому и идеологическому воздействию на все категории общества и армии), так и институты ее проведения. Чрезвычайно важное значение имели развитые институты контроля над армией и обществом, которых и в помине не было у царской власти. Речь об идеолого-пропагандистских институтах (партия, комсомол, разветвленная система общественных организаций, в армии — сначала комиссары, а позже — политработники, — с одной стороны, органы госбезопасности, они же — карательные институты, — с другой).

Правительственные установки с самого начала войны переводились в ясные, чеканные формулы и лозунги, которые обычно формулировались И.В. Сталиным и доводились до сведения каждого бойца, а в тылу — до каждого гражданина. «Наше дело правое. Победа будет за нами!» — убеждало народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушало уверенность в неизбежности Победы. «Все силы народа — на разгром врага!», «Все для фронта, все для Победы» — было смыслом мобилизации народа в советском тылу. «Смерть немецким оккупантам» — было установкой для бойцов Красной Армии.

Огромную роль играло радио, пресса, кинофильмы, с разной степенью оперативности и разными средствами доносившие пропагандистские установки до населения. Всемерно «пестовался» и оберегался авторитет руководителя государства — И.В. Сталина, не часто «являвшего себя народу», но каждое такое «проявление» было весомым и символическим. Он сам превратился в символ мудрого вождя народа, противостоящего грозному врагу. Его авторитет укреплялся не только с каждой победой, но и с поведением в ситуациях смертельной опасности. Например, когда Сталин не уехал из Москвы, несмотря на то, что существовала реальная угроза взятия столицы противником. «...Тот факт, — сообщал в Лондон представитель Британской военной миссии в Москве генерал М. Макфарлейн, — что Сталин, являющийся поистине национальным героем, и его ближайшее окружение не оставили Москву в дни кризиса, значительно усилил позиции правительства»[2].

Авторитет партии укреплялся направлением на наиболее опасные участки фронта сотен тысяч коммунистов, а также массовым вступлением в ряды партии бойцов в боевых условиях.

Тотальный контроль обеспечил пресечение не только действий вражеской агентуры в армии и в тылу, но и подавление любой нелояльности к власти, любых оппозиционных настроений, а не только малейших действий. Причем нелояльность подавлялась не только в зародыше, но и даже «превентивно». Настроения всех категорий населения и военнослужащих постоянно отслеживались, анализировались, малейшие «отклонения» жестоко карались (наказывали за политический анекдот, нарушения дисциплины, проявление недовольства начальством и т.д.). В документах не зафиксировано целенаправленных действий против центральной власти и лично Сталина, тем более что его авторитет в годы войны и в армии, и в народе был очень высок.

К превентивным мерам следует отнести и определенную часть репрессивной политики. Многим заключенным с «политической окраской» с началом войны прибавляли сроки. Из общества «изымались» и изолировались (в тюрьмы, лагеря, на поселение) потенциально опасные и «подозрительные» категории, «группы риска», недовольные и т.д.

Власть учла опыт Первой мировой и выслала определенные этнические группы, в том числе немцев Поволжья, в отдаленные регионы. У власти не было ни времени, ни сил «прицельно» отлавливать лиц, причастных к подрывной деятельности, и она пошла антидемократичным, но наиболее простым и надежным путем — депортировала всю группу населения, относимую к категории «повышенного риска». (Аналогичным образом действовали США против граждан японского происхождения, хотя на их территории боевые действия не велись.) Как бы к этому ни относиться, но эти действия ограничили социальную базу антиправительственной деятельности. Демонстративное наказание ряда национальных групп, значительная часть которых участвовала в антиправительственных действиях и была замешана в пособничестве оккупантам (несмотря на то, что многие представители этих групп честно служили Отечеству, многие проявляли героизм на фронтах, имели боевые, в том числе и высшие награды) также находилось в русле этой политики, антидемократичной, но в военных условиях действенной и эффективной.

Такая политика дала свои результаты и в тылу, и на фронте. В отличие от Первой мировой нигде не наблюдалось организованной антиправительственной деятельности, антивоенной агитации, и уж тем более ничего подобного «братанию», получившему распространение к 1917 г. Конечно, решающую роль в данном случае играл совершенно иной характер войны нацистской Германии против СССР, направленной не просто на захват территорий, но на массовое истребление советских людей представителями «высшей расы», на массовый террор. В Великую Отечественную войну политическими структурами на фронте и в тылу целенаправленно формировался образ врага с соответствующими качествами, а основным смыслом всей политической работы, и особенно пропаганды, являлось разжигание чувства ненависти к врагу. При этом формальное разделение между немцами и фашистами не имело принципиального значения: в сознании армии и общества они были почти тождественны. Лозунг «Убей немца!» был прост и ясен и выражал именно то, что требовалось от каждого бойца на фронте.

Советская идеология «социального равенства» сыграла еще одну положительную роль, создав соответствующую обстановку в Красной армии, где не было глубоких социальных, кастовых и тем более сословных различий между рядовыми и офицерским корпусом, как в армии царской. Во время Первой мировой войны взаимное отчуждение и недоверие между солдатами и офицерами в конечном счете вылилось в раскол армии, в массовые расправы над офицерами, в неподчинение и разложение войск. Общность социального происхождения и зыбкость положения командиров Красной Армии, несших на себе основную ответственность, переживших недавно массовые репрессии и чистки

офицерского корпуса, готовых за малейшую оплошность в любой момент попасть в штрафбаты, — все это и многое другое создавало более благожелательную, можно сказать, братскую атмосферу отношений между командным и рядовым составом, особенно на передовой.

В целом, несмотря на просчеты, допущенные в начале войны, которые стоили стране огромных людских, территориальных и материальных потерь и привели почти в безнадежную ситуацию, сталинскому режиму удалось переломить ход событий и стабилизировать ситуацию. И огромную роль в мобилизации сил народа на победу сыграли идеологический фактор, целенаправленная мощная политическая работа в войсках и в тылу, опиравшиеся на народную психологию и эффективно ее использовавшие. Вместе с тем, в условиях Великой Отечественной войны для того, чтобы выполнять свою мобилизующую функцию, советская идеология должна была претерпеть и претерпела весьма существенные изменения и даже трансформацию.

Все основные решения принимались лично И.В. Сталиным при совете с его ближайшим окружением (им же избираемым и формируемым), тогда как партия выступала инструментом мобилизации. Им же вырабатывались и основные изменения в идеологическом курсе, весьма быстро поменявшего классовую революционно-космополитическую тональность на патриотическую, ясную и понятную всему населению в условиях военной опасности и адекватную ситуации. В чем же заключались эти перемены и как они были связаны с психологией советского общества, находившегося в состоянии смертельной схватки с силами почти всей Европы, объединенной национал-социалистической Германией и брошенной ею на Восток, против СССР?

* * *

В демократическом обществе возможно сосуществование нескольких основных идеологий с еще более многочисленными вариациями по ключевым аспектам мировоззрения. Формирование в XX веке государств с монополией на власть одной массовой партии, как это произошло в Советской России, утвердило монопольное положение также и одной идеологии. Она имела разные названия, отражавшие различные ракурсы ее самопрезентации: марксистско-ленинская, пролетарская, советская, социалистическая, коммунистическая, «единственно научная» и т.д. Самоназвание «марксистско-ленинская» означало ее теоретическую основу и ядро, «пролетарская» — классовый характер и ту социальную категорию, интересы которой она официально якобы отражала, «советская» — указывало на государственный характер идеологии СССР, «социалистическая» и «коммунистическая» — на социальную сущность основных ценностей и целей; «научная» — противопоставляло эту идео-

логию всем остальным, как имеющим ненаучный, субъективный характер. За этими самоназваниями стояла определенная реальность, хотя, естественно, они отнюдь не были полностью ей адекватны.

Советская идеология действительно носила глубоко классовый характер, черпала свои идеи и понятия в трудах Маркса, Энгельса и Ленина, хотя весьма избирательно, в соответствии с интересами и пониманием стоявших в конкретный исторический период у власти лидеров и идеологов. Она декларировала цели строительства социализма и коммунизма, классовый подход был системообразующим в этой идеологии, провозглашавшей как одну из ключевых ценностей победу мировой пролетарской революции. Эту идеологию характеризуют такие философские основы, как материализм в его марксистской трактовке, идеи классовой борьбы и «диктатуры пролетариата», принятие социального насилия как основного инструмента достижения целей, преимущество классовых ценностей над национальными, пролетарский интернационализм, отрицание частной собственности, воинствующий атеизм и др.

В советское время в идеологическом оформлении войны большую роль стали играть социально-революционные мотивы, тесно связанные с доктринальными установками марксизма и коммунистической идеологией в широком смысле. Однако несмотря на то, что в мотивации этих войн обычно присутствовала и терминология, являвшаяся отзвуком идеи мировой революции, за большинством из них стоял, прежде всего, собственно государственный интерес.

Вместе с тем, хотя сущность советской идеологии сохранялась, ее содержание отнюдь не оставалось неизменным. Так, за два десятилетия, к началу 1940-х годов произошло смещение акцентов с одних элементов идеологии на другие. Например, идеи мировой революции постепенно отошли на второй план, возобладала концепция о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, а мировое революционное и пролетарское движение, при сохранении прежней фразеологии, стало рассматриваться как инструмент обеспечения государственных интересов СССР. Влияла на идеологию и текущая политическая конъюнктура. Так, активная антифашистская пропаганда начала — середины 1930-х годов была свернута с момента сближения СССР и Германии летом 1939 г.

В самые первые дни войны реакция населения в тылу в целом соответствовала тем пропагандистским штампам, которые были выработаны в предвоенный период и не соответствовали драматизму ситуации. Бравые песни и кинофильмы создавали образ непобедимой Красной Армии, которая запросто, за неделю — другую сокрушит любого противника. Конечно, неудачи в советско-финляндской войне несколько поколебали этот радужный образ, однако и она, в конце концов, за-

кончилась результатом, которого добивался СССР. Весьма сильным фактором, работавшим на этот оптимистичный стереотип, было продвижение советских границ на запад — по всей линии от Балтийского до Черного моря (присоединение прибалтийских республик, западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины).

Поэтому весьма распространенной реакцией на агрессию Германии стали шапкозакидательские настроения. Руководителей противника многие советские граждане сочли за безумцев: «На кого полезли, совсем, что ли, с ума сошли?! Конечно, немецкие рабочие нас поддержат, да и другие народы поднимутся. Иначе быть не может!» Не было недостатка в радужных прогнозах. «Я так думаю, — говорил один из рабочих металлического завода в Ленинграде, — что сейчас наши им так всыплют, что через неделю все будет кончено...» — «Ну, за неделю, пожалуй, не кончишь, — отвечал другой, — надо до Берлина дойти... Недели три—четыре понадобится»[3]. Однако эти иллюзии, так же как и надежда на то, что немецкий пролетариат не будет воевать против Страны Советов, против своих классовых братьев, развеялась в первые же дни войны.

Конечно, высшее руководство было гораздо больше, чем рядовые граждане, осведомлено о реальном положении дел. Однако и оно не представляло себе в полной мере всей тяжести и перспектив разворачивавшихся событий.

Отрезвление произошло очень быстро. Сведения, поступавшие с фронтов, свидетельствовали о страшной опасности, нависшей не только над советским государством, но и над всем народом. Враг оказался не только коварен, но и очень силен и беспощаден. Так что всем стало ясно, что предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, которая коснется каждой семьи и каждого гражданина.

Власть, прежде всего, в лице самого Сталина, четко осознала всю значимость и всю опасность начавшейся схватки с фашистской Германией. Стратегический просчет, допущенный в определении времени и условий начала войны, сделал эту схватку еще более драматичной. В такой войне и государство, и народ могли выжить и победить лишь при предельной мобилизации и напряжении всех сил.

Поэтому с самого начала власть обратилась к гражданам своей страны, откровенно заявив о всей сложности ситуации. Уже в первом обращении Советского Правительства к народу, сделанном 22 июня 1941 г. заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Наркомом Иностранных Дел В.М. Молотовым, была проведена параллель между начавшейся войной и событиями 1812 г., объявлены цели войны — «за родину, за честь, за свободу», прозвучали ключевые лозунги — «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», а сама война была провозглашена Отечественной[4]. Затем, в выступлении

И.В. Сталина 3 июля был подчеркнут ее особый, патриотический характер. «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной, — говорилось в нем. — Она является не только войной между армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»[5].

«Содержательная» эволюция идеологического оформления войны происходила постепенно, но очень быстро. Классовые лозунги вытеснялись из пропагандистского лексикона государства, заменяясь патриотическими. Не случайным после тяжелых поражений начала войны было обращение Сталина к национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимся идеологическими догматами: духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные. Так, весьма необычным оказалось соединение в одной речи Верховного Главнокомандующего на параде Красной Армии 7 ноября 1941 г. старых русских и революционных советских традиций и символов: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»[6]

Начало Великой Отечественной войны обозначило период существенной трансформации советской идеологии, вызванной угрозой существованию советского государства и сформировавшейся системы, а вследствие этого — необходимостью мобилизации дополнительных внесистемных ресурсов. В области массового сознания эти ресурсы лежали за пределами господствовавшей идеологии, которая вынуждена была либо инкорпорировать их в свой состав, одновременно ассимилировав их в соответствии со своими общими системными принципами, либо самой мимикрировать под эти ресурсы, инсценировав замещение старых элементов на новые, с последующим отказом от инноваций, когда угроза системе ушла в прошлое. Обе тенденции предполагали перенесение акцента с классовости на государственно-патриотические идеи, с «пролетарского интернационализма» на национально-государственные ценности, обращение к историческим национально-государственным традициям, национальному самосознанию и религиозному сознанию. Если в первые дни войны еще сохранялись классовые иллюзии и надежда на помощь германского пролетариата, то вскоре даже ключевой пропагандистский лозунг «Пролетарии всех

стран, соединяйтесь!» был вытеснен лозунгом «Смерть немецким оккупантам!». Именно осознание масштабности и драматичности войны заставила власть отодвинуть в сторону марксистские идеологические постулаты, и еще в выступлении 3 июля 1941 г. устами Сталина назвать войну против фашистской Германии всенародной, Великой и Отечественной. Именно смертельная угроза для страны, государства, народа в драматический период, когда враг стоял у стен Москвы, в речи на параде Красной Армии 7 ноября заставила Сталина вспомнить героические события и имена из тысячелетней русской истории.

Основным механизмом внедрения идеологических формул, вырабатывавшихся «на высшем уровне», в массовое армейское сознание являлись средства партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы в войсках. При этом постоянно осуществлялся контроль за настроениями в армейской среде, «обратная связь», позволявшая как корректировать действия политико-пропагандистского аппарата, повышать эффективность его воздействия, так и устранять «возмутителей спокойствия», отслеживать и пресекать нежелательные настроения. И здесь политические органы тесно взаимодействовали с карательными — СМЕРШем, Особым отделом, военным трибуналом и т.д.

Важнейшими средствами агитационно-пропагандистской работы в войсках, обеспечивавшими соединение идеологического оформления войны с массовой психологией, являлись лозунги. При этом особую роль играли лозунги-символы, призванные внедрить в сознание советских людей ключевые ценности и модели поведения. Так, основополагающим символом, имевшим одинаковую значимость на всем протяжении войны, являлся лозунг «За Родину! За Сталина!». До сих пор он остается одним из главных аргументов приверженцев «отца народов»: «С этим именем мы ходили в бой, с этим именем умирали!» Вряд ли можно усомниться в искренности этих слов. Но необходимо понять, как именно это происходило, откуда возник лозунг, кто и почему выкрикивал в бою ставшую легендарной формулу? Ответ на эти вопросы мы находим в политдонесениях: «Среди коммунистов и комсомольцев были распределены боевые лозунги, которые должны были выкрикиваться в момент атаки. Выйдя скрытно в район сосредоточения, подразделения охватили дугой расположения противника. По сигналу атаки роты стремительным броском с возгласами “За Сталина”, “За Родину”, “Смерть немецким оккупантам”, преодолевая проволочные заграждения и минные поля, ворвались в окопы противника... При выполнении боевой задачи личный состав проявил беззаветную храбрость, мужество и отвагу»[7]. Выкрикивание лозунгов в бою являлось одной из форм партийно-политической работы в войсках. В качестве недостатков такой работы отмечались «случаи, когда

коммунисты, находившиеся около агитаторов, провозглашавших лозунги, не подхватывали их и не делали достоянием своих соседей»[8].

Пропагандистское происхождение мифа, в соответствии с которым оценка военной, полководческой роли Сталина воплотилась в призыве «За Родину, за Сталина!», подчеркивает писатель Василь Быков: «В атаках сплошь и рядом звучали иные восклицания, — пишет он. — Хотя, как это было заведено, провозглашатели лозунгов и выкриков обычно назначались накануне, на комсомольских и партийных собраниях, откуда эти лозунги и перекочевывали во фронтовую печать. Но выкрикивали ли их на деле, того установить не представляется возможным, так как невозможно было расслышать»[9]. Солидарен с ним и Вячеслав Кондратьев, утверждая, что на фронте крики «За Родину, за Сталина!», которыми подбадривали бойцов политруки, парторги и комсорги, принимали за обычные, знакомые еще с довоенных времен политические лозунги, а потому «повторяя первую часть, не всегда и не все тянули вторую, заменяя ее простым “ура”, понимая, что два эти понятия несоизмеримы, что идти на смерть можно лишь за Родину, но не за какого-то одного человека, кем бы он ни являлся»[10]. Ясно одно: знаменитая формула возникла не «по инициативе снизу», а целенаправленно насаждалась идеологическими структурами. Впрочем, не будем обобщать: культовые настроения во время войны усилились, и многие люди были предельно искренними, выкрикивая эти слова. Авторитет Сталина в годы войны и в армии, и в народе был очень высок, и не без основания. Не только вся военно-политическая власть в стране концентрировалась в руках Верховного Главнокомандующего, но и само его имя превращалось в символ, олицетворявший концентрированную волю нации в лице ее вождя. И как бы ни относиться к просчетам и даже преступлениям сталинского режима, следует констатировать: ни один высший руководитель страны ни до, ни после И.В. Сталина не мог и не может претендовать на звание «вождя народов», а Сталин имел для этого все основания. Не случайно Шарль де Голль в своих мемуарах, оценивая деятельность Сталина в годы Великой Отечественной войны, писал: «В эти дни национальной угрозы Сталин, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступить уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси»[11].

Смена идеологических акцентов проявлялась не только в вербализированной форме: в речах, лозунгах, пропагандистских клише. Она, можно сказать, овеществлялась в различных вариантах. Были учреждены воинские награды, носившие имена прославленных русских полководцев и флотоводцев: ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, медаль Ушакова. Солдатский орден Славы и по своему статусу, и по внешнему оформлению (наличию георгиевской

ленточки) стал аналогом дореволюционного Георгиевского креста. Еще 18 сентября 1941 г. приказом Наркома Обороны СССР Сталина ряд дивизий за боевые подвиги были переименованы в гвардейские, им были вручены особые гвардейские знамена[12]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. для личного состава РККА были введены новые знаки различия — погоны[13].

Введение формы, напоминающей дореволюционную, возвращение золотых погон вместе со словом «офицер» являлось весьма символичным изменением отношения к русским воинским традициям (хотя бы их внешнего атрибута) и к русскому офицерству[14]. Характерно, что оно совпало с периодом разгрома фашистов в Сталинградской битве. Не случайно этот нововведение, став внешним знаком явного перелома в ходе войны в пользу советских войск, нашло существенный отклик в массовом сознании. Согласно агентурным данным органов госбезопасности, реакция военнослужащих на введение новых знаков различия была в основном одобрительной. Считали, что введение погон поднимет авторитет и роль командного состава, укрепит дисциплину, заставит войска «соблюдать честь русского военного мундира», напомнит о победах русского оружия[15]. Вместе с тем, многие уловили и эту внешнюю знаковость преемственности с дореволюционной армией, и определенную искусственность подобной меры. Так, один из командиров в личной беседе сказал о погонах: «Было время, когда мы их ненавидели, а теперь решили по образцу старой армии надеть их... Старый офицер русской армии был культурнейший человек, а наши — это просто срамота». А другой полковник заявил: «Теперь упрекать старых (царских) офицеров не в чем, и отношение к ним изменится, т.к. сейчас все будут офицерами. Только почему-то не прибавили слово “господин”...» А один из красноармейцев заметил: «Двадцать пять лет боролись против золотопогонников, кричали: «Долой золотопогонников!», а теперь снова начинают вводить погоны и возвращаемся к старому...»[16]

Поворот в отношении офицерства и старых воинских традиций нашел отражение также в искусстве и литературе, где еще недавно карикатурно изображали и клеймили «золотопогонников», противопоставляя их пролетарским героям Гражданской войны. В новых произведениях, в том числе кинокартинах, люди, носящие офицерскую форму, стали изображаться реалистично, обрели человечность и даже положительные черты. Командный состав советских войск был объявлен «носителем лучших традиций русского офицерства»[17]. Конечно, во многом это были всего лишь внешние атрибуты, наложившиеся на принципиально иную историческую ситуацию: советский комсостав в течение двух десятилетий воспитывался во вражде к русскому офицерскому корпусу, имел полярное ему мировоззрение, и вряд ли мож-

но говорить о непосредственной, реальной преемственности. Но обозначенный властью поворот имел принципиальное значение.

В мае 1943 г. было принято решение о роспуске Коминтерна, что было сделано во многом под давлением западных союзников, но, вместе с тем, отражало фактический провал идеологии пролетарского интернационализма: мир был расколот мировой войной, в которой пролетариат фашистских государств воевал против первой страны «пролетарской диктатуры».

Однако на протяжении войны национальный аспект советской идеологии, в том числе и в отношении к врагу, в первую очередь, к немцам, существенно менялся. Если в самые трудные для СССР дни войны от лозунгов интернационализма перешли к откровенному призыву «Убей немца!», и на уровне агитационно-пропагандистской работы в войсках он оставался актуальным вплоть до заключительного этапа войны, то в «большой политике», ориентированной на имидж СССР за рубежом и перспективы послевоенного устройства, была более адекватной фраза из Приказа Наркома Обороны № 55 от 23 февраля 1942 г.: «...гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается»[18].

В конце войны, когда советские войска вступали на чужую, в том числе германскую территорию, второй подход стал особенно актуальным: требовалось радикально переломить антинемецкие настроения в войсках, настрой на месть немецким оккупантам, сыгравшие свою положительную роль на прежних этапах войны, подчеркнуть значение освободительной миссии Красной Армии по отношению к другим народам Европы, и идеи интернационализма вновь постепенно реанимируются. В апреле 1945 г. были предприняты специальные пропагандистские акции и командные директивы, направленные на изменение отношения войск к населению Германии. Так, 14 апреля в газете «Правда» начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров выступил с критикой Ильи Эренбурга «за антинемецкий характер его статей», в которой немцы изображались как «единая колоссальная шайка», а 20 апреля вышла Директива Ставки Верховного Главнокомандования, в которой требовалось изменить отношение к военнопленным и гражданским немцам на более гуманное[19].

Другим аспектом идеологической трансформации стала область религиозного сознания. После длительной полосы воинствующего атеизма, церковных погромов, массового закрытия церквей и преследования духовенства начался трудный и постепенный процесс нормализации отношений с Православной Церковью. В первый же день войны 22 июня 1941 г. глава Православной Церкви в России митрополит Московский и Коломенский Сергий, обратившись к своей пастве, благословил всех православных на защиту Родины. «Православ-

ная наша Церковь, — говорилось в обращении, — всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг»[20].

Поддержка армии и государства Русской Православной Церковью не ограничивалась проповедями и благословением на борьбу с оккупантами. Так, в январе 1943 г. глава Церкви призвал к пожертвованиям на танковую колонну имени Дмитрия Донского, причем в стороне от этого дела не осталось ни одного храма, ни одной церковной общины. Государство, в свою очередь, постепенно меняло политику в отношении церкви: уже не препятствовало верующим отмечать церковные праздники, не закрывало более православные храмы и приходы. 4 сентября 1943 г. в Кремле Сталин встретился с иерархами Русской Православной Церкви, пойдя навстречу в решении важных вопросов церковной жизни: об избрании патриарха, открытии храмов и духовных учебных заведений, возобновлении церковных изданий, снятии ограничений на деятельность религиозных общин и расширении прав духовенства. Для взаимодействия правительства и церкви при Совнаркоме СССР был создан Совет по делам Русской Православной Церкви. В сентябре 1943 г. был образован Священный Синод, а митрополит Сергий был избран Патриархом Московским и всея Руси. Был освобожден ряд находившихся в заключении священнослужителей. По словам митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, И.В. Сталин, высоко отозвавшись о патриотической деятельности Православной Церкви, настолько положительно и радикально решил все вопросы, поставленные иерархами, что это принципиально изменило положение Православия в СССР[21]. Происходила определенная нормализация отношений и с рядом других конфессий.

В этом контексте следует отметить, что смещение акцентов на патриотические мотивы затронуло, помимо области классовых отношений, и национальные. Советский патриотизм в устах Сталина и его окружения все больше приобретал не только государственный оттенок. Если в начале войны Сталин говорил, что фашизм ставит своей целью восстановление царизма и власти помещиков, а также разрушение национальной культуры и государственности народов Советского Союза, перечисляя почти все титульные нации[22], то в дальнейшем он все чаще обращается именно к русскому народу, к его традициям, героическим событиям и историческим символам, а после разгрома фашистской Германии в одном из выступлений, особо отмечая жертвенность, стойкий характер и терпенье русского народа, поднимает тост за его здоровье «...потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»[23].

Таким образом, одним из важнейших итогов Великой Отечественной, помимо всех стратегических, геополитических и других результатов, стало существенное изменение официальных идеологических постулатов. «Знаменитый сталинский тост на победном банкете — “за великий русский народ” — как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии»[24], — анализируя изменения внутренней политики советского государства в период войны, отметил в 1994 г. уже цитировавшийся митрополит Иоанн.

* * *

Итак, идеологический фактор в войне не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспитательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние войск. Его недоучет способствовал поражению и вел к нему даже при наличии достаточного военно-стратегического потенциала.

Безусловно, ключевым для морально-психологического состояния войск в условиях войны является формирование определенных ценностных установок (любовь к Отечеству, патриотические чувства, воспитываемые еще в мирное время), представлений о справедливом характере и целях войны, убеждений в правоте и силе своей армии. Но формирование определенного отношения к своей стране, к войне, ее характеру и целям не является единственными направлениями идеологической, политико-воспитательной работы, осуществляемой в войсках и влияющей на их морально-психологическое состояние. В конкретных боевых условиях решающее значение могут приобретать другие идеолого-психологические аспекты: отношение к врагу, к своей армии и к товарищам по оружию, к опасностям и тяготам войны, к союзникам, к гражданскому населению других стран и т.д., причем нередко они оказываются элементами целостной системы представлений, ценностей, психологических установок, действующих взаимосвязанно и взаимозависимо.

Без чувства боевого товарищества, коллективизма, взаимовыручки, являющихся позитивными идейно-психологическими качествами в отношении к своей армии и к товарищам по оружию вообще невозможно говорить об армии как эффективном общественном институте. В русской армии эти качества культивировались традиционно, могли изменяться лишь акценты в их идеологическом оформлении (например, воспитание «советского коллективизма» и т.п.). Для

отдельных видов вооруженных сил, родов войск и конкретных боевых профессий значение этих качеств было особенно велико. Так, особое «чувство локтя», от которого зависела слаженность в боевых действиях, эффективность и, в конечном счете, вероятность выживания, требовалось экипажам летчиков, танкистов, морякам, особенно подводникам, разведчикам, десантникам и др.

Столь же «универсальный» характер имели общепсихологические качества, формируемые в отношении к опасности и тяготам войны: мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию и др. Здесь действовали обычные для всех армий инструменты воздействия командования на личный состав: с одной стороны, поощрение позитивных качеств (за смелость и находчивость в бою, спасение командира и т.п. — боевые награды; популяризация позитивных образцов поведения в конкретных ситуациях; создание индивидуальных и коллективных символов, олицетворявших поощряемую модель поведения, и т.д.); с другой стороны — осуждение и наказание за следование негативным формам поведения (за трусость, паникерство, отступление без приказа, сдачу в плен, дезертирство и т.п. — позор, военный трибунал, штрафной батальон и т.д.). От войны к войне менялись преимущественно конкретные формы или названия поощрений и наказаний, но суть их оставалась прежней.

Более дифференцированным было отношение к врагу. Это чрезвычайно важная мотивационно-психологическая область, напрямую влияющая на характер и ход боевых действий. Очевидно, что отношение к врагу должно быть негативным. «Общей во всех воюющих странах стороной патриотизма в военное время являлось проецирование на враждебную страну, ее народ и правителей всевозможных негативных стереотипов, причем в самой доходчивой и упрощенной форме»[25]. Но здесь опасны и недооценка, и переоценка противника. По отношению к нему у личного состава армии и населения должно сформироваться сложное и противоречивое сочетание чувств — ненависти и презрения одновременно.

Недооценка сил врага приводит к шапкозакидательским настроениям, результатом которых может стать неадекватный уровень готовности к противоборству. Такие факты имели место накануне и в начале Великой Отечественной. Без определенного уровня ненависти к врагу вряд ли возможно эффективное ведение войны, а ненавидеть слабого врага сложно.

С другой стороны, переоценка сил врага в сочетании с недооценкой собственных может привести к паническим настроениям. Поэтому традиционным идеологическим инструментом, наряду с воспитанием ненависти, является воспитание презрения к врагу. Средством такого воспитания и пропаганды является сатирическое, карикатурное

изображение врага, которое было широко распространено. В Великой Отечественной войне сатирическое изображение врага было важным средством «принизить» сильного и жестокого противника, которого были все основания бояться, и таким образом внушить своей армии уверенность в собственных силах, в способность победить (Гитлер в карикатурах Кукрыниксов был самым популярным персонажем).

Особое значение могло приобретать отношение к гражданскому населению противника — в тех случаях, когда боевые действия велись на чужой территории. Как правило, задачей армейского командования на вражеской территории являлось поддержание дисциплины в войсках, предотвращение ненужных эксцессов в отношении мирных жителей (насилия, мародерства и т.п.) и, как следствие, морального разложения своих солдат. Однако проблема, как правило, осложнялась другой задачей — обеспечить безопасность собственных войск во враждебном окружении. Нередко ситуация усугублялась тем, что трудно или даже невозможно было отделить гражданское население от вооруженного врага.

Отношение к союзникам на фронтах Великой Отечественной имело второстепенное значение, поскольку соприкосновение с ними имело локальный и по времени ограниченный характер (при поставках по ленд-лизу в Северных конвоях и на Дальнем Востоке, а также в самом конце войны, на территории Европы). При этом во Второй мировой войне в отношениях СССР с другими членами Антигитлеровской коалиции сохранялись отголоски враждебности и недоверия вследствие собственно предвоенной международной ситуации. Во второй половине 1930-х годов, когда явно назревал новый мировой военный конфликт, будущие союзники СССР не раз проявляли как открытую враждебность, так и коварство в тайной дипломатии. В советской пропаганде на определенном этапе Англия (и не без оснований!) выступала не менее вероятным противником, чем фашистская Германия. К тому же в ходе самой войны союзники давали веские основания усомниться в своей надежности, в течение нескольких лет откладывая открытие «второго фронта». Не менее важными были и классовые стереотипы, внедренные в сознание советских людей за два предвоенных десятилетия, согласно которым капиталистические державы могли восприниматься только как временные союзники СССР против общего врага, а в будущем могли рассматриваться как вероятные противники. Не способствовала формированию целиком положительного образа союзника и советская пропаганда, которая, с одной стороны, вполне объективно подчеркивала затягивание с открытием «второго фронта», а с другой, — все же преуменьшала реальную помощь союзников по ленд-лизу, сводя ее преимущественно к продовольственным поставкам. Кстати, в конце войны, когда советские войска уже брали

штурмом Берлин, в разговорах между собой солдаты не исключали возможности «дальнейшего похода на Европу» — против нынешних союзников, любить которых было особенно не за что[26].

Таким образом, целый ряд конкретных областей массового сознания имели ценностное наполнение, являлись частью взаимосвязанной системы представлений, а потому являлись предметом целенаправленного идеолого-пропагандистского воздействия, от которого зависели и массовые психологические установки в армии и обществе, и, в конечном счете, способность страны выдержать тяжелейшие испытания войны.

* * *

Смертельная опасность, нависшая над страной с началом Великой Отечественной войны, привела в действие глубинные психологические механизмы, которые не раз в российской истории спасали страну, находившуюся на краю пропасти. Произошел подъем всех моральных сил народа, оказались задействованы его вековые традиции, готовность к самоотверженности, самоотречению и самопожертвованию во имя спасения своей страны.

Феноменальным явлением в истории стал массовый героизм, который проявляли не сотни и тысячи, а без преувеличения можно сказать — миллионы людей. Героическим был не только воинский подвиг на фронтах, но и самоотверженный труд миллионов людей в тылу.

Закономерным (и традиционным) было создание в самые трудные дни войны народного ополчения. Конечно, можно критически относиться к вопросу об эффективности использования такого рода слабо обученных формирований в современной войне, однако фактом является мощный патриотический подъем, который, несомненно, повлиял на перелом в трагическом для страны ходе событий. Приведем лишь один, достаточно типичный документ — заявление рабочего московского машиностроительного завода Ф.В. Денисова от 8 июля 1941 г.: «Мне 50 лет. Я здоров и бодр. Я участник вооруженного восстания 1905 г. Участвовал в империалистической войне, громил немцев. Был добровольцем в Красной гвардии, в Октябрьской революции выступал против юнкеров. В боях у Красных казарм был ранен. Но сейчас мои раны зажили. Я могу защищать советскую землю и крепко постою за Советскую власть. Прошу зачислить в ряды добровольцев»[27].

Широко были распространены коллективные заявления работников предприятий и учреждений, студентов вузов и старшеклассников с просьбой отправить их на фронт. О большом размахе патриотического подъема свидетельствует создание в конце июля 1941 г. по инициативе трудящихся Фонда обороны.

Почти на всем протяжении Великой Отечественной, при неоднократном неблагоприятном для СССР развертывании событий на фронтах, общее морально-психологическое состояние в основном оставалось достаточно высоким, сохраняя ту патриотическую тональность, которая была задана еще в начале войны. Несомненно, весьма существенную роль в этом сыграла корректировка официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на национально-государственное единство в противостоянии агрессору — на единство власти, армии и народа[28].

Взаимодействие идеологических и психологических факторов в Великой Отечественной войне, как, собственно, и сама война, представляет собой уникальное явление в мировой истории. Вероятно, только кумулятивный эффект от взаимодействия мобилизующей советской идеологии и мобилизационного потенциала психологии народа мог спасти страну в почти безнадежной, катастрофической ситуации начала войны, помог выстоять в многолетнем противостоянии чрезвычайно сильному, беспощадному и фанатичному врагу. При этом идеология должна была претерпеть и претерпела резкую трансформацию, задвинув на задний план классово-космополитические установки и переориентировавшись на национально-государственные, патриотические.

В целом, элементы трансформации идеологии, которые имели место в период Великой Отечественной войны, выполнили свою задачу, обеспечив мобилизацию народа на сопротивление агрессору, достаточно прочное единство фронта и тыла даже в самый трудный период войны, когда ни огромные потери, ни временные поражения не смогли поколебать доверие народа к власти. Уже после войны в выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками 24 мая 1945 г. Сталин признал, что у правительства было немало ошибок и моментов отчаянного положения в 1941—1942 гг., когда армия отступала, но «...доверие русского народа к Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом...»[29]

Конечно, идеологические подвижки, произошедшие в годы Великой Отечественной войны, не изменили сущности советской идеологии как системы, а лишь приспособили отдельные ее элементы к требованиям времени. Некоторые из них были преимущественно конъюнктурными, поверхностными и временными. Причем ряд из нововведений продержался только до смерти И.В. Сталина. В дальнейшем были и рецидивы воинствующего атеизма, и хрущевский период «коммунистической романтики», когда произведения искусства опять заполонили пролетарские герои Гражданской войны. И главное, партия, из инструмента мобилизации на исполнение властных решений, принимаемых лидером государства, превращается в кол-

лективный бюрократический орган, принимающий решения на всех уровнях, а идеологические догматы «марксизма-ленинизма» вновь становятся важнейшим фактором, влияющим на все стороны жизни страны. Вместе с тем, патриотическая полоса советской истории, начатая героическим подъемом народного духа в Великой Отечественной войне, осознанная и признанная властью, в том числе в идеологических формах, настолько глубоко вошла в сознание народа, что повлияла на всю последующую эволюцию советского общества.

[1] См.: *Брусилов А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 82, 83.
[2] «Русские могут жить без хлеба»: повседневная жизнь в СССР в течение второй мировой войны глазами американских и британских дипломатов // Союз. 1991. Май.
[3] Цит. по: История Отечества: люди, идеи, решения: очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.
[4] Правда. 1941. 23 июня.
[5] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.
[6] Там же. С. 40.
[7] Центр. арх. М-ва обороны Российской Федерации. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 52. Л. 17.
[8] Там же. Д. 58. Л. 403, 427.
[9] *Быков В.* Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сент.
[10] *Кондратьев В.* Не только о своем поколении: заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 113.
[11] Полководцы: сб. М., 1995. С. 62.
[12] *Кузьмичев А.П.* Советская гвардия. М., 1969. С. 41, 42.
[13] Сталинградская эпопея. М., 2000. С. 451.
[14] *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 310.
[15] Сталинградская эпопея. С. 366.
[16] Там же. С. 367, 368.
[17] См.: *Волков С.В.* Указ. соч. С. 310.
[18] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 46.
[19] Великая Отечественная война, 1941—1945. М., 1999. Кн. 4. С. 18, 275.
[20] Цит. по: Москва военная, 1941—1945: мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 45, 46.
[21] См.: Полководцы. С. 81.
[22] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 13.
[23] Там же. С. 196.
[24] Полководцы. С. 81.
[25] См.: *Коновалов В.С., Кирьянов Ю.И.* [Рец. на кн.:] Х.Ф. Яан. Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны // Отечественная история. 1998. № 4. С. 187.
[26] См.: *Самойлов Д.* Люди одного варианта: (из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 89.
[27] Правда. 1941. 8 июля.
[28] Подробнее см.: *Сенявский А.С.* Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: стабильность и элементы трансформации // Сторінки военноі історіі Украіни: зб. наук. ст. Київ, 2002. Вип. 6. С. 16—19.
[29] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 196, 197.

Б.У. Серазетдинов

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЕЕ ВКЛАД В ДЕЛО ПОБЕДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению развития военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Выявляется роль и место Западной Сибири в деле удовлетворения насущных потребностей фронта и укрепления обороноспособности страны. Прослеживаются сложности и особенности наращивания военно-промышленного потенциала страны в условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западная Сибирь военная экономика, оборонная промышленность, сельское хозяйство.

В годы Великой Отечественной войны Западная Сибирь сыграла роль одной из важнейших оборонных баз страны, снабжая Советскую Армию многими видами вооружения, боеприпасов, обмундирования и питания. В этот особенно сложный для хозяйства страны период произошли новые крупные сдвиги в ее промышленном облике. Сюда было переброшено большое количество машин и промышленного оборудования из европейской части СССР, которые устанавливались здесь на новых заводах и фабриках, построенных в поразительно короткие сроки; одновременно реконструировались и расширялись ранее созданные предприятия.

Борьба советского народа за восстановление и развитие эвакуированных предприятий оборонной промышленности в Западной Сибири явилась важным звеном в общей системе мероприятий по организации и укреплению тыла.

Особенно широко промышленное строительство развернулось на юго-востоке — в Кузбассе и в примыкающих к нему Степном Алтае, Новосибирском Приобье, Нижнем Притомье, а также в Омске и в Тюмени. Областные и некоторые другие города, в первую очередь, такие, как Новосибирск, Омск, Новокузнецк, Кемерово, Барнаул, Томск, превращались в крупные промышленные центры всесоюзного масштаба.

Рождались и новые индустриальные центры: Рубцовск, Бийск, Юрга и некоторые другие. Произошли существенные изменения в географии промышленности и в ее структуре: заметно выросла доля машиностроения и химии, появились энергоемкие металлургические производства — первые в Сибири алюминиевый завод и завод ферросплавов, крупный оловоплавильный завод.

Военная экономика — исторически обусловленное социальное явление, специфическая военно-хозяйственная система, которая охватывает производство, распределение, обмен (обращение) и потребление оружия и других предметов военного назначения, материально обеспечивая функционирование Вооруженных Сил, поддержание обороноспособности государства в соответствии с его военной доктриной.

Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны приобрела все характерные черты регионального военно-промышленного комплекса, неотъемлемой составной части аналогичного комплекса страны и Сибири.

Перестройка жизни советских людей, плюрализм и стремление историков по-новому взглянуть на многие вопросы нашей истории позволяют лучше осветить развитие военной экономики в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Для более точного воссоздания истории развития военной экономики СССР необходимо по-новому взглянуть на некоторые аспекты становления и развития оборонной промышленности страны. При этом большое значение имеет изучение истории индустриального развития областей Российской Федерации. Западная Сибирь являлась одним из наиболее развитых в экономическом отношении регионов в составе Российской Федерации в годы войны. Поэтому задача изучения истории развития военной экономики имеет большое значение в контексте истории региона и страны в целом, является актуальной и научно значимой в деле развития исторической науки. Без ее изучения в региональном аспекте невозможно ответить на вопросы, касающихся реальных производственных возможностей оборонной промышленности страны в годы военного лихолетья.

Целью данной статьи является реконструкция процессов развития в годы войны военной экономики в Западной Сибири. На основе ранее доступных фактов можно было говорить только о некоторых заводах и предприятиях Западной Сибири. Советская историография старательно обходила все «острые» и спорные моменты в развитии оборонной промышленности СССР, но расширившийся доступ к архивным документам, находившихся ранее на специальном хранении и выдававшихся только для служебного пользования, позволил получить более полную информацию о производимой на них оборонной продукции, что требует пересмотра оценок деятельности всей оборонной промышленности в годы войны.

В историографии военной экономики СССР можно выделить три периода. Первый период — 1941 г. — конец 1950-х годов — накопление и обработка информации, когда были заложены основы

историографии Великой Отечественной войны советского народа. В основном в это время выходят в свет научные публикации и статьи, в которых отражаются отдельные вопросы истории промышленности СССР в период войны.

Так, например, в 1943 г. вышла работа В.И. Стрельского «Сибирь в Великой Отечественной войне», где рассмотрены вопросы развития различных отраслей народного хозяйства и трудового героизма трудящихся[1].

Первым монографическим исследованием явилась работа известного советского экономиста, государственного и партийного деятеля Н.А. Вознесенского, изданная в 1947 г.[2] Работа состояла из разделов, посвященных переводу экономики СССР на военные рельсы; исследованию мобилизационных мероприятий, вызванных оккупацией части территории СССР и изысканию внутренних источников, восполняющих военно-экономические потери и способствующих росту военно-экономического потенциала СССР непосредственно в ходе войны. Автор также рассмотрел проблемы восстановления экономики освобожденных территорий по мере продвижения советских войск на Запад и дал анализ источников экономической победы СССР над фашистской Германией.

В 1955 г. проходит успешная защита кандидатской диссертации Ю.А. Васильевым по теме «КПСС — вдохновитель и организатор патриотического подъема советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: (на материалах партийных организаций Западной Сибири)»[3].

Второй период — начало 1960-х годов — начало 1980-х годов — массовое появление монографий и публикаций историков и экономистов, посвященных истории военной экономики в период Великой Отечественной войны. Необходимо отметить, что это был период работы отечественных историков в условиях идеологического контроля партийных и государственных органов страны. На объективность анализа процессов, происходивших в годы войны, повлияли также засекреченность и труднодоступность многих архивных источников.

Следующим исследованием, посвященным народному хозяйству СССР в период Отечественной войны, стала монография Г.И. Шигалина[4]. Однако автор уделил недостаточное внимание анализу военно-экономических проблем, что попытался восполнить военный экономист, возглавляющий специальную кафедру в Военно-политической академии, Я.Е. Чадаев[5], однако в работе почти нет справочного материала.

Разработка единой концепции советской исторической науки по важнейшим проблемам войны, повышенное внимание историков к

оборонным вопросам в 70-е годы, к выявлению экономических источников победы советского народа в минувшей войне способствовали появлению в 1970 г. трех монографий, посвященных экономике СССР в годы Великой Отечественной войны[6]. К исследованию проблем военной экономики СССР подключился и Институт экономики АН СССР. В монографиях И.А. Гладкова и Г.С. Кравченко, в коллективных изданиях Институтов истории АН СССР и Министерства обороны был применен отраслевой подход к исследованию структуры военной экономики. Исключение составлял труд Института экономики, где была предпринята попытка рассмотреть военную экономику в качестве единого механизма, и с функциональной и с институциональной точки зрения[7].

В 2005 г. в Санкт-Петербурге успешно защитил докторскую диссертацию по экономике Е.В. Хохлов[8]. Научная новизна диссертации заключается в разработке авторского варианта применения синхронного и сравнительного методов историко-экономического анализа, в обобщении теории и практики военной экономики с целью выявления устойчивых, повторяющихся связей в рамках различных социально-экономических систем в годы Второй мировой войны, а также в осмыслении новых и переосмыслении известных фактов функционирования военной экономики СССР в тот период.

Впервые автором представлено комплексное ретроспективное исследование военной экономики СССР в годы Второй мировой войны, сочетающее теоретический и исторический анализ. Проведен критический анализ теорий военной экономики как «параллельной экономики» и «сталинской командной экономики», выступавших в качестве основы общественного воспроизводства в СССР в годы войны. Обосновано прикладное значение теории военной экономики. Показано, что воздействие государственных институтов на эволюционные процессы хозяйственного развития диктуется не только внутренними, но и внешними факторами.

Свой вклад в изучение развития военной экономики в Западной Сибири в годы войны внесли известные сибирские историки Ю.А. Васильев, М.Р. Акулов, Г.А. Докучаев, А.П. Плесовских, А.В. Терехов. Но ввиду закрытости информации авторы в работах давали лишь общие упоминания о некоторых оборонных отраслях[9]. Имеются, например, материалы о создании и развитии сибирских авиазаводов, но без конкретного указания места их нахождения в воспоминаниях известного генерального авиаконструктора А.С. Яковлева и наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина[10].

Важное место в историографии промышленности рассматриваемых регионов занимают работы, посвященные истории партийных

организаций Западной Сибири. Показаны процессы перестройки промышленности на военный лад, подготовка и размещение кадров. В публикуемых документах и материалах освещается также деятельность партийных организаций областей[11]. Однако вся имеющаяся литература по истории промышленности Западной Сибири в годы войны содержит слишком мало фактического материала по теме исследования и носит вспомогательный характер.

Третий период — период с 1990 г. по настоящее время, период появления новых архивных данных и переосмысления и пересмотра некоторых аспектов истории. В этот период появились многочисленные публикации и монографии, в которых на основе ряда недоступных источников из центральных и региональных архивов освещается развитие военно-промышленного комплекса СССР в годы войны. В Омском историко-краеведческом словаре впервые освещается вопрос об авиационной промышленности и деятельности конструкторского бюро А.Н. Туполева по созданию самолета ТУ-2, лучшего фронтового бомбардировщика. Сведения о создании оборонных заводов в городах Омске и Тюмени содержатся также в книгах И. Ермакова и М.И. Машкарина[12].

Стали появляться материалы по итогам научно-практических конференций, посвященных победе советского народа в Великой Отечественной войне. Так, на конференции в г. Омске в 1995 г. был обнародован перечень ряда военных заводов, эвакуированных в Омск, анализируются вклад омской и тюменской промышленности в дело Великой Победы[13].

Важный вклад в изучение проблемы развития оборонной промышленности в Западной Сибири внесли И.М. Савицкий, Н.С. Симонов, В.Н. Шумилов и Н.П. Шуранов[14].

Монография Н.С. Симонова — одна из обстоятельных научных работ в области военной экономики. Автор впервые рассматривает на основе ряда недоступных источников из центральных архивов структуру, организацию производства и управление военно-промышленным комплексом в Советском Союзе.

В исследовании В.Н. Шумилова впервые раскрывается процесс размещения оборонных предприятий в Новосибирской области. Н.П. Шуранов в первой работе на основе рассекреченных архивных материалов рассматривает деятельность оборонной промышленности в Кемеровской области. Он впервые изучил также организацию производства оборонной продукции, анализирует трудности, связанные с эвакуацией предприятий и обеспечением производства необходимым оборудованием и материалами в Западной Сибири. В монографии И.М. Савицкого раскрывается механизм управления

оборонной промышленностью в Новосибирской области. Автор впервые анализирует процессы создания материально-технической базы вновь строящихся и эвакуированных предприятий. Развитие оборонной промышленности в Омской и Тюменской областях нашло отражение также и в статьях Б.У. Серазетдинова[15].

Таким образом, краткий историографический обзор показывает, что проблема создания и развития военной экономики в Западной Сибири до настоящего времени остается неразработанной и поэтому актуальна и требуется изучить вклад Западной Сибири в дело победы в Великой Отечественной войне.

На территории Западной Сибири по административно-территориальному делению 1940 г. располагались Омская и Новосибирская области и Алтайский край. В 1944 г. из Омской области выделилась Тюменская, а из Новосибирской в 1943 и 1944 гг. — Кемеровская и Томская.

В наиболее заселенной и хозяйственно освоенной части Сибири к июню 1941 г. насчитывалось более 3 100 крупных промышленных предприятий[16].

В военный период на базе эвакуированных из европейской части страны предприятий в Западной Сибири создается крупная военная промышленность. Машиностроительные заводы были размещены во всех крупных поселениях вдоль Транссибирской магистрали. Только в 1941 г. в Западную Сибирь было вывезено 244 предприятия, в Восточную — 78 заводов. Эффективной работе предприятий, выпускающих военную технику, способствовало наличие новых мощностей Урало-Кузнецкого комбината.

В Западной Сибири размещение перебазированных предприятий проводилось с учетом специфики развития хозяйства отдельных ее районов, с учетом наличия трудовых ресурсов и других факторов. При этом учитывалось также наличие готовности базы для каждого предприятия, принимались во внимание сырьевые ресурсы и возможности ввода в действие предприятия в пункте прибытия в кратчайшие сроки при самых минимальных затратах на восстановление. Поэтому выбор районов эвакуации производился в строго централизованном порядке.

С целью решения этих задач ЦК ВКП (б) и СНК СССР 27 июня 1941 г. приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Это постановление было затем дополнено директивой ГКО от 7 августа 1941 г., согласно которой при размещении эвакуированных предприятий на новых местах преимущество во всех отношениях отдавалось предприятиям, выпускавшим военную продукцию, а также предприяти-

ям цветной, специальной черной металлургии и химической промышленности[17].

Кроме того, для ускорения ввода в строй промышленных предприятий и затрат на это минимального количества материалов и времени СНК СССР 11 сентября 1941 г. принял постановление «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени». Этим постановлением наркоматам и ведомствам разрешалось во время войны при необходимости строить для основных и вспомогательных цехов промышленных предприятий здания временного типа с расчетом на сокращенные сроки эксплуатации. Постановление обязывало наркоматы и ведомства широко использовать в строительстве дерево и другие местные материалы для несущих конструкций, для покрытия зданий и сооружений и проводить жесткую экономию металла и железобетона, применение которых допускалось только по согласованию с Наркомстроем[18].

Омская область — первая сибирская территория за Уралом. Она граничит с Челябинской и Свердловской областями и связана с ними прямыми стальными магистралями. Однако железные дороги пролегли в южной части. Гигантские пространства Севера имели сообщение только по Оби и ее притоку Иртышу. Южная часть области — наиболее развитая в промышленном отношении. Здесь находились главные города, в которые эвакуировались предприятия. Общее количество перебазированных предприятий в область составило около 100. Сюда из западных прифронтовых областей было перебазировано около 27 предприятий оборонной промышленности. Они и составили основу оборонной промышленности. Все они разместились в городах и рабочих поселках — Омск, Тюмень, затем Ишим, Тобольск, Ялуторовск, Заводоуковск, Исилькуль.

Омск — областной центр, куда прибыло наибольшее количество в основном крупных предприятий тяжелой индустрии и оборонной промышленности, имел более благоприятные условия для размещения. Население города насчитывало почти 300 тыс. чел. На его многочисленных заводах и фабриках, в различных учреждениях было занято десятки тысяч человек. В Омске уже существовали крупные объекты — автомобильный, шинный, сажевый заводы, кордная фабрика и др. Они к началу войны имели различные уровень готовности к выпуску продукции.

Вместе с оборудованием эвакуированных предприятий в Омскую область прибыло около 150 тыс. рабочих, служащих, ИТР и их семей. Кроме того, Советом по эвакуации были направлены в область строительные и проектно-конструкторские организации, высшие учебные заведения.

Немалая доля предприятий влилась в действующие объекты. Остальная часть была размещена в мастерских, артелях, складских помещениях, зданиях вузов, техникумов, различных учреждениях культуры и на территории рынков. Например, в Омск на базе строившегося авиазавода № 166 в предвоенные годы были эвакуированы Московский завод по производству самолетов № 81 (из Тушина) и Московский завод опытного самолетостроения № 156[19]. Вместе с авиазаводами из Москвы в Омск 25 июля 1941 г. было эвакуировано Особое конструкторское бюро № 29 НКВД, в котором работали А.Н. Туполев и С.П. Королев. Королев в начале своей деятельности в Омске работал технологом в бригаде крыла, а позднее был назначен помощником начальника цеха по изготовлению фюзеляжа для первого серийного бомбардировщика ТУ-2 авиазавода № 166. Летом 1943 г. С.П. Королев был переведен в Казань к главному конструктору В.П. Глушко[20].

Первый эшелон завода № 156 прибыл 12, последний — в конце августа 1941 г., в дальнейшем через 2—3 дня регулярно прибывали эшелоны. 23 августа окончательно было закреплено положение завода № 166 на двух территориях: автосборочном заводе и заводе имени Коминтерна. Площадка автосборочного завода имела 49 га с одним производственным корпусом в 27 000 кв. метров. (Основное производство 20 000 кв. метров и вспомогательные производственные и бытовые площади — 7 000 кв. метров.) Площадка завода имени Коминтерна имела 50 га производственных площадей — 13 900 кв. метров, вспомогательных (бытовых и складских) площадей — 8 100 кв. метров. К октябрю 1941 г. работали все цеха завода, за исключением части агрегатных цехов (цех крыла, оперения и отчасти центроплана), которые работали не полностью. Заводу было намечено заместителем наркома авиационной промышленности Н.В. Дементьевым изготовить 2 самолета в ноябре и 8 самолетов в декабре с соответствующим набором мощностей на первый квартал 1942 г.[21] Директором объединенного завода № 166 был назначен первый Герой Советского Союза А.В. Ляпидевский. Он прибыл вместе со своим заводом № 156 в город Омск и работал до сентября 1942 г.

На заводе № 166 должны были производить самолеты типа бомбардировщик 103-с с двумя моторами водяного охлаждения АМ-37, которые затем заменили на моторы М-82 воздушного охлаждения и истребительного типа Як-3. Заводы № 81 и № 156 вывезли из Москвы 909 единиц металлорежущего и деревообрабатывающего оборудования, из них к октябрю было установлено 880 единиц, остальные станки должны были пройти капитальный и восстановительный ремонт. Помимо вышеуказанного оборудования было

смонтировано еще 700 единиц производственного и энергетического оборудования.

Завод № 81 на момент эвакуации располагал производственными и вспомогательными рабочими в количестве 5 782 чел. и ИТР — 1 157 чел., завод № 156 — 2 257 чел. и ИТР — 2 354 чел. На 1 ноября 1941 г. завод № 166 имел 625 чел. рабочих и 2 323 ИТР, причем из них 212 чел. находились на опытном производстве, вновь набранные заводом ученики составляли 500 чел. Всего необходимо было для успешного выполнения программы 7 930 человек[22].

В Омск прибыло также оборудование из г. Запорожья — одного из крупных авиамоторостроительных заводов № 29 имени П.И. Баранова. В спешно введенных в эксплуатацию и еще не достроенных цехах началось изготовление производственно-технического задела и полуфабрикатов, рассчитанных на выпуск до 400—450 авиамоторов М-88, доводка мотора М-89 и модели М-90 для запуска в серийное производство. Завод № 29 (директор завода М.М. Лукин) прибыл в сентябре 1941 г. на строительную площадку, но до конца года для этого завода были построены огромные производственные площади, проведены большие работы по коммуникациям и другим вспомогательным хозяйствам. Начал работать завод на выпуск продукции в ноябре, дав 9,3%, в декабре — 27,6% и в январе 1942 г. — 100% программы[23].

На базе завода сельскохозяйственного машиностроения имени Куйбышева и частично прибывшего оборудования завода № 20 был организован новый завод № 495. В постановлении Государственного Комитета Обороны об эвакуации заводов Наркомавиапрома Московской, Воронежской и Ростовской областей была установлена следующая последовательность эвакуации имущества и оборудования заводов: в первую очередь эвакуируется вся техническая документация (чертежи изделий, приспособлений; инструмента и технологического процесса), запасный инструмент, уникальные особо ценные станки и агрегаты и кузнечнопрессовое оборудование. Во вторую очередь — металлорежущие станки, электрооборудование, компрессоры, насосы, отопительные агрегаты, электромонтажное имущество, материалы, металлы и специальный инвентарь. В третью очередь — сборочные цехи и остающиеся часть электрооборудования, а также специнвентарь[24]. На этом заводе начался выпуск следующей продукции: бензонасосов для всех моторов, маслонасосов для гидросистем, регуляторов для винта с переменным шагом, аварийных ручных насосов, маслофильтров и других агрегатов для авиамоторов и самолетов[25]. В декабре 1941 г. в Омске стал действовать новый единый завод Наркомата авиационной промышленности № 20 вместо завода № 495. Завод № 20 (директор завода И.Т. Бори-

сов) работает в этот период лучше других заводов авиационной промышленности Омской области. В декабре дает уже 60,0% продукции и в январе 1942 г. — 100%. Монтаж оборудования завода был проведен организованно и быстро[26].

В Омск в конце ноября 1941 г. стало поступать эвакооборудование завода № 288 и завода № 30 из г. Кимры. На территории этих заводов базировались 4 конструкторских бюро: А.Н. Туполева, Д.Л. Томашевского, В.М. Мясищева и И.Г. Неймана. В октябре прибыло 5-е конструкторское бюро А.А. Архангельского. Так появился опытный авиазавод, которому присвоили № 288. Зимой на заводском аэродроме начали вести испытания нового бомбардировщика Ту-2, который вскоре стали готовить к серийному выпуску на одном из московских заводов. Поступил приказ о перепрофилировании завода к производству истребителей Як-7. Конструкторы завода № 288 начали готовить к испытанию новые модели самолетов, а также помогали заводу № 166, осуществляя испытания агрегатов и деталей выпускавшихся на нем истребителей[27]. В 1944 г. завод перешел на выпуск современного истребителя Як-9. В сутки с конвейера сходило по 8—10 самолетов, и до конца войны было выпущено более 3 400 истребителей Як-7 и Як-9[28].

На станцию Заводоуковская (около г. Тюмени) прибыло из Воронежа оборудование завода № 499. Завод № 499 НКАП (директор завода А.П. Москалев) был организован на базе оборудования эвакуированного в 1941 г. опытно-конструкторского бюро и размещен на границе двух районов: Ново-Заимского и Ялуторовского, на площадях Падунского промсовхозкомбината и Ново-Заимского зерносовхоза, ранее занимаемых складскими помещениями, мельницей, гаражом, механическими мастерскими и т.д.[29]

Производственная площадь завода — 4 770 кв. метров. С ноября он начал выпуск продукции. Завод выпускал десантные кабины к самолетам Ил-4, учебные планеры А-2, А-7 и бензиновый планер А-7Б. Десантный планер РФ-8 (А-7) был деревянной конструкции. Планер имел закрылки, интерцепторы, двухколесное убирающееся шасси и приборы для ночных полетов. Полезная нагрузка А-7 составляла около 1 000 кг. В 1942 г. заводу поручили модернизацию планера конструкции О.К. Антонова в 11-местный. В результате появился 14-местный планер, названный по инициативе конструктора АМ-14 (Антонов — Москалев)[30]. До августа 1944 г. завод изготовлял планер А-7Д (десантный, семиместный), А-7 (двойного управления), А-7У (учебный), а в 1944 г. завод произвел работу по освоению и переходу на серийный выпуск новой машины АМ-14 (планер четырнадцатиместный).

На 1 января 1945 г. на заводе № 499 рабочая сила по возрасту характеризуется: от 14 до 17 лет — 239 чел.; от 17 до 25 лет — 498 чел.; от 26 до 40 лет — 402 чел.; от 41 до 50 лет — 188 чел. и от 51 года и выше — 90 чел. По стажу работы: до одного года — 494 чел., до двух лет — 705 чел., до трех лет и выше — 208 чел.[31]

В 1944 г. рабочими завода № 499 было изготовлено планеров 262 единицы при плане 306 (85,1%), недодано 44 единицы. Хотя товарной и оборонной продукции за 1944 г. было выпущено на 19% больше, чем в 1943 г.[32]

9 ноября 1941 г. прибыли в Тюмень первые эшелоны с оборудованием московского планерного завода № 241, позже планерные мастерские из г. Голицино Московской области и ОКБ-31 из Воронежа. Конструкторы О. Антонов и А. Эскин разработали особый проект гибрида танка и десантного планера.

Работы над планером, получившим индекс А-40, начались в декабре 1941 г. Он стал именоваться КТ-60 («крылья танка»). Для испытаний использовался серийный легкий танк Т-60. По расчетам конструкторов, его ходовая часть должна была выдерживать нагрузки при взлете. Предполагалось, что танк будет отцепляться от буксировщика за 20—30 км от места посадки, проделывая оставшийся путь как планер. Планер построили в апреле 1942 г., после чего перевезли для испытаний в подмосковный Жуковский. Проводил их летчик-испытатель С. Анохин. В качестве буксировщика использовали бомбардировщик ТБ-3. Ввиду отсутствия более мощного буксировщика и прекращения выпуска танков типа Т-60 испытания были прерваны. И завод № 241 сосредоточил свои усилия на выпуске десантных планеров типа А-7[33]. Во второй половине 1942 г. завод № 241 был реэвакуирован[34].

В 1941 г. организованы авиаремонтные мастерские, где производился ремонт легких отечественных самолетов типа У-2, ПО-2, Ш-2 и двигателей к ним[35]. Во всесоюзном социалистическом соревновании в октябре 1943 г. заводы № 29 и № 166 по Наркомату авиационной промышленности заняли третье место[36].

В годы войны началось также развитие танковой промышленности. В Омск на базе паровозовагоноремонтного завода вначале прибыл танковый завод № 173. В соответствии с постановлением ГКО с февраля 1942 г. было организовано производство танка Т-50 и корпусов к ним по 8—10 в сутки. На территорию этого завода начало прибывать оборудование, а затем прибыл и коллектив Ленинградского танкового завода № 174. В 1943 г. завод стал крупнейшим предприятием. Коллектив проделал большую работу по наращиванию выпуска модернизированного танка Т-34-85, имевшего более прочную

противоснарядную броневую защиту. Производство танков на заводе за 1944 г. составило 14,77% от всех танков Т-34, выпущенных в этом году танковой промышленностью страны[37]. Вместе с танками завод выпускал запасные части для танка, снаряды 122 мм М-13.

В Омской области стали действовать предприятия Наркомата минометного вооружения. Завод «Машиностроитель» в Омске стал значительным предприятием Наркомата минометного вооружения. Здесь выпускались следующие виды продукции: автодегазационные машины, дегазационные камеры, насосы, брандспойты и химоборудование. В Тюмени на базе завода «Механик» и эвакуированного Одесского завода дорожных машин имени 10 лет Октября был создан оборонный завод № 762. Завод изготавливал мины М-82, М-120, минометы и 122-миллиметровые артиллерийские снаряды. На базе оборудования этих заводов вначале был образован Тюменский завод строительных механизмов, который начал выпускать мины М-82, М-50, минометы 50-мм, бетономешалки и растворомешалки.

Заводу присвоили № 766. Коллектив завода самоотверженно трудился, выполняя и перевыполняя свои задания. В 1943 г. он по праву занял 3-е место среди заводов Наркомата. На базе оборудования Киевского завода «Красный экскаватор» и Дмитровского завода Наркомата минометного вооружения был создан завод № 769. Завод изготавливал мины М-82 и отдельные детали для продукции завода № 762.

На базе эвакуированных предприятий в Омской области возникли и развивались заводы Наркомата судостроительной промышленности. Ленинградский завод № 206 в Омске продолжал выпускать шумопеленгаторы «Марс» и гидроакустические станции «Тамир», которые способствовали победе на море. В Тюмень, на действующую с 1929 г. судоверфь Наркомата речного флота, перебазировались Ленинградский судостроительный завод № 363, цеха торпедных катеров Херсонского завода Наркомречфлота имени Коминтерна, Камыш-Бурунского завода, Рыбинского судостроительного завода № 341 и часть оснащения Ленинградского завода № 194 имени А. Марти. Судостроительному заводу был присвоен № 639. Завод выпускал торпедные катера и изготавливал буксиры, баржи, корпуса мин калибра 50 и 82 мм и детали к снарядам М-13 для «катюш». В первые дни войны инженер завода К.В. Лемешев разработал также проект «плавучей танковой батареи», но в этот период проект был признан нецелеобразным[38].

Всего за время войны тюменские корабелы построили 165 торпедных катеров: 134 — типа Г-5 и 31 единицу — типа 123-бис «Комсомолец»[39].

Ленинградский завод Наркомата вооружения № 357, производивший прицелы, прибыл в Омск, где возникла новая отрасль промышленности — производство военной оптики.

В область также был эвакуирован ряд предприятий Наркомата боеприпасов. Так, в Омск по предложению наркомата и Совета по эвакуации ГКО прибыло оборудование цеха № 14 Тульского завода № 187 и оборудование завода из Ростова-на-Дону № 513. Завод № 513 организовал производство гильз разных калибров. В это же время в Омске развернули работу по монтажу и вводу в эксплуатацию оборудования завода по производству боеприпасов № 510. В 1943 г. завод стал значительным предприятием в системе Наркомата боеприпасов[40].

В конце ноября 1941 г. в Тюмень начали прибывать люди и оборудование Таганрогского мотоциклетного завода. Завод № 65 начал производство мотоциклов типа АМ-600 и М-72 для Красной армии. На заводе изготовлялись также и детали для взрывателя типа КТМ-1.

В Тюмени на базе оборудования Московского завода АТЭ-2, Калужского завода мотоэлектрооборудования, а также двух ленинградских заводов (элекротехнический и карбюраторный) был создан Тюменский завод АТЭ. Основными видами военной продукции этого предприятия были: сигналы СЖ-24, применявшиеся для сигнализации правильной работы шасси при посадке самолетов, автотранспортные гудки, мотоциклетные сигналы, включатели стартера для автомобилей марки ГАЗ-АА и ЗИС-5. Эти же приборы применялись и для установки на танках и самоходно-артиллерийских установках, а также магнето для мотоциклов.

В октябре 1941 г. в Тюмень эвакуировали Подольский аккумуляторный завод, который выпускал аккумуляторы для танков и автомобилей. В цехах завода «Цепи Галля», который прибыл из Киева, изготовляли разнообразную продукцию для фронта: пистолеты-пулеметы ППШ, военные знаки различия, ложки, лыжи, телефонные катушки. К январю 1942 г. начали работать и прибывшие эвакуированные предприятия. Аккумуляторный завод в январе 1942 г. восстановил свое производство, за 9 месяцев количество продукции выросло в 2,5 раза, химзавод № 39 увеличил производство в 5 раз, заводы АТЭ-2 и мотоциклетный — в 3,5 раза[41].

Новосибирская область — второй крупный район в Западной Сибири. Совет по эвакуации перебазировал в Новосибирскую область в современных границах оборудование и кадры 34 предприятий оборонной промышленности, а всего — более 70 предприятий промышленности, четыре научно-исследовательских институтов, восьми строительных и монтажных трестов, а также проектные организации. На Новосибирский завод им. В.П. Чкалова прибыло пять достаточно крупных предприятий, на комбинат № 179 — семь предприятий. По плану комбинат должен был выпускать от 40 до 45 процентов различных видов боеприпасов от всей продукции предприятий Наркомата

боеприпасов. Ни один главк Наркомата не брал в свое подчинение такое огромное предприятие, потому что не мог осуществлять конкретное руководство. Тогда первый секретарь Новосибирского обкома ВКП (б) Кулагин обратился к Сталину с просьбой о разукрупнении комбината. Из него выделилось пять заводов и ТЭЦ. Строительство закончилось в конце 1942 г. Работало здесь 20 500 человек. За годы войны коллектив комбината дал фронту 48 миллионов снарядов (около 15 процентов от всех предприятий Наркомата боеприпасов).

Изготовлением снарядов, взрывательной техники и их снаряжением занимались еще восемь заводов. За годы войны в Новосибирске произвели для фронта более 125 млн. штук снарядов — это в два раза больше, чем вся промышленность России за годы Первой мировой войны[42]. В Новосибирске был создан крупнейший на востоке центр по производству боеприпасов. Другие заводы были размещены в основном в неприспособленных для промышленного производства помещениях[43].

Два предприятия прибыли в Бердск, одно — в Чик. Это заводы четырех Наркоматов: боеприпасов, вооружения, электро- и авиапромышленности. Вместе с оборудованием оборонных предприятий в Новосибирск перемещались рабочие, инженеры, техники и их семьи. Всего в Новосибирскую область прибыло 301 457 человек — в основном из Ленинграда, Ленинградской области, Москвы, Московской, Тульской, Воронежской, Ростовской областей.

Во время эвакуации на площадях авиационного завода № 153 имени В.П. Чкалова разместилось оборудование пяти самолетостроительных и агрегатных заводов, перебазированных из Москвы, Ленинграда, Киева. Кроме того, в Новосибирск был направлен ЦАГИ во главе с академиком С. Чаплыгиным[44]. Правительство планировало создать на востоке страны вторую научно-исследовательскую базу по авиации. Сталин лично звонил в институт и просил ученых выехать в Новосибирск. В Новосибирск были эвакуированы летно-испытательный НИИ, экспериментальный завод 115 конструкторского бюро под руководством Яковлева, завод № 51 Наркомата авиапромышленности под руководством Поликарпова. Перед ними ставилась задача создавать новые самолеты и помогать производить их предприятиям.

С начала 1942 г. завод полностью переключился на производство истребителей «Яковлев» (Як). В сутки он выпускал три самолета. А во второй половине 1944-го ежесуточно — уже 20 самолетов. Всего за годы войны Чкаловский авиационный завод произвел 15 тысяч 797 различных типов, в том числе 15 496 боевых истребителей типа «Яковлев»[45].

В Новосибирске в годы войны действовало три завода Наркомата вооружения. Приборостроительный завод № 69 имени Ленина

из Московской области сыграл важную роль в снабжении фронта. Он выпускал танковые телескопические, стереоскопические прицелы, артиллерийские панорамы, прицелы для противотанковых пушек и минометов. Причем многие оптические приборы в стране изготовлял только этот завод. Оптико-механический завод № 350 из Ленинграда производил также прицелы для пикирующих бомбардировщиков, зенитные и морские бинокли. Завод № 188 (ныне — низковольтной аппаратуры) — патроны.

Электровакуумный завод № 617 выпускал лампы, которые использовались в радиостанциях на танках, самолетах, судах. Радиосвязь Красной армии и флота более чем на 70% снабжалась лампами этого завода.

Уникальную продукцию, нигде больше не производимую, выпускал завод № 208 имени Коминтерна. Это были самые мощные и самые современные в то время радиостанции. Даже связь Ставки Верховного главнокомандующего со штабами фронта и армией обеспечивалась при помощи этой аппаратуры. Производимая заводом радиоаппаратура позволяла обнаруживать самолеты противника, местонахождение аэродромов, кораблей, подводных лодок. За годы войны коллектив изготовил 930 штук радиоаппаратов различных типов, стационарных и размещавшихся в трех автомобилях. «Электросигнал» выпустил 168 297 штук радиоаппаратов[46]. Это была сложнейшая аппаратура — авиационные, танковые, общевойсковые и морские радиостанции.

Прожекторный завод сыграл решающую роль в ходе войны. Все помнят по истории, что во время взятия Берлина Жуков использовал прожекторную технику с ослепляющим, заливающим светом. Эти прожекторы изготавливали в Новосибирске, на единственном в стране заводе[47]. Валовой объем промышленного производства за 1941—1945 гг. возрос в 5,3 раза, доля машиностроения и металлообработки увеличилась с 23,3% в 1940-м до 80% в 1945 г., численность рабочих и служащих за этот период возросла с 80,9 тыс. до 148,6 тыс. чел.

Следующим центром, где размещались предприятия, были города Алтайского края — Барнаул, Чесноковка, Бийск, Славгород, Рубцовск. Алтай принял более 100 эвакуированных предприятий из западных районов страны, в том числе 24 завода общесоюзного значения. Предстояло не только в короткие сроки наладить их работу, но изменить профиль, организовать серийное производство военной продукции. Оборудование предприятий поступало неравномерно, разрозненно, некомплектно, не хватало рабочей силы, производственных площадей, электроэнергии, отсутствовали подъездные пути. Часть оборудования монтировали на действующих промышленных мощностях, большинство их создавали заново.

С оборудованием большинства эвакуированных предприятий приехало немного кадровых рабочих. В условиях сибирской зимы, под открытым небом, эти люди, а также старики, женщины, подростки из местного населения круглосуточно монтировали оборудование, строили цехи, осваивали производство. Новые предприятия возникали в невиданно короткие сроки, уже через несколько месяцев их продукция шла на фронт. Всего за годы войны в крае было построено 51 крупное промышленное предприятие, из них 14 — в Барнауле. Так, на базе оборудования, эвакуированного из Харькова, Сталинграда, возник Барнаульский завод транспортного машиностроения, на базе ленинградского Невского завода — котельный завод. Был восстановлен завод механических прессов из Одессы, начали действовать Барнаульский станкостроительный завод, аппаратурно-механический. Оборудование Харьковского тракторного завода было размещено в Рубцовске, положив начало Алтайскому тракторному заводу. В годы войны он был единственным в стране предприятием, выпускающим тракторы и запасные части к ним. В начале октября 1941 г. в нынешний Новоалтайск прибыл первый эшелон с людьми и оборудованием Днепродзержинского вагоностроительного завода. Всего через месяц с небольшим отсюда пошла продукция фронту.

Промышленное производство Алтая возросло за военное время в 1,6 раза, а оборонная промышленность в 1945 г. выдала продукции в 40 раз больше, чем в 1941 г. Барнаул превратился в крупный индустриальный центр Западной Сибири. Уже в 1942 г. промышленные предприятия города выпустили продукции почти в 2 раза больше, чем в предшествующем, при этом оборонной продукции — в 11 раз больше. За время войны механический цех вагоноремонтного завода увеличил выпуск изделий в 25 раз, Барнаульский меланжевый комбинат одел своей тканью 50 дивизий, овчинно-шубная и швейные фабрики поставили полушубки и обмундирование для 2,5 млн. фронтовиков, сапоговаляльная и обувная фабрики обули 1,5 млн. бойцов и командиров Красной Армии.

За годы войны было построено 14 крупных машиностроительных заводов, выпуск продукции машиностроения и металлообработки вырос в 6,7 раза, а удельный их вес увеличился с 12,5% до 59%. Из чисто сельскохозяйственного край сразу превратился в промышленно-сельскохозяйственный с преобладанием машиностроительного производства.

Уже в 1942 г. был сдан в эксплуатацию Алтайский тракторный завод (АТЗ), ставший единственным в стране. Начал выпускать дизельные моторы для прославленных «тридцатьчетверок» завод № 77

Наркомата танковой промышленности. Заработал и стал давать каждый третий патрон для фронта патронный завод №17-А[48].

Кузбасс в годы войны стал играть решающую роль в снабжении предприятий и транспорта топливом. В Западной Сибири удалось поднять добычу коксующихся углей с 6,9 млн. т в 1940 г. до 8,2 млн. т в 1942 г.[49] Кузбасс дал в 1942 г. 72,4 процента коксующихся углей страны вместо 16,7 процентов в 1940 г.[50] Коксующий уголь шел на металлургические заводы Урала и Сибири, а также служил хорошим сырьем для коксохимии, продукты коксования использовались для производства боеприпасов.

О динамике добыче угля в целом по Сибири за период войны свидетельствуют данные таблицы.

Таблица 1

Динамика добычи угля в Сибири в 1940—1945 гг.

	Западная Сибирь			Восточная Сибирь			Вся Сибирь		
	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % с 1940 г.	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % с 1940 г.	1940 г.	1945 г.	1945 г. в % с 1940 г.
Общая добыча угля в млн. т	22,5	30,0	133,3	9,2	9,2	100,0	31,7	39,2	123,1
В % к производству в СССР	13,6	20,1	—	5,6	6,2	—	19,2	16,3	—
Добыча углей коксующихся в млн. т	5,9	13,0	219,2	—	—	—	5,9	13,0	219,2
В % к производству в СССР	16,7	43,9	—	—	—	—	16,7	43,9	—

Источник: Подвиг земли богатырской: (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 1970, С. 148.

В предвоенные годы в Кузбассе было только одно оборонное предприятие — Кемеровский комбинат боеприпасов № 392 с мощным пороховым производством. В военный период в Кузбассе было размещено оборудование 75 эвакуированных предприятий[51].

В Кемеровскую область в первые годы войны прибыло предприятий — 56, цеха, «часть оборудований предприятий или частично» — 27, вновь было создано предприятий — 33[52].

Неоценимое значение для развития военного хозяйства имело развитие производства цветных металлов на Беловском цинко-

вом заводе. В Сталинске (Новокузнецке) завершилось начатое еще в третьей пятилетке строительство крупного алюминиевого завода. В декабре 1942 г. он уже выдавал первую продукцию крылатого металла. В годы войны вошел в строй и завод ферросплавов.

За годы войны в 7 раз возрос выпуск химической продукции Кузбасса, основным ведущим предприятием которой являлся Кемеровский азотно-туковый завод. Помимо слабой азотной кислоты, аммиачной селитры и аммиака, завод освоил выпуск реактивной азотной кислоты, калиевой и натриевой селитры и других ценных химических продуктов.

В феврале 1942 г. в г. Кемерово вступил в строй эвакуированный из Орехово-Зуево завод пластмасс, получивший в начале 1943 г. название «Карболит». Начали давать продукцию эвакуированный в Кемерово Рубеженский анилинокрасочный завод, Кемеровский завод салициловых и Анжеро-Судженский завод сульфамидных препаратов.

В связи с эвакуацией в Кузбасс и монтажом оборудования ряда эвакуированных заводов большой импульс получает горное и электромашиностроение. Помимо производства горной техники, Киселевские заводы горного машиностроения и горного оборудования, Прокопьевский завод оборудования лампового хозяйства, Анжерский рудоремонтный завод выпускали в большем количестве продукцию оборонного характера. На базе ряда эвакуационных электромеханических заводов в Кемерово появился завод «Кузбассэлектромотор», выпускавший взрывобезопасные моторы переменного тока и электроаппаратуру для угольной, химической и других отраслей промышленности. Широкий спрос в оборонной промышленности имела продукция Ленинск-Кузнецких заводов «Электроэлемент», «Красный Октябрь», Прокопьевских заводов металлоконструкций и механического, Беловского завода радио- и киноаппаратуры[53]. В июне 1942 г. вновь созданный завод № 526 Наркомата вооружения в Новокузнецке начал выпуск пулемета ДП — В.А. Дегтярева. За 1943 г. он стал крупным предприятием и выпустил 19 380 пулеметов. Это восполнило 23,4% потерь ручных пулеметов на фронте[54].

38 предприятий эвакуировалось в Томск. 16 сентября 1941 г. сюда прибыл первый эшелон с первой частью оборудования 1-го Государственного подшипникового завода. В октябре страна получила первую тысячу томских подшипников, а в ноябре — декабре их выпустили уже 38 тыс. 14 ноября 1941 г. в Томск прибыло оборудование одного из крупнейших в стране завода режущих инструментов «Фрезер». Сотни сложных станков и механизмов были смонтированы за короткий срок, а в марте 1942 г. коллектив завода за самоотверженную работу получил благодарность Наркомата станкостроения СССР. На базе эва-

куированных цехов Ярославского и Ленинградского электромашиностроительных заводов был создан Томский электромоторный завод. В соответствии с постановлением Совета по эвакуации от 11 сентября 1941 г. № 300 в Томск прибыло 140 станков московского завода «Манометр». Цеха по производству минометов и манометров были введены в действие к новому году. А в начале 1942 г. прибыли и были включено в состав завода «Манометр» № 838 еще три завода: Ленинградский государственный завод измерительных приборов (тахометры, индикаторы давления для судостроительной, авиационной и других отраслей промышленности), Оптико-механический завод ОМЗ-5 (микроскопы, спектроскопы, калориферы для авиапромышленности) и завод «Молодой ударник» (калорифер твердого и газового топлива, тахометры для машиностроения, газовые часы для ряда отраслей промышленности). Вместе с выполнением задания по изготовлению мин и минометов завод обеспечивал производство манометров и других измерительных приборов для наркоматов авиационной и танковой промышленностей[55]. В Томск также была эвакуирована фабрика НКВД по производству боеприпасов. 17 ноября 1941 г. новое предприятие начало выдавать продукцию. В апреле 1942 г. завод уже выдал 70 000 мин М-50[56].

Производство военной продукции на Урале увеличилось в 1943 г. по сравнению с 1940 г. в 6 раз, а в Западной Сибири (за этот же период) — в 34 раза[57].

Потоки кузбасского угля и металла сыграли решающую роль в развитии нашей оборонной промышленности, в наращивании мощностей сотен заводов, фабрик и электростанций. И в этом немалая заслуга принадлежит железнодорожникам Томской, Омской и других урало-сибирских магистралей. Транссибирская магистраль, обслуживаемая сибиряками и уральцами, хотя и работала с большим напряжением, но обеспечила основные перевозки и надежную связь тыла с фронтом.

Томская дорога почти при той же эксплуатационной длине главных и стационарных путей и незначительном увеличении количества рабочих перевезла в 1945 г. больше, чем в 1940 г., угля — на 42,1%, кокса — на 60,5 % и руды — на 41,4%. Объем суточной нагрузки вырос за годы войны на 529 вагонов. В 1945 г. омские железнодорожники перевезли грузов на 10,5 % больше, чем в 1944 г.[58]

Западная Сибирь стала. одним из основных районов эвакуации предприятий Наркомата электропромышленности. К 10 марта 1942 г. только в Новосибирскую область было доставлено оборудование 16 предприятий Наркомата электропромышленности. Среди них оборудование таких крупных электростанций, как Каширская и Сталиногорская ГРЭС, Гомельская ТЭЦ[59]. В 1944 г. рост мощностей в сибирских энергосистемах по сравнению с 1940 г. составил: Но-

восибирской — 174%, Барнаульской — 267%, Омской — 307%[60]. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2

Динамика производства электроэнергии по энергосистемам Сибири в 1940—1945 гг.

Районы	Выработка электроэнергии в млн. квт-ч		Уд. вес в % в общесоюзном производстве электроэнергии		1945 г. в % к 1940 г.
	1940 г.	1945 г.	1940 г.	1945 г.	
Западная Сибирь	1863	4075	3,9	9,5	219
Восточная Сибирь	684	1134	1,4	2.5	166
Итого	**2547**	**5209**	**5,3**	**12,0**	**204**

Источник: *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР, 1941—1945. М., 1963. С. 262.

Важное место в народном хозяйстве страны в годы войны занимала лесная и деревообрабатывающая промышленность Западной Сибири. Большой объем работ по заготовке древесины и деревообработке выпал на долю Тюменской области. Всего в годы войны Обский Север дал фронту: ружболванки — 900 тысяч штук, авиафанеры — 25 тысяч кубометров, авиасосны — 7 тысяч кубометров, кедра — 17 тысяч кубометров, различных материалов — 234,4 тысячи кубометров. В годы войны до 75% древесины вывозилось за пределы Ханты-Мансийского округа[61].

В трудных условиях находилось сельское хозяйство Западной Сибири. Количество трудоспособных мужчин в сельской местности сократилось. Основной рабочей силой на селе стали женщины, к общественному труду широко привлекались подростки и люди преклонного возраста. Мобилизация задела как тракторный парк, так и лошадей. Тем не менее, за годы войны Алтай дал фронту и стране 160 млн. пуд. хлеба, более 9 млн. пуд. мяса, 20 млн. л молока, свыше 3 млн. пуд. сахара, 3,5 млн. кож, 900 тыс. пуд. шерсти и много другого сырья. За 1941—1945 гг. колхозы и совхозы Омской области дали государству 122,6 млн. пуд. хлеба, 7,1 млн. пуд. мяса, 34,5 млн. пуд. молока, 13,7 млн. пуд. картофеля и 2,3 млн. пуд. овощей[62]. Колхозы и совхозы Тюменской области сдали государству в 1944 г. хлеба 9 335 тысяч пудов, или на 3 миллиона пудов больше, чем в 1943 г. Свыше 500 колхозов и 21 совхоз полностью рассчитались с государством и сдали сверх плана 291 тысячи пудов хлеба. Совхозы выполнили годовой план хлебопоставок на 106,2 процента. Тобольский, Байкаловский, Уватский районы и Ханты-Мансийский национальный округ перевыполнили план хлебопоставок[63]. Округ в общей сложности за годы войны дал стране 350 000 пудов хлеба[64].

В условиях сурового климата Севера рост валовой продукции зерновых и картофеля дал возможность колхозам впервые за время существования округа обеспечить себя семенами для посева в 1943 г., а также несколько увеличить натуроплату колхозникам. В порядке взаимопомощи ханты-мансийцы дали колхозам Тобольского округа 4 000 центнеров семян для посева.

Многие колхозы округа в 1942 и 1943 гг. полностью обеспечили поголовье лошадей фуражом (до этого в округ завозили овес и ячмень). Начиная с 1942 г. большинство сельскохозяйственных артелей были сняты с государственного снабжения хлебом. В 1943 г. колхозы округа впервые за все время своего существования отказались от государственной семенной ссуды[65].

Сельское хозяйство Новосибирской области за 1941—1942 гг. дало фронту и тылу 68 млн. пуд. хлеба, 4,5 млн. пуд. мяса, что обеспечивало годовую потребность бойцов 100 дивизий. За годы войны Новосибирская область сдала государству свыше 97 млн. пуд. хлеба, 10 млн. пуд. мяса, много масла, молока, рыбы и прочих продуктов[66].

Таблица 3

Посевы и валовой сбор зерновых и бобовых в 1942—1945 гг. в колхозах

	1942		1943		1944		1945		
	Посеяно/Сбор тыс. га/тыс. ц		Посеяно/Сбор тыс. га/тыс. ц		Посеяно/Сбор тыс. га/тыс. ц		Посеяно/Убрано/Сбор тыс. га/тыс. га/тыс. ц		
Итоги по Западной Сибири	7988,8	31259,9	6788,9	19918,1	5631,9	25396,7	5488,4	5121,6	21336,9
Итоги по Восточной Сибири	3468,2	13693,4	2858,4	9965,5	2365,3	10272,4	2315,9	2102,4	8485,1
Всего по РСФСР	47091,1	202503,2	45561,5	169613,3	43778.1	230432,4	45548,6	43632,8	217681,8

Источник: *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 413—422.

Большой вклад в решение продовольственной программы внесли рыбаки Западной Сибири. Так, например, рыбная отрасль в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах превратилась в ударный участок, и добыча и обработка рыбы в период военного лихолетья возросли в полтора раза. В 1941—1945 гг. удельный вес Севера в государственных заготовках рыбы в Сибири составил 75,4%[67].

В 1945 г. колхозам Западной Сибири впервые за годы войны удалось добиться роста общественного стада. На 1 октября 1945 г. государственный план развития животноводства колхозами был перевыполнен.

Численность крупного рогатого скота возросла на 3,7%, свиней — на 48,6%, овец и коз — на 8,5%. По итогам развития животноводства за 9 месяцев 1945 г. Наркомзем РСФСР отметил хорошую работу Новосибирской области, а Омскую область выдвинул кандидатом на получение Красного знамени ГКО с выдачей денежной премии[68].

Колхозы Западной Сибири в 1941—1945 гг. поставили государству около 490 млн. пуд. зерновых и бобовых, 1 944 тыс. голов крупного рогатого скота, 3 389 тыс. овец и коз, 557 тыс. свиней[69].

Западная Сибирь внесла весомый вклад в обеспечение населения и Советской Армии продуктами животноводства. Первое место по заготовке мяса государству занимала Сибирь. Почти в три раза больше по сравнению с 1940 г. сдала государству в 1943 г. Казахская ССР, в два с лишним раза — Новосибирская область.

Таблица 4

Поступления скота в счет обязательных поставок от колхозов, колхозников, индивидуальных сдатчиков Западной Сибири в тоннах зачетного живого веса

Области	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Алтайский	42212	44722	39805	38962	39844	28645
Кемеровская	—	—	9327	10038	10197	6542
Новосибирская	40488	37841	27767	24798	20056	18293
Омская	31308	32808	31096	22366	23104	15136
Томская	—	—	—	5762	5665	3457
Тюменская	—	—	—	12598	12657	9238
Западная Сибирь	114008	115371	107995	114524	111523	81311
Сибирь	154187	159065	156141	168362	167120	120221

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 803. Л. 1.

Таким образом, за годы войны Западная Сибирь превратилась в одну из мощных военно-экономических баз страны. По темпам индустриального роста Западная Сибирь уступала только Уралу (1945 г. к уровню 1940 г. составлял здесь 30%), опережая Поволжье (181%), Казахстан (137%) и другие восточные районы[70]. В стоимостном выражении Западная Сибирь в 1945 г. давала почти 8%, а вся Сибирь — около 1/10 общесоюзного промышленного производства[71]. Наряду с быстрой перестройкой уже имевшихся здесь предприятий на военный лад необходимо было принять, разместить и наладить производственную деятельность многих сотен эвакуированных заводов, осуществить

большой объем нового промышленного строительства. В 1942 г. в развитие военной экономики Сибири направлялось 18% всех капиталовложений СССР. Продукция машиностроения и металлообработки в Западной Сибири за 1940—1942 гг. увеличилась в 7,9 раза. Здесь возникли новые направления оборонной промышленности: производство самолетов, танков и моторов к ним, катеров, тракторов, мотоциклов, приборов, подшипников, радиоприемников, прожекторов и т.д. Валовое производство промышленной продукции за годы войны возросло в Западной Сибири в 2,7 раза, в Восточной Сибири — в 1,3 раза. Рабочие Западной Сибири внесли весомый вклад в укрепление военно-экономической мощи СССР, в дело всенародной победы над врагом.

Не меньший трудовой героизм показало колхозное крестьянство. Сельское хозяйство и пищевая промышленность Западной Сибири в экстремальных условиях длительной войны обеспечивали фронт необходимым количеством продуктов, а населению тыла давали минимум питания для поддержания работоспособности и выживания. Так, например, только на территории Ханты-Мансийского национального округа находилось несколько маслозаводов и других предприятий, которые произвели в 1943 г. 778 ц масла, а также пищевой продукции на 221,6 тыс. руб. Огромную пищевую и медикаментозную ценность представлял ягодный концентрат, изготовлявшийся Нахрачинским экстрактно-варочным комбинатом. За годы войны колхозы и совхозы Омской области сдали государству 122 млн. пуд. хлеба, 7 млн. 136 тыс. пуд. мяса, 5,75 млн. ц молока, более 13,5 млн. пуд. картофеля, 2 млн. 256 тыс. пуд. овощей[72].

В годы Великой Отечественной войны значение рыбного хозяйства Западной Сибири как поставщика продуктов питания резко повысилось. Так, в эти годы рыбная промышленность Омской области (с 1944 г. и Тюменской области) начиная с 1941 г. из года в год не только выполняет, но и резко перевыполняет планы по добыче и обработке рыбы. За годы войны, по сравнению с предвоенным 1940 г., рыбная промышленность Омской области увеличила план добычи в два раза. Так, например, в период Отечественной войны трудящиеся Ханты-Мансийского автономного округа, выполняя основную задачу партии и правительства — дать как можно больше рыбной продукции фронту и стране, выловили и сдали государству: в 1942 г. — 233 тыс. ц, 1943-м — 311 тыс. ц, 1944-м — 248 тыс. ц. В 1942 г. вылов рыбы по Омской области составил 449,3 тыс. ц, а за 11 месяцев 1943 г. — 571,9 тыс. ц, в то время, как за 1941 г. было добыто рыбы 285,7 тыс. ц[73].

Благодаря оперативно проведенной эвакуации и развертывания основной части оборонной промышленности в Западной Сибири,

наша страна выдержала напор Германии и ее союзников, обеспечила армию необходимым вооружением, обмундированием и продуктами для победы во Второй мировой войне. Из войны Западная Сибирь вышла со значительно возросшим производственным потенциалом, обладая более разносторонней индустрией, способная решать новые сложные народнохозяйственные задачи.

[1] *Стрельский В.И.* Сибирь в Великой Отечественной войне. Омск, 1943. (Отд. госархивов УНКВД по Омской обл.).

[2] *Вознесенский Н.А.* Военная экономики СССР в период Отечественной войны. М., 1947.

[3] *Васильев Ю.А.* КПСС — вдохновитель и организатор патриотического подъема советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на материалах партийных организаций Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

[4] *Шигалин Г.И.* Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1960.

[5] *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1965.

[6] См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1970; *Гладков И.А.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970; *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). 2-е перераб. и доп. изд. М., 1970.

[7] См.: История социалистической экономики СССР: в 7 т. М., 1978. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938—1945 гг.

[8] *Хохлов Е. В.* Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2005.

[9] *Васильев Ю.А.* Сибирский арсенал: деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Свердловск, 1965; *Акулов М.Р.* Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Ставрополь, 1967; *Докучаев Г.А.* Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1968; *Его же*. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; *Плесовских А.П.* КПСС — вдохновитель и организатор трудовых подвигов советского народа в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) (на материалах Омской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1971; *Терехов А.В.* Военно-хозяйственная деятельность партийных организаций Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.

[10] *Яковлев А.С.* Цель жизни: (записки авиаконструктора). 2-е изд. М., 1968; *Шахурин А.И.* Крылья победы. 2-е изд. М., 1985.

[11] *Наумов М.В.* Омская партийная организация в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) // Материалы научной конференции Омского гос. пед. ин-та (21—25 янв. 1963 г.). Омск, 1963. С. 12—21; Омская партийная организация в первый период Великой Отечественной войне июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г. Омск, 1960. Т. 1; Новосибирская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1960; Омская партийная организация в период коренного перелома и окончательной победы над врагом, ноябрь 1942 г. — декабрь 1945 г. Омск, 1961 Т. 1—2; Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной вой-

ны (1942—1945 гг.). Кемерово, 1962. Т. 1; Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Томск, 1962; Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965; *Кучер Г.Д.* Деятельность Коммунистической партии по мобилизации комсомольцев и молодежи на помощь фронту в период Великой Отечественной войны, июнь 1941 — май 1945 гг. (на материалах Новосибирской, Омской и Тюменской областей). М., 1982*; Кузик Л.И.* Омская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // В грозные годы: тр. науч. конф. «Сибиряки — фронту», состоявшейся в г. Омске 12—14 мая 1971 г. Омск, 1973. С. 16—23; Наш край: хрестоматия по истории Тюменской области, 1917—1970 гг. Свердловск, 1973; Тюменцы — фронту. Свердловск, 1975; Очерки истории Омской областной организации КПСС / ред.-сост.: Бударин М.Е., Самосудов В.М. Омск, 1987; Наш край, 1941—1970 гг.: хрестоматия по истории Омской области. Омск, 1983; Омичи — фронту: Омская область в Великой Отечественной войне. Омск, 1985; Промышленное развитие Омской области, 1917—1975. Омск, 1987; Очерки истории промышленного развития Тюменской области: сб. документов. Свердловск, 1988.

[12] *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачев Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994; *Ермаков И.* Тюмень тыловая. Екатеринбург, 1995; *Машкарин М.И.* Сибиряки в Великой Отечественной войне: страницы историографии и истории. Омск, 1998.

[13] Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1995; *Демидов Ю.А.* Вклад тюменской промышленности в дело Великой Победы // Военная история Тюменской области. Вклад тюменцев в Победу в Великой Отечественной войне: по материалам науч.-практ. конф. Тюмень, 2005*; Жданова Е.* Омская промышленность в грозное время // Великий подвиг: к 55-летию Победы: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., 26—27 апр. 2000 г. Омск, 2000. С. 58.

[14] *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Шумилов В.Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941—1945 гг.). Новосибирск, 2000; *Шуранов Н.П.* Кузбасс — фронту. Кемерово, 1995; *Его же*. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войне. Кемерово, 2004; *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005.

[15] *Серазетдинов Б.У.* Становление и развитие оборонной промышленности в Западной Сибири в 1941—1945 годах (на материалах Омской и Тюменской областей)// Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 3 (77). С. 90—93; *Его же*. К вопросу о развитии авиационной промышленности Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 125—134.

[16] *Беляев И.К.* Социалистическая индустриализация Западной Сибири. Новосибирск, 1958. С. 109.

[17] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 289.

[18] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967): сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 3. С. 49.

[19] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 158. Л. 23.

[20] *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачев Н.М.* Указ. соч. М., 1994. С. 119.

[21] Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 2995. Л. 26.

[22] Там же. Л. 27.

[23] Там же. Д. 2977. Л. 15.
[24] ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 163. Л. 11,
[25] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2984. Л. 16.
[26] Там же. Д. 2977. Л. 13.
[27] Там же. Д. 2976. Л. 13, 15, 16; Д. 2984. Л. 2, 16; Д. 2986. Л. 79, 81; Д. 2995. Л. 26, 27.
[28] *Машкарин М.И.* Указ. соч. С. 18.
[29] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2985. Л. 10.
[30] Хлебный, целебный, лесной: Заводоуковский район: Годы. События. Люди. Екатеринбург, 2004. С. 102—104.
[31] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО.) Ф. 124. Оп. 1. Д. 86. Л. 7, 8.
[32] Там же. Л. 9.
[33] Тыл — это половина Победы. Тюмень, 2006. С. 39.
[34] *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 47.
[35] *Демидов Ю.А.* Указ. соч. С. 29.
[36] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3796. Л. 23.
[37] *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 67.
[38] Государственный архив Тюменской области. Ф. 969. Оп. 1. Д. 134.
[39] *Ермаков И.* Указ. соч. 1995. С. 20.
[40] *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 163.
[41] Тюменцы — фронту: сб. документов. Изд. 2-е., доп. Тюмень, 2005. С.8.
[42] Гос. арх. Новосиб. обл. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 306. Л. 22—26; Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921—1991 / сост.: В.И. Баяндин, В.А. Ильиных, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов и др. Новосибирск, 1997. С. 332.
[43] *Савицкий И.М.* Указ. соч. С. 392.
[44] Там же. С. 48.
[45] Там же. С. 133.
[46] Там же. С. 208.
[47] Там же. С. 224.
[48] *Дятчин Н.И.* Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. Барнаул, 2008. С. 7, 8.
[49] *Акулов М.Р.* Сибирский тыл в 1941—1945 гг. // Сибирь в Великой Отечественной войне: (материалы конф., посвящ. 30-летию победы в Великой Отечественной войне). Новосибирск, 1977. С. 192.
[50] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). С. 136.
[51] *Парамонов В.Н.* Россия в 1941—1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999. С. 246.
[52] Подсчитано автором.
[53] *Бикметов Р.С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929—1956 гг.). Кемерово, 2009.
[54] *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 82.
[55] Подвиг земли богатырской: (Сибирь в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.). М., 1970. С. 55, 56.
[56] *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 163.
[57] *Вознесенский Н.А.* Указ. соч. С. 77.

[58] *Елизаров И.В.* Деятельность партийных организаций по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Томск, 1979. С. 187, 188.
[59] *Алексеев В.В.* Трудовой подвиг энергетиков Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь в Великой Отечественной войне: (материалы конф., посвящ. 30-летию победы в Великой Отечественной войне). Новосибирск, 1977. С. 201.
[60] *Жимерин Д.Г.* Развитие энергетики СССР. М.; Л., 1960. С. 91.
[61] *Серазетдинов Б.У.* Югра в годы войны, 1941—1945. Екатеринбург, 2005. С. 56.
[62] Подвиг земли богатырской. С. 215. *Гущин Н.Я., Пановский Л.С.* Вклад колхозного крестьянства Западной Сибири в обеспечение страны продовольствием и сырьем // Трудящиеся Сибири — фронту: к XXX-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1975. С. 161. Примечание автора: есть разногласия в цифрах в работе «Подвиг земли богатырской» (М., 1970).
[63] *Васильев Ю.А.* Тюменские коммунисты в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Тюмень, 1962. С. 30.
[64] *Серазетдинов Б.У.* Югра в годы войны, 1941—1945. С. 74.
[65] Там же; ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1132. Л. 5.
[66] Подвиг земли богатырской. С. 215.; *Гущин Н.Я., Пановский Л.С.* Указ. соч. С. 161. Примечание автора: есть разногласия в цифрах в работе «Подвиг земли богатырской».
[67] *Серазетдинов Б.У.* Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР, 1941—1945 гг. М., 2010. С. 234.
[68] *Гущин Н.Я., Пановский Л.С.* Указ. соч. С. 153.
[69] Там же. С. 161.
[70] *Акулов М.Р.* Указ. соч. С. 195.
[71] Там же. С. 195.
[72] *Плесовских А.П.* Указ. соч. С. 220.
[73] *Серазетдинов Б.У.* Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. С. 227.

А.А. Иголкин

О ПРОЕКТЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НА 1943–1957 ГГ.

На архивных материалах в статье анализируются этапы разработки Госпланом 15-летнего плана развития народного хозяйства, реальность плановых наметок по отраслям (тяжелой промышленности, товарам народного потребления, образования, жилищного строительства в городе и деревне).

Ключевые слова: план, базовые потребности, тяжелая промышленность, культурно-бытовые аспекты.

7 февраля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О двадцатилетии Госплана», в котором, в частности, говорилось: «Опубликовать в “Правде” сообщение о том, что Госплан СССР по поручению ЦК ВКП(б) и СНК СССР приступил к составлению генерального хозяйственного плана на 15 лет»[1]. Такое сообщение, естественно, было вскоре опубликовано, и не только в «Правде». В журнале «Плановое хозяйство» № 3 за 1941 г. сообщалось: «Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР, исходя из решения XVIII съезда ВКП(б), поручили Госплану СССР приступить к составлению генерального хозяйственного плана СССР на 15 лет, рассчитанного на решение задачи — перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения — чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и предметов потребления»[2].

Сообщение о разработке весной 1941 г. 15-летнего плана, рассчитанного на длительное мирное развитие страны, не было дезинформацией, оно было призвано еще раз доказать: Советский Союз не хочет ввязываться в мировую войну. На составление проекта плана в Госплане были отвлечены большие ресурсы, работы велись в сверхнапряженном темпе, и к поздней весне 1941 г. появились обширные документы, подготовленные различными отделами Госплана, иногда прошедшие согласование, а подчас и все еще противоречившие друг другу. Сложная предвоенная обстановка не позволила завершить работу над проектом.

Почему в качестве начала 15-летнего плана взят 1943 год, станет понятно, если вспомнить, что третья пятилетка должна была завер-

шиться к исходу 1942 г. И за точку отсчета новых плановых ориентиров чаще всего брались ожидаемые показатели за 1942 г., значительно более высокие, чем реальные за 1940 г. Во второй половине 1940 г. темп экономического развития СССР заметно ускорился, такая же динамика продолжалась и в 1941 г., поэтому, по мнению советских специалистов, можно было ожидать выполнения большинства плановых заданий, намеченных на 1942 г. Особенностью советского планирования был крайне неравномерный ввод готовых объектов, очень значительное их число намечалось к вводу именно на 1942 год, к исходу пятилетки.

В Госплане уже был накоплен определенный опыт долгосрочного планирования. В начале 1941 г. в СССР разрабатывался третий по счету долгосрочный (перспективный) план — после ГОЭЛРО и отвергнутого в самом начале 1930-х годов проекта пятнадцатилетнего плана[3]. Разработанный в период первой пятилетки под руководством Г.М. Кржижановского генеральный план был совершенно нереалистичен, и от идеи долгосрочного планирования надолго отказались.

Какой смысл был в работе по составлению 15-летнего плана накануне войны? Естественно, ни в каких документах ничего не говорилось о «сверхзадаче» плана, однако она была не столько экономической, сколько морально-психологической. Общество должно было увидеть возможное будущее, перспективы кардинального улучшения жизни, поверить в реальность этих перспектив, убедиться в том, что экономика Советского Союза служит интересам всего советского народа, а не достижению призрачной цели «мировой революции» или обеспечению паразитической жизни узкой группы элиты. Основной экономической задачей проекта плана стала установка «перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства». По замыслу его разработчиков, выполнение плана должно было приблизить страну к коммунизму, но «полное преобразование социализма в коммунизм» лежало за рамками планового горизонта[4]. В соответствии с плановыми наметками всего за 15 лет и экономика, и общество должны были перейти на качественно иной уровень, еще не к коммунизму (все понимали, что его достижение нереально, во всяком случае, в близкой исторической перспективе, и задач перехода к коммунизму ни в каких вариантах проекта не ставилось), но к состоянию развитой индустриальной экономики, по основным базовым экономическим показателям — близкой к тому, что было в самых богатых странах Запада, и вместе с тем — иной. Это был Большой Проект альтернативной Западу модернизации (или важнейшая часть такого проекта) и гуманизации жизни всего

населения. Впервые в истории должно было появиться общество, где абсолютно все население имело бы приличное образование, работу, сносное жилище, где никто не испытывал бы недоедания. Первичные, базовые потребности предполагалось удовлетворить у всех социальных групп и создать возможности для личностного роста и такой социально-психологический климат, где развитие любого человека становилось естественным. Между «иметь или быть» выбор однозначно делался в пользу «быть». Итак, обосновывался переход к принципиально новому состоянию страны, что должно было мобилизовать «символические ресурсы» общества, подчеркнуть единство интересов всех групп населения СССР в условиях сложной международной обстановки и очень вероятной большой войны. Проект «прорыва в будущее» предполагал, что сначала следует дать описание реального состояния дел в экономике СССР, затем — желаемого состояния через 15 лет и показать механизм перехода от фактического состояния к будущему. Эти три компонента, в разной степени проработанные, и содержались в документах Госплана.

Открывался проект разделом «Итоги социалистического строительства за двадцать пять лет», то есть с 1917 по 1942 г. Видимо, к этому году намеревались завершить работу над проектом. Справедливо подчеркивалось, что за послереволюционный период в стране произошли колоссальные изменения. Изложение начиналось с характеристики технико-экономического уровня хозяйства дореволюционной России, причем сразу же — с состояния тяжелой промышленности: «Слабо развитая и плохо технически оснащенная тяжелая промышленность России не могла сколько-нибудь уменьшить техническую отсталость народного хозяйства и обеспечить экономическую независимость страны. Машиностроение и металлообработка составляли всего лишь 8,9% всей продукции промышленности, ввозом из-за границы покрывалось около 50% потребности в машинах и оборудовании, 20% каменного угля...»[5]. Тогда, в 1941 г., казалось важным акцентировать то обстоятельство, что царская Россия эксплуатировалась не только собственной элитой («помещиками и буржуазией»), но и Западом. «Иностранная буржуазия выколачивала из трудящихся масс России одних лишь процентов по иностранным займам около 700 млн золотых рублей ежегодно и не менее 200 млн рублей в виде прибылей на капиталы, вложенные в промышленные предприятия и банки»[6]. Цифры чуть «округлялись», но не фальсифицировались.

Напоминается, какой была грамотность населения прежде и ко времени составления проекта; правда, чтобы изменения были более разительны, за точку отчета берется 1897 год (что можно было обосновать проведением переписи именно в том году): «Грамотность населе-

ния в возрасте 9 лет и старше поднялась с 24% в 1897 г. и 50% в 1926 г. до 81,2% в 1939 г.»[7]. Уровень образования в обществе рассматривается как одна из важнейших его характеристик, и на будущие 15 лет именно в этой области будут намечены настоящие прорывы: советское образование должно было стать лучшим в мире. Оно и стало им — как раз к 1957 г., запуску первого советского спутника. Во всяком случае, к такому выводу пришел Конгресс США, выяснявший во второй половине 1950-х годов причины успехов СССР в космосе.

Чтобы показать итоги социалистического развития, сравнения идут преимущественно не с дореволюционным временем, а более поздним, кануном или самим началом периода индустриализации. Например, демонстрируется, как росло производство электроэнергии на душу населения в СССР и наиболее развитых странах Запада.

Среднедушевое производство электроэнергии в 1929 и 1937 гг. (в квт часах)

	1929	**1937**
США	1019	1160
Великобритания	354	626
Германия	433	668
СССР	33	205

Итак, за 8 лет разрыв с Великобританией, например, сократился с 11 до 3 с лишним раза. Фиксируются значительные изменения в технической базе сельского хозяйства. «Удельный вес механических двигателей в энергоресурсах сельского хозяйства, составлявший в 1916 г. лишь 0,8%, к 1939 г. поднялся до 70%. Мощность тракторного парка увеличилась с 278 тыс. лошадиных сил в 1928 г. до 10 102 тыс. лошадиных сил в 1940 г. Парк комбайнов возрос с 2 штук в 1928 г. до 182,2 тыс. штук в 1940 г.»[8]. Однако до полной механизации всех сельскохозяйственных работ, «индустриализации сельского хозяйства» было очень далеко. Откровенно признавалось, что и к началу третьей пятилетки отставание СССР по производству основных видов продукции тяжелой промышленности от ведущих стран Запада в пересчете на душу населения оставалось весьма значительным: «В 1938 г. по расчету на душу населения в СССР производилось меньше, чем в США электроэнергии в 4,7 раза, угля — в 3,7 раза, чугуна — в 1,7 раза, стали — в 2,1 раза»[9].

Чрезвычайно интересна таблица абсолютных показателей среднедушевого производства основных видов промышленной продукции в СССР, США и Германии.

Производство некоторых основных видов продукции в СССР в 1940 г. (по данным Госплана за 1941 г.) и в США и Германии в 1937 г. (в расчете на душу населения)[10]

	СССР	США	Германия
Электроэнергия квт ч	244	1160	723
Топливо (в условных единицах, кг)	1164	6198	3199
Уголь (кг)	778	3480	3329
Нефть (без газа) (кг)	158	1356	—
Чугун (кг)	76	292	234
Сталь (кг)	93	397	291
Прокат (кг)	66	289	208
Цемент (кг)	29	156	186
Х/б ткани (кв. метры)	14,2	61,1	—
Сахар-песок (кг)	11,0	12,1	29,4
Обувь кожаная (пар)	1,05	2,6	1,0

Это отставание намечалось в основном преодолеть, развивая преимущественно тяжелую промышленность, и уже на ее основе — другие отрасли. В СССР завершалось создание индустриальной экономики и индустриального общества — никаких иных («постиндустриальных») тогда в мире не было. А основными приоритетами СССР являлись: 1) выживание страны («сохранение ее идентичности»); 2) экономическое развитие; 3) рост благосостояния всего населения. Очевидно, что опережающий темп развития тяжелой промышленности не мог не стать основой экономической стратегии.

Тяжелая промышленность состоит из нескольких комплексов. При составлении предыдущего проекта генерального плана, в самом начале 1930-х годов, шли жесткие дискуссии в руководстве: что должно стоять на первом месте — топливно-энергетический комплекс или машиностроение, ведь ресурсы-то всегда ограничены. Тогда восторжествовала линия тех, кто ратовал за приоритет, отданный машиностроению. И в 1941 г. вновь подтвердилась эта позиция — особое значение для решения экономических задач, по мнению разработчиков плана, имело машиностроение[11]. В преамбуле проекта Генерального плана («Общих задачах») основные отрасли перечислялись в такой последовательности: машиностроение, металлургия, топливодобыча, электростанции, химия, транспорт, что отражало тогдашнее понимание приоритетов[12]. Снова и снова подчеркивалось: основным рычагом технического прогресса народного

хозяйства является машиностроение. В предлагавшейся структуре работы большим отдельным разделом шло «Развитие новейшей техники в СССР»[13].

На пятнадцатилетие с 1943 по 1957 г. планировался среднегодовой темп роста продукции промышленности в 8,2% — значительно меньше, чем в годы первых пятилеток (в Госплане в апреле 1941 г. полагали, что среднегодовые темпы роста промышленной продукции с 1929 по 1942 г. должны были составить 16%)[14]. В марте 1941 г. на 1957 г. намечались следующие показатели производства в СССР: выплавка чугуна — не менее 65 млн т (в 1940 г. — 14,9 млн т), стали — 85 млн т (в 1940 г. — 18,3 млн т), выпуск проката — 62 млн т (в 1940 г. — 13,1 млн т), добыча каменного угля — 750 млн т (в 1940 г. — 166 млн т), нефти (без газа) — 175 млн т (в 1940 г. — — 31 млн т). Ожидалось, что в пересчете на душу населения в СССР будет производиться больше топлива, чем в Германии и Великобритании, но меньше, чем в США (причем меньше, чем в 1937 г.). Отставание должно было компенсироваться «более рациональным потреблением топлива в СССР»[15].

Откровенно признавалось: «Мобилизация громадных накоплений требует известных жертв со стороны рабочего класса и крестьянства, особенно в первые годы пятнадцатилетия»[16]. Так что легкой жизни никто не обещал; обещали далекую, но вполне достижимую и желанную цель, придававшую смысл мобилизационному развитию и важную часть смысла жизни многим энтузиастам социалистического строительства.

Чрезвычайно важной казалась задача сохранения и упрочения не только экономической самостоятельности, но и отсутствия односторонней технологической зависимости СССР от Запада. В условиях «капиталистического окружения» Советский Союз мог рассчитывать только на самого себя — так считали в руководстве страны. А значит — производить весь ассортимент жизненно важной продукции. «Решение основной экономической задачи будет означать такое увеличение социалистического производства, которое обеспечивает технико-экономическое превосходство нашего государства по сравнению с главными капиталистическими странами и дальнейшее укрепление независимости СССР на основе отечественного производства всех нужных машин и видов промышленного сырья в количествах, целиком обеспечивающих развитие народного хозяйства и накопление резервов. Вместе с тем решение основной экономической задачи будет означать насыщение страны предметами потребления, создание изобилия продуктов и на этой основе полное удовлетворение материальных и культурных запросов трудящихся»[17].

Насколько реальными оказались эти плановые наметки весны 1941 г.? Ни по одному показателю в 1957 г. Советский Союз не вышел — и не мог выйти — на уровень, намечавшийся в начале 1941 г. Помешала война. Поэтому плановые ориентиры и реальное производство основных видов тяжелой промышленности в 1957 г. соотносятся следующим образом: выплавка чугуна — по плану — не менее 65 млн т (в действительности в 1957 г. выплавка чугуна составит 37 млн т); выплавка стали — 85 млн т (в действительности будет 51 млн т); выпуск проката — 62 млн т (на самом деле будет 40 млн т); добыча угля — 750 млн т («по факту» — 463 млн т). И добыча нефти (без газа) — 175 млн т по проекту плана и 98 млн т в реальной жизни[18].

При разработке проекта никак не учитывалась возможность различных сценариев развития событий в мире, прежде всего — участия СССР в большой войне. В современном долгосрочном прогнозировании и футурологии обязательно рассматривается несколько вариантов развития событий в мире — и, исходя из каждого из них, обосновываются различные численные значения отдельных показателей. Так, в Докладе Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего», где анализируется возможное развитие событий до 2020 г., таких вариантов четыре[19].

Война на ряд лет задержала развитие народного хозяйства СССР; уровень производства отдельных товаров в 1940 г. в СССР в реальной жизни будет достигнут или превышен: по чугуну — в 1949 г., по стали — в 1948 г., по прокату — в 1948 г., по углю — в 1947 г., по нефти — в 1949 г.[20] Если считать проект пятнадцатилетнего развития, подготовленный в 1941 г., прогнозом по варианту «мирного развития» и попытаться оценить его точность, то дату 1957 год, на наш взгляд, надо «сдвинуть» — примерно на 7—8 лет. Нормальное развитие затормозила Великая Отечественная война и уж минимум на год — два — война «холодная». С учетом этих обстоятельств интересно посмотреть, насколько планово-прогнозные цифры, разработанные в 1941 г. для 1957 года, были близки к реальным показателям производства в 1966 г. (добавляем девять лет «непредвиденных потерь времени»). Итак, в 1966 г. выплавка чугуна составила 70,3 млн т (108% от наметок, сделанных в 1941 г.), выплавка стали — 96,9 млн т (114% от ожидаемого в 1941 г.), выпуск проката — 76,7 млн т (124% от плана-прогноза), добыча угля — 586 млн т (70% от проектных заданий 1941 г.) и добыча нефти — 265 млн т (151% от намечаемого в 1941 г.)[21]. Как видим, две самых больших ошибки — по углю и по нефти. Перспективы добычи угля в 1941 г. были существенно переоценены, нефти — недооценены. Разумеется, можно спорить, на-

сколько правильно взят для сравнения 1966 год, но если взять показатель за любой из 1960-х годов, то получим то же самое: недооценку перспектив добычи нефти и переоценку угля специалистами Госплана в начале 1941 г.

Можно сказать, что предвоенная энергетическая стратегия не учитывала в должной мере общемировых тенденций (быстрый рост удельного веса нефти и газа в топливном балансе и уменьшение доли угля); ограниченные капиталовложения было бы разумнее распределять иначе, на поиск и создание новых районов нефтедобычи. Проект же 1941 г. отражал прежние стратегические установки относительно развития топливно-энергетического комплекса. В нем намечалось: «В топливном балансе СССР должен значительно повыситься удельный вес торфа, сланцев и газа. Структура топливных ресурсов СССР будет отличаться от США более низким удельным весом нефти»[22].

Отметим, что если общемировая добыча газа быстро росла, увеличивалась его доля в мировом балансе топливно-энергетических ресурсов, то наращиванием добычи торфа, кроме СССР, не занимался почти никто.

К 1957 г. предлагалось довести добычу торфа до 140 млн т[23]; в реальности она составила в 1957 г. 54,9 млн т — и после этого стала снижаться. В 1957 г. добыча торфа в СССР была чрезмерной: на торф приходилось 3,95% в общем балансе потребления топлива в СССР (данные за 1958 г.). Приведя эти цифры, один из крупнейших специалистов в области топливно-энергетических проблем Г.Д. Бакулев писал в 1961 г.: «Мы понесли значительные потери на дровах и торфе — весьма трудоемких и дорогих видах топлива...»[24]. Если добычу угля намечали довести к 1957 г. до 750 млн т (в 1940 г. добыли 166 млн т), то это означало, что доля угля в топливном балансе должна была еще возрасти, а нефти — уменьшиться. Долю нефти в топливно-энергетическом балансе не собирались увеличивать отнюдь не потому, что ожидали истощения запасов. В Госплане полагали, что по геологическим запасам нефти СССР занимает первое место в мире, эти запасы составляли, по оценке Госплана, 8 млрд т, правда, разведанных было гораздо меньше — 480 млн т[25]. В области добычи нефти задавались следующие ориентиры: добыча нефти (без газа) в 1957 г. составит 175 млн т, что в 4 раза превысит уровень 1942 г. и составит 56% от уровня США. При этом следует иметь в виду, что в СССР значительно меньше нефтепродуктов будет расходоваться для парка автомобилей и более рационально использоваться нефтяные ресурсы по сравнению с США, где сравнительно большое количество нефти употребляется в качестве топлива[26].

Если намеченные на 1957 г. 175 млн т нефти, по мнению разработчиков проекта плана, означали четырехкратный рост по сравнению с 1942 г., значит, в 1942 г. ожидалась добыча 43,75 млн т (почти в полтора раза больше, чем в 1940 г.). Для 1942 г. это было совершенно нереально (даже в мирных условиях), однако плановиков не смущало: ведь по третьему пятилетнему плану, утвержденному на XVIII съезде ВКП(б), к 1942 г. добыча нефти (вместе с газом) должна была составить 54 млн т[27].

В США основным нефтепродуктом уже тогда был автомобильный бензин. Какое количество автомобилей Госплан намечал произвести к 1957 г.? По поводу того, сколько именно в 1957 г. в СССР должно быть автомобилей, два отдела Госплана имели совершенно разное представление. Особенно велик был разрыв по оценке ожидаемого числа легковых автомобилей. По варианту отдела автотранспорта и автодорожного хозяйства намечалось к 1957 г. автомобильный парк довести до 8—9 млн автомобилей (в 1940 г. — 1050 тыс.), из них легковых — 2—3 млн (в 1940 г. — менее 100 тыс.). По варианту отдела машиностроения парк автомобилей к 1957 г. намечалось довести до 30 млн штук, из них 25 млн — легковых[28].

В Госплане полагали, что в 1957 г., наряду с бензином и дизтопливом, автомобили будут работать «на местных видах топлива (дровах, торфе, угле, брикетированном топливе)»[29]. По проекту Генерального плана намечалось: «В целях экономии жидкого топлива и разгрузки транспорта перевести к 1957 г. три четверти всего тракторного и автомобильного парка в сельском хозяйстве на газогенераторное топливо»[30], то есть брикеты и дрова. Добыча нефти (без газа) на душу населения в 1940 г. составляла в СССР 158 кг, в США в 1937 г. — 1356 кг[31]. Догнать США по этому показателю казалось абсолютно невозможным. По этой причине очень большие надежды возлагались на искусственное (прежде всего — жидкое) топливо.

В проекте Генерального плана ставилась задача: «Обеспечить развитие промышленности жидкого топлива в широких масштабах на базе кузнецких, канских и черемховских углей»[32]. Кроме того, намечалось строительство «мощных сланцеперегонных заводов в Эстонской ССР, в центральных и волжских районах, в Казахской ССР и в Сибири»[33]. Жидкое топливо из угля должны были производить и на Колыме[34].

Из 175 млн т нефти, добыча которых ожидалась в 1957 г., Азербайджан, по мысли разработчиков плана, должен был дать 70 млн т[35]; в «текущей реальности» в Азербайджане добыто в 1957 г. лишь 16 млн т (в 1966 г. — 21,7 млн т). Остальные 105 млн т в 1957 г. должны были дать другие районы. Какие именно — разработчикам было

не совсем понятно. «Имеются большие перспективы роста запасов по Ухтинскому району, а также возможны новые нефтеносные районы в Ленинградской области, центральных районах (Горьковской, Ивановской и др. областях), в Калмыцко-Сальской степи, Западной и Восточной Сибири и Якутской АССР»[36]. В такой редакции план-прогноз выглядит как «гадание на кофейной гуще».

Район Ухты, где добычей нефти занимались заключенные, считался особо перспективным: в перечне новых районов нефтедобычи он выходил на первое место, «Второе Баку» — лишь на второе[37]. В районе Урала, к которому относилась Башкирия, основной регион нефтедобычи «Второго Баку», в 1957 г. собирались добыть 20—22 млн т нефти[38]. Этот показатель в действительности через 16 лет после 1941 г. будет значительно превзойден.

Утилизация попутного нефтяного газа в СССР тогда (как и гораздо позже) была небольшой. Но намечалось оригинальное его использование: «Спирт из отходов нефтяных газов в несколько раз дешевле спирта из картофеля и в 6—9 раз дешевле спирта из зерна»[39]. Эта идея не была заброшена — и в 1956 г., на XX съезде КПСС, было доложено, что в Сумгаите приступили к производству спирта из нефти[40]. Но большая часть попутного газа все еще сжигалась[41].

Намечались существенные сдвиги в размещении нефтепереработки — из Закавказья (где намечалось перерабатывать лишь 24% от всей добываемой в стране нефти) в другие районы СССР (эти районы не уточнялись)[42].

Что касается нефтепереработки, то намечалось довести мощности по крекированию до 100 млн т — но без каких-либо подробностей[43].

Итак, развитию тяжелой промышленности в проекте уделено больше всего внимания. Отдельным разделом выделялась электрификация народного хозяйства.

В проекте Генерального плана весной 1941 г. намечалось довести производство электроэнергии в СССР к 1957 г. до 310 млрд квт часов (в 1940 г. — 48 млрд квт часов), что должно было позволить обогнать по этому показателю США[44]. Фактически в 1957 г. произвели 210 млрд квт часов, в 1966 г. — 545 млрд квт часов. США по этому показателю догнать не удалось, но ФРГ в 1966 г. опережали ровно в 3 раза. На душу населения электроэнергии производили вровень с Францией и значительно больше, чем в Италии[45]. В 1941 г. намечалось к 1957 г. в 15 раз увеличить длину электрифицированной сети железных дорог; при этом отмечалось, что себестоимость 1 тонно-километра перевозок при использовании электровозов в 4,5 раз меньше, чем при паровозной тяге[46]. Фактически к 1966 г. про-

тяженность электрифицированных железных дорог увеличилась по сравнению с 1940 г. в 14,2 раза[47]. Опять — удивительно точный план-прогноз. В проекте Генерального плана намечалось соорудить Куйбышевскую, Чебоксарскую, Балаковскую ГЭС на Волге и ГЭС на реке Ангаре[48]. И эти планы были перевыполнены; правда, многие ученые полагают, что строительство каскада ГЭС на Волге не было оправданным: слишком велики оказались экологические потери. Да и просто жаль красоты затопленных заливных лугов.

Но в проекте Генерального плана говорилось не только о развитии тяжелой промышленности. Были приведены показатели среднедушевого потребления населением основных продовольственных товаров и намечено их резкое увеличение к 1957 г. Страна оставалась бедной, и, как в любой бедной стране, в структуре потребления преобладали продовольственные товары; на них в начале 1940-х годов приходилось 67% фонда потребления. К 1957 г. эта доля должна была уменьшиться до 61%[49]. Каким на самом деле было среднедушевое потребление мяса в СССР в 1937 г., в Госплане точно не знали. В разных частях еще не сведенных воедино документов можно встретить и потребление в 15,7 кг[50], и в 18,3 кг[51]. Но на 1957 г. дружно намечали 62 кг[52]. Фактически в 1966 г. потребление «мяса, сала и птицы, включая субпродукты» будет составлять 44 кг на душу населения[53]. На уровень среднедушевого потребления мяса в 62 кг удается выйти лишь к 1985 г. (причем опять «включая сало и субпродукты»)[54], к 1989 г. этот показатель составлял 67 кг в год, причем по России он был несколько выше, чем по СССР в целом. Собственное производство дополнялось импортом. По показателю среднедушевого реального потребления молока и молочных продуктов в 1937 г. в Госплане разночтений не было — 134 л. К 1957 г. намечали довести этот показатель до 420 л[55]. Фактически в 1966 г. удается обеспечить на каждого жителя страны в среднем 260 л, к 1989 г. — до максимального уровня за всю историю страны — 363 л[56]. Дальше началось падение: в 1989 г. в РСФСР было произведено 55,7 млн т молока, в 1995 г. — 39,2 млн т, в 2006 г. — 31,4 млн т[57]. Несмотря на импорт, среднедушевое потребление имело примерно ту же динамику. Среднедушевое потребление яиц за год в 1937 г. составляло всего-то 43 штуки. К 1957 г. намеревались выйти на уровень 360 штук[58]. Фактически в 1966 г. потребление составляло 132 штуки, в 1988 г. — 275 штук (максимальное значение за всю историю)[59]. Осталось недостижимой мечтой выйти на среднедушевое потребление фруктов в 70 кг в год вместо 19 кг в 1937 г.[60] Выше 47 кг в 1986 г. этот показатель никогда не поднимался[61]. А вот по потреблению сахара плановые наметки удалось выполнить: в 1937 г. годовое потребление этого продукта составлял 14,5 кг, к 1957 г. надеялись

выйти на 36,5 кг[62]. Фактически в 1966 г. среднедушевое потребление сахара составляло 35,3 кг, а уже в 1966 г. — 36,7 кг[63]. В целом проект заданий по потреблению основных продовольственных товаров оказался гораздо менее точным, чем по производству продукции тяжелой промышленности. Почти по всем показателям даже к 1966 г. далеко не дотягивали до планов на 1957 г.

Что касается промышленных товаров народного потребления, то в 1966 г. появились товары, которых не было в 1941 г., или почти не было, или они были качественно иными: телевизоры, стиральные машины, пылесосы, холодильники, радиолы, индивидуальные автомобили, совсем другие радиоприемники, фотоаппараты, мотоциклы, продукция бытовой химии и многое другое. Их появление предвидеть было невозможно — и, естественно, плановых заданий по их производству не разрабатывалось. В 1941 г. планировали задания лишь по потреблению тканей, кожаной обуви, мыла, мебели и предметов бытового обихода.

По потреблению тканей всех видов плановые наметки были очень существенно завышены; в меньшей мере это относится и к кожаной обуви: к 1957 г. надеялись довести ее потребление до трех пар в год (вместо одной пары в 1937 г.), фактически в 1966 г. потребление кожаной обуви вышло на уровень 2,6 пары в год на человека. Мыла намечалось производить аж 11,5 кг на человека; незадолго до войны его было недостаточно — 3 кг, но с развитием индустрии моющих средств задача стала решаться иначе[64]. И хотя о появлении перечисленных выше новых товаров никто не догадывался, намечалось серьезное изменение структуры потребления непродовольственных товаров в пользу уже существовавших в 1941 г. «предметов культуры». Даже в начале 1940-х годов в СССР на «предметы культуры» (книги, радиоприемники, музыкальные инструменты, фотоаппараты, предметы спорта и т.п.) приходилось не более 1% потребительских расходов. К 1957 г. объем потребления «предметов культуры» должен был возрасти (по проекту Генерального плана) в 10 раз, гораздо быстрее, чем по тканям и одежде (в 4,5 раза), обуви (в 3 раза), продуктам питания (в 2,5 раза), мебели и предметам бытового обихода (в 4 раза)[65]. За 15 лет, к 1957 г., намечалось увеличить выпуск научно-технической и медицинской литературы в 16 раз, художественной литературы — в 10 раз, детской — в 8 раз, общественно-политической и сельскохозяйственной — в 7 раз, учебников для школ и вузов — в 4,5 раза. Тираж газеты «Правда» предполагалось довести до 12 млн экземпляров, «Известий» — до 10 млн экземпляров, «Комсомольской правды» — до 3 млн экземпляров. Кроме того, должна была издаваться воскресная массовая газета тиражом в

15 млн экземпляров[66] (в реальной жизни такой газетой станет «Неделя»). Общий тираж издаваемых в СССР книг к 1957 г. намечалось довести до 5,6 млрд экземпляров, по 24 экземпляра на человека![67] Цифра поразительная, если учесть что в 1940 г. было произведено 462 млн экземпляров — в 12 раз меньше. Однако в 1966 г. удалось выпустить лишь 1260 млн экземпляров, 22,5% от наметок 1941 г., по 5,5 экземпляров на человека[68]. Книги были остро дефицитными — и оставались такими до конца советской эпохи. По показателю выпуска книг плановые наметки оказались выполненными хуже, чем по любому другому показателю. Резкое замедление темпов роста началось после 1953 г.: в 1950 г. выпуск книг составил 821 млн экземпляров (178% от уровня 1940 г. — и это после войны); в 1953 г. — 961 млн экземпляров, в 1960 г. — 1240 млн, в 1965 г. — 1279 млн. Иными словами, за 12 лет, с 1953 по 1965 г., выпуск книг увеличился на 33%, с 1960 по 1965 г. — не менялся, а на душу населения — уменьшался. Автор ни в коем случае не утверждает, что это было сознательной политикой послесталинского руководства. Просто таковы сухие статистические данные. Годовой тираж газет с 7,5 млрд экземпляров в 1940 г. намечалось поднять до 45 млрд в 1957 г. Телевизоров в начале 1941 г. в СССР у населения не было, и предполагалось, что люди станут гораздо больше читать. Фактически в 1966 г. было напечатано 24,5 млрд газет и около 2 млрд экземпляров журналов[69]. Советский народ, и в самом деле, стал одним из самых читающих в мире.

Будущие читатели, для которых в начале 1941 г. планировался выпуск книг, журналов и газет, должны иметь гораздо более высокий уровень образования — так считали в Госплане. Чтобы перейти к качественно новому состоянию экономики и общества, требовалось вложить огромные ресурсы в массовое образование на всех уровнях — от школьного до послевузовского, создать систему непрерывного повышения квалификации и уровня общей культуры. По проекту Генерального плана намечалась «организация ежедневной двухчасовой учебы трудящихся без отрыва от производства»[70]. Прекрасная задумка, выполнить которую, к сожалению, так и не удалось. Ставилась задача — минимум: «Все трудящиеся в возрасте от 18 до 40 лет к 1957 году должны иметь образование не ниже семилетки». В средней школе намечался переход к одинадцатилетке[71]. Такой эксперимент будет поставлен в 1960-х годах, но в том же десятилетии от него откажутся. Численность студентов высших учебных заведений, обучавшихся на дневных отделениях, намечалось увеличить с 547,2 тыс. в 1937 г. и 558 тыс. в 1940/41 учебном году до 800 тыс. в 1957 г. Фактически уже в 1950/51 учебном году таких студентов станет 818 тыс., а в 1957/58 г. — 1193 тыс. чел.[72] Таким образом, плано-

вое задание по этому важнейшему показателю было существенно перевыполнено уже к 1957 г. Менялись «исторические вызовы» — и руководство страны старалось на некоторые из них ответить.

В годы довоенных пятилеток рост городского населения, вызванный потребностями индустриализации, не сопровождался — и не мог сопровождаться — соответствующим жилищным строительством. Ресурсов не хватало — чаще предпочитали строить новые цеха, а не жилые дома. «Квартирный вопрос» был чрезвычайно острым, а, точнее, даже не «квартирный» (отдельных квартир у городских семей почти не было), а «жилищный». К 1957 г. намечалось увеличить норму жилой площади на душу городского населения до 7 кв. м (против 5,0 кв. м в 1940 г.) и обеспечить «в основном» каждую семью отдельной квартирой. В городах и рабочих поселках за 1943—1957 гг. намечалось построить 435 млн кв. м жилья, в результате городской жилищный фонд должен был возрасти до 735 млн кв. м[73]. Фактически городской жилищный фонд в 1966 г. составлял 1290 млн кв. м, из них обобществленный — 854 млн кв. м (речь в 1941 г. шла именно о нем)[74].

Если еще можно спорить с тем, что существовавшее в СССР общество являлось эгалитарным, то уж господствовавшее мировоззрение было точно эгалитаристским. Или иначе: идеалы равенства были более значимы, чем идеалы свободы, — картина, характерная для всей русской истории. В ходе модернизации в XX в. в СССР, в Китае, в Индии, в Мексике прослеживается общая закономерность: городское население живет лучше, чем сельское. Ряд историков вполне обоснованно полагает, что во времена промышленной революции в Англии этого не было, тогда сельское население жило лучше городского пролетариата; но в XX в. ситуация изменилась. Бесспорно, что советские крестьяне накануне войны жили заметно хуже горожан. Поэтому в проекте Генерального плана ставились такие задачи: «Имеющиеся еще различия в уровне потребления сельского и городского населения будет изжито. Потребление предметов промышленного производства сельским населением по объему и структуре сравняется с потреблением городского населения. Резко возрастет и приблизится к уровню городского населения потребление таких товаров как книги, газеты, спортивные принадлежности, радиоаппаратура, электроэнергия на бытовые нужды»[75]. Решить эти задачи не удастся, хотя жизнь крестьян после войны улучшится, но их доходы и потребление экономических благ будут ниже, чем в городе.

В проекте плана оставались совсем уж необоснованные мечтания, идущие, как нам кажется, от троцкистской идеологии 1920-х годов. Например: «Многое хозяйство колхозников будет терять свое значение не только в общем балансе сельскохозяйственной продук-

ции, но и для благосостояния самих крестьян»[76]. К сожалению, это было неоправданным «забеганием вперед», и Хрущев еще наломает здесь дров. И уж откровенная фантастика: к 1957 г. намечалось «полностью ликвидировать “религиозные предрассудки”», а также ликвидировать «буржуазные пережитки в отношениях между мужчиной и женщиной»[77]. Если по числу верующих в СССР какие-то статистические оценки еще можно найти, то вот о сохранении — или отсутствии — означенных «буржуазных пережитков» никакой статистики заведомо нет, — категория слишком расплывчата.

Итак, проект Генерального плана остался незавершенным. В августе 1947 г. председатель Госплана, член Политбюро Н.А. Вознесенский написал на имя И.В. Сталина записку, в которой напоминал о работе, проделанной в Госплане в начале 1941 г., и предлагал «приступить к составлению генерального хозяйственного плана СССР», подчеркивая связь этого документа с составлением новой программы ВКП(б). Плановый горизонт Н.А. Вознесенский предлагал расширить до 20 лет, причем за это время не только «перегнать главные капиталистические страны в отношении размеров промышленного производства на душу населения», но и рассчитывать «на построение в СССР коммунистического общества» (что считалось заведомо нереальным в проекте 1941 г.)[78]. Замысел Вознесенского реализован не был, после войны «при Сталине» так и не приняли ни новую программу партии, ни генеральный план развития экономики страны.

Но вот в 1961 г., на XXII съезде окажется принята и новая программа, и включенный в нее проект экономического развития именно на 20 лет, как и предлагал Вознесенский, по истечении которых «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество». Однако уточнялось: «Полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период»[79]. Намечались конкретные показатели производства на 1980 г., например: стали — 250 млн т (фактически окажется 148 млн т), электроэнергии — 2700—3000 млрд квт часов (удается произвести лишь 1294 млрд квт часов). Таким образом, качество планирования заметно снизилось — на наш взгляд, в связи с усилением идеологической составляющей, идущей от «романтиков двадцатых годов» (иными словами — троцкистов). Таким образом, проект Генерального плана весны 1941 г. в части, касавшейся тяжелой промышленности, был весьма профессиональным, в целом соответствующим знаниям об обществе своего времени. Но создать новый комплекс отраслей, обеспечивающих огромный рост благосостояния, в полной мере в СССР не успели. Действовал принцип: сначала — выживание, затем — экономическое развитие, и уже потом — рост благосостояния.

[1] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953. М., 2002. С. 244.
[2] Плановое хозяйство. 1941. № 3. С. 62.
[3] *Иголкин А.А.* Нефтяная политика СССР в 1928—1940-м годах. М., 2005. С. 38—48.
[4] Рос. гос. арх. экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 18.
[5] Там же. Л. 2.
[6] Там же. Л. 3.
[7] Там же. Л. 14.
[8] Там же. Л. 9.
[9] Там же. Л. 6.
[10] Там же. Л. 28.
[11] Там же. Оп. 41. Д. 184. Л. 83.
[12] Там же. Л. 86.
[13] Там же. Оп. 43. Д. 125-г. Л. 2.
[14] Там же. Д. 125-б. Л. 29.
[15] Там же. Оп. 41. Д. 184. Л. 87.
[16] Там же. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 21.
[17] Там же. Л. 19.
[18] Там же. Оп. 41. Д. 184. Л. 87; Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 188, 201, 208.
[19] Россия и мир в 2020 году: доклад Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего». М., 2005. С. 25.
[20] Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 188, 201, 208.
[21] Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 53.
[22] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 32.
[23] Там же. Л. 29.
[24] *Бакулев Г.Д.* Топливная промышленность СССР и эффективность капиталовложений в ее развитие. М., 1961. С. 40, 44.
[25] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 97.
[26] Там же. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 32.
[27] XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 652.
[28] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 6—47.
[29] Там же. Л. 38.
[30] Там же. Л. 156.
[31] Там же. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 28.
[32] Там же. Оп. 41. Д. 185. Л. 5.
[33] Там же. Д. 184. Л. 103.
[34] Там же. Д. 185. Л. 196.
[35] Там же. Л. 206—210.
[36] Там же. Д. 184. Л. 98.
[37] Там же. Л. 102—103.
[38] Там же. Д. 185. Л. 134.
[38] Там же. Д. 184. Л. 70.
[40] Правда. 1956. 21 февр.
[41] Там же. 20 февр.
[42] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 185. Л. 206—210.
[43] Там же. Д. 184. Л. 95.
[44] Там же. Л. 42.
[45] Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 215; Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968. С. 231, 151—155.
[46] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 74.
[47] Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 516.
[48] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 50, 52.

[49] Там же. Л. 180.
[50] Там же. Л. 177.
[51] Там же. Оп. 41. Д. 184. Л. 93.
[52] Там же.
[53] Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 697.
[54] Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990. С. 118.
[55] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 24.
[56] Народное хозяйство СССР в 1987 г. М., 1988. С. 697; Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 118.
[57] Россия в цифрах, 2007: краткий стат. сб. М., 2007. С. 243.
[58] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 93.
[59] Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 118.
[60] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 93.
[61] Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 118.
[62] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 4. Д. 184. Л. 93.
[63] Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 697.
[64] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 178; Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 698.
[65] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 179—180.
[66] Там же. Оп. 41. Д. 184. Л. 175.
[67] Там же. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 212.
[68] Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 870; Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 835.
[69] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 212; Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 832.
[70] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 207.
[71] Там же. Л. 208—210.
[72] Там же. Оп. 41. Д. 184. Л. 197; Народное хозяйство СССР в 1958 году. С. 830.
[73] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125-б. Л. 185.
[74] Народное хозяйство СССР в 1967 г. С. 682.
[75] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 184. Л. 165.
[76] Там же. Оп. 43. Д 125-б. Л. 26.
[77] Там же. Л. 206.
[78] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945—1953. С. 243—244.
[79] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 368.

А.В. Мамаев

СОВЕТ РАЙОННЫХ ДУМ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО Г. МОСКВЫ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ (конец 1917 — первая половина 1918 г.)*

В статье освещается муниципально-хозяйственная деятельность московских большевиков в конце 1917 — первой половине 1918 г., в том числе финансовый аспект. Автор констатирует ее противоречивость: с одной стороны, большевики в своей деятельности руководствовались политико-идеологическими посылками, а с другой — принципом практической целесообразности. Эта противоречивость была обусловлена несоответствием между капиталистической рыночной системой хозяйствования и мощным социальным посылом революции 1917 г.

Ключевые слова: городское хозяйство, городское самоуправление, большевики, Совет районных дум, Москва.

События октября 1917 г. и установление советской власти на местах остро поставили вопрос о радикальной трансформации органов управления городским хозяйством. Если государственный аппарат в соответствии с большевистскими идеями подлежал коренной ломке, то четкой концепции относительно того, что делать с органами самоуправления, управлявшими местным хозяйством, не было.

Московская городская дума, по политическим мотивам отказавшаяся признавать новую власть и участвовавшая в сопротивлении, в конце октября — начале ноября 1917 г. достигла высшей степени политизации своей деятельности. Между тем, круг ее компетенции охватывал хозяйственные, а не политические вопросы. 5 ноября 1917 г. она была распущена ВРК. 8 ноября Московским Советом рабочих депутатов был созван Совет районных дум, где был поставлен вопрос о выборе какого-либо временного органа самоуправления

* Статья подготовлена в рамках Программы ИОФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов», проект «Российский город в условиях революционных потрясений и трансформаций: 1917 — начало 1920-х гг.».

вместо распущенной городской Думы: было принято решение о том, что «Думу заменяет Совет районных дум, Управу — Бюро Совета районных дум»[1].

Собиравшийся с 8 ноября 1917 г. распорядительный орган — Совет районных дум — состоял из представителей 13 районных дум и управ г. Москвы, без участия еще 4 районных дум, в которых преобладали кадеты. После принятия Советом на себя заведования всем городским хозяйством представители оппозиционных партий бойкотировали его, в результате чего в члены нового муниципального органа были избраны только представители большевистских фракций районов.

Председателем самого Совета районных дум и сформированного им исполнительного органа — Бюро — был избран доктор М.Ф. Владимирский. Согласно Временным Основным положениям по управлению городским хозяйством, Бюро состояло из отдельных членов, каждый из которых заведовал определенной отраслью городского хозяйства, управлял деятельностью соответствующего отдела бывшей городской Управы. Вопросы, касавшиеся изменения компетенции, реорганизации отделов, порядка и размеров поступления доходов, оплаты расходов, пользования городским имуществом, заключения договоров, предметы, затрагивавшие интересы нескольких отраслей городского хозяйства, решались общим присутствием Бюро Совета[2].

Заведующим больничным отделом стал доктор Н.А. Семашко, заведующим отделом народного образования — бывший помощник члена городской Управы А.И. Пискунов, заведующим отделом городских предприятий — инженер П.Н. Мостовенко, зав. отделом социального обеспечения — доктор В.А. Обух, зав. отделом беженцев, отделом городских земель и арендных статей — член районной Управы Н.К. Гончаров, зав. делами бывшего 8 отделения (пожарная команда, милиция, казармы) — председатель Пресненской районной Управы В.М. Лихачев, заведующим финансовой частью стал председатель Петровской районной Управы Е.Л. Афонин, заведующим отделом топлива — А.И. Вейсман. В состав Бюро вошли председатель Сущевско-Марьинской районной Управы присяжный поверенный М.В. Камаринец и председатель Калужской районной Управы помощник присяжного поверенного И.Б. Фрадкин (Б. Волин), на которых было возложено выполнение специальных поручений, заведывание отделом районных управ. В Бюро были включены представители Центрального Союза городских рабочих и служащих, как указывал Е.Л. Афонин, «для активной работы на местах»: В.И. Самарин, Г.А. Пискарев, А.А. Андрюшин, А.Н. Телешов, Левит, Н.А. Луданов, Д.Ф. Томкевич. Позднее в состав бюро вошел

Г.А. Шкловский, в качестве помощника зав. отделом предприятий. Должность секретаря Бюро сохранил бывший секретарь городской Управы А.Я. Никитин, секретарской работой в Бюро занималась Е.А. Шнеерсон[3].

Структура бывшей Московской городской Управы была сохранена, ликвидировались отдел по ревизии лазаретов, по выборам (передавался в статистический отдел), фондовый отдел передавался в состав кредитного. Бюро Совета районных дум провозгласило «широкое проведение демократического принципа — привлечение к самодеятельности муниципальных работников, не ограничивая участия их в городских делах только функциями исполнительными»: на этих началах преобразовывался Главный контроль, больничное, училищное отделения, отдел труда и быта[4].

Состав Совета районных дум как органа городского самоуправления и круг его полномочий был сформирован с нарушением существовавших к тому времени законов, принципов демократизма, чрезвычайным революционным путем, из представителей одной — большевистской партии, при этом Совет унаследовал от старой Управы прежние механизмы управления хозяйством, структуру отделов, их административно-технический персонал. Основной причиной подмены Московской городской Думы и Управы Советом районных дум были острые политические разногласия между большевиками и более умеренными политическими партиями и общественными силами по вопросу о путях дальнейшего развития страны.

В первые месяцы нахождения у власти большевики не имели четкой концепции относительно ближайших перспектив и направлений развития муниципального хозяйства, ясно сформулированных подходов организации управления в муниципальной сфере. Кроме того, при изучении муниципально-хозяйственной деятельности большевиков в рамках Совета районных дум г. Москвы следует учитывать слабость властных позиций большевиков в конце 1917 — начале 1918 г., сохранявшийся с дооктябрьских времен в рядах партии определенный плюрализм мнений по практическим вопросам в рамках разделяемой всеми идеологии, противоречивость законодательных основ муниципальной деятельности и предоставленную центром максимальную самостоятельность в решении местных вопросов.

Главная задача, стоявшая перед Советом районных дум в первые месяцы его функционирования, — укрепление власти, установление фактического контроля над аппаратом, персоналом городского самоуправления. После жестоких октябрьских боев в Москве рабочие и низшие служащие городских предприятий и учреждений заявили об отказе признавать существование Московской городской Думы

и исполнять ее указания[5]. Попытки распущенной Думы сохранить контроль за финансами города также не увенчались успехом: поступление платежей в Управу прекратилось, счета муниципалитета были арестованы.

Отсутствие средств, наряду с силовым давлением новой власти и отказом городских рабочих сотрудничать со старой властью, привело к постепенной потере Думой старого состава фактического контроля над всеми предприятиями, муниципальными учреждениями, отделами Управы.

Значительная часть служащих не приняла власть Совета районных дум и 2 декабря объявила забастовку. Как вспоминал Е.Л. Афонин, в результате забастовки в канцеляриях городских отделов «...мы остались одни при двух вновь приглашенных артельщиках... и при трех — четырех конторщиках»[6].

Однако Совет районных дум отказался поддаваться давлению забастовщиков. М.Ф. Владимирский считал, что «Забастовка канцелярских служащих была для нас скорее выгодна. Если бы нам пришлось принять на службу всех служащих бывшей управы, штаты которой при бесхозяйственной эсеровской думе были раздуты до крайних пределов, то наша касса не выдержала бы»[7]. С помощью рабочих, взявших управление предприятиями в свои руки, удалось не допустить окончательного развала различных отраслей городского хозяйства. По воспоминаниям М.Ф. Владимирского: «Еще раздавались в городе отдельные выстрелы, а рабочие трамвая, под руководством правления союза городских рабочих, без помощи своих инженеров, которые первыми начали саботаж служащих, исправляли пути, прокладывали провода и, к изумлению буржуазной Москвы, на другой день возобновили трамвайное движение»[8]. На бастовавших было оказано силовое воздействие: некоторые из них подвергались арестам, обыскам, суду революционного трибунала, выселялись из квартир, переданных им городом на время службы, лишались наградных, права ездить на передней площадке трамвая[9]; а также материальное давление: за выход из забастовки служащим обещались различные льготы, увеличение жалованья.

К началу февраля 1918 г. власть большевиков в городе укрепилась. Стало очевидно, что дальнейшее ненасильственное противодействие новой власти со стороны муниципальных служащих и остатков городской Думы и Управы бессмысленно. 11 марта 1918 г. на собрании служащих стачка была объявлена ликвидированной без всяких условий[10]. Достичь своих целей служащим не удалось, более того, просидев несколько месяцев без жалованья, многие из них оказались уволенными с городской службы.

В конце 1917 — начале 1918 г. сформированному изначально на непродолжительный срок Московскому Совету районных дум удалось организационно оформиться, укрепить власть в борьбе с городскими служащими и старым составом городской Думы и Управы, установить контроль над городским хозяйством.

По мере укрепления позиций организованных большевиками органов по управлению городом, на первый план выходили финансовые проблемы. Как воспоминал Е.Л. Афонин: «Мы очутились буквально у разбитого корыта. Стальная кладовая Городской думы, хотя и была заперта, но нам было известно, что она пуста, а рабочим не было уплачено почти за 2 месяца; солдатки тоже бродили целыми толпами, значит, денег нужно было много...» В первые месяцы существования Совета районных дум дефицит средств был особенно острым и покрывался за счет экспроприаций из московского отделения Государственного банка и займов у государства. «...Почти каждый день, с различными вариациями, производились выемки по 2—3 млн. руб. ...». Зав. фин. отделом Е.Л. Афонин привозил их в кассу Совета районных дум в мешке, и которые почти тут же раздавались по простым распискам, написанным карандашом. М.Ф. Владимирский вспоминал: «Покойный старик предпочитал ходить в банк без всякой охраны и возвращаться с деньгами на простом наемном извозчике. Раза два нас предупреждали накануне больших выдач ... о готовящемся на Афонина налете. Прибегали в таких случаях к содействию уголовного розыска, расставляли вооруженную охрану у здания думы и по пути к Банку, и тов. Афонин с небольшой охраной шествовал в Банк. Раз удалось накрыть нескольких бандитов у самого здания думы»[11]. «На одиннадцатом миллионе, кажется, тов. Пятаков из Петрограда санкционировал нам заем в 20 млн. руб., на каковую сумму и выдано нами было векселей с договорным обязательством о процентах и сроке уплаты», — вспоминал Е.Л. Афонин. Заем из 8% годовых Совет районных дум был обязан вернуть в двухмесячный срок[12]. 22 декабря при помощи Московского губернского комиссара Штернберга Совету удалось получить из Губернского казначейства в счет открытого кредита старой Московской городской Думы 1 млн. руб. (500 тыс. руб. были возвращены 3 апреля 1918 г.[13]). В конце декабря 1917 г. эти средства закончились, и Совет районных дум вновь прибег к выемкам из Госбанка. «Все наши выемки из банка и казначейства к 1 января выразились в сумме 38 млн. руб.». Экспроприации из Госбанка носили вынужденный характер, «...если бы какому-нибудь трезвому политику пришло на ум предложить другой метод финансирования в тот период времени, то вряд ли нам удалось бы переплыть бурные волны октября... другого выхода не было и его никто не осмелился предлагать», — считал Е.Л. Афонин[14].

Наиболее актуальным в конце 1917 г. был не только вопрос о том, какие налоги следует ввести для сбалансирования доходов и расходов и прекращения «экспроприаций» из Госбанка, но и проблема, как собрать с населения суммы по уже действовавшим налогам. Повышенный 21 ноября 1917 г. с 10% до 20% доходности (или с 1% до 2% стоимости) городской оценочный сбор[15] первоначально не принес существенных средств, так как домовладельцы, лишившиеся по решению советской власти квартирной платы со стороны жильцов, просто не имели возможности его выплатить. В конечном итоге, сохранив оценочный сбор для оставшихся в частной собственности домовладений, в муниципализированных домах Совет перешел к обложению налогом на недвижимость — жилищным сбором — домовых комитетов, которые стали получать квартплату непосредственно от жильцов, минуя домовладельцев. Жилищный сбор представлял собой определенное процентное отчисление с дохода муниципализированных владений, доходность которых превышала 750 руб. в месяц. Таких владений в Москве насчитывалось около 3 500. Процентное отчисление с таких домов в пользу города зависело от престижности района, в котором оно находилось, от наличия канализации, централизованного отопления, времени года[16]. С 1 января 1918 г. упразднялся больничный сбор. Втрое увеличивался сбор за пользование городскими весами[17].

С января 1918 г. Бюро перешло «на сметное хозяйство. Сметы, — вспоминал М.Ф. Владимирский, — представлялись на каждый месяц, по каждому отделу и каждой районной управе, рассматривались и утверждались на общем собрании совета». 26 января 1918 г. для покрытия расходов Совета районных Дум и других советских отделов Московский Совет рабочих и солдатских депутатов установил единовременный подоходный налог в размере полного оклада государственного подоходного налога за 1916 г., половину которого необходимо было уплатить в срок до 1 марта, а остаток — до 1 мая[18]. Как отмечалось в небольшевистской прессе, этот налог ложился тяжким бременем на тех домовладельцев и фабрикантов, которые до Февральской революции имели в связи с войной и жилищным дефицитом большой доход, но к началу 1918 г. его лишились[19].

Предпринятые меры по изысканию средств дали свой результат. По сообщению газеты «Русские ведомости» от 8 марта 1918 г., «За последнее время... значительно усилился приток городских налогов, преимущественно подоходного. За неделю в городскую кассу поступило около 11 млн. руб., не считая поступлений в районах, которые в среднем ежедневно составляют около 400 тыс. руб.». Как утверждала газета, «Усиленный взнос налогов...» вызывался «...по-видимому, установленными недавно штрафами и карами за неуплату...». К началу марта Совету рай-

онных Дум удалось путем повышения трамвайного тарифа до 40 коп. и усиления дисциплины среди трамвайных работников, размер жалованья которых стал напрямую зависеть от размеров выручки, повысить ежедневные трамвайные поступления почти в 2 раза, хотя они не смогли полностью покрыть ежедневные расходы по эксплуатации трамвая[20].

В связи с репрессиями постепенно возобновили арендные платежи в городскую кассу различные предприятия и торговые заведения, муниципализированные владения стали платить наемную плату городу. В начале марта «...внесли арендную плату Верхние торговые ряды, не платившие за декабрь, январь и февраль полностью по ведомости по 89 тыс. руб. за месяц. Внесли деньги товарищество Мюр и Мерилиз — 116 тыс. руб., Охотный ряд — 245 тыс. руб. и др.»[21]. Ряд лиц, не внесших своевременно единовременный городской подоходный налог, были арестованы. В начале марта 1918 г. стали разрабатываться вопросы очередного повышения тарифов городских предприятий: плата за газ, например, была повышена в 1,8 раза[22], сбор с трактирного промысла, взимаемый с ресторанов, буфетов, гастрономов и меблированных комнат, был увеличен в 5 раз[23].

Для взыскания недоимок по городским сборам 16 апреля 1918 г., в соответствии с докладом Е.Л. Афонина, было решено предпринять жесткие меры: при отделе сборов временно создавалась особая комиссия из представителей отдела, которая должна была выбрать из каждой категории сборов 5—10 наиболее состоятельных недоимщиков, после утверждения комиссией списка к должникам применялись такие меры, как закрытие их заведений, предприятий, конфискация имущества, которое передавалось районным управам или Комитету общественного питания[24].

В течение первой половины 1918 г. поступления городских налогов в бюджет г. Москвы постепенно увеличивались: если в январе отдел сборов Совета районных Дум получил 1 537 939 руб. 18 коп., из которых оценочный сбор составил 64%, сборы с торгово-промышленных заведений — 7,5% от этих доходов, то в феврале в отдел сборов поступило уже 2 046 282 руб. 67 коп., в марте — 30 654 621 руб. 89 коп., из них оценочный сбор — 7,7%, сбор с торгово-промышленных заведений — 5%, единовременный городской подоходный налог — 72,6%. В целом, с 12 ноября 1917 г. по 30 июня 1918 г. городские налоги с учетом пени и штрафов принесли в городскую кассу 72 976 727 руб. 58 коп. Однако показатели собираемости некоторых налогов были не на высоте: так, по оценочному сбору было выплачено только 25% от того, что предполагалось получить, сборы с торгово-промышленных заведений удалось получить на 96%, поступления по единовременному городскому подоходному налогу составили 31% от запланированного[25].

Расходы кассы Совета районных Дум в период с 12 ноября 1917 г. по 1 мая 1918 г. составили 125 825 048 руб. 46 коп., в период с 1 мая по 1 июля 1918 г. — 39 554 914 руб. 83 коп. Значительные траты в первый период связаны с выплатой жалованья работникам трамвая, канализационного отдела, водопровода, транспортного отдела, газового завода, городского ломбарда, боен, продовольственного комитета (примерно треть от общей суммы расходов). Сократить расходы во второй период удалось за счет вывода части отделов из компетенции Совета районных дум и городской кассы, перевода городских предприятий в режим самоокупаемости[26].

Результаты работы финансово-податного отдела были противоречивыми: расходы Совета районных дум с 12 ноября 1917 по 30 июня 1918 г. превысили собранные доходы более чем в 2 раза. При обсуждении доклада Е.Л. Афонина о положении финансово-податного отдела бывшего Совета районных дум на заседании исполкома Московского Совета рабочих депутатов 13 июля 1918 г. член исполкома Смирнов заявил, что работа финансово-податного отдела кажется ему неудовлетворительной: «Например, из предполагаемого налога в 150 млн. р., в кассу поступило только 40 миллионов... Надеяться на безнедоимочный взнос налогов можно только имея силу в руках. Такой силы у финансово-податного отдела нет». Е.Л. Афонин заметил, что часть расходов муниципалитета была произведена на общегосударственные нужды и поэтому «можно потребовать от центральной власти возмещения расходов», бывший председатель Совета районных дум член Президиума Моссовета М.Ф. Владимирский поддержал Е.Л. Афонина, указав, что «ни один город, ни один Совет не существует на свои средства, за исключением Моссовета. Нигде налоговая система не развита так, как в Москве... что касается дефицита, то все города еще до революции работали с дефицитом... В период слияния Бюро Совета районных дум и Моссовета, конечно, произошла заминка и расстройство в делах, как и должно быть...»[27].

Несмотря на плачевное финансовое положение, финансовому отделу Совета районных дум сравнительно быстро удалось возобновить взимание налогов. Если раньше возможность введения новых налогов муниципалитетами жестко ограничивалась Городовым положением 1892 г., положением Временного правительства о городских финансах от 29 сентября 1917 г., то после Октябрьской революции появилось гораздо больше возможностей для расширения налоговой базы (на основе решений местных советов). Например, не предусматривавшийся в законодательстве дооктябрьского периода единовременный городской подоходный налог должен был дать Москве существенную сумму: около 150 млн. руб., т.е. больше, чем вся сумма доходов, которую в начале 1917 г. Московская городская Дума пред-

полагала получить в свое распоряжение за 1917 г., однако показатели собираемости налогов, несмотря на предпринятые жесткие меры, были низкими. В то же время усилилась финансовая поддержка Москвы со стороны центральной власти, не заинтересованной в финансовом коллапсе московского городского самоуправления.

После укрепления позиций Совета районных дум в борьбе с бастовавшими служащими и появления финансовых средств постепенно стало налаживаться функционирование отделов. Как фиксировалось в анкете Совета районных дум, составленной в декабре 1917 г. со слов В.А. Обуха, «Работа налаживается, хотя очень трудно. Низшие служащие работают, часть высших тоже, часть высших набрана вновь». Отделы пайка, снабжения армии, как отмечалось, к тому времени успешно работали, «училищный отдел почти функционирует». Острый недостаток во «врачах-социалистах», сестрах милосердия, фельдшерах испытывал медико-санитарный отдел, отдел боен нуждался в ветеринарных врачах, а отдел топлива, ведавший распределением топлива по Москве, — в высококвалифицированных бухгалтерах и конторщиках с рекомендациями[28].

Одним из наиболее важных отделов, начавших свою деятельность в ноябре — декабре 1917 г., от которого зависело благополучие всего городского хозяйства, был отдел городских предприятий. Заведующий отделом П. Мостовенко так рисовал ситуацию анархии, сложившуюся в муниципальных предприятиях: «Все отношения прежнего Управского аппарата к своим рабочим и служащим покоились на двух основах: своего бессилия воздействовать на рабочих и на попытках заменить твердую власть демагогическим прислуживанием по отношению к отдельным группам и категориям рабочих». П. Мостовенко отмечал «громадное переполнение предприятий служащими и рабочими. В некоторых службах управские доклады констатировали переполнение в 2,5 раза против самых либеральных норм...», «пестроту в области зарплаты и других профессиональных условий труда», притом, что «...ничто так не понижает охоту работать, а значит производительность труда, как один уже слух, что кто-то на ином положении, кому-то оказывается преимущество...».

«В ноябре — декабре мы в сущности не имели трамвая как единого стройного организма, а имели ряд парков, участков и мастерских, ведших чуть ли не вполне самостоятельную самоуправляющуюся жизнь... все это до толкования отдельными парками получавшейся в них ежедневной выручки как своей собственности и до фактического распоряжения ей»[29].

Основными направлениями работы отдела стала «ликвидация переполнения штатов», введение «в определенные рамки всех не-

обычных... прибавок к заработной плате» и установление «более или менее стройной шкалы расценок отдельных видов и категорий труда». Прежняя централизация кассы, когда доходы каждого предприятия изымались в одну общую кассу и затем распределялись в зависимости от потребностей, в условиях финансового кризиса приводила к тому, что «...Центральная касса начинала высасывать доходы предприятия, не покрывая разрешенных им кредитов на ремонт, задерживая или прекращая оплату счетов подрядчиков и, наконец, с естественной необходимостью все это завершалось тем, что доходное раньше предприятие доходило до полного технического и хозяйственного развала и само начинало сосать». Под руководством П. Мостовенко в отделе был введен более гибкий финансовый аппарат. Сборы и доходы стали поступать в кассу отдельного предприятия, из которой предприятие покрывало свои расходы в рамках сметы[30]. Для того чтобы получить средства из кассы предприятия, центральная касса должна была представить мотивированное заявление в отдел городских предприятий, который и решал, имеется такая возможность или нет[31].

До середины 1918 г. существенных изменений в положении городских предприятий добиться не удалось. При некотором увеличении выручки трамвая за счет повышения тарифа, число вагонов, выходивших на линии, упало с 600 до 500, что, по мнению П. Мостовенко, было «результатом полного разложения... в службе движения и подвижного состава». Запасы топлива не превышали 4—5 дней. Водопровод наладил работу, начали проводиться мероприятия по прокладке новой ветки, строительство железнодорожной линии к водонасосной станции для того, чтобы перевести ее на дрова, хотя топливом водопровод был обеспечен на полгода. Продолжали функционировать канализация и газовый завод. При отделе городских предприятий был организован огородный отдел, названный П. Мостовенко «оазисом среди наблюдающегося повсюду развала и неурядицы». Площадь собственных огородов составила свыше 700 дес., еще около 1 000 дес. возделывалось при «деятельном участии и под техническим контролем» отдела[32].

От Московской городской Думы Совет районных дум унаследовал руководство более чем 300 городскими учебными заведениями, число которых еще более увеличилось за счет принятия в ведение муниципалитета бывших земских школ в пригородах[33]. После преодоления забастовки служащих отдел народного образования приступил к реформированию учебной системы. Как отметил в своем докладе зав. отделом А.И. Пискунов, были упразднены заведующие и заменены коллегиями, куда вошли представители Советов, рабо-

чих организаций, введено светское и смешанное обучение, организованы летние школы как первый этап перехода к единой трудовой школе, в хлебных губерниях был организован ряд летних колоний для детей из городских приютов[34], в июне 1918 г. в ведение отдела был передан организованный при Комитете Московского учебного округа Пролетарский университет[35].

В ноябре 1917 г. совместно с Моссоветом Совет районных дум стал проводить активную жилищную политику, взяв на себя руководство домовыми комитетами, которые должны были организовываться в каждом домовладении, регулировать взаимоотношения между собственниками домов и квартирными, комнатными жильцами, прислугой, содействовать муниципалитету в деле осуществления его задач[36]. Вскоре одна из таких задач была определена. 29 ноября 1917 г. Президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов издал обязательное постановление о муниципализации недвижимых имуществ, согласно которому управление недвижимостью передавалось в руки домовых комитетов. Наемную плату, раньше платившуюся домовладельцам, жильцы должны были вносить в домовые комитеты, которые получали право оставлять до половины собранной суммы «на покрытие расходов по содержанию недвижимостей», а оставшуюся часть — отдавать в кассу Совета районных дум, что лишало домовладельцев доходов и отстраняло от управления своими домами[37]. Из 28 тыс. домовладений в подчинение Совета районных дум переходили более 4 тыс.[38] В декабре 1917 г. в целях координации и управления деятельностью домкомов началась организация жилищной комиссии при Совете районных дум, в каждой районной думе формировались районные жилищные советы[39].

В декабре 1917 г. началась передача в собственность муниципалитета находившегося в Москве имущества дворцового ведомства, за исключением Кремля, оставшегося в государственной собственности под управлением Совета районных дум (выделялась соответствующая субсидия из казны)[40]. Наряду с организацией и контролем за деятельностью домкомов и бывшим дворцовым имуществом жилищно-земельный отдел Совета районных дум управлял муниципальной недвижимостью, сдавал в аренду городские земли. В связи с расширением городской черты в ведение отдела поступило много новых, не обмеренных, не имевших точного плана земель[41].

Будущий народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко, возглавлявший медико-санитарный отдел, стремился к проведению в жизнь принципов общедоступности и бесплатности медицины. Главными медико-санитарными задачами были провозглашены: борьба с социальными болезнями (туберкулезом, венерическими),

борьба с детской смертностью, устранение междуведомственных рамок между медицинскими учреждениями, ведение широкой санитарно-просветительской деятельности[42]. Однако в условиях забастовки врачей, слабого финансирования, нехватки медикаментов, распространения инфекций, антисанитарных условий жизни значительной части населения и слабости власти решить эти задачи полностью было невозможно.

Весной 1918 г., несмотря на начавшееся объединение с Московским Советом рабочих депутатов, Бюро Совета районных дум расширяло свою деятельность. Ряд организованных муниципалитетом предприятий, обслуживавших военные нужды, например, Сокольнические мастерские, начал переходить «к деятельности мирного времени»[43]. В феврале 1918 г. бывший заведующий статистическим отделом Московской городской Управы В.Г. Михайловский изъявил желание сотрудничать с новой властью, 5 апреля Бюро Совета районных дум решило назначить его заведующим для восстановления отдела статистики.

В ведение Московского городского самоуправления были переданы казенные высшие начальные училища, был образован сметный отдел для рассмотрения смет отдельных предприятий и отделов, городское санитарное бюро, включившее в себя представителей Моссовета и Бюро Совета районных дум. Для ведения учета и контроля за получением и расходованием всеми отделами Бюро различных товаров 13 апреля 1918 г. был создан хозяйственный отдел, где концентрировались все городские склады, в него вошли также подотделы отопления, внутреннего ремонта, канализации и водопровода, изъятые из отдела городских предприятий[44].

Отдел торфяных разработок (еще в мае 1917 г. город приобрел рудник в Донецком угольном бассейне, арендовал большое торфяное болото в 120 верстах от Москвы[45]) был передан в ведение ВСНХ, а городские хлебопекарни — продовольственному комитету. В связи с выходом из войны 18 апреля 1918 г. был ликвидирован отдел пайка[46].

По причине того, что Совет районных дум был сформирован по инициативе Московского Совета и включал видных большевиков, активно действовавших в городском и районных Советах в 1917 г., между новым муниципальным органом и Моссоветом установились особые отношения. С одной стороны, муниципалитет активно взаимодействовал, сотрудничал с Московским Советом, советовался с ним по наиболее важным вопросам. Так, Совет районных дум совместно с Моссоветом боролся с бастовавшими городскими служащими, предпринимал меры по борьбе со спекуляцией продовольственными товарами, ликвидировал Купеческое общество, ассигновал средства на

культурно-просветительские цели солдатской секции Совета, совместно с представителями Моссовета осуществил ревизию Всероссийского Союза городов, обращался в Совет с просьбой издать обязательное постановление домовладельцам об очистке от снега трамвайных путей и улиц в районе их домовладений, по постановлению Моссовета имущество бывшего Министерства двора в Москве было передано муниципалитету, был введен единовременный городской подоходный налог, осуществлена муниципализация домовладений. В декабре 1917 г. Моссовет установил контроль над отделом городских предприятий, 21 марта 1918 г. был реорганизован финансово-податной отдел при Совете районных дум: руководство им было поручено коллегии, куда вошли и представители Московского Совета[47].

Однако в тех случаях, когда Московский Совет рабочих и солдатских депутатов вмешивался в муниципальную сферу компетенции, Совет районных дум считал важным напомнить о разграничении полномочий между местным самоуправлением и государственной властью, просил Моссовет заблаговременно извещать о намерении рассмотреть на своем заседании какой-либо вопрос муниципального характера, решать все муниципальные вопросы, посоветовавшись с органом городского самоуправления. Совет районных дум протестовал против самовольной реквизиции городских зданий, например, богаделен, школ, различными отделами Моссовета «без всякого предварительного сношения с органами городского самоуправления». Показателем организационной самостоятельности Совета районных дум является такой факт: в начале января 1918 г. здание Московского Совета рабочих депутатов за неуплату было отключено от водоснабжения, оно было восстановлено только после немедленной уплаты Моссоветом суммы долга отделу водопровода Бюро Совета районных дум[48].

В конце марта 1918 г. Московский Совет принял решение объединить хозяйственную, административную и политическую сферы компетенции местной власти г. Москвы в рамках одного органа — Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, положив конец самостоятельному существованию муниципального хозяйственного органа.

Процесс слияния Совета районных дум и Московского Совета шел следующие несколько месяцев. После принятия решения о слиянии, т.е. с 29 марта 1918 г., Совет районных дум на заседания больше не собирался, с мая 1918 г. перестало функционировать Бюро Совета районных дум. Ряд отделов Бюро практически без реорганизации были включены в состав Моссовета. Например, продолжил деятельность врачебно-санитарный отдел (его до июля 1918 г. продолжал возглавлять Н.А. Семашко), отдел городских предприятий

вошел в состав Совета под названием «отдел местных предприятий». Основой культурно-просветительского отдела Моссовета стал отдел народного просвещения Бюро Совета районных дум[49]. Другие отделы долго сохраняли свою обособленность. Так, финансово-податной отдел бывшего Бюро Совета районных дум сохранял отдельную от Моссовета кассу и финансирование бывших муниципальных предприятий и учреждений вплоть до августа 1918 г. 28 августа 1918 г. на заседании Президиума Моссовета были озвучены итоги ревизии кассы бывшего Бюро Совета районных дум и принято решение объединить текущие счета Бюро и Моссовета[50].

Исследование хозяйственной деятельности Совета районных дум г. Москвы позволяет представить всю сложность, противоречивость, борьбу противоположных тенденций на переломном этапе российской революции, которым стал период конца 1917 — первой половины 1918 г.

Деятельность большевистского Совета районных дум в первые месяцы советской власти показала, что вопросы городского хозяйства тесно взаимосвязаны с политическими реалиями. Именно по политическим мотивам была распущена Московская городская дума, началась забастовка городских служащих, в результате чего к управлению городским хозяйством пришли новые люди. Часть старых специалистов продолжала участвовать в управлении хозяйством, однако находилась под контролем и действовала под руководством со стороны представителей большевистской власти.

Хозяйственная деятельность Совета районных дум г. Москвы свидетельствует, что, кроме стремления удержаться у власти, главной задачей большевиков в первые месяцы их нахождения у руля муниципального управления Москвой было сохранить достижения городского хозяйства, при этом поддержать низы, по возможности направив ресурсы в интересах трудовых слоев населения.

Муниципально-хозяйственную деятельность большевиков нельзя изучать только через призму их идеологических воззрений и политической борьбы того времени. Марксистская идеология мало могла помочь в решении практических вопросов, ежедневно встававших перед муниципальными деятелями-большевиками. В повседневной хозяйственной деятельности они были вынуждены руководствоваться принципом практической целесообразности, претворяя в жизнь, с учетом классовых интересов, те меры, которые наилучшим образом позволяли в сложных условиях войны и революции предотвратить разложение и разрушение городского хозяйства: безуспешно пытались наладить сбор налогов, сбалансировать доходную и расходную сметы, в условиях тяжелого домовладельческого кризиса и

громадного перенаселения города стали осуществлять обещанную еще накануне муниципальных выборов умеренными социалистами муниципализацию жилищ, переложение тяжести налогов и сборов в интересах трудовых слоев на плечи зажиточной части горожан, старались наиболее рационально организовать управление городскими предприятиями, прибегая к сокращению персонала и снижению размеров жалованья, увеличивали социальные расходы, развивали активную деятельность в сфере образования и здравоохранения.

Муниципально-хозяйственная деятельность Совета районных дум характеризуется некоторой противоречивостью предпринимаемых мер: с одной стороны, стремясь своими силами сбалансировать смету, с другой — большевики шли на значительные траты в социальной сфере, осуществляли меры, подрывавшие налоговую базу: муниципализация, например, лишила бюджет поступлений от оценочного сбора, национализация банков по распоряжению центра — источников кредита. Поддерживая рабочих, отстаивая их права, Совет районных дум в то же время боролся с переполнением штатов муниципальных предприятий, пытался вводить сдельную оплату для повышения производительности труда.

Эта противоречивость была обусловлена сложностью ситуации: несоответствием между капиталистической рыночной системой хозяйствования и мощным социальным посылом революции 1917 г., яркими выразителями которого большевики и являлись. Придя к власти, в том числе в муниципалитетах, большевики первое время вынуждены были действовать в рамках существовавшей системы, которая демонстрировала свою неадекватность чрезвычайным условиям революции и послевоенной разрухи, потребность в реформировании. Задумываться о концептуальном направлении реформ большевикам было не нужно, а методы и меры преобразований диктовались не столько идеологией, сколько реалиями разрухи и гражданской войны.

[1] *Афонин Е.Л.* В 1917 году // Октябрьское восстание в Москве: сб. документов, статей и воспоминаний. М. 1922. С. 69.

[2] Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 1364. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—4; Д. 14. Л. 94.

[3] Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 179. Оп. 3. Д. 2185. Л. 5—5 об.; *Афонин Е.Л.* Указ. соч. С. 69; *Владимирский М.Ф.* Московские районные думы и совет районных дум в 1917—1918 гг. // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 83, 84.

[4] Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 дек.

[5] Рабочая жизнь. 1917. 15 нояб.

[6] *Афонин Е.Л.* Указ. соч. С. 70.

[7] *Владимирский М.Ф.* Московские районные думы и совет районных дум в 1917—1918 гг. С. 89.
[8] *Его же.* Октябрьские дни в Москве. М.; Л., 1927. С. 67; *Его же.* Московские районные думы и совет районных дум в 1917—1918 гг. С. 81, 87—91.
[9] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8. Л. 3 об.
[10] Русские ведомости. 1918. 12 марта.
[11] *Владимирский М.Ф.* Московские районные думы и совет районных дум в 1917—1918 гг. С. 86.
[12] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 12. Д. 214. Л. 7.
[13] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14. Л. 76 об.
[14] *Афонин Е.Л.* Указ. соч. С. 72—75.
[15] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
[16] ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 1425. Л. 152.
[17] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 об; Д. 14. Л. 17 об.
[18] Русские ведомости. 1918. 31 янв.
[19] Там же. 26 марта.
[20] Там же. 8 марта.
[21] Там же. 9 марта.
[22] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14. Л. 36 об., 39.
[23] Там же. Л. 51 об.
[24] Там же. Л. 91.
[25] ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 1425. Л. 4, 16—16 об.
[26] Там же. Л. 18—18 об.
[27] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 9. Л. 38—41.
[28] Там же. Оп. 12. Д. 272. Л. 24—24 об.
[29] Там же. Д. 444. Л. 158—160.
[30] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.
[31] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 444. Л. 160—162.
[32] Там же. Л. 164—166.
[33] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14. Л. 22 об.
[34] Там же. Д. 105. Л. 1—2.
[35] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 27. Л. 24—25; Д. 41. Л. 36.
[36] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
[37] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 216. Л. 70.
[38] *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1917—1941 гг. М., 1976. С. 68.
[39] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.
[40] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 214. Л. 79; ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
[41] Там же. Д. 445. Л.15 об.
[42] *Петров Б.Д., Потулов Б.М.* Н.А. Семашко. М. 1974. С. 62, 63.
[43] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8. Л. 5 об.
[44] Там же. Д. 14. Л. 79 об., 80 об., 81, 87, 88.
[45] Русские ведомости. 1917. 25 мая.
[46] ЦАГМ. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14. Л. 55 об., 84, 92.
[47] Там же. Д. 8. Л. 3 об., 6 об., 10 об.; Д. 14. Л. 38.
[48] Там же. Д. 8. Л. 4, 9 об., 16; Д. 14. Л. 41; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 51. Л. 5.
[49] Там же Д. 26. Л. 24—25.
[50] Там же. Д. 52. Л. 86, 92.

В.В. Лобанов

МАТЕРИАЛЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КОМИССИИ ПРИ ЦК РКП(б)-ВКП(б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ «ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО» РАСКОЛА

В статье исследуется роль Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)-ВКП(б) в инициировании и углублении так называемого «обновленческого» раскола в Русской Православной Церкви. Документы комиссии интересны с точки зрения изучения государственной церковной политики, для исследования самого обновленческого движения: его идеологии и практики, провозглашаемых и истинных мотивов, личностей его лидеров, методов борьбы с патриаршей Церковью.

Ключевые слова: Антирелигиозная комиссия, Русская Православная Церковь, «обновленческий» раскол, патриарх Тихон, «Живая Церковь», личные характеристики.

По справедливому замечанию церковного историка-диссидента А.Э. Левитина-Краснова, так называемый «обновленческий» раскол, волновавший Русскую Церковь более двух десятилетий (1922—1946), был не чем иным, как отражением революционных катаклизмов XX века в церковной среде. Группа «прогрессивного» духовенства, воспользовавшись арестом законно избранного Патриарха, при непосредственной поддержке органов ГПУ захватила административную власть в Церкви, создав в мае 1922 г. самочинное Высшее церковное управление. На словах выступая за обновление церковной жизни в духе идеалов апостольского века, реформаторы грубо искажали церковные каноны и традиции, одновременно пытаясь соединить христианское учение с марксизмом, приспособить Церковь к нуждам государства, декларирующего построение безрелигиозного общества[1].

Однако после кратковременных успехов обновленческое движение вступило в полосу глубокого кризиса, что было связано как с решительным противодействием сторонников Патриарха Тихона («тихоновцы»), в июне 1923 г. освобожденного из заключения, так и с постепенной потерей интереса советской власти к этому течению, на которое на определенном этапе делалась главная ставка в деле разрушения единого церковного организма. По замыслу Л.Д. Троцкого, главного идеолога государственной антирелигиозной политики, следовало довести обновленцев до «полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии». А затем подготовить теоретическую и

пропагандистскую кампанию против самой обновленческой церкви, в итоге превратив ее «в выкидыш»[2].

В последние два десятилетия выяснение роли и места высшей государственной власти и карательных органов в формировании политики по отношению к Церкви в 1920-е годы стало предметом пристального внимания исследователей: вышел в свет ряд научных трудов и сборников документов, довольно широко освещающих эту проблему, защищены кандидатские и докторские диссертации[3].

Особую роль в формировании и осуществлении церковной политики советского государства сыграла Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) или, как она позднее стала именоваться, Антирелигиозная комиссия (АРК). Созданная решением Политбюро ЦК РКП(б) 19 октября 1922 г., АРК в ходе своей деятельности решала все основные вопросы, связанные с партийно-государственной линией по отношению к религии и Церкви[4]. Первоначально председателем Комиссии стал партийный функционер Н.Н. Попов, которого впоследствии сменил Е.М. Ярославский. Роль бессменного секретаря выполнял Е.А. Тучков, который одновременно курировал церковные дела как начальник VI отделения Секретного отдела ГПУ-ОГПУ. Среди постоянных членов Комиссии были такие известные фигуры, как В.Р. Менжинский (с 1923— заместитель председателя ГПУ, с 1926 — председатель ОГПУ), П.А. Красиков (заместитель наркома юстиции, прокурор Верховного суда СССР), П.Г. Смидович (в 1924—1929 — глава секретариата по делам культов при председателе ЦИК СССР), И.И. Скворцов-Степанов (редактор газеты «Известия»). На заседания часто приглашались эксперты по различным направлениям работы, общее же количество руководящих лиц, причастных к деятельности АРК за все время ее функционирования (1922—1929), оценивается приблизительно в 100 человек[5]. Работа комиссии проходила в обстановке строгой секретности, стенограммы заседаний в целях конспирации не велись, круг лиц, имеющих доступ к документам, был строго ограничен. Определяющая роль в санкционировании постановлений АРК принадлежала высшему партийному руководству, а исполнителями ее решений на местах были органы НКВД-ОГПУ. Периодически АРК предоставляла в Политбюро отчетные доклады о проделанной работе, которые рассылались для сведения его членам. Именно эти документы, наряду с протоколами комиссии, служат ценным источником для выяснения роли высших партийных органов и силовых структур во главе с ОГПУ в создании и обеспечении стабильного существования обновленческой церковной организации.

Несмотря на то, что многие исследователи, так или иначе, затрагивали тему участия АРК в инициировании и углублении «обновленческого» раскола, а затем в решении ряда вопросов, связанных с различными аспектами деятельности обновленцев, эволюция отношения государственной власти к обновленческому движению, которая имела место на протяжении всего периода существования комиссии, если и анализировалась, то фрагментарно, не охватывая комплекс материалов АРК в целом[6]. Кроме того, документы комиссии представляют большой интерес не только с точки зрения изучения государственной церковной политики, но и для исследования самого обновленческого движения: его идеологии и практики, провозглашаемых и истинных мотивов, личностей его лидеров, методов борьбы с «тихоновской» Церковью, причин временных успехов и окончательного поражения.

Уже на первом официальном заседании АРК (23.10.1922) во главу угла ставится обсуждение вопросов о «ликвидации тихоновских сторонников» и одновременно о «воздействии» на обновленческое ВЦУ, с тем, чтобы предотвратить раскол внутри самого обновленчества, которое очень скоро стало дробиться на более мелкие группы[7]. Первоначально такой вариант устраивал власть, которая не возражала против организации параллельного обновленческого ВЦУ[8], отказавшись от безусловной поддержки только одного из обновленческих течений, так называемой «Живой Церкви». Ее лидер В. Красницкий фактически не скрывал своих связей с ГПУ. Однако к концу октября 1922 г. АРК (Протокол № 2) приходит к выводу, что «организация новых групп, ослабившая «Живую Церковь»... оказалась мероприятием преждевременным». Поскольку «тихоновцы, пользуясь неразберихой стали... приходить в себя и организовываться... а в иных местах и действовать, выгоняя обновленцев из епархиальных управлений». В связи с этим, в частности, предлагалось «взять более твердую ставку на группу “Живой Церкви”» и «усилить борьбу с тихоновщиной в чем бы она не выражалась»[9]. Поводом для подобных решений послужила информация о работе обновленческого ВЦУ, предоставленная Е.А. Тучковым, и его доклад «О тихоновщине», в котором подводились итоги деятельности обновленцев в борьбе с «тихоновской» церковью за истекшие пять месяцев. Как заявил Тучков, задача борьбы с «реакционным духовенством», в первую очередь, с высшими иерархами, за указанный срок была выполнена более чем наполовину. Вместе с тем, он вынужден был признать, что «тихоновщина... до сего времени имеет еще первенствующее значение»[10].

В отчете АРК о проделанной работе в Политбюро ЦК РКП(б) от 4 ноября 1922 г. указывалось, что часть намеченных комиссией меро-

приятий уже выполнена. Так, на только что состоявшемся пленуме обновленческого ВЦУ — «последний постановил объединенно всеми тремя группами повести решительную борьбу с тихоновщиной и в один день назначил к высылке и устранению до 60-ти человек тихоновских епископов». Кроме того, ВЦУ выработало инструкцию по борьбе с «тихоновским черносотенным элементом» в приходских советах и отправило на места распоряжение о проведении публичного признания духовенством советской власти[11]. В этот период начинается активная подготовка процесса по делу Патриарха Тихона, который АРК (Протокол № 4; 14.11.1922) считает необходимым закончить до начала обновленческого Поместного собора[12]. Первоначально запланированный на август 1922 г., последний неоднократно откладывался.

В отчетном докладе АРК от 28 ноября также констатируется, что «принятыми мерами удалось приостановить разгоревшуюся “междоусобную” борьбу обновленческих групп в целях создания хотя бы временно их общего фронта против “тихоновщины”», отмечено «беспрекословное исполнение со стороны ВЦУ всех директив надлежащих органов и усиление влияния на его работу». Одновременно указывается, что создана специальная подкомиссия в составе Красикова, Менжинского и Попова для рассмотрения дел духовенства и мирян «уличенных в активной “тихоновщине”». Часть из них постановлено подвергнуть административной ссылке на срок от 2 до 3 лет, другую часть решено предать суду вместе с «бывшим» Патриархом. Как зафиксировано в отчете, «принимаются меры к получению от представителей “Живой Церкви” и ВЦУ конкретных материалов, устанавливающих контрреволюционную работу определенных лиц из состава тихоновского духовенства и реакционного мирянства на предмет применения к ним судебных и административных мер». Сообщается и о том, что ВЦУ в принципе решен и в недалеком будущем будет осуществлен переход на новый стиль, а также о признании 7-го ноября церковным праздником. При этом особо подчеркивается, что смысл означенных мер «прежде всего сводится к ДАЛЬНЕЙШЕМУ УГЛУБЛЕНИЮ РАСКОЛА ЦЕРКВИ». В документе отмечено и оживление работы ВЦУ по подготовке к Поместному собору[13].

Это совпадало с планами властей, поэтому на заседании от 5 декабря 1922 г. (Протокол № 7), заслушав доклад Е.А. Тучкова «о ВЦУ», Комиссия поручает Н.Н. Попову изыскать средства для проведения обновленцами предсоборной работы. Одновременно АРК выражает обеспокоенность в связи существованием так называемых «автокефалий», противостоящих в регионах обновленцам. Крупнейшей из них была Петроградская, которую в тот период возглавлял будущий митрополит Николай (Ярушевич). В Петроград, «колыбель

обновленчества», планируется командировать Тучкова для выяснения обстановки в церковной среде[14].

В очередном отчетном докладе от 12 декабря 1922 г. АРК обращает внимание на существование в провинции многочисленных обновленческих изданий, выходящих на государственные средства и «проявляющих тенденцию вместо борьбы с церковной контрреволюцией заниматься мистикой и углублением религиозного учения». Для борьбы с этим намечалось закрыть большинство этих печатных органов, а оставшиеся «взять под строгую цензуру». Решено было также на время собора и предсоборной агитации поддержать издание журнала ВЦУ, который в последнее время не выходил из-за отсутствия средств. «Само собой разумеется, — указано в документе, — журнал будет выходить под самым строжайшим контролем». Далее в отчете рассматривается содержание тезисов к предстоящему собору, составленных известным обновленческим лидером А. Введенским, в которых автор одну из главных причин кризиса нынешней Церкви видит в «церковной контрреволюции». В тезисах также пространно говорилось о реформе богослужения, в смысле его упрощения, допущении женатого епископата и пересмотре всех канонов, «не соответствующих духу времени».

В заключение обзора работы «в области разложения церкви» отмечалось, что в Москве и особенно в Петербурге деятельность обновленцев «на каждом шагу продолжает натыкаться на ожесточенное противодействие сплоченных контрреволюционных сил, продолжающих держать в своих руках большинство приходов». Намного успешнее, по информации АРК, дела у обновленчества обстояли в провинции и на окраинах страны[15].

Первым пунктом повестки дня заседания АРК от 19 декабря (Протокол № 8) вновь становится обсуждение подготовки «Всероссийского Поместного Собора». Пользуясь тем, что в Москву съезжались делегаты на X Всероссийский съезд Советов (23—27 декабря 1922 г.), решено было провести особое совещание по церковным делам, в повестку дня которого должны быть включены следующие вопросы: информационный доклад ГПУ об обновленческом движении; доклад об антирелигиозной пропаганде; о предсоборной кампании на местах. Е.А.Тучкову предписывалось подготовить предсоборные тезисы (на заседании АРК от 27 декабря они будут признаны приемлемыми)[16], предназначенные для рассылки на места обновленческими группами. Ему же поручалось в 2-недельный срок собрать сведения обо всех «активных реакционных мирянах», состоящих членами церковноприходских советов «на предмет применения к ним мер обеспечивающих реорганизацию приходских советов и вы-

боры на Всероссийский Поместный Собор»[17]. Таким образом власть хотела получить удобный для себя состав делегатов, исключающий сторонников опального Патриарха Тихона.

Согласно отчетному докладу АРК от 1 января 1923 г., подкомиссией в составе Красикова, Менжинского и Попова рассмотрен ряд дел представителей духовенства и мирян «уличенных в активной борьбе с церковно-обновленческим движением» и дано соответствующее заключение о них на предмет ссылки и тюремного заключения. Вновь затрагивается вопрос об «автокефалиях», т.е. церковных образованиях, управляющихся совершенно самостоятельно и не признающих над собой власти обновленческого ВЦУ. Любопытно, что кое-где на местах, по мнению АРК, советская власть не только не оказывала поддержки обновленцам против «автокефалистов», но и «чуть ли не покровительствует автокефалии». Как пример приводится Петроград, где «под видом автокефалии тихоновщина расцвела самым пышным цветом, а обновленцы находятся в полном загоне».

Чем объяснить подобную ситуацию? Ответ на это находим в самом отчете, где указывается, что такого рода «вопиющие ненормальности» связаны с тем, что «церковная политика в Питере ведется не ГПУ, под контролем и руководством парторганизации, а отделом управления Петросовета». Думается, что здесь сыграли роль и выдающиеся организаторские и дипломатические способности епископа Николая (Ярушевича), который впоследствии в течение многих лет (1946—1960) будет возглавлять Отдел внешних церковных сношений. Так или иначе, АРК подтверждает необходимость выезда в Петроград Е. Тучкова «для детального выяснения положения на месте и принятия соответствующих мер»[18].

Сообщается в отчете и о результатах совещания, организованного Комиссией в связи со Съездом Советов. На нем присутствовало около сорока человек из числа секретарей и «завагитпропов» ряда губкомов и обкомов. Было заслушано два доклада: «о ходе работы по расколу церкви и подготовке собора» (Т.П. Самсонов — начальник Секретного отдела ГПУ) и «об очередных задачах церковной политики по партийной линии» (Н.Н. Попов — председатель АРК). Так, Попов, и это было основное положение его выступления, заявил о необходимости в ближайшее время довести до конца разрушение «тихоновской церковной организации» и только после этого начать активную борьбу с обновленческими течениями. Как мы видим, руководитель АРК действует вполне в духе упомянутой выше директивы Л.Д. Троцкого. Хотя сама Комиссия контролировалась непосредственно И.В. Сталиным и была создана, в том числе и для того, чтобы ослабить влияние политического соперника генсека на церковные дела.

Н.Н. Попов также отмечал, что, несмотря на успехи в деле углубления церковного раскола и разгроме «тихоновского» епископата, «к разрушению и разложению... приходских советов до сих пор еще не приступлено». Действительно, ведь именно приходским советам, по декрету об отделении церкви от государства, перешла руководящая роль в церковных общинах, что создавало серьезные проблемы для обновленческого ВЦУ, поскольку совет «тихоновской» ориентации вполне мог, а зачастую так и происходило, отстранить от служения священника-обновленца. Таким образом, советский закон, как ни парадоксально, был на стороне приходских советов, что затрудняло борьбу против «церковной контрреволюции»[19].

Отдельным пунктом в отчете представлена работа «в области разложения церкви». Здесь дается информация о последнем съезде уполномоченных обновленческого ВЦУ, на котором, в частности, обсуждались тезисы различных групп о предстоящей церковной реформе. Так, представители так называемой «Древлеапостольской церкви» выступали за «возрождение первобытного христианского коммунизма», отмену таинств и обрядов, радикальный пересмотр канонов. Сама по себе малоавторитетная, эта группа в последнее время значительно усилилась присоединением к ней весьма крупного обновленческого деятеля протоиерея А. Ввведенского. Напротив, живоцерковники выдвинули весьма умеренную реформаторскую программу, выступая за сохранение церковного центра и иерархии. Эта группа оставалась наиболее влиятельной. Третья из наиболее крупных обновленческих групп — «Союз церковного возрождения», возглавляемая епископом Антонином (Грановским), своих тезисов пока не представила. Упоминается и существующая отдельно от ВЦУ «Свободная Трудовая Церковь». Это совершенно маргинальное объединение провозглашало лозунг «вон буржуев из церкви» и решительно отвергало не только таинства и обряды, но и христианские догматы и каноны. По мнению адептов «Свободной Трудовой Церкви», прежнее христианство себя окончательно изжило, роль религии должна взять на себя наука, а церкви следует превратить в... метеорологические станции (sic!).

Н.Н. Попов также сообщает, что во время съезда вновь обострились отношения между входящими в состав ВЦУ обновленческими группами и «возникла склока, ликвидированная вмешательством ГПУ». И наконец, АРК осудила получившие широкое распространение и собиравшие большое число слушателей диспуты с участием обновленческого духовенства. Комиссия признала их «принципиально недопустимыми и отвлекающими обновленческих попов от их прямой задачи — борьбы с тихоновщиной»[20]. Таким образом, мате-

риалы АРК в очередной раз свидетельствуют о практически полной управляемости обновленческих церковных структур со стороны карательных органов.

На заседании от 2 января 1923 г. (Протокол № 10) Комиссия принимает ряд решений по вопросу «о Всероссийском съезде уполномоченных ВЦУ», подтверждая свою прежнюю линии по отношению к обновленческому высшему церковному управлению и одновременно обращая внимание на тех представителей епископата и белого духовенства, которые «записавшись в группу “Живая Церковь” продолжают вести тихоновскую политику». Таковых должно выявить ГПУ и представить комиссии конкретные предложения[21].

Очередной отчетный доклад АРК в Политбюро о проделанной работе датирован 17 января 1923 г. Однако об «обновленческом» расколе мы там почти ничего не находим. Как сообщает Н.Н. Попов, «в области разложения церкви за отчетный период не приходится отметить ничего существенного», поскольку «во ВЦУ благодаря рождественским праздникам замерла всякая жизнь». В Петроград, наконец, «для выпрямления линии церковной политики» выезжает Е.А. Тучков[22]. Одновременно активно идет следствие по «делу Патриарха Тихона».

Следующее заседание АРК состоялось после почти месячного перерыва, 30 января (Протокол № 11). Основное внимание в этот период уделялось подготовке суда над патриархом. Тем не менее, был заслушан доклад о деятельности ВЦУ, и в отредактированном виде разрешено к публикации и рассылке положение ВЦУ о созыве собора. Вновь отдается распоряжение о том, чтобы до выборов делегатов на собор были произведены перевыборы приходских советов. Однако практически это было трудноосуществимо, ввиду ограниченного влияния органов ГПУ на деятельность приходских собраний. Мы также узнаем о результатах поездки Тучкова. Комиссия принимает решение «намеченных ГПУ пять питерских церковников, возглавляющих автокефальное движение... во главе с епископом Ерушевичем[23] — арестовать и выслать»[24]. Протокол в качестве председателя подписан уже Е.М. Ярославским, он же визирует отчет АРК в Политбюро от 16 февраля 1923 г., где дублируются вышеупомянутые постановления Комиссии.

27 февраля 1923 г. (Протокол № 14) АРК заслушивает доклад Е.А. Тучкова «О предсоборной работе». В нем секретарь Комиссии, в частности, призывает в очередной раз принять решительные меры к неугодным членам приходских советов, с его точки зрения, противодействующим предсоборной работе. Не совсем понятным выглядит предложение Тучкова о том, чтобы «на поместном соборе был полностью проведен декрет об отделении церкви от Государства»[25]. Ситуацию, однако, проясняет записка Е.А. Тучкова Е.М. Ярославскому

от 1 марта «по поводу установления собором управления церковью»[26]. В ней он поясняет, что согласно указанному постановлению комиссии, собор должен полностью провести декрет об отделении Церкви от государства, тем самым ликвидировав обновленческое Высшее церковное управление и все его местные органы. Е.А. Тучков замечает, что члены ВЦУ идут на это крайне неохотно, но выборов Патриарха еще более не желают. Между тем, в связи с отрицательным отношением мирян к обновленцам упразднение ВЦУ будет способствовать усилению «тихоновцев». С другой стороны, по его мнению, данный момент для проведения декрета собором представляется весьма удобным, ибо «попы-заправилы находятся пока в наших руках».

8 марта вопрос рассматривается на Политбюро, где принимается постановление: «а) Признать необходимым дальнейшее существование ВЦУ. б) Предложить комиссии принять меры к тому, чтобы при принятии собором декрета об отделении церкви от государства в достаточно эластичной форме были сохранены права ВЦУ»[27]. Предварительно еще 6 марта (Протокол № 15) комиссия признает необходимым «сохранение ВЦУ и существующих обновленческих групп» и после собора, а по его окончании постановляет немедленно созвать в Москве съезды всех обновленческих группировок и тем самым «углубить раскол между группами, перенося после этого работу в этом направлении на места»[28].

20 марта 1923 г. АРК (Протокол № 16) уже практически определила дату начала собора. В связи с тем, что тогда еще планировалось закончить процесс по делу Патриарха до собора, открытие последнего было намечено не ранее 30 апреля[29].

В отчете АРК Политбюро от 22 марта указано, что подготовка к собору продолжает вестись усиленными темпами. Одновременно обновленцам «удалось одержать важные победы в Питере и в Москве, где до сих пор преобладало влияние тихоновцев и автокефалистов (скрытых тихоновцев)». Дается краткий обзор деятельности съезда всероссийского союза общин древлеапостольской церкви, по утверждению Комиссии, проповедующего не только безоговорочное признание советской власти, но и «настоящую церковную реформацию». Так, резолюция об отношении к советской власти гласила: «Советская власть сейчас — единственная власть в мире, которая в самом деле борется за социальную правду. Съезд всей силой своего нравственного авторитета поддерживает великие принципы советской власти, ее начинания, направленные ко благу России и всего трудящегося человечества...»[30] Однако, как замечает заместитель председателя АРК Н.Н. Попов, «большинство обновленцев на соборе, очевидно, пойдет не за “Древлеапостольской”, а за “Живой Цер-

ковью” во главе с протоиереем Красницким, считающим, что идти дальше “признания советской власти, социальной революции и мирового объединения трудящихся”... не следует и квалифицирующим всякую церковную реформацию как ересь», за исключением перехода власти в Церкви от черного духовенства к белому.

Учитывая, что «тихоновщина еще сильна на местах и может быть солидно представлена на соборе», АРК планирует придерживаться следующей тактики: исключить из сферы обсуждения на соборе вопросы канонические, которые «несомненно внесут склоку и раскол»; по существу, свести собор к демонстрации торжественного признания советской власти, декрета об отделении церкви от государства и осуждения Патриарха Тихона. И только после собора следует поощрять внутреннюю борьбу между обновленческими течениями. В связи с тем, что начало партийного съезда и процесса по «делу Патриарха Тихона» откладывалось на середину апреля, подтверждалась ориентировочная дата начала собора — 30 апреля[31]. Реально же собор работал с 29 апреля по 9 мая 1923 г., а суд над Патриархом Тихоном так и не состоялся.

Согласно решению комиссии от 27 марта (Протокол № 17) было принято «фактическим председателем на Соборе наметить КРАСНИЦКОГО». Любопытно, что первоначальный, неисправленный вариант резолюции выглядел по-другому, — «председателем на Соборе должен быть Красницкий»[32]. При всей привлекательности кандидатуры прямо сотрудничающего с ГПУ В.Д. Красницкого, из тактических соображений приходилось учитывать резкое снижение авторитета последнего среди обновленцев. Это подтверждает Протокол № 20 заседания АРК от 4 мая, проходившего уже во время работы собора. По докладу Е.А. Тучкова было принято решение: «Ввиду того, что Красницкий вследствие упадка его авторитета среди большой части соборян может попытаться устроить на соборе скандал, дабы дискредитировать председ[ателя] Собора Блинова, поручить т. Тучкову принять меры к устранению этого явления и вовлечь Красницкого в активную согласованную работу Собора». Тогда же принимается решение допустить депутацию собора «для снятия сана с Тихона», с характерной резолюцией: «проведение этого поручить ГПУ»[33]. Что касается итогов работы собора, то большинство радикальных нововведений реформаторам провести не удалось. Были признаны лишь женатый епископат и второбрачие клириков, введен новый церковный календарь, а также упразднены монастыри с преобразованием их в трудовые коммуны и церковные приходы.

Казалось, собор должен был значительно усилить позиции обновленчества, однако наступило время корректировки государствен-

ной церковной политики. Политическая обреченность В.И. Ленина, ставшая окончательно очевидной после XII съезда партии (апрель 1923 г.), открывала для ряда лиц, прежде всего, для И.В. Сталина, широкие перспективы, реализация которых требовала определенной внешне- и внутриполитической стабильности. Власти отказываются от суда над Патриархом Тихоном, который в июне 1923 г. выходит на свободу, подписав так называемое «покаянное заявление». Вскоре, 16 августа, за подписью Сталина на места рассылается циркулярное письмо ЦК РКП(б) «об отношении к религиозным организациям», осуждающее перегибы в области «отношений к верующим и их культам»[34]. Проект этого письма предварительно был подготовлен Антирелигиозной комиссией. Значительно ослабевает поддержка обновленчества со стороны соответствующих органов; более выгодным теперь представляется сохранение баланса между тихоновской и обновленческой иерархиями или объединение их в одну подконтрольную церковную структуру. Так или иначе, согласно инструкции наркоматов юстиции и внутренних дел от 19 июня 1923 г., запрещалось «всем государственным установлениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо культ или какое-либо церковное течение в ущерб другим культам или религиозным группировкам»[35]. Все это позволило освобожденному Патриарху успешно противостоять расколу. Характерна выдержка из обзора ГПУ о политико-экономическом состоянии СССР за период с 15 сентября до 1 ноября 1923 г.: «Борьба между обновленцами и тихоновцами как в Москве, так и на местах продолжает развиваться. Тихоновцы, пользуясь своим влиянием на массы верующих, ведут открытую борьбу против обновленцев... На местах наблюдается появление назначенцев Тихона, которые ведут ожесточенную борьбу с обновленцами. Обновленческая работа в таких случаях быстро сходит на нет и ее приходится восстанавливать с большими усилиями»[36].

Изменения в церковной политике нашли отражение и в кратком информационном отчете АРК Пленуму ЦК РКП(б) о работе за период с 1 мая по 15 сентября 1923 г. В нем дается обзор итогов обновленческого собора, приводятся примеры противостояния «тихоновцев» и обновленцев. Отмечено, что на этой почве обновленческое ВЦУ было преобразовано в Синод, который «повел борьбу против тихоновцев объединенным фронтом». Сообщается, что обновленцы стремятся укрепить свое влияние не только в советской России, но и за рубежом, усиленно добиваясь поддержки восточных патриархов (это во многом удалось), а также стремятся подчинить себе православную церковь заграницей (здесь у обновленчества не было никаких перспектив). Говорится и о попытках некоторых епископов, из

числа «приверженцев Тихона», найти «какую-то линию примирения с обновленцами», что, по-видимому, действительно имело место[37].

Вместе с тем, очевидно и то, что власть не была заинтересована в поражении обновленчества. Так, Антирелигиозная комиссия на заседании от 14 августа 1923 г. (Протокол № 33/а) рассмотрела вопрос «о неправильно взятой линии Питерской прессой и некоторыми парторганами против “обновленцев” за Тихона», и В.Р. Менжинскому было поручено составить по этому поводу циркуляр для парторганизаций, разослав его через ЦК по партийной линии[38]. С другой стороны, новообразованный обновленческий Священный Синод, для поднятия пошатнувшегося авторитета в своих документах нередко ссылался на поддержку обновленчества властными органами, что было сочтено недопустимым. 31 октября АРК (Протокол № 37) заслушала вопрос «О воззваниях священного Синода, указывающих на связь и поддержку его Соввластью». Материал постановили передать тому же зампреду ГПУ Менжинскому «для расследования и принятия соответствующих мер к недопущению подобных явлений»[39].

В июле 1924 г. АРК (Протокол № 53/54 от 2 июля), рассматривая вопрос «о церковных группах», принимает решение, свидетельствующее о стремлении властей соблюсти определенное равновесие по отношению к обновленцам и «тихоновцам»: «а) Учитывая могущую быть опасность на почве явной поддержки обновленцев органами власти и ущемления тихоновцев поручить ОГПУ дать директиву местам о прекращении репрессий применяемых в тактических целях к тихоновцам... б) Поручить ОГПУ и т. СМИДОВИЧУ дать по своим линиям директивы о том, чтобы распределение храмов происходило с таким расчетом, чтобы староцерковники не оставались без таковых»[40].

Тем не менее, расположение власти, хотя и закамуфлированное, оставалось на стороне обновленцев. Согласно решению АРК от 3 сентября 1924 г. (Протокол № 55), ГПУ поручалось дать директивы на места, чтобы «последние в работе по усилению обновленческого течения действовали наиболее тактично и совершенно конспиративно, дабы у ...тихоновцев не могло создаваться мнение, что Соввласть покровительствует обновленцам и по их указке преследует тихоновцев»[41].

Материалы АРК содержат также информацию о неудавшемся проекте создания третьего ВЦУ, «параллельно с Тихоновским и Синодским» (Протокол № 41 от 5 декабря 1923 г.). Судя по тому, что на этом же заседании пока еще было отклонено предложение «о введении к Тихону КРАСНИЦКОГО», речь идет о структуре с участием последнего, еще ранее отделившегося от обновленческого Синода. Было принято решение: «Создание 3-го ВЦУ считать целесообразным и поручить т. ТУЧКОВУ — декларацию этого ВЦУ представить

на комиссию»[42]. План АРК, однако, осталось нереализованным, у разделенного обновленчества просто не было внутренних ресурсов для воплощения в жизнь подобного замысла.

Более настойчивыми были усилия Комиссии повлиять на создание единой административной церковной структуры, соединяющей «тихоновцев» и обновленцев. По свидетельству непосредственного участника событий протопресвитера В.П. Виноградова, весной 1924 г. Е.А. Тучков неожиданно занял по важнейшему вопросу легализации Патриаршего управления весьма благожелательную позицию. Он заявил, что главное препятствие в том, что в Патриаршем управлении сидят люди, которым советская власть доверять не может, предложив включить в его состав хотя бы одного такого члена, который заслуживал бы доверия властей, а именно — В.Д. Красницкого, якобы готового покаяться. Действительно, В.Д. Красницкий в то время радикально разошелся с другими обновленческими группировками, в том числе и со «Священным Синодом», и его покаяние казалось вероятным. Он на самом деле явился к Патриарху Тихону и выразил готовность к подобному акту. Был составлен проект Высшего Церковного Управления (состоящего из Священного Синода и Высшего Церковного Совета) с участием Красницкого. Тем временем, последний самовольно поселился в Донском монастыре, компрометируя Первосвятителя не только неожиданной близостью с «бывшим» обновленцем, но, в частности, и своим интервью в советских газетах от лица ВЦС, из которого следовало, что не Патриарх принял покаяние Красницкого, а, напротив, как бы сам присоединился к личности и планам последнего[43].

Между тем, поскольку покаяние от В.Д. Красницкого так и не поступило, было созвано специальное заседание патриаршего Синода для окончательного решения вопроса. Там В.Д. Красницкий заявил, что согласен принести покаяние при условии, что он будет принят в общение в том «сане», который дал ему обновленческий Собор, а именно — «Протопресвитер всея России», и, кроме того, введен в ВЦС не в качестве рядового члена, а заместителем Председателя. Одновременно он отказался принести извинения за ложное интервью от лица ВЦС. Все это вызвало резкий протест. Часть предполагаемых членов Высшего Церковного Совета, в том числе и В.П. Виноградов, покинула помещение. По его заключению: «После этого заседания ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что ни Красницкий ни о каком “покаянии”, ни Тучков ни о какой легализации Патриаршего Управления, а тем более в полном составе его обоих, установленных Собором 1918 г. органов, вовсе не помышляют, а помышляют скомпрометировать патриарха и Патриаршее

Управление в глазах церковного народа... Патриаршее Управление тогда окончательно пришло к решению, что переговоры с Тучковым и Красницким нужно прекратить...»[44]

Эта ситуация нашла отражение и в протоколах АРК. Первый раз вопрос «о введении к Тихону Красницкого» рассматривался еще 5 декабря 1923 г. (Протокол № 41). Тогда, как уже упоминалось, решение не было принято[45]. Следующий раз подобное предложение рассматривалось уже 26 февраля 1924 г. Решение также было отрицательным: «КРАСНИЦКОГО в Синод ("тихоновский". — *В.Л.*) пока не вводить»[46]. Однако вскоре планы АРК меняются. 25 марта 1924 г. (Протокол № 48) принимается постановление: «Поручить ОГПУ в имеющийся при Тихоне полуофициальный синод ввести ряд намеченных лиц, в том числе и КРАСНИЦКОГО, если Тихон не будет этому противиться»[47]. Заметим, что в русле так называемого «религиозного нэпа» резолюция выглядела довольно «деликатно». И через две недели, на заседании от 8 апреля (Протокол № 49), принимается аналогичное по тону постановление: «Принимая во внимание, что введение КРАСНИЦКОГО к ТИХОНУ в Управление политически выгодно, поручить тов. ТУЧКОВУ, таковое осуществить и если одних словесных воздействий будет недостаточно, тактично применить другие меры, могущие оказать на Тихона и его приближ[енных] епископов соответствующее воздействие»[48].

Далее механизм происходящего вполне ясен. Е.А. Тучков заявляет о возможности скорой легализации патриаршего Синода, а В.Д. Красницкий о желании принести покаяние. Абсолютную неискренность последнего и прямую связь с карательными органами подтверждает, в частности, ряд опубликованных в материалах следственного дела Патриарха докладных записок В.Д. Красницкого в ОГПУ, в которых он, именно в указанный период, всячески пытается доказать «явно-контрреволюционную» основу «тихоновщины»[49].

22 мая 1924 г. АРК (Протокол № 51) вновь рассматривает вопрос «о Тихоне, Красницком и о Евдокимовском[50] Синоде». Информация ОГПУ принимается к сведению, а Тучкову поручается «сегодня же опубликовать в газетах обращение Тихона по поводу совместной работы с Красницким». И здесь, в связи с газетными публикациями, возникает любопытная коллизия. Распространенная версия заключается в том, что в 20-х числах мая 1924 г. Патриарх все же учредил Высшее Церковное Управление, приняв в качестве члена Высшего Церковного Совета, якобы покаявшегося лидера «Живой Церкви» В.Д. Красницкого. Однако, ввиду общецерковного возмущения, через месяц распустил ВЦУ и отстранил Красницкого. В русле подобного представления излагают происходящее, напри-

мер, А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров, ссылаясь на материалы советских газет и зависимые от них обновленческие источники. В частности, упоминается опубликованное в «Известиях» постановление Патриарха и Священного Синода об образовании ВЦУ с включением туда протоиерея В.Д. Красницкого и еще нескольких «живоцерковников». Кроме того, авторы ссылаются на помещенную в «Известиях» «беседу с Тихоном», в которой последний якобы заявляет: «Я пошел навстречу искреннему желанию Красницкого поработать со мной в деле водворения церковного мира, принял его покаяние, несмотря на отрицательное отношение верующих масс к прошлой его деятельности и назначил его в Высший Церковный Совет, но там он является лишь министром без портфеля, поскольку сам Совет не может функционировать ввиду объективных условий, а именно — отсутствия помещения. Хотя вопрос о создании органов церковного управления урегулирован и разрешен... но эти органы не могут приступить к работе по той простой причине, что еще не найдено соответствующее помещение не только для ведения работы, но даже для размещения членов Синода»[51].

По свидетельству же В.П. Виноградова, Е.А. Тучков напечатал текст несостоявшегося проекта ВЦУ в советских газетах как нечто совершенно реальное и принятое к исполнению. «Неудивительно, что большинство читателей, кроме хорошо знавших истинное положение дела... приняли, хотя и с удивлением, все сообщение за “чистую монету”»[52]. Подобным образом восприняли данную информацию и некоторые из современных исследователей.

В связи с вводом в научный оборот материалов следственного дела Патриарха Тихона в распоряжении историков появились новые документы, подтверждающие свидетельства В.П. Виноградова. В частности, это заверенная копия послания ближайших к Патриарху иерархов, митрополитов Серафима (Александрова) и Петра (Полянского), опровергающих воззвания обновленческого Св. Синода и статьи обновленцев в печати[53]. По их утверждению, подлинными являются заявление Красницкого от 19 мая о готовности принести покаяние и резолюция на нем Святейшего, что он «ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости» согласен принять Красницкого в общение[54]. Архипастыри указывают, что «оставалось только дело за принесением покаяния КРАСНИЦКИМ». Однако после ознакомления с опубликованным в № 117 «Известий» интервью Красницкого Патриарх сделал следующее распоряжение: «24/V-24 года вследствие заявления о. Красницкого, напечатанного в “Известиях” от 24/V-24 года за № 117, а также [“]Вечерняя Москва[”] от 23/V в коем он, между прочим заявляет о своем признании са-

мочинного собрания 1923 г. Всероссийским поместным собором... что будто бы я вошел (а не он), в общение с ним и я вместе с ним ставлю целью проводить церковно-каноническую программу группы Ж[ивая] Ц[ерковь], установленную двумя съездами этой группы, предлагаю св. Синоду все мои резолюции и все акты св. Синода по делу о. КРАСНИЦКОГО и его группы, считать не состоявшимися — аннулированными»[55].

По свидетельству вышеуказанных архипастырей, этот проект постановления об образовании ВЦУ Патриарх по надписании положил в ящик письменного стола, не сдавая Синоду, и не пустил в ход, ибо еще не был принят в общение Красницкий, и напрасно последний именует себя членом ВЦС. В послании одновременно указывается, что не могло быть и беседы Патриарха в том изложении, какое она имеет в № 155 «Известий». И далее: «так как все дело с о. КРАСНИЦКИМ представлено неверно, ввиду того, что оно продолжало смущение св. патр[иарх] снова уже 26/VI в резолюции № 523 пишет: “Прошу верить, что я не пойду на соглашение и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия... почитаю благонамеренным прекратить всякие переговоры о примирении с КРАСНИЦКИМ и подписи на журнале от 21/VI-24 года об организации при мне Высшего церковного Управления, считать не действительными”.

Вот истинное положение дела. КРАСНИЦКИЙ не принят в общение... Да не смущается же сердце Ваше разными газетными сообщениями»[56].

Любопытно, что еще 17 июня 1924 г. (Протокол № 52) Комиссия полагала, что ее план осуществлен. «Ввиду примирения Тихона с “живой церковью” (Красницким)», указывалось в постановляющей части протокола, «признать возможным регистрацию врем[енных] тихоновских центральных церковных органов (синода и ВЦС) параллельно с Синодом обновленческим». Очевидно, не совсем прав В.П. Виноградов, рассматривающий маневр властных органов с Красницким исключительно как провокацию. Во многом это было так, поскольку близость с обновленцами компрометировала Патриарха и близких ему иерархов, однако власть была готова на регистрацию ВЦУ, состоявшего большей частью из «тихоновцев».

Таким образом, мы видим, что и это, практически последнее крупное начинание АРК, имеющее отношение к «обновленческому» расколу, успехом не увенчалось, оказать же более сильное давление на Патриарха и его окружение не позволяла политическая конъюнктура. Да и в этом случае вряд ли можно было рассчитывать на результат. В Протоколе АРК № 55 от 2 сентября 1924 г. упоминается о попытке Комиссии начать подготовительную работу «по соеди-

нению Тихона» с евдокимовским Синодом, но никаких конкретных последствий это решение не имело. И до смерти патриарха Тихона (апрель 1925 г.) в материалах Комиссии об обновленчестве почти не упоминается. Постепенно работа АРК входит в новую фазу, характеризующуюся постепенным уменьшением ее активности и влияния; с укреплением личной власти И.В. Сталина он все менее нуждается в такого рода посреднике, реже становятся заседания Комиссии, прекращаются регулярные отчеты АРК Политбюро. Одновременно продолжает усиливаться роль карательных органов в реализации сталинской церковной политики, именно документы НКВД-ОГПУ становятся основным источником по изучению репрессивной политики государства по отношению к Русской православной церкви. АРК же более сосредотачивается на делах других конфессий и сектантства, вопросах пропаганды и агитации, выработке общих принципов антирелигиозной работы, текущих бюрократических проблемах.

Интерес властей к обновленчеству резко снижается после II обновленческого Поместного собора, который прошел в Москве с 1 по 10 октября 1925 г. 27 июня 1925 г. АРК принимает постановление о разрешении этого форума, поручив ОГПУ провести необходимую подготовительную работу[57]. Собор окончательно разрушил надежды части делегатов, на казавшееся им возможным объединение с патриаршей Церковью. Начался период общего идеологического и организационного спада обновленческого движения. По требованию ОГПУ на соборе была организована политическая провокация в отношении Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра (Полянского). Во вступительном докладе было оглашено письмо обновленческого епископа Николая (Соловья) о том, что в мае 1924 г. патриарх Тихон и митрополит Петр якобы через него отправили великому князю Кириллу Владимировичу послание с благословением последнему на занятие царского трона. 11 ноября 1925 г. АРК (Протокол № 66) принимает решение: «В целях разоблачения монархических стремлений Петра (местоблюстителя патриаршества), поместить в “Известиях” ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами, недавно состоявшегося обновленческого собора»[58]. Вскоре Местоблюститель был арестован и долгие годы (до расстрела в 1937 г.) провел в ссылках и заключении.

Протоколы АРК 1926—1929 гг. свидетельствуют об отсутствии особого интереса Комиссии к делам обновленческой церкви. Несколько раз рассматривался вопрос о разрешении чтения лекций обновленческому «митрополиту» А. Введенскому. Решением от 5 мая 1925 г. АРК разрешала ему чтение лекций в уездах Московской губернии[59].

Однако 24 апреля 1926 г. Комиссия, подтверждая разрешение, ставит следующее условие: «а) Считать возможным разрешение ВВЕДЕНСКОМУ чтения лекций исключительно на темы, носящие характер борьбы внутрицерковных течений. б) Не допускать чтение лекций, носящих апологетический или мистический характер...»[60] Это требование вполне понятно, если учесть, что Введенский являлся незаурядным оратором и отнюдь не был атеистом. И, наконец, 12 ноября 1927 г. (Протокол № 93) АРК, по сути, запрещает «митрополиту» проповедническую деятельность: «а) Чтения лекций ВВЕДЕНСКОМУ, как правило, не разрешать. б) Считать возможным его выступления на лекциях, диспутах и докладах только с особого каждый раз разрешения Центра»[61]. В рамках этого постановления 25 апреля 1928 г. ему разрешают чтение противосектантских лекций, в тех районах, где «имеются в больших количествах сектанты». При этом оговаривается, что не следует предоставлять Введенскому «советских помещений», чтобы «спор попов с сектантами происходил в их молитвенных помещениях»[62]. Ничего не имела Комиссия и против диспута Введенского со староцерковниками в храме Христа Спасителя (Протокол № 107 от 12 января 1929 г.). На этом же заседании обновленцам было разрешено издание молитвенника на русском языке, ибо, как заявил в поддержку этого начинания Е.М. Ярославский, богослужение на русском языке теряет свою «обаятельность и мистику»[63]. Парадоксально, но в данной ситуации председатель Антирелигиозной комиссии подметил то, о чем не задумывались сами церковные реформаторы.

К началу 1930-х годов обновленчество рассматривается властями фактически уже как одно из прочих церковных течений, не имеющее особых преимуществ. 18 мая 1929 г. (Протокол № 112), реагируя на частную жалобу обновленческого Синода, АРК отмечает: «принимая во внимание, что наша политика в отношении Синода, как равно и в отношении других церковных религиозных объединений остается прежней, признать, что в настоящее время нецелесообразна ликвидация их администр[ативным] порядком». Вместе с тем мы видим, что в русле общего ужесточения антирелигиозной политики обновленческий Синод, наряду с другими религиозными организациями, еще имеет право на существование.

Таким образом, рассмотрев одно из направлений деятельности Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)-ВКП(б), а именно, вопросы, связанные с так называемым «обновленческим» расколом, можно отметить следующее. Пик интереса АРК к обновленчеству приходится на период 1922—1924 гг. Конец 1922 — апрель 1923 г. характеризуются полной поддержкой обновленческого течения со стороны властных органов, попытками активного подавления «ти-

хоновщины», содействием в объединении обновленцев и укреплении их общего церковного центра. Одновременно материалы АРК свидетельствуют о практически полной подконтрольности органов обновленческого церковного управления структурам, осуществляющим государственную церковную политику. Ситуация меняется после освобождения Патриарха Тихона (июнь 1923) и начала «религиозного нэпа», поддержка обновленчества со стороны власти заметно уменьшается и становится скрытой. Верхи более устраивает «паритет» между обновленцами и «тихоновцами» или даже их объединение; серьезные попытки в этом направлении предпринимались АРК на протяжении 1924 г. После II обновленческого Помесного собора (октябрь 1925), когда полностью определилась невозможность какого бы то ни было объединения обновленцев с патриаршей Церковью, а само обновленчество окончательно вступило в полосу угасания, власть постепенно полностью теряет интерес к «сменовеховской» церкви. Это хорошо видно на примере протоколов Комиссии за 1926—1929 гг., где обновленчеству уделяется крайне незначительное внимание. Чуть позже обновленцы становятся объектом преследования в равной степени с другими церковными течениями и религиозными конфессиями[64].

Что же касается значения документов АРК, как источника по истории «обновленческого» раскола, то вполне очевидно, что мы имеем в наличии содержательный и интересный материал, проливающий свет на различных аспекты религиозной политики советского государства и историю Русской Православной Церкви в трагическую послереволюционную эпоху. К сожалению, до сегодняшнего дня на русском языке опубликованы, главном образом, лишь выдержки из протоколов Антирелигиозной комиссии и только немногие из протоколов полностью. В 2007 г. в рамках исследовательских программ Института восточных церквей при Вестфальском университете в Мюнстере вышло в свет издание протоколов АРК на немецком языке с комментариями (подготовлено проф. д-ром Людвигом Штайндорффом)[65], что делает особенно актуальным их издание на языке оригинала. В настоящее время такая работа ведется в рамках совместного проекта Института российской истории РАН и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Можно надеяться на его скорое осуществление.

[1] Об «обновленческом» расколе см., напр.: *Стратонов И.А.* Русская церковная смута (1921—1931) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995; *Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996; *Шкаровский М.В.* Обновленческое движение в Рус-

ской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; «Обновленческий» раскол: (материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И.В. Соловьев. М., 2002; *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской Православной церкви в 1905—1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002; *Roslof, Edward*. Red Priests: Renovation, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905—1946. Bloomington: Indiana University Press, 2002; и др. Несмотря на обширную литературу по этой проблеме фундаментальной, обобщающей работы об «обновленческом» расколе на русском языке пока не появилось.

[2] Записка Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) о политике по отношению к церкви // Архивы Кремля: в 2 кн. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1: Политбюро и церковь, 1922—1925 гг. С. 163.

[3] См., напр.: *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Одинцов М.И.* Государство и церковь: (история взаимоотношений, 1917—1938 гг.). М., 1991; *Его же*. Государство и церковь в России. XX в. М., 1994; *Его же.* Русские Патриархи XX века. М., 1999 и др.; *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917—1941: документы и фотоматериалы. М., 1996; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; *Крапивин М.Ю.* Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917-го — конец 1930-х годов). Волгоград, 1997; *Его же.* Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (окт. 1917-го — конец 1920-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922—1925: в 2 кн. / сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997—1998; Следственное дело патриарха Тихона: сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000; *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921—1925 гг.). М., 2004; *Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930 г.). СПб., 2005; *Сафонов Д.В.* Патриарх Тихон и советская власть: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922—1925 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство, 1917—1922. М., 2005; *Лобанов В.В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917—1925 гг.). М., 2008; и др.

[4] Непосредственно о деятельности АРК см.: *Савельев С.Н.* Протоколы антирелигиозных мудрецов // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. СПб., 1991. С. 143—154; *Его же.* Бог и комиссары: (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2. С. 164—216; «Не стесняясь никакими средствами»: материалы Комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства, октябрь — декабрь 1922 г. / публ. подгот. О.Ю. Васильева, М.М. Горинов // Исторический архив. 1993. № 2. С. 76—89; *Нежный А.И.* Комиссар дьявола. М., 1993. С. 29—144 и др; Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. Предисловие. С. 84—104; *Шкурин А.В.* Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922—1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

[5] *Савельев С.Н.* Бог и комиссары: (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) — антирелигиозной комиссии). С. 168.

[6] Наиболее подробный анализ темы — АРК и «обновленческий» раскол можно найти: *Степанов А.С.* Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922—1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Шку-*

рин А.В. Указ. соч. С. 130—136; *Петров С.Г.* Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 г. // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917—1933 гг.): материалы конф. М., 2002. С. 259—283.

[7] Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 2.

[8] *Левитин А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 134.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 3.

[10] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 331, 332.

[11] Там же. С. 338.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 10.

[13] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 340, 341.

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 18-19.

[15] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 346—348.

[16] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 20.

[17] Там же.

[18] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 350.

[19] Там же. С. 351.

[20] Там же. С. 351—353.

[21] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 23.

[22] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 357.

[23] Так в тексте. Следует *Ярушевичем*.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 24.

[25] Там же. Л. 31.

[26] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 364, 365.

[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 323. Л. 13.

[28] Там же. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 32.

[29] Там же. Л. 35.

[30] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 369.

[31] Там же. С. 370, 371.

[32] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 37. Председателем собора был избран «митрополит Сибирский» П. Блинов, почетным председателем «митрополит Московский» — Антонин (Грановский).

[33] Там же. Д. 565-а. Л. 2. В следственном деле Патриарха Тихона сохранился рапорт секретаря Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР С.С. Быкова от 8 мая 1923 г. председателю суда А.В. Галкину о посещении Первосвятителя делегацией I обновленческого собора, состоявшей из 8 человек. По этому документу можно судить, какому давлению подвергся Предстоятель РПЦ, отказавшийся признать постановления собора. В частности, члены делегации неоднократно в категорической форме требовали, чтобы Патриарх, «лишенный» теперь сана и монашества, снял с себя священнические одежды. Первосвятитель наотрез отказался, о чем делегацией был составлен соответствующий акт. (Следственное дело патриарха Тихона. С. 353—355).

[34] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 415—417.

[35] Цит по: *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 32. (Со ссылкой: Красная газета. 1923. 1 июля).

[36] «Совершенно Секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М., 2001. Т. 1, ч. 2. С. 947.

[37] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922—1925 гг. Кн. 1. С. 420—423.

[38] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 27.

[39] Там же. Л. 36.

[40] Там же. Д. 775. Л. 3.

[41] Там же Л. 6.

[42] Там же. Д. 565-а. Л. 47.

[43] В.Д. Красницкий заявил буквально следующее: *«Сведения о том, что патриарх Тихон вошел в общение со мной и с некоторыми другими членами революционной группы духовенства и мирян “Живая Церковь” совершенно справедливы»*. И далее, на вопрос о ближайших планах его и Патриарха обновленческий деятель, в частности, заметил: *«Вообще мы будем проводить как политическую, так и церковно-каноническую программу группы “Живая Церковь”, установленную нашими двумя всероссийскими съездами»*. (Известия. 1924. № 117 (2152)).

[44] *Василий Виноградов, протопресвитер.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923—1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 29.

[45] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 47.

[46] Там же. Л. 55.

[47] Там же. Л. 58.

[48] Там же. Л. 59об.

[49] Следственное дело Патриарха Тихона. Разд. II. Док. № 121, 122, 126.

[50] Обновленческий Священный Синод, организованный 8 августа 1923 г., возглавил иерарх старого (до мая 1922 г.) поставления, бывший митрополит Евдоким (Мещерский).

[51] *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Указ. соч. С. 389; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917—1943 / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 326; Известия. 1924. № 155 (2190).

[52] *Василий Виноградов, протопресвитер.* Указ. соч. С. 29.

[53] Следственное дело Патриарха Тихона. Разд. II. Док № 141. См. также: *Сафонов Д.В.* Указ. соч. С. 127—132.

[54] Следственное дело Патриарха Тихона. Док. № 123.

[55] Там же. С. 777.

[56] Там же. С. 778.

[57] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 38.

[58] Там же. Л. 39.

[59] Там же. Л. 36.

[60] Там же. Оп. 113. Д. 353. Л. 10.

[61] Там же. Л. 49.

[62] Там же. Д. 871. Л. 10.

[63] Там же. Л. 27.

[64] См., напр.: *Лобанов В.В.* «Следствие не нуждалось в объективном доказательстве и подтверждении вины»: документы Госархива Российской Федерации о репрессиях против обновленческого духовенства и мирян во второй половине 1930-х гг. // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 94—101; *Его же.* Дело «епископа» Лазаря: (архивные документы о преследованиях обновленческого духовенства в годы «Большого террора») // Русский исторический сборник. М., 2010. Вып. II. С. 241—252.

[65] Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat: Die Protokolle der Antireligiosen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol’seviki), 1922—1929. Berlin, 2007.

Т.М. Смирнова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНЫХ ФОРМ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В СОВЕТСКОЙ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, 1920–1930-Е ГОДЫ*

Статья посвящена проблемам развития в послереволюционной России системы воспитания детей, лишенных родительской опеки. В центре внимания автора находятся такие вопросы, как патронатное воспитание и практика передачи детей на коллективную опеку колхозам, совхозам или рабочим бригадам.

Ключевые слова: социальная политика, социальное воспитание, патронирование, усыновление, опекунство, социальное сиротство, детская беспризорность, детская безнадзорность.

По официальной статистике в 2008 г. в России насчитывалось около 800 тысяч беспризорных детей, что более чем на 100 тысяч превышает численность беспризорников в СССР после Великой Отечественной войны. Численность в России так называемых «безнадзорных» детей к началу 2000-х годов достигала по разным оценкам от 2 (по данным Генпрокуратуры) до 6 (по подсчетам некоторых независимых экспертов) миллионов[1]. Очевидно, что данная проблема носит чрезвычайно сложный комплексный характер. Между тем, нередко приходится сталкиваться с упрощенным толкованием причин современного социального сиротства в России, якобы обусловленного советским наследием, прежде всего, — насаждением в послереволюционной России общественных форм воспитания детей в ущерб семейному воспитанию. Именно советскими традициями примата государственного воспитания над частным нередко объясняют стремительный рост численности в России «отказных» детей, а также причины отсутствия в отечественной культуре традиции усыновления сирот.

Однако советское наследие уходит все дальше в прошлое. Приоритет семейного воспитание детей, по тем или иным причинам оставшихся без попечения родителей, был юридически оформлен в

* Данная работа выполнена в рамках исследовательских проектов: «Повседневность, потребление и советский человек» по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и «Наследие прошлого и социально-культурные практики Современной России» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН.

России более десяти лет назад, в 1996 г. Наиболее предпочтительной формой семейного воспитания сирот признано семейное воспитание и прежде всего — усыновление. Развернутая в прессе кампания по пропаганде усыновления, на первый взгляд, привела к некоторым положительным сдвигам. Тем не менее, в целом ситуация лишь усугубляется. Определенные успехи в развитии семейных форм воспитания детей-сирот при ближайшем рассмотрении оказываются внешними. Рост «отказничества» по своим темпам опережает развитие института усыновления. Одновременно набирает темпы и такое специфически российское явление, как «разусыновление».

Очевидно, что для адекватной оценки причин сложившейся ситуации и поиска продуктивных методов ее решения было бы полезно всесторонне объективно проанализировать особенности развития в России семейных форм воспитания сирот, таких как усыновление, опека, патронирование. В последние годы изучению этого вопроса уделяется большое внимание. Однако основу историографии данной темы составляют работы юристов, педагогов, детских психологов и социальных работников. Так, об усыновлении пишут в основном юристы, специалисты в области гражданского и семейного права[2]. О патронировании до недавнего времени писали преимущественно педагоги, социальные работники и сами патронатные родители[3]. В результате в центре внимания исследователей оказывается изучение развития законодательства, изменений юридических норм в сфере усыновления, опекунства и прочих альтернативных форм устройства детей-сирот; обмен опытом между педагогами и социальными работниками; анализ работы отдельных социальных структур и учреждений опеки и попечительства либо достижений отдельных регионов в деле борьбы с сиротством и т.д. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последнее десятилетие отечественной и зарубежной историографией в деле изучения воспитания в Советской России детей, лишенных родительской опеки, комплексного исследования многогранной проблемы развития в СССР семейных форм воспитания сирот во всей ее полноте и в исторической ретроспективе на данный момент, к сожалению, нет. В частности, практически не изучена проблема развития в Советской России института усыновления (а точнее, причины его неразвитости); слабо изучена практика патронирования и передачи детей на коллективную опеку колхозам, совхозам или рабочим бригадам[4]. Между тем, именно сейчас, в условиях крайне противоречивого развития различных форм семейного воспитания осмысление отечественного опыта в этой сфере, осознание прошлых ошибок и их причин представляется крайне важным.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В развитии советской системы воспитания детей, лишенных родительской опеки, можно выделить несколько этапов. Первый — период формирования советской «детской» политики, когда, по меткому выражению В.П. Лебедевой, возглавлявшей в Наркомате здравоохранения РСФСР отдел охраны материнства и детства, власти «пригоршнями бросали лозунги в массу, ставили задания себе и торопливо, стремительно строили»[5]. Несмотря на очевидную «торопливость» и неопределенность государственной «детской» политики, в ней с первых же дней просматриваются определенные тенденции. В частности, в сфере защиты детей, лишенных родительской опеки, данный период характеризуется, прежде всего, их передачей под опеку государства.

В первые же дни существования Советской власти забота о детях была провозглашена «непосредственной обязанностью государства». Декрет СНК от 31 декабря 1917 г. провозгласил государство «другом и опекуном» всех детей Республики, а «заботу о ребенке — прямой заботой государства»[6]. На государственную власть была возложена полная ответственность за материальное обеспечение, образование и духовно-нравственное развитие всех детей и, в первую очередь, тех из них, кто по тем или иным причинам был лишен родительской опеки. В соответствии с этим, в деле воспитания сирот основная ставка была сделана именно на государственные детские дома. Логическим продолжением провозглашения приоритета социального воспитания и принципа ответственности государства за благосостояние и воспитание детей стал запрет усыновления (ст. 183 Кодекса законов о браке, семье и опекунстве 1918 г.). Как пояснялось во введении к Кодексу (КЗоБСО), усыновление было запрещено, прежде всего, в целях защиты интересов детей — из опасений их эксплуатации в крестьянских семьях[7]. Следует отметить, что после юридической отмены института усыновления, он не прекратил свое существование полностью. Сохраняли свою силу ранее возникшие усыновления (дети, усыновленные в дореволюционный период, приравнивались к родственникам по крови). Допускалось также усыновление, связанное с национальными традициями. В частности, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. («О дополнительных изъятиях, допускаемых при применении в Автономной Туркменской ССР Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве») разрешалось усыновление в отношении коренного населения Туркменистана.

В отличие от усыновления, опека не только была сохранена Семейным кодексом 1918 г., но и в соответствии со ст. 184—246 КЗоБСО

должна была занять весьма значительное место в социалистической системе воспитания детей, лишенных родительской опеки. Однако, в соответствии с новыми принципами социальной работы основу системы опекунства отныне составляла государственная опека в лице Народного Комиссариата соцобеспечения и его местных отделов (в декабре 1920 г. система опекунства и попечительства была передана в ведение Наркомпроса)[8]. Полномочия органов опеки и попечительства были достаточно широки. В соответствии с инструкцией Наркомата соцобеспечения об организации в составе местных отделов социального обеспечения подотделов опеки, им предоставлялось право устанавливать опеку не только над сиротами, но и над семейными детьми. Однако в условиях послереволюционной разрухи, гражданской войны и массовой беспризорности, отделы опеки не успевали даже всерьез заняться устройством осиротевших детей, не говоря уже об установлении опеки над детьми, воспитывавшимися в семьях.

Наряду с государственной допускалась и частная опека над сиротами, причем из права граждан она превращалась в их гражданский долг (в соответствии со ст. 195 КЗоБСО граждане РСФСР не имели права «отказываться от принятия на себя опеки»). В первые послереволюционные годы частная опека на практике практически не применялась, выражаясь словами известного российского правоведа П.И. Люблинского, вплоть до конца 1920 г. она являлась не более чем «пустым местом»[9].

Достаточно широко распространенное в дореволюционной России патронатное воспитание детей-сирот (так называемый «кормилично-питомнический промысел», т.е. раздача детей в крестьянские семьи на вскармливание и воспитание) в Семейном кодексе 1918 г. даже не упоминалось. Частное патронирование было признано не соответствующим как задачам реального обеспечения благополучия детей, так и основным принципам советской социальной политики. Тем не менее, отсутствие в Семейном кодексе 1918 г. запрета патронатного воспитания, впоследствии дало возможность для его достаточно широкого применения сначала «в виде исключения», а затем и в качестве общеупотребимой практики[10].

Таким образом, в первые годы Советской власти, несмотря на приоритет государственного воспитания детей-сирот, забота о них не ограничивалась лишь их воспитанием в детских домах, колониях и прочих детских учреждениях закрытого типа. Реальная ситуация была не столь однозначна.

В частности, приоритет семейного воспитания никогда не оспаривался в отношении младенцев. Отдел Охраны материнства и младенчества (ОММ) Наркомздрава РСФСР, в ведении которого находились все вопросы охраны детей в возрасте до трех лет, с первых же дней

своего существования последовательно отстаивал семейные ценности и необходимость именно родительского, а не общественного воспитания. В материалах ОММ неизменно подчеркивается стоящая перед государством задача приложить максимум усилий для сохранения ребенку матери. *«Сохранение ребенку матери — первейшая задача: лучшая для него* "*капля молока*" *— из материнской груди»*, — говорилось в частности в циркулярном письме отдела ОММ от 21 мая 1918 г.[11] Развитие государственной поддержки семей и матерей-одиночек рассматривалось руководством органов ОММ в качестве одного из наиболее эффективных методов предотвращения детской безнадзорности и беспризорности. Так, в 1920 г. на Первом совещании ОММ приоритетным направлением было признано развитие сети детских учреждений для детей, проживающих в семьях (ясли, детские консультации, молочные кухни). Приюты же для грудных сирот и подкидышей рекомендовалось открывать лишь «в случае крайней необходимости». При этом подчеркивалось, что приюты должны быть «мелкого типа» преимущественно с грудным вскармливанием детей[12]. Одновременно была организована массовая кампания поддержки матерей-одиночек и предотвращения подкидывания ими детей. Усилиями органов ОММ создавались общежития для матерей-одиночек с грудными детьми, а при общежитиях — специальные мастерские для их трудоустройства[13]. Большое внимание органы ОММ уделяли развитию патроната, но призывали применять его с крайней осторожностью. В частности, в апреле 1923 г. в основном докладе на II-м Всероссийском совещании по охране материнства и младенчества подчеркивалось, что патронирование грудных детей возможно лишь «в тех местах, где имеется хорошо поставленная консультация с врачом-специалистом и патронажными сестрами» и проводиться оно должно исключительно под контролем местных отделов ОММ и под систематическим наблюдением врача и патронажных сестер детских консультаций. Благодаря соблюдению этих правил, патронирование грудных детей и детей в возрасте до трех лет позволило в середине 1920-х годов значительно снизить уровень смертности детей данной возрастной категории[14].

В отношении детей более старших возрастов, особенно детей-подростков, ситуация была сложнее и противоречивее. Воспитанию «нового человека», «борца за коммунистическое общество» придавалось важное идеологическое значение, и, следовательно, ведущая роль в нем отводилась государству. В первые годы Советской власти, характеризующиеся радикальным сломом всей социально-политической системы, идеи целесообразности замены семейного воспитания общественным неоднократно поднимались на популярных в те годы конференциях, совещаниях и съездах по охране материнства и детства. Однако декла-

рируемый большевистской властью приоритет социального воспитания над частным не следует отождествлять с распространенными в те годы радикальными идеями теории общественного воспитания, высказываемыми такими его сторонниками, как А.М. Коллонтай, П.А. Лепешинский и др. Исходя из понимания воспитания, прежде всего как пути к «осуществлению общественного блага», отдельные наиболее радикально настроенные педагоги и политики высказывали даже предложения лишать родительских прав родителей, которые дают своим детям «воспитание, противоречащее всем началам нового строя», несмотря на хорошее («с обывательской точки зрения») обращение с детьми[15]. Однако эти и им подобные идеи так и не получили по-настоящему массовый характер и на практике реализованы не были. Напротив, ценности традиционного семейного воспитания не отрицались и многими советскими идеологами и практиками коллективных форм воспитания. В частности А.С. Макаренко в своих работах неоднократно подчеркивал ответственность родителей за судьбу ребенка и важность родительской любви для формирования полноценной личности: *«Если вы родили ребенка, — это значит, на много лет вперед вы отдали ему все напряжение вашей мысли, все ваше внимание и всю вашу волю [...] Люди, воспитанные без родительской любви, часто искалеченные люди»*. На вопрос воображаемого собеседника о том, кто несет ответственность за воспитание ребенка, Макаренко решительно отвечает: *«...за воспитание ребенка отвечает семья, или, если хотите, родители»*[16].

Первый опыт патронирования в Советской России был вынужденным: в 1918 г. руководство Московского губернского отдела соцобеспечения приняло решение временно разместить в семьях крестьян подмосковных деревень детей из бывших приютов и воспитательных домов. Детей распределяли по семьям в спешке, без учета желания и материальных возможностей крестьян. В результате к концу 1920 г. смертность среди размещенных в крестьянских семьях детей приняла, по свидетельству А.Д. Калининой, бывшей в то время комиссаром Московского губернского отдела социального обеспечения, «катастрофические размеры». Применение частного патроната было признано ошибочным[17]. Тем не менее, весной 1921 г. в условиях голода Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссия ВЦИК) вновь приняла решение «ввиду недостаточного количества детских домов и т.п. учреждений социального воспитания» временно в виде исключения разрешить «размещение детей голодающих губерний у частных лиц»[18].

В соответствии с разработанными Деткомиссией ВЦИК совместно с Наркомпросом РСФСР специальными «Правилами о размещении детей голодающих губерний у частных лиц» и многочисленными инструкциями, основным принципом патронирования должен был

стать принцип добровольности, — размещать детей следовало только в семьях, самостоятельно изъявивших желание взять на воспитание ребенка. Перед передачей ребенка в семью представителям местного отдела народного образования следовало провести тщательное обследование бытовых условий в ней, а местные отделы правовой защиты несовершеннолетних обязывались заполнить на каждого ребенка подробную анкету. Для последующего контроля динамики физического состояния ребенка в патронатной семье состояние его здоровья предписывалось фиксировать в специальных медицинских актах. Местные органы власти также обязывались каждый год выдавать патронируемым детям по 1 платью, 3 смены белья, по одной паре зимней и летней обуви, рукавицы и шапку, а также раз в три года выдавать пальто. Кроме того патронатной семье полагалось выплачивать регулярное пособие. За воспитанием ребенка должен был следить назначаемый из числа ответственных советских работников «коллективный опекун», которому полагалось посещать своего подопечного не менее одного раза в неделю[19]. При соблюдении всех этих условий патронирование действительно могло бы стать эффективным способом сокращения детской беспризорности и главное — детской смертности. Однако в экстремальных условиях социально-политической нестабильности, экономической разрухи и голода, а также отсутствия квалифицированных социальных работников не выполнялся даже основополагающий принцип патронирования — добровольность, не говоря уже о прочих условиях. По свидетельству современников, в патронатных семьях детям жилось тяжело, они нередко подвергались эксплуатации и унижениям, дискриминации по национальному и религиозному признакам.

Тем не менее, в январе 1922 г. Петроградская областная конференция по правовой защите несовершеннолетних единогласно приняла решение о необходимости «развить практику частного (семейного) патроната, ныне применяемого в отношении детей из голодающих губерний». Резкое сокращение финансирования детских домов в 1923—1924 гг. вынуждало их руководство в экстренном порядке сокращать численность своих воспитанников. И снова выход из критической ситуации попытались найти в развитии патронирования. Учитывая печальный опыт, работники органов защиты детей, педагоги и врачи неоднократно подчеркивали, что применение патронирования желательно, но лишь при установлении «надлежащих гарантий против возможных злоупотреблений», при условии обязательной материальной поддержки патронатных семей, а также организации обучения и медицинского обслуживания их воспитанников[20]. Однако все эти рекомендации так и остались лишь пожеланиями. На практике развитие патронирования приняло характер очередной кампании. Между местными властями возникло своеобраз-

ное соревнование за успешное выполнение задания центра. Они развернули широкую агитацию с призывом брать детей-сирот на воспитание в семьи и, едва добившись каких-то результатов в этом вопросе, спешили отрапортовать в центр о достигнутых успехах, не озадачивая себя проверкой тех условий, в которых оказались дети. Данные о численности размещенных в семьях детей регулярно размещались в агитационно-пропагандистских листовках, на страницах центральной и местной печати. Данные же о численности детей, возвращенных крестьянами, или сбежавших от своих патронатных опекунов, придавались огласке крайне редко. По данным Т.П. Бибанова, в 1923—1924 гг. в 32 губерниях РСФСР в патронатные семьи было передано свыше 52 тысяч детей-сирот. К сожалению, Бибанов ничего не пишет о том, как сложилась дальнейшая судьба этих детей, как обращались с ними опекуны, была ли у них возможность учиться и т.п. Исследователь справедливо отмечает, что ячейки Всероссийского общества «Друг детей» (ОДД) обследовали семьи, взявшие на воспитание детей, помогали им налаживать быт[21]. Можно добавить, что подобные выборочные обследования проводили и комсомольские организации, местные уполномоченные Деткомиссии, инспекторы РКИ. Однако обследования эти не носили систематический характер, а проходили в форме очередной кампании. Разработанная Деткомиссией ВЦИК и Наркомпросом система контроля над патронатными семьями на практике не работала, а случайные разовые проверки не могли спасти положение. Как явствует из материалов обследований крестьянских патронатных семей начала 1920-х годов, жизнь их воспитанников была крайне тяжелой: у них «в большинстве случаев отсутствовало все (подчеркнуто в документе. — *Т.С.*), одежда, обувь, а также и скудное питание», «никакой воспитательной работы» не проводилось, и «в огромном большинстве своем дети эксплуатировались крестьянами»[22].

Постепенно число противников патронирования стало расти даже среди работников детских домов, поначалу активно выступавших за его развитие. Вынужденное в 1920-х годах регулярно осуществлять «разгрузку» детдомов, их руководство возлагало на патронирование большие надежды. Однако вскоре, вследствие систематического отказа крестьян от детей и бегства последних, оно пришло к выводу о том, что более перспективным путем борьбы с беспризорностью является материальное укрепление детдомов, их обеспечение мастерскими и подсобными хозяйствами, улучшение качества обучения воспитанников детских домов, а также разукрупнение детских учреждений с целью приближения условий жизни их воспитанников к семейным. *«Казалось бы, отсюда один выход,* — писала по поводу крайней перегруженности детских домов заведующая отделом народного образования Иркутской губернии М. Золотарева в 1924 г., — *направ-*

ление ребят в деревню для распределения их по отдельным крестьянским семьям, где бы они, приучаясь к сельскохозяйственному труду, постепенно становились бы работниками деревни. Но если мы примем во внимание неуклонный возврат детей крестьянами, потерю детьми коллективных навыков, которые прививаются в детдомах через комсомольские и пионерские объединения, — то мы должны сказать, что и этот выход не даст нам желательных результатов и, главное, быстрого успеха»[23].

Таким образом, на протяжении первой половины 1920-х годов развитие патронирования имело противоречивый и неравномерный характер. К нему периодически прибегали в качестве «исключительной меры», вызванной экстремальными условиями. Однако экстремальные условия неизбежно сказывались и на методах практического осуществления патронирования, — в спешке, с нарушением всех инструкций и правил. В результате, патронирование нередко из способа борьбы с детской беспризорностью превращалось в эти годы в дополнительный фактор ее роста[24].

НАЧАЛО МАССОВЫХ КАМПАНИЙ ПАТРОНИРОВАНИЯ

Со второй половины 1920-х годов развитие патроната приобретает новый характер, что в значительной мере связано с постепенным осознанием в стране необходимости восстановления ценностей семейного воспитания, как одной из главных составляющих борьбы с детской безнадзорностью и вытекающими из нее формами асоциального поведения детей.

Впервые после 1917 г. государственные органы попытались перенести акцент с борьбы с беспризорностью как таковой и ее последствиями на борьбу с ее причинами. Еще до принятия в 1926 г. нового Семейного кодекса как в педагогической практике, так и в государственной политике наметился поворот к пониманию крепкой семьи и семейных ценностей как основы профилактики детской безнадзорности и беспризорности. В соответствии с этим, в вопросах воспитания детей, лишенных родительской опеки, было рекомендовано перенести приоритет с их общественного воспитания в государственных детских учреждениях на различные формы семейного воспитания, и прежде всего, — патронирование. ВЦИК и СНК РСФСР приняли ряд постановлений, стимулирующих передачу детей на воспитание в семьи трудящихся[25]. Этот курс встретил широкую поддержку педагогов, детских врачей, социальных работников. В 1926 г. был восстановлен институт усыновления. С этого момента власть всячески поощряла усыновление гражданами сирот и взятие их под опеку. Од-

нако продуманной государственной политики в этом отношении не было. Систематическую плановую работу, направленную на развитие института усыновления, не проводили ни органы опеки, ни Деткомиссия, ни какие-либо другие государственные органы. Любопытно, что усыновление, за крайне редким исключением, даже не упоминается ни в отчетах детских домов о «выбывших» воспитанниках, ни в планах местных Деткомиссий по борьбе с беспризорностью. В частности, в ежегодных отчетах детских домов и местных Деткомиссий в разделе «Выведено из детских учреждений» в качестве основных форм устройства воспитанников указываются следующие: патронирование в крестьянские семьи, патронирование в семьи кустарей, устроено на производство, устроено в профтехучилища и другие учебные заведения, устроено в колхозы и совхозы, в Красную Армию, к родным. Усыновление же упоминается в единичных случаях. Так, например, в отчетах местных Деткомиссий за 1926—1927 гг. сведения об усыновлении дали Нижегородская и Костромская губернии, в которых за отчетный период было усыновлено соответственно 182 и 62 ребенка[26]. Нередко встречается неопределенная формулировка «устроено в семьи», однако, что конкретно подразумевается под этим «устройством», — патронирование, опекунство или усыновление, — остается неясным. В отчетах и планах 1930-х годов усыновление практически не упоминается.

Если об усыновлении, как массовом социальном явлении в советском обществе, можно говорить лишь применительно к периоду Великой Отечественной войны, то практика передачи детей под опеку и в патронатные семьи заметно расширяется начиная со второй половины 1920-х годов. Опекунами становились, прежде всего, родственники, реже соседи. Иногда опекунство оформляли и совершенно посторонние люди, причем не всегда по собственной инициативе, зачастую вынужденно по поручению органов опеки. К сожалению, мы не располагаем точными статистическими данными о развитии института опекунства в эти годы в целом, лишь приблизительными данными по отдельным регионам. В частности, детские дома Нижегородской губернии за 1926/27 годы передали под опеку 225 воспитанников, а из детских домов Ленинградской области за 1927/1928 годы под опеку было отдано 1507 воспитанников[27]. В Москве в середине 1930-х годов на опекунстве находилось около 10 тыс. детей[28]. Сколько из этих детей обрели в семьях своих опекунов реальную заботу, установить, к сожалению, невозможно ввиду слабости контроля государственных органов над опекунскими семьями. В то же время достоверно известно, что нередко опекунство оформлялось исключительно из корыстных побуждений, в частности, для прописки на жилплощадь опекаемых детей[29]. Случалось, что опекаемые подростки становились и жертвами сексуального наси-

лия со стороны своих опекунов. Контроль над выполнением опекунами возложенных на них обязанностей усилился лишь во второй половине 1930-х годов. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» установило уголовную ответственность для опекунов, злоупотребляющих своими правами или не выполняющих свои обязанности[30].

Из всех форм семейного воспитания сирот наибольшее развитие получило в эти годы патронирование, несмотря на то, что горький опыт начала 1920-х годов обусловил если не скептическое, то, во всяком случае, настороженное отношение к нему со стороны многих педагогов, социальных работников и сотрудников детских домов. Во избежание повторения прежних ошибок Деткомиссия, Наркопрос, Наркомзем и Наркомфин РСФСР разработали новые инструкции, устанавливающие более жесткие условия передачи детей на патронат[31]. В частности, было рекомендовано передавать на воспитание в крестьянские семьи только детей, «имеющих психологическую склонность к крестьянскому труду», «элементарно грамотных» и не страдающих заразными болезнями. Кандидаты в патронатные воспитатели подлежали тщательной проверке органами отделов народного образования (ОНО) совместно с местными партийными и комсомольскими ячейками, ячейками ОДД. Среди основных вопросов, которые подлежало выяснить в ходе этой проверки, был и вопрос о причинах, побудивших данную семью (крестьянский двор) взять на воспитание ребенка. Обязательства крестьянского двора по отношению к патронируемому ребенку следовало фиксировать в специальном договоре. Среди прочих обязательств, в этом договоре содержалось и требование относиться к своему воспитаннику, как к «родному члену семьи», «предоставлять ему питание и уход, как остальным детям или подросткам», и не перегружать домашней, сельскохозяйственной и иной работой. В то же время были расширены льготы, предоставляемые крестьянам, патронирующим детей. Среди них — право получать на воспитанников земельные участки по нормам трудпользования; освобождение этих участков от сельскохозяйственного налога на три года и получение единовременной помощи из местного бюджета[32].

Очевидно, что требование относиться к патронируемому ребенку, как к родному, носило исключительно декларативный характер и практического значения не имело в силу отсутствия механизма контроля за его выполнением. Значительно больший практический смысл имело развитие принципа материальной заинтересованности семей, берущих на воспитание детей. Однако положительное в принципе начинание на практике нередко приводило к результатам, обратным желаемым, что наглядно проявилось в общероссийской кампании патронирования,

проведенной в детских домах в 1926—1928 гг. Эта кампания преследовала две основные цели. Во-первых, «разгрузить» переполненные детские дома и, во-вторых, приобщить подростков к труду, помочь им приобрести определенные трудовые навыки с целью их дальнейшего «устройства в жизнь». Именно последнее, — «устройство в жизнь» — декларировалась в качестве основной задачи проводимой кампании, и именно эта задача обусловила ее широкую поддержку со стороны общественности. По данным М.С. Эпштейна, члена коллегии Наркомпроса РСФСР, одного из создателей и руководителей Главного управления социального воспитания и политехнического образования (Главсоцвоса), за 1926 г. в крестьянских семьях расселили 4 400 детей, а в следующем, 1927 — еще более 7 тысяч. На основании этих данных Эпштейн сделал вывод об успешности проведенной кампании патронирования[33]. Однако добиться столь значительных результатов в кратчайшие сроки было возможно, лишь опираясь на массовую поддержку населения, на которое, собственно, и возлагалась основная нагрузка по воспитанию детей. Население же, как городские жители, так и крестьяне, отнюдь не торопилось разбирать детдомовцев. Понимая это, работники детских учреждений и уполномоченные местных Деткомиссий ВЦИК в подавляющем большинстве скептически относились к столь стремительному развитию патронирования, полагая, что успех проводимой кампании должен определяться не столько численностью размещенных в семьях детей, сколько качеством их дальнейшей жизни.

Как справедливо отметила Н.К. Крупская, «воспитывать озлобленных, больных, живших долгое время в тяжелых условиях звериной борьбы за существование, в атмосфере разврата ребят» было крайне сложно[34]. В этой ситуации главной побудительной причиной для крестьян, берущих на воспитание детей, нередко оказывались обещанные государством льготы и материальная помощь. Поскольку требуемые инструкциями обследования материального положения потенциальных патронатных воспитателей и выяснение их мотивации при взятии ребенка на воспитание на практике осуществлялись крайне редко, то патронирование фактически превратилось в своеобразный заработок для малоземельных и неимущих крестьянских семей. В результате патронируемые дети оказывались в противоречивом положении. С одной стороны, они формально обретали семью, с другой, — оказывались в тяжелых материальных условиях (зачастую даже худших, чем в детдомах), были лишены возможности получить должное внимание и образование, нередко были вынуждены нищенствовать и заниматься мелким воровством[35].

В то же время и сами крестьяне, бравшие на воспитание ребенка, зачастую оказывались в сложной ситуации. Их надежды поправить

свое материальное положение с помощью патроната оправдывались крайне редко, так как обещанные государством льготы в более-менее полном объеме предоставлялись в основном в тех регионах, местные власти которых добросовестно выполняли свою работу, а таковых было немного. В частности, своевременно выплачивали денежные пособия патронатным семьям в Самарской губернии и в Иркутском округе[36]. Однако добросовестные работники, следуя инструкциям, передавали детей на патронат лишь после предварительного обследования потенциальных воспитателей, отдавая предпочтение относительно благополучным семьям, а следовательно, не допускали возможности использовать патронирование с целью заработка. Власти же, торопившиеся как можно быстрее разместить детей, не задумываясь об их дальнейшей судьбе, и допускавшие передачу детдомовцев в практически нищие семьи, столь же халатно относились и к своим обязанностям по отношению к патронатным родителям и их подопечным. Положенные льготы предоставлялись ими не регулярно и не в полном объеме. Особенно плохо обстояло дело с выплатой денежных пособий, в некоторых губерниях пособия не выдавались вообще[37].

К сожалению, регионы, в которых патронатное воспитание развивалось в целом благополучно, были скорее исключением, чем нормой. На большей части территории Советской России передача детей на патронат проходила массовым порядком, в спешке, без предварительного обследования семей и заключения с ними соответствующих договоров. Численность передаваемых на патронирование детей определялась не реальной ситуацией в регионе, не возможностями и желанием местного населения воспитывать сирот, а принимаемыми облоно и районо планами и контрольными цифрами. Выбирая между необходимостью выполнения плана и всех требуемых инструкциями условий патронирования (добровольность, материальная помощь, последующее наблюдение за судьбой детей), местные власти, безусловно, отдавали предпочтение плану. Руководство детдомов, в свою очередь, пыталось с помощью развития патронирования в кратчайшие сроки максимально сократить число своих подопечных из-за острой нехватки средств на их содержание[38]. Система же контроля над патронатными семьями в большинстве случаев по-прежнему существовала только на бумаге.

При изучении материалов Деткомиссии за вторую половину 1920-х — 1930-е годы у исследователя возникает ощущение «дежавю». В принимаемых Президиумом Деткомиссии ВЦИК и местными Деткомиссиями ежегодных планах и периодических постановлениях об улучшении работы и о борьбе с беспризорностью из года в год почти слово в слово повторяются обязательства улучшить работу по патронированию детей и усилить контроль над патронатными семьями. Ана-

логичные требования содержатся также в партийных документах тех лет и в материалах местных органов власти. Областные и городские комитеты ВКП(б) ежегодно (а иногда и по несколько раз в год) принимают решение «обязать секретарей РК и председателей РИКов и зав. РайОНО организовать широкую работу по патронированию беспризорных детей и воспитанников детдомов в колхозах, возвращению родителям и близким родственникам и устройству переростков на работу в предприятиях, совхозах, колхозах и т.д.»[39]. Однако, принимая подобные решения, соответствующие органы зачастую не предпринимали никаких конкретных действий, направленных на их осуществление. «Не приняты конкретные меры, чтобы организовать патронирование детей»; «...в большинстве районов совершенно неудовлетворительно налажена работа по патронированию детей»; в «самом безобразном состоянии находится дело патронирования детей»; патронирование — самое «слабое звено» в работе, — вот типичная оценка практической работы по патронированию детей местными уполномоченными Деткомиссии ВЦИК[40]. Реакцией на подобную оценку становятся все новые и новые решения о развитии патронатного воспитания. Так, постановлением Секретариата Уральского Обкома ВКП(б) и Президиума Облисполкома «О ликвидации беспризорности и улучшении положения детдомов» от 26 октября 1933 г. было поручено передать 10 тысяч воспитанников детских домов области в семьи колхозников, организовав с этой целью с 1 ноября по 15 декабря 1933 г. специальную кампанию по патронированию[41]. Исполком Западной области только в 1934 г. дважды принимал решение о необходимости «широкого развития патронирования» — в январе и марте[42]. Развитию патронатного воспитания должно было способствовать и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», которое помимо прочего предусматривало и усиление ответственности председателей местных сельсоветов за несвоевременное устройство детей-сирот[43].

К сожалению, все эти многочисленные решения и постановления способствовали в основном росту количества детей, отданных в патронатные семьи, но не улучшению качества их жизни. Так, например, проведенное в декабре 1936 г. обследование патронатных семей Воронежской области показало, что в области проживало более 3 тысяч патронированных детей (245 в городе, остальные в деревне). При этом только на треть патронированных детей (1 083 ребенка) были составлены соответствующие анкеты в ОблОНО, и только в 17 патронатных семьях были обследованы условия жизни. Финансирование этих семей фактически ограничилось бюрократическим решением о выделении им средств из местного бюджета. Информации

же о том, получили ли семьи деньги и если да, то как они ими распорядились, в ОблОНО не было[44].

Проведенное по личному указанию заместителя председателя Деткомиссии ВЦИК З.И. Арановича обследование 16 патронируемых детей выявило печальную картину. Вот, например, как проверяющие описали условия жизни десятилетнего Константина Коровина, в 1934 г. переданного из детского дома на воспитание в семью колхозника Тарланова Усманского района: *«Живет в отвратительных условиях. Ребенок разут, раздет, спит на полу, ходит в лохмотьях. Был случай, когда ребенок был три дня без хлеба. Лишь 18 декабря этой семье были выданы средства за этого патронированного ребенка сразу за 6 месяцев в сумме 70 руб. Ранее выданные сельсоветом сразу за 11 месяцев по 12 кг муки и за 7 месяцев по 3 кг крупы на этого мальчика съедены всей семьей»*. Павлов Иван, 15 лет, в 1934 г. был патронирован из Алексеевского детского дома в семью колхозника Скрыпченко. Как показало обследование, за два года райОНО не оказал семье никакой помощи, в том числе не выплачивал средств на содержание ребенка. Некоторую помощь оказывали лишь сельсовет и колхозная касса взаимопомощи. Опекун не раз отказывался от воспитания подростка, ссылаясь на то, что тот ворует и пьет, однако сельсовет никаких мер в связи с этим не принял[45].

Альтернативой патронированию в семьи стало в эти годы коллективное патронирование в колхозы и совхозы, реже — в рабочие бригады и Красную Армию. Колхозные патронаты получили достаточно широкое распространение (в некоторых регионах подобные патронаты были организованы в каждом селе), но в своей деятельности повторили все ошибки и недостатки, которые были присущи патронату семейному. Создавались колхозные патронаты в основном по указанию сверху либо по решению руководства колхоза для выполнения плана, а не по желанию колхозников. Снабжение детей в них также зависело преимущественно от порядочности и добросовестности ответственных лиц, а не от установленных норм. Воспитания зачастую не было вообще никакого; многие дети, патронируемые колхозами, не посещали школу. Как показывают документы, дети, патронируемые крепкими колхозами, находились в «более или менее нормальных условиях»; в бедных же колхозах положение детей было крайне тяжелым. Тем не менее, прямой зависимости между финансовой состоятельностью колхозов и положением патронируемых ими детей нет. Известны случаи, когда крестьяне колхозов-бедняков проявляли значительно большую заботу о детях-сиротах, чем более состоятельные колхозники. В частности, проверяющие не раз сталкивались с ситуацией, когда дети колхозных патронатов голодали, несмотря на то, что средства на их содержание были выделены сельсоветом или колхозными кассами взаимопомощи. Так, на-

пример, в крайне тяжелых условиях проживали дети, патронируемые в 1935 г. колхозом Базель автономной республики Немцев Поволжья. Помещение колхозного патроната почти не отапливалось, дети были истощены, накануне проверки они уже два дня ничего не ели. При этом, как показала проверка, в колхозной кассе взаимопомощи лежали не востребованными 1 350 рублей. В тяжелом положении находились и многие другие дети, патронируемые колхозами этой республики (всего в колхозных патронатах республики находилось 2 012 детей). Так, в Гнаденфельде 17 ребят, патронируемых местным колхозом, были сильно истощены, жили в антисанитарных условиях, без постельного белья, без бани; средства к существованию добывали нищенством. В Блюменфельде дети колхозного патроната (17 человек) также были «брошены на произвол судьбы», всю зиму питались затирухой, никакого воспитания и образования не получали[46]. Аналогичную ситуацию выявили и проверки в Воронежской, Западной, Куйбышевской и других областях. В частности, в колхозе «Новый быт» Белогородского района Курской области патронированные дети жили «в жутких условиях»: без одежды и обуви, на питание им выдавали только 18 кг ржи в месяц на всех; из 6 ребят школьного возраста двое школу не посещали[47].

Обследования колхозных патронатов не раз приводили проверяющих к выводам о том, что коллективный патронат «не дает примеры коллективного воспитания беспризорных», а, напротив, «дискредитируют не только формы колхозного патроната, но и колхозы, которые взяли на себя опекунство»[48]. Выход из ситуации попытались найти в передаче детей из коллективных патронатов в семьи колхозников-ударников. Поскольку новые патронатные воспитатели принимали ребенка в семью вынужденно, то фактически дети оставались на попечении того же колхоза. Таким образом, возникает своеобразный замкнутый круг, — детский дом, патронатная семья, колхозный патронат, снова патронатная семья либо очередной детский дом. Это перебрасывание детей от одних опекунов к другим не меняло принципиально их положение и, тем более, не могло радикально изменить саму систему патронирования. Навести порядок в этой системе было призвано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся» (1.04.1936)[49], но на деле постановление лишь конкретизировало институт патроната в правовом отношении. Наведение порядка в нормативной части патронирования, совершенствование его законодательно-распорядительной базы, не повлекли за собой существенных изменений в его практике, которая зависела не столько от законов и инструкций, сколько от конкретных людей, воплощавших эти инструкции в жизнь. Местные власти зачастую забывали не только об обязательных договорах передачи ребенка на патронат, но и об эле-

ментарном учете патронируемых детей, руководствуясь не столько инструкциями, сколько сложившимися обстоятельствами. В частности, в Семяжском районе Вологодской области в первой половине 1938 г. в патронатные семьи было передано 17 детей, но соответствующие договоры были оформлены только на восьмерых. В ряде других районов области договоры о патронировании вообще не составляли либо составляли формально, «для галочки», без указания требуемых сведений, включая и адрес проживания будущей патронатной семьи[50]. Проверка Деткомиссии в Вологодской области обнаружила, что в 1938 г., как и в голодные 1921—22 годы, во многих районах «никому не известно, куда и кому отданы на воспитание дети»[51]. Соответственно ни о контроле над условиями их проживания и воспитания, ни об обещанных патронатным семьям выплатах положенных пособий не могло быть и речи.

Отсутствие систематического контроля над патронатными семьями со стороны местных отделов народного образования вынуждало руководство Деткомиссии при ВЦИК и партийных органов периодически проводить выборочные обследования, которые в подавляющем большинстве случаев выявляли многочисленные нарушения в передаче детей на патронат и тяжелые условия проживания патронируемых детей[52].

Таким образом, развитие в послереволюционной России семейных форм воспитания сирот носило противоречивый и неравномерный характер. Основной формой семейного воспитания детей, лишенных родительской опеки, в 1920—1930-е годы становится патронирование. Будучи инициировано властью и социальными работниками, развитие патронирования фактически приобрело характер массовых политических кампаний. В погоне за цифрами и показателями местные власти зачастую игнорировали соответствующие инструкции и постановления, передавая детей на воспитание в семьи и колхозы в спешке, без соблюдения необходимых условий. Принудительное насаждение патронирования, сопровождавшееся массированной агитационно-пропагандистской кампанией с призывами выполнять свой долг по отношению к детям-сиротам, но не подкрепленное выполнением властью взятых на себя обязательств в деле помощи патронатным семьям, вызывало у населения реакцию отторжения.

[1] Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* Государство или общественная инициатива?: опыт решения «детских проблем» в 1917—1930-е гг. для современной России // Социальная история, 2009: ежегодник. М., 2009. С. 296—298.

[2] См., например: *Кустова В.В.* Актуальные проблемы установления усыновления в российском праве // Журнал российского права. М. 2002. № 7. С. 81—87; *Шохина Л.Н.* Правовые основы государственной поддержки детей-сирот // Гражданин и

право. М., 2002. С. 63—78; *Волкова Н.Д.* Состояние законности при усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации (анализ практики прокурорского надзора) // Прокурорская и следственная практика: орган генеральных прокуроров стран СНГ. М., 2000. № 3—4. С. 73—82; и др.

[3] См., например, работы М.Ф. Терновской, одного из крупнейших современных практиков и теоретиков патронатного воспитании: *Терновская М.Ф.* Патронат как механизм реализации права ребенка жить и воспитываться в семье // Сироты России: право ребенка на семью. М., 2001; *Ее же.* Реабилитационный детский дом и служба патронатного воспитания детей-сирот и детей из неблагополучных семей // Защити меня. М., 1998. С. 12, 13; Работа детского дома № 19 г. Москвы как уполномоченной службы органов опеки и попечительства / Терновская М.Ф., Бухман Е.В., Власова Е.В., Зайцев С.В. и др. М., 2001; *Терновская М.Ф., Иванова Н.П.* Развитие патронатного воспитания в регионах России. М., 2002; *Терновская М.Ф. и др.* Отчет о мониторинге и оценке деятельности опытно-экспериментальных площадок по устройству детей на воспитание в семью. М., 2003. Ч. 1—2; и др.

[4] Вплоть до начала нынешнего столетия история патронирования и института усыновления в послереволюционной России изучалась преимущественно зарубежными исследователями, работы которых не были переведены на русский язык. (См., например: *Bernstein L.* Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. January 2001. Vol. XXVI. № 1. P. 66—89; *Bernstein L.* The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. January 1997. Vol. XXII, N 1. P. 204—226; *Ball Alan M.* The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // Slavic Review. Summer 1992. Vol. 51, N 2; *Idem.* And Now My Soul is Hardered: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930. Berkeley: University of California Press, 1994; *Goldman W.* Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 97—99, 307, 308). В отечественной же литературе советский опыт развития семейных форм воспитания детей-сирот лишь недавно стал объектом серьезного научно-исторического анализа. Ряд любопытных статей на эту тему вышел непосредственно в период изучаемых событий, т.е. в 1920—1930-х и в конце 1940-х годов. (*Назаров Д.* Опыт размещения детей и подростков из детдомов по крестьянским семьям // На помощь детям. М., 1926. С. 16, 17; *Орловский Б., Окуньков А.* О патронировании (передача воспитанников детских домов в трудовые семьи) // Школа и жизнь. 1926. № 6—7. С. 28—31; *Павловский В.А.* Опыт отдачи детей в патронат в городе Москве // Охрана материнства и младенчества. 1925. № 2. С. 118—124*; Попов М.* Детская беспризорность и патронирование. Иваново, 1929; *Родман В.П.* Задачи патроната // Вопросы материнства и младенчества. 1939. № 2—3; *Серебряный М.С.* Льготы крестьянам за воспитание беспризорных. М.; Л., 1927; *Свердлов Г.М.* Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент, 1943; и др.). На новый уровень исследование этой темы выходит лишь в 2000-х годах. (См.: *Смирнова Т.М.* «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России, 1918—1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25—37; *Ее же.* Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов: труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». М.; Тверь, 2008. Вып. 1. С. 174—196.)

[5] Цит. по: *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 123.

[6] Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* Государство или общественная инициатива? С. 296—329.

[7] Ссылка на заботу о детях, как главный побудительный мотив отмены института усыновления, отнюдь не является частью пропагандистской риторики, как это может показаться современным читателям. Высказанные во введении к Ко-

дексу опасения имели весьма веские мотивы, что подтверждается и рядом современных исследователей. (См., например: *Goldman W*. Op. cit. P. 52.) Институт усыновления был восстановлен в 1926 г.

[8] Декрет СНК «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата социального обеспечения» от 2.12.1920 г. (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 93. Ст. 506).

[9] *Люблинский П.И.* Опека и детская беспризорность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 194.

[10] В отличие от опекунства, которое устанавливалось вплоть до совершеннолетия, патронат был временной формой устройства детей-сирот в семью для воспитания и профессионального обучения. Патронирование должно было осуществляться исключительно на добровольной основе и оформляться специальным договором между местными органами власти и семьей, берущей ребенка на воспитание. В настоящее время понятия «патронат» и «опека» претерпели некоторые изменения. Многие современные специалисты полагают, что различия между такими формами устройства детей, как опека, приемная семья и патронирование, весьма формальны. Фактически приемную семью и патронат можно рассматривать как разновидность опеки (попечительства). (См.: *Михеева Л.Ю.* Проблемы систематизации форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Защита прав ребенка в современной России: материалы науч.-практ. конф. М., 2004. С. 115—123).

[11] Отчет по отделу охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 года по 1 мая 1919 года. М., 1919. С. 135, 136. Подробнее см.: *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 101, 104, 105.

[12] *Конюс Э.* Указ. соч. С. 133.

[13] Подробнее об этом см.: Там же. С. 130—134, 175, 176, 193; *Нечаева А.М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000; *Goldman W*. Op. cit.; *Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History. Fall 1993. Vol. 2; и др.)

[14] См.: *Конюс Э.М.* Указ. соч. С. 130—134, 175, 176, 193, 194.

[15] Цит. по: *Тоттенборн З.* Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право. 1919. № 2—4. С. 71, 72.

[16] *Макаренко А.С.* Книга для родителей. Л., 1981. С. 12, 17, 24, 25.

[17] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

[18] Там же. Д. 11. Л. 6.

[19] См.: Там же.

[20] См: *Люблинский И.П.* Указ. соч. С. 200.

[21] *Бибанов Т.П.* Общество «Друг детей» // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 166.

[22] ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 39. Л. 10.

[23] Цит. по: Спасенные революцией: борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920—1931 гг.). Иркутск, 1977. С. 63.

[24] Подробнее о развитии патронатного воспитания в начале 1920-х годов и особенностях повседневной жизни патронируемых детей см.: *Смирнова Т.М.* «Любимые дети Советской республики». С. 25—37; *Ее же*. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность. С. 174—196.

[25] Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по подготовке воспитанников детдомов к трудовой общеполезной деятельности» (21.09.1925), «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» (8.03.1926), «О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» (5.04.1926) и др.

[26] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 404. Л. 66 об., 125 об.

[27] Там же. Л. 62—63, 125 об.

[28] Центральный архив города Москвы. Ф. 528. Оп. 1. Д. 465. Л. 24 об.
[29] Там же. Л. 24—25 об.
[30] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза ССР / Совет Народных Комиссаров СССР (СЗ и Р СССР). 1935. № 32. Ст. 252.
[31] Инструкция Наркомпроса, Наркомфина и Наркомзема РСФСР «По применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР "О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду"» (5.04.1926); Инструкция Наркомпроса РСФСР «О порядке и условиях передачи воспитанников детдомов в крестьянские семьи для подготовки к сельскохозяйственному труду» (17.05.1926) и др.
[32] Подробнее см.: Определение воспитанников детских домов и беспризорных детей в крестьянские семьи: (постановления правительства и инструкции). Тамбов, 1927. С. 3, 4, 5—8; *Попов М.* Детская беспризорность и патронирование. Иваново, 1929. С. 17—19, 26, 27.
[33] Детский дом и борьба с беспризорностью: всерос. конф. работников детских домов (15—20 ноября 1927 г.). [М.]: Наркомпрос РСФСР; Главсоцвос; Госиздат, 1928. С. 19.
[34] *Крупская Н.К.* Пед. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 2. С. 152, 153.
[35] См., например: *Гиндин.* Роль комсомола в борьбе с детской беспризорностью // Комсомол и беспризорность. Харьков, 1926. С. 19; Год решительной перестройки: по материалам Второго Московского съезда общества «Друг детей». М., 1931. С. 172.
[36] См.: *Назаров Д.* Указ. соч. С. 16, 17; Спасенные революцией ... С. 78, 79, 81—83.
[37] См., например: *Попов М.* Указ. соч. С. 19; Год решительной перестройки ... С. 172.
[38] См., например: Спасенные революцией ... С. 76, 77.
[39] См., например: ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1634; Оп. 3. Д. 19. Д. 34, 35.
[40] См., например: Там же. Оп. 1. Д. 1719. Л. 25, 33—38, 58; Оп. 3. Д. 19. Л. 115, 118; Д. 35. Л. 61 и др.
[41] Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 22—24.
[42] Там же. Д. 34. Л. 30, 31.
[43] СЗ и Р СССР. 1935. № 32. Ст. 252.
[44] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 3. Д. 35. Л. 103—123.
[45] Там же. Л. 108—109.
[46] Там же. Д. 19. Л. 108.
[47] Там же. Д. 29.
[48] Там же. Д. 19. Л. 108.
[49] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1936. № 9. Ст. 49.
[50] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1719. Л. 25, 33—38, 58, 96.
[51] Там же. Д. 1718. Л. 11. См. также: Там же. Д. 1719. Л. 25, 33—38.
[52] См., например: Там же. Д. 1719, 1721.

В.А. Невежин

БОЛЬШИЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ПРИЕМЫ СТАЛИНА: ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

В статье говорится о складывании традиции проведения больших кремлевских приемов, грандиозных застолий в Кремле для советской элиты с участием Сталина и его «ближнего круга» в 1930-е годы. Основываясь на архивных документах и ранее опубликованных материалах автор, делает вывод, что первые кремлевские приемы были проведены в мае 1935 г. и являлись мероприятиями особой государственной важности, способствуя консолидации советского вождя и элиты, укреплению власти Сталина в стране и в партии.

Ключевые слова: большие кремлевские приемы, режим Сталина, советская элита, консолидация власти.

Общение за столом (застолье) как специфическая и своеобразная форма межчеловеческих отношений имеет тысячелетнюю историю. В качестве объекта исследования оно привлекает внимание ученых: философов, историков, этнографов, культурологов[1]. Так, в ходе конференции «Социальность, рожденная за пиршественным столом», были высказаны любопытные наблюдения[2]. Отмечалось, что именно во время застолий «под покровом неизменных ритуалов» подчас «рождаются и реализуются социальные отношения»[3].

Заслуживает внимания мнение академика РАН Ю.А. Полякова о том, что изучение роли и места в жизни людей дружеских вечеринок, застолий и т.д. является «тематически важным пластом», одним из магистральных направлений в исследовании истории повседневности[4]. Ученый также отмечал несомненную значимость «сотрапезничества и собутыльничества для функционирования советской социально-политической системы»[5]. Эти выводы и наблюдения в полной мере можно отнести к сталинской эпохе.

В популярной литературе можно встретить утверждение о том, что единственной человеческой слабостью, которую мог себе позволить Сталин, были многолюдные обеды и ужины на его так называемой «Ближней даче». Однако на самом деле круг сталинских застолий этим не ограничивался. Помимо обедов и ужинов в узком кругу в 1930—1940-х годах проводились приемы в Кремле.

Приемом принято называть один из видов официального застолья; торжественное, праздничное действо за накрытыми столами, сопровождающееся употреблением алкогольных напитков. Приглашаемые

на него удостаиваются такой чести исключительно в силу значимости занимаемого общественного положения. Будучи видным государственным и политическим деятелем, Сталин умело использовал приемы для упрочения создаваемого им режима, укрепления и презентации своей единоличной власти. За накрытым столом вождь имел возможность непосредственно общаться не только со своими родственниками, но и с ближайшими «соратниками» по Политбюро, советскими и зарубежными военными, политическими, общественными деятелями, учеными, писателями, художниками, артистами. Сталин, подобно Петру I, превратил застолье «в орудие достижения своих политических целей и решал с его помощью многие задачи»[6]. Это было важной составляющей сталинского «сценария власти»[7].

В Кремле в большом Кремлевском Дворце с его участием проходили пышные банкеты, на которые приглашались многочисленные представители советской партийной, военной, технической, интеллектуальной элиты. По числу участников (их количество доходило порой до нескольких тысяч человек), по месту проведения (Большой Кремлевский Дворец), наконец, по своей исключительной значимости такого рода застолья можно с полным основанием назвать *большими кремлевскими приемами*[8].

В предлагаемой статье рассматривается вопрос о возникновении традиции сталинских банкетов в Кремле. Данный сюжет приобретает особую актуальность в связи с тем, что, во-первых, в некоторых публикациях принижается историческая значимость этих грандиозных сталинских застолий, а во-вторых, допускаются неточности в определении времени их зарождения.

В попытках объяснения побудительных причин организации советским вождем больших кремлевских приемов, отдельные авторы прибегают порой к априорным суждениям, которые на деле не имеют под собой серьезных оснований. Например, В.Д. Николаев взял на вооружение ложно понятый «антропологический подход». Николаев утверждал, что «неуемная грузинская душа Сталина не удовлетворялась ролью тамады только в домашнем застолье. Как истинный кавказский человек, вождь любил также многочасовые массовые застолья, которые он устраивал в Кремле»[9].

По мнению составителя «Энциклопедии алкоголя» Л.Д. Мирошниченко, сталинское пристрастие к банкетам с обильной выпивкой на столе обосновывалось стремлением советского вождя создать видимость «счастливой радостной жизни в стране». Они могли быть «весьма помпезными», проводились в «больших залах, в том числе кремлевских, с сотнями участников, с приглашением артистов, а также со щедрым угощением, включая хорошие вина»[10].

П.В. Романов утверждал (правда, без ссылки на исторические источники), что первый прием в Кремле организован по инициативе Сталина в 1935 г. «для передовых женщин страны» и приурочен к Международному женскому дню. «С легкой руки вождя, — писал Романов, — теперь такие приемы были практически официально разрешены. И полилось вино рекой, заладились банкеты *по любому поводу* (выделено мной. — *В.Н.*)»[11].

Несмотря на всю категоричность его утверждений, П.В. Романов допустил неточность, поскольку на самом деле, как будет показано ниже, первый официальный прием в Кремле с участием Сталина был проведен не в марте, а в мае 1935 г. И приурочен был этот прием не к Международному женскому дню, а устроен в честь представителей элиты Красной армии.

С середины 1930-х годов в СССР начали набирать обороты массовые политические репрессии, которые напрямую затронули представителей советской элиты. Однако они являлись лишь одной из составляющих сложного и многообразного процесса формирования социальной базы сталинского режима, хотя чаще всего удостаиваются внимания историков и публицистов. На смену большевикам «ленинской гвардии», многие из которых были физически уничтожены в 1936—1938 гг. как «враги народа», приходили сталинские «выдвиженцы». Эта генерация была представлена людьми молодого и среднего возраста, имевшими преимущественно пролетарское либо крестьянское происхождение. Они направлялись на партийную, комсомольскую, хозяйственную работу, составляли основу командного и политического состава Красной армии. Сталин и его ближайшие соратники ясно осознавали важную роль Вооруженных Сил в условиях надвигавшейся войны, когда СССР практически вступил в предмобилизационный период. Их командный состав большевистский вождь хотел видеть преданным не только «делу защиты социалистического Отечества», но и себе лично.

Стремясь найти в Красной армии свою опору, вождь использовал самые различные методы. Так, на высшие командные должности назначались люди, с которыми Сталин был связан по службе еще со времен Гражданской войны. Особое предпочтение отдавалось «первоконникам» — тем, кто служил в Первой Конной армии, входившей в состав Юго-Западного фронта в 1919—1920 гг. Сталин являлся тогда членом Реввоенсовета этого фронта. «Первоконники» (К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, А.И. Егоров и другие) во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов постепенно составили руководящий костяк Народного комиссариата по военным и морским делам, вытеснив сторонников первого главы советского военного ведомства Л.Д. Троцкого.

Большевистское руководство понимало необходимость количественного и качественного роста командного и технического состава Красной армии. Поэтому были предприняты практические шаги по расширению сети военно-учебных заведений и, в частности — академий. К началу 1930-х годов в стране имелось 6 военных академий. Старейшими из них являлись академии, расположенные в Москве: им. М.В. Фрунзе (до революции — Николаевская академия Генерального штаба), Артиллерийская (преемница Михайловской артиллерийской академии), Военно-Воздушных Сил РККА им. Н.Е. Жуковского. В Ленинграде на решение задачи подготовки среднего и высшего командного состава Красной армии были нацелены: Военно-техническая, Военно-политическая им. Толмачева, Военно-инженерная, Военно-медицинская им. С.М. Кирова академии.

Реорганизация советских Вооруженных Сил, совершенствование их технического оснащения в условиях надвигавшейся войны потребовали подготовки большого количества командиров для бронетанковых, химических, инженерных войск, частей связи РККА. С начала 1930 годов стали одна за другой открываться новые военные академии. В Москве — Моторизации и механизации им. Сталина (1932), Военно-химическая им. К.Е. Ворошилова (1932), Военно-инженерная им. В.В. Куйбышева (1932), Генерального штаба им. К.Е. Ворошилова (1936), Военно-воздушная командного и штурманского состава ВВС (1940), Военно-воздушная им. А.Ф. Можайского (1941), Военно-транспортная им. Л.М. Кагановича (в 1938 г. переведена в Ленинград). В Ленинграде открылись следующие академии: Военно-электротехническая им. С.М. Буденного (1932), Военно-морская им. К.Е. Ворошилова; в Харькове — Военно-хозяйственная (1935).

Для того чтобы приблизить к себе, расположить, подчинить своей личной власти элиту Красной армии, Сталин использовал и такой действенным метод, как устройство для ее представителей многолюдных застолий в Кремле. Наряду с К.Е. Ворошиловым он стоял у истоков новой советской традиции — организации больших кремлевских приемов.

В последнее время в российской историографии начата разработка проблем формирования образов власти путем целенаправленного символического обустройства среды человеческого обитания. Одним из ключевых становится вопрос архитектурно-ландшафтных презентаций господствующих режимов. При этом большое внимание уделяется Москве, оказавшей существенное влияние на формирования «пространства власти», которое определяется, прежде всего, расположением «зримых знаков» властного присутствия, в том числе — мест официальных церемоний.

В допетровскую эпоху подобного рода «знаки» были сосредоточены в московском Кремле. «Пространство власти» вплоть до начала XVIII в., когда центр России переместился в Санкт-Петербург, замыкалось рамками ставшей знаменитой на весь мир державной кремлевской крепости[12].

В 1918 г., после двухсотлетнего пребывания Москвы в роли «второй» российской столицы, городу был возвращен статус настоящей столицы, уже нового, Советского государства (с 1922 г. — Союза Советских Социалистических Республик). Разрушения времен Гражданской войны и кампания по уничтожению памятников царской эпохи не затронула Большой Кремлевский Дворец. Именно здесь в начале 1930-х годов стали практиковаться завтраки, которые устраивались от имени Реввоенсовета СССР — коллегии Наркомата по военным и морским делам. В 1925 г., после смерти М.В. Фрунзе, Председателем РВС и народным комиссаром по военным и морским делам был назначен ближайший соратник (в прямом и переносном смысле) Сталина, К.Е. Ворошилов.

Ежегодно 1 мая (в День международной солидарности трудящихся) на Красной площади устраивались своеобразные смотры боевой выучки и технической оснащенности бойцов и командиров РККА — грандиозные военные парады. Также ежегодно, в начале мая в Кремле происходила церемония очередного выпуска слушателей военных академий. К началу 1930-х годов сложился обычай приглашать участников первомайских парадов, а вслед за ними и выпускников военных академий («военных академиков») в Кремль на завтраки, сопровождавшиеся небольшой концертной программой. Участники парада удостаивались такой чести на другой день после его проведения (2 мая). «Военные академики», присутствовавшие на торжественной церемонии выпуска, заполняли парадные залы Большого Кремлевского Дворца сразу по завершении ее официальной части (как правило, торжества приходились на 4 либо на 5 мая). Здесь их ожидали накрытые столы. В непринужденной обстановке застолья происходило общение красноармейцев и командиров с руководителями большевистской партии и советского правительства.

Инициатором организации завтраков в Кремле для рядового и командного состава Красной армии являлся К.Е. Ворошилов, который играл на них роль полноправного хозяина. В 1930 г. он обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой о том, чтобы члены высшего партийного руководства приняли участие в торжествах по случаю очередного выпуска военных академий. В ответ последовало следующее постановление от 30 апреля 1930 г. «а) *рекомендовать* (выделено мной. — *В.Н.*) членам Политбюро принять участие в заседании по

случаю выпуска военных академий; б) поручить т. Калинину выступить с речью при открытии заседания»[13]. М.И. Калинин в то время официально занимал высшую должность в СССР. Примечательно, что данное постановление не распространялось на генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина, которому с 4 мая 1930 г. Политбюро предоставило трехнедельный отпуск для подготовки текста отчетного доклада к предстоящему XVI съезду большевистской партии[14].

Представители высшего партийного руководства в первой половине 1930-х годов посещали «ворошиловские завтраки» в Кремле в качестве почетных гостей. Однако задерживались они на этих застольях лишь на 2—3 часа и, как правило, не дожидаясь окончания, удалялись.

Средства массовой информации, находившиеся под строгим контролем партийной цензуры, в отчетах о кремлевских завтраках и обедах в честь представителей военной элиты использовали обтекаемые формулировки, которые, однако, в определенной степени отражали специфику подобного рода событий. Так, газета «Правда» писала, что 2 мая 1934 г. в Большом Кремлевском Дворце «на завтраке, организованном Реввоенсоветом Союза, состоялась *встреча* (выделено мной. — *В.Н.*) руководителей партии и правительства с участниками первомайского парада». Сообщение об этом завтраке имело характерный подзаголовок: «Товарищ Сталин, члены Политбюро и правительства *среди* (выделено мною. — *В.Н.*) лучших ударников Красной Армии»[15].

В июне 1934 г. Реввоенсовет был упразднен, а военное ведомство переименовано в Наркомат обороны СССР во главе с К.Е. Ворошиловым. 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит член Политбюро ЦК ВКП(б), ближайший соратник Сталина С.М. Киров. Это убийство заставило советского вождя всерьез задуматься об усилении мер собственной безопасности.

В первую очередь, были предприняты практические шаги по ужесточению охраны территории Кремля. В январе 1935 г. НКВД завело так называемое дело «Клубок». В задачу следствия априори входило доказать существование заговора с целью физического устранения Сталина и других представителей узкого советского руководства. Пока велось следствие, Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило 14 февраля 1935 г. (по представлению народного комиссара внутренних дел Г.Г. Ягоды) важное решение «Об охране Кремля». Оно было направлено на усовершенствование всей системы обеспечения безопасности правительственных зданий и проживавших в Кремле членов Политбюро и советского правительства, прежде всего, Сталина.

По аналогии со Смольным сразу после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву было создано Управление комен-

данта Московского Кремля. Вначале службу по охране Кремля несли латышские стрелки. После их отправки на фронт в сентябре 1918 г. из Лефортова в Кремль передислоцированы пулеметные курсы, которые в январе 1919 г. были переименованы в Первые московские пулеметные курсы по подготовке командного состава РККА. Позднее они стали называться Военной школой имени ВЦИК. На кремлевских курсантов, как их стали называть, были возложены задачи охраны Кремля, обеспечения безопасности руководства государства, участия в охранных мероприятиях во время встреч руководителей государства и правительства с представителями зарубежных стран, осуществление пропускного режима и поддержание порядка на территории Кремля. Специально для этих целей при Военной школе имени ЦИК создали учебный батальон из 8-ми подразделений, на который и возлагалась задача охраны объектов Московского Кремля. В 1932 г. учебный батальон реорганизован в батальон подготовки командиров взводов запаса, а позднее — в батальон особого назначения[16].

Согласно постановлению «Об охране Кремля» от 14 февраля 1935 г., существенно ограничивалась сфера деятельности коменданта Кремля. Из перечня его обязанностей была изъята хозяйственная деятельность, в том числе — работы по реконструкции Большого Кремлевского Дворца. Изменялся порядок подчиненности комендатуры Кремля. Если до февраля 1935 г. ответственность за безопасность на кремлевской территории несли и вместе с тем должны были контролировать ситуацию руководители ЦИК СССР (в частности, организацию внутренней службы) и Наркомата обороны (по линии военного гарнизона), то отныне Управление коменданта Кремля стало подчиняться НКВД по внутренней охране и НКО — по военной охране. Была введена дополнительная штатная должность заместителя коменданта по внутренней охране, которую занял А.И. Успенский.

Постановление Политбюро от 14 февраля 1935 г. также предписывало вывод с территории Кремля в кратчайшие сроки ряда советских учреждений (приемных ЦИК СССР и ВЦИК, Центральной избирательной комиссии и др.). Специальный пункт названного постановления касался кремлевского военного гарнизона, функции которого выполняла Военная школа имени ЦИК, насчитывавшая восемь рот курсантов (вместе с командным составом — порядка полутора тысяч человек). Была создана специальная комиссия, в которую вошли представители НКВД (Г.Г. Ягода, Г.А. Молчанов, К.В. Паукер, М.П. Фриновский), а также секретарь Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе и комендант Кремля Р.А. Петерсон. Ей было предписано в двухмесячный срок разработать и предоставить план реорганизации охраны

Кремля. Одновременно намечалось вывести за его пределы Военную школу имени ВЦИК. Данная задача была разрешена лишь в октябре 1935 г., а до этого срока действовало созданное в феврале 1935 г. специальное подразделение — особое отделение (на правах отдела), подчинявшееся в вопросах, связанных с организацией оперативной работы, непосредственно руководящему аппарату НКВД. Функции охраны Кремля передавались батальону особого назначения. Это подразделение вошло в состав Управления коменданта Кремля.

Почти год спустя, 9 февраля 1936 г. Политбюро утвердило новое постановление, согласно которому Комендатура Кремля во всех отношениях, в том числе и по линии гарнизона, подчинялась Народному комиссариату внутренних дел. 8 апреля 1936 г. приказом № 122 по гарнизону Московского Кремля батальон особого назначения был реорганизован в полк специального назначения. После преобразования батальона особого назначения в полк специального назначения последний превратился в основную боевую единицу кремлевского гарнизона. Позднее под названием батальон особого назначения возникло подразделение, в которое входили командиры охраны. Обе эти войсковые части несли охранную службу как наружных постов (въезд и вход в Кремль), так и внутренних постов (правительственные и партийные учреждения, расположенные на кремлевской территории, а также находившиеся там квартиры членов правительства).

Должность коменданта Кремля являлась уникальной. Она являлась единственной в своем роде в организационно-штатной структуре НКВД. Кандидатура коменданта Кремля рассматривалась и утверждалась Политбюро. До 1935 г. комендант в значительной степени зависел от оборонного ведомства в целом и от командования Московского военного округа в частности.

С апреля 1920 г. по апрель 1935 г. должность коменданта Кремля занимал Р.А. Петерсон. Его имя неоднократно упоминалось в ходе следствия по вышеназванному «Кремлевскому делу». Комиссия партийного контроля в первых числах апреля 1935 г. вынесла Петерсону выговор с занесением в учетную карточку с формулировкой: «За отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой, слабую политико-воспитательную работу среди сотрудников и неудовлетворительный подбор кадров». 9 апреля 1935 г. Политбюро приняло постановление «О коменданте Кремля». Оно утвердило Р.А. Петерсону наказание, вынесенное КПК. Петерсон был освобожден от должности коменданта Кремля[17]. 19 апреля 1935 г. его сменил П.П. Ткалун, в ведении которого находилась вся кремлевская охрана[18].

Таким образом, в 1935 г. Кремль превратился в своеобразную сталинскую твердыню, которая надежно охранялась сотрудниками на-

биравшего силу и полностью подчиненного вождю силового ведомства — НКВД.

В создавшейся ситуации К.Е. Ворошилов, который фактически лишился возможности по собственной инициативе устраивать в Кремле застолья для представителей военной элиты, решил «провентилировать» ситуацию. 19 апреля 1935 г. (примечательно, что именно в этот день в должность вступил новый кремлевский комендант П.П. Ткалун) нарком обороны направил членам Политбюро и лично Сталину записку следующего содержания: «В прошлые годы майский выпуск Военных Академий производился в Москве в Кремле в присутствии членов Политбюро и Правительства. В мае этого года выпускаются из Академий 1076 человек, из них 145 человек, расположенных в Ленинграде. Считал бы необходимым и в этом году по установившейся традиции выпуск Академий произвести в Кремле (4-го мая)»[19]. Хотя упомянутая записка К.Е.Ворошилова имела пометку «Срочно», Сталин и другие члены Политбюро нашли время для ее рассмотрения лишь 28 апреля.

А накануне, 27 апреля высший партийный орган принял постановление «О приеме Партией и Правительством войск, участвующих в первомайском параде». Предварительно был проведен устный опрос членов Политбюро (Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинина, В.Я. Чубаря)[20]. Возможно, данный вопрос решался в сталинском служебном кабинете в Кремле (с 16.40 по 18.30 в нем находились члены Политбюро В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, кандидаты в члены Политбюро Г.К. Орджоникидзе и Л.М. Каганович)[21].

К сожалению, инициативный документ, послуживший поводом для его принятия, выявить не удалось. Вероятно, и в данном случае «приложил руку» нарком обороны. Упомянутое решение Политбюро формулировалось следующим образом: «Признать целесообразным организацию приема партией и правительством 2 мая в Большом Кремлевском дворце представителей войск, участвующих в майском параде (летчиков, танкистов, артиллеристов, кавалеристов и др. родов войск) в общем количестве до 1 500 человек»[22].

Примечательно, что Сталин внес в представленный первоначально проект постановления Политбюро незначительную правку, которая, однако, имела важную смысловую нагрузку. После слов «организацию приема» вождь вписал красным карандашом: «партией и». Сталин акцентировал внимание на том, что прием участников первомайского парада в Кремле организуется не только по инициативе советского правительства, которое возглавлял один из его ближайших соратников В.М. Молотов, но и большевистской партии, лиде-

ром которой являлся он сам. Данное обстоятельство и было зафиксировано в упомянутом постановлении Политбюро от 27 апреля.

На другой день высший партийный орган рассмотрел и просьбу наркома обороны К.Е. Ворошилова, изложенную в его записке от 19 апреля. По этому вопросу последовало лаконичное решение Политбюро ЦК ВКП(б): «Произвести выпуск из Военных Академий в Кремле 4 мая»[23].

Таким образом, в конце апреля 1935 г. высший партийный орган принял два постановления, фактически узаконивших уже сложившуюся традицию организации застолий для командного и рядового состава Красной армии. Во-первых, значительно повысился их статус. Подобного рода застолья официально стали именоваться *приемами*. Отныне не наркомат обороны, а руководство большевистской партии и советского правительства во главе со Сталиным стали выступать в роли организаторов и хозяев, т.е. *принимать* представителей военной элиты. Во-вторых, согласно решениям Политбюро от 27 и 28 апреля 1935 г., устанавливалось место проведения приемов — Большой Кремлевский Дворец.

Советская центральная печать соответствующим образом отреагировала на подобное важное изменение статуса кремлевских застолий, которые устраивались для военной элиты. Например, «Правда» поместила следующую информацию: «2 мая, в 6 часов вечера, *в залах Большого Кремлевского Дворца состоялся прием участников парада, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством СССР* (выделено мной. — *В.Н.*)». Отчет об этом застолье был помещен под характерным заголовком: «Участники первомайского парада на приеме в Кремле 2 мая 1935 г.»[24]. Позднее газета подробно описывался «прием выпускников военных академий РККА, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством Союза ССР»[25].

Сталин, который, по его собственному признанию, зачастую «пропускал» торжества такого рода[26], теперь получал возможность с лихвой наверстать упущенное. Отныне он мог чувствовать себя полноправным хозяином кремлевских банкетов, устраивавшихся для представителей военной элиты. Во второй половине 1930-х годов такие застолья чаще всего проходили не в дневное, а в вечернее время. Начинаясь в 17, 18 или даже в 19 часов, приемы в Кремле заканчивались далеко за полночь. Вождь и его ближайшие соратники теперь пребывали на этих грандиозных застольях практически от самого начала и до конца.

С 1938 г. в Кремле начали периодически организовываться и приемы участников военных парадов на Красной площади в честь годовщины Октябрьской революции. Сталин, члены Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства обязательно присутствовали и на них.

Устраивая торжественные застолья для представителей элиты Красной армии, Сталин не обошел вниманием и Военно-морской флот. 20 декабря 1938 г., по завершении заседаний Главного военного совета ВМФ, продолжавшихся в течение десяти дней, его участники были приглашены на банкет в Кремль. 22 июня 1939 г. по предложению наркома ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова Совет народных комиссаров учредил новый государственный праздник — День Военно-морского флота[27]. 27 июля 1939 г. в честь военных моряков в Кремле был дан праздничный прием с участием Сталина.

Таким образом, термин «прием» применительно к кремлевским застольям впервые появился в документах Политбюро ЦК ВКП(б) 27 апреля 1935 г. в связи с чествованием представителей советской военной элиты. В полном соответствии с этим решением высшего партийного органа именно так был назван в центральной советской печати прием для участников первомайского парада, устроенный 2 мая 1935 г.[28]

По свидетельству одного из современников событий, в период политических репрессий в СССР ослаблению негативного впечатления от них во многом способствовали... советские летчики. Они прославились выдающимися показателями в скорости и дальности полета, достигли международных успехов в своей области. Были совершены перелеты из Москвы в Америку через Северный полюс. Советские летчики сумели высадить на лед отважных полярных исследователей во главе с И.Д. Папаниным[29].

Слова из знаменитой в 1930-е годы песни: «...Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор» — это девиз целого поколения. Советская авиация стала тогда предметом национальной гордости. Наиболее известные летчики — Чкалов, Водопьянов, Громов, Коккинаки и другие превратились в подлинных кумиров миллионов людей. Советская пропаганда окрестила их «сталинскими соколами». Благодаря газетным публикациям, журнальным фотографиям и кинохронике их фамилии звучали повсюду, а лица становились легко узнаваемыми и запоминающимися. Выдающиеся авиаторы щедро вознаграждались за свои достижения. Им вручали высшие правительственные награды, выплачивали крупные денежные премии, выделяли новые квартиры. Тем же из них, кому посчастливилось попасть в когорту избранных, предоставлялась главная привилегия, которую невозможно было приобрести ни за какие деньги. «Сталинских соколов» как почетных гостей приглашали в Кремль на завтраки и обеды, а позднее — на грандиозные приемы (банкеты) в Большом Кремлевском дворце, где их приветствовали руководители большевистской партии и советского пра-

вительства. Сталин и Молотов устраивали для них неформальные встречи на даче, где общение также происходило за накрытым столом, но в более узком кругу.

Будучи реальным политиком, Сталин хорошо осознавал важную роль авиации в деле укрепления военно-технической мощи государства, всего создаваемого им политического режима. Вождь отмечал и приближал к себе самых выдающихся авиаторов. С начала 1930-х годов в здравицах, звучавших на кремлевских застольях, летчики стали упоминаться все чаще. Так, на завтраке, устроенном 2 мая 1934 г. в Большом Кремлевском дворце для участников первомайского праздничного парада, Сталин заметил, обращаясь к собравшимся: «Тут, кажется, главным образом, летчики». Действительно, авиаторы в большом количестве были представлены на этом кремлевском застолье. Дело в том, что в праздничном первомайском параде приняло участие 500 боевых самолетов. В роли флагмана парада на четырехмоторном тяжелом бомбардировщике ТБ-3 выступал Я.И. Алкснис, который после приземления удостоился похвалы вождя[30].

На банкете Сталин изложил свое видение перспектив развития советской военной авиации, миновавшую стадию своего становления. Затем Сталин отметил те личные качества, которыми, по его мнению, должны обладать авиаторы. Говорил о необходимости воспитания у них не просто смелости, а «расчетливой большевистской храбрости», сочетания твердого знания боевой техники с глубоким пониманием законов природы, способности овладеть этими законами[31].

21 июня 1934 г. в Кремле проходило другое ставшее памятным для авиаторов застолье, на котором они вновь удостоились здравицы вождя. Это был «товарищеский обед», завершавший торжества по случаю возвращения в Москву участников знаменитой «челюскинской» эпопеи. Пароход «Челюскин», предпринявший в 1933 г. попытку за одну навигацию пройти по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток, в феврале 1934 г. был раздавлен льдами в Чукотском море и затонул. Всем участникам рейда, за исключением одного, который трагически погиб, после затопления судна удалось целыми и невредимыми высадиться на лед. В Москве немедленно была создана государственная комиссия для организации спасения «челюскинцев» из ледяного плена и доставки их на «большую землю». Главную роль в этой небывалой по масштабам операции сыграли советские летчики. Семь из них: А.В. Ляпидевский, С.А. Леваневский, Н.П. Каманин, М.Т. Слепнев, И.В. Доронин, В.В. Молоков, М.В. Водопьянов были удостоены только что введенной новой высшей правительственной награды — звания Героя Советского Союза.

Именно за их здоровье Сталин провозгласил тост на «товарищеском обеде» в Большом Кремлевском дворце 21 июня 1934 г. Он уместно использовал в своей здравице цитату из известного произведения советского классика М. Горького. Если судить по воспоминаниям очевидцев, вождь сказал, что герои-летчики «проявили то безумство храбрых, которому поют славу». Спасение «челюскинцев», завершил свою здравицу Сталин, стало возможным прежде всего потому, что их собственная организованность счастливо соединилась с храбростью авиаторов[32].

В начале 1935 г. известный летчик С.А. Леваневский обратился в высшие инстанции с предложением совершить сверхдальний беспосадочный перелет по маршруту Москва — Соединенные Штаты Америки через Северный полюс. Политбюро ЦК ВКП(б) дало «добро» на подготовку и проведение такого полета.

Пока полным ходом велась подготовка к трансарктическому полету Леваневского, произошло одно событие, которое имело знаменательные последствия. 2 мая 1935 г. на Центральном аэродроме в Москве Сталину был представлен летчик В.П. Чкалов. Для молодого и талантливого летчика-истребителя (8 ноября 1927 г. он продемонстрировал свои полетные способности на праздничном воздушном параде в Москве) это был перст судьбы. Вождю, несомненно, было известно о том, что Чкалов неоднократно проявлял недисциплинированность, нарушал нормы и правила полетов. Так, будучи летчиком-истребителем ВВС, он имел за собой такие «грехи», как несанкционированный полет под Троицким мостом в Ленинграде, «прокручивание» мертвых петель в черте города, наконец, попытка пролета вместе со звеном истребителей под линией связи, закончившаяся аварией. Чкалов был приговорен за этот последний проступок к тюремному заключению. Из тюрьмы его вскоре освободили (помогло ходатайство на имя М.И. Калинина), но из рядов ВВС Красной армии уволили....

Ко времени судьбоносной встречи с вождем В.П. Чкалов вернулся в военную авиацию. Он получил должность заводского летчика-испытателя в Конструкторском бюро Н.Н. Поликарпова. Сталину Чкалов пришелся по душе. Со времени первой встречи с вождем 2 мая 1935 г. его популярность стремительно возрастала. В этом смысле Чкалов вольно или невольно выступал в качестве конкурента Леваневского, претендовавшего на звание «лучшего сталинского сокола».

Между тем, для самого Леваневского настали трудные времена. В начале августа 1935 г. закончилась неудачей его попытка совершить беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в США. Вслед за этим С.А. Леваневский был направлен в длительную

командировку в Соединенные Штаты. Длительное отсутствие по этой причине в Москве существенно снизило шансы Леваневского на утверждение в роли лидера в когорте «сталинских соколов». Они и без того уменьшились после неудачной попытки трансарктического перелета 1935 г.

Теперь на эту роль стал реально претендовать В.П. Чкалов. И после первой неудачной попытки, предпринятой Леваневским, Чкалов продолжал верить в реальную возможность осуществления перелета через Северный полюс. С личного одобрения вождя сверхдальний полет был совершен, однако в качестве конечной точки Сталин определил не США, а ... Петропавловск-Камчатский.

20 июля 1936 г. из Москвы стартовал экипаж в составе командира В.П. Чкалова, второго пилота, летчика-испытателя Г.Ф. Байдукова и штурмана, инженера 1-го ранга А.В. Белякова. Вдоль обоих бортов фюзеляжа их самолета АНТ-25 крупными красными буквами были начертаны слова: «Сталинский маршрут». Сверхдальний беспосадочный перелет из Москвы до острова Удд через Арктику и Заполярье продолжался 56 час. 20 мин. За это время было пройдено расстояние в 9 374 км.

Чкаловский экипаж возвратился в Москву 10 августа. На столичный аэродром Щелково встречать его приехали Сталин, глава военного ведомства Ворошилов, члены Политбюро, представители ВВС Красной армии и наркомата оборонной промышленности. Советское руководство могло быть довольным. Благодаря этому сверхдальнему перелету у СССР возникла возможность сделать серьезную заявку на потенциальные технические достижения в одной из престижных областей, а именно, в области авиастроения. Не исключена была возможность боевого применения сверхдальнего самолета АНТ-25. Один из современников событий спустя три дня после завершения полета В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова записал в дневнике: «Мысль невольно ищет ответа на основной, мучительный, надоедливый вопрос: как эти прекрасные победы человеческого гения отразятся на ближайшей, роковой, апокалипсической войне? Все и все — под ударом. Радиус истребления — безграничен»[33].

За свой сверхдальний перелет Чкалов, Байдуков и Беляков были удостоены звания Героев Советского Союза. Командир экипажа получил денежную премию в размере 30 000 рублей, второй пилот и штурман — по 20 000 рублей. Их имена были увековечены еще при жизни. Острова Удд, Лангр и Кеос в заливе Счастья решением Политбюро переименовали соответственно в острова Чкалов, Байдуков и Беляков. Для Г.Ф. Байдукова участие в чкаловском суперперелете стало вдвойне счастливым: освободили из лагеря его отца, ранее работавше-

го на железнодорожном транспорте и осужденного за «саботаж и вредительство». Помимо этого, во многом благодаря упорству и умению Байдукова самолет АНТ-25 был фактически возвращен в строй.

Членов чкаловского экипажа встречали в Москве как триумфаторов. Специально в их честь 13 августа 1936 г. в Большом Кремлевском Дворце был устроен прием[34].

18—20 июня 1937 г. В.П. Чкалов вместе с Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым совершили на модифицированной модели самолета АНТ-25 (NO-25) второй сверхдальний перелет, теперь уже по маршруту Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки. На подготовку и проведение этого перелета было выделено 1 000 000 рублей и 150 000 долларов. Как и в 1936 г., его подготовка проходила под непосредственным руководством Сталина. На сей раз чкаловский экипаж пробыл в воздухе 63 час. 16 мин., преодолев расстояние в 11 340 километров. Этот перелет явился убедительным аргументом Сталина, продемонстрировав индустриальный уровень и технические возможности СССР всему миру, в первую очередь — США[35].

26 июля 1937 г. в Кремле был устроен второй по счету прием (банкет) в честь В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова. Их встречали повсюду как истинных народных героев. На В.П. Чкалова буквально обрушилась многократная и поистине оглушительная слава. Однако 15 декабря 1938 г. он трагически погиб во время испытания скоростного истребителя И-180 конструкции инженера Н.Н. Поликарпова.

12—14 июля 1937 г. летчики М.И. Громов, А.Б. Юмашев и С.А. Данилин на самолете «СССР NO-25-1» улучшили достижение чкаловского экипажа, также совершив сверхдальний перелет из Москвы через Северный полюс в США. Сталин понимал, что благодаря достигнутому Громовым, Юмашевым и Данилиным показателю дальности приблизились, сделались реально достижимыми границы государств даже в другом полушарии. С самого начала самолет АНТ-25 (РД — рекорд дальности) предназначался не только для суперперелетов. Имелось в виду и его военное применение в качестве дальнего бомбардировщика (при серийной постройке он получил название ДБ-1). Не случайно американская пресса высказала в 1937 г. пугающие предположения о том, что советское руководство прекрасно представляло себе военное значение этого перелета[36].

Громов, Юмашев, Данилин удостоились торжественного приема. Согласно постановлению Политбюро от 20 августа 1937 г., была создана специальная комиссия для организации встречи героических летчиков. В состав комиссии вошли: народный комиссар обо-

ронной промышленности СССР М.Л. Рухимович, начальник ВВС РККА Я.И. Алкснис, известный полярный исследователь академик О.Ю. Шмидт. После встречи Громова, Юмашева и Данилина на Белорусском вокзале и торжественного митинга, согласно решению Политбюро, предписывалось устроить в 17 час. 30 мин. товарищеский прием в Кремле. Организация встречи и кремлевского приема героев-летчиков возлагались на Рухимовича, начальника отдела охраны Главного управления государственной безопасности НКВД И.Я. Дагина и начальника Управления Комендатуры Кремля П.П. Ткалуна[37].

В ходе приема в Кремле участников первомайского парада 5 мая 1939 г. Сталин предложил тост «за Коккинаки и Гордиенко»[38]. Этой здравицей вождь отдавал должное очередному выдающемуся достижению советских летчиков. 28 апреля 1939 г. самолет «Москва» (прототип бомбардировщика Ил-4), пилотируемый Героем Советского Союза В.К. Коккинаки и М.Х. Гордиенко, преодолел расстояние в 8000 км от Москвы до Америки за 22 час. 56 мин. 23 мая 1939 г. Коккинаки и Гордиенко стали «виновниками торжества» на специально устроенном в их честь большом кремлевском приеме.

14 сентября 1939 г. Сталин принял в своем кремлевском кабинете боевых летчиков, участников боев в Испании, Китае и в районе реки Халхин-Гол Я.В. Смушкевича, Ф.А. Агальцова, И.А. Лакеева, С.И. Грицевца, Г.П. Кравченко, Шевченко, Б.А. Смирнова, Калачева, Короткова. Вместе со Сталиным во встрече участвовали нарком обороны К.Е. Ворошилов, заместитель наркома обороны Г.И. Кулик, командующий ВВС Красной армии. А.Д. Локтионов и его заместитель А.И. Гусев. Беседа продолжалась в течение часа. В 20.35 летчики покинули кабинет вождя[39]. В тот же вечер в Большом Кремлевском Дворце для них был устроен прием[40].

С начала 1930-х годов в жестокое соревнование авиаторов разных стран за выдающиеся показатели в скорости, высоте и дальности вступили женщины разных стран. В эту бескомпромиссную борьбу за дальность включились и советские летчицы. На двухмоторном варианте дальнего бомбардировщика ДБ-2Б — АНТ-37 бис («Родина») 24 сентября 1938 г. женский экипаж в составе командира В.С. Гризодубовой, второго пилота П.Д. Осипенко и штурмана М.М. Расковой начал перелет по маршруту Москва — Дальний Восток. Однако уже утром следующего дня самолет совершил вынужденную посадку в дальневосточной тайге. «Родина» пробыла в воздухе 26,5 час., преодолев почти 6 500 км. Этот результат был признан всесоюзным (национальным) женским рекордом и утвержден в качестве мирового женского рекорда дальности полета по прямой без посадки

(5 908 км). 27 октября 1938 г. в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца в честь летчиц был устроен прием.

Во второй половине 1930-х годов герои-летчики превратились в наиболее почитаемых гостей на больших кремлевских приемах. На этих банкетах присутствовал не только летный персонал, но и представители научно-технической интеллигенции, которые вложили свой достойный вклад в развитие советской авиации. Среди них, например, — главный конструктор А.Н. Туполев, создатель военных и гражданских самолетов[41].

С середины 1930-х годов традиция организации больших кремлевских приемов стала распространяться также на деятелей искусства и науки (писатели, музыканты, актеры, ученые, преподаватели вузов), на сталинский «менеджмент» (руководителей промышленных наркоматов, транспортников). Она не обошла стороной героических летчиков, совершивших сверхдальние перелеты, полярников; передовиков производства.

Понятно, что пригласить на прием в Кремль одновременно всех участников конкретного праздничного парада или «военных академиков» одного года выпуска не было никакой возможности. Поэтому существовали отработанные принципы отбора из большой массы бойцов и командиров наиболее достойных, которые и представляли на кремлевских застольях Сталина элиту Вооруженных Сил СССР. Число участников праздничных первомайских парадов, проводившихся на Красной площади, год от года возрастало. В 1936 г. их было свыше 30 000 чел., в 1937 г. — около 35 000 чел.[42], в 1938 г. — около 31 000 чел., а в 1939 г. — уже свыше 35 000 чел.[43] При отборе кандидатур для участия в приемах, естественно, учитывался такой фактор, как вместимость парадных кремлевских апартаментов, но главным образом брался во внимание высокий статус застолий, на которых в роли хозяев выступали Сталин и его ближайшие соратники. Не случайно в качестве гостей на банкеты в Кремль приглашались лучшие из участников праздничных парадов. Преимущество получали те, кто сделал службу в Красной армии или в Военно-Морском Флоте своей основной профессией. Но неизменно соблюдался основополагающий принцип отбора: приглашавшиеся на прием в Кремль представляли все рода войск. Как предписывало вышеупомянутое постановление Политбюро от 27 апреля 1935 г., на сталинских застольях в Большом Кремлевском Дворце неизменно присутствовали летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, кавалеристы, моряки. Центральные газеты отмечали, что на прием 2 мая 1935 г. были приглашены представители «всех родов оружия» — более 1 700 «красноармейцев и командиров»[44].

Но и на такое количество гостей Георгиевский зал Большого Кремлевского Дворца явно не был рассчитан. За накрытыми столами в нем могло разместиться от 800 до 1 000 чел. Выход из положения был найден быстро: помимо Георгиевского зала гостей стали размещать и в других парадных помещениях. В «Правде» и в «Известиях» прямо говорилось, что приемы участников первомайских парадов проходили в «огромных залах Большого Кремлевского дворца»[45].

В 1935 г. количество выпускников военных академий достигло 1 076 чел., в 1936 г. превысило 2 000 чел.[46], а в дальнейшем продолжало неуклонно расти. И в данном случае, как и в случае с участниками праздничных парадов приходилось отбирать наиболее достойных для участия в больших кремлевских приемах. На этих банкетах в количественном отношении преобладали те, кто проходил обучение в Москве. «Военные академии» из других городов были представлены немногочисленными группами слушателей, окончивших курс обучения с отличием.

В 1930-е годы в СССР полным ходом шел процесс модернизации промышленности, направленный на превращение страны в мощную индустриальную державу и на повышение ее оборонного потенциала. Сталин стремился не только подчеркнуть свою заинтересованность в дальнейшем развитии ведущих отраслей экономики, но и продемонстрировать, что «держит руку на пульсе», хорошо представляет себе состояние дел в индустрии. С этой целью он практиковал совещания в Кремле с руководящим составом различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

25—29 июля 1935 г. в Москве собрались руководители и работники железнодорожного транспорта. Совещание было созвано народным комиссаром путей сообщения Л.М. Кагановичем по поручению ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР в связи с наличием негативных явлений, в частности — со снижением объема перевозок[47]. Обсуждались вопросы более рационального использования паровозов и правильной организации движения товарных поездов. 30 июля участники совещания и работники Московского железнодорожного узла были приняты в Кремле Сталиным, руководителями большевистской партии и советского правительства.

Сталин также внимательно следил за работой проходившего 26—29 октября 1937 г. в Москве совещания, созванного руководством Народного комиссариата тяжелой промышленности. В совещании приняли участие представители металлургической и угольной промышленности. 29 октября для них был устроен торжественный прием в Грановитой палате, на котором присутствовали Сталин и его ближайшее окружение.

Представители руководящего состава и сотрудники ведущих промышленных наркоматов приглашались практически на все кремлевские приемы.

Предвоенное время характеризовалось не только сверхдальними перелетами советских летчиков, но и организацией научных экспедиций по освоению Северного Полюса. 25 июня 1937 г. в Кремле состоялся прием участников первой такой экспедиции. Сталин сделал все для того, чтобы продемонстрировать, насколько близки ему полярные исследователи. Несомненно, подобного рода демонстрацию он предпринял также с целью усиления собственного авторитета как заботливого и мудрого вождя, не оставляющего без внимания проявления героизма и умеющего по достоинству вознаградить тех, кто достоин награды.

В начале 1938 г. участникам второй экспедиции на Северный Полюс — Г.Е. Федорову, Э.Т. Кренкелю, П.П. Ширшову, И.Д. Папанину («папанинцам») пришлось дрейфовать на льдине. После успешной операции по их спасению «папанинцы» были доставлены в Ленинград, а оттуда на поезде прибыли в Москву. И эта торжественная встреча первопроходцев Северного Полюса была организована Сталиным как очередная демонстрация победоносного движения «к светлому будущему» под руководством великого вождя. Ей не должны были помешать никакие происки «врагов народа»: встреча папанинцев проходила спустя считанные дни после завершения открытого политического процесса по делу так называемого «правотроцкистского блока» (Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других)[48].

В предвоенные годы установилась традиция приглашать членов экспедиций к Северному Полюсу — ученых, профессиональных моряков и полярных летчиков на приемы в Кремль.

Кремлевские приемы были призваны не только демонстрировать тесную связь вождя с военной, промышленной, научно-технической элитой и опору на нее, прославлять героизм и самоотверженность советских летчиков, полярников, отмечать трудовой энтузиазм работников промышленности и сельского хозяйства, но и служить своеобразным подтверждением правильности сталинской политики в области культуры. Во второй половине 1930-х годов в Москве стали периодически устраиваться декады республиканского искусства.

Вождь и его соратники неизменно посещали спектакли и концерты, проходившие в столице в рамках этих декад. Каждая из них завершалась пышным банкетом в Большом Кремлевском Дворце. Первыми приема в Кремле удостоились участники декады грузинского искусства (14 января 1937 г.). За ними последовали деятели культуры Узбекистана (31 мая 1937 г.). 17 апреля 1938 г. кремлевский прием был устроен для участников декады искусства Азербайджа-

на, 5 июня 1939 г. — Киргизии, 4 ноября 1939 г. — Армении. 17 июня 1940 г. на кремлевском приеме чествовали участников декады белорусского искусства, 30 октября — бурят-монгольского. Последнее такого рода застолье состоялось за два месяца до нападения Германии на СССР. 22 апреля 1941 г. в Кремле чествовали деятелей искусства Таджикистана.

О том, каков был порядок организации больших кремлевских приемов подобного рода, можно судить на примере декады таджикского искусства в Москве. Отправной точкой для ее организации явилось обращение партийно-государственного руководства республики. 3 марта 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана Д.З. Протопопов и председатель Совета народных комиссаров Таджикской ССР М. Курбанов направили Сталину и Молотову письмо, в котором сообщали, что завершено проведение подготовительных мероприятий «к показу таджикского искусства в Москве». Протопопов и Курбанов просили Сталина и Молотова разрешить начать декаду 10 апреля 1941 г. В их письме была представлена программа этого грандиозного мероприятия. Она состояла из 8-ми пунктов (показ опер, балетов, музыкальных композиций, драматических произведений, а также заключительный концерт). Сталин и Молотов дали свое согласие на проведение этого мероприятия.

22 марта 1941 г. данный вопрос был включен в повестку дня Политбюро ЦК ВКП(б). Оно приняло следующее решение: 1) разрешить Комитету по делам искусств провести декаду таджикского искусства в Москве, назначив день ее открытия на 12 апреля[49]; 2) утвердить репертуар декады, представленный ЦК КП(б) Таджикистана и СНК Таджикской ССР; 3) определить количество участников декады в 750 чел.[50]

Ход декады широко освещался в центральных газетах. «Правда» поместила на первой полосе передовую статью «Искусство советского Таджикистана». Сообщалось также, что Сталин и его ближайшие соратники присутствовали на балете «Ду гуль» («Две розы»), который был поставлен в филиале Большого театра СССР (18 апреля), а также на заключительном концерте участников декады в Большом театре (20 апреля)[51].

Традиционный прием в Кремле участников декады был устроен Комитетом по делам искусств при СНК СССР 22 апреля 1941 г. В качестве гостей были приглашены работники искусств Таджикской ССР, члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, представители высшего командования Красной армии и Военно-Морского флота, лауреаты Сталинской премии (торжественная церемония первого вручения

дипломов лауреатов этой премии состоялось буквально накануне, 21 апреля 1941 г.), а также деятели советской науки, техники, искусства и литературы.

Большие кремлевские приемы всегда сопровождались праздничными концертами. Сталин ввел обычай приглашать на кремлевские застолья в качестве гостей известных музыкантов и артистов, следуя в этом отношении, по словам современника событий Ю.Б. Елагина, «примеру добрых старых просвещенных монархов». Нарядно одетые и хорошо выглядевшие внешне, остроумные и общительные представители творческой элиты делали атмосферу больших кремлевских приемов непринужденной, даже веселой[52].

В праздничных концертах, проходивших во время больших кремлевских приемов, принимали участие выдающиеся представители советского искусства. Начальник охраны Сталина Н.С. Власик, который курировал Большой театр, занимался вопросами организации таких концертов: визировал смету на их финансирование, утверждал списки выступавших артистов, с большинством из которых был знаком лично[53]. Помимо солистов Большого театра на приемы в Кремль приглашались артисты других лучших театров Москвы — Малого, Художественного, Вахтанговского[54].

Как правило, актеры и музыканты получали известие о том, что приглашаются на большой кремлевский прием буквально накануне.

Сталин по-своему реагировал на выступления участников праздничных кремлевских концертов. По некоторым данным, после приема в Кремле ведущих украинских артистов вождь подарил певице О.А. Петрунько свою фотографию с дарственной надписью: «Товарищу Оксане от Сталина»[55].

Явно по душе ему приходился актер-кукольник С.В. Образцов, который придумал куплеты о подвиге полярников и впервые исполнил их на приеме 25 июня 1937 г. В программу праздничного концерта, которым сопровождался этот банкет, были также включены выступления Б.Я. Златогоровой и С.Я. Лемешева[56].

Сталин часто посещал Большой театр. Ему нравились выступления М.Т. Семеновой[57], постановки опер «Псковитянка» и «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова, «Хованщина» М.П. Мусоргского[58].

При непосредственной поддержке Сталина в 1937 г. открылся Кукольный театр, художественным руководителем которого был С.В. Образцов. По признанию Образцова, у него сложились «довольно хорошие» отношения с вождем. Спустя десятилетия артист вспоминал: «Двадцать два раза я выступал с куклами перед ним. Мы даже пили вино после выступлений. Сталин всегда хвалил меня и называл лучшим другом»[59].

По завершении праздничного концерта, которым сопровождался практически каждый большой кремлевский прием, артистов, участвовавших в нем, приглашали за накрытые столы. Однако столы эти находились не в Георгиевском, а, по свидетельству Ю.Б. Елагина, в другом зале «на первом этаже» (в данном случае речь идет, очевидно, о Владимирском зале). Участникам концерта, число которых достигало 400 чел., предлагалась «самая разнообразная закуска»: икра в большом количестве, окорока, салаты, свежие овощи и зелень. Из спиртных напитков на столах имелась водка в графинах, красное и белое вино, «великолепный армянский коньяк. Шампанского на столах не было, но его можно было получить, причем в большом количестве неподалеку, в специальным буфете»[60].

Таким образом, Сталин и его ближайшие соратники в середине 1930-х годов положили начало традиции проведения больших кремлевских приемов, которая наряду с учетом интересов представителей отдельных групп советского общества предусматривала очередность проведения подобных торжественных мероприятий. Они являлись важными государственными мероприятиями, имевшими большое значение не только для укрепления личной власти Сталина, но и для консолидации политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты СССР.

[1] Русские пиры. СПб., 1998; *Тушина Е.А.* [Рец на кн.:] Общение за столом: сотрапезничество и застолье в течение веков. Руан, 1992 // Одиссей. Человек в истории,. 1999. М., 1999. С. 301—309; Социальность, рожденная за пиршественным столом: (материалы конференции) // Там же. С. 5—108.

[2] *Уваров П.Ю.* Вступительное слово на конференции «Социальность, рожденная за пиршественным столом // Там же. С. 6.

[3] Там же. С. 5, 6.

[4] *Поляков Ю.А.* История повседневности важное направление науки // Человек в российской повседневности: сб. науч. ст. М., 2001. С. 13.

[5] Там же. С. 94.

[6] *Никишин А.В.* Водка и Сталин. М., 2006. С. 133.

[7] Термин «сценарии власти» заимствован у американского исследователя Р. Уортмана, который при изучении истории российского императорского двора XVIII—XIX вв. сделал упор на процессе оформления неких принципиальных идей, воплотившихся и реализованных в сложной системе ритуалов, церемоний, празднеств и символов, где свою роль играли и застолья *(Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1). Как представляется, данную дефиницию, хотя и с некоторыми оговорками, можно трактовать в более широких хронологических рамках, применив ее и для сталинского периода.

[8] Следует отличать большие кремлевские приемы сталинского времени от дипломатических приемов (раутов), которые также проходили в Кремле, но имели другие цели, а, главное, были сравнительно малочисленны и проходили, как правило, лишь в одном из парадных залов (во Владимирском либо Екатерининском).

[9] *Николаев В.* Водка в судьбе России. М., 2004. С. 153.

[10] *Мирошниченко Л.Д.* Энциклопедия алкоголя. М., 1998. Цит. по: *Никишин А.* Указ. соч. С. 131.
[11] *Романов П.В.* Застольная история государства Российского. М, С. 364, 365.
[12] *Андреев Д.* Власть: механизмы и режимы // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 124—126.
[13] Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 830. Л. 65.
[14] Там же. Л. 91.
[15] Правда. 1934. 4 мая.
[16] *Черушев Н.С.* Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М., 2005. С. 6, 7.
[17] 28 апреля 1937 г. Р.А. Петерсон был арестован. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к смертной казни. Расстрелян 21 августа 1937 г. (*Черушев Н.С.* Указ. соч. С. 350, 358, 370).
[18] В ноябре 1935 г. П.П. Ткалуну было присвоено воинское звание комдив. В 1936 г. Ткалун перешел в органы НКВД и 28 января 1936 г. возглавил Управление Комендатуры Кремля. В этой должности он пребывал до 25 сентября 1937 г. 8 января 1938 г. был арестован. Приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни по обвинению в участии в военном заговоре и в подготовке теракта. 29 июля 1938 г. расстрелян (*Черушев Н.С.* Указ. соч. С.450, 511, 515; Кто руководил НКВД, 1934—1941: справочник. М., 1999. С. 406, 407).
[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 120.
[20] Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919—1952: каталог. М., 2001. Т. II: 1930—1939. С. 646. Можно предположить, что это решение было принято в рабочем кабинете И.В. Сталина в Кремле, где 27 апреля с 16.40 до 18.30 находились В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе и Л.М. Каганович (последний вошел в кабинет в 16.50) (Исторический архив. 1995. № 3. С. 163).
[21] Там же.
[22] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 66.
[23] Там же. Оп. 3. Д. 963. Л. 12.
[24] Правда. 1935. 4 мая.
[25] Там же. 1939. 8 мая.
[26] Застольные речи Сталина: документы и материалы / сост. Невежин В.А. М.; СПб., 2003. С. 70.
[27] Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: сб. документов и материалов. М., 2000. С. 92, 93.
[28] Правда. 1935. 4 мая. Однако и этот прием, и последовавшие за ним кремлевские застолья Сталина продолжали по старой традиции называть в официальных газетных отчетах «встречами». Например, в передовой статье «Известий» банкет в Кремле для участников первомайского парада 2 мая 1935 г. был охарактеризован как «незабываемая встреча бойцов, участников первомайского парада, с членами ЦК и правительством Союза» (Известия. 1935. 4 мая). В газете «Правда» кремлевское застолье в честь представителей металлургической и угольной промышленности (29 октября 1937 г.) называлось и «приемом», и «дружеской встречей» (Правда. 1937. 31 окт.).
[29] *Елагин Ю.Б.* Укрощение искусств. М., 2002. С. 255.
[30] Командарм крылатых: документальное повествование о Якове Алкснисе. М., 2002. С. 186, 187.
[31] Застольные речи Сталина / сост. Невежин В.А. С. 46—55.
[32] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 657. Л. 233—234.
[33] «Служить родине приходится костями...»: дневник Н.В. Устрялова, 1935—1937 гг. // Источник. 1998. № 5—6. С. 47.
[34] Правда. 1936. 14 авг.

[35] *Каминский Ю.* Кремлевские перелеты. М., 1998. С. 108—117.
[36] Там же. С. 128—138.
[37] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990. Л. 64.
[38] Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 164. Л. 294; Правда. 1939. 6 мая.
[39] Исторический архив.1995. № 5—6. С. 52.
[40] *Головин А.П.* Сергей Грицевец. Челябинск, 1974; *Григорьев Г.К.* Две звезды. М., 1990; *Зильманович Д.Я.* На орбите большой жизни. Вильнюс, 1971. С. 245, 246; *Смирнов Б.А.* Небо моей молодости. М., 1990; *Токарев В.А.* Советский фоторепортаж польской кампании (1939): организация и структура // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск. Вып. VII. С. 562, 563.
[41] *Шмидт С.О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 275.
[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1142. Л. 135.
[43] Там же. Д. 1220. Л. 124.
[44] Правда. 1935. 4 мая; Известия. 1935. 4 мая. На банкете для участников первомайского парада 1934 г. присутствовало еще больше — около 2 000 чел. (Правда. 1934. 4 мая).
[45] Правда. 1935. 4 мая; 1936. 4 мая; Известия. 1935. 4 мая.
[46] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1061. Л. 1076; Д. 1105. Л. 101.
[47] На эту негативную тенденцию было обращено внимание в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 апреля 1935 г. (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919—1952: каталог. Т. II: 1930—1939. С. 646).
[48] *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 276, 277.
[49] Эта дата была определена И.В. Сталиным. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1305. Л. 80.
[50] Там же. Л. 79.
[51] Правда. 1941. 21, 23 апр.
[52] *Елагин Ю.Б.* Указ. соч. С. 302.
[53] *Логинов В.М.* Тени Сталина. М., 2000. С. 79.
[54] *Елагин Ю.Б.* Указ. соч. С. 328.
[55] Киевские ведомости. 2003. 15 марта.
[56] *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 275.
[57] Марина Тимофеевна Семенова (1908—2010), балерина. Солистка Большого театра (1930—1953). Лауреат Сталинской премии (1941).
[58] *Сергеев А., Глушик Е.* Беседы о Сталине. М., 2006. С. 107, 108.
[59] Независимая газета. 1991. 6 июля.
[60] *Елагин Ю.Б.* Указ. соч. С. 308.

В.Н. Земсков

МАСШТАБ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР (правда и домыслы)

В статье в полемическом плане исследуется масштаб политических репрессий в СССР, дается документально подтвержденная статистика осужденных по обвинениям политического характера. Рассматриваются масштабы раскулачивания крестьян в 1929—1933 гг., результаты проверки и фильтрации побывавших в фашистском плену в период Великой Отечественной войны советских военнослужащих, аргументированно критикуются различные спекуляции вокруг этих проблем.

Ключевые слова: политические репрессии, жертвы, статистика, осужденные, Большой террор, смертность, гуманитарное преступление, раскулаченные, советские военнопленные.

Человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать — будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг — воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций. Все это в полной мере относится к проблеме статистики (масштаба) политических репрессий в СССР. В настоящей статье сделана попытка объективно разобраться в этом остром и болезненном вопросе.

К концу 1980-х годов историческая наука оказалась перед острой необходимостью доступа к секретным фондам силовых ведомств (бывшим и настоящим), так как в литературе, по радио и телевидению постоянно назывались разные оценочные, виртуальные цифры репрессий, ничем не подтвержденные, которые профессиональным историкам нельзя было вводить в научный оборот без соответствующего документального подтверждения.

Во второй половине 1980-х годов. сложилась парадоксальная ситуация, когда снятие запрета на публикацию работ и материалов по этой теме сочеталось с традиционным недостатком источниковой базы, так как соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей. По своему стилю и тональности основная масса публикаций периода горбачевской перестройки (да и позднее тоже) носила, как правило, резко разоблачительный характер, находясь в русле развернутой тогда пропагандистской антисталинской кампании (мы имеем, прежде всего, в виду многочислен-

ные публицистические статьи и заметки в газетах, журнале «Огонек» и т.п.). Скудность конкретно-исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной «самодельной статистикой» жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своими гигантскими размерами.

В начале 1989 г. по решению Президиума Академии наук СССР была создана комиссия Отделения истории АН СССР во главе с членом-корреспондентом Академии наук, ныне академиком Ю.А. Поляковым по определению потерь населения. В составе этой комиссии мы в числе первых историков получили доступ к ранее не выдававшейся исследователям статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ. Комиссия Отделения истории действовала в конце 80-х — начале 90-х годов, и уже тогда нами была опубликована серия статей по статистике репрессий, заключенных, спецпоселенцев, перемещенных лиц и т.д.[1] В дальнейшем и до настоящего времени мы продолжали эту работу.

Согласно сводной статистике, имеющейся в Отделе регистрации и архивных фондов бывшего КГБ СССР (ныне — ФСБ РФ), за весь советский период (1918—1990 гг.) по обвинениям в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства были осуждены 3 853 900 человек, из них 827 995 приговорены к смертной казни[2]. Несколько иной информацией располагал I спецотдел бывшего МВД СССР (ныне — МВД РФ). По статистике этого спецотдела, в период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. по обвинениям в совершении контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлений было осуждено 4 060 306 человек, из них 799 455 — к высшей мере[3].

Несмотря на различие в терминологии, в обоих вышеприведенных источниках речь идет об одних и тех же людях, которых ныне обычно называют осужденными по *политическим* мотивам или жертвами *политических* репрессий. Подавляющее их большинство было осуждено по знаменитой 58-й статье. В статистических выкладках указанных двух ведомств присутствует довольно существенное расхождение, которое, по нашему мнению, объясняется отнюдь не неполнотой сведений бывшего КГБ СССР, а тем, что сотрудники I спецотдела МВД СССР более широко трактовали понятие «политические преступники» и в составленной ими статистике присутствовала значительная «уголовная примесь». В частности, нам известно, что многие уголовники, совершившие крупные хищения государственного и колхозного имущества, учитывались I-м спецотделом как опасные государственные преступники, и по его статистике входят в общее число «контрреволюционеров».

Тем не менее, важно, что статистические показатели I спецотдела МВД и бывшего КГБ, несмотря на расхождения, находятся в рамках одного масштаба. В таблице 1 представлена сравнительная статистика осужденных в 1921—1952 гг. по политическим мотивам (с указанием числа приговоренных к высшей мере) по данным указанных двух источников. По 15-ти годам из 32-х соответствующие показатели МВД и КГБ в точности совпадают (включая 1937—1938 гг.); по остальным же 17-ти годам имеются расхождения, причины которых еще предстоит выяснить.

Таблица 1

Сравнительная статистика осужденных в 1921—1952 гг. по политическим мотивам (по данным I спецотдела МВД СССР и КГБ СССР)*

Годы	По данным I спецотдела МВД СССР		По данным КГБ СССР	
	Всего	Из них к высшей мере	Всего	Из них к высшей мере
1	2	3	4	5
1921	35 829	9 701	35 829	9 701
1922	6 003	1 962	6 003	1 962
1923	4 794	414	4 794	414
1924	12 425	2 550	12 425	2 550
1925	15 995	2 433	16 481	2 433
1926	17 804	990	17 804	990
1927	26 036	2 363	26 036	2 363
1928	33 757	869	33 757	869
1929	56 220	2 109	56 220	2 109
1930	208 069	20 201	208 069	20 201
1931	180 696	10 651	33 539	1 481
1932	141 919	2 728	141 919	2 728
1933	239 664	2 154	239 664	2 154
1934	78 999	2 056	78 999	2 056
1935	267 076	1 229	267 076	1 229
1936	274 670	1 118	114 383	1 118
1937	790 665	353 074	790 665	353 074
1938	554 258	328 618	554 258	328 618
1939	63 889	2 552	66 627	2 601

1	2	3	4	5
1940	71 806	1 649	75 126	1 863
1941	75 411	8 011	111 384	23 726
1942	124 406	23 278	119 445	26 510
1943	78 441	3 579	96 809	12 569
1944	75 109	3 029	82 425	3 110
1945	123 248	4 252	91 526	2 308
1946	123 294	2 896	105 251	2 273
1947	78 810	1 105	73 714	898
1948	73 269	—	72 017	—
1949	75 125	—	74 778	—
1950	60 641	475	60 908	468
1951	54 775	1 609	55 738	1 602
1952	28 800	1 612	30 307	1 611
Всего за 1921—1952 гг.	4 051 903	799 257	3 753 490	815 579

* *Источники*: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205; *Попов В.П.* Государственный террор в советской России, 1923—1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1997. С. 180; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

Сравнительная статистика за 1921—1952 гг. не лишена отдельных странных феноменов. Так, по учету КГБ (ФСБ) за этот период осужденных «контрреволюционеров» получается почти на 300 тыс. меньше, чем по статистике I спецотдела МВД, а приговоренных к смертной казни в их составе — на 16,3 тыс. человек больше. Конечно, основная причина такой ситуации кроется в данных за 1941 г., когда органы госбезопасности учли 23 726 приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, а I спецотдел НКВД — только 8 011.

В подлинной, подтвержденной документами статистике особое место занимают два года (1937 и 1938), известные как годы Большого террора, когда наблюдался резкий взлет (или скачок) масштаба политических репрессий. За эти два года было осуждено по обвинениям политического характера 1 млн 345 тыс. человек, или 35% от общего их числа за период 1918—1990 гг. Еще более впечатляющая картина по статистике приговоренных к смертной казни из их числа. Всего за весь советский период их было 828 тыс., из них 682 тыс. (или свыше 82%) приходится на эти два года (1937—1938). На остальные 70 лет советского периода приходится в общей сложности 146 тыс. смертных приговоров по политическим мотивам, или менее 18%.

Эта статистика уже более 20-ти лет как введена в научный оборот и используется в трудах профессиональных историков. Но дальше этого круга она почти не выходит, так как в публицистике, в средствах массовой информации она довольно дружно отвергается, и там предпочитают озвучивать на многомиллионную аудиторию всякого рода «статистику» заведомо ложного характера, как правило, многократно преувеличенную и документами опровергаемую. Говорится о каких-то десятках миллионов жертв политических репрессий, иногда даже доходит до сотен миллионов. Иначе как статистическим шарлатанством мы не знаем, как это назвать.

Большой резонанс в обществе вызвала публикация Р.А. Медведева в «Московских новостях» (ноябрь 1988 г.) о статистике жертв сталинизма[4]. По его подсчетам, за период 1927—1953 гг. было репрессировано около 40 млн человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 г. и др. В 1989—1991 гг. эта цифра была одной из наиболее популярных при пропаганде преступлений сталинизма и довольно прочно вошла в массовое сознание.

На самом деле такого количества (40 млн) не получается даже при самом расширенном толковании понятия «жертвы репрессий». В эти 40 млн Р.А. Медведев включил 10 млн раскулаченных в 1929—1933 гг. (в действительности их было около 4 млн), почти 2 млн выселенных в 1939—1940 гг. поляков (в действительности — около 380 тыс.), и в таком духе абсолютно по всем составляющим, из которых слагалась эта астрономическая цифра.

Однако эти 40 млн скоро перестали удовлетворять «растущим потребностям» определенных политических сил в очернении отечественной истории советского периода. В ход пошли «изыскания» американских и других западных советологов, согласно которым в СССР от террора и репрессий погибли 50—60 млн человек. Как и у Р.А. Медведева, все составляющие подобных расчетов были чрезвычайно завышены; разница же в 10—20 млн объяснялась тем, что Р.А. Медведев начинал отсчет с 1927 г., а западные советологи — с 1917 г. Если Р.А. Медведев оговаривал в своей статье, что репрессии не всегда смерть, что большая часть раскулаченных осталась жива, что из репрессированных в 1937—1938 гг. расстреляна меньшая часть и т.д., то ряд его западных коллег называли цифру в 50—60 млн человек как физически истребленных и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др. Словом, потрудились над выполнением заказов политиков и спецслужб своих стран с целью дискредитировать в наукообразной форме своего противника по «холодной войне», не гнушаясь фабриковать прямую клевету.

Это, конечно, не означает, что в зарубежной советологии не было исследователей, старавшихся объективно и добросовестно изучать

советскую историю. Крупные ученые, специалисты по советской истории А. Гетти (США), С. Виткрофт (Австралия), Р. Дэвис (Англия), Г. Риттершпорн (Франция) и некоторые другие подвергали открытой критике исследования большинства советологов и доказывали, что в действительности число жертв репрессий, коллективизации, голода и т.д. в СССР было значительно меньше[5].

Однако труды именно этих зарубежных ученых с их несравненно более объективной оценкой масштабов репрессий у нас в стране замалчивались. В массовое сознание активно внедрялось только то, что содержало недостоверную, многократно преувеличенную статистику репрессий. И мифические 50—60 млн скоро затмили собой в массовом сознании роймедведевские 40 миллионов.

Поэтому, когда председатель КГБ СССР В.А. Крючков в своих выступлениях по телевидению (1990) называл подлинную статистику политических репрессий (он неоднократно приводил данные по учету в КГБ СССР за 1930—1953 гг. — 3 778 234 осужденных политических, из них 786 098 приговоренных к расстрелу)[6], то многие в буквальном смысле не верили своим ушам, полагая, что ослышались. Журналист А. Мильчаков в 1990 г. делился с читателями «Вечерней Москвы» своим впечатлением от выступления В.А. Крючкова: «...И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей “Вечерней Москвы” еще раз внимательно прочитать произведение А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”, прошу ознакомиться с опубликованными в “Московском комсомольце” исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50—60 миллионов человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден»[7].

Можно констатировать, что информационное противостояние Крючков — Мильчаков в плане влияния на массовое сознание завершилось победой последнего. Почему так произошло? Мильчаков довольно эффектно встал в позу «борца за историческую правду» (на самом деле все было с точностью до наоборот — он в данном случае осознанно или не совсем осознанно выступал как борец за историческую неправду). Ни Солженицын, ни американские советологи, на которых ссылался Мильчаков, не имели доступа в советские секретные архивы, и, следовательно, вся их «статистика» является не более чем плодом их собственного фантазирования. Это понятно профессиональным историкам, но далеко не всем из многомиллионной читательской аудитории, и на их недостаточной компетентности активно спекулировали Мильчаков и ему подобные. На этой зыбкой «источни-

ковой» базе (фактически у него не было никакой источниковой базы) Мильчаков в эмоциональной форме, не без использования действенных методов «психологической войны», как бы «опроверг» те цифры (в действительности достоверные), которые называл Крючков. Это был один из методов обработки общественного сознания, чем-то похожий на зомбирование, по результатам которого подлинная, зафиксированная в документах статистика репрессий в сознании людей отторгалась.

Однако и это еще не было пределом оболванивания общественности. В июне 1991 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. Из него мы узнаем следующее: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 миллиона человек! Итак, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 миллионов человек!»[8]

Формулировкой «от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения» А.И. Солженицын все людские потери в Великой Отечественной войне (сильно преувеличенные) фактически приравнял к умершим и погибшим в результате коллективизации и голодомора, которые многими историками и публицистами включаются в число жертв политического террора и репрессий. Мы же склонны решительно дистанцироваться от подобного приравнивания.

В средствах массовой информации время от времени, но довольно регулярно приводилась статистика политических репрессий по воспоминаниям О.Г. Шатуновской. Она — бывший член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов во времена Н.С. Хрущева. В 1990 г. в «Аргументах и фактах» были опубликованы ее воспоминания, где она, ссылаясь на некий документ КГБ СССР, впоследствии якобы таинственно исчезнувший, отмечала: «...С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн 840 тыс. “врагов народа”. Из них 7 млн было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях»[9].

Мотивы поступка О.Г. Шатуновской не совсем понятны: то ли она сознательно выдумала эти цифры с целью мести (она была репрессирована), то ли сама стала жертвой какой-то дезинформации. Во всяком случае, документально подтвержденными данными, представленными в таблице 1, ее «статистика» безоговорочно опровергается.

Утверждение О.Г. Шатуновской «большинство остальных погибло в лагерях» (надо полагать, 7—10 млн, если считать от ее виртуальных почти 13 млн «остальных»), разумеется, тоже не соответствует истине. Подобные утверждения могут восприниматься как достоверные только в той среде, где господствуют ошибочные представления, что в ГУЛАГе якобы умерли и погибли десятки миллионов людей. Детальное же изучение статистической отчетности о смертности заключенных дает иную картину. За 1930—1953 гг. в местах лишения свободы (лагеря, колонии и тюрьмы) умерло около 1,8 млн заключенных, из них почти 1,2 млн — в лагерях и свыше 0,6 млн — в колониях и тюрьмах[10]. Эти подсчеты не оценочные, а основаны на документах. И здесь возникает непростой вопрос: какова доля политических среди этих 1,8 млн умерших заключенных (политических и уголовных). Ответа на этот вопрос в документах нет. Думается, что политические составляли примерно одну треть, т.е. порядка 600 тыс. Этот вывод базируется на том факте, что осужденные за уголовные преступления обычно составляли примерно 2/3 заключенных.

Наивысший уровень смертности имел место в 1942—1943 гг. — за эти два года в лагерях, колониях и тюрьмах умерло 661,0 тыс. заключенных, что в основном являлось следствием значительного урезания норм питания в связи с чрезвычайной военной обстановкой. В дальнейшем масштабы смертности стали неуклонно снижаться и составили в 1951—1952 гг. 45,3 тыс. человек, или в 14,6 раз меньше, чем в 1942—1943 гг.[11] При этом хотелось бы обратить внимание на один любопытный нюанс: по имеющимся у нас данным за 1954 г., среди свободного населения Советского Союза на каждые 1 000 чел. умерло в среднем 8,9 чел., а в лагерях и колониях ГУЛАГа на каждые 1 000 заключенных — только 6,5 чел.[12]

Общее число заключенных (суммарно политических и уголовных) во всех местах лишения свободы (лагеря, колонии, тюрьмы) на определенные даты редко когда превышало 2,5 млн. Обычно оно колебалось в разные периоды в пределах от 1,5 млн до 2,5 млн. Наивысшее количество заключенных за всю советскую историю нами зафиксировано по состоянию на 1 января 1950 г. — 2 760 095 человек, из них 1 416 300 — в лагерях, 1 145 051 — в колониях и 198 744 — в тюрьмах[13].

Поэтому нельзя всерьез воспринимать, к примеру, заявления известного публициста А.В. Антонова-Овсеенко, уверявшего в 1991 г. читателей «Литературной газеты», что после войны в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось 16 млн заключенных[14]. Надо понимать, что на ту дату, которую имеет в виду Антонов-Овсеенко (1946 г.), в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 млн, а 1,6 млн заключенных. Следует все-таки обращать внимание на запятую между цифрами.

Обладая документально подтвержденными доказательствами, что статистика О.Г. Шатуновской недостоверна, мы в 1991 г. на страницах академического журнала «Социологические исследования» опубликовали соответствующие опровержения[15].

Казалось, что с версией Шатуновской еще тогда вопрос был решен. Но не тут-то было. И по радио, и по телевидению продолжали пропагандироваться ее цифры в довольно навязчивой форме. Например, 5 марта 1992 г. в телевизионной вечерней программе «Новости» диктор Т. Комарова вещала на многомиллионную аудиторию о 19 млн 840 тыс. репрессированных, из них 7 млн расстрелянных в 1935—1940 гг. как о якобы безусловно установленном факте. И это происходило в то время, когда историческая наука доказала недостоверность этих сведений и располагала подлинной статистикой.

За счет 10-кратного преувеличения реальных масштабов жертв Большого террора в СССР в 1937—1938 гг. (с почти 0,7 млн до 7 млн) отодвигается на второй план совершенное нацистами во главе с Гитлером и Гиммлером действительно самое чудовищное гуманитарное преступление XX века — Холокост (уничтожение 6 млн евреев). Гитлер, Гиммлер и иже с ними уже не выглядят главными гуманитарными преступниками XX века (каковыми они в действительности были), так как на первый план выдвигается тогдашнее советское руководство во главе со Сталиным. И достигается эта поразительная «рокировка» посредством откровенного статистического мошенничества, в результате чего жертв политических репрессий в СССР в 1937—1938 гг. (приговоренных к расстрелу) становится на 1 млн больше, чем жертв Холокоста (на самом же деле их было примерно на 5,3 млн меньше).

Именно под углом зрения указанной «рокировки» обработано и западное общественное мнение. Здесь особенно «постарался» уже упоминавшийся публицист А.В. Антонов-Овсеенко, который в своей книге «Портрет тирана», изданной в 1980 г. в США на английском языке, уверял, что в 1935—1940 гг. в СССР по обвинениям политического характера якобы было расстреляно 7 млн человек[16]. На фоне этой фальшивой статистики Большого террора в СССР масштабы Холокоста, конечно же, блекнут.

Грандиозной мистификацией является прочно внедренный в массовое сознание известный миф о тотальном (или почти тотальном) репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. Мифология выстроена, как правило, в самых мрачных и зловещих тонах. Это касается различных публикаций, издававшихся на Западе, и публицистики в нашей стране. Для того чтобы представить процесс репатриации советских военнопленных в СССР из Германии и других стран и его последствия в максимально

жутком виде, используется исключительно тенденциозный подбор фактов, что само по себе уже является изощренным способом клеветы. В частности, смакуются подчас жуткие сцены насильственной репатриации личного состава коллаборационистских воинских частей, а соответствующие выводы и обобщения переносятся на основную массу военнопленных, что в принципе неправильно. Соответственно этому и их репатриация, в основе которой, несмотря на все издержки, лежала естественная и волнующая эпопея обретения Родины многими сотнями тысяч людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями, трактуется как направление чуть ли не в «чрево дьявола». Причем и тенденциозно подобранные факты подаются в искаженном виде с заданной интерпретацией, буквально навязывая читателю абсурдный вывод, будто репатриация советских военнопленных осуществлялась якобы только для того, чтобы их в Советском Союзе репрессировать, а других причин репатриации вроде бы и не было.

Однако приведенные в таблице 2 данные решительно не подтверждают столь пессимистических оценок. Напротив, они вдребезги разбивают миф о якобы чуть ли не поголовном репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. В эту статистику вошли 1 539 475 военнопленных, поступивших в СССР за период с октября 1944 г. и до 1 марта 1946 г. из Германии и других стран, из них 960 039 прибыло из зон действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и 579 436 — из зон действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.)[17]. В 1945 г. из армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и соответственно их ровесники из числа военнопленных (свыше 280 тыс.) были отпущены по домам. Часть военнопленных недемобилизуемых возрастов была зачислена в рабочие батальоны — это отнюдь не репрессированные, а одна из форм мобилизованной рабсилы (обычная практика в то время), и их направление к месту жительства ставилось в зависимость от будущей демобилизации их ровесников, продолжавших службу в Красной (Советской) армии. Большинство же военнопленных недемобилизуемых возрастов было восстановлено на военной службе. Остается только спецконтингент НКВД (удельный вес — менее 15%), но при этом не надо забывать, что основную массу этой категории репатриированных военнопленных составляли лица, которые в свое время после пленения поступили на военную или полицейскую службу к противнику.

Р.А. Медведев предполагает, что до 1946 г. включительно органами НКВД было репрессировано от 2 до 3 млн человек, проживавших на территории СССР, подвергавшейся фашистской оккупации[18]. В действительности по всему Советскому Союзу в 1944—1946 гг. было

Таблица 2

Распределение репатриированных советских военнопленных по категориям* (по состоянию на 1 марта 1946 г.)

№ № п/п	Категории	Количество	
		чел.	в %
1.	Направлено к месту жительства	281 780	18,31
2.	Призвано в армию	659 190	42,82
3.	Зачислено в рабочие батальоны Наркомата обороны (НКО)	344 448	22,37
4.	Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	226 127	14,69
5.	Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	27 930	1,81
	ИТОГО	1 539 475	

**Источник:* ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

осуждено по политическим мотивам 321 651 чел., из них 10 177 приговорено к высшей мере (по учету I спецотдела МВД). Думается, большинство осужденных с бывшей оккупированной территории было наказано справедливо — за конкретную изменническую деятельность.

Имеющее широкое хождение в западной советологии утверждение, что во время коллективизации 1929—1932 гг. погибло 6—7 млн крестьян (в основном кулаков), не выдерживает критики. В 1930—1931 гг. в «кулацкую ссылку» было направлено немногим более 1,8 млн крестьян, а в начале 1932 г. их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн приходилась на смертность, побеги и освобождение «неправильно высланных». За 1932—1940 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 230 258, умерло 389 521, бежало 629 042 и возвращено из бегов 235 120 человек. Причем с 1935 г. рождаемость стала выше смертности: в 1932—1934 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 49 168 и умерло 271 367, в 1935—1940 гг. — соответственно 181 090 и 108 154 человека[19].

В научной и публицистической литературе нет согласия в вопросе — причислять ли раскулаченных крестьян к жертвам политических репрессий или нет? Раскулаченные делились на три категории, и их общее число варьировалось в пределах от 3,5 млн до 4 млн (точнее установить пока сложно). Здесь следует сразу же отметить, что кулаки 1-й категории (арестованные и осужденные) входят в приводимую в таблице 1 статистику политических репрессий. Спорным является вопрос относительно кулаков 2-й категории, направленных под конвоем

на жительство в «холодные края» (на спецпоселение), где они находились под надзором органов НКВД, что очень походило именно на *политическую* ссылку. Кулаков 3-й категории, избежавших как ареста и осуждения, так и направления на спецпоселение, нет оснований, по нашему мнению, включать в число жертв политических репрессий. Попутно заметим, что из числа помещиков, у которых в 1918 г. была экспроприирована собственность, к жертвам политических репрессий можно относить только тех, кто в дальнейшем был арестован и осужден карательными органами советской власти. Нельзя отождествлять понятия «экспроприированные» и «репрессированные».

Нами изучен весь комплекс статистической отчетности Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР. Из него следует, что в 1930—1940 гг. в «кулацкой ссылке» побывало около 2,5 млн человек, из них порядка 2,3 млн — раскулаченные крестьяне и примерно 200 тыс. — «примесь» в лице городского деклассированного элемента, «сомнительного элемента» из погранзон и др. В указанный период (1930—1940) там умерло приблизительно 700 тыс. человек, из них подавляющее большинство — в 1930—1933 гг.[20] В свете этого известное и часто цитируемое утверждение У. Черчилля, что в одной из бесед с ним И.В. Сталин якобы назвал 10 млн высланных и погибших кулаков[21], следует воспринимать как недоразумение.

В число жертв политического террора часто включаются умершие от голода в 1933 г., что вряд ли правомерно. Ведь речь-то идет о фискальной политике государства в условиях стихийного бедствия (засухи). Тогда в регионах, пораженных засухой (Украина, Северный Кавказ, часть Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана), государство не сочло нужным снизить объем обязательных поставок и изымало у крестьян собранный скудный урожай до последнего зернышка, обрекая их на голодную смерть. Полемика по вопросу о численности умерших от голода далека от своего завершения — оценки варьируются в основном в пределах от 2 млн до 8 млн[22]. По нашим оценкам, жертвами голодомора 1932—1933 гг. стали около 3 млн человек, из них примерно половина — на Украине. Наш вывод, конечно, не является оригинальным, поскольку примерно такие же оценки еще в 80-х годах XX в. давали историки В.П. Данилов (СССР), С. Виткрофт (Австралия) и др.[23]

Главным препятствием для включения умерших от голода в 1933 г. в число жертв именно политического террора с выработанной в правозащитных организациях формулировкой «искусственно организованный голод с целью вызвать массовую гибель людей» является то обстоятельство, что фискальная политика была вторичным фактором, а первичным — стихийное бедствие (засуха). Не преследовалась также цель вызвать массовую гибель людей (политическое

руководство СССР не предвидело и не ожидало столь негативных последствий своей фискальной политики в условиях засухи).

До недавнего времени на Украине активно пропагандировалась идея (в том числе в научных кругах), что голод 1932—1933 гг. явился следствием антиукраинской политики Москвы, что это был сознательный геноцид в отношении украинцев и т.п. Но ведь точно в таком же положении оказалось население Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана и других районов, где царил голод. Здесь не было какой-то избирательной антирусской, антиукраинской, антиказахской или какой-то иной направленности. Собственно, такими же соображениями руководствовалась и Организация Объединенных Наций, отказавшаяся в 2008 г. большинством голосов признать факт геноцида украинского народа (хотя США и Англия и голосовали за такое признание, но они оказались в меньшинстве).

Сильно преувеличены также потери у депортированных в 1941—1944 гг. народов — немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и др. В прессе, к примеру, проскальзывали оценки, согласно которым до 40% крымских татар умерло при транспортировке в места высылки. Тогда как из документов следует, что из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151 529, а в пути следования умер 191 человек (0,13%)[24].

Другое дело, что в первые годы жизни на спецпоселении в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость. С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. у выселенных немцев (без трудовой армии) родилось 25 792 и умерло 45 275, у северокавказцев (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и др.) соответственно 28 120 и 146 892, у крымчан (татары, армяне, болгары, греки) — 6 564 и 44 887, у выселенных в 1944 г. из Грузии (турки-месхетинцы и др.) — 2 873 и 15 432, у калмыков — 2 702 и 16 594 человек. С 1949 г. у всех них рождаемость стала выше смертности[25].

Выселение отдельных народов, с лишением их исторической родины, иначе называемое этнической чисткой, однозначно входит в разряд гуманитарных преступлений.

В число безусловных жертв большевистского режима дилетанты от истории включают все людские потери во время Гражданской войны. С осени 1917 г. до начала 1922 г. население страны сократилось на 12 741,3 тыс. человек[26]; сюда входит и белая эмиграция, численность которой точно неизвестна (ориентировочно 1,5—2 млн). Виновником Гражданской войны безапелляционно объявляется только одна противоборствующая сторона (красная), и ей приписываются все жертвы, включая свои собственные. Сколько в последние годы публико-

валось «разоблачительных» материалов о «пломбированном вагоне», «кознях большевиков» и т.п.?! Не сосчитать. Нередко утверждалось, что не будь Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров, то и не было бы революции, Красного движения и Гражданской войны (от себя добавим: с таким же «успехом» можно утверждать, что не будь Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, то и не было бы Белого движения). Нелепость подобных утверждений совершенно очевидна. Самый мощный в мировой истории социальный взрыв, каковым являлись события 1917—1920 гг. в России, был предопределен всем предшествующим ходом истории и вызван сложным комплексом трудноразрешимых социальных, классовых, национальных, региональных и других противоречий. В свете этого наука не может расширительно толковать понятие «жертвы политических репрессий» и включает в него только лиц, арестованных и осужденных карательными органами Советской власти по политическим мотивам. Это значит, что жертвами политических репрессий не являются миллионы умерших от сыпного, брюшного и повторного тифа и других болезней. Таковыми не являются также миллионы людей, погибших на фронтах Гражданской войны у всех противоборствующих сторон, умершие от голода, холода и др. И в итоге получается, что жертвы политических репрессий (в годы красного террора) исчисляются вовсе не миллионами. Самое большее, о чем можно вести речь, — это о десятках тысяч.

По имеющемуся учету в ФСБ России, в 1918—1920 гг. за «контрреволюционную преступность» был осужден 62 231 человек, в том числе 25 709 — к расстрелу[27]. Эти сведения составной частью входят в указанную выше статистику КГБ СССР (3 853 900 человек за 1918—1990 гг.). Мы считаем, что приведенная статистика по периоду Гражданской войны неполная. Там наверняка не учтены многие жертвы самосудов над «контрреволюционерами». Эти самосуды нередко вообще не документировались, а в ФСБ явно учтено только то количество, которое подтверждается документами. Вызывает также сомнение, что в 1918—1920 гг. в Москву поступала с мест исчерпывающая информация о числе репрессированных. Но даже с учетом всего этого, мы полагаем, что общее число репрессированных «контрреволюционеров» (включая жертв «красного террора») в 1918—1920 гг. едва ли превышало 100 тыс. человек.

Наши публикации с опирающейся на архивные документы статистикой политических репрессий, заключенных ГУЛАГа, «кулацкой ссылки» оказали существенное влияние на западную советологию, заставив ее отказаться от своего главного тезиса о якобы 50—60 млн жертв советского режима. От опубликованной архивной статистики западные советологи не могут просто так отмахнуться, как от назойливой мухи, и вынуждены принимать ее в расчет. В подготовленной

в конце 1990-х годов французскими специалистами «Черной книге коммунизма» этот показатель снижен до 20 млн[28].

Но даже этот «сниженный» показатель (20 млн) мы не можем признать приемлемым. В него вошли как ряд достоверных, подтвержденных архивными документами, данных, так и оценочные цифры (многомиллионные) демографических потерь в Гражданской войне, умерших от голода в разные периоды и др. Авторы «Черной книги коммунизма» в число жертв политического террора включили даже умерших от голода в 1921 г. (голодомор в Поволжье), чего ранее ни Р.А. Медведев, ни многие другие специалисты в этой области никогда не делали.

Тем не менее, сам факт снижения (с 50—60 млн до 20 млн) оценочных масштабов жертв советского режима свидетельствует о том, что в течение 1990-х годов западная советология претерпела значительную эволюцию в сторону здравого смысла, но, правда, застряла на полпути в этом позитивном процессе.

По нашим подсчетам, строго опирающимся на документы, получается не более 2,6 млн при достаточно расширенном толковании понятия «жертвы политического террора и репрессий». В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн скончавшихся в местах высылки (включая «кулацкую ссылку»), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.). Составляющие наших расчетов соответствуют сразу четырем критериям, указанным в «Черной книге коммунизма» при определении понятия «жертвы политического террора и репрессий», а именно: «расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти»; «депортация — смерть во время транспортировки»; «смерть в местах высылки»; «смерть в результате принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод)»[29].

В итоге мы имеем четыре основных варианта масштабов жертв (казненных и умерщвленных иными способами) политического террора и репрессий в СССР: 110 млн (А.И. Солженицын); 50—60 млн (западная советология в период «холодной войны»); 20 млн (западная советология в постсоветский период); 2,6 млн (наши, основанные на документах, расчеты).

В приведенную нами статистику репрессированных по политическим мотивам входят как невинно пострадавшие, так и получившие по заслугам (полицаи, каратели, зондеркомандовцы и т.п.). Определение соотношения между ними (и по численности, и по удельному весу) нуждается еще в своем исследовании и уточнении.

[1] *Земсков В.Н.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; *Его же*. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Там же. № 45; *Его же.* К вопросу о репатриации советских граждан, 1944—1951 годы // История СССР. 1990. № 4; *Его же.* Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2; *Его же.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Там же. № 6, 7; и др.

[2] Известия. 1992. 3 авг.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201—205.

[4] *Медведев Р.А.* Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 нояб.

[5] *Davies R., Wheatcroft S.* Steven Rosefielde's "Kliukva" // Slavic Review. December 1980. Vol. 39; *Wheatcroft S.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union. 1929—1956 // Soviet Studies. 1983. Vol. 35, no. 2; *Getty A.* Origins of the Great Rurges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933—1938. New York, 1985; *Rittersporn G.* Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933—1953. Philadelphia, 1991; и др.

[6] Правда. 1990. 14 февр.

[7] Вечерняя Москва. 1990. 14 апр.

[8] Размышления по поводу двух гражданских войн: интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

[9] *Шатуновская О.Г.* Фальсификация // Аргументы и факты. 1990. № 22.

[10] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2—3; Д. 1190. Л. 1—34; Д. 1390. Л. 1—21; Д. 2740. Л. 1, 5, 8, 14, 26, 38, 42, 48, 52, 58, 60, 70, 96—110; Д. 2891. Л. 1, 6, 11, 16, 18; Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 1—2; Возрождение надежды. М., 1999. № 8. С. 3; *Дугин А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ: документы и факты. М., 1999. С. 22, 35, 41, 43, 45, 49; Население России в XX веке: ист. очерки. М., 2000. Т. 1. С. 319, 320; М., 2001. Т. 2. С. 195.

[11] Там же. Т. 2. С. 195.

[12] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2887. Л. 64.

[13] Там же. Д. 330. Л. 55; Д. 1155. Л. 1—3; Д. 1190. Л. 1—34; Д. 1390. Л. 1—21; Д. 1398. Л. 1; Д. 1427. Л. 132—133, 140—141, 177—178.

[14] *Антонов-Овсеенко А.В.* Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апр. С. 3.

[15] *Земсков В.Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.

[16] *Antonov-Ovseenko A.* The Time of Stalin: Portrait of a Tyrany. N. Y., 1980. P. 212.

[17] ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223—226.

[18] *Медведев Р.А.* Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 нояб.

[19] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 216.

[20] *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960: автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра ист. наук. М., 2005. С. 34, 35.

[21] *Черчилль У.* Вторая мировая война: пер. с англ. М., 1955. Т. 4. С. 493.

[22] *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографическая катастрофа» 30—40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116—121; *Конквест Р.* Жатва скорби // Там же. 1990. № 4. С. 86; Население России в XX веке. Т. 1. С. 270, 271.

[23] *Данилов В.П.* Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 250.

[24] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 241—242.

[25] Там же. Д. 436. Л. 14, 26, 65—67.

[26] *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 98, 118.

[27] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1997. С. 180; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

[28] Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии: пер. с фр. М., 1999. С. 37.

[29] Там же. С. 36.

В.А. Шестаков

ОСОБЕННОСТИ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СССР В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»*

В статье рассматриваются проблемы адаптации, модернизации созданной на заре советской власти мобилизационной системы в условиях хрущевской «оттепели». Автор исходит из альтернативности исторического процесса, наличия на том или ином этапе развития экономических, политических, ментальных и иных развилок, связанных с принятием политических решений, изменением общественных настроений. В статье анализируются объективные условия принятия политических решений сталинским наследниками, их реальные цели и имеющиеся у них ресурсы, достигнутые результаты.

Ключевые слова: эволюция, модернизация, кризис, десталинизация, мобилизация, демобилизация, либерализация, советская система, ГУЛАГ, реформы, перестройка.

Годы хрущевской «оттепели» занимают важное место в отечественной истории XX века. Именно в этот период завершается переход советского общества из сельского состояния в городское, из полуиндустриального в индустриальное. За десятилетие реформ были ослаблены основные черты сталинского социализма — его нецивилизованность, репрессивность, частично ликвидирована система принудительного труда, начался процесс реабилитации политзаключенных. Н.С. Хрущев смог ослабить идейно-догматический характер сталинского социализма. В совокупности изменения сталинской модели социализма в середине XX века достигли таких пределов, что дали веские основания исследователям говорить о хрущевском социализме[1]. В современной историографии многие аспекты хрущевских преобразований получили достаточно полное освещение[2]. Но, к сожалению, необъективные оценки, данные реформатору на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г., пережили не только самого политика, но и падение советского режима. Отечественные историки и экономисты, в отличие от западных исследователей[3], до сих пор негативно оценивают попытки Хрущева придать новые импульсы развитию советской экономики[4]. В частности, объективно не определен вклад Хрущева и его конкурентов в модернизацию мобилизационной системы. В

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

отечественной историографии в годы горбачевской перестройки, без особых споров и аргументации, сложилось мнение, что Н.С. Хрущев в 1950-е годы избрал самый консервативный вариант реформирования экономики, и более того, упустил шанс выйти из социализма[5]. Такая постановка вопроса предполагает реальное существование в тех исторических условиях других более радикальных и, стало быть, более эффективных вариантов модернизации народного хозяйства. Некоторые авторы считают, что таким альтернативным вариантом мог быть комплекс идей, предложенных Л.П. Берией и Г.М. Маленковым в 1953 г., и, в первую очередь, тех из них, которые были связаны с реформированием аграрного сектора[6].

На наш взгляд, один из объективных недостатков существующей литературы, посвященной периоду «оттепели», связан с тем, что оценки деятельности и итогов реформ сталинских наследников фактически предшествовали анализу самой системы. С достаточной ясностью вопрос о возможности и пределах эволюции мобилизационной системы советского типа впервые был поставлен перед исследователями лишь после демократических революций конца XX века в странах Восточной Европы и СССР.

В свете новых архивных документов и методологических подходов сложившаяся негативная оценка итогов десятилетия реформ представляется сугубо односторонней. Чтобы ответить на вопрос, почему сталинские наследники, и, прежде всего, сам Хрущев, не смогли воспользоваться достаточно благоприятными возможностями четко сформулировать и реализовать стратегию реформ, следует, очевидно, ответить на непростой вопрос о способности мобилизационной системы к эволюции в тех условиях.

В общих чертах советская мобилизационная система возникла уже в годы гражданской войны, но окончательно она складывается лишь к середине 1930-х годов. По существу она представляла собой реализацию идеи государственной монополии. Ее уникальность состояла в том, что она полностью противостояла рыночной экономике, была несовместима с ней[7]. Утопическая задача построения социализма в кратчайшие сроки в условиях международной изоляции и самоизоляции существенно повлияла на всю систему власти и управления. Менее чем за двадцать лет в силу внутренней логики диктатура пролетариата перерастает в диктатуру правящей коммунистической партии, а затем и диктатуру одного человека. Стремление власти опереться в решении производственных вопросов на партийные структуры приводит уже в середине 1930-х годов к окончательному огосударствлению правящей партии, к превращению Советов в декоративные учреждения. Государственные органы

в центре и на местах полностью лишаются самостоятельности. Характерными чертами политической системы становятся сверхцентрализация, мобилизационные методы функционирования государственного механизма, однопартийность. В условиях разбухания административно-управленческого аппарата становятся ненужными органы демократического контроля — ЦКК—РКИ. Отныне они нужны лишь как послушные звенья исполнительного аппарата. «Нам нужна теперь не инспекция, — заявил на XVII съезде партии Сталин, — а проверка исполнения решений центра...»[8] Такой организацией становится комиссия партийного и советского контроля. В те же 1930-е годы завершается формирование мощного репрессивного аппарата. В условиях ликвидации частной собственности и отключения рыночных механизмов, репрессии становятся важнейшим и неустранимым элементом мобилизационной системы, поддерживающим дисциплину и авторитет власти и заставляющим людей работать с высокой отдачей. С ликвидацией оппозиции достигает пика режим тотального контроля над обществом. Невозможность для сталинского руководства опереться для легитимации своей власти на авторитет традиций, а также демократически выраженную волю большинства населения вызывает к жизни необходимость сознательного культивирования личности Сталина.

Демонтаж рыночных механизмов, активное вмешательство государства в экономику позволили большевистской власти решить многие вопросы экономического и социального развития, возникавшие в предвоенные годы. Однако уже к началу 1940-х годов становится очевидным (особенно для сторонних наблюдателей), что многие недостатки мобилизационной системы носят далеко не временный характер. Ориентированная на централизованные, волевые решения, она была способна на поиск решений управленческих и иных задач, лишь санкционированных на самом верху. Не испытывая никаких воздействий со стороны рынка она решительно отвергала самостоятельность предприятий, сколько бы она не декларировалась. Процессы формирования планов, определения директивных заданий из-за огромного разнообразия видов продукции оказывались предельно сложными. Нередко задания выдавались без выделения необходимых ресурсов. Балансы достигались лишь на бумаге, а в жизни все получалось иначе. В результате советская экономика, изначально призванная работать в постоянном напряженном мобилизационном режиме, в реальности функционировала иначе, находясь в движении между двумя крайними точками — от абсолютно стабильного, застойного до нестабильного, аварийно-мобилизационного состояния[9]. Закономерно, что вслед

за крайней мобилизацией общества и экономики в период Великой Отечественной войны должен быть последовать период демобилизации. Номенклатура, не желавшая вечно жить в ожидании репрессий, ищет и находит в первые послевоенные годы бюрократические способы самозащиты, что в итоге приводит к полупараличу государственного управления, к тому, что сам И.В. Сталин назвал «центростопом»[10]. Обсуждение острых вопросов управления народным хозяйством на Политбюро ЦК КПСС в первые послевоенные годы говорит о том, что сталинское руководство за частными сбоями в планировании не видит фундаментальных проблем системного характера, ограничиваясь поиском очередных «стрелочников». «Проектанты у нас, сволочи, — утверждал Сталин на заседании в декабре 1947 г., — проектируют все только новые заводы и раздувают строительство»[11]. Вождь не смог и не захотел увидеть многие новые теоретические проблемы модернизации страны. Экономическая наука до краха СССР всерьез не поднимала проблем эффективности централизованного планирования, мотивации труда. Сталин старается не замечать, что в созданной им мобилизационной системе бюрократия как власть аппарата вполне способна направлять начальство — источник власти. В итоге исполнялось лишь то, что выгодно бюрократии, аппарату. Однако и сам Сталин действует по тем же «железным» законам бюрократической иерархии, согласно которым воля начальника выше закона. «Госплан и министерства, — подчеркнул он на том же декабрьском заседании Политбюро, — исходят из пятилетнего плана. *Мы не должны связывать себя пятилетним планом* (выделено нами. — *В.Ш.*). Он был составлен в других условиях, а теперь обстановка изменилась. Пятилетка (речь идет о четвертой пятилетке) составлена с большими дефектами, сгоряча, на другой день после окончания войны. Эти дефекты надо исправить»[12]. Устаревший теоретический багаж — одна из важнейших причин того, что Сталин и его ближайшие соратники в первые послевоенные годы интерпретировали масштабную задачу всеобъемлющей модернизации страны, как чисто количественную, сведя ее, прежде всего, к ответу на военно-технологический вызов США. Власть не решилась на реформы системы (точнее, не видела в них надобности), на ее либерализацию, открытие внешнему миру, не пошла на взаимодействие с Западом. Как следствие, и после победы мобилизационная модель развития в СССР не претерпела серьезных изменений. Основные ресурсы страны направлялись на развитие тяжелой индустрии и военного производства в ущерб другим отраслям экономики. Была продолжена линия на максимальную мобилизацию ресурсов из аграрного сектора. Разница закупочных и розничных цен на

продовольствие достигла максимума, был введен денежный оброк с приусадебных участков (обязательства по поставке сельскохозяйственной продукции и налогообложение приусадебных хозяйств). В результате в 1948—1950 гг. средней двухмесячной денежной оплаты в колхозе по трудодням хватало лишь на покупку 1 кг масла[13]. Власть возводит в идеал жесткую дисциплину, нивелирование личности до положения винтика государственной машины, абсолютное самопожертвование во имя государства, полное отсутствие политической оппозиции и инакомыслия, плановое хозяйство и централизацию экономической и общественно-политической жизни. Одновременно пропагандистский аппарат раскручивает антизападные кампании. С началом корейской войны (по некоторым сведениям, в ноябре 1950 г.) в Венгрии в Холлохазе на совещании партийных лидеров Восточной Европы принимается решение пересмотреть в сторону еще большего увеличения показатели развития тяжелой промышленности в пятилетних планах на 1951—1955 гг.[14]

Сегодня вполне доказано, что, после кончины вождя верхние эшелоны советского руководства ощущали необходимость существенного обновления сталинского курса, изменения ряда характеристик политической системы, прежде всего, либерализации режима, демонтажа репрессивной системы, поскольку репрессии были направлены, в первую очередь, против элиты[15]. Единовластие Сталина настолько очевидно расходилось с провозглашенными принципами «социалистической демократии», что без его преодоления пути вперед не было. Необходимо было срочно отказаться от очевидных крайностей сталинского режима: обожествления личности вождя, его бесконтрольности, беззакония и произвола карательных органов[16]. Отсюда и первоочередное желание властной элиты и бюрократии осудить именно «культ личности». К тому же продолжение обожествления усопшего вождя явно мешало легитимации и без того «низкорослых», по определению Д.А. Волкогонова, сталинских наследников[17].

Далеко не все устраивало новых руководителей и в социально-экономической политике Сталина. Экономика к началу 1950-х годов хотя и была восстановлена из руин, но была явно перенапряжена и находилась на грани коллапса[18]. Уже в самом начале 1950-х годов основные показатели экономического развития страны серьезно ухудшились. Засуха 1946 г. поставила страну на грань голода. Урожаи зерна за 1948—1952 гг. были равны примерно средним за 1928—1930 гг. (соответственно 77,9 и 76,1 млн. т)[19]. Низкая продуктивность аграрного сектора, дефицит продовольствия стали проблемами настолько очевидными, что после смерти Сталина в советском руко-

водстве не возникло даже серьезной дискуссии по вопросу о необходимости изменения аграрной политики.

Главное — экономический рост начиная с первой пятилетки утратил социальную направленность. Более того, он и обеспечивался за счет наступления на благосостояние[20]. Перекачка рабочей силы в 1930-е годы в тяжелую индустрию и строительство сопровождалась стремительным увеличением фонда заработной платы в отраслях, не создающих потребительские товары. Заработная плата в первую пятилетку была резко повышена в тяжелой, а затем в оборонной промышленности. В неприоритетных отраслях (легкая промышленность, торговля, сфера обслуживания) низкие заработки были надолго заморожены, рост оплаты наиболее квалифицированных работников (инженерно-технический персонал, научные работники) отставал от оплаты менее квалифицированных. Так было положено начало отрыву оплаты труда от его количества и качества[21]. Хотя с 1928 по 1965 г. номинальная зарплата выросла более чем в 15 раз, реально она в эти годы никогда не превышала уровня минимальной обеспеченности[22]. В условиях ограничения фонда потребления для власти вполне естественной была ориентация оплаты труда на поддержание прожиточного минимума. По этим причинам и на рубеже 1950-х годов известная ленинская трактовка целей экономического развития страны оставалась теоретическим идеалом и не являлась конкретной практической задачей. Промышленность была слабо ориентирована на человека, на потребление, а больше — на самовоспроизводство. Величина зарплаты и способы ее дифференциации не побуждали работников к более напряженной и эффективной работе. Сталин в послевоенные годы, пытаясь ускорить социально-экономическое развитие страны, обращался не к потребностям и стремлениям людей, а к механизму внеэкономического принуждения. В свою очередь, советские люди все меньше требования развития экономики ощущали как внутреннюю потребность, а как императив, навязываемый извне, со стороны властного аппарата. В силу второстепенности социальных целей в сфере экономики жизненный уровень абсолютного большинства населения и в послевоенные годы оставался крайне низким. Особенно остро стоял вопрос обеспечения населения продовольствием. В проекте доклада Хрущева на сентябрьском Пленуме 1953 г. приведены сравнительные данные уровня потребления продуктов питания в США, Англии, Франции и СССР в 1950—1952 гг. Эти данные представлены в таблице, которая дает представление об уровне потребления продуктов питания в СССР и странах Запада в начале 1950-х годов.

Потребление продуктов питания в СССР* и ведущих странах Запада, в кг в год на душу населения**

	США	Англия	Франция	СССР	Рациональные нормы
Хлеб, мука, крупы	78	103	117	180—200	121
Картофель	52,2	108	129	190	114
Молоко и молочные продукты	345	355	243	159	540
Мясо и сало	81,4	56,8	59,0	24	65
Яйца (шт.)	379	220	215	70	350
Рыба	10,8	20,0	8,1	7,3	18,6
Масло растительное	10,1	10,9	6,3	3,7	3,83
Сахар	42,3	37	23	16,2	31,4
Овощи и бахчевые	127	63	143	60,0	141
Фрукты	90	43	34	16	—

* СССР — 1952 г.
** США, Англия, Франция — 1950—1951 гг.
Источник: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 167. Л. 9—10.

Анализ данных показывает, что в СССР в 1952 г. потребление молока и молочных продуктов было почти в 2 раза ниже, чем в США, мяса, рыбы, сахара почти в 3 раза ниже, фруктов — почти в 5 раз ниже, зато потребление хлеба и картофеля было выше почти в 4 раза, чем в США. И что более показательно в примерно такой же пропорции соотносился реальный уровень потребления с так называемыми рациональными нормами питания, свидетельствуя о низком уровне потребления основных продуктов питания населением и нерациональной структуре самого питания. В 1953 г. положение с продовольствием еще более ухудшилось. Страна стояла на пороге нового голода.

Эти и другие факты свидетельствовали о том, что использование в послесталинский период мобилизационной модели времен ранней социалистической индустриализации подошло к пределу возможностей.

Понимание необходимости модернизации мобилизационной системы, ее определенной адаптации к новым реальностям проникает в умы советской правящей верхушки еще до смерти Сталина[23]. Отправной точкой постепенной эволюции мобилизационной системы становится отказ от репрессий. Весной 1953 г., когда появилось определенное «окно возможностей» для реализации разных вариантов десталинизации и соответственно различных вариантов развития

страны, именно степень понимания сталинскими наследниками общественных настроений в целом и ожиданий отдельных социальных слоев оказалась решающим фактором для победы за власть. Как показывает характер действий каждого из претендентов на власть после смерти Сталина, представления о собственном будущем и будущем страны они формировали сообразно своему месту во властных структурах и степенью информированности о происходящих в обществе процессах. Весной 1953 г. Л.П. Берия и Г.М. Маленков в силу близости к Сталину в наибольшей мере владели информацией о положении дел в стране, настроениях населения. Хрущев, в недалеком прошлом периферийный политик, — в гораздо меньшей. Соответственно у конкурентов Хрущева гораздо раньше, чем у него самого, сложилось критическое отношение к некоторым сторонам сталинской политики. Имея доступ к программным документам, разрабатываемым в послевоенные годы в недрах партийного и советского аппарата, они смогли со временем сформировать определенную систему взглядов по основным проблемам внешней и внутренней политики и сразу после смерти Сталина приступить к реализации некоторых из них. В последнее десятилетие в историографии утвердилась точка зрения, что «арест Берии, суд над ним и его расстрел привели в действительности к приостановке десталинизации и даже ресталинизации[24]. В свою очередь, конкурентам Хрущева, впрочем, без достаточных доказательств, приписываются планы далеко идущих реформ, вплоть до выхода из социализма[25]. Эта апологетика не осуществившегося «правого» варианта реформ не подкреплена в достаточной мере источниками и основана на неверной оценке тех вызовов и угроз, с которыми столкнулась страна в рассматриваемый период, основанных на ней ряде неправомерных допущений, умозрительных предположений. Во-первых, утверждение, что страна в канун смерти Сталина находилась накануне социального взрыва. Несомненно, последние годы жизни диктатора отмечены ростом социальной напряженности. Все слои советского общества, хотя и в разной степени ощущали дискомфорт. Особо взрывоопасная ситуация складывалась среди узников ГУЛАГа. Его состав в послевоенные годы сильно отличался от эпохи «Большого террора», поэтому начиная с 1946 г. лагерные восстания следуют одно за другим. По некоторым данным, в 1946—1952 гг. произошло более 20 выступлений. Большей частью они были направлены против сталинского режима «активной несвободы»[26]. Органы правопорядка не случайно рассматривали их как возможную предпосылку широкомасштабных восстаний в ряде окраинных районов СССР[27]. Но принципиальное отличие от них выступлений 1953—1954 гг. — демонстративная «со-

ветскость», подчеркнутая лояльность по отношении к институтам власти. Заключенные ждали амнистии. Эти восстания и забастовки имели целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях. «Мы хотим, — говорилось в обращении заключенных Горного лагеря к Советскому правительству, Президиуму Верховного Совета и ЦК КПСС от 27 июня 1953 г., — чтобы с нами разговаривали не языком пулеметов, а языком отца и сына»[28]. Что касается бунтарской активности населения вне лагерей, то, как справедливо считает В.А. Козлов, «стихийные лидеры беспорядков 1950—1960-х годов обычно не покушались на устои коммунистической Системы. Их действия были направлены либо против “плохих чиновников” на местах, либо — “плохого Хрущева на самом верху”»[29]. Как показывает анализ писем во власть, мемуаров и сводок органов госбезопасности, подавляющая часть советских граждан, включая и диссидентов, разделяла в этот период социалистические ценности, считала, что социализм еще не показал всего, на что способен[30]. Таким образом, рубеж 1950-х годов не отмечен массовым разочарованием советских людей в социалистической идеологии. Мобилизационная система в целом сохраняла стабильность и жизнеспособность. Динамизм советской экономики, победа над нацистской Германией, эгалитаризм, обеспечивали наглядную убедительность официальной пропаганде. Есть все основания считать, что кризис конца 1940 — начала 1950-х годов носил не системный, а модернизационный характер, следовательно, вне субъективных намерений Берии или Маленкова к этому моменту отсутствовала политическая «почва» для выхода страны из социализма. По этой же причине для реализации программы десталинизации «сверху» также имелись существенные ограничения в общественных настроениях. Формальной причиной модернизационного кризиса явилась смерть харизматического лидера. Но главная причина заключалась в очередной смене мобилизационного цикла.

Со смертью Сталина для его преемников политическая и экономическая стабилизация становится первоочередной задачей. Восстания и бунты лишний раз напомнили сталинским наследникам о том, что методы «силовой» мобилизации населения достигли своего потолка. Дальнейший силовой нажим создавал бы серьезные экономические проблемы плановой экономике, социальной стабильности. Нараставшее снизу давление вело к тому, что вопросы отмены массового террора, выборочной реабилитация безвинных жертв сталинских репрессий становятся главным орудием борьбы за власть в Кремле. Уход харизматического лидера, на фоне растущего стремления населения страны к переменам, создавал определенную угрозу политической стабильности. Десакрализация власти

наносит серьезный удар, прежде всего, по самим властным структурам, серьезно меняя условия существования всех властных структур, прежде всего, характер связи вождей с обществом. Самый простой и быстрый способ решения этих двух взаимосвязанных задач — укрепление существующей политической системы, а не ее слом. В этом были солидарны основные претенденты на полноту власти в стране. Политической стабилизации было проще достичь через укрепление существовавшей политической системы, чем через слом. Уже в силу этого обстоятельства весной 1953 г. ни Берия, ни Маленков, и тем более Хрущев, не ставили вопрос о глубокой политической реформе.

Второе допущение — завышенный реформаторский потенциал Л.П. Берии и Г.М. Маленкова. Вопреки распространенному мнению, приписывающему Берии и Маленкову далеко идущие планы по реформированию советской политической системы, их наличие пока не подкреплено документально. Даже если допустить наличие у Берии и Маленкова подобных планов, они имели чрезвычайно мало шансов на их реализацию. Как показывает исторический опыт, в том числе и зарубежный, последовательная демократизация невозможна без активной поддержки гражданского общества. На рубеже 1950-х годов гражданское общество в СССР в лучшем случае делало первые шаги, и реформаторы опереться на его поддержку не могли. Не менее важно, что Берия, и Маленков не могли также рассчитывать на реальную поддержку значительной части правящей элиты. Ни один из них не имел прочных закрепленных связей с партийной бюрократией на местах и в армии. Дело в том, что основные группы бюрократии — командный состав вооруженных сил, госбезопасности, советско-партийные чиновники, хозяйственные руководители осознают себя в качестве особых групп лишь после смерти Сталина в ходе борьбы за власть в Кремле. Что касается поддержки подчиненных Берии силовых структур, то она слабеет по мере реализации инициированных им же мероприятий, направленных на уменьшение карательных функций советского государства.

Серьезные сомнения в возможности углубления Берией преобразований, продолжения десталинизации вызывает тот факт, что и для народа и для номенклатуры он являлся кровавым палачом, организатором массовых репрессий, выселения немцев Поволжья, калмыков, многих народов Северного Кавказа (о его заслугах в деле создания ядерного оружия знали в то время считанные единицы). Жестокий и циничный руководитель карательных органов, он активно исполнял самые грязные и кровавые поручения Сталина. Возглавив вновь после 5 марта 1953 г. силовые органы, Берия полученную информацию использовал против своих противников. Реабилитация на-

чалась по тем делам, в которых не был замешан сам Берия. Тем самым он сам задал условия всей послесталинской борьбы за власть[31]. Поэтому далеко не случаен и выбор Хрущевым направления первого удара в борьбе за власть — против Берии. Кроме чисто тактических, для этого были более глубинные основания, связанные с репрессивной сутью советской системы, олицетворением которой в глазах значительной части общества был Берия. Многие исследователи согласны сегодня с тем, что Берией двигало вовсе не желание выйти за пределы социалистической системы, и тем более не стремление к чистоте марксистско-ленинских идей и забота о благе народа. Собственно прагматизм и цинизм Л.П. Берии — важнейшая причина его поражения в борьбе за власть. «Лубянский маршал» приступил к расчистке сталинских завалов, прежде всего, ради строительства фундамента новой, собственной власти. Его самые заметные инициативы по слому репрессивной системы диктовались конкретными задачами борьбы за власть. Первой, кого освободил Берия буквально 9 марта, в день похорон Сталина, была П.С. Жемчужина — жена самого видного члена Политбюро ЦК КПСС В.М. Молотова. Через несколько дней был освобожден главный телохранитель покойного вождя — С.Ф. Кузмичев, который был восстановлен в старой должности начальника Управления охраны. Вслед за ним с тюремных нар в кабинеты на Лубянке пересаживаются десятки бериевцев, на которых он мог рассчитывать во всем. 15 марта на различные посты были назначены люди, близкие Берии и Маленкову (С. Круглов, Б. Кобулов, И. Серов, И. Масленников). Чекисты же не бериевского круга (Рухадзе и др.) оставались до поры до времени в тюрьме[32]. Берия меньше всего был связан идеологическими догмами марксизма-ленинизма, но в тех исторических условиях это скорее являлось недостатком. Его предложение вывести все государственные органы из-под контроля партии не реализуемо без глубокой политической реформы и свидетельствует скорее о недостаточном понимании им реального механизма власти в СССР. Сегодня вполне очевидно, что советские органы не были жизнеспособны без партийной вертикали. Многие годы партия более или менее успешно противостояла экспансии ведомств[33]. На волне осуждения в годы революционных перемен КПСС как стержня тоталитарного режима также забылось, что именно в партии в послевоенные годы еще сохранялись некоторые элементы демократичности, давно изгнанные из других властных структур.

Проигрыш Маленкова в борьбе за власть, кроме сугубо личностных моментов, связан, главным образом, с традиционной слабостью правительства в системе отечественных органов административного

управления. Отказавшись от своих постов в партаппарате и заодно жесткой ориентации на московскую бюрократию, Маленков лишился их возможной поддержки и важнейшего источника информации. Возглавив в канун смерти Сталина борьбу с бюрократизмом, с избыточностью центрального аппарата министерств и ведомств, он также не мог рассчитывать на лояльность достаточно многочисленного и влиятельного слоя чиновников.

Широко известные предложения Маленкова «всемерно форсировать развитие легкой промышленности, добиваться выравнивания темпов экономического роста двух основных отраслей индустрии: производства средств производства и производства предметов потребления» не нашли понимания у набиравших силу в условиях «холодной войны «оборонщиков» из ВПК. Впоследствии именно ВПК во главе с Д.Ф. Устиновым сыграет решающую роль и в свержении Хрущева.

Победа Н.С. Хрущева над заведомо более сильными соперниками в схватке за власть не случайна. Он в силу своих личных (человеческих) качеств и особенностей биографии и карьеры смог лучше своих конкурентов уловить послевоенные ожидания, как в целом всего общества, так и слоя бюрократии, на который он опирался. Для Хрущева и подобных ему выдвиженцев высокие властные посты — это реальная возможность претворить в жизнь извечную мечту человека о земном рае[34], раскрыть до конца сущностные силы советского строя, в преимущества которого перед капиталистическим он безоговорочно верил[35]. Не случайно главным личным интересом он видел задачу волевого, силового переустройства мира на коммунистический лад. Опираясь на полученные в юности и в Промакадемии обрывки знаний, Хрущев полагал, что все существенное давно сделано, в основе системы прочно лежит марксизм-ленинизм, ему же остались пустяки: главное — «не мудрить, а лучше работать»[36]. «Весь вопрос в том, чтобы ускорить получение конечных результатов. А это зависит от нас»[37]. И эта фанатичная, иррациональная вера в то, что социализм — это общество социальной справедливости, бывшая все 1950—1960-е годы основой социального консенсуса власти и общества в советской системе, очевидно, важнейшее условие возвышения Хрущева, его права на власть.

Эти массовые настроения предопределили и победу в борьбе за власть и вектор всех последующих преобразований Хрущева, глубину его реформ, включая и нововведения в политической сфере. По этой причине в те годы не был возможен не только выход из социализма, но и серьезные заимствования форм западной демократии. Социалистические настроения большей части советских людей

априори обрекали на забвение все поступавшие в ЦК КПСС проекты «пересмотреть учение Маркса»[38], децентрализовать процесс принятия решений и т.п., а также делали маргинальными антикоммунистические диссидентские течения.

Хрущев не был и не мог быть первым в либерализации политического режима. Следует согласиться с теми авторами, кто утверждает, что «Хрущев не был демиургом этого процесса, а скорее сам был захвачен массовым, хотя и подспудным стремлением вырваться из призрачного неисторического мира в мир реальный»[39]. Но в отличие от Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, у Н.С. Хрущева был несомненный ресурс в виде непосредственного опыта управления украинской партийной организацией и знания настроений населения и номенклатуры на местах. Как свидетельствовал в беседах с Ф. Чуевым консервативно настроенный В.М. Молотов, Хрущев «отразил (потребительские) настроения подавляющего большинства...»[40]. Неслучайно он первым в сталинском руководстве сказал, что деревня очень плохо живет в материальном смысле, что колхозники тоже люди и хотят хорошо жить. Очевидно, Хрущев после смерти Сталина и даже в конце своей карьеры был далек от понимания того, что мобилизационная модель подошла к пределу возможностей. Однако он не мог не видеть, что обратной стороной успехов в послевоенном восстановлении и создании ракетно-ядерного щита был низкий уровень жизни, неразвитые потребности и сверхвысокая норма эксплуатации. Особенно низким был жизненный уровень колхозного крестьянства. В условиях нарастающей гонки вооружений Сталин предпочел ничего не менять в колхозной системе, не трогать личного подсобного хозяйства крестьян, о чем он вполне определенно сказал в своей беседе с группой видных советских экономистов в феврале 1952 г.: «надо приучить колхозы, чтобы они больше думали об общественном деле. Сейчас колхоз ничего, кроме своего хозяйства знать не хочет»[41]. Хрущев, в целом разделяя и поддерживая цели сталинской аграрной политики, тем не менее, выступал против ее крайностей, так как лучше Сталина знал реальное положение деревни. Он был против очередного большого нажима на деревню как вечного источника средств для народного хозяйства. Принципиально не возражая против закона о «первой заповеди колхозника», Хрущев в своей известной статье, опубликованной 4 марта 1951 г. в «Правде», «О строительстве и благоустройстве в колхозах» первым решительно выступил против двойной занятости крестьян. Он прямо говорит о том, что более добросовестные передовые колхозники, не желающие в ущерб общественному хозяйству отвлечься на работу в своем личном хозяйстве, не могли построить себе даже дом. «Теперь у колхоз-

ника другие требования, он хочет хорошо устроить свой быт и одна комната его уже не может удовлетворить. Надо подумать о том, чтобы у колхозников были 2—3—4 комнаты...»[42] Вопреки широко распространенному мнению, именно этот акцент, а не строительство пресловутых агрогородов главный в хрущевской статье.

Сделав в первой половине 1950-х годов акцент на решение хозяйственных проблем, повышение жизненного уровня, жилищное строительство, Хрущев смог на время стабилизировать политический режим, не меняя в нем практически ничего. Инициативы Хрущева тех лет не касаются вопросов политического устройства. Занятый хозяйственными реформами, он действует, главным образом, мобилизационными методами. Но интуитивная опора Хрущева на традиционалистские (в советском понимании) слои населения и формы организации жизни способствовала временному сплочения общества и переводу процессов либерализации сталинского режима из революционной формы, чреватой возможным социальным взрывом по «югославскому сценарию», в эволюционную фазу. Стремление первого секретаря ЦК КПСС убрать «перекосы», доставшиеся в наследство от тирана, находит поддержку у значительной части населения, откликнувшегося на перемены ростом энтузиазма граждан. Об этом убедительно свидетельствуют экономические итоги первого пятилетия реформ[43].

После того как осенью 1955 г. в Президиуме ЦК КПСС сосредоточился значительный материал о политических репрессиях и ответственности Сталина за совершенные преступлении в отношении коммунистов и партийных руководителей во второй половине 1930-х годов, Хрущев был вынужден обратить внимание на эти проблемы. Будучи непосредственно причастен к политическим репрессиям 1930-х годов на Украине и в Москве, он был достаточно осведомлен о механизме их фабрикации, тем не менее, выявление полной фальсификации ряда политических процессов произвели, по свидетельству ближайшего окружения, крайне тяжелое впечатление на Хрущева. Однако, пойдя на XX съезде КПСС на разоблачение культа личности Сталина, он не был готов последовательно идти по пути десталинизации. Освобождения от сталинского наследства и не могло быть без обновления всех сфер советского общества от экономики до межнациональных отношений, последовательной замены всех несущих конструкций сталинского социализма. Но последнее невозможно без его тщательной «инвентаризации», всестороннего познания сталинского наследия, которые не случились до краха советской системы. Поэтому вновь, как в 1953 г., тема культа личности в решающей мере была инструментом борьбы за власть. Идейная

платформа Хрущева мало отличалась от сталинской, и в силу объективных причин не могла сильно от нее отличаться. Хрущев много раз на протяжении своей политической карьеры, а затем в мемуарах обращался к сталинскому наследству. Его оценки по разным причинам неоднократно менялись. В первые месяцы после кончины «отца народов», как впоследствии отмечал сам Хрущев, «мы... никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин — отец народа, гений и прочее»[44]. В своих публичных выступлениях он ни разу не усомнился в правильности партийного курса, неоднократно использовал формулу: «А что же, мы напрасно трудились со Сталиным? Не напрасно». Выступая 13 мая 1957 г. на совещании писателей в ЦК КПСС, он подчеркнул: «То большое дело, которое сделано Сталиным мы не осуждаем... <...> Все мы работали, не считаясь не только с силами, но и с жизнью своей»[45]. По существу, и со Сталиным Хрущев расходился лишь по причинам нравственного порядка. На том же совещании писателей в ЦК КПСС в мае 1957 г. он вполне определенно высказался об этом: «...Мы Сталина осудили за то, что он по своим стрелял»[46]. Через пять лет, выступая на товарищеском ужине в болгарском Евксинограде, Хрущев вновь акцентирует нравственный аспект: «Это смешение великого с гнусным. Вот это Сталин. <...> Он марксист, он ленинец и он был убийца, он был способен на самые большие гнусности, и он эти гнусности делал»[47]. Однако и сам Хрущев далеко не либерал. О чем он много раз говорил на протяжении своей карьеры. «...Мы никогда не стояли за такую демократию, которая... без руля и без ветрил, у нас достаточно и ума, и сил для пресечения этого»[48]. И Хрущев готов «арестовывать, судить, высылать и сажать в тюрьму уголовных преступников». «Но надо, чтобы следствие и суд проводились по всем нормам закона, чтобы суды были открытыми, чтобы каждому можно было убедиться, что данные люди виновны»[49].

Не располагая собственными концепциями развития советского общества, не проведя детального анализа сталинского наследства, Хрущев не был способен на последовательную критику политики Сталина и его идейного наследства. Он до конца своих дней считал, что «при всей субъективной направленности действий Сталина, его роль была положительной в том смысле, что он оставался марксистом в основных подходах к истории, был человеком, преданным марксистской идее, все делал, что было в его силах, для победы дела рабочего, трудового народа...»[50]. Эти соображения заставляли Хрущева и других членов высшего руководства делать акцент на личностных качествах вождя, его «неуемной жажде власти». Показательно, что по мере обретения нового управленческого опыта, расширения кругозора в зарубежных поездках оценки «отца наро-

дов» Хрущевым становятся все более сдержанными и критичными. В современной историографии нет однозначного ответа на вопрос: почему Хрущев стал сворачивать процесс десталинизации. Наиболее взвешенной представляется позиция Р.Г. Пихои: «сказав правду о конкретных преступлениях Сталина, он испугался последствий своего исторического деяния, ибо в обществе началась дискуссия о характере самой системы. Помнил и свою личную вину в репрессиях. Кроме того, он видел мощную оппозицию внутри правящей элиты, включая таких сталинских “зубров”, как Молотов, Каганович, Маленков»[51]. Действительно, опасения развития событий в СССР по венгерскому или польскому сценарию заставляли Хрущева маневрировать, постоянно оглядываться на коллег по высшему руководству, жестко реагировать на любые проявления инакомыслия и социального недовольства. Все годы своего правления Хрущев боялся зайти в критике Сталина слишком далеко, справедливо опасаясь, что критика его ошибок и преступлений обернется критикой социалистической системы, и тогда события выйдут из-под контроля власти. «Вы знаете, — говорил он участникам майского (1958 г.) пленума ЦК КПСС, — как активизировались после XX съезда некоторые антипартийные элементы, пытались выступить против партии... если бы мы дали волю разного рода антисоветским элементам, то потеряли бы руководство в партии»[52]. Анализируя на этом же пленуме развитие событий в Венгрии, Хрущев приходит к выводу, что «если бы Ракоши и другие венгерские руководители проявили твердость и волю, максимум 3—5 зачинщиков посадили в тюрьму и осудили, то никакой контрреволюции там не было бы»[53]. При обсуждении письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечение вылазок антисоветских, враждебных элементов» власти столкнулись с серьезной критикой. Об этом свидетельствуют отправленные в адрес ЦК КПСС сводки органов госбезопасности. «Письмо, — говорил на партсобрание партийной организации отдела главного технолога Ярославского автозавода 25 января 1957 г. коммунист Киселев, — зачитано таким тоном и с такими намеками — или замолчите, или будем сажать. Неужели нас ничему не могла научить Венгрия... Гомулка в Польше установил действительные выборы, а у нас существует механическое голосование...»[54] В Саратове, согласно тому же источнику, на аналогичном собрании военного судостроительного завода «выступавшие говорили о ненужности в СССР органов Госбезопасности и профсоюзов»[55].

Осенью 1956 г. и в особенности с 1957 г., после событий в Польше и Венгрии была вновь запущена машина политических репрессий. В августе 1957 г. последовал арест группы Л. Краснопевцева, за-

тем погром «литераторов очернителей», травля Пастернака. Правда, опасаясь «соединения» рабочего недовольства с интеллигентским инакомыслием, власть вынуждена пойти на существенные уступки рабочим для снижения их потенциальной конфликтности. В конце 1956 г. пленум ЦК принял решение о снижении норм выработки — фактически об увеличении зарплаты[56]. Политика кнута и пряника позволили властям благополучно выйти из первого после смерти Сталина кризиса взаимоотношений с народом.

Главная причина непоследовательности Хрущева в критике ошибок Сталина, на наш взгляд, лежит в другой плоскости. Последовательная критика теории и практики сталинизма (а следовательно, и радикальные реформы) не были возможны раньше исчерпания сталинской мобилизационной модели развития.

Именно с этим фактором власть столкнулась в начале 1960-х годов. Но уже в январе 1959 г. трудности с социальной ориентацией социалистической экономики заставляют руководство страны перевести вектор развития на достижение коммунистических целей, в том числе и коммунистического изобилия, одновременно отодвигая их решение как минимум на десяток лет. Не имея возможности широко использовать материальное стимулирование труда, не меняя принципиально самой системы, Хрущев искал новые сильные стимулы к труду, к повышению его производительности. Однако была и иная причина, которая заключалась в убеждении советского лидера в том, что главное преимущество советской системы состоит в ее социальной справедливости. Как в свое время верно подметил Лейбович, за освобождение от террора советское общество расплачивалось усилением дифференциации, в том числе и имущественной. Прекращение террора способствует интеграции политической элиты, тем самым и ее обособлению в социальной структуре общества. Ответом на растущую социальную дифференциацию и становится коммунистический эксперимент.

Спустя два года на XXII съезде КПСС тезис о развернутом строительстве коммунизма был закреплен в новой, третьей по счету программе партии[57]. В соответствии с основополагающими партийными документами в ближайшие 20 лет должны были отмереть все проявления частной собственности, товарно-денежные отношения в экономической жизни подлежали ликвидации, а социалистические властные институты предполагалось преобразовать в общественное коммунистическое самоуправление. Работа над проектом новой партийной программы заставила советское руководство впервые задуматься о глубокой реформе политической системы. Хрущев впервые поднял вопрос о возможной реорганизации Президиума ЦК КПСС

лишь 14 декабря 1959 г. при обсуждении проекта Программы КПСС: «Видимо, в программе надо бы подумать и насчет демократизации нашего общественного строя. Без этого нельзя... Взять к примеру наше руководство — Президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем»[58]. Чтобы сталинский произвол не повторился, Хрущев предложил предусмотреть в Программе и Уставе ряд мер по ротации партийных кадров, «чтобы все время было обновление». «Буржуазные конституции, — констатировал партийный лидер, — пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что этим их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться, что же, мы не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Ничего подобного, я не верю в это»[59].

Провозглашенное советским руководством начало развернутого строительства коммунизма означало, по существу, реставрацию традиционных командно-приказных методов мобилизации общества путем внеэкономического принуждения. По существу это была последняя попытка Хрущева найти ответ на модернизационный вызов в рамках существующей системы, вновь задействовав мотивационный механизм, основанный на эксплуатации веры и энтузиазма. Тем не менее, вопреки более поздним утверждениям, начинания Хрущева в целом были поддержаны обществом. Анализируя социологический опрос 1960 г., Б.А. Грушин отмечает, что «общий психологический тонус населения страны был, вне всякого сомнения, положительным и весьма высоким»[60].

Но уже в самом начале 1960-х годов подготовленные аппаратом ЦК справки прямо говорили о симптомах социально-политического кризиса на территории СССР. Сообщения о неправительственных листовках и высказываниях, оскорблениях в адрес лично Хрущева, призывах к бунтам и забастовкам в начале июля 1962 г. приходили отовсюду.

В 1962 г. в некоторых городах страны произошли массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами административных зданий, уничтожением общественного имущества, нападением на представителей власти и другими бесчинствами. Вершиной кризиса стали волнения в Новочеркасске. Там впервые в организации подавления беспорядков принимали непосредственное участие высшие партийные иерархи (члены Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов), тем самым и ответственность за расстрел легла не на местные власти, военных, КГБ или милицию[61]. Новочеркасская трагедия в полной мере продемонстрировала власти жесткую взаимоо-

бусловленность процессов социальных преобразований и колебаний массовых настроений. В марте 1962 г. на пленуме Хрущев, отметив, что «возврат назад к старому, к принуждению невозможен и неэффективен», а «из продуктов питания у нас нет перебоев только с хлебом», пошел на принятие непопулярного решения. 17 мая 1962 г. Совет Министров СССР принимает решение повысить закупочные цены (и сдаточные) на крупный рогатый скот, свиней, птицу, масло животное и весьма существенно, по некоторым категориям чуть ли не вдвое. Одновременно увеличили розничные цены на мясо и мясопродукты на 30% , а на масло животное — на 25%[62].

Социально-политический кризис начала 1960-х годов по своей сути имел иную природу, чем модернизационный кризис начала 1950-х годов. Дело не только в том, что, как утверждает В.А. Козлов, «власть попала в заколдованный круг. Экономические проблемы невозможно было разрешить, не вызывая возмущения граждан, не создавая предпосылок для роста оппозиционных настроений, не провоцирую невыгодных для власти сравнений между декларируемыми целями (строительства коммунизма и т.п.) и унылой действительностью[63].

К началу 1960-х годов дают о себе знать как многие негативные последствия проводившейся ранее политики, так и врожденные пороки системы. Прежде всего, ее громоздкость в административном плане, отсутствие внутренних стимулов к росту эффективности и лучшей координации и т.п. Отказавшись от массового применения насилия, Хрущев лишил себя по существу единственного эффективного инструмента социально-экономической политики. В доставшейся ему в наследство сталинской модели социализма беспрекословное подчинение центру обеспечивалось страхом и еще верой людей в светлое будущее. Но страх все больше исчезал, да и идеалистов-романтиков становилось с каждым годом все меньше. Исчерпание возможностей мобилизации ресурсов традиционного сектора радикально меняет ситуацию в стране. Власть оказалась захлестнутой проблемами, которые она в принципе не могла решить.

Вопрос о том, куда двигаться стране — к постепенной демократизации или назад к диктатуре, поднимался после XX съезда неоднократно. Поиску ответа на вопрос, куда двигаться дальше, посвящены и последние годы пребывания Хрущева у власти. В 1961 г. он почти четыре месяца в разъездах по стране пытался в ручном режиме управлять страной, но перелома в развитии народного хозяйства не добился. Хрущев приходит к выводу, что реформы 1953 г. окончательно выдохлись, исчерпали себя так же, как и целина[64]. Сделано оказалось недостаточно, чтобы заставить экономику, особенно сельское хозяйство, работать без внеэкономического принуждения. Попытки

создать работающую систему, в которой стержнем становилась провозглашенная Хрущевым материальная заинтересованность, иными словами, работа ради личной выгоды, натолкнулись на непреодолимые препятствия доктринального и ментального свойства.

С этого вывода начинается новый, последний этап хрущевского реформирования. Чтобы сохранить власть, у реформатора имелось две возможности: максимально увеличить давление «сверху» или сделать систему саморазвивающейся. Первый вариант был принципиально невозможен в силу нарастающего давления «снизу». Преобразования Хрущева дали гражданам почувствовать вкус свободы, и уже никакие дальнейшие попытки «закручивания гаек» не могли его отбить. Второй вариант требовал кардинальной перестройки основ советской системы, изменения отношений собственности и т.п. Это также не отвечало на тот момент массовым настроениям и интересам правящих элит. Новочеркасская трагедия продемонстрировала, что люди потеряли доверие к власти и больше ни какие жертвы даже ради самого светлого будущего не пойдут. Даже крайне умеренным эволюционным реформам Хрущева противостояли реальные силы — аппарат управления и закостеневшее экономическое мышление. Для выхода из социализма требовалось не только время. Прежде всего, необходимо было освободится от стереотипов и идеологических догм целой исторической эпохи, найти необходимую форму и содержание реализации процесса трансформации в экономической и социальных сферах.

Потеряв значительную часть поддержки общества, Хрущев продолжил поиски направлений совершенствования системы методом проб и ошибок. И на закате своей карьеры он мыслил социалистическими категориями, понимал сталинизм исключительно как «неправильную» систему власти, а десталинизацию как осуждение сталинского террора и реабилитацию его жертв. Он не был готов начать демонтаж социализма. Как отмечал М. Гефтер, «Хрущев провозгласил “общенародное государство”, но сам не успел дорасти даже до дарованного сверху демократизма»[65].

Определенный поворот в мировоззрении Хрущева, который некоторыми исследователями трактуется как поворот от реформ к трансформации, начинается на рубеже 1960-х годов[66]. С этим тезисом нельзя безоговорочно согласиться, однако несколько инициатив советского лидера в потенциале могли иметь далеко идущие последствия для судеб советской системы. Чтобы заставить устойчиво функционировать разбалансированную непрерывными реорганизациями экономику страны, Хрущев осенью 1962 г. продолжает линию на «профессионализацию управления экономикой». Чтобы партий-

ная власть руководила хозяйством со знанием предмета, Хрущев предложил разделить партийные организации по производственному принципу, создав два обкома КПСС: сельский и промышленный[67]. На ноябрьском пленуме ЦК 1962 г. секретари обкомов, а именно они доминировали в ЦК, проголосовали «за», но для Хрущева эта победа оказалась «пирровой». Обкомы и райкомы не собирались сдавать позиции. Благодаря созданию совнархозов в середине 1950-х годов, реальная власть и не только на местах сосредотачивалась у партийных функционеров. Весь штат сталинского контроля от начальников территориальных управлений госбезопасности МВД, прокуратуры до облстатуправлений был отдал практически в руки территориальных парторганов. Территориальным парторганизациям подчинялись также и органы народного контроля. Таким образом, верховная власть получала лишь ту информацию, которая устраивала парторганы. В итоге Хрущев утратил обратную связь со своей главной опорой — бюрократическим аппаратом, не знал, что реально происходит в стране. Разделение парторганов на промышленные и сельские должно было восстановить эти связи, заставив обе структуру конкурировать между собой. Разделение парторганов создавало ситуацию «двух хозяев», которая, по мнению Г.Х. Попова, при определенных условиях могла привести или к «утрате полной бесконтрольности начальства или ...к двухпартийной системе»[68]. Фактически же решение разделить территориальные парторганизации на промышленные и сельские стало последней каплей для номенклатуры. Серьезные противоречия между первым секретарем ЦК КПСС и стремившейся к стабильности партийной бюрократией обозначились еще весной 1962 г. Партийную номенклатуру всерьез обеспокоила передача полномочий от сельских партийных органов, руководящих, по словам Хрущева, «всем вообще», к профессиональным управленцам из межрайонных производственных колхозно-совхозных управлений. А еще раньше совнархозы стали оттеснять обкомы от управления промышленностью. Из категории вождей они переходили в категорию помощников. Смириться с этим секретари райкомов и обкомов не могли.

Вынужденная отставка Хрущева помешала реализации еще одной его далеко идущей инициативе. Летом 1964 г. в беседе с А.И. Микояном он предложил превратить Верховный совет СССР в действующий парламент, наделив его соответствующими полномочиями. «Почему же наш парламент, — говорил он своему коллеге, — только штампует решения ЦК и правительства? Министры чихать хотели на наш парламент, а в Англии они отчитываются перед парламентом, отвечают на их запросы и т.д. Почему нам тоже не сделать так, что-

бы Верховный Совет вызывал для отчета, пропесочивал бы их. Более того, он может и вносить предложения в правительство об изменении каких-то решений»[69]. «Чтобы осуществить это нелегкое дело, — продолжал далее Хрущев, — надо много энергии и труда вложить, сломить сопротивление аппарата...» В действительности все оказалось по-иному.

Главный итог хрущевского десятилетия состоит, на наш взгляд, в том, что власть, идя навстречу ожиданиям масс, разрушила систему сталинского принуждения, но так и не нашла средств, адекватно замещающих террор в управлении социалистической экономикой. Одиннадцатилетний хрущевский период «бури и натиска» (достаточно успешный в плане результатов социально-экономического развития) показал, что модель «либерального коммунизма» в целом, безусловно, более гуманная и комфортная для простых тружеников, столь же тупикова и бесперспективна, как и «тоталитарная» сталинская модель.

[1] См.: *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 32; *Попов Г.Х., Аджубей Н.А.* Пять выборов Никиты Хрущева. М., 2008. С. 279—315.

[2] См.: *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», [1953—1965]. М., 2002; *Таубман У.* Хрущев. М., 2005; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть: сорок лет после войны, 1945—1985. М., 2007; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев. Реформатор. М., 2010; и др.

[3] См.: *Дроздов В.В.* Экономические реформы в СССР (1953—1985). Взгляды зарубежных ученых. М., 1998. С. 67.

[4] См.: *Березин И.С.* Краткая история экономического развития: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2001. С. 250; *Бушуев В.Г.* Свет и тени: от Ленина до Путина: заметки о развилках и персонах российской истории. М., 2006. С. 240.

[5] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. М., 1998. С. 12; *Попов Г.Х.* Упущенный шанс: (к 50-летию XX съезда КПСС) // Московский комсомолец. 2006. 22 февр. С. 6.

[6] *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 645, 646.

[7] *Ясин Е.Г.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002. С. 33.

[8] *Сталин И.В.* Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП(б) // XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января —10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 35.

[9] *Прохоров А.* Русская модель управления // Эксперт. 2000. № 3. С. 84.

[10] *Микоян А.И.* Так было: размышления о минувшем. М., 1999. С. 569.

[11] «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: дневник В.А. Малышева, 1937—1951 // Источник. 1997. № 5. С. 134.

[12] Там же.

[13] См.: *Гайдар Е.Т.* Соч.: в 2 т. М., 1997. Т. 2: Экономические реформы и иерархические структуры; Аномалии экономического роста. С. 420.

[14] *Смит Э.* Плановая экономика стран Восточной Европы. М., 1984. С. 43.

[15] См.: *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004. С. 56.

[16] См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. М., 1998. С. 78; *Пыжиков А.* Указ. соч. С. 112.
[17] *Волкогонов Д.А.* Семь вождей: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 338.
[18] *Ольсевич Ю., Грегори П.* Указ. соч. С. 25.
[19] *Ясин Е.* Указ. соч. С. 62.
[20] *Орлов Б.П.* Истоки перестройки // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 5. С. 11.
[21] Там же. С. 15.
[22] *Гордон Л.А., Кабалина В.И.* Заработная плата: вчера, сегодня, завтра // Общество в разных измерениях: социологи отвечают на вопросы. М., 1990. С. 85.
[23] По мнению Микояна, война оказалась большой школой для десятков миллионов людей, с учетом этого он полагал, что начнется процесс демократизации в стране и партии, «что как минимум, мы вернемся к тем демократическим формам отношений в партии и отчасти в стране, которые были до 1929 года и пойдем дальше»: *Микоян А.И.* Указ. соч. С. 569, 570.
[24] *Рейман М.* Решение январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС о Г.М. Маленкове // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 29, 30.
[25] См.: Новый курс Л.П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4; Сто дней «лубянского маршала» // Источник. 1993. № 3; *Попов Г.Х., Аджубей Н.А.* Указ. соч. С. 279.
[26] *Штамм А.* Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. 2004. № 6. С. 35.
[27] *Козлов В.А.* Неизвестный СССР: противостояние народа и власти, 1953—1985. М., 2006. С. 63.
[28] История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В.А. Козлов. С. 353.
[29] *Козлов В.А.* Указ. соч. С. 42, 43.
[30] Согласно утверждениям многих участников правозащитных и либеральных групп, они утратили веру в «социализм с человеческим лицом» после 1968 г., когда советские танки вторглись в Чехословакию, подавив реформы «пражской весны».
[31] *Буковский В.* «Московский процесс» М., 1996. С. 81.
[32] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 106.
[33] См.: *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 72, 73.
[34] Там же. С. 71.
[35] *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. С. 101.
[36] *Его же.* Время. Люди. Власть: воспоминания: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 533.
[37] Там же.
[38] См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945—1953. М., 2000. С. 211, 212.
[39] *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; Москва, 1992. С. 195.
[40] *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 325, 363, 367, 387.
[41] Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 113.
[42] Правда. 1951. 4 марта. С. 2, 3.
[43] Согласно официальной статистике, рост промышленного производства составлял в год 8—10%. Почти вдвое увеличились объемы закупаемой государством сельскохозяйственной продукции. Об улучшении жизни свидетельствовал также прирост населения и увеличение продолжительности жизни: Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 95, 121, 205, 206.
[44] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: воспоминания: в 4 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 137.

[45] «А вы сидите, как сурок и о демократии говорите»: выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС, 13 мая 1957 г. // Источник. 2003. № 6. С. 80.
[46] Там же. С. 79.
[47] «Я являюсь продуктом сталинской эпохи»: речь Н.С. Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна) 16 мая 1962 г. // Источник. 2003. № 6. С. 112.
[48] Там же. С. 79.
[49] *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Кн. 2. С. 60.
[50] Там же. С. 137.
[51] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. С. 124.
[52] Рос. гос. арх. новейшей истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 317. Л. 55.
[53] Там же. Л. 56.
[54] Там же. Ф. 89. Оп. 6. Д. 6. Л. 1-2.
[55] Там же. Л. 4.
[56] *Козлов В.А.* Указ. соч. С. 272.
[57] XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 года: Стенографический отчет. М., 1962. Т. III. С. 276.
[58] Президиум ЦК КПСС, 1954—1964: в 3 т. М., 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 395.
[59] Там же.
[60] *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. М., 2001. [Кн. 1]: Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. С. 138.
[61] *Козлов В.А.* Указ соч. С. 275.
[62] См.: Правда.1962. 1 июня. С. 1.
[63] *Козлов В.А.* Указ. соч. С. 273.
[64] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 778.
[65] *Гефтер М.* Десталинизация // 50/50: опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 398.
[66] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 704.
[67] Пленум ЦК КПСС. 19—22 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 77.
[68] *Попов Г.Х.* Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М., 2009. С. 126.
[69] См.*: Микоян А.И.* Указ. соч. С. 617.

С.В. Журавлев

МОДА И СОЦИАЛИЗМ:
материалы к обсуждению*

В статье охарактеризуется роль моды в советском общественном и властном дискурсе в тесной увязке, с одной стороны, с общемировыми тенденциями в области моды и потребления в XX в. и с советской спецификой (рациональная и дефицитная экономическая модель, традиционные общественные представления, особенности потребления и проч.), с другой.

Ключевые слова: мода, социализм и экономика, современное общество, модернизация, потребительская революция, идеология и общественное сознание, Запад и советская специфика.

МОДА КАК ПРИЗНАК СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Что такое мода (и «антимода»)? Как она появляется и исчезает? Какую роль она играет в общественном потреблении, в сознании и повседневной жизни людей? Является ли мода проблемой философской, социальной, экономической, искусствоведческой, культурологической, исторической, или же она заслуживает комплексного подхода?

Существуют ли особые «законы моды»? Если да, то как они соотносятся с законами общественного развития, а также с устоявшимися традициями, с господствующими правилами поведения, которые, к примеру, диктуют определенным социальным группам, как они должны одеваться в определенных обстоятельствах?[1]

Скажем, на Руси веками складывались неписаные законы: что, когда и по какому поводу надеть, что носить девушке и замужней женщине, во что пристало облачаться на праздники или в дни скорби. Другой пример «ограничителей моды» — дошедшие до наших дней консервативные традиции платья британского королевского двора или относительный иммунитет к моде религиозных одеяний. Все эти и иные вопросы, связанные с феноменом моды, с изменением ее влияния и социальных функций во времени, пространстве и прочее давно находятся в центре внимания специалистов, главным образом, социологов, философов, экономистов, социопсихологов, культурологов, каждый из которых рассматривает эту тему со своей «колокольни».

* Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Повседневность, потребление и советский человек» по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

К сожалению, историки, в том числе и отечественные, только подходят к пониманию значимости этой темы, крайне важной для лучшего понимания глубинных процессов внутри российского и советского общества. Ведь мода в нынешнем понимании этого слова появилась не ранее XVIII—XIX вв., а в России ее влияние стало заметным лишь со второй половины XIX в., но особенно — уже в XX в.[2]

Как утверждал в начале XX в. социолог Георг Зиммель, главная отличительная черта и основная привлекательность современной моды заключаются в ее новизне и в постоянной изменчивости. Для Зиммеля распространение влияния моды в обществе было, своего рода, «лакмусовой бумажкой» — характерным признаком *modernity* по сравнению с более статичными прежними эпохами[3]. Оказавшись «у власти» на короткое время, господствующая мода, в известной мере, «регулирует» социальное поведение граждан, все большее количество которых вольно или невольно втягивается в ее орбиту. Но как только мода настигает почти каждого, она «выходит из моды», и на смену ей непременно приходит какая-то другая. Такова, по Зиммелю, «модная диалектика». Вечная смена моды несет в себе важную социальную функцию, поскольку помогает в самоидентификации, которая неискоренима в человеческой природе.

В моде как явлении изначально заложены противоречия, во многом определяющие ее непредсказуемую специфику. Во-первых, она по природе одновременно и крайне изменчива, динамична, «заразительна», революционна, даже эпатажна, и, вместе с тем, глубоко консервативна, склонна к повторяемости форм и стилей. Во-вторых, мода вечно «разрывается» между сугубо индивидуальным и коллективным; между персонифицированностью и оглядкой на других, между «врожденной элитарностью» и стремлением понравиться, максимально расширить число своих почитателей, стать общедоступной и всеми любимой.

На Западе отношение к моде и одежде в целом претерпело заметные изменения в условиях развития в XIX в. «потребительского капитализма», когда нормой жизни стали походы в магазин. Теперь одежда уже преимущественно покупалась в готовом виде, а не шилась на дому; покупка платья, которое перестало являться предметом роскоши, не воспринималась как праздник, а становилась обыденностью. Одежда уже не использовалась до полного износа, переходя в семье по наследству, как ранее, а ее практичность, долговечность и сравнительная дешевизна как основные потребительские характеристики все больше вытеснялись модностью вещи и ее эстетической привлекательностью. Росла профессионализация и утрачивались навыки самопошива, которым ранее женщин учили с детства. Все это,

помимо прочего, сказывалось на изменении повседневных поведенческих практик. В России эти тенденции заметно «запаздывали».

Мода в современном понимании этого слова, несомненно, стала детищем индустриальной модернизации XIX—XX вв., сопровождавшейся ростом социальной мобильности населения, урбанизацией, появлением современного транспорта и средств коммуникации, распространением эмансипации. Начало массового фабричного производства готовой одежды и предметов потребления на Западе привело к заметному удешевлению одежды и к быстрому тиражированию веяний моды. Тем самым очевидна зависимость распространения моды от успехов массового фабричного производства одежды, а также от технического прогресса вообще. Этапными здесь стали новые возможности тиражирования «горячих» новостей моды одновременно в текстовой и визуальной форме, а также их моментального распространения в любую часть света. Здесь особенно большую роль сыграли сначала модные и женские журналы, а затем кино, телевидение и Интернет, сделавшие моду по-настоящему транснациональной.

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОДЫ В СССР

В России и СССР модернизационные процессы, связанные с модой, потреблением и культурой одежды, не только запаздывали по сравнению с Европой. Но они носили также не постепенный, как на Западе, а стремительный, взрывной и в силу этого во многом аномальный характер. Что касается «потребительского капитализма», то в условиях дореволюционной России он был развит сравнительно слабо. Индустриальная модернизация, сопровождавшаяся глубинными социокультурными сдвигами и изменениями потребительского поведения, осуществлялась у нас в три основных рывка: 1) рубеж XIX—XX вв., 2) первые пятилетки, 3) 1950—1960-е годы. Между ними лежали разорительные смертоносные войны, которые каждый раз отбрасывали страну назад в экономическом плане, вынуждали население «потуже затягивать ремешки» и довольствоваться практически любой одеждой. Между тем, мода становится актуальной в массовом плане только в том обществе, где более-менее удовлетворены базовые потребности людей. Где они одеты, обуты и накормлены, где на магазинных полках появляется выбор носильных вещей. Этот важный рубеж, связанный с удовлетворением базовых потребностей граждан, ростом материального благосостояния граждан и относительным насыщением вещевого рынка, был в основном

пройден в СССР только на рубеже 1950—1960-х годов (позднее, чем в большинстве развитых капстран).

С 1960—1970-х годов начался принципиально новый этап в истории советского потребления, связанный с закономерным процессом индивидуализации вкуса граждан. Индивидуализация вкуса на основе высокой культуры и эстетических стандартов официально даже поощрялась. Однако этот процесс с неизбежностью порождал новые проблемы, к которым советская экономика оказалась не готова. В частности, произошла довольно стремительная смена потребительских приоритетов: на смену функциональности одежды пришла эстетичность. Заметно возрос интерес широких масс населения к моде и желание ей следовать. Наконец, следствием индивидуализации вкуса стало повышение запросов населения к качеству и разнообразию ассортимента одежды в магазинах. Само существование этих проблем в СССР не признавалось и в должной мере не изучалось.

Следует иметь в виду, что наступление нового этапа в истории советского потребления происходило в условиях сжатой пружины десятилетиями откладывавшихся потребительских ожиданий, усугублявшихся экономикой дефицита. Результатом стало широкое распространение ажиотажного отношения к моде и к модной, особенно — импортной одежде в СССР в 1970—1980-е годы. И не только потому, что она красива и удобна, но и в значительной степени из соображений общественной престижности этих вещей.

Применительно к российской/советской специфике нужно иметь в виду еще и такой важный момент. Будучи связанной исторически с феноменом городской культуры, мода вступала в негласное противоборство с нормами т.н. традиционного общества, в котором людям не принято было выделяться поведением и одеждой. Между тем, представления, характерные для традиционного общества, были влиятельными (особенно в сельской местности и среди старшего поколения) и широко распространенными в СССР не только в 1920—1930-е годы, но и в послевоенный период.

Помимо «традиционных» ценностей, при социализме мода отчасти противоречила и идеологическим догмам, но особенно очевидно — рациональным, плановым принципам ведения хозяйства. Ведь мода, в частности, предполагает избавление от одежды, в производство которой вложен человеческий труд и общественные богатства, не по мере износа, а просто в связи с выходом ее из моды. То есть, попросту говоря, следование моде вело к неразумному использованию ресурсов, что противоречило канонам социализма.

Раздражало власть и то, что великой державе, успешно осуществлявшей космическую и ядерную программы, выигравшей смертель-

ную схватку с фашизмом и успешно научившейся преобразовывать природу, приходилось пасовать перед капризами моды. Более того, на определенном этапе, а именно — с 1960-х годов, выяснилась необходимость, по сути дела, подстраивать народнохозяйственное планирование отраслей, связанных с производством товаров народного потребления, под смену модных тенденций. Самому же СССР стать законодателем мировой моды (задача, всерьез рассматривавшаяся в середине 1960-х годов) так и не удалось.

Между тем, точно спрогнозировать моду на ближайшую пятилетку и затем спланировать с ее учетом производство определенных тканей, расцветок, фасонов, видов одежды, обуви, головных уборов, кожгалантереи, модной фурнитуры и прочее оказалось крайне сложной задачей. Тем более, что, в отличие от относительно более стабильных тенденций моды в первой половине XX в., с 1960—1970-х годов в условиях начавшейся «потребительской революции» на Западе произошло заметное ускорение меняющихся циклов моды: практически каждый новый год — два привносили в моду что-то новое и важное. К этому добавился феномен «мультипликации»: вместо одного ведущего модного стиля с 1970-х годов в мире моды появилось сразу несколько, что еще больше усложнило задачу прогнозирования модных тенденций. Эти процессы окончательно похоронили отчаянные попытки «обуздать» непредсказуемую моду, ввести ее в «плановое русло». В редакционной статье первого номера журнала «Модели сезона» за 1969 г. искусствовед ВИАЛегпрома Н. Аршавская точно подмечала ключевые тенденции: «С каждым годом все труднее становится ответить, что именно сейчас модно. Лет десять тому назад было гораздо проще: два силуэта — прямой и в талию, юбка — узкая и в сборку. Одинаковая длина и пропорции, одинаковые рукава и воротники... Теперь модно все сразу. Узкое и широкое, длинное и короткое, строгое и кокетливое. Вероятно, все это происходит потому, что жизнь с каждым годом делается сложнее, разнообразнее...»[4]

Еще одной «методологической» проблемой была известная несовместимость моды и идеи научно-технического прогресса. Как известно, в СССР концепция НТР на определенном этапе приобрела идеологическое звучание. В моде же в принципе не бывает прогресса в обычном понимании этого слова. Мода каждого последующего года ничем не лучше и не хуже предыдущего. О том, что та или иная мода может все же быть, с точки зрения господствующей идеологии, «хуже» или «лучше», хорошо известно из советского опыта, в связи с попытками государственного регулирования моды и послевоенных кампаний против «чуждого буржуазного влияния». Вслед за борьбой с «космополитизмом» объектом осуждения стали «стиляги», пере-

нимавшие западный стиль жизни — танцы, одежду, манеры и прочее. В дальнейшем, особенно часто — ретивыми администраторами на местах, предпринимались попытки волевого решения вопроса в отношении декольте, женских каблуков-«шпилек», ношения в общественных местах мини-юбок, женских брюк, а также мужских брюк — «дудочек», джинсовой одежды и т.д.

Поскольку в послевоенном СССР, как, впрочем, и на Западе, агентами модных тенденций выступала молодежь, это усиливало конфликт поколений, существование которого не признавалось советской идеологией. «Не секрет, что у нас есть и плохая мода, и мода на плохое. Об этом свидетельствуют факты некритического заимствования модных “заграничных” образцов одежды и поведения...»[5] — сетовал в 1973 г. философ В.И. Толстых, точно подмечая, что в России и СССР ношение определенной одежды имело крайне важный символический подтекст, а именно: всегда воспринималось как характеристика общественного поведения. Несмотря на то, что на борьбу с «плохой модой» призывалась наука, национальные культурные традиции, доводы рациональности и разума, соображения эстетики, «капризная и непредсказуемая» мода каждый раз выходила победителем, вынуждая советскую промышленность, хотя и с большим запозданием, осваивать производство модных вещей, против ношения которых еще вчера велась явная или скрытая борьба.

Кроме того, в соответствии с идеей постоянного прогресса человечества, советского гражданина учили, что все последующее, в том числе и мода, должно быть обязательно лучше, совершеннее предыдущего. В результате даже у ведущих модельеров страны, включая В. Зайцева, в начале 1980-х годов рождались следующие сентенции: «Известно, что всякая новая мода лучше старой. Красивее, удобнее»[6]. Впрочем, уже в конце горбачевской «перестройки», когда специалисты модельного дела перестали оглядываться на идеологию, отношение к моде в СССР вернулось к ее традиционному пониманию. «На наш взгляд, мода — это не “плохо” или “хорошо”, а категория социально-экономическая, явление, которого нельзя избежать, запретить, навязать. Это неотъемлемая часть жизни...»[7] — характеризовала моду Т.И. Савенкова.

Во второй половине XX в. мода, — хотим мы это признавать или нет, — стала весьма влиятельной составляющей современного образа жизни, с чем пришлось вплотную столкнуться советским идеологам. Будучи тесно связанной с такими «чувствительными» сферами, как культурно-психологические представления людей, морально-этические нормы и отношения, мода властно заполняла, как правило, значимую часть социальной сферы, не регулируемую

формальными юридическими нормами. В условиях же нарастания в обществе критического либо «ритуального» отношения к господствующей коммунистической идеологии мода (а также связанные с нею представления о жизни, нормах поведения и прочее) де факто начинала «играть» на идеологическом поле.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МОДЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В отличие от мимолетной моды, кратковременно меняющей внешние формы одежды, **стиль** костюма более стабилен. Господствующий стиль, как правило, в новейшее время держится десятилетиями. При этом мужская мода более постоянна, нежели женская. Историки моды выделили три основных стиля женской одежды в XX в. Стиль 1920-х годов, сохранившийся в своей основе и в 1930-е годы, воплотил новый образ женщины — эмансипированной, но в то же время более естественной и полной тайны (отказ от корсета, короткие волосы, узкие юбки, использование для женского гардероба предметов одежды, традиционно считавшихся мужскими). Символом этого стиля стало маленькое черное платье и деловой костюм от Коко Шанель.

В 1950-е годы уставший от войны и эмансипации мир был покорен стилем *New Look*, предложенным Кристианом Диором в 1947 г. В моду вошла подчеркнутая женственность. «Осиная» талия и широко расходящаяся книзу юбка «колоколом» делали женщин похожими на нежные цветочные лепестки. В 1954 г. в СССР широко демонстрировался фильм «Возраст любви» с певицей Лолитой Торрес в главной роли. Силуэт ее одежды, выдержанный в стиле *New Look*, приобрел огромную популярность у советской молодежи. Зрителям старшего поколения этот стиль хорошо знаком и по героине Людмилы Гурченко из культового советского фильма «Карнавальная ночь» (1956 г.) Правда, советские люди в то время в массе своей не знали, что это мода французского кутюрье К. Диора.

В 1960-е годы — впервые после получивших всемирное признание революционных экспериментов в одежде 1920-х годов — СССР вновь оказался в центре внимания мировой моды, которая стремилась не отстать от своего времени. Успехи в освоении космоса способствовали популярности космической темы в творчестве ведущих западных кутюрье. Так появились «Космическая коллекция» Пьера Кардена, коллекция «Космический век» Андре Куррежа 1964 г., металлические платья Пако Раббана из коллекции 1966 г. и др.

Начало сексуальной революции на Западе, радикальные студенческие выступления 1968 г., распространение движения «хиппи» и

т.д. привели к окончательной смене ведущего стиля в мировой моде в 1970-е годы. *New Look* ушел в историю. Мода заметно помолодела, модный силуэт стал к тому же более спортивным. Стал популярен новый образ — женщины-подростка: узкобедрой, худощавой, раскованной и динамичной. В моде оказались сначала короткие, эротичные юбки выше колена, а затем и стиль «унисекс» — джинсы, футболки, кроссовки и прочее. Повальное увлечение стилем «унисекс» привело к тому, что на Западе выросло целое поколение женщин, не умеющих носить юбки и ходить в обуви на высоком каблуке.

Принципиально новым явлением стало и то, что со второй половины 1960-х годов главным источником модных идей для ведущих мировых Домов моды впервые стала не одежда высших слоев общества и не изыски, родившиеся в лаборатории элитного модельера (как это было с женскими образами 1920-х и 1950-х годов), а «улица», более конкретно — молодежная среда «неформалов». Все это свидетельствовало о следующем, еще более радикальном этапе демократизации моды в 1960-е годы после того, как после Второй мировой войны коллекции «*прет-а-порте*» вытеснили с подиума элитарную моду «*от кутюр*»[8].

Наконец, с 1980-х годов ведущие модные Дома Запада, стремясь еще более расширить свою клиентуру за счет представителей среднего класса, начали малосерийное производство по своим моделям относительно дешевого готового платья. По такому пути пошли, например, такие дизайнеры, как Джорджио Армани, Калвин Кляйн и другие.

МОДА В УСЛОВИЯХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С 1970-х годов на Западе ушли в прошлое времена, когда появление новой модной волны, разогретое кричащей рекламой, вызывало ажиотажный спрос. К тому же «модный плод» перестал быть сладок в силу своей большей доступности для большинства потребителей: в магазинах не было недостатка в любых модных вещах по сходной цене. В условиях развитого потребительского общества западные покупатели все больше превращались в «культурных потребителей». Они научились не уповать на известные бренды и лейблы; критически воспринимать рекламу; экономить, дожидаясь больших распродаж; «философски» подходить к разнообразию быстро меняющихся модных тенденций, предпочитая соотносить их с собственным индивидуальным вкусом и с особенностями возраста и телосложения. В принципе тому же самому — следованию собственному вкусу — воспитывали в это время и советских людей. Однако на фоне полок, заваленных од-

нообразным и блеклым ширпотребом, призывы к индивидуализации вкуса зачастую вызывали лишь реакцию отторжения.

В позднем СССР не было ни развитого потребительского общества, ни высокой культуры потребления (только зачастую приобретавшая гипертрофированные формы потребительская психология). Многие иностранцы, посещавшие СССР, писали, что советские люди с каждым годом одеваются все лучше и лучше. Некоторые наблюдатели во второй половине 1980-х годов подчеркивали, что молодые москвичи одеты по последней западной моде, но, как и раньше, «одинаково модно», отчего бросающийся в глаза иностранцу «эффект толпы» не исчезал.

В последние десятилетия существования СССР было особенно заметно гипертрофированное внимание населения к приобретению модных и престижных вещей, в том числе одежды, особенно — западной. «Доставание» и последующая прилюдная демонстрация «фирмы» для многих превращались чуть ли не в смысл жизни. Во время «перестройки» стремившиеся на советский рынок представители модных мировых брэндов одежды с удивлением обнаружили, что в СССР у них не меньше, а порою и больше горячих поклонников, чем на Западе.

В 1970—1980-е годы престижная одежда стала выполнять небывалую прежде в советском обществе социально-знаковую, символическую функцию, влияя на формирование жизненных ценностей зачастую в большей степени, чем официальная пропаганда. Широкое распространение получил культ западной одежды и заведомо скептическое отношение к изделиям отечественной швейной и обувной промышленности. Так в СССР формировался миф о «западном рае». При этом райская жизнь ассоциировалась преимущественно с изобилием модных потребительских товаров.

На самом же Западе к 1990-м годам в силу общедоступности модная качественная одежда как таковая уже в значительной степени утратила ореол своей престижности и социальной «знаковости». В условиях, когда миллионеры переоделись в джинсы и ездили на велосипедах, пословица «по одежке протягивай ножки» перестала быть актуальной.

Именно на этом фоне разочарованного и неудовлетворенного «потребительского джинна, вырвавшегося из бутылки» и начинались процессы распада СССР. Что бы ни говорили с высоты сегодняшнего дня о демократических ценностях и избавлении от тоталитаризма, но для обычного советского человека желание «жить, как на Западе» по тем временам означало, главным образом, «жить в таком же, как на Западе, потребительском изобилии».

МОДА НА МИНИ И БРЮЧНЫЕ КОСТЮМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Как видно из источников, в принципе все западные послевоенные модные тенденции, — правда, с некоторым запозданием, — получили распространение и в СССР. Ныне подзабыто, что появление мини-юбок в начале 1960-х годов ведущие западные модные Дома, на которые равнялись и советские модельеры и искусствоведы, восприняли с большой долей скепсиса. К числу критиков мини принадлежала, к примеру, авторитетная Коко Шанель. Она была убеждена, что эта мода не приживется, поскольку мини годятся только для подростков, а обеспеченные женщины бальзаковского возраста, на которых в основном и ориентируются модные Дома, не захотят столь откровенно оголять свои уже не безупречные ноги.

Против «безнравственных» мини юбок, будящих низменные инстинкты, выступили представители общественных и религиозных организаций. По мнению феминисток, мини-юбки подчеркивали «сексизм». Дело дошло до демонстраций и акций протеста, но моду уже нельзя было остановить.

В СССР тоже не торопились признавать мини-моду. На улицах Москвы самые отчаянные модницы появились в мини-юбках в 1966 г. Легитимации же этой моды в СССР помог Международный фестиваль моды, организованный осенью 1967 г. в Москве. В изданной массовым тиражом брошюре, рассказывавшей об успехах советской модной индустрии, впервые официально признавалось, что вошел в моду стиль «мини». Скрывать это было уже невозможно, тем более что он был широко представлен в показанных здесь же иностранных коллекциях, а затем срисован советской публикой и воспроизведен в самодельных выкройках. В том же 1967 г. в перспективной коллекции столичного Общесоюзного Дома моделей одежды на 1968 г. были впервые представлены мини-юбки, разработанные советскими модельерами. Практически одновременно с этим модельеры службы быта тоже стали разрабатывать модели мини-юбок, которые можно было при желании пошить в ателье. Что касается массового фабричного производства, то изготовление мини-юбок действительно началось в СССР с большим опозданием — только к началу 1970-х годов. Показательно, что к этому времени на Западе мини-мода уже уходила в прошлое и ей на смену пришла мода на миди[9].

Другое дело, что советское общественное мнение конца 1960-х годов оставалось довольно консервативным, и появиться в мини в общественных местах решались далеко не все. По словам бывшего модельера Киевского Дома моделей Л.В. Авдеевой, которая

в молодости сама являлась большой любительницей мини, в 1960—1970-е годы советские моделирующие организации не получали каких-либо указаний «сверху» относительно длины женских юбок или платьев[10]. Зато известны случаи, когда ретивые начальники или местные законодатели пытались по собственной инициативе регламентировать ношение одежды (женских брюк, мини-юбок) в конкретных учреждениях или населенных пунктах.

В 1960—1970-е годы данная тема довольно активно, причем неизменно в критическом тоне в отношении «блюстителей нравов», поднималась на страницах ведущих советских СМИ, а также в региональной печати. «В газетах появляются заметки о ретивых администраторах, которые изгоняют из театра девушек, пришедших на спектакль в брючном костюме, лишают стипендии учащихся техникума, которые носят волосы ниже мочки уха, в некоторых институтах издаются приказы об обязательном бритье подбородков у мужской части студенчества и т.п.»[11], — так характеризовал ретроградов Л.В. Петров в брошюре «Мода как общественное явление», вышедшей в массовым тиражом в обществе «Знание».

1969 год вошел в историю моды благодаря настоящему буму женских брючных костюмов: сначала в Париже, а затем и по всему миру. На сей раз советские специалисты «не подкачали»: уже в 1970 г. работникам системы индпошива официально рекомендовалось смело моделировать и шить брючные костюмы, а также модные комплекты — женские пальто в сочетании с брюками[12].

Пока в СССР шли несколько запоздалые, но крайне важные для легитимации моды в целом общественные дискуссии по поводу допустимости мини-юбок и женских брюк, Запад на рубеже 1960—1970-х годов переживал нашествие эстетики «хиппи». В магазинах появилась одежда с искусственным эффектом «поношенности». В 1967 г. в Лондоне впервые был организован показ «моды хиппи» с участием профессиональных модельеров из разных стран. Главным символом протеста радикальной молодежи против утонченной «аристократической» официальной моды стали джинсы. В анналах моды под 1972 г. зафиксировано начало повального увлечения джинсовой модой как главным символом одежды «унисекс».

НИЖНЕЕ БЕЛЬЕ КАК СИМВОЛ «СОВКА»

В последнее время в центре дискуссий оказалось советское нижнее белье[13], которое порою рассматривается в символическом ключе, с высоты современных представлений и вне конкретного историче-

ского и культурного контекста. В частности, не учитываются особенности климата, сохранявшаяся память о массовой бедности и прочее. Нижнее белье, в отличие от верхней одежды, веками считалось «второстепенной» частью платья. На нем в России всегда экономили, предпочитая пошивать самостоятельно. В представлении т.н. традиционного общества к исподнему белью как не видимой части туалета долгое время не предъявлялись требования ни эстетического, ни эротического свойства. Главным было тепло и гигиеничность.

С точки зрения потребительских характеристик, отраженных в строгих, научно обоснованных советских ГОСТах (эффективность защиты тела от холода, прочность, гигиеничность, натуральность тканей и прочее), советские трусы, панталоны, майки, сорочки и прочее, внешне, конечно, непрезентабельные, оставались, вероятно, одними из лучших в мире. Кто же знал, что появится особая мода на нижнее белье, а также что станет модно выставлять белье напоказ и даже носить его как верхнюю одежду?[14]

Хотя, с другой стороны, общепризнанно, что в СССР с 1930-х годов выпускалась неожиданно смелая по западным (особенно — американским) меркам купальная и спортивная одежда. Впрочем, и здесь при оценке вещей необходимо исходить из представлений той эпохи, а не современников. Кроме того, полезно было бы сравнить советскую одежду с аналогичной иностранной. Такая возможность в принципе имеется. К примеру, с начала 1950-х годов СССР стал участвовать в ежегодных международных конкурсах одежды с участием соцстран. В коллекции бывшей библиотеки Общесоюзного Дома моделей одежды, отвечавшего за подготовку советской делегации, сохранились фотоальбомы практически всех конкурсов. Как видно из фотографий, в 1953 г. в Праге, к примеру, советское спортивное белье выглядело не хуже моделей других стран-участников — Чехословакии, ГДР и Венгрии.

С конца 1960-х годов советские модельеры и искусствоведы пропагандировали среди населения не только практичное, но и эстетичное нижнее белье. «Хорошо выбранная, гармонирующая с основной тканью отделка придаст вашему белью женственность, кокетливость, нарядность», — учил своих читательниц в 1969 г. журнал мод «Модели сезона»[15]. В данном контексте призыв к «кокетливости» имел явный оттенок нацеленности на внимание противоположного пола.

Любопытно, что именно государство в 1960—1970-е годы начало пропаганду нового отношения к нижнему белью. Важно было, в частности, убедить людей в необходимости достижения эстетической гармонии верхней одежды и нижнего белья как двух важных составляющих платья. В начале 1969 г. журнал «Модели сезона» в

статье «Условия элегантности» назвал его «важной частью одежды, которой следует уделять много внимания». Не простым делом оказалось преодолеть и традицию, согласно которой в российском/советском обществе считалось неприличным открыто обсуждать достоинства и недостатки женского нижнего белья, которое намного дольше, чем на Западе, сохраняло ореол «стыдливости». Неудивительно, что советские мужчины избегали показываться в «женских» отделах универмагов, а смельчаки могли почувствовать на себе удивленные взгляды покупательниц.

Советские газеты и журналы 1960—1970-х годов сделали много для того, чтобы перевести разговор о нижнем белье в публичную сферу. При этом модельеры и искусствоведы выступали от лица государства своеобразными «агентами культуры». «Отлично сшитые платье и костюм не будут хорошо сидеть на вашей фигуре, если на вас неудачное белье. Невидимое для окружающих, белье требует не меньшей заботы, чем одежда, которая видна всем. Удобное, пригнанное по фигуре белье хорошей формы — одно из условий вашей элегантности. К сожалению, не всем еще ясны эти простые истины», — поучал журнал «Модели сезона»[16]. Признавая, что в советских магазинах красивое и качественное белье все еще трудно приобрести, журнал предлагал женщинам не ждать милостей от государства, а заняться самопошивом. Для этого в журналах помещались соответствующие выкройки с подробными описаниями к ним.

Справедливости ради нужно сказать, что к профессиональному моделированию предметов женского белья советские трикотажные фабрики приступили, по мировым меркам, сравнительно рано — уже в конце 1930-х годов, возобновив эту работу сразу после войны. Особенно славился своими красивыми моделями Ленинградский трикотажный швейно-производственный комбинат. Однако подобных ему предприятий в стране можно было пересчитать по пальцам. Суммарные объемы выпускаемого ими белья были крайне незначительными, а многие партии носили экспериментальный характер и покупатели практически не видели их в открытой продаже. Главная причина запущенности этого направления швейного производства вплоть до 1960—1970-х годов заключалась в том, что из-за недостатка производственных мощностей и материальных ресурсов советские плановые органы все время оказывались перед выбором приоритетов.

Кроме того, нужно иметь в виду, что, помимо массового фабричного производства и самопошива, в СССР существовала еще и система индивидуального пошива одежды, где желающие могли сшить себе нижнее белье по более-менее доступным ценам. Профессиональное моделирование нижнего белья получило распространение и

в индпошиве. Уже в середине 1950-х годов в Ростове начала действовать опытно-техническая лаборатория головных уборов и корсетных изделий (в 1960-е годы она называлась лабораторией головных уборов и швейной галантереи Минбыта РСФСР)[17]. Несмотря на свое скромное название, Ростовская лаборатория заняла ведущее место в СССР в профессиональном моделировании предметов женского туалета (лифы, пояса, корсеты, бюстгалтеры, грации и др.). С 1963 г. она превратилась в главный моделирующий и учебно-методический центр в этой области. Конечно, модели и готовая одежда в магазинах — разные вещи. Некоторые положительные сдвиги в массовом производстве женского нижнего белья произошли в СССР только в 1960-е годы.

МОДА И ЭКОНОМИКА

«Ахиллесовой пятой» советской системы, несмотря на существование Совмина, Госплана и иных координирующих госструктур и парторганов, стала оторванность исследования потребления и конъюнктуры рынка от реального производства одежды. Специализированный институт данного профиля — ВНИИКС* — мало того, что был создан сравнительно поздно (серьезные обследования рыночной конъюнктуры начались в СССР с 1970-х годов), но он существовал в системе Минторга и не имел действенных рычагов влияния на ситуацию на швейных и иных предприятиях.

Между тем, вопрос о структуре и ассортименте производства в системе советской легкой промышленности приобрел принципиальное значение. Начиная со времени первых пятилеток с целью достижения наивысшей эффективности производства и скорейшего насыщения рынка в СССР неуклонно наращивалась концентрация массового фабричного производства одежды. Нужно признать, что в первой половине XX в. это соответствовало общемировым тенденциям. Однако в условиях СССР концентрация и специализация производства превратились в своего рода «священных коров». К 1970-м годам, когда на базе слияния и без того крупных и неповоротливых фабрик в СССР стали создаваться ПШО**, эта тенденция переросла в гигантоманию. Параллельно наблюдалось закрытие мелких «кустарных» и «полукустарных» пошивочных производств. В частности, в период хрущев-

* ВНИИКС — Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению спроса населения на товары народного потребления и конъюнктуры торговли.

** ПШО — производственно-швейные объединения.

ских реформ были ликвидированы как «маломощные» тысячи небольших цехов местной промышленности и потребкооперации.

Но, как уже отмечалось выше, к 1960-м годам ситуация на советском потребительском рынке, на потребности которого, по идее, должно ориентироваться производство, существенно изменилась. Однако ни базовое изменение запросов советских потребителей в сторону эстетичной и модной одежды, ни ускорение смены модных циклов в мире не вызвали изменений в структуре советского швейного производства. Крупные фабрики продолжали «гнать вал» в погоне за выполнением плана и получением премиальных. На Западе же в это время, напротив, происходило закрытие крупных производств. Производство больших серий перестало быть актуальным, и изготовление одежды переместилось из фабричной сферы в лоно небольших мастерских, способных моментально менять ассортимент изделий, выпуская их малыми сериями в соответствии с требованиями моды[18]. В СССР подобной перестройки не произошло.

В 1970—1980-е годы по объемам производства, уровню механизации и эффективности советская швейная промышленность, находившаяся в Минлегпроме, опережала большинство стран Запада. Однако работала она по-прежнему не столько на потребителя, сколько «на себя». И отношение к производству одежды в СССР в принципе мало чем отличалось от производства холодильников или телевизоров. Причем технологически пошив одежды даже проще. Значит, всему виной все же переменчивая и иррациональная по своей природе мода, устроившая кавардак в советской плановой экономике?

Конечно, с начала XX в. технология пошива современного платья сильно изменилась. Однако, по словам специалистов, на самом деле передовые технологии лишь ускоряют процесс изготовления и улучшают качество одежды, но не компенсируют изменчивость самой моды[19]. Когда в середине XIX в. Карл Маркс предположил, что необходимость использования швейной машинки отомрет вместе с развитием производительных сил, а также после разоблачения «бессмысленных капризов моды», он вряд ли мог представить, что полтора столетия спустя его предсказания так и не оправдаются.

[1] О постепенном разрушении «социального контроля» на примере Нидерландов 1930—1980-х годов см.: *Wouters, Gus*. Developments of the Behavioural Codes Between the Sexes: The Formalization of Informalization in the Netherlands, 1930—1985 // Theory, Culture & Society. 1987. N 4. P. 405—427. То, как аналогичные процессы происходили в СССР, до сих пор, по большому счету, не изучено.

[2] См. блестящую работу по истории дореволюционной российской моды: *Ruane, Christine*. The Empire's New Fashion: A History of the Russian Fashion Industry, 1700—1917. New Haven; London: Yale University Press, 2009.

[3] *Simmel, Georg*. Philosophie der Mode. Berlin: Pan, 1905.
[4] Модели сезона. 1969. № 1. С. 1.
[5] *Толстых В.И*. Мода как социальный феномен // Мода: за и против. М., 1973. С. 29.
[6] *Зайцев В.М*. Этот многоликий мир моды. М., 1982. С. 19.
[7] *Савенкова Т.И*. Промышленность и мода (маркетинг и его возможности). М., 1989. С. 4.
[8] Подробнее о функционировании парижских модельных домов см.: *Blumer, Herbert N*. Fashion: From Class Differentiation To Collective Selection // The Sociological Quarterly. 1969. N 10, 1. P. 275—291.
[9] В частности, это следует из установок, данных в 1970 г. на Всероссийском методическом совещании специалистов индпошива в Калинине: Служба быта. 1970. № 12. С. 23.
[10] URL: www.president.org.ua/news_print.php?news=143541
[11] *Петров Л.В*. Мода как общественное явление (анализ в социально-коммуникативном аспекте). Л., 1974. С. 22.
[12] Служба быта. 1970. № 12. С. 23.
[13] См., например: *Гурова О*. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: НЛО, 2008 (на основе кандидатской диссертации, защищенной автором в 2004 г. в РГГУ), а также работы О. Вайнштейн, Ю. Демиденко и др.
[14] *Entwistle, Joanne*. The Fashioned Body. Fashion, Dress and Modern Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2000. P. 203.
[15] *Волобуева Л*. Условия элегантности // Модели сезона. 1969. № 1.
[16] Там же.
[17] Служба быта. 1980. № 2. С. 40.
[18] Эти мастерские, правда, поддерживали рентабельность в основном за счет того, что либо использовали дешевый труд мигрантов, либо вообще располагались в странах третьего мира.
[19] *Entwistle, Joanne*. Op. cit. P. 212.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.А. Романенко

ЛИДЕРЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ОБ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья основана на статьях и аналитических брошюрах идеологов революционного крыла русской социал-демократии, преимущественно большевиков — В.И. Ленина, И.В. Сталина, а также забытых Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева. Они были опубликованы перед и во время Первой мировой войны. Значительная часть аналитического наследия этих деятелей легла в основу советской внешней политики и политики Коминтерна в странах Средней Европе.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Россия, Центральная (Средняя) Европа, национальное самоопределение, регион, революция, большевики.

В 1962 г. советский историк, специалист по истории южных славян в Новой время Ю.А. Писарев в первой исследовательской работе, посвященной национальным движениям народов Австро-Венгрии, писал: «В.И. Ленин раскрыл главное содержание эпохи империализма, проанализировал особенности социально-экономического развития Австро-Венгрии и ее югославянских территорий. Он определил характер и основные задачи назревавшей в монархии Габсбургов революции, проследил расстановку классовых и общественных сил, предсказал неизбежность распада многонациональной буржуазной империи. В.И. Ленин высоко оценивал национально-освободительную борьбу югославянских народов, называя ее “национальной революцией южного славянства”. Чрезвычайно важны высказывания Ленина по национальному вопросу, который в условиях многонациональной империи Габсбургов был одним из основных. Ленин дал последовательную критику буржуазно-националистических теорий культурно-

национальной автономии, выработанной лидерами австрийской и югославянской социал-демократии и обосновал подлинно научное революционное решение этой проблемы»[1].

Как мы увидим ниже, Ленин не «предсказывал» распад Австро-Венгрии. Более того, национальные движения неполноправных народов Австро-Венгрии, в том числе и югославянских, стремившиеся решить задачи модернизации и национального самоопределения, по направленности в большинстве до 1917 г. не носили «освободительного» характера — иными словами, не стремились к ликвидации монархии и распаду многонационального государства. Наоборот, они стремились найти возможность сохранить его путем реформ. Не говоря уже о том, что единого «южного славянства» как этнополитического явления не существовало. Каждый народ — хорваты, сербы, боснийские мусульмане и словенцы — осознавал себя отдельной общностью с собственными целями и интересами. Иное дело, что в конкретных исторических условиях 1917—1918 гг. эти цели и интересы частично совпали. Наконец, вряд ли корректно отождествлять (однако в условиях, когда писалась книга, иную формулу и невозможно было представить) «научное и революционное решение этой проблемы». Как показал дальнейший ход истории, именно произошедшие в 1917 г. в России социальная революция и в 1918 г. национальные революции в Австро-Венгрии породили новые проблемы.

Отечественные исследователи истории южных славян долгое время находились между двух огней — негативным отношением как к славянской идее и к Австро-Венгрии. И как к монархии, и как к империи, и как к династии, и как к многонациональному государству, орудию угнетения рабочих и крестьян и национальностей. Из гуманитарных областей знания именно славистика испытала на себе крайне негативное отношение новой власти. Одна из причин этого крылась в том, что «“славянская взаимность” не вписывалась в ленинскую теорию национального вопроса и не соответствовала принципу “пролетарского интернационализма”», — пишет исследователь истории отечественной славистики А.Н. Горяинов[2]. При этом зачастую неоправданно отождествлялись столь различные исторические явления, как славянофильство и панславизм, а исследование истории славянских народов рассматривались как их пропаганда.

Отношение к южным славянам в Советской России и СССР было противоречивым. С одной стороны, не был забыт традиционный российский взгляд на некоторые из этих народов (прежде всего — поляков и хорватов) и их национальные движения как на «чуждые» с геополитической и конфессиональной точек зрения. С другой — славян в России считали возможной «пятой колонной» внутри

Австро-Венгрии — сначала соперника, а затем и непосредственного военного противника России. В то же время преувеличивался их «освободительный» — антиавстрийский и антивенгерский характер. Советская историография неизбежно унаследовала негативное отношение Ленина и Сталина к «австромарксизму», раскритикованному зачастую — поверхностно и безосновательно[3].

Австро-Венгрия рассматривалась как соперник России на Балканах и угнетатель славянских народов, а Габсбурги виделись как «классовые враги». Для Сталина и его приближенных время Габсбургов так и не стало историей, а оставалось недавней да и современной им политикой.

Работы Ленина и Сталина по национальному и аграрному вопросу, в котором они применительно к славянским странам Средней Европы и, в частности, Балкан, несмотря на противоречия и неточности, практически весь советский период критиковать ни с исторической, ни с идеологической точки зрения было невозможно. Официальная наука в те годы механически переносила их многочисленные «высказывания» и «указания» о России и на Австро-Венгрию, и на другие страны, исходя из того, что Россия и СССР являются образцом для всего остального мира[4]. Тем более, что Балканы считались наиболее близким к России по потенциалу социалистических преобразований регионом. Советская славистика в те годы по понятным политическим и психологическим причинам акцентировала внимание на противопоставление «славянства» и «германства». Славянские народы выхватывались из контекста межнациональных взаимоотношений в Австрийской империии (Австро-Венгрии), охватывавшей бóльшую часть Средней Европы, и им приписывались исключительно «освободительные» устремления, в противовес «реакционным» австро-немецким и германским.

Между историками советской и югославской школ могли существовать и существовали и объективные различия в методологии исследования и в оценках тех или иных исторических процессов, событий и деятелей. Хотя в одном обе официальные исторические концепции того времени были едины — их задача состояла в том, чтобы обосновать легитимность и историческую закономерность возникновения югославского социалистического государства. При этом в подходе к изучению истории национальных движений южнославянских народов невольно возникал парадокс: когда речь шла о Югославии после 1918 и особенно после 1945 г., негативную оценку получали, как правило, именно те их доблести, которые превозносились, когда речь шла о борьбе против монархии Габсбургов.

В научном отношении исследования, вышедшие в Институте славяноведения в 70-х — начале 80-х годов были во многом нова-

торскими. Их авторам и вдохновителям — И.С. Миллеру, Т.М. Исламову, В.И. Фрейдзону и их коллегам удалось постепенно преодолеть традиционно господствовавшее в отечественной (как дореволюционной, так и послевоенной, советской) славистике отношение к национальным движениям неполноправных народов монархии и южных славян. Они рассматривали Австрийскую (Австро-Венгерскую) империю как сложный исторически сложившийся и просуществовавший несколько столетий этнополитический организм, составной частью которого были национальные движения южнославянских народов, далеко не всегда стремившиеся к революционному разрушению империи. В своей исследовательской работе опирались не на схемы, а, прежде всего, на факты и материал источников, которые при внимательном прочтении позволяли сделать выводы, выходящие далеко за рамки «дозволенного». Хотя исследование было основано на марксистской методологии и посвящено периоду второй половины XIX века, сам ее материал позволял усомниться в постулатах официальной науки о примате классового перед национальным[5].

Значительное внимание В.И. Фрейдзон и Т.М. Исламов уделили теоретическим проблемам использования методов этнологии в историческом исследовании. В этом контексте символичной стала рецензия В.И. Фрейдзона на монографию известного советского этнолога академика Ю.В. Бромлея «Современные проблемы этнографии»[6]. Эта книга, как и другие труды того же автора, представляла собой, хотя и обусловленную мировоззренческими, методологическими и цензурными рамками того времени, но все же попытку расширить границы официально принятой классовой типологии этнических общностей (род — племя — народность — нация), ввести советскую науку в контекст мировых этнологических исследований[7]. В.И. Фрейдзону и его коллегам это позволило дальше плодотворно работать в концептуальных рамках не только сравнительно-исторических, но и междисциплинарных исследований. Подобный подход позволил ему придать законченный характер концепции формирования наций у народов Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европы.

В конце 80-х — начале 90-х годов для историков в целом, а также славистов и специалистов по истории Австро-Венгрии ситуация кардинально изменилась. Прежде всего потому, что пали цензурные и идеологические ограничения. С середины 90-х годов XX века в отечественной исторической науке начали появляться новые работы по истории Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых их авторы продолжили лучшие традиции российского исторического страноведения. Возможность отказаться от навязываемых коммунистическим режимом идеологических догматов, снятие всякого рода «табу» и доступ

к ранее недоступным и неизвестным документам — все это позволило поставить на повестку дня вопрос о необходимости создания «целостной картины мира» без искусственного замалчивания или, наоборот, выпячивания отдельных исторических событий или фигур. Однако исследованию истории идеологии и практики российской социал-демократии — большевиков и меньшевиков, в том числе и их представлениям о внешнем мире и внешнеполитических концепциях, на наш взгляд, внимания уделялось и уделяется недостаточно. Трудность заключается в сложности преодоления «черно-белого» схематизма и непреодоленной политизированности отечественной историографии, независимо от политико-идеологических симпатий исследователей.

Австро-Венгрию, как и национальные движения входивших в нее славянских народов, авторы начали рассматривать сугубо исторически, т.е. не исходя из более позднего, уже известного, исторического результата, а анализируя развитие самих этнополитических процессов, исследуя монархию Габсбургов как сложнейший полиэтничный социальный и политический организм, а не как «тюрьму народов» и «врага славянства».

В этот период появилась возможность свободно с точки зрения исторической критики проанализировать такие давно известные источники, как публицистические и аналитические сочинения В.И. Ленина и И.В. Сталина, в которых затрагивались проблемы отношения большевиков к Австро-Венгрии, к ее внутренним проблемам и внешней политике, к австрийской социал-демократии в контексте общего развития не только русской социал-демократии, но и Второго Интернационала, их позиций по отношению к войне и миру, к социалистической революции. Кроме того, стали доступными и источники, находившиеся ранее в «спецхранах», — работы Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, посвященные анализу внутренней и внешней политики Австро-Венгрии и развитию Балканского региона. Обращает на себя внимание и третья группа источников, использованных в настоящем исследовании — источники по истории России, которые никогда ранее не использовались как источники по истории внешней политики и Австро-Венгрии. К таковым можно отнести, например, протоколы Петроградского Совета 1917 г.

Среди исследовательских работ последнего двадцатилетия, посвященных анализу политической идеологии большевиков и их концепций внешней политики, а также Австро-Венгрии отметим, пожалуй, две. Ар.А. Улунян в 1997 г. опубликовал интереснейшую полемическую книгу «Коминтерн и геополитика: Балканский рубикон». Естественно, автор не мог обойти своим вниманием и более ранний, до Первой мировой войны, период развития представлений

большевиков, прежде всего, В.И. Ленина в контексте нового этапа формирования политических доктрин в Европе, в том числе — в области геополитики. К «традиционным кодам», определявшим «пространственно-географическое восприятие политических событий на Балканах в Европе как в массовом сознании, так и на уровне политических и академических элит», автор среди прочего относит «политику России, нацеленную на патронирование славян и христиан и стремление Санкт-Петербурга поставить под свой контроль черноморские проливы», а также австро-венгерские проблемы сохранения полиэтничной монархии»[8].

Характеризуя развитие взглядов Ленина в период Балканских войн и Первой мировой войны Улунян приходит к следующим выводам. Во-первых, «во многом питательной средой для радикально-экстремистских схем являлась военно-политическая конфронтация в Европе, порождавшая иллюзию легкого превращения межгосударственных противоречий в тотальную классовую войну». Во-вторых, «именно в этот период у Ленина формируется мировоззренческая схема географического и политического разделения Европы на регионы, роль отдельных стран и народов континента. Четыре обстоятельства играли при этом важную роль: социальный экстремизм (абсолютизация классового подхода к политическим событиям) (на наш взгляд, вряд ли корректно отождествлять эти два разных явления в сознании. — *С.Р.*), маниакальная ненависть к российской государственности, некомпетентность в балканских (и австро-венгерских. — *С.Р.*) проблемах и ненависть, усугубляемая завистью к “цивилизованному Западу”»[9].

Любопытной, хотя, на наш взгляд, и не лишенной внутренней противоречивости представляется оценка роли монархии Габсбургов в рамках многонациональной империи, данная другим отечественным историком, Я. Шимовым. «Австрийская монархия не была и не могла быть немецкой, венгерской или славянской — она была именно австрийской, т.е. наднациональной и враждебной какому-либо национализму. Это и предопределяло главную проблему Габсбургов и их государства в век национализма», — пишет он. В то же время автор признает, что «несмотря на угрозу, которую нес империи немецкий национализм, Габсбурги по-прежнему видели в австрийских немцах одну из своих главных опор»[10].

Естественно, этими двумя произведениями вовсе не исчерпываются исследования по истории российской социал-демократии, внешней политики России, Австро-Венгерской монархии. Среди трудов отечественных историков хотелось бы упомянуть и обобщающие труды, и монографические исследования, посвященные отдельным проблемам и, более того, — отдельным личностям, которые определили

на долгие годы идеологические рамки и политико-психологические стереотипы восприятия в СССР зарубежных славянских народов, отдельных государств Средней Европы и всего региона в целом[11].

Наконец, нельзя не упомянуть и воздействие на отечественную историографию в 90-е годы XX века и первое десятилетие века XXI получивших большую популярность произведений четырех авторов — Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Э. Смита и Б. Андерсона. Каждый из них попытался создать собственную универсальную схему исторического развития и типологию таких явлений, как «нация» и «национализм». На наш взгляд, хотя в этих работах содержатся интересные исследовательские приемы и наблюдения, по своему жанру они относится, скорее, к эссе (иногда — весьма популярного характера), чем к исследованию, основанному на анализе источников. Это иногда проявляется, в частности, при ссылках на историю Австро-Венгрии, Средней Европы и южных славян. Некоторые ошибочные представления этих авторов перекочевали и в отечественное научное знание (например — о южных славянах как о единой общности, о тождестве термина «южные славяне» термину «югославы», о едином сербскохорватском языке и т.д.). Не говоря уже о том, что зачастую справедливый антинационалистический пафос приводит к явно или косвенно выраженному мнению о необходимости сохранить многонациональную империю, которая якобы могла предотвратить его появления и негативные последствия[12].

Для «чудо-богатырей», как их называла официальная пропаганда Российской империи, или для «солдатской массы», как их называли социалисты всех мастей, иными словами — для мобилизованных русских крестьян, рабочих и студентов, цели войны во многом оставались непонятными. Они вовсе не стремились отдавать свои жизни ни за овладение Проливами, ни за водружение православного креста на Айа-Софии в Царьграде, ни за внешнеполитические и финансовые обязательства императора, его правительства, банкиров и предпринимателей перед Францией и Великобританией, ни за «свободу братьев-славян». Судьбы «православной Сербии» или в более широком плане — австрийских и балканских славян и вовсе не трогали их разум и душу. «Сколько раз я ни спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эр-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потом австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно», — писал в своих воспоминаниях генерал А.А. Брусилов[13].

Но дело было, конечно, не в знании или не знании политики и географии. Согласно сводке донесений военно-политического отдела

Ставки о настроениях в армии с 14 по 30 октября 1917 г., «армия представляет собой огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием»[14]. Какие уж тут возвышенные мысли об освобождении единокровных и единоверных братьев-славян...

Схваченное Брусиловым состояние умов «простого народа» России подтверждалось и в докладе представителей Министерства иностранных дел Сербии в Петрограде в 1917 г. — по-видимому, между Февралем и Октябрем. В нем они отметили «убеждение, что правые славянофильские круги — до недавнего времени они были в России единственными, кого интересовала жизнь славян (как мы увидим ниже, это утверждение не соответствовало действительности. — *С.Р.*) и из которых рекрутировалась дипломатическая бюрократия, — в отношении славянства обладают ортодоксальными воззрениями и намерениями, противоречащими нашей идее и нашим устремлениям, и поэтому тщетна любая попытка поколебать этот закостенелый взгляд (вероятно, имеется в виду негативное отношение к идее объединения югославянских народов, принадлежавших к разным конфессиям, в единое государство. — *С.Р.*)». Следствием этого, писали сербские представители, «было прежде всего то, что наши проблемы остались неизвестными русскому обществу, массе русского народа — в особенности. Известно, что мы как-то и где-то существуем, что чего-то требуем. Но чего требуем — мало кто знает, а многие и не хотят знать, поскольку русские по характеру индифферентны и им хватает своих собственных забот. С другой стороны, наше дело завоевало себе в России больших и влиятельных друзей, которые нам симпатизируют и его отстаивают. От них можно многое ожидать, в случае, если им снова и к тому же вовремя удастся оказаться на поверхности этого политического болота, которое из себя представляет Россия»[15].

Во время войны одни лидеры радикально-революционного крыла российской социал-демократии — В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий[16] — находились в эмиграции, другие — Л.Б. Каменев и И.В. Сталин — в ссылке. Именно в этот период, непосредственно перед началом войны и в военные годы, была заложена основа их системы взглядов, которые впоследствии легли в основу доктрины национальных интересов советской России и СССР, а также теории и практики Коминтерна. Одним из основных направлений этой доктрины было отношение к Австро-Венгрии и монархии Габсбургов.

Речь шла и о концептуальной оценке развития балканского региона, Австро-Венгрии, Сербии, об оценке сути вооруженного конфликта, а также о теории империализма и теории нации, видении логики международных отношений, неуклонно развивавшихся в

конфликтном русле, равно как и о позиции социал-демократии и ее роли в окончании войны и послевоенном государственном и социальном переустройстве.

Основными элементами политической концепции большевиков были: превращение империалистической войны в гражданскую, установление диктатуры пролетариата, наличие внутреннего врага и враждебного окружения, пролетарский интернационализм, национальное самоопределение. Позднее, уже после прихода к власти большевиков, к этому прибавилось понимание социалистического отечества как родины мирового пролетариата и его защиты как обязанности мирового пролетариата, стремление к всемирной социалистической революции в мировом масштабе[17].

Все это пришло на место идеям монархизма, державности, имперскости, «славянского братства» и «защиты христианских (по преимуществу православных) народов». Официальной идеологией и пропагандой Российской империи, а также большинством оппозиционных партий Австро-Венгрия и монархия Габсбургов воспринимались как геополитический соперник и враг на поле брани, как государство, которое должно если не прекратить свое существование, то в значительной мере уменьшиться в результате предоставления независимости славянским народам и их государствам. Интересы Российской империи аналитики описывали в сугубо геополитических, этноконфессиональных и экономических категориях.

У газетной публицистики и солидных аналитических работ идеологов наиболее радикальной нелегальной оппозиции — большевизма судьба сложилась по-разному. Тщательно собранное, отобранное и опубликованное ленинское наследие почти все семьдесят лет Советской власти догматизированно изучалось и заучивалось. Это же относится и к судьбе работ Сталина в период конца 20-х годов — 1953 г. В то же время после конца 20-х годов работы Троцкого, Зиновьева и Каменева становились все менее доступными, чтобы потом попасть в строжайший «спецхран» до начала 1990-х годов, с тем, чтобы потом, после возвращении в открытый доступ, по преимуществу подвергнуться историографическому забвению. Внешнеполитические и геополитические взгляды лидеров большевизма, взятые в совокупности, не стали предметом монографических исследований, не использовались как источники ни по истории русской и международной социал-демократии, ни по истории Австро-Венгрии. Небольшое исключение составляют статьи Троцкого[18]. Работы Зиновьева и Каменева, посвященные Австро-Венгрии и Балканам, не рассматривались не только в отдельности, но и в комплексе, не сопоставлялись между собой, а также с идеями меньшевиков и эсеров и других политических течений официальной дипломатией и пропагандой[19].

В 1913 г. в мартовском, апрельском и майском номерах легального большевистского общественно-политического и литературного журнала «Просвещение» вышла работа И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанная им в Вене в январе того же года. Один из основных сюжетов статьи — сопоставление России и Австро-Венгрии. Оценивая ситуацию в самой России, он отмечал, что «период контрреволюции в России принес не только “гром и молнию”, но и разочарование в движении, неверие в общие силы», что «чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма»[20]. Поэтому «в этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего “поветрия”. Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России»[21]. Изучив современную ему литературу, в том числе — и многочисленные работы нещадно критикуемых им «австромарксистов» — О. Бауэра, К. Реннера, Р. Гильфердинга, В. Адлера, — Сталин сформулировал определение нации, с начала 1930-х годов ставшее в СССР «классическим», подлежащим заучиванию и не подлежащим критике. «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[22].

Сталин отмечал отличия в историческом развитии государств и народов Западной и Восточной Европы. «В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию. Так происходило дело на Востоке. Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные на-

ции. ...Капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. (...) Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!.. Так складываются в нации чехи, поляки и т.д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом. (...) Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку — все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России»[23].

Далее Сталин продолжил резкую критику Бунда, австрийской и югославянской СДП. «При этом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса. Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе. Ввиду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространенного, но и очень огульного способа "решения" национального вопроса, ведущего свое начало от Бунда. Мы говорим о легком методе ссылки на австрийскую и южно-славянскую (работает на юге Австрии. — *примеч. И.С.*) социал-демократию, которая-де уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что все, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности»[24]. Далее Сталин резко критиковал партию Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), съезд которой «"единогласно принял"... национальную автономию. И — только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южно-славянской с.-д. партии, потом "одобрили" , а потом "единогласно приняли"! Так ставят и "решают" бундовцы национальный вопрос в России... Между тем, Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и объясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.)[25] в духе резолюции южно-славянской с.-д. партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так сказать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает»[26].

В работе «О праве наций на самоопределение» (написана в феврале — мае 1914 г., в австро-венгерской резиденции Ленина — курорте

Поронино, опубликована в том же журнале «Просвещение» и тоже в трех номерах — с апреля по июнь 1914 г., — то есть спустя ровно год после статьи Сталина, Ленин сформулировал свое понимание этого термина: «...под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»[27]. Однако в той же работе он придал лозунгу самоопределения совершенно иное звучание: «В вопросе о самоопределении наций... нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций»[28].

Что же касается Австро-Венгрии, то до начала войны позиция Ленина определялась двумя моментами. Во-первых, он считал, что «в Австрии (в отличие от России. — *С.Р.*) [буржуазно-демократическая революция] началась 1848 годом и закончилась 1867». Во-вторых, «создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целости Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне)»[29]. Хотя южных славян, часть национальных движений которых также выдвигала собственные триалистические проекты, включая и Боснию и Герцеговину, он не упомянул, одна из тенденций в развитии Австро-Венгрии — центростремительная — схвачена им верно. Кроме того, точно подмечено, что Австро-Венгрия относится к иному, чем Россия, региону — то есть Западной, континентальной, Европе с «законченными» — а не к Восточной Европе, «с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями».

Впрочем, у Ленина не было единой, раз и навсегда зафиксированной оценки региональной принадлежности России и границ региона «Восточной Европы». В 1912 г. он считал, что к нему относятся Австро-Венгрия, Балканы и Россия, в 1913 г. — Австро-Венгрия и Балканы[30]. В январе 1917 г. в статье «Статистика и социология», опять встречаем: «группа государств Восточной Европы — Россия, Австрия, Турция»[31].

Но долгосрочный прогноз: «в внутренних условиях развития Австрии (т.е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) *нет* факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств»[32] — оказался ошибочным. Географические границы «революции» были размыты. Впрочем, Ленин не мог предвидеть и последствий начавшейся вскоре мировой войны.

Отсутствовало у Ленина и четкое представление о форме организации этнополитического пространства, о соотношении «нация — государство». Например, в октябре 1912 г. он полагал, что «только победа федеративной республики на Балканах наряду с победой республики в России в состоянии избавить сотни миллионов людей от бедствий войны»[33]. В те же дни: «Именно “Европа” мешает установлению федеративной балканской республики»[34].

В статье «Балканская война и буржуазный шовинизм» 29 марта 1913 г. Ленин писал: «Создание объединенных национальных государств (т.е. многонациональных федераций? — *С.Р.*) на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига, — такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами»[35]. В то же время, как и многие российские и зарубежные авторы-социал-демократы, Ленин не учитывал остроты межнациональных и межгосударственных противоречий между балканскими народами, в том числе и южными славянам. В тот период была распространена иллюзия о том, что Балканский союз может стать еще одной «великой державой»[36]. Отметим, что в данном случае региональное название — «балканский», «на Балканах», превалирует над этническим — «южные славяне». Видимо Ленин рассматривал *федерацию* южных славян (или балканских народов, что могло быть для него почти синонимом, поскольку и те, и другие были «угнетены») как национальное государство в противовес Австро-Венгерской монархической *империи*.

В то же время он одобрительно отозвался о замечании Карла Каутского, о том, что «“национальное государство есть форма государства, *наиболее соответствующая* современным” (т.е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-прогрессивным в отличие от средневековых докапиталистических и проч.) “условиям”», что «пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам (по каким же?! — *С.Р.*) осталось ненормальным или недоразвитым” (отсталым). Само собою разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма»[37].

В первые месяцы войны Ленин постоянно возвращался к теме «грабежа Сербии» («на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии»[38]). В работе «Война и российская социал-демократия» (сентябрь 1914-го) он писал: «Обе группы вою-

ющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии как “своей” страны, так и “чужих” стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение “своей” национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради “освобождения” всех других народов, кроме своего собственного»[39]. Казалось бы, одинаковый подход ко всем сторонам конфликта. Но интернационалист Ленин почему-то не распространял сформулированный им же самим принцип на сербскую монархию и сербскую буржуазию. Впрочем, он мог вспомнить свое утверждение в статье «О праве наций на самоопределение» о том, что «наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств»[40] (то есть предполагался именно распад крупных и создание мелких — этнических — государств) — освобождения «народов».

В сентябре — октябре 1914 г. руководитель партии большевиков сформулировал задачу «превратить национальную, ложнонациональную войну в решительное столкновение пролетариата с правящими классами»[41]. Однако он опять-таки не ставил этой задачи перед сербским пролетариатом и социал-демократией, не говоря уже о том, что разговор о «балканской федерации» больше не возникал. В марте 1915 г. на конференции заграничных секций РСДРП он говорил: «Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны»[42]. В мае 1915 г. в работе «Крах II Интернационала» Ленин развил тезис о том,что «национальный элемент в теперешней войне представлен *только* войной Сербии против Австрии... Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы “народных масс” охватывающее национально-освободительное движение, “продолжением” которого является война Сербии против Австрии. Будь эта война изолирована, т.е. не связана с общеевропейской войной, с корыстными и грабительскими целями Англии, России и проч., тогда все социалисты *обязаны* были бы желать успеха сербской *буржуазии* (а монархии Карагеоргиевичей? — *С.Р.*) — это единственно правильный и абсолютно необходимый вывод из национального момента в теперешней войне»[43].

К этой же идее он вернулся в одном из своих писем августа 1915 г.: «Мы не можем быть против национально-освободительных войн. Вы берете пример — Сербии. Но будь сербы *одни* против Ав-

стрии, разве мы не были бы *за* сербов?»[44] В «Крахе II Интернационала» конфликт «Австрии и Сербии из-за Балкан» он отнес к «империалистическим»[45]. Рассуждая о возможных итогах войны, Ленин осенью 1916 — зимой 1917 г. считал, что «империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав — Англии, Германии, России, и за счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), причем вполне возможно, что все эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет идти лишь о том, в каких пропорциях разделить эту добычу»[46].

Большое внимание уделял во время войны Балканам и Австро-Венгрии Л.Д. Троцкий, после начала войны перебравшийся в Париж, где в 1914—1916 гг. издавал газету «Наше слово». В отличие от остальных руководителей и теоретиков радикального крыла российской социал-демократии, он не только жил в Вене (1907—1914), но и постоянно профессионально, как журналист и публицист, следил за политическим развитием этого государства и соседним с ним регионом Балкан.

Весьма любопытна характеристика, данная Троцким политической идеологии и стратегии балканских государств: «...во внешней политике правящие партии на Балканах резко разделяются на две группы — в зависимости от того, с какой из двух главных соперниц на Балканах, Россией или Австрией, или двух главных европейских группировок, они готовы в большей или меньшей степени соединить свою судьбу. (...) Придавленная Австро-Венгрией Сербия тяготела к достаточно удаленной от нее и потому менее опасной России»[47].

Троцкий дал резкую, но справедливую характеристику внешней политики балканских монархий: «Трудно представить себе на самом деле картину более безобразную, чем трусливо-похотливая политика балканских правительств, которые заглядывают в глаза великим державам со страхом быть обманутыми и с намерением обмануть и подозрительно озираются друг на друга, неспособные на прочную коалицию, но всегда готовые на предательство. Более безобразной является, пожалуй, только балканская политика держав, которые покупают и выменивают союзников, как цыгане на ярмарке лошадей. (...) Какой из ее двух принципов ни взять: защиту ли отечества или поиски наименьшего международного зла — положение получается одинаково безвыходное. Как защищать здесь отечество: с Россией, которая пожрет? С Германией, которая проглотит? (...) ...лозунг “защиты отечества” уже на заре их существования был отстранен и заменен лозунгом преодоления ограниченности и завистливой изолированности этих тесных и немощных отечеств — путем введения их в более широкую и жизнеспособную общность, балканскую республиканскую федерацию»[48].

Подавляющее большинство русских революционеров мало и чрезвычайно односторонне воспринимали и Балканы, и Австро-Венгрию, хотя и жили в ней по нескольку лет. Троцкий — исключение. Но ни Ленин, ни Г.Е. Зиновьев, ни Л.Б. Каменев (о двух последних речь пойдет ниже) не знали ни венгерского, ни южнославянских языков. Следы знакомства идеологов и руководителей радикального направления российской социал-демократии с российской научной литературой по Австро-Венгрии и Балканам, равно как и знакомства с источниками, практически не прослеживаются[49]. В основном они опирались на австро-немецкие и германские, реже — на французские, британские и итальянские публицистику и научные исследования. С сербскими социал-демократами на конгрессах II Интернационала разговаривали также по-немецки.

«Австро-Венгрия никак уж не принадлежит к числу тех отечеств, которые привязывают к себе население положительными и очевидными преимуществами своего государственного строя, — писал Троцкий из Женевы в газету "Киевская мысль" в ноябре 1914 г. — Государство десяти народностей — различного экономического уровня, разного исторического воспитания и разных национальных устремлений — придунайская монархия, связанная сословными и бюрократическими традициями и интересами, оказалась неспособной развиться в надлежащую форму сожительства и сотрудничества разных национальностей. (...) Между тем пятидесятимиллионная монархия Габсбургов непрерывно сотрясается центробежными национальными тенденциями...»[50]

Однако как возникла и почему сохранялась эта «клерикальная, феодально-милитаристическая Австро-Венгрия»? Анализируя генезис и развитие этого государства, Троцкий отмечал, что «придунайские народности были — каждая в отдельности — слишком слабы, для того чтобы отстоять свое существование против натиска османов, доходивших до ворот Вены, и это толкало их к сплочению под габсбургской короной. Австрия сложилась как европейский заслон против Турции, как средне-европейская контр-Турция. Турцию разрушали центробежные национальные тенденции, а по мере того как ослабевавшие османы переставали быть опасностью для средней Европы, национальные центробежные стремления стали раздирать изнутри Австрию. Капитализм порождал, правда, встречную тенденцию: к экономическому сплочению. Но капиталистическое развитие Австрии, истощавшейся помещиками и милитаризмом, шло очень медленно. Настоящим выходом для придунайских народов... была бы перестройка своего архаического государственного здания по швейцарскому образцу: это не только сделало бы Австро-Венгрию неуязвимой, но превратило бы ее в очаг непреодолимого

притяжения для всех национальных осколков, расположенных по ее периферии (даже без установления социализма. — *С.Р.*). Но на пути к такому возрождению стояли и культурная отсталость значительных масс населения, и особенно те реакционные исторические силы, которые и сегодня еще являются носителями австро-венгерской государственности. Отсюда тот национальный хаос, каким являлась внутренняя жизнь придунайской монархии»[51].

Причину «“патриотического” подъема масс» в монархии, последовавшего после объявления Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля 1914 г. и выразившегося в многолюдных выступлениях не только в Вене, но и в Любляне, Загребе и Сараево, автор статьи «Политический мораториум» согласно логике своих концепций видел в том, что «война выбивает всю жизнь, сверху донизу, из ее наезженной колеи, расстраивает все привычные связи, и только государственная власть, опирающаяся на вооруженную с ног до головы армию, — выступает как надежная и твердая опора. Надежды на бурные национальные и социальные движения (в Праге, Триесте и пр.) были в корне неосновательны по отношению к первой эпохе войны, когда власть, даже вконец расшатанная центробежными тенденциями, которые она умела только механически подавлять, сразу становится хозяйкой положения. Но это только одна сторона дела. (...) Таких людей, вся жизнь которых день за днем проходит в монотонной безнадежности, очень много на свете... Набат мобилизации врывается в их жизнь тревожащим и обещающим призывом. Все привычное и столь страшно осточертевшее опрокидывается, воцаряется новое и необычное, а впереди должны еще произойти необозримые перемены»[52].

Впоследствии он отмечал, что эта надежда на перемены к лучшему не была единственной причиной верноподданнически-националистического воодушевления. Сыграл свою роль и внешний фактор — репутация Российской империи: «И действительно, нет никакого сомнения в том, что призрак царского нашествия на Австрию и Германию чрезвычайно взбудоражил воображение австро-германских масс. Международная репутация царизма, особенно после эпохи контрреволюции, имела слишком определенный характер и, можно сказать, сама наталкивала австро-германских политиков и газетчиков на мысль провозгласить войну против восточного деспотизма “освободительной”»[53].

В статье «Империализм и национальная идея» (6 мая 1915 г., газета «Наше слово») Троцкий не выказывал предпочтений в пользу какой бы то ни было из сторон в этнотерриториальных спорах. «Требующая Трентино и Триеста во имя национальной идеи, Италия протягивает руку к Далмации, грозя попрать национальную идею юго-славянства.

Франция требует во имя национальной идеи возвращения Эльзас-Лотарингии, захваченной Германией, ведшей в 1870 г. войну также под знаменем национального единства, и в то же время французские патриоты требуют левого берега Рейна и, как основательно опасаются патриоты сербские, склонны славянской Далмацией расплатиться с латинской сестрой за ее великодушную помощь»[54].

Он резко отрицательно относился как к империалистской, так и к исключительно национальной (этнической) форме организации экономики, государства и общества. «Империализм представляет капиталистически-хищное выражение прогрессивной тенденции экономического развития: построить человеческое хозяйство в мировых размерах, освободив его от стесняющих оков нации и государства. Голая национальная идея, противостоящая империализму, не только бессильна, но и реакционна: она тащит человеческое хозяйство назад, в пеленки национальной ограниченности. Ее плачевная политическая миссия, обусловленная ее бессилием — создавать идеологическое прикрытие для работы мясников империализма. Только социализм, который должен экономически нейтрализовать нацию, объединив человечество в солидарном сотрудничестве; который освобождает мировое хозяйство от национальных тисков, освобождая тем самым национальную культуру от тисков экономической конкуренции наций, — только социализм дает выход из противоречия, вскрывшегося перед нами как страшная угроза всей человеческой культуре»[55]. А государственной формой этого «солидарного сотрудничества», как он неоднократно писал, должна стать федерация, в том числе и на Балканах, которая позволила бы, по его мнению, решить и проблему национального самоопределения.

Естественно, Троцкий не мог обойти вниманием проблему, разрешение которой стало одной из важнейших задач послевоенного, — и не только этногосударственного, но и социального (социалистического), — переустройства мира. В трактовке этого принципа позиция Троцкого совпадала с позицией Ленина и относительно понимания самоопределения, и относительно понятия позиции социал-демократии. «Признание за каждой нацией права на самоопределение, вошедшее в программу российской социал-демократии, ведет свое происхождение от эпохи революционных битв национальной буржуазной демократии. Это требование означает в последнем счете признание за каждой нацией права на государственную самостоятельность, — следовательно, из него вытекает обязанность социал-демократии противодействовать всякому режиму принудительного сожительства наций или национальных осколков и содействовать — в зависимости от условий места и времени — борьбе наций и нацио-

нальных осколков против чужеземного национального ига. Но не более того. Социал-демократия отнюдь не выбрасывает, как того хотели бы наиболее разнузданные социал-империалисты, за борт программу национальной демократии. Она не может и не хочет мириться с формами государственно-принудительного включения национальных групп в большие государственные тела, якобы в интересах экономического развития, парализуемого национально-государственной чересполосицей. Но она отнюдь и не делает своей задачей умножение этой чересполосицы, т.е. не превращает национального принципа в какую-либо над-историческую абсолютную идею», — писал он в июле 1915 г. в теоретической статье «Нация и хозяйство», опубликованной газетой «Наше слово»[56].

Рассматривая вслед за Каутским, Лениным и другими социал-демократическими теоретиками той поры проблему крупного государства национальностей, Троцкий полагал: «Принудительное государство национальностей и национальных осколков (Россия, Австрия) может, несомненно, для известной эпохи содействовать развитию производительных сил, создавая для них более широкий внутренний рынок. Но, порождая ожесточенную борьбу национальных групп за влияние на государственную власть или вызывая “сепаратистские” тенденции, т.е. борьбу за отделение от государственной организации, принудительное государство национальностей парализует классовую борьбу пролетариата как важнейшую силу экономического и всего исторического прогресса. Глубоко заинтересованный в устранении всяких искусственных застав и таможен, в возможном расширении свободной арены хозяйственного развития, пролетариат не может, однако, покупать этой цели такой ценой, которая дезорганизует прежде всего его собственное историческое движение и тем самым ослабляет и принижает важнейшую производительную силу современного общества»[57].

Как и Сталин, Троцкий использовал понятие «исторически-запоздалых народностей», пробуждение которых «по необходимости принимает форму борьбы за национальное единство и национальную независимость, сталкиваясь лицом к лицу с империалистическим стремлением преодолеть национально-ограниченные рамки капиталистического хозяйства и мерами военного насилия создать мировую империю. Было бы действительно жалким мещанским утопизмом a la Эрве[58] думать, что судьба европейского и всемирного развития будет окончательно обеспечена, если государственную карту Европы привести в соответствие с ее национальной (то есть этнической. — *С.Р.*) картой, если, игнорируя географические условия и экономические связи, разбить Европу на более или менее законченные национально-государственные клетки»[59].

Анализируя перспективы ближайшего и отдаленного будущего, Троцкий писал (и в этом случае его прогноз сбылся): «Самостоятельная Венгрия или Богемия или Польша будут точно так же искать выхода к морю путем нарушения прав других национальностей, как ищет его Италия за счет сербов, или сербы за счет албанцев». «Национальный принцип не есть для национального капитализма ни абсолютная идея, ни последнее увенчание здания. Это только трап для нового скачка в сторону мирового господства. (...) Задача состоит в том, чтобы сочетать автономистские притязания наций с централистическими потребностями хозяйственного развития»[60].

Далее Троцкий показал себя последовательным «государственником», иными словами, в конфликте этнополитической общности и государства выступил на стороне последнего. «Подмена понятия отечества или государства понятием нации и является самым распространенным аргументом в пользу социал-патриотической политики партий пролетариата. (...) Между тем нация есть могущественный и крайне устойчивый фактор человеческой культуры. Нация переживет не только нынешнюю войну, но и самый капитализм. И в социалистическом строе освобожденная от пут государственно-хозяйственной зависимости нация останется надолго важнейшим очагом духовной культуры, ибо в распоряжении нации — важнейший орган этой культуры, язык. Другое дело государство. Оно сложилось в результате пересечения династических, империалистических и национальных интересов (понятие через понятие) и преходящих соотношений материальных сил. Государство является несравненно менее устойчивым фактором исторического развития, чем нация»[61].

Один из важнейших завершающих пассажей статьи «Нация и хозяйство» состоит в обосновании республиканской федерации как новой формы организации экономического и этнополитического пространства, которая должна была прийти на смену как империи, так и национальному государству: «И нация и хозяйство пришли в противоречие — как с государством, так и друг с другом. Государство стало слишком тесным для хозяйства. Стремясь расшириться, оно попирает нацию. С другой стороны, хозяйство отказывается подчинять естественное движение своих сил и средств распределению этнических групп на поверхности земного шара. Государство есть по существу экономическая организация, оно вынуждено будет приспособиться к потребностям хозяйственного развития. Место замкнутого национального государства (по-видимому, Троцкий имеет в виду этническое государство, а не гражданскую общность в рамках государства. — *С.Р.)* должна будет неизбежно занять широкая демократическая федерация передовых государств на основе устранения всяких

таможенных перегородок. Национальная общность, вытекающая из потребностей культурного развития, не только не будет этим уничтожена, наоборот, только на основе республиканской федерации передовых стран она сможет найти свое полное завершение. Необходимые для этого условия предполагают освобождение рамок нации от рамок хозяйства, и наоборот. Хозяйство организуется на широкой арене европейских соединенных штатов как стержня мировой организации. Политической формой может явиться только республиканская федерация, в гибких и эластичных рамках которой каждая нация сможет с наибольшей свободой развернуть свои культурные силы»[62].

Наконец, в статье «Их перспективы» («Наше слово», 25 января 1916 г.) Троцкий подробно проанализировал возможности внутрирегионального и межрегионального переустройства Европы после окончания войны. «Война привела великие европейские державы в такое состояние военной, финансовой и экономической связи и взаимной зависимости, как никогда в прошлом. Этим она чрезвычайно облегчила экономическое объединение европейских государств, по крайней мере в рамках “союзных” группировок. Инициатива и здесь принадлежит Германии, из среды которой вышла идея таможенной австро-германской унии с присоединением к ней в первую очередь Балканского полуострова. “Таможенное объединение, — справедливо писал по этому поводу ‘Journal’, — неизбежно ведет к политическому подчинению”. Во всяком случае таможенное объединение равносильно снятию последних помех к господству германского капитала в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отсюда естественное сопротивление влиятельных групп австро-венгерской буржуазии. Как компромисс, выдвигается программа экономического союза вместо таможенной унии. Если уния означала бы превращение всей центральной Европы в единый экономический организм, то “союз” предполагает лишь понижение таможенных ставок между Австро-Венгрией и Германией, но означает полное уравнение их боевого архи-протекционистского тарифа против всего остального мира. В этом неизбежном экономическом объединении и упрочении капиталистического могущества Центральной Европы, т.е. прежде всего Германии, политическая Франция, да и не она одна, усматривает одну из наиболее “тревожных” сторон будущего мира, — притом независимую от исхода военных операций.

Глашатаи “национального принципа”, отвлеченного от исторического, прежде всего экономического, развития, ставят в качестве одной из задач для оружия союзников расчленение Австро-Венгрии на самостоятельные национальные государства. Между тем централизующая тенденция экономического развития, которая обна-

жилась и обострилась в войне, стремится включить придунайскую монархию в одну средне-европейскую хозяйственную территорию, непосредственно связанную со всем ближним востоком. Эта централизующая тенденция не только не исчезла, но и не ослабела бы от превращения Австро-Венгрии в ряд самостоятельных, экономически нежизнеспособных государств. Их сила сопротивления германской экспансии оказалась бы ниже, — при их изолированности и неизбежных антагонизмах, — чем у нынешней габсбургской империи. Именно поэтому "реалистическая" французская политика относится не только с недоверием, но и с недоброжелательством к эрвеистской болтовне о создании Богемии, Венгрии, Польши, великой Румынии и пр. на месте нынешней Австро-Венгрии. Наоборот, этой последней "серьезные" публицисты не раз предлагали во время войны помощь союзников в ограждении ее "независимости" от Германии. "Только наша победа может спасти империю Габсбургов", — повторяет капиталистическая пресса Франции: "L'Echo de Paris", "Temps" и др.»[63].

«В ответ на опасность средне-европейского таможенного союза из противного лагеря выдвинут план экономического контр-блока союзников, — развивал далее свою мысль Троцкий. — Но здесь затруднения имеют несравненно более глубокий характер. Русские аграрии так же мало могут отказаться от германского рынка, как мало русские протекционисты склонны пробивать в русской таможенной стене бреши для английских и французских товаров. Но главное препятствие не здесь: без Англии как финансовой и промышленной "руководительницы" антигерманского блока, этот последний не мог бы иметь реального значения. (...) Если у центральных империй программа таможенного объединения, наткнувшись с первого шага на сепаратные интересы влиятельных аграрных и капиталистических групп, сменяется программой экономического союза, то у Четверного Согласия[64] самый вопрос ставится в неопределенной форме экономического "соглашения" — EEA (entente economique entre les allies). (...) ...Европа будет после заключения мира выглядеть во всех отношениях иначе, чем она выглядела до войны. Эпоха национальных государств завершена. Капитализм сделал попытку вырваться из них путем империалистической войны, и уже теперь, под грохот пушек, не давших того, что обещали, он замышляет попытки других полу-решений того вопроса, который стоит пред человечеством как вопрос всего экономического развития и всей нашей культуры»[65].

Троцкий негативно оценил вышеописанные планы обеих группировок, не исключая и планы «Серединной (Средней или Центральной) Европы». Но при этом он исходил из социал-демократических

планов этно- и геополитического переустройства континента. Он подчеркнул: «Эти подготовляющиеся на экономической арене новообразования имеют для судеб Европы не меньшее значение, чем вопросы об аннексиях и национальных правах. Международная социал-демократия должна иметь свой ответ на новые проблемы, подготовленные экономическим развитием и для всех обнаруженные войной. Их перспективам должны быть противопоставлены наши перспективы»[66].

В самый разгар Первой мировой войны меньшевик А.Н. Потресов в сборнике «Война и вопросы международного демократического сознания», анализируя недавнее прошлое, писал о перспективах переформатирования балканского этнополитического пространства: «События на балканском полуострове в конце прошлого и начале настоящего десятилетия заставили даже второй интернационал рабочего класса, при всей его неприспособленности к такого рода политике, выступить с провозглашением идеи Балканской федерации (включающей и Турцию), т.е. идеи создания новой государственной формации, как единственного метода разрешения тех противоречий, которые раздирают и друг на друга натравливают балканские народы, и как единственного средства обезопасить эти народы — созданием крупной единицы — от колонизационного натиска всевозможных держав»[67].

Значительное внимание уделял анализу внутри- и внешнеполитических проблем Австро-Венгрии и австро-германского блока Г.Е. Зиновьев — ближайший помощник Ленина в эмиграции, член ЦК партии большевиков в 1912—1927 гг. и его Заграничного бюро в 1912—1917-м. С 1912 по 1914 г. он проживал в Австро-Венгрии, потом — в Швейцарии вместе с Лениным, в соавторстве с которым написал книгу «Социализм и война». В 1917 г. в Петрограде вышла его аналитическая книга «Тройственный союз и Тройственное согласие»[68]. Соревнование на Балканах между Россией и Австрией, за которой стояла Германия, равно как и «империалистское соревнование между Россией и Англией» Зиновьев считал факторами, толкнувшими Россию «в объятия Франции». Оба военно-политических союза — Антанту и Тройственный — он рассматривал как «продукт империализма»[69].

В 1918 г. в Петрограде вышла работа Зиновьева «Австрия и мировая война». В предисловии к ней сам автор, к тому моменту уже председатель Петроградского Совета, заметил, что книга эта готовилась до его возвращения в Россию и поэтому он, надеясь на ее публикацию в России, был вынужден принимать во внимание условия царской цензуры. Именно поэтому он не смог в достаточно резких, свойственных большевикам выражениях проанализировать внеш-

нюю политику Российской империи, соперничавшей с Австрией на Балканах. Однако его книга выдержана во вполне объективистском духе: Зиновьев, в отличие от Ленина, не выказывал симпатий к королевской Сербии, а достаточно бесстрастно анализировал ее внешнеполитическое положение в контексте отношений с Австро-Венгрией.

По его мнению, «австрийские империалисты не могли не относиться к идее “Великой Сербии” самым враждебным образом». Во-первых, потому что «если бы Сербия расширила свою территорию, проложив себе выход к морю, она могла бы освободить себя от австрийской зависимости». Во-вторых, большинство «сербо-кроатского населения», как писал Зиновьев, «находится в подданстве у Габсбургской монархии». «Австро-Венгерская реакция управляла в Кроации и Славонии при помощи пресловутых “комиссариатов”, а в Боснии и Герцеговине при помощи простой военной диктатуры. Австрийские империалисты не в состоянии были создать для “своих” югославян настолько свободную жизнь, чтобы те навсегда привязались к Австро-Венгрии и не глядели бы в сторону (выше приводилась сходная мысль Троцкого. — *С.Р.*). Австрийские империалисты не без основания опасались, что, если Сербия получит выход к морю, укрепится и процветет, она станет сильным центром притяжения для австрийских сербо-кроатов (Зиновьев, как и многие его современники единомышленники, не делал различия между двумя хотя и близкими, но разными народами. — *С.Р.),* станет своего рода сербским Пьемонтом». При этом автор замечал тесную связь внутренней политики с внешней. Дополняя соображения Троцкого, он писал, что «для того, чтобы успешнее проводить реакционную политику внутри страны, надо было в области иностранной политики душить Сербию». В-третьих, «золотой мечтой австрийских империалистов (заметим, что, на наш взгляд, трактовка этого термина как Троцким, так и Зиновьевым в тот период не всегда совпадала с трактовкой Ленина, разработанной им в книге “Империализм как высшая стадия капитализма”, 1916—1917, и носила более узкий и традиционный характер. — *С.Р.*) является расширить австрийские владения до Эгейского моря, сделать Салоники австрийским портом, добиться полного господства над восточным побережьем Средиземного моря». Однако подобная попытка «неминуемо вызвала бы против них войну со стороны России, Италии и Балканских государств». Австрия, заканчивал Зиновьев, «не могла осмелиться сама захватить Салоники. Но она не могла потерпеть и того, чтобы Сербия заняла земли, лежащие между ней и Салониками. Таким образом, Австрия до поры до времени стала защитницей status quo на Балканах. Этим самым Австрия становилась защитницей чужеземного турецкого владычества над южно-славянскими народами. (...)

Австрия выступила, таким образом, в роли душительницы национальной революции южного славянства»[70]. Однако к обладанию Боснией и Салониками стремилась и Сербия.

Зиновьев, анализируя внутриполитическое развитие Австро-Венгрии, несмотря на свойственные большевистской публицистике полемические перехлесты, справедливо отмечал наметившийся в 1912—1913 гг. поворот: «Хозяйничанье австрийской солдатчины и католической поповщины было настолько безобразным, что в Боснии и Герцеговине настроение все больше росло против Австрии, что даже лояльная Кроация, которая в 1848 г. спасла Габсбургскую династию, теперь стала гнездом заговорщиков. В Сербии возмущение против католической поповщины росло. Как в Ирландии... так и в Сербии и Боснии католическая пропаганда приводила только к обратным результатам. Клерикально-империалистическая клика Австро-Венгрии приходила в ярость, городила глупость на глупости, запутывалась в собственных интригах... В 1914 г. напряжение достигло высшего предела»[71].

Рассуждая о роли «национальных чувств», которые используются для «обмана народа» всеми воюющими сторонами, Зиновьев верно подметил, что «в австрийской, напр., армии сербы идут убивать сербов, поляки — поляков и т.д.»[72]. Однако такая война между «соплеменниками», являющимися гражданами или подданными разных государств и находящимися в окопах по разные стороны линии фронта, была свойственна армиям всех четырех вовлеченных в войну империй, и даже армии демократической Франции. Австро-Венгрии это было свойственно лишь в наибольшей степени из-за ее положения в центре Европы и многонационального состава населения.

Австро-Венгрия сама загнала себя в тупик: «Если бы мы позволили сербам с помощью Франции и России еще дольше угрожать существованию соседней монархии, это привело бы к постепенному крушению Австрии и к подчинению всего славянства под скипетр России. А это, в свою очередь, сделало бы невозможной позицию германской расы в Средней Европе», — говорилось в «белой книге» германского правительства[73].

«О создании союза всех среднеевропейских государств под гегемонией Германии поговаривали в империалистских кругах и до войны. Но после начала войны и, в особенности, после первых крупных германских успехов на полях сражений — “Средняя Европа” стала своего рода навязчивой идеей в Германии и в Австрии. (...) Эта тема не сходит теперь со столбцов германских, австрийских и венгерских газет. (...) Целая литература создалась уже по этому вопросу в Австрии и Германии» (Зиновьев, в частности, упоминает сочинения

Фридриха Науманна и Франца фон Листа)[74]. Зиновьев анализирует данную конкретную программу «Средней», вернее, «Срединной Европы». Как и Троцкий, он дает ей негативную оценку — не только как социал-демократ, но и как воспитанный в России человек. Для создания «мирового государства» необходимо, как описывает Зиновьев германскую идею «Срединной Европы», во-первых, «огнем и мечем добиваться более справедливого передела мира, нужно завоевать себе ряд колоний в Африке и Азии. Но кроме того, и в самой Европе надо покрыть одной большой австро-германской шапкой все то, что удастся покрыть. Надо крепко соединиться Германии с Австро-Венгрией — гораздо теснее, чем до войны: создать общую таможенную систему, может быть — общую монету, общий постоянно действующий военный совет, упрочить "траншейное братство". А под ферулу этого двойственного союза загнать как можно больше государств: Голландию, Швецию. Норвегию, Данию, Швейцарию, Италию, весь Балканский полуостров со включением европейской Турции, а через Турцию — к Суэцкому каналу, через Египет установить связь с миром Ислама, может быть, даже Францию, если хорошенько победить. "Против Англии, без России, если можно, то с Францией" — такую формулу дает Франц вон Лист»[75]. Зиновьев приводил слова К. Каутского — «одного из немногих противников "среднеевропейской" политики среди вождей официальной германской социал-демократии», о том, что «Средняя Европа ставит себе задачей продолжение войны во имя мира, только другими средствами». Перекликаясь с Троцким, Зиновьев констатирует, что «под грохот пушек уже сейчас заключаются новые тайные договоры, обсуждают планы "великих" экономических союзов, в тесном кругу возможных конференций обделываются дела империалистов. План "средней Европы" — только одно из проявлений этой работы империалистических клик различных лагерей»[76]. Подобное негативное отношение к планам создания Средней (Серединной) Европы в конкретной историко-политической и военной ситуации впоследствии легло в основу политики СССР по отношению к любым проявлениям регионального сотрудничества среднеевропейских государств в XX веке, зачастую без учета того, что эти планы и организации строились в иной обстановке и идейно-политически основывались на совершенно иных принципах. Критикуя австрийских социал-демократов — сторонников этого плана, в частности — Карла Реннера, Зиновьев замечает, что им «даже в голову не приходит, по крайней мере потребовать, чтобы это был республиканский союз среднеевропейских государств... Социал-шовинисты превращают их (рабочих. — *С.Р.*) в слепое орудие империалистического картеля под

вывеской: “Средняя Европа”»[77]. Символично, что очередной конгресс II Интернационала планировалось провести в Вене в 1914 г. Однако он не состоялся из-за начала войны.

Характеризуя межэтнические отношения в Австро-Венгрии, Зиновьев справедливо замечает, что «нигде во всем мире национальный вопрос не связан так тесно с внешней политикой и с самим существованием государства, как в Австрии». Однако, перечисляя национальности, проживавшие в двуединой монархии, Зиновьев вновь повторяет распространенную ошибку тех лет — считает «сербо-кроатов» единой «нацией-этносом», разделенным на четыре части — венгерскую, австрийскую, кроатскую и боснийскую. При этом он замечает, что «венгерцы ведут борьбу с сербо-кроатами», не видя одной из важнейших и острейших проблем монархии — соперничества между хорватским и сербским национальными движениями, между Загребом и Белградом, что стало одним из факторов возникновения Боснийского кризиса и мировой войны. Босняков-мусульман он не упоминает[78].

Что же касается внутриполитического положения Австро-Венгрии после начала войны, то Зиновьев, как и Троцкий, отмечал, что «не только враги, но и верные друзья Австрии ожидали, что, как только мировая война начнется, лоскутная монархия Габсбургов затрещит по всем швам. (...) Нет никакого сомнения в том, что и сами правители Австрии, отдавая приказ о мобилизации, далеко не были уверены, что все пройдет гладко. Восторг их не знал пределов, когда оказалось, что мобилизация прошла более или менее благополучно. Габсбургская монархия выдержала первое испытание. Момент опасности на время заставил умолкнуть национальную распрю, вернее — он придушил ее. Но — надолго ли?»[79]. Российские социал-демократы зачастую не видели различий в терминах — «Австро-Венгрия», «Австрия» и «монархия Габсбургов», употребляя их как синонимы, что не соответствовало действительности.

Однако постепенно противоречия и трудности военного времени все же начали сказываться. Во-первых, «Австрия является единственным из всех воюющих государств, в котором за время войны ни разу не было созвано народное представительство (рейхсрат). Венгерские магнаты, крепко сидящие в седле, свой парламент созывают. А расслабленная Австрия — не может. Она боится, что даже в теперешние исключительные времена созыв рейхсрата может обострить национальные трения». Во-вторых, «несмотря на официальное благополучие, о котором не перестают трубить австрийские патриоты, мы знаем, что во время войны “помолодевшая” монархия вынуждена была сотнями, если не тысячами, расстреливать и вешать своих

собственных подданных: чехов, русин, сербо-кроатов, итальянцев». В-третьих, «экономическое положение Австрии крайне трудное, напряжены последние силы... Продовольственный кризис дает себя знать с чрезвычайной силой. Впереди голод... Дороговизна предметов первой необходимости в Австрии не только не уступает другим странам, но, пожалуй, превосходит ее... Пенсии инвалидам несравненно меньше, чем в Германии. (...) Еще хуже положение многочисленных слоев австрийского крестьянства. (...) Австрия ведет первую войну всеобщей воинской повинности. Выдержит ли ее армия испытание войны? Трудно ответить на этот вопрос утвердительно. (...) Усталость от войны достигла в Австрии самой крайней степени. (...) Кругом разорение и нищета. А тяготы войны (налоги и пр.) растут и растут. Отрезвление наступило давным давно. Массы населения жаждут мира. Этого не скрывают более даже официальные "патриоты", продолжающие защищать великий обман о "защите отечества" и "борьбе за культуру". Военная цензура держит печать в ежовых рукавицах. Реакция полный хозяин в стране. (...) За время войны еще больше поднял голову австрийский клерикализм. (...) А самым популярным лозунгом является так называемое "обновление Австрии"»[80].

Главный враг австрийских империалистов, заканчивал Зиновьев, — Россия. «Их непосредственный интерес требует борьбы против России и Италии»[81].

Об отношении большевиков к балканским проблемам и славянскому вопросу в связи с принципом национального самоопределения свидетельствуют и статьи Ленина и работа Троцкого «Программа мира», написанная в мае 1917 г.

Ленин в те дни подчеркивал, что война вызвана «столкновением двух могущественнейших групп миллиардеров... за *передел* мира», причем «германская группа капиталистов хочет отнять Турцию *себе* и вознаградить себя за потерю колоний захватом соседних мелких государств...». При этом он не выделял из этого списка Россию и писал, что и она ведет войну, чтобы «ограбить Армению, Турцию, Галицию», а также «за захват Константинополя»[82]. В мае он занял ту же позицию: «на деле *оба* [правительства] (России и Германии. — *С.Р.*) продолжают политику аннексий, насильственно удерживая: германское капиталистическое правительство — Бельгию, часть Франции, Сербию, Черногорию, Румынию, Польшу, датские округа, Эльзас и пр.; русское капиталистическое правительство — часть Галиции, турецкую Армению, Финляндию, Украину и пр. (...) Свержение царей, если власть переходит к капиталистам, ровно ничего в характере войны не меняет»[83].

В статье «О Стокгольмской конференции», повторяя в который уже раз, что немецкая буржуазия «воюет за ограбление Бельгии,

Сербии», а русская — «Австрии (Львов), Турции (Армения, Константинополь)», он обрушился на социал-шовинистов, которые понятием «защита отечества» прикрывают защиту грабительских интересов «своих» правящих классов. И Стокгольмская конференция в его глазах была мероприятием, проводимым именно «социал-шовинистами»[84].

Пошедший на сотрудничество с большевиками в составе группы межрайонцев летом 1917 г. Троцкий, со своей стороны, резко критиковал идею Стокгольмской конференции за «полуофициальное нащупывание почвы для мирных переговоров», поскольку «ликвидация войны путем гнилого соглашения (за счет главным образом малых и слабых народов) становится такой же задачей для официальной дипломатии, как восстановление “Интернационала” путем взаимного отпущения грехов»[85]. Не говоря уже о том, что заключение мира выбивало почву из-под ног большевиков.

Небезынтересно отметить, что, рассуждая о проблеме установления «национальных очертаний», к которым тяготеют малые народы, Троцкий наряду с поляками, эльзасцами, бельгийцами и сербами отдельно упоминает и «далматинцев» — то есть жителей Далмации.

Подобно многим авторам того периода, в том числе и Ленину, Троцкий был сторонником создания на Балканах федеративной республики. «Как лозунг национальной независимости сербов, болгар, греков и прочих остается голой абстракцией без дополняющего его лозунга федеративной балканской республики, играющего такую огромную роль во всей политике балканской социал-демократии, так в общеевропейском масштабе принцип “права” на самоопределение может получить плоть и кровь только в условиях европейской федеративной республики, — писал он. — Но если на Балканском полуострове лозунг демократической федерации стал чисто пролетарским, то тем более это относится к Европе с ее несравненно более глубокими капиталистическими антагонизмами»[86]. Однако относительно формы будущего устройства Балкан Троцкий не расходился с инициаторами стокгольмской конференции.

Внес свой вклад в разработку балканской концепции большевиков и член ЦК этой партии с 1907 г. Л.Б. Каменев. В 1917 г. он опубликовал брошюру «Империализм и балканская республика», написанную им в конце 1916-го. В частности, в ней он дал характеристику геополитического положения региона и его развития. Вполне в духе идей и статей Ленина он писал: «Территория, на которой империалистические мотивы самым причудливым образом сплетаются со стремлениями, порожденными незавершенностью демократических движений к созданию национально-государственных объ-

единений, может быть приблизительно обозначена треугольником, вершина которого лежала бы у Кенигсберга, а стороны спускались к устью Днестра и к Триесту. Эта полоса земли обнимает таким образом, кроме частей России с польским и украинским населением, славянские области Австро-Венгрии и балканские государства». Каменев отметил, что, бросив взгляд на карту этой части Европы, можно «сразу заметить поразительное, нигде в других частях Европы, не встречаемое несоответствие между политическими и национальными границами». По его мнению, это является «пережитками средневековья, результатом и показателем незавершенности даже первых стадий капиталистического развития»[87].

Каменев отмечал, что «многочисленные славянские племена, составляющие основное население указанной области, частью совершенно утратили свою былую самостоятельность (поляки, чехи и т.д.), частью сумели создать в новейшее время зачатки национально-государственного объединения. Но ни одно из населяющих эту область племен не успело достигнуть полного национально-государственного объединения в своих собственных, или хотя бы в чужих государственных границах». Большевистский аналитик обратил внимание и на особенности геополитического положения балканских народов и государств. «Сербия — Албанией, Грецией и славянскими областями Австро-Венгрии отгорожена от выхода к морю. Македония лишена своего естественного форта — Салоник. Железнодорожная линия, соединяющая Болгарию с ее собственными портами на Эгейском море, проходит своими средними участками по турецким владениям. Выход в Средиземное море из славянских земель, Австрии, из Албании и Черногории заперт господством Италии над Орантским проливом». Одним словом, делал вывод Каменев, «перед нами то самое средневековье, когда товарный обмен в своем развитии должен был преодолевать десятки таможенных застав, считаться с самыми различными системами управления, права, юрисдикции и т.д. Это средневековье стоит сильнейшим препятствием на пути развития производительных сил края и полезно отнюдь не народным массам, а только иностранному империалистическому капиталу, который эксплуатирует отсталость страны и утверждает свое господство, пользуясь призрачной самостоятельностью и реальной борьбой бессильных и лишенных возможности самостоятельного развития мелких государств»[88].

Рассматривая явление «“национального самоопределения” отсталых и колониальных областей», Каменев утверждал, что оно «имеет своей необходимой предпосылкой классовое “самоопределение” демократий передовых капиталистических стран. И наоборот. Там, где

промышленная демократия (как, напр., в Австрии и Германии в лице Шейдемана, Давида, Адлера, Реннера и т.д.) проходит мимо вопросов о самоопределении, где она пренебрегает этими вопросами, там без всякого дальнейшего исследования можно смело говорить о том, что время действительного классового самоопределения еще не пришло. ... Это особенно верно для нашей эпохи, когда, например, на почве германского внутригосударственного империалистического блока вырастают такие явления, как недавняя конференция социал-демократов Австрии и Германии с ее заявлениями о насильственном включении Балкан и Польши в Среднеевропейский таможенный и политический союз. (И то же самое мы наблюдаем, когда русские министры-"социалисты", купно со всеми империалистами России отказывают Украине и Финляндии в признании их прав на самоопределение)».

Однако, пишет Каменев, «мы считаем сентиментально-утопическим всякие представления о "самоопределении" как о верховной инстанции демократической политики, как об идеальном типе разгораживания человечества и т.д. Исторический процесс работает в прямо противоположном направлении, в направлении создания крупных хозяйственных, а следовательно, и политических объединений, погашающих старинные межи. А это между прочим обозначает, что серьезно говорить о самоопределении можно только там, где обособление опирается на специфические хозяйственные условия, где его базисом является территория, достаточно обширная и географически пригодная для развертывания процесса промышленного развития», — писал большевистский публицист в духе «экономического детерминизма»[89].

«"Полное право наций на самоопределение, федеративная балканская республика", торжество пролетарски-крестьянского революционного движения над империалистическими планами собственных династий буржуазии восточных и юго-восточных областей Европы — вот задачи, которые должны быть решены в первую очередь в тех странах, о которых мы говорим в этой статье и решение которых должно стать делом мирового пролетарского движения», — заканчивал свое сочинение будущий член Политбюро РКП(б), партии, которая, придя к власти в России, и попыталась осуществить вышеописанные идеи[90].

О сути войны и судьбе Австро-Венгрии шли дебаты и в Петроградском совете. Выступая на заседании солдатской секции Совета 24 марта 1917 г., большевик, депутат Государственной думы, в 1914 г. сосланный в Сибирь за антивоенную пропаганду, Н.Р. Шагов, демонстрируя смесь элементарного невежества и трезвого политического анализа, заявил: «19 июля [началась] война, сначала — [между]

Австрией и Сербией. На сербской территории (?! — так в документе. — *С.Р.*) [был убит] наследник австрийского императора местным народом. Наше правительство в своем манифесте, [подписанном] царем, объявило войну на защиту угнетенных Австрией славян. Прошло 2 года и 8 месяцев. Все здесь [сидящие знают], что война началась не из-за славян, [что] нас обманули»[91]. Иной взгляд на мировую войну и роль «славянского вопроса» для России после свержения царского режима представил меньшевик Б.О. Богданов 22 марта на заседании Исполкома: «Смысл борьбы за освобождение угнетенных народов Сербии, Польши»[92].

Необходимо заметить, что выработка большевиками, равно как и представителями других партий и политических течений, оценки событий на Балканах и в Австро-Венгрии происходила на фоне все более усиливавшегося процесса национального самоопределения в самой России, в которой в этот период также набирали силу центробежные тенденции — признание самоуправления Эстонии, образование Украинской Центральной Рады и принятие двух Универсалов, создание Центральной рады белорусских политических организаций, фактическое признание независимости Польши.

В то же время некоторые деятели Петросовета ставили на одну доску как союзников — Великобританию, Францию и Италию, так и противников — Германию и Австро-Венгрию. Выступая на общем собрании Совета, перешедший от большевиков к меньшевикам экономист и член ВЦИК В.С. Войтинский заявил, что «Англия, Франция и Италия предпринимают наступление для достижения своих завоевательных целей. Все эти три [державы] намереваются отнять у Германии ее колонии и Эльзас-Лотарингию, у Австро-Венгрии важнейшую гавань — Триест с прилегающей Триестской областью, у Турции — Константинополь, и о разделе Малой Азии названные государства ведут между собою переговоры». При этом докладчик не упомянул о территориальных притязаниях (в том числе на тот же Константинополь) самой России, хотя именно они, а вовсе не «братство» с Сербией и ее защита были одной из главных причин участия России в мировой войне[93].

Россия по-прежнему оставалась ареной борьбы между различными воевавшими сторонами, а также соперничавшими между собой союзниками. В данном случае речь идет о территориальных противоречиях между Италией и правительством Сербии, а также Югославянским комитетом. В мае Петросовет посетила делегация итальянских парламентариев, в том числе Артуро Лабриола[94]. «Члены делегации отметили, что вопрос о Далмации считается вопросом очень сложным и что они очень не хотели бы, чтобы русское общество было бы ошибочно осведомлено о положении национальностей в Далмации. Члены де-

легации отметили, что в Далмации значительную часть населения составляют итальянцы и кроаты-католики, связанные с итальянцами общностью культуры и религии»[95]. Иными словами, итальянская делегация защищала Лондонский договор 1915 г. между Великобританией, Францией и Россией, с одной стороны, и Италией — с другой, гарантировавший территориальные приращения Италии за счет областей Австро-Венгрии, населенных южными славянами в соответствии с этноисторической аргументацией Рима. Налицо отождествление этнического и конфессионального принципов, а также отрицание индивидуальности хорватов и словенцев.

У Петросовета было свое понимание балканских и среднеевропейских проблем. Оно отразилось в «Инструкции делегату ЦИК на союзную конференцию» 3—5 октября 1917 г. («наказ Скобелеву»), авторами которой в большинстве своем были меньшевики — Р.А. Абрамович, А.Р. Гоц, Ф.И. Дан (бывший редактор «Луча»), В.Н. Розанов, М.И. Скобелев и другие. Она предусматривала: восстановление в прежних границах Сербии и Черногории с предоставлением Сербии доступа к Адриатическому морю и обязательством дать полное самоопределение Добрудже; самоопределение итальянских областей Австрии (т.е. Истрии и Далмации); вывод немецких войск и решение путем плебисцита о национально-государственной принадлежности спорных областей на Балканах и итальянских областей Австро-Венгрии; предоставление автономии Боснии и Герцеговине. Под отказом от аннексий авторами понимался отказ великих держав от новых захватов, что означало признание прежних, что противоречило провозглашенному ими же праву Боснии и Герцеговины на самоопределение[96].

Чуть более года спустя после социальной — социалистической революции в октябре 1917 г., которая привела к фрагментации этнополитического и регионального пространства бывшей Российской империи, а затем — Российской Республики, увенчались успехом национальные революции в Австро-Венгрии.

Публицистические и аналитические произведения лидеров большевизма представляют собой интересный и ценный в значительной мере не изученный источник. Их можно использовать и как источник по истории общественно-политической и экспертно-аналитической мысли в Российской империи, по истории формирования элементов внешнеполитической и геополитической концепции большевизма, которые после Октябрьской революции легли в основу практической политики Советского государства и Коминтерна, а также по истории самой Австро-Венгрии.

В работах Ленина, Сталина, Троцкого, Зиновьева и Каменева, несмотря на известную ограниченность социальной теории, ее методов

и категориального аппарата, а также на недостаточность у авторов конкретного знания и понимания проблем национальных движений народов Австро-Венгрии, в том числе и славянских, представлен адекватный взгляд на развитие соседнего с Россией многонационального государства. Хотя в них зачастую присутствуют публицистические упрощения и вульгаризированный «классовый» анализ, идеологам большевизма удалось расширить аналитический горизонт российской политической мысли, преодолеть полностью или частично политические и этноконфессиональные мифы, предрассудки и стереотипы.

В глазах и теоретиков радикально-революционного и антидемократического крыла русской социал-демократии Австро-Венгрия предстала в нескольких ипостасях. Во-первых, как империя, которой был присущ как социальный, так и национальный гнет. Во-вторых, в их глазах это была монархия, подавлявшая политические свободы, хотя и более свободная, по сравнению с Российской монархической империей. В-третьих, несмотря ни на что, это был геополитический противник Российской империи и ее враг на поле боя. В-четвертых, пытаясь представить себе возможное развитие событий после войны, большевики изначально негативно отнеслись к различного рода среднеевропейским организациям, в которых подсознательно видели препятствие для политики Российского государства, каким бы оно ни было по свой форме и социальной сути. В-пятых, возможный вариант решения межэтнических и межгосударственных противоречий в южной части Средней Европы — на Балканах вслед за социал-демократами региона они видели в создании социалистической федерации.

Идеологи большевизма с позиций догматического интернационализма XIX века выступали против нового национализма XX века — национализма, ставившего своей целью свободу исключительно своего этноса-нации за счет других наций-этносов.

[1] *Писарев Ю.А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1905—1914. М., 1962. С. 7, 8. Также см. и более позднюю работу Писарева, ценную обширным историческим материалом, однако базирующуюся на тех же идеологических и методологических принципах: *Его же.* Образование югославского государства. Первая мировая война. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов. М., 1975.

[2] *Горяинов А.Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920—1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 147.

[3] Напр., см.: *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24; *Его же.* О праве наций на самоопределение // Там же. Т. 25; *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос // *Сталин И.* Сборник избранных статей и речей. М., 1938.

[4] Напр., см.: Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина. М., 1978. Ч. 1. В работах Маркса, Энгельса и Ленина очень большое внимание уделяется Австрийской и Австро-Венгерской империи в целом.

[5] Напр., см.: *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии в начале XX века. М., 1959; *Его же*. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972; *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859—1973 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970; Освободительные движения народов Австрийской империи: возникновение и развитие, конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи: период утверждения капитализма. М., 1981.

[6] *Фрейдзон В.И.* К теории этнических процессов // Советское славяноведение. 1981. № 5.

[7] Напр., см.: Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология, 1960-е—1990-е годы. М., 2003.

[8] *Улунян Ар.А.* Коминтерн и геополитика: балканский рубеж, 1919—1938. М., 1997. С. 19.

[9] Там же. С. 26, 27.

[10] *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 238, 241.

[11] Напр. см.: История Второго Интернационала. М., 1966. Т. II. С. 315—504; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 25—42, 140—176; *Митрохин Н.А.* Русская партия и движение русских националистов в СССР, 1953—1985. М., 2003. С. 41—94; *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 125—166; *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. М., 2002; *Улунян Ар.А.* Балказия и Россия: структура национальной безопасности Российской империи на Балканах, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900—1914). М., 2002. С 140, 145; *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо....»: Запад и военная элита России, 1900—1914. М., 2001; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века: от русско-французского союза до Октябрьской революции М.: Междунар. отношения, 1999; Мировые войны XX века. М.: Наука, 2002. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк; Война и общество в XX веке. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002; *Яси О.* Распад Габсбургской монархии: пер с англ. М., 2011.

[12] См.: *Хобсбаум Э.* Век империи, 1875—1914: пер. с англ. М., 1999; *Его же*. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век: пер. с англ. М., 2004; *Геллнер Э.* Нации и национализм: пер. с англ. М., 1991; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: пер. с англ. М., 2001; *Смит Э.Д.* Национализм и историки // Нации и национализм: пер. с англ. М., 2002 и др. Заметим, что подробный анализ сути и особенностей концепций этих ученых не входит в в данном случае в нашу задачу.

[13] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 83. Также см.: Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 522—525.

[14] Цит. по: *Соболев Г.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 212.

[15] Цит. по*: Стојановић Н.* Југословенски одбор (чланци и документи). Загреб: Нове Европе, 1927. С. 6, 7. Также см.: *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Povodom četrdesetgodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb: JAZU, 1956. S. 206—213, 216—221, 224—229, 237, 238; [*Југославикус*]. Борба словенаца за Југославију: (Др. Крек, Др. Корошец и другови у аустријском парламенту). Београд, 1934. С. 32. О позиции «правых кадетов» по балканским проблемам, напр., см.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 382, 383. Известный русский философ и писатель Федор Степун вспоминал: «Славянского вопроса для леворадикальной интеллигенции так же не существовало, как и вопроса Константинополя и Дарданелл» (*Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. London: Overseas Publications Interchange. 1990. Т. I. С. 334).

[16] В данном случае мы оставляем за скобками историю идейно-политических противоречий и личных взаимоотношений Троцкого с Лениным и большевиками.

[17] См.: *Улунян Ар.А.* Коминтерн и геополитика... С. 39—42.
[18] *Нюркаева А.З.* Балканы во взглядах Л.Д. Троцкого. Пермь, 1994.
[19] Напр., см.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 295—605; *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI в. М.: Ин-т права и публичной политики, 2002. С. 61—144; *Его же.* Австро-Венгрия и Балканы глазами теоретиков российских социалистов накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2011. № 1. С. 33—45; *Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А.* «Не подлежит оглашению»: военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003. С. 109—158, 205—298, 352—425; *Улунян Ар.А.* Балказия и Россия. Из материалов источников см.: Мировые войны XX века. Первая мировая война. М., 2002. Кн. 2: Документы и материалы. С. 92, 100; *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники, 1914—1919 // *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. С. 235, 237—239, 244, 245; *Карпович М.* Русский империализм или коммунистическая агрессия // Новый журнал. 1951. Т. 25. С. 262; *Родзянко М.В.* Крушение империи. N.Y., 1968. С. 104; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 385.
[20] *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 2. С. 290, 291.
[21] Там же. С. 291.
[22] Там же. С. 296.
[23] Там же. С. 303—306.
[24] Там же. С. 314. О взглядах австромарксистов и концепции «культурно-национальной автономии» см.: Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партейтаге: пер. с нем. Киев; Пб.: Серп, 1906; *Синоптикус.* Государство и нация. СПб., 1906; Формы национального движения в современных государствах / под ред. А.И. Кастеланского. СПб., 1910. Т. I—II; *Романенко С.А.* Югославянский вопрос во взглядах социал-демократов Австро-Венгрии // Нации и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX века. М., 1991; *Чуркина И.В.* Программа культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4—5, С. 70—81; *Redžić E.* Austromarksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd: Narodna knjiga, 1977.
[25] Программа по национальному вопросу была принята в сентябре 1899-го на съезде Объединенной социал-демократической партии Австрии в Брюнне (ныне Брно). Первая в истории попытка свести воедино и взаимоувязать программные требования социалистов в области межнациональных отношений. Съезд отклонил представленный южнославянской организацией (Югославянская СДП, Этбин Кристан) проект программы культурно-национальной автономии и утвердил проект ЦК, выдвигавший на первый план национальное самоуправление по территориальному признаку. См.: Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партейтаге.
[26] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. С. 315.
[27] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259.
[28] Там же. С. 292.
[29] Там же. С. 270, 271.
[30] См.: *Улунян Ар.А.* Коминтерн и геополитика ... С. 29—33.
[31] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 355.
[32] Там же. Т. 25. С. 270.
[33] Там же. Т. 22. С. 138.
[34] Там же. С. 142.
[35] Там же. Т. 23. С. 38.
[36] Об этом, напр., см.: *Романенко С.А.* Австро-Венгрия и Балканы глазами теоретиков российских социалистов накануне Первой мировой войны.
[37] Там же. Т. 25. С. 260.

[38] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 5. См. также: Там же. С. 16.
[39] Там же. С. 16, 17.
[40] Там же. Т. 25. С. 262.
[41] Там же. Т. 26. С. 25.
[42] Там же. С. 162.
[43] Там же. С. 240, 241.
[44] Там же. Т. 49. С. 118.
[45] Там же. Т. 26. С. 214.
[46] Там же. Т. 30. С. 191.
[47] *Троцкий Л.* Сочинения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. IX. С. 45.
[48] Там же. С. 79—81.
[49] Напр., см.: *Филиппов М.* Хорваты. СПб., 1890; *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Варшава, 1894; Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. I—II; Венгерско-хорватское соглашение 1868 г.: краткий ист. очерк и пер. с примечаниями. СПб., 1910; Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. Т. I—II; *Крюков Н.А.* Славянские земли. Сельское хозяйство в славянских землях в связи с общим развитием этих стран. Пг., 1914. Т. 1; *Березин Л.В.* Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница: в 2 т. СПб., 1879. Т. 1—2; *Василевский Л.М.* Австро-Венгрия. Политический строй и национальный вопрос. СПб., 1906; *Витте Е.* де. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Шамордино, 1912; *Липовский А.Л.* Хорваты: очерк. СПб., 1900; *Погодин А.Л.* Краткий очерк истории славян. М., 2003; *Его же.* Славянский мир: политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915; *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. См. также: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871; *Лавров П.А.* Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб., 1909; *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство М., 1876; *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика Извольского. СПб., 1910; и др.
[50] *Троцкий Л.* Сочинения. Т. IX. С. 3—4; *Его же.* Моя жизнь. М., 2001. С.229.
[51] *Троцкий Л.* Сочинения. Т. IX. С. 4, 5.
[52] Там же. С. 5, 6.
[53] Там же. С. 87.
[54] Там же. С. 207.
[55] Там же. С. 208, 209.
[56] Там же. С. 209, 210.
[57] Там же. С. 210.
[58] *Гюстав Эрве (Hervé)* (1871—1944) — французский политический деятель. В 1916 г. исключен из Социалистической партии Франции.
[59] *Троцкий Л.* Сочинения. Т. IX. С. 211.
[60] Там же. С. 212.
[61] Там же. С. 214.
[62] Там же. С. 215.
[63] Там же. С. 221, 222.
[64] Имеются в виду Великобритания, Франция, Россия и Италия.
[65] *Троцкий Л.* Сочинения. Т. IX. С. 223, 224.
[66] Там же. С. 224.
[67] *Потресов А.Н.* Война и вопросы международного демократического сознания. Пг., 1916. Вып. 1. С. 69.
[68] *Зиновьев Г.* Тройственный союз и Тройственное согласие. Пг., 1917. С. 3, 7.
[69] Там же. С. 17,18.
[70] *Зиновьев Г.* Австрия и мировая война. Пг.: Изд-во Петроград. Совета раб. и солд. депутатов, 1918. С. 31—33.

[71] Там же. С. 40, 41.
[72] Там же. С. 46.
[73] Цит. по: Там же. С. 43.
[74] Там же. С. 47. *Фридрих Нуманн (Naumann) (1860—1919)* — германский либеральный политик и протестантский теолог. В книге «Срединная Европа» (*Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin: Reimer, 1916) выступал за объединение региона под главенством Германии. *Франц фон Лист (Franz von Liszt*) (1851—1919) — известный немецкий юрист, специалист в области международного права, глава социологической школы в уголовном праве.
[75] *Зиновьев Г.* Австрия и мировая война. С. 48.
[76] Там же. С. 50, 51.
[77] Там же. С. 54.
[78] Там же. С. 81—84.
[79] Там же. С. 84, 85.
[80] Там же. С. 87—93.
[81] Там же. С. 93.
[82] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 50, 68.
[83] Там же. Т. 32. С. 11, 12, 16.
[84] Там же. Т. 34. С. 98—107.
[85] *Троцкий Л.Д.* Программа мира // *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 123.
[86] Там же. С. 137.
[87] *Каменев Ю.* [Каменев Л.Б.] Империализм и Балканская республика. Пб.: Прибой, 1917. С. 6. См. также хорв. пер.: *Radošević M.* Hrvatsko pitanje. Bolševizam i Jugoslavija: Socijalno-politička rasprava. Zagreb: Tisak jugoslovenske štampe D.D., 1925. S. 35.
[88] *Каменев Ю.* [Каменев Л.Б.] Империализм и Балканская республика. С. 7, 8.
[89] Там же. С. 20, 21.
[90] Там же. С. 21, 22.
[91] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля — 26 октября 1917 г. Л.: Наука, 1991. Т. 1: 27 февраля — 31 марта 1917 года. С. 554.
[92] Там же. С. 471.
[93] Там же. М., 2002. Т. 3. С. 220.
[94] *Артуро Лабриолоа (Labriola) (1873 — 1959)* — итальянский социалист и журналист.
[95] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 246.
[96] См.: Европейское социалистическое движение, 1914—1917: разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 124, 125; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 585—597; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М.: Наука, 1974. С. 366—368.

В.М. Кабузан

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ И КОСОВО В XIX–XX ВВ.

Автор рассматривает динамику размещения и этнического состава населения Абхазии и Косово на протяжении XIX—XX вв. и ставит вопрос о правомерности границ этих территорий.

Ключевые слова: межэтническая неприязнь, прирост населения, коренная национальность, основной этнос, религия.

Абхазия и Косово относятся к тем территориям Европы, где на протяжении XIX—XX вв. отмечаются радикальные изменения в размещении и этническом составе населения. Эти изменения оказались настолько масштабными и настолько изменили национальный состав проживающего здесь населения, что на повестку дня был поставлен вопрос изменения политических границ этих территорий. Встал вопрос о том, в состав каких государственных образований должны входить эти территории. Имеют ли право сами жители этих земель определить свою судьбу или господствующим останется принцип нерушимости когда-то возникших границ, совершенно не отвечающих современному расселению народов. В конечном счете, на повестку дня вновь был поставлен сформировавшийся в XIX в. вопрос — законен ли принцип «Один народ — одно государство» и вправе ли жители тех или иных территорий решать свое политическое будущее.

Ныне в мире господствует принцип нерушимости когда-то возникших и законодательно закрепленных политических границ. Мнения же конкретных индивидов абсолютно не принимаются во внимание.

Но даже в Европе сложилось такое положение, когда этнические и политические границы оказались далеко не всегда совмещенными, а отдельные народы вообще не имеют своей государственности (баски, фризы, саамы), другие же лишь частично смогли объединиться в одно государственное образование (русские, австрийцы, немцы, венгры, сербы и т.д.). Еще сложнее оказалась такая ситуация, когда сформировавшиеся в прошлом политические рубежи со вре-

менем перестали соответствовать этническим, превратились в анахронизм, способствовали разжиганию межэтнической неприязни, но продолжали и продолжают свое существование. В частности, такое положение вещей существует ныне в Абхазии и Косово.

По большому счету на просторах бывшего СССР сложилась после его распада такая ситуация, когда титульные нации получили право на любые действия для утверждения своего господства независимо от национального состава населения. Нетитульное население, даже абсолютно преобладающее на той или иной территории в течение длительного периода и нередко даже являющееся коренным по отношению к титульному, лишилось прав даже на национально-культурную автономию, не говоря уже о политической независимости. И это произошло в условиях, когда титульные этносы даже не составляли абсолютного большинства в населении (Казахстан, Латвия). Этот распад не учел нигде мнения абсолютного большинства проживающего в СССР населения.

Остановимся на этнографической ситуации в Абхазии и Косово в динамике в XIX—XX вв., ибо здесь как в капле воды наиболее выпукло отразились несовершенство и непоследовательность взглядов, господствующих в наши дни по проблеме права наций на самоопределение и возможность проживать в составе единого государственного образования.

АБХАЗИЯ

Абхазское княжество вошло в состав России в 1810 г. и состояло из 5 округов: Пицундского, Дранского, Цебельдинского, Окумского и Очемчирского. 10 апреля 1840 г. при создании Грузино-Имеретинской губернии Абхазия вошла в ее состав[1]. В 1857 г. Абхазия (в составе Бзыбского, Абхазского, Абживского, Цебельдинского округов) была присоединена к Кутаисской губернии. Несколько ранее, в 1848 г., туда же вошли Самурзаканский округ и г. Сухум-Калс (из состава ведомства Черноморской береговой линии)[2]. Таким образом, с этого времени вся территория Абхазии оказалась в составе единого административного образования.

В начале 60-х годов XIX в. в Абхазии, Мегрелии и Сванетии была ликвидирована власть местных феодалов и установлено непосредственное русское управление[3].

10 августа 1865 г. вся территория будущей Абхазии (в современных границах) вошла в состав Кутаисского генерал-губернаторства и составила с ним Сухумский отдел, разделенный на 4 округа: Пи-

цундский, Окумский (бывший Самурзаканский), Цебельдинский и Сухумский. 27 мая 1868 г. Сухумский отдел разделяется на два округа: Пицундский и Очемчирский. Цебельдинский же округ становится самостоятельным. 12 июня 1883 г. Сухумский отдел непосредственно включается в состав Кутаисской губернии[4], где и остается до 1903 г., когда стал самостоятельным.

В феврале 1921 г. была создана Грузинская ССР, в состав которой вошли Тифлисская, Батумская, Кутаисская губернии, Сухумский и небольшая часть Сочинского округов (17 уездов и 534 волости). 4 марта 1921 г. была образована Абхазская АССР из Сухумского и небольшой части Сочинского округов. 11 декабря 1921 г. Абхазия была включена в состав Грузии[5], где и оставалась до начала 90-х годов, когда объявила о своем выходе из этого государственного формирования и провозгласила свою независимость.

Таким образом, территория современной Абхазии (с Самурзаканью и г. Сухумом) сформировалась лишь с середины 60-х годов XIX в. Это означает, что за всю первую половину XIX в. при анализе движения населения Абхазии в сопоставимых границах необходимо включать в ее состав жителей г. Сухума и Самурзаканского округа.

На территории Абхазии до 1897 г. не производилось переписей населения. С 1810 г. русская администрация осуществляла здесь приблизительный учет числа жителей. В 1811 г. в Абхазии было учтено около 30 тыс. чел.[6], а в 1835 г. — 52,3 тыс.[7] Подробные камеральные описания на территории Абхазии были произведены только в 1874 г. и 1888 г.[8] (соответственно 70,7 и 77,1 тыс. чел.), за которыми последовали научно-организованные переписи населения (с 1897 г.).

В существующей литературе долгое время использовались без критического анализа все сохранившиеся источники по Закавказью о всем его населении и Абхазии, в частности. Лишь советский историк К.Д. Антадзе первый в этой области осуществил критический анализ всей совокупности источников до 1897 г. (первой научной переписи) на сопоставимой территории. Это позволило ему привести уточненные цифры численности и этнического состава жителей Закавказского региона в XIX в. включая и Абхазию. А за период с 1897 по 1898 г. нами используются уже опубликованные (и архивные — по переписи 1939 г.) источники переписей населения без какой-либо корректировки.

Табл. 1 демонстрирует динамику численности и этнического состава жителей Абхазии (в современных границах) в XIX—XX вв. (с 1801 по 1989 г.). Естественно, что данные эти до 1897 г. являются сугубо ориентировочными. Но и они, по нашему мнению, достаточно достоверно характеризуют сущность протекающих здесь демографических процессов.

Таблица 1. **Национальный состав населения Абхазии в XIX—XX вв. (тыс. чел., %)**

Народы	1800	1833		1864		1867		1897		1905		1939		1959		1989	
		Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Всего	75,0	77,3	100,0	93,0	100,0	73,1	100,0	106,2	100,0	134,5	100,0	311,9	100,0	404,7	100,0	525,1	100,0
В том числе:																	
абхазы	60,0	55,0	71,2	66,0	71,0	46,1	63,1	58,7	55,3	72,9	54,2	56,2	18,0	61,2	15,1	93,3	17,8
грузины	15,0	20,0	25,9	24,0	25,8	24,0	32,8	25,7	24,2	38,9	28,9	92,0	29,5	158,2	39,1	239,9	45,7
русские	—	—	—	—	—	—	—	5,2	4,9	1,2	0,9	60,2	19,3	86,7	21,4	74,9	14,3
армяне	—	2,3	2,9	3,0	3,2	3,0	4,1	6,6	6,2	15,9	11,8	49,7	15,9	64,4	15,9	76,5	14,6
греки	—	—	—	—	—	—	—	5,4	5,1	2,4	1,8	34,6	11,1	9,1	2,2	14,7	2,8
украинцы	—	—	—	—	—	—	—	0,8	0,8	...	...	8,6	2,8	11,5	2,8	11,7	2,2
прочие	—	—	—	—	—	—	—	3,8	3,5	3,2	2,4	10,6	3,4	13,6	2,9	14,1	2,6

Источники: *Евецкий О.С.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 27; *Антадзе К.Д.* Население Грузии в XIX веке: ист.-демогр. исследование: автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра ист. наук. Тбилиси, 1974. С. 20, 21; *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. С. 27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. СПб., 1904. Вып. 17. С. 10—18; *Фон-Дервиз Н.В.* Сухумский округ. Тифлис, 1906. (Записки Кавказского отдела Русского географического общества; кн. 25, вып. 8). С. 19; Архив Госкомстата СССР. Фонд переписи 1939 г. Д. 42. Л. 1—6; Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. Грузинская ССР. М., 1962; Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюз. переписи населения 1989 года. М., 1991.

Мы видим, что на протяжении XIX в. (в 1801—1897 гг.) в Абхазии несколько понижается удельный вес абхазов (с 80% до 55%) и грузин (с 25% до 24%) при общем росте численности грузин (с 15 до 26 тыс. чел.)[9]. Кроме того, в регионе уже на рубеже XIX в. проживало небольшое число армян (1830 г. — около 3% всего населения, 1897 г. — более 6%). Здесь появляется значительное число греков (1897 г. — 5%), украинцев (1897 г. — около 1%), евреев, русских (1897 г. — 5%) и прочих жителей[10].

Грузины издавна составляли значительную часть населения Абхазии, абсолютно преобладая в Самурзаканском округе (в середине XIX в. — около 16 тыс. чел., в 1864 г. — 24 тыс., в 1886 г. — 30 тыс. чел., в 1905 г. — 31 тыс. чел.). На прочей территории Абхазии абхазы доминировали. Кроме того, в Абхазию с рубежа XX в. осуществляется мощный приток мигрантов из соседней Мегрелии (в 1905 г. их было здесь 7,5 тыс. чел.)[11]. Они также размещались в основном в соседнем с ней Самурзаканском округе (ныне Гальский и Очемчирский районы).

Исключительно слабый в XIX в. прирост абхазского населения был обусловлен его почти постоянным отливом в Турцию. Если в 1810 г. абхазов насчитывалось в Абхазии 60 тыс., то в 1833 г. — 55 тыс. чел., в 1864 г. их численность поднялась до 66 тыс., а в 1867 г. достигала только 46 тыс. чел. В 1873 г. их насчитывалось 61 тыс., а в 1886 г. — только 35 тыс. И лишь в 1897 г. их численность возросла до 59 тыс. чел., не поднявшись до уровня начала XIX в.[12] По имеющимся данным, в 1810 г. Абхазию покинуло 5 тыс., в 1829 г. — 10 тыс. и в 1854 г. — 20 тыс. абхазов[13]. Еще более выросла эмиграция абхазов-магометан в связи с окончанием Кавказской войны. В результате махаджирства в 60—70-х годах XIX в. из Абхазии выехало в Турцию около 80 тыс. чел.[14] Сокращению населения в регионе способствовали работорговля в годы турецкой оккупации, последующие вторжения турецких войск, действия царских карательных экспедиций, голод, эпидемии болезней и т.д.

Так, к 1877 г. в Абхазии проживало 76 тыс. чел., из которых в 1877 г. в Турцию выехало около 32 тыс. Особенно сильная эмиграция шла из Гумистинского участка Пицундского округа (10 тыс. чел.), из Гудаутского участка того же округа — более 17 тыс. чел., из Кодорского участка Очемчирского округа — более 6 тыс. чел.[15] Много абхазов затем вернулось на родину после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Так, к 1881 г. в Абхазию возвратилось более 13 тыс. чел.[16]

Освобожденные земли заселяли армяне, греки, грузины и другие народы. Особенно сильно доля грузин возросла здесь к 1905 г. (до 29%, или 39 тыс. чел.).

К 1939 г. удельный вес абхазов Абхазии резко понижается до 18% общего народонаселения и остается таким и к концу 80-х годов XX в.

Таблица 2. **Удельный вес народов Абхазии в 1959 г., % к итогу**

Районы	Русские	Украинцы	Грузины	Армяне	Абхазы	Греки	Прочие
Сухумский	25,7	3,3	38,0	19,8	3,7	5,0	4,5
г. Ткварчели	42,6	6,3	21,5	3,5	20,1	1,0	5,0
Гагринский	31,0	4,0	19,7	34,9	4,4	0,8	5,2
Гальский	5,0	1,0	90,9	1,2	0,7	0,3	0,9
Гудаутский	20,9	2,2	11,8	17,8	43,9	1,1	2,3
Очемчирский	9,5	1,6	39,6	8,9	38,3	0,3	1,8
Итого*:							
русские	25,8	2,8	39,1	15,9	15,1	2,2	3,5
русскоязычные	21,4						

*Русские абсолютно преобладали в г. Ткварчели: грузины – в одном районе (Гальском) абсолютно и в двух (Сухумском и Очемчирском) относительно; армяне – относительно в Гагринском; абхазы – относительно в Гудаутском.

Источник: Архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. Перепись 1959. Оп. 1. Д. Абхазская АССР. Л. 1—5.

(в 1989 г. — 18%). Абсолютная же их численность с 1905 по 1989 г. возросла с 54 до 98 тыс. чел. А у грузин в результате исключительно мощной миграции отмечается тогда же прирост с 29% до 46% (с 39 до 249 тыс. чел.)

Очень сильно повышается в 1897—1989 гг. доля русских (с 5% до 14%) и армян (с 6% до 15%).

Как показывает табл. 2, в 1959 г. абхазы абсолютно преобладали только в Гудаутском районе (44% всех жителей) и были значительны в Очемчирском (38%) и Ткварчельском (20%) районах. Грузины же абсолютно доминировали в Гальском (91%) и были значительны в Очемчирском (40%) и Сухумском (38%) районах. Русских оказалось много в Гагринском (31%), Сухумском (26%) и Гудаутском (21%) районах и в г. Ткварчели (43%). Армяне относительно преобладали в Гагринском районе (35%).

В целом, в численности основных этносов Абхазии в XIX—XX вв. произошли огромные изменения. Доля абхазов с 1801 по 1989 г. сократилась с 80% до 18% (число возросло с 60 до 93 тыс. чел.), а грузин — выросла с 20% до 46%, и они превратились в численно преобладающий этнос. Удельный вес русских и армян к началу 90-х годов XX в. составлял у каждого этноса по 15%.

Однако в расселении грузин и абхазов радикальных изменений не произошло. Грузины все время доминировали на юге в Гальском и находились на первом месте в Очемчирском и Сухумском районах.

Абхазы преобладали на севере (в Гудаутском) и были значительны в Очемчирском округе и в г. Ткварчели.

В 90-е годы Абхазия объявила о независимости. Большая часть грузин была вынуждена покинуть ее. Уехала и основная часть русских и греков. В регионе стали абсолютно преобладать абхазы и остались на своих местах армяне.

Ныне уже нет реальной возможности для сохранения Абхазии в составе Грузии. И в этих условиях единственным подлинно демократическим решением вопроса, по нашему мнению, является территориальное размежевание региона по национальному признаку. Гальский и Очемчирский районы (в основном бывший Самурзаканский округ) должны войти в состав Грузии, а остальные территории — образовать независимую Абхазию, в которой кроме абхазов будут проживать русские и армяне. Никакое другое решение проблемы в существующих условиях следует считать неосуществимым. Для полного завершения конфликта необходим референдум, который и определит судьбу районов Абхазии, причем в нем должны участвовать все жители (и их потомки), проживающие здесь к моменту конфликтов.

КОСОВО

Край Косово уже в XII в. составлял неотъемлемую часть Сербского королевства. Однако после поражения сербов в битве с турками на Косовом Поле 15 июля 1389 г. этот регион вместе со всей Сербией утратил свою независимость. Сербия становится вассалом Турции, а в 1459 г. входит в состав Османской империи.

Это привело к массовой миграции отсюда сербов в пределы Венгерского королевства в XVI—XVIII вв. В конце XVII в. регион покинуло около 37 тыс. сербских семей, переселившись на земли, получившие позже название Воеводины. Массовое переселение сербов туда продолжалось и в XVIII—XIX вв.[17] А на освободившиеся земли хлынул мощный поток албанцев и турок. При этом большинство албанцев и многие сербы в XVII—XVIII вв. переходят в ислам.

Лишь в 1913 г. по условиям Лондонского договора Косово вошло в состав Сербии и Черногории. Затем в 1918 г. оно было включено в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославии). В 1945 г. оно выделяется здесь в особую область, а в 1963 г. — автономный край в границах Сербии. В начале 90-х годов Сербия ликвидировала эту автономию края, но в ходе освободительной войны албанское население Косова в начале XXI в. фактически обрело независимость.

Однако новая сербская конституция 2006 г. не признает эту независимость, предоставляя Косово лишь широкую внутреннюю автономию.

В XIX—XX вв. на территории Косово неоднократно производились исчисления и демографические переписи населения (в 1870, 1920, 1961, 1971, 1991 гг.), которые позволяют проследить изменения в численности и этническом составе населения этого региона и сопредельных территорий (см. табл. 3—4). Они достаточно подробно исследованы в научной литературе[18].

Табл. 3 показывает, что в 70-е годы XIX в. в Косово уже преобладало мусульманское население (244 тыс. чел., или 60% всех жителей)[19]. Доля его оказалась максимальной в округах: Приштина (69,6%), Призрен (68,8%), Никитра (64,4%) и Джаковица (61,5%). А минимальной она была в северных округах Митровица Косовская (30%), Гусинья (43,5%) и Гнилане (46,3%). В соседней же Македонии на долю мусульман приходилось тогда лишь около 28% всех жителей, а христиан — более 72%. Удельный вес первых оказался максимальным в округах Дибра (63,4%), Тетово (47,0%), Охрид (42,6%), Малешевка (38,2%), Куманово (39,1%), Келво (33,5%). А минимальным он был в Штипе (9,1%), Паланке (19%) и Разене (13,2%).

Интересно, что среди сербов в 70-е годы XIX в. в Косово христиане достигали только 45% и преобладали мусульмане. Христиане-сербы доминировали в округах: Митровице (75% всего населения), Гниляне (59,8%), Никитре (59,4%), Гусинье (64,3%) и Пече (54,5%). Мусульмане же сербы составляли большинство в Джаковице (94%), Приштине (52%) и Призрене (71,4%).

По отношению ко всему населению Косовского края сербы достигали 74,5%, но среди них численно преобладали мусульмане (около 40% всего населения). Эта категория жителей могла быть отнесена к сербам уже тогда с некоторой долей оговорок. Она находилась в этнически переходном состоянии, постепенно сливаясь с албанцами-магометанами. В отличие от соседних славянских этносов, эта категория жителей составила в регионе мусульманскую ветвь сербского этноса, как это было у болгар (существовала группа так называемых помаков). Не составила она из-за своей малочисленности и особый, новый (как это было в Боснии) славянский этнос — босняков.

По существу, сербы-мусульмане в Косово к началу XX в. окончательно превратились в албанцев, сменив не только веру, но и свой язык. Албанцы по языку в 1878 г. достигали примерно 20% всего населения края. Это были в основном мусульмане, но среди них проживало около 17 тыс. христиан (4% населения региона). Больше всего их было учтено в округах Дьяковице (25% всех албанцев) и Призрене (40%).

Таблица 3. **Численность и этнический состав населения Косовского региона в 1870—1990 гг., тыс. чел., %**

Народы	1870		Всего	1920	1961	1971	1991	2007*, %
	Христиане	Мусульмане		ВСЕГО				
Сербы	135,7	162,3	298,0	247,0	227,0	228,0	300,0	...
%	34,0	40,0	74,5	50,5	29,5	19,6	15,3	5,0
Албанцы	16,7	62,8	79,5	242,5	647,0	916,0	1700,0	...
%	4,2	15,7	19,9	49,5	67,1	71,8	86,9	90,0
Турки	0,1	9,8	9,9	—	—	—	—	—
%	—	2,5	2,5	—	—	—	—	—
Цыгане	6,0	5,5	11,5	—	—	—	—	—%
%	1,3	1,6	2,9	—	—	—	—	—
Прочие	—	—	—	—	—	—	—	5,0
Всего	160,3	240,4	400,7	490,0	964,0	1224,0	1956,0	...
%	40,0	60.0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* По последним данным, албанцы-косовцы достигают 90% численности всех жителей Косово, сербы – 5%, босняки – 3 %, цыгане – 1% и турки – 1 % (см.: Косово: помирятся ли албанцы с сербами // Известия. 2007. 15 июля (№ 128). С. 4).

Источники: Gopčević S. Die Ethnographischen Verhältnisse Makedoniens und Altserbiens // Dr. A. Petermann's Mittheilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt. Gotha, 1889. Bd. 35. S. 57—68; *Winkler W.* Statistisches Handbuch der europäischen Nationalitäten. Wien; Leipzig. 1931. S. 208, 209; Население земного шара: справочник. М., 1965. С. 1—119; *Брук С.И.* Население мира: этнодемогр. справочник. М., 1981. С. 354; Восточная Европа: путеводитель. Тверь, 1997. С. 38, 76, 272, 273, 774.

Таблица 4

Численность и этнический состав населения Македонии в 1870—1994 гг., тыс. чел. (границы современные)

Народы	1870*	1910	1961	1978	1994
Всего	759,4	973,5	1406,0	1647,0	1936,9
В том числе:					
македонцы	597,6	600,0	1001,0	1142,0	1317,1
%	78,7	61,7	71,2	69,3	68,0
сербы	—	—	43,0	46,0	96,8
%	—	—	3,1	2,8	4,9
албанцы	61,3	180,0	183,0	280,0	400,0
%	8,1	18,5	13,0	17,0	20,7
турки	42,9	130,0	132,0	109,0	65,9
%	5,6	13,4	9,4	6,6	3,4
прочие	57,6	53,5	47,0	70,0	57,1
%	7,6	5,4	3,3	4,3	3,0
Сверх того македонцев:					
на остальной части бывшей Югославии	...	...	44,0	53,0	60,0
в Болгарии	...	290,0	190,0	230,0	203,3
в Греции	...	250,0	150,0	150,0	50,0
в Албании	...	15,0	10,0	15,0	5,0
В Америке	—	—	—	10,0	5,0
Всего	...	1115,0	1395,0	1590,0	1635,0

* *Gopčević S.* Die Ethnographischen Verhältnisse Makedoniens und Altserbiens // Dr. A. Petermann's Mittheilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt. Gotha, 1889. Bd. 35. S. 57—68.

Источники: Ishirkoff A. Bulgarien: Land und Leute. Leipzig, 1917. T. II. S. 20, 21; Mitteilungen aus Justus perthes geographishoen Anstalt. Jg. 59. Gotha, 1913. II. Hlbd. S. 343; Население земного шара: справочник по странам. М., 1965. С. 119; *Брук С.И.* Население мира: этнодемогр. справочник. М., 1981. С. 354; Восточная Европа: путеводитель. Тверь, 1997. С. 38, 76, 272, 273, 274.

Турки составляли почти 3% жителей Косово (около 10 тыс. чел.). Все они были мусульманами. Почти столько же было и цыган (3% или 12 тыс. чел.) Больше всего турок оказалось в округе Приштина (около 7 тыс. чел). Цыгане же были рассеяны по всей территории края.

Таблица 5

Этнический состав населения Македонии в 70-е годы XIX в., тыс. чел. и % (границы 70-х годов XIX в.)*

Народы	Число	%
Македонцы:		
православные	762,9	65,9
мусульмане	157,0	13,3
итого	926,2	78,6
Албанцы:		
православные	2,6	0,2
мусульмане	58,7	5,0
итого	61,3	5,2
Турки:		
православные	4,0	0,3
мусульмане	111,9	9,5
итого	115,9	9,8
Греки		
православные	7,1	0,6
Цингары:		
православные	44,5	3,8
Цыгане:		
православные	7,7	0,7
мусульмане	6,8	0,5
итого	14,5	1,2
Евреи-иудаисты	7,8	0,7
Всего	1177,3	100,0
В том числе:		
православные	835,1	70,9
мусульмане	334,4	28,4
евреи	7,8	0,7

Источники указаны в примечаниях к табл. 4.

В последней четверти XIX — XX в. в Косово за счет ассимиляции сербов и притока албанцев извне резко возрастает число и удельный вес последних. К 20-м годам XX в. доля их здесь почти достигает 50% общего народонаселения и фактически уровнялась с сербами.

А затем она еще более и более повышается: 1920 г. — 243 тыс. чел., 1961 г. — 647 тыс. чел. (67%), 1971 г. — 916 тыс. чел. (72%), 1991 г. — 1,7 млн. чел. (87%), в 2007 г. — 90%.

А сербов в начале 90-х годов XX в. в Косово проживало столько же, сколько и к 70-м годам XIX в. (около 300 тыс. чел.), и они сохранили численное преобладание только в округе Косовская Митровица, на севере региона, примыкающем к Сербии. Удельный вес их падал очень быстро: 1878 г. — 75% всего населения, 1920 г. — 51%, 1961 г. — 30%, 1971 г. — 20%, 1991 г. — 15%, 2007 г. — 5%.

В 1991 г. в Косово перепись учла около 2 млн. чел., из которых 1,7 млн. приходилось на долю албанцев. Сербские власти, пытаясь сохранить этот регион в составе Сербии, предприняли против албанцев ряд репрессивных мер, направленных в основном на изгнание из края нелояльных сербскому режиму албанцев. С начала 1991 г. по май 1998 г., то есть до начала вооруженного конфликта, край покинуло около 400 тыс. албанцев[20]. Затем, за год, с марта 1998 по 24 марта 1999 г. (день начала бомбардировок Югославии силами НАТО), еще около 400 тыс. чел. выехало из Косова в Албанию.

Массовый же исход начался после 24 марта 1999 г. Общее же число беженцев за год вооруженного конфликта достигло 830 тыс. чел. (около 50% всего албанского населения края). Все они позже вернулись на постоянные места проживания.

Таким образом, в 90-е годы XIX в. — XXI в. Косовский край уже являлся албанской этнической территорией, где сербы составляли относительно немногочисленную группу населения, которая размещалась на севере региона и в ряде небольших анклавов (около 300 тыс. чел., или 15% всего населения). Ныне она еще более уменьшилась.

А в соседней Македонии ситуация оказалась иной[21]. В 70-е годы XIX в. македонцы составляли около 79% общего населения региона (926 тыс. чел.), среди которых православных было абсолютное большинство (около 77 тыс. чел., или более 69% жителей). В 1994 г. доля македонцев понизилась до 68%, но они достигали более двух третей всего населения. Доля албанцев (с турками) с 1878 по 1994 г. повысилась с 14% до 24%, но они преобладают лишь на ограниченной территории Македонии, примыкающей к границам Албании (Охрид, Дебер) и Косово (Тетово, Скопье). Поэтому они добились в Македонии лишь внутренней автономии в районах их преимущественного проживания. В Македонии в 60-е годы XX в. появляется быстро растущее сербское этническое меньшинство, но его удельный вес остается небольшим (1961 г. — 3,1%, 1978 г. — 2,8%, 1994 г. — 5% общего народонаселения).

Таким образом, в этническом, и, как результат, в политическом отношении Косово ныне можно считать утраченной для сербов террито-

рией, где некогда они абсолютно преобладали. В сущности, сербским остался лишь северный участок региона (Косовская Митровица).

В этих условиях единственно приемлемым решением этой проблемы можно считать предоставление албанцам Косова полной независимости и создания своего отдельного государственного образования. Сербы могли бы получить лишь северную часть Косова, где они все еще преобладают. Но албанцы не желают предоставить им и этой возможности.

К тому же, при таком исходе конфликта, сербы имеют полное право претендовать на другие части сербской этнической территории (Сербскую Крайну в Боснии, бывший Сримерский округ Славонии, Сербскую Крайну в Хорватии). Эти сербские этнические территории были отторгнуты у нее хорватами и боснийцами, а сербское население в значительной своей части изгнано на земли современной Сербии.

Другими словами, то, что было дозволено албанцам Косово, запрещается сербам, причем на исконных сербских землях.

И все это возникло лишь потому, что отсутствует разработанный принцип государственного строительства. В основу нынешнего политического размежевания положен вариант сохранения тех границ, которые некогда возникли в результате факторов, не имеющих ничего общего с размежеванием по этническому принципу. Многие народы хотят объединиться в границах своего проживания. Особенно это касается ущемленных этносов, которые не сумели объединиться в своих этнических рубежах (немцы, русские, венгры, сербы и др.). Однако ясно одно: или сербы должны получить обратно Косово, или они получают возможность объединяться в одном государственном образовании, без большей части Косова, но с частью Боснии и Хорватии, где они проживали компактно, по крайней мере с XVI—XVII вв. Другого решения этой проблемы нет и быть не может.

Таким образом, оценивая в целом возникшую в Абхазии и Косово этнодемографическую и политическую ситуацию, можно прийти к следующим заключениям: этнические и миграционные процессы на этих территориях в XIX—XX вв. привели к тому, что и абхазы, и сербы потеряли здесь значительную часть своей, некогда гораздо большей, этнической территории. Юг Абхазии оказался компактно заселенным переселившемся сюда грузинским (в основном мегрельским) населением. Большая часть сербской этнической территории Косова (кроме северной части) была заселена албанцами и стала албанской. И теперь единственно приемлемым является вариант сохранения за этими этносами того, что еще можно удержать в руках: земель, где они все еще преобладают. А главенствующий ныне принцип сохранения некогда возникших политических границ потерпел крах именно в Косово, да не работает и в Абхазии. В XIX и в первой

половине XX в. подобная проблема решалась просто и абсолютно недемократично. Политически господствующий этнос депортировал с территорий, на которые он претендовал, проживающее там население. В Абхазии это удалось и сейчас, а в Косово — нет. Но независимо от этого, в наши дни эта сложная проблема может быть успешно решена только размещающимся там населением. И хотелось бы верить, что этот принцип будет положен в основу всех существующих и возможных в будущем этнополитических кризисов.

[1] Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1858. Т. 16: [Кавказский край], ч. 5: Кутаисское генерал-губернаторство ... / [сост. Ген. штаба штабс-капитан Лаврентьев]. С. 218.

[2] *Зверинский В.В.* Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 год // Статистический временник Российской империи. Сер. III. СПб., 1887. Вып. 19. С. 82.

[3] *Антадзе К.Д.* Население Грузии в XIX веке: ист.-демогр. исследование: автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра ист. наук. Тбилиси, 1974. С. 7. Далее: *Антадзе*, 1974.

[4] *Зверинский В.В.* Указ. соч.

[5] *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 68, 69.

[6] Рос. гос. воен.-ист. арх. Ф. ВУА. Д. 18494. Л. 14.

[7] *Евецкий О.С.* Стратегическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 24.

[8] *Антадзе*, 1974. С. 10, 11.

[9] См.: *Гугушвили П.В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX веке. Тбилиси. 1949. Т. 1. Груз.; *Исмаил-Заде Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье, 30-е годы XIX — начало XX в. М., 1982; *Ее же*. Население городов Закавказского края в XIX — начале XX в.: ист.-демогр. анализ. М., 1991.

[10] *Антадзе*, 1974. С. 20, 21; *Его же*. Население Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1973. С. 77—80 и др. Груз.

[11] Отмечался процесс так называемого махаджирства — выселения магометанского населения в Турцию с 1810 г. по конец XIX в. Так, если в начале XIX в. в Абхазии абсолютно доминировали магометане (см.: *Евецкий О.С.* Указ. соч. С. 85), то в 1867 г. из 64 тыс. жителей на долю православных приходилось 56,1% (35,8 тыс. чел.), а магометан 43,9% (28,1 тыс. чел). И последние в основном являлись грузинами-самурзаканцами (24 тыс. чел.). См.: Статистический временник Российской империи. Сер. II. СПб., 1875. Вып. 10. С. 42, 43.

[12] *Антадзе*, 1974. С. 20, 21.

[13] *Джейдзария Г.А.* «Махаджирство» и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 3.

[14] *Исмаил-Заде Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье, 30-е годы XIX — начало XX в. С. 121.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 122.

[17] См.: История Югославии. М., 1963. Т. 1.

[18] *Иванова Ю.В.* Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973.

[19] См. примечания к табл. 3.

[20] Здесь и далее см.: *Сысоев Г.* Первый успех России на югославском фронте // Коммерсантъ. 1999. 8 апр. (№ 58). С. 2.

[21] См. примечания к табл. 4.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В.А. Артамонов

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА И ГЕТМАНЩИНА В 1708—1709 ГГ. (К 300-летию победы Петра Великого под Полтавой)

337 лет (с 1654 г.) русский и украинский народы жили в одном государстве. После обретения Украиной в 1991 г. независимости, подавляющая часть украинских историков и публицистов направили свои усилия на утверждение якобы «извечного» противостояния России и Украины. На первый план тенденциозно выдвигались негативные отношения между Москвой и гетманской столицей Батуриным и позитивное освещение Шведской оккупационной армии в 1708—1709 гг. С 2010 г. волна русофобии несколько спала.

Ключевые слова: информационная война, Петр I, Мазепа, Батурин, Полтавская победа, русофобия, историческая память.

Девятимесячные военные действия (октябрь 1708 — июнь 1709 г.) на Левобережной Украине (Малороссии, или Гетманщине) были кратковременным эпизодом, но именно там произошел перелом в Великой Северной войне 1700—1721 гг. Полтавская битва была одной из тех, что определяют ход мировой истории. Она показала небывалый рост боеспособности армии, созданной Петром I, и совершила переворот в политических отношениях Восточной, Северной и части Центральной Европы. Военные действия в конце июня 1709 г. освободили Левобережье Днепра и Речь Посполитую от шведской оккупации и возродили Северный союз, к которому позже подключились Пруссия и Ганновер. Вплоть до конца войны подобных сражений уже не было — шведы стали уклоняться от крупных баталий с русскими. Полтавская битва прославила русское оружие так же, как Донское побоище, Бородинское и Прохоровское поля, как Сталинградская битва. Полтавская битва и победный мир 1721 г. обрушили шведское великодержавие, подняли авторитет Романовской империи в мире и определили ее будущность до 1917 г. Полтава вплоть до конца 1980-х годов считалась городом воинской славы русского и украинского народов.

Нельзя не признать, что Россия, как любое абсолютистское государство мира, стремилась ограничить и ликвидировать полуавтономные государственные образования на своих окраинах (Калмыцкое ханство, Донское и Запорожское войско, Лифляндию и Эстляндию). Но Украина никогда не считалась «русской колонией». Войны Российской империи с Крымом, Турцией и Польшей отвечали национальным интересам украинского народа. Ликвидировав угрозу крымских набегов, Россия распахнула украинцам ворота на юг и юго-восток для сельскохозяйственного освоения. К концу XVIII в. были выполнены исторические чаяния «Малой Руси» и собраны воедино почти все земли, населенные украинцами. В 1785 г. украинская старшина, у которой было непримиримое соперничество с польской шляхтой, была уравнена в правах с российским дворянством, Она освобождалась от обязательной военной службы и получала безраздельную власть над своим крестьянством. После Полтавской победы карьера на службе одной из великих империй мира предоставляла огромные преимущества. Все силы для укрепления Российской империи отдавали украинцы — канцлер А.А. Безбородко, министр внутренних дел и дипломат В.П. Кочубей, министр народного просвещения А.К. Разумовский, кабинет-секретарь П.В. Завадовский. На военном поприще беззаветными слугами царю и носителями державных чувств были генерал-фельдмаршалы И.В. Гудович и И.Ф. Паскевич, генерал-лейтенант Д.П. Неверовский, «кавказский Суворов» — генерал П.С. Котляревский. Гордостью русской и украинской культуры можно назвать Д.С. Бортнянского, Д.Г. Левицкого, В.Л. Боровиковского, И.П. Мартоса, И.П. Котляревского и др. Как нигде в других местах, на Украине произошло в целом безболезненное «перетекание» украинской знати в общероссийские государственные структуры.

В период разрушения СССР на Украине произошел взрыв национальной историографии. Ныне не только она, но и публицистика, художественная и учебная литература выполняют установки, нацеленные на разъединение русского и украинского народов. Государственные средства массовой информации Украины эволюционировали от двойственной оценки российско-украинских отношений в 1989—1999 гг., к умеренной (в 1999—2004) и системной (2004—2009) русофобии[1]. Переняты и усилены антирусские концепции украинской эмиграции[2].

26 июня 2005 г. во Львове на площади Папы Иоанна Павла II у церкви Рождества Пресвятой Богородицы по инициативе украинских грекокатолических и римско-католических епископов в присутствии президентов Украины и Польши состоялся многотысячный торжественный «Акт примирения украинского и польского народов». Напротив, Россия выставлялась исконным врагом украинского народа. Исторические раны в русско-украинских отношениях не врачуются, но растравлива-

ются. Под рубрикой «Грязь Москвы» публиковались сентенции типа: «Исторический враг никогда не станет другом. Хотя бы потому, что привык жить за счет тех, кого называет “дружественными народами”»[3]. Профессиональный историк О.М. Апанович, которая в советское время опубликовала ценные исследования по вооруженным силам Украины и Запорожской Сечи, писала, что в СССР «целые поколения ...вырастали и воспитывались в потоках брехни, обмана и фальсификации истории Украины. Миф про Переяславскую Раду вливался ядом в генетическую память украинцев, формируя у них комплекс национальной неполноценности»[4].

Возрождались концепции XIX в. о неестественности союза автократической монархии и республики[5]. В 1654 г. якобы соединились две несовместимых политико-экономических системы — деспотическая Россия, основанная на азиатском способе производства, и демократически-республиканская Украина, которая по развитию была близка к Голландии 1640-х годов[6]. Три столетия Российская империя якобы принудительно отрывала украинский народ от своей традиционной культуры, Украина была затоптана копытами московско-российских орд, а украинцы проливали кровь за своего палача. «Казацкая держава, хоть и пребывала под протекторатом одной из восточных деспотий, формировалась всегда как европейская и на основах европейской культуры». Москва, как агрессивная деспотия, смотрела на Украину как на объект своей экспансии и заставляла участвовать ее в империалистических войнах, что приводило к общественным аномалиям. С целью свести к минимуму военную силу Казацкой державы, для более эффективного порабощения Москва заставляла украинское казачество вопреки его национальным интересам выполнять черновую работу как на местах боевых действий, так и на строительных объектах. Это был настоящий бич для Гетманщины[7].

С 2007 г. расписаны мероприятия к 300-летию «украинско-шведского союза», «трагической гибели 2 ноября 1708 г. от рук меншиковских палачей гетманской столицы Батурина» и разгрому 14 мая 1709 г. в Чертомлыцкой Сечи запорожцев, присоединившихся к Карлу XII. Воинским соединениям будут присваиваться имена Мазепы и его соратников. Запланировано переименование проспектов, площадей, улиц и парков в их честь. В публицистике празднование 300-летия Полтавской победы — представляется как «политическая атака на Украину». На Всеукраинском конкурсе проектов памятника Мазепе победил скульптор Н. Билык, и памятник гетману планируется поставить на Соборной площади Полтавы. Выполняя волю Президента, 19—20 марта 2009 г. впервые был проведен «День рождения Мазепы»[8]. Пропагандируется идея, что Мазепа начал освободительное движение,

а его продолжили Петлюра и Бандера. Общество «Просвита» предлагает переименовать в Полтаве ул. В.И. Ленина в ул. «рыцаря украинской революции» С. Петлюры и ул. М. Фрунзе на ул. И. Мазепы.

Основные положения современной украинской историографии — это извечная жертвенность Украины, вековая борьба украинцев за независимость и противоположение украинского народа, который был в «вековечной неволе под игом имперского народа», «московскому» по происхождению, мировоззрению, государственному устройству и по войнам в 1169, 1514, 1618, 1658—1659, 1668, 1676, 1708—1713, 1775, 1905—1907, 1917—1922, 1941—1955 гг. В условиях колониализма российские великодержавные шовинисты с целью затормозить национальное возрождение стирали из памяти украинцев победы в справедливых войнах, которые велись ради освобождения от «Московщины»[9]. К национальной идее — «соборной Украины» ныне добавлена тема «этнической травмы», которая трансформируется в идею ненависти к «недружественному северному соседу».

Полтавской битве, которая представляется трагедией и катастрофой в истории Украины, погубившей порыв к независимости, противопоставляется «Великая Конотопская победа» 28 июня 1659 г. ст. ст. (8 июля н. ст.) — «один из славных символов национально-освободительной борьбы украинского народа» и самое большое русское поражение в Европе, понесенное именно от украинцев. «Результатом Конотопской битвы стало одно из самых ощутимых и позорных поражений царских войск второй половины XVII в. По разным данным на Конотопском поле из 100 тысячного войска погибло от 30 до 60 тысяч царских ратников»[10]. Гетман И.О. Выговский ныне превозносится как предшественник «освободителя от московского ярма» — Мазепы. Проиграв войну, Украина утратила независимость, большинство украинских земель оказалось под властью Российской империи. В соответствии с «колониальным статусом» Украины в науке насаждались положения, отвечавшие интересам захватчиков[11].

«Российское правительство в начале XVIII в. окончательно нарушило обязательства, взятые на Переяславской раде и в мартовских статьях 1654 г., что узаконило право украинского народа на пересмотр украино-российских отношений, в том числе и их разрыва на законных основаниях»[12]. — «Национально-освободительная идея обретает свое наивысшее проявление во время восстания Мазепы, которое было обусловлено защитой украинской идентичности против российской агрессии»[13]. В Северной войне, накрывшей «черным крылом украинские земли», русская тактика «выжженной земли» грозила якобы «стереть Украину с лица земли». Если бы не оккупа-

ция русскими войсками, то Мазепа легко бы поднял 30—40 тысяч украинских воинов на помощь шведским «спасителям»[14].

Следует отметить, что значительная часть народа Украины традиционно была дружественна к России и не видела в ней «исторического врага».

С февраля 2010 г. после избрания нового президента Украины В. Януковича отношения на государственном уровне потеплели. Откровенных антироссийских выпадов стало меньше, и государственная политика в сфере истории стала смягчать конфронтацию.

Новый директор Украинского института национальной памяти В.Ф. Солдатенко изменил оценку голода 1932—1933 гг. — он «не был этноцидом украинского народа».

В Институте истории Украины при обсуждении концепций учебников истории в июне 2010 г. ведущие украинские ученые говорили, что те оказались перегруженными чрезмерным негативным материалом, что государственная политика не должна формировать «фобии», приводящие к конфликтам с соседними государствами, что прежде обществу и исторической науке навязывалась радикальная моноэтничная версия истории Украины, которая является страной евразийского типа с симбиозом разных культур и народов,

Вместе с тем, заместитель директора Института истории Украины А. Реент продолжает утверждать, что современная российская историография имеет «откровенно неоимперскую державную концепцию», нацеленную на расширение «общего» историко-культурного пространства и, тем самым, на расширение своего влияния на бывших территориях Российской и советской империй. Украина и Россия, пишет он, имеют настолько разный (державный для русских и бездержавный для украинцев) исторический опыт и настолько противоположные «геополитические амбиции», что каждая страна должна строить свою собственную историческую концепцию. Отказа от украинской точки зрения (на древнерусский и имперский периоды, на голодомор, национально-освободительное движение и историю Второй мировой войны), точке зрения, расходящейся с державно-исторической концепцией Российской Федерации, быть не может (Історія України. 2010. № 29. С. 11—12).

Три опасных вторжения с запада пережила наша страна, когда военная мощь агрессора была максимальной. Это были нашествия Карла XII в 1708—1709 гг., империи Наполеона в 1812 г. и Третьего Рейха в 1941—1942 гг.

При Петре Великом подготовка к обороне началась с 1707 г. — вся западная часть была переведена на военное положение. Отступление в 1708 г. проводилось организованнее, чем в 1812 и 1941 гг., — ни на минуту не

терялось управление войсками, в тылу заранее готовились переправы, мосты перед наступающим противником повсеместно разрушались. Нашествие 35-тысячной Шведской армии в 1708 г. на Москву было сорвано не только оборонительным планом Петра I, но удачными сражениями при с. Добром, д. Раевке и д. Лесной, «малой войной» и уничтожением продовольствия перед наступающим противником. Армию короля Петр не допустил до государственных границ России и заставил свернуть на юг. Русско-шведское единоборство переместилось на Гетманщину, которая составляла в то время не более 1/6 части нынешней Украины, а иррегулярное (городовое) казачье войско насчитывало около 20 тыс. человек. «Избрать себе место на гнездо» скандинавские воители рассчитывали вокруг резиденции и военной базы Мазепы в Батурине.

Мазепу в Москве ценили как эксперта по делам Восточной Европы. Военная защита Российским царством и русскими тысячекилометровыми оборонительными линиями обеспечили Малороссии с последней трети XVII в. экономическую стабильность и мирную жизнь. Российская власть почти не вмешивалась в дела гетманства, выборы местных органов и судов. Контраст с разоренной Правобережной Украиной, где поляки навсегда ликвидировали казачество в 1699 г., был разительным. Основная масса старшины ориентировалась на будущее слияние с русским дворянством, получавшем блага из рук царей-самодержцев. Украинское казачество и крестьян не забирали в рекруты, не заставляли биться в генеральных сражениях, не посылали на боевые галеры, где условия были схожи с каторжными. Казаки принимали участие только в набегах, мелких боях, в разведках, почтовой и конвойной службе. Ежегодные доходы Мазепы в 310 900 руб. не уходили в центр, а оставались в его распоряжении[15]. Став одним из богатейших феодалов не только России, но и Европы, гетман закреплял крестьян за старшиной и не пользовался симпатиями простого люда и запорожцев. Почти каждый год на него составлялись доносы в Москву. Для выправления авторитета он заигрывал с церковными иерархами, выделял часть выжатых из народа средств на церковное строительство, а антигетманским выступлениям противопоставлял наемные (охотницкие) полки. Северная война тяжким грузом легла на все Российское государство и властолюбивый Мазепа болезненно принимал понукания Москвы. Он знал, что в анархичной Речи Посполитой любой магнат даже в военное время отстаивал, прежде всего, собственные интересы. В децентрализованной шляхетской республике, при бессилии королевской власти и сейма, при «золотых свободах», когда каждый шляхтич был деспотом в своих имениях, Мазепа мог надеяться стать одним из таких же «крулевят». Украинские историки представляют гетмана как независимого властителя: «Мазепа за 21 год своего правления поднял Гетманщину на уровень европейской

державы, и, проведя масштабные постройки в своей резиденции, превратил Батурин в столицу европейского типа. Культурным строительством он прославился по всему миру и сформировал культурный облик эпохи. Имя великого гетмана навечно вписано золотыми буквами в украинский пантеон самоотверженных борцов за свободу родной Отчизны»[16]. «Свободолюбивый и великий» гетман-просветитель, оратор, поэт и музыкант, проводивший осторожную политику против российского экспансионизма, стоял выше, чем сумасшедший-«блазень» Петр I с его тираническим режимом, который с неистовством одержимого вытаскивал боярскую Московию на европейский путь[17].

Идея политической независимости гетманства («независимой и соборной казацкой Украины») неправомочно опрокидывается украинскими историками из XX—XXI вв. в век восемнадцатый. Власть и богатство для Мазепы были смыслом жизни, а не «независимость Гетманщины». Страстно желая пробиться наверх, он семь раз менял хозяев, служил и польскому королю-католику, и турецкому султану, и православному царю. Около 1655 г. 16-летний Мазепа первый раз изменил Украине и России, когда те вели борьбу с поляками и посвятил себя служению королю-католику Яну II Казимиру. С 1666 по 1674 г. вместе с гетманом Дорошенко служил Османской империи, потом левобережному гетману И. Самойловичу и приложил руку к его свержению в 1687 г. Умный, с широким политическим кругозором, вкрадчивый и трусоватый гетман, за которым не числилось ни одного подвига, знал, что большинство украинцев стоит за православную державу. Мазепа, как и все гетманы до него, никогда не делал ставку на «независимость» и тем более на «союз с Европой». Он надеялся на протекторат Карла XII и его польского вассала — короля-католика Станислава Лещинского, так как понимал, что одной Гетманщине при неразвитом военно-промышленном потенциале и с территориальными казачьими полками в соседстве Российского царства, Османской империи, Крымского ханства и Речи Посполитой — устоять невозможно.

Украинский академик П.П. Толочко справедливо пишет, что за время существования гетманской государственности ни у одного из гетманов не было самостоятельной государственной программы с идеей полной независимости, все они ориентировались на «комплекс подданства»[18]. В боях Мазепа никогда не участвовал (современники отмечали его «тонкие и белые руки»). Малодушие он скрывал за напускной суровостью. Этот искушенный политик был лишен отваги и вдохновляющей силы полководца. Поднять открытое восстание он не мог и не собирался.

Возможно в мае 1708 г., когда Карл XII находился в Радошковичах, а Мазепа с казаками у границ Волыни, между ними было заключено «тайное согласие о намерениях или союзе». (Приблизительный

пересказ о нем придворный летописец Карла XII Г. Адлерфельд приписал к майским событиям.) Мазепа обещал расквартировать шведов на Северщине, собрать 20-тысячное войско, присоединить к нему казаков, обитающих у Белгорода и Дона, и привлечь калмыцкого хана Аюку. Короне Польской Мазепа обещал выполнить все, чем обязался шведскому королю: по первому желанию польского короля идти со всем казацким войском в поход туда, куда тому будет нужно; вся Украина, включая «герцогства» Северское, Киевское. Черниговское и Смоленское, снова перейдет в польское подданство и будет включена в состав Короны. Наконец, назначался день, когда Мазепа раскроет старшине договор и та одобрит его[19]. Вполне вероятно, что главная квартира короля обязала Мазепу дезорганизовать снабжение Русской армии набегами казаков[20]. Наступление поляков на казачество, подобное тому, что случилось на Правобережье, гетман игнорировал и фактически предавал интересы украинского народа.

Современные украинские историки пишут не об измене, но о «выборе Мазепы». Патриот-державник якобы глубоко понимал государственные интересы Украины. Он поднял национально-освободительную борьбу, но ему не удалось вырвать народ из западни московской православной концепции. Светлый облик гетмана, стремившегося к нейтралитету в Северной войне, оболгала и осквернила позором московская пропаганда. Если бы не оккупация русскими войсками, то Мазепа якобы легко поднял 30—40 тысяч украинских воинов на помощь шведским «спасителям»[21]. Русская жестокость, зверский террор, отвратительные пытки старшин и казаков навели страх на всю Украину, а ложь пропаганды заглушила освободительное движение мазепинцев. Стратегическая ошибка мазепинцев состояла в том, что они не провозгласили Гетманщину в состоянии войны с Россией. Истребление гетманской резиденции — Батурина стало поворотной точкой в истории украинского народа[22].

Перемена вассальной зависимости в те времена повсюду квалифицировалась как измена и жестоко каралась. Вспомним зверскую расправу в 1707 г. Карла XII над лифляндцем И.Р. Паткулем, задумавшим перевести Лифляндию в состав Речи Посполитой, или казнь в Стамбуле валашского господаря К. Брынковяну (1654—1714), затеявшего тайные переговоры с Россией. Мазепа и старшина 25 июля 1687 г. «пред святым Евангелием» давали присягу «быти у их царского величества у их государских наследников в вечном подданстве верно и постоянно», и «выбор Мазепы» попадал в разряд государственной измены.

При вторжении армии шведского короля на Гетманщину почти все население осталось на стороне православного государя и развернуло стихийную партизанщину против «еретиков» из Скандинавии.

Для простого люда важнее был единственный «во Вселенной» православный царь, чем местный гетман. Установка на совместную жизнь в православном государстве с великороссами стала определяющей для украинцев почти на два века[23].

«Гетманская столица» Батурин была небольшим, с деревянными стенами городком-крепостью в размер стадиона. Современные археологи определяют ее размер 600 × 440 м, и там находилось 200—250 дворов с 1 000—1 500 жителями, много пушек, военной амуниции и хлебных запасов. Всего под рукой у Мазепы было две трети наемного корпуса — 3 компанейских (конных) и 4 сердюцких полка (3—3,5 тыс. чел.)[24]. С 70 орудиями (в том числе и крупного калибра) продержаться там до подхода шведов было вполне реально. Но Мазепа не доверял ни батуринцам, ни гарнизону, ни тем нескольким сотням беженцев, которые сбились в Батурин с ближней округи от пришельцев из Скандинавии. Шведы в то время могли выручить Батурин без боя. Дело в том, что русское командование еще со времен военных советов 1707 г. в Жолкве (Галиция) приняло решение уклоняться от крупной битвы с армией, возглавляемой королем. Мазепа, присутствовавший на них, это великолепно знал, но, очутившись в тисках между русскими и шведами, растерялся и выпустил это из вида. Фельдмаршал Б.П. Шереметев 1 ноября 1708 г. получил приказ царя отходить от Шведской армии на восток к Глухову[25], и в тот же день такое же распоряжение получил генерал А.Д. Меншиков.

В последние дни октября, узнав, что к нему спешит Меншиков, Мазепа потерял голову и оказался способен только на симуляцию предсмертной агонии. 24 октября он собрал максимум возможного из своих сокровищ — более 180 тыс. золотых червонцев, и войсковых клейнодов на сумму больше, чем 200 000 рейхсталеров[26], нагрузил все на повозки, бросил жителей, гарнизон и сбежал из Батурина[27]. Но даже во время ночевки в Коропе перед самой Десной, Мазепа колебался[28], раздумывая, идти ли к королю или остаться при царе — ведь все нажитое могло пойти прахом!

Мазепа бросил «обветшавшую» (по его словам) фортецию, расположенную на мысу левого берега Сейма, на произвол судьбы и недалекого полковника Д.В. Чечеля, командовавшего полком пеших сердюков (наемных казаков) численностью около 500 чел., а также на «есаула артиллерии» — честного саксонского служаку Фридриха фон Кенигсека. В Батурине осталось 4 сердюцких полка числом в 1,5—2 тыс. чел. и несколько городовых казацких полков. Трое напольных ворот были забросаны землей.

Только за Десной, подойдя к шведскому авангарду и попросив для себя шведскую охрану, Мазепа решился раскрыть старшинам

(а не казакам!) свою измену. Перед казаками с речами о «свободе» должны были выступить старшины, и они же должны были удержать казаков от бегства — такие свидетельства оставил встречавший Мазепу шведский полковник Нильс Юлленшерна[29].

25 октября Меншиков предложил впустить для обороны Батурина часть своих сил, но получил отказ. Несмотря на это, «светлейший князь» максимально широко решил использовать переговоры, чтобы крупная военная база не досталась шведам. Нарушить присягу русскому царю считалось тяжким грехом даже в глазах наемников Мазепы — сердюков, но поднять бунт против Чечеля они не могли. Из верхушки казаков наказной прилуцкий полковник И.Я. Нос открыто воспротивился мазепинцам, за что был прикован верхом на пушку. (Этот вид пытки трудно было вытерпеть более 3 часов.) Открыто «унимал» старшину от пролития христианской крови и житель г. Кролевец Ф.Д. Стожок, за что тоже был подвергнут истязанию.

29 октября «президент Посольского приказа» России граф Г.И. Головкин, делая вид, что не сомневается в верности полковника Чечеля, сообщал, что великий государь велел добавить в батуринский гарнизон полк великороссийской пехоты, так же, как это было сделано в Стародубе и Новгороде-Северском, которые шведы отказались штурмовать. Сам же великий государь придет на выручку со всем войском.

Всего у Меншикова, возможно, было около 9 тыс. драгун и до 3 тыс. пехоты. 31 октября князь подвел полки к Сейму. Переправив 50 гренадер в двух малых лодках, князь обозначил угрозу обхода и приказал восстановить настилы, драгуны днем стали переходить Сейм. Подкупом «привлечь без оружия и успокоить» сердюков так же, как это сделал в ноябре 1708 г. киевский воевода Д.М. Голицын с мазепинцами в Белой Церкви, Меншиков не пытался.

В ночь на 1 ноября в Батурин проник лазутчик с вестью, что вся Шведская армия уже чуть ли не на подходе. После этого Чечель и Кенигсек открыли стрельбу из пушек по посаду, по солдатам, «близ места стоящим» и даже через Сейм по штабу Меншикова. Так Чечель, а не Меншиков взял на себя ответственность за начало военных действий.

Большее, чем у осаждающих, количество пушек и военных припасов вселяло надежду дождаться скорого подхода Карла XII. Возможно именно тогда Чечель, выйдя из себя, грозил содрать кожу с живого Меншикова, что разъярило князя. Мазепинец превратил жителей в заложников и не выпускал никого. 1 ноября светлейший принял решение о быстром и беспощадном штурме. В утвержденном им в 1706 г. «Артикуле» воинам предписывалось ежедневно просить милости Бога, без промедления собираться на молитву и смотры, запрещалось обсуждать приказы, отставать от рот, спать на караулах, покидать посты, играть в

кости, затевать свары и тайные сходки, распевать «скверные песни» и держать блудниц, а также щадить при штурмах женщин и детей, «разве что от генеральства для причины какой, иное что приказано будет»[30]. Уверенный в своих силах, но разозленный Меншиков карательную акцию рассматривал как наказание за измену своему государю. Как ни прискорбно, уничтожение гражданского населения противника в то время и вплоть до XX в. не исключалось из правил ведения войны.

Солдаты поставили одну (по другим данным, три) батареи и стали пробивать брешь в стене. Вечером и в ночь на 2 (13) ноября осаждающие готовили фашины и сколачивали штурмовые лестницы. Меншиков наметил два места для штурма: генерал-майор Г.С. Волконский должен был приступать справа возле Конотопских ворот, а полковник Иван Анненков со стороны Сейма через береговые ворота («сзади реки взвоз») по узкой лощине, выводящей в центр фортеции. Устоять Батурину несколько дней в осаде было можно, но отбить штурм профессиональных воинов, одержавших несколько побед (при Калише, Добром, Раевке, Лесной) над лучшими солдатами Европы, было безнадежно.

В 6 часов утра 2 ноября с северного участка стен началась обманная стрельба и крики. Большая часть гарнизона бросилась туда. Несколько сотен безоружных селян из округи и большинство батуринцев, укрывшихся в фортеции от шведов, вряд ли вышли на стены. Казаков никто не готовил сражаться с русскими, и они, скорее всего, предпочитали уклоняться от боя, подобно тем, кого Мазепа обманом увлек за Десну. С оружием на стены вышли, в основном, сердюки и городовые казаки (вряд ли все). Штурмовые лестницы оказались коротки, и их бросили, в стене Батурина батареи сделали пролом, через который штурмующие ворвались в крепость. Воины Анненкова через береговые ворота по рытвине («взвозу») прорвались в центр города. Глядя со стороны, можно было подумать, что из лощины они поднимались как из-под земли. Позже народная молва разнесла, что драгуны якобы незаметно и тихо проникли через подземный ход.

Разногласия и свары среди казаков и сердюков при нежелании биться с русскими, скорее всего, привели к тому, что более тысячи сердюков и казаков, увидев драгун и солдат в центре фортеции, бросились в разные стороны вместе с Чечелем, который отказался сражаться насмерть и, не получив ни одной раны, ускакал на коне из Батурина. Фортеция была взята в молниеносной «шведской манере» за два часа. В пропагандистской шведской листовке 1708 г. было написано: «Ко второму дню они насели с такой яростью, что под конец взяли его, хотя и с потерей 2 000 человек. Из гарнизона через Сейм ушли оттуда только 1 000 человек. Но комендант со всеми остальными жителями, женщинами и

детьми были перебиты бедственным образом, после чего город был подожжен»[31]. Хотя современники писали о гибели в Батурине 6 тыс. чел., ныне число погибших тенденциозно преувеличивается до 11—14 тыс. и более мазепинцев, а также мирных жителей, женщин и детей[32]. Через некоторое время после захвата города Меншиков дал команду прекратить расправу, и часть жителей нашла защиту у князя. Однако люди, забившиеся в хаты, погреба и подвалы, не смели показаться на улицах, и многие погибли уже после штурма, в ночь на 3 ноября от огня и дыма.

За день и часть ночи 2 ноября были увезены 40 пушек и оставшееся «изменничье богатство», в том числе его канцелярия, свинец, порох, хлеб, спиртное и лошади из конюшен вне фортеции. В декабре 1709 г. во время триумфа, посвященного победам при д. Лесной и под Полтавой, Меншиков отметил свою победу «торжественными воротами» по типу арки Тита Ливия, где изображалось уничтожение г. Альба Лонги, изменившего Риму. Однако при составлении «Гистории Свейской войны» описание батуринского штурма было исключено. Видимо, Петр I, как редактор, счел нужным опустить этот кровавый эпизод.

Ныне «геноцид украинцев» в Батурине выведен на уровень государственных приоритетов как «свидетельство бесчеловечности Московщины». В календарь памятных дат, помимо «Дня Полтавской катастрофы», «голода 1932—1933 гг.», предлагается внести и 13 ноября — «День памяти Батурина». Подгонка под «украинский холокост» батуринской трагедии, так же, как и голода 1932—1933 гг., охватившего несколько регионов СССР, антинаучна. Замышлять истребление «полностью или частично» украинский народ по национальным и этническим признакам ни Меншиков, и никто другой из русского командования не думал. Однако локальная измена Мазепы и его сердюков, как и восстание булавинцев, согласно военной психологии XVIII в., подлежали расправе[33].

В свете безоговорочной поддержки украинцами Русской армии, полное разрушение крепости и истребление гарнизона не было лучшим решением. Выгоднее было бы сохранить Батурин как опорную и сковывавшую шведов базу. Батуринцы так же стойко оборонялись бы против шведов, как украинцы в Полтаве, Веприке, Стародубе, Новгороде-Северском. Меншиков не учел, что Карл XII из-за усталости армии отказался от захвата Стародуба, Почепа, Новгород-Северского (и позже осаждал, но не штурмовал Полтаву). Вряд ли король стал бы тратить силы и на Батурин. Возможно, Петр I тоже преувеличил опасность, исходившую от Карла XII, который, находясь на расстоянии около 60 км, сбил русский заслон у Мезина на Десне и с 3 ноября двигался к Батурину.

Для историков первостепенное значение имеют свидетельства очевидцев, меньше доверия заслуживают известия от тех, кто нахо-

дился далеко — послов в Вене, Москве, Варшаве, и еще менее можно доверять газетным вестям из Европы, в свете которых в настоящее время на Украине пишется о «национальном мученичестве» и о том, что от штурма Батурина «содрогнулась Украина и весь мир». Те, кто видел через 8 дней пепелище на месте гетманской резиденции: представитель прусского короля при армии Карла XII Д.Н. фон Зильтман, шведский лейтенант фон Вайе и прапорщик Р. Петре, словацкий пастор Д. Крман — воспринимали батуринскую трагедию как обычную бесчеловечность войны.

Шведские карательные акции 1708 г. против украинских казаков и крестьян начались сразу после вторжения на Гетманщину. 10 декабря шведский подполковник Т. Функ при участии сотни мазепинцев истребил в церковном подворье и сжег заживо в церкви в Тернах «1 600 человек, в числе которых были как селяне, так и казаки, не считая женщин и детей»[34]. В Олешне было перебито и сожжено более 400 чел. Шведские оккупанты испепелили городки Смелое, Терны, Веприк, Колонтаев, Краснокутск, Коломак, Рублевку, Городню, Мурафу, Хухры, Каплуновку, Лутище, Котельву[35]. Если провести подсчет убитых шведами в этих истребленных городах, то их сумма превысит количество жертв в Батурине. «Многие деревни казаков противника были превращены в костры, и все, что там ни встречалось, рубилось, чтобы вогнать в страх других», — писал историограф Карла XII Г. Адлерфельд.

Блок «Наша Украина» поставил «крест скорби» в цитадели Батурина. Было бы справедливо поставить там памятник «Безвинным жертвам от русского народа». Точно так же надо увековечить на Украине и память жертв, погибших от рук шведов и в Тернах, и в других городах.

Ликвидация крупного арсенала Мазепы была вторым сильным ударом по армии вторжения после разгрома корпуса и военного обоза А.Л. Левенгаупта при Лесной и под Пропойском. Разгром мазепинской столицы не напугал украинское население Гетманщины, Правобережья и тем более Слободской Украины. Несправедливо писать, что русская жестокость, ложь московской пропаганды, зверский террор, отвратительные пытки над старшиной и казаками, наведя страх на всю Украину, заглушили освободительное движение мазепинцев[36]. Украинцы не затихли, «устрашась террора». Как раз после гибели резиденции гетмана они поднялись на борьбу со шведами вместе с Русской армией. Церковные иерархи на Гетманщине и в России, в том числе местоблюститель патриаршего престола галичанин Стефан Яворский (1658—1722) предали анафеме изменника. С 5 ноября население и казаки стали подавать челобитные о верности России, об отсутствии замыслов против монаршего престола и заявлять о помощи против шведов.

7 ноября гетманом был избран И.И. Скоропадский, и в тот же день для разложения лагеря мазепинцев царь-самодержец объявил широкую амнистию не только тем, кто был «обманом заведен в неприятельские руки», но и всем, кто был в согласии с Мазепой и не донес об измене. Вернувшимся до 7 декабря к гетману Скоропадскому обещалось сохранение чинов и владений «без всякого умаления». В противном случае их имения будут отданы «верным», а жены и дети отправлены в ссылку[37].

Амнистия, а не «беспощадность» нейтрализовала верхушечный заговор Мазепы. Возвращаться стали не только казаки, но и старшины, несмотря на разгром Батурина. Среди первых начавших зондаж о возвращении под «московское ярмо» после «черной даты Украины» оказался и «властитель дум украинской нации», осознавший якобы уже с 1680-х годов «угрозу Московщины для Украины и всего европейского мира»[38]. Увидев плачевное состояние Шведской армии, Мазепа уже тогда мог прогнозировать победу Петра I и решил выяснить возможность вернуться под протекторат России. В сообщении от 22 декабря 1708 г. О. Плеер писал, что «Мазепе и его сообщникам была предложена общая амнистия. Когда он со всеми остальными хотел снова уйти из шведских рук, и удалился уже на 7 миль, преследовавший его неприятель снова его задержал, вернул пленником и потом взял под строгий арест»[39]. Взамен за прощение измены, возвращение гетманской булавы и почетного состояния, как прежде, под опекой России, он предложил самую высокую цену — голову короля Карла XII. Понимая, что Петр может так же обмануть, как он годами обманывал русское правительство, гетман обещал вернуться только при гарантиях европейских государств. Ради большей веры он выслал к царю ближайшего соратника Д. Апостола (1654—1734). Под разными предлогами вместе с Апостолом ушли к русским лубенский полковник и несколько казаков[40]. Шведское командование, чтобы пресечь обратный переход Мазепы, установило над ним контроль на грани домашнего ареста.

Зимой 1708—1709 г. на Гетманщине велась пропагандистская «война манифестов», в которой победила русская сторона.

8 (9) февраля 1709 г. шведский король начал опустошительный рейд вглубь русских границ, на Слобожанщину[41]. С королем разорять украинские села и городки отправился и Мазепа с мазепинцами. Шведская пехота сожгла Куземин, Хухры и предместье Ахтырки. Чтобы расширить полосу опустошения, король повел за собой к Краснокутску артиллерию и пехотную гвардию. «Опустошительный рейд» короля продолжался всего 3 дня — его сорвала Русская армия.

Большое кавалерийское сражение 11 февраля под Городней отбросило шведов назад на Гетманщину[42]. В плен чуть было не попал и Мазепа. Наблюдая панику среди своих покровителей, он безнадеж-

но произнес: «non putavi suecos fugam dare» («не думал, что шведы способны на бегство»)[43]. Русская армия выбила противника со Слобожанщины и защитила украинцев. Мурафа и Коломак были самыми восточными пунктами, куда ступила нога шведского монарха. О прорыве за Харьков к Москве нечего было и думать.

При отступлении шведы жгли все подряд: «так как все вокруг были враждебны», — писал Левенгаупт. С «русской Украины» угонялись женщины, дети и скот. Были испепелены городки Смелое, Терны, Веприк, Колонтаев, Краснокутск, Коломак, Рублевка, Городня, Мурафа, Хухра, Каплуновка, Лутище, Котельва[44]. «Неприятель... жителей мужеска и женска полу в неволю побрал, невинных младенцев живых в снег и в воду побросал»[45]. Мазепа не только не возражал против насилий над украинцами, но как раз 12 февраля пожелал дальнейших успехов шведскому оружию и польстил, что король был в восьми милях от Азии[46].

Другой отряд генерал-майора Гамильтона с исключительной жестокостью выжег на своем пути все города и деревни. Городок Олешна, вздумавший сопротивляться, был взят штурмом, и все его жители были перебиты («Die Einwohner der Stadt Holesna... hatte er ...bestürmen und massacriren lassen»)[47]. «Рыдания и стенания толп могли бы камень сдвинуть с места», — писал Р. Петре. «Король приказал генерал-майору Гамильтону выжечь все в той местности. Этот приказ получили и казаки, размещенные в Зенькове. В соответствии с этим отряды короля и он лично своей высокой персоной опустошали и сжигали все, вплоть до пограничного с “Татарией” городка Коломак»[48].

Украинцы вели против шведов вылазки[49]. 14 марта Шереметев писал царю: «здешней народ при войске обретающемся стал быть благонадежен и к поиску над неприятелем чинят охотно». После случаев захвата шведов в деревнях Карл выдал распоряжение казнить каждого, кто покусится на жизнь его солдата.

Войско Запорожское, как щитом, прикрывало от степняков и поляков «руських» (украинцев), чем заслужило любовь и признательность украинского народа и восторженную оценку деятелей русской культуры. Запорожская «военная демократия», отгороженная от Речи Посполитой, России и Гетманщины «Диким полем», а от крымских татар — днепровскими плавнями, де-факто всегда считала себя свободной, в том числе и от гетманской власти. В зависимости от политической конъюнктуры запорожцы заключали и разрывали договоры с соседними государствами. Ни Варшава, ни Москва, ни Батурин, ни Стамбул и Бахчисарай никогда не были указом для Запорожской Сечи. Однако вопроса о «независимости» Сечевая вольница не ставила. Для защиты от крымцев русское правительство против Кодака при впадении р. Самара в Днепр в 1688 г. построи-

ло крепость Новобогородицкую, а рядом с Чертомлыцкой Сечью в 1704 г. Каменный Затон. Эти крепости с большим количеством пушек и боеприпасов ущемляли свободу запорожцев. В целом же запорожское казачество ориентировалось на православную державу, откуда они получали боеприпасы и денежное жалованье. В январе 1709 г. до 3—4 тысяч запорожцев собирались присоединиться к Русской армии[50]. Петр, предвидя перемещение шведской силы к Сечи, 6—7 февраля советовал Шереметеву «отвесть неприятеля от Полтавы и прочих к Запорожью ближних мест к Днепру, разлучая от казачьих городов»[51]. Определенное влияние на сечевиков оказала мазепинская фальшивка о том, что царь «хочет весь народ малороссийский за Волгу загнать». Экс-гетман призвал их под знамя победоносного короля, который пришел «освободить от ига, которое уготовил им царь»[52]. Скоропадскому и Петру I, которые надеялись «учинить запорожцев добром по самой крайней возможности», не удалось сместить кошевого атамана Костю Гордиенко, используя деньги и авторитет Д.П. Апостола. В январе 1709 г. запорожцы заняли Кодак, находившийся в пяти верстах от Новобогородицкой крепости. Тем не менее, Петр I счел ситуацию в Малороссии вполне надежной и в первых числах февраля отбыл в Воронеж. 21 февраля он предложил «для развращения запорожцев» послать в Каменный Затон не менее трех гарнизонных полков из Киева, Ромен, Ахтырки или Сум[53].

Карл XII вопреки советам Пипера, рекомендовавшего возвращаться в Польшу, тешился миражом, что если к нему присоединятся хоронгви Станислава, крымские татары и запорожцы, он с их помощью снова поднимется на Москву. Гордиенко обманом, как и Мазепа, повел к шведам якобы на соединение «до войска великого государя» 4—5 тысяч конных и пеших запорожцев[54]. Земли Полтавского полка в определенной мере были в сфере влияния Низового войска, и кошевой собирался, выдавив русских с Полтавщины, расчистить корридор к Переволочне и к «святой неделе» получить помощь орды из Крыма. Полтавский полковник И.П. Левенец, с которым вел переговоры о внезапном захвате Полтавы подполковник Йоран Сильферъельм, заколебался[55].

По пути от «дьявола кошевого», как прежде и от Мазепы, сбегали казаки[56], но воспрепятствовать соединению Гордиенко со шведами не удалось. 3-тысячный конный отряд полковника Кэмпбелла, пущенный на юг к Днепру, не перехватил Гордиенко. 16 марта запорожцы напали на русский пост в Маячке, на другой день перебили отряд в Царичанке и пленили 115 драгун. Кэмпбеллу с остатками конницы удалось прорваться на север.

Гордиенко в Будищах присягнул сначала воителю из Скандинавии, а 18 (29) марта Мазепе. В ответ из Москвы привезли на Украину казац-

кого батька С. Палия «для учинения диверсии» и для подкрепления престижа Скоропадского. Оперативный план Петра в то время состоял в том, чтобы максимально стеснить неприятеля, расположив корпуса Меншикова и Шереметева за водными преградами, но «не давать главной баталии, а диспутовать на всех переправах... и знатными партиями (пехотой и конницей)... наступать и всяко, по возможности, вредить, а наипаче тщитца каналию запорожскую и сообщников их искоренять»[57].

2 (3) апреля Карл, Реншельд и Мазепа в сопровождении конницы осматривали Полтаву, куда от шведов сбежались селяне. Бывший гетман говорил, что перед вторжением в Россию полтавская база создаст прочный тыл и тут можно дождаться подкреплений из Польши.

Хотя дерево-земляные стены Полтавы были обветшавшими, Адлерфельд написал, что их не только подправили, но и обновили, так что она была якобы достаточно солидной крепостью с пятитысячным гарнизоном[58]. Король же говорил, что «когда русские увидят, что мы хотим атаковать, то, после первого выстрела, сдадутся все и что до штурма дело не дойдет»[59].

Доводы Мазепы о захвате военного снаряжения (которого в Полтаве было немного) и «приклонение Украины»[60] были спекулятивными. Попытки перетянуть запорожцев на русскую сторону не прекращались. 14 апреля Меншиков писал Петру, что кошевой «Сорочинский, к тем, которые при Костьке, указы посылает, чтоб шли к нему в Сечю, о чем имянно взятые в полон 20 человек сказывают, что те ево указы сами они видели. И многие де из них по тем ево указом хотят возвратитца к нашей стороне, а Костьке и другим, которые той стороны держатся, говорят: для чего их туда запровадили? И непрестанные между ими бои»[61].

К тому времени левобережье Ворсклы было под русским контролем. В начале апреля 1709 г. семитысячная конница К.Э. Ренне ушла «для осмотрения неприятельских оборотов» и, как писал Юлленкрук (Гилленкрок), «для переманивания запорожцев» вниз по левому берегу к Соколкам. Против него Карл послал около 3—4 тысяч кавалерии генерал-майора К.Г. Крусе, 4 пушки, а также 2—4 тысячи пеших и несколько сотен конных запорожцев под командой Гордиенко. Первый и последний шведско-запорожский поиск 11—12 апреля окончился «великой конфузией». Операция, видимо, проводилась по плану кошевого, который хотел разжать кольцо окружения и отбросить русских от Днепра и левого берега Ворсклы. Гордиенко заверил, что можно напасть врасплох на русскую конницу, за двухтысячным авангардом которой в нескольких милях позади стоят 5 000 драгун и конных гренадеров Ренне. 11 апреля вечером Крусе перешел Ворсклу у Новых Санжар.

Запорожская пехота произвела неприятное впечатление на регулярное шведское войско: «необученные и негожие люди, у трети

не было ружей, а только короткие пики и косы на жердях». Забросив ружья и зипуны на телеги, запорожцы «шли как стадо овец» сбоку от 2,5-тысячной передовой шведской колонны. Несмотря на то, что Крусе старался не спешить, в ночном марше они настолько выдохлись, что шведы до боя оставили их позади под прикрытием своей кавалерии[62]. Сечевой коннице было сказано, чтобы она ударила в спину противника, как только увидит шведскую атаку, «что они не сделали, но подошли к нам, лишь когда все закончилось», отметил Юлленшерна.

Юлленшерна в расчете, что вслед за ним двинется Крусе, бросил в атаку свои три полка, выдержал первый залп, пробился якобы сквозь две линии и был остановлен перед третьей. Основную причину «конфузии» Юлленшерна усматривал в том, что пехота запорожцев, изрядно уставшая от долгого перехода, представляла слабую силу и Крусе пришлось оставить большую часть шведской кавалерии для ее прикрытия. Адлерфельд и Вайе указали на решительность прорыва русских. «Они напали на единственную линию шведов с такой яростью, что легко пропороли ее и стали уходить, так что их нельзя было нагнать. Шведские эскадроны, которым пришлось биться со всей колонной противника, были наголову разбиты»[63]. Согласно Вайе, русские драгуны всеми силами бросились на шведский левый фланг, разнесли 6 рот Юлленшерны, взяли в плен несколько офицеров и рядовых и пробили себе свободный путь[64]. Ренне загнал неприятеля за Ворсклу и захватил 4 пушки. «Сего лета доброе начинание» — так назвал А.Д.Меншиков бой под Соколками[65]. После этого Карл не пускал запорожцев в рейды по русским тылам и не перерезал коммуникации от Белгорода и Курска к Русской армии.

Петр «зело порадовался» тому, что авторитет шведского оружия оказался подмочен и запорожцы увидев, что шведов бьют, будут разбегаться[66]. Бой при Соколках стал последней наступательной акцией Карла XII. Ни одной попытки разбить войска Меншикова за Ворсклой или силы Шереметева у р. Псел уже не было.

С 1 мая шведы, используя запорожцев как землекопов, начали рыть траншеи со стороны южного предместья Полтавы. Осадные работы и отражение непрерывных русских атак из-за Ворсклы сильно изнуряли как скандинавских воителей, так и сечевиков. 23 мая в шведском лагере получили скверное известие, что штурмом взята Чертомлыцкая Сечь. Под этой датой Левенгаупт сделал знаменательную запись: «Гетман Мазепа перестал доверять своим казакам»[67]. Фашинные брустверы траншей и туры противника полтавчане поджигали горящими горшками со смолой[68]. 27 мая в соответствии с приказом царя к Полтаве прибыл корпус Шереметева. К городу стянулись все силы Русской и Шведской армии. Ежедневно сотни укра-

инских крестьян с подводами, железными и деревянными лопатами помогали вести земляные работы за Ворсклой. Через реку противники сошлись буквально на 20 шагов, так что шведам приходилось тратить больше сил на отпор русским из-за Ворсклы, чем на осаду города-крепости. Полтавчане благодаря этому выпасали даже скот и коней в садах, спускавшиеся в лощину против монастыря.

От Днепра и Кременчуга вверх по р. Псел до Сорочинец стояло 22 форпоста казаков Скоропадского и русских драгун общей численностью до 10 тысяч человек. «Великая скудость» в хлебе была не только у шведов, но и у сердюков и компанейцев Мазепы, которого держали под надзором два конных шведских полка. Хлеб шведам поступал только по одной дороге с юга — от Кобеляк и Беликов, все остальные пути были перекрыты. Пропаганда короля и Мазепы, чтобы поднять дух, распространяла слухи, что Полтава будет взята гранатами или подрывом мин, после чего войска пойдут к Переяславу для соединения с польским королем Лещинским, и что на помощь идет 40 000 крымской орды[69].

С 4 июня русское командование стало склоняться к генеральному сражению. В преддверии Полтавской битвы поражение «нависло» над шведами, и это чувствовали обе стороны. Молдавские волохи группами переходили к русским. Крестьяне Полтавщины даже в одиночку нападали на шведов — так было 16 июня, когда украинец бросился на нескольких шведов, ехавших в телеге. В Жуках 18 июня казак вбежал в хату, где жил Мазепа, собираясь его пленить и увести, но был схвачен шведской охраной.

Моральное состояние запорожцев под Полтавой было угнетенным. Принуждение к лопате и кирке считалось унизительным. Не было и самостоятельных вылазок запорожцев против казаков Скоропадского и тылов Русской армии, как это делали калмыки и донцы против шведов. От полтавской артиллерии, еженощно запускавшей в осадные траншеи большие гранаты, сечевиков, которых было в 4—5 раз меньше, чем шведов, гибло намного больше. Лекарей, лекарств и санитарного обеспечения они не получали[70]. Запорожцы грабили, а иногда и убивали «союзников» — шведов и называли «шельмой» Мазепу за обман о татарской помощи.

При бомбардировках они разбегались с земляных работ, «ибо так боялись гранат и пушек, что готовы от них бежать на край света. Их лагерь был при генерал-майоре Крейце в миле от Полтавы и оттуда они все время посылались на работу, которая хотя и оплачивалась, но со временем стала досаждать, так как там многие из них расплачивались жизнью. Сюда прибавлялось и жестокое обращение противника, который со всеми пойманными запорожцами дурно обращался и угрожал сажать на кол»[71].

В окружении короля и шведской полевой канцелярии началась критика Карла XII. Стоянки шведов загрязнялись нечистотами и падалью, над которыми кружились рои мух. Многие генералы предлагали отступить в Польшу. Неудачу осады шведы списывали на недостачу шанцевого инструмента, непригодность запорожских «землекопов», упадок сил караулов, нехватку осадной артиллерии и боеприпасов[72]. О стойкости полтавского гарнизона и умелой организации обороны А.С. Келиным, естественно, никто не говорил.

Очень недовольны были в штабе короля мазепинцами и запорожцами, которые сильно отягощали армию и которым приходилось платить деньги[73]. Впрочем, терять сечевиков шведы не хотели. Для лучшего контроля запорожцы были распределены по шведским частям. Тревожный момент наступил 8—9 июня, когда вся сечевая вольница, не считая себя обязанной подчиняться шведам, собралась уйти из-под Полтавы. Мазепа с трудом удержал сечевиков обещанием золота и будущих пожив в Полтаве и Москве.

8 июня Петр не ради главной баталии, но для спасения Полтавы решил нанести удар по неприятелю с нескольких сторон Русской армией, казаками Скоропадского и полтавским гарнизоном. От р. Псел Г.Ф. Долгоруков с двумя пехотными и четырьмя драгунскими полками, с отрядом Г.С. Волконского, вернувшемся после взятия Запорожской Сечи, а также с несколькими тысячами казаков Скоропадского 13 июня «учинили добрую диверсию» и ущерб», пройдя через д. Петровку в Жуки. Они могли бы захватить там Мазепу, если бы действовали тихо, но, подняв обычный боевой клич, они преждевременно вызвали тревогу. Вслед за этим царь указал Г.Ф. Долгорукову 19 июня идти от Белоцерковки в обход Шведской армии широким крюком на Сорочинцы и Будищи вместе с Миргородским, Киевским и Прилуцким полками Скоропадского для соединения с главной армией.

Петр переиграл короля не только в стратегии, но и в тактике. Связав шведов гарнизоном Полтавы, царь беспрепятственно занял плацдарм на «шведском» берегу реки с целью деблокады Полтавы, освобождении Гетманщины от скандинавской оккупации и вытеснении пришельцев за Днепр. Принципиальной бескомпромиссности в противостоянии с Россией ни у мазепинцев, ни у запорожцев не было. До Полтавской битвы на русскую сторону перешли генеральный судья В. Чуйкевич, есаул Максимович, лубенский полковник Д. Зеленский, компанейский полковник Ю. Кожуховский, сердюцкий полковник Я. Покотило, войсковой товарищ С. Лизогуб, мазепинцы А. Гамалея, Я. Гречаный, канцелярист Г. Григорьев, Ф. Лихопой.

Во время генеральной баталии 27 июня 1709 г. шведское командование опасалось выводить запорожцев и мазепинцев на бой и оставило

их охранять обоз, где сидел и Мазепа. Русское командование поручило 8—10 тыс. казаков гетмана И.И. Скоропадского блокировать Шведскую армию с тыла и потом преследовать ее остатки вплоть до Днепра, где в плен сдалось 2 700 казаков. В 1714 г. много запорожцев вернулись на Левобережную и Правобережную Украину. Одним из последних написал Стефану Яворскому покаянное оправдательное письмо 1 июня 1721 г. с просьбой о прощении «гетман в изгнании» Ф. Орлик.

В результате Полтавской победы Гетманщина была освобождена от шведских оккупантов совместными усилиями Русской армии, украинских казаков и партизан. Генеральная баталия Северной войны и оборона Полтавы стали вехой содружества украинского казачества с Русской армией. Полтавскую битву нельзя подверстывать под рубрику «одной из тяжелейших украинских катастроф, после которой началось национальное и социальное порабощение украинцев». В общей истории русского и украинского народов бедственными были разорение Древней Руси войсками хана Батыя, набеги Крымского ханства и катастрофа 1941—1942 гг. Полтавская победа стала вехой в процессе собирания всех украинских земель.

Русский и украинский народы вечно будут жить в соседстве. Не мести и кипения ненависти, а творящей любви и великодушия достойны наши народы.

[1] *Шестаков В.Ф.* Полтавские СМИ в преддверии 300-летия юбилея Полтавского сражения // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения: сб. ст. М., 2009. С. 347—356.

[2] Массовыми тиражами переиздаются и распространяются через академические магазины «Науковой думки» работы эмигранта из Канады П. Штепы: *Штепа П.* Московство: його походження, зміст, форми й історична тяглість. 5-е вид. Дрогобич, 2005 — и издевательские памфлеты на темы русской истории: *Белинский В.П.* Страна Моксель. Київ, 2002; *Его же*. Открытие Великороссии. Київ, 2004.

[3] *Заець В.* Історичний ворог ніколи не стане другом // Нація і держава. 2005. № 24. С. 3.

[4] *Апанович О.* Правда о возз'єднання України з Росією в січні — березні 1654 р. // Українська газета. Київ, 1994. 20 січня — 2 лютого.

[5] *Драгоманов М.* Пропащий час: українці під Московським царством (1654—1876). Київ, 1992. С. 14.

[6] *Кущ О.* До історії однієї «забутої» війни // Сучасність. Київ, 1997. С. 97.

[7] *Шевчук В.* Просвіченій володар. Київ, 2006. С. 19, 226, 236.

[8] Звучат предложения о его канонизации. В Киеве создан научно-популярный фильм «Мазепа». В Полтаве периодически оскверняются памятники «палачу, люто ненавидевшему Украину» — Петру I и А.С.Пушкину (как «месть за Мазепу»).

[9] Украинская историография принципиально игнорирует названия Русь, Россия применительно к нашему государству.

[10] *Горобець В.* Конотопська битва 1659 року // Дві Русі: Україна Incognita. Київ, 2004. С. 73, 74. Опираясь на фантастическую запись в «Летописи Самовидца», украинские историки и публицисты, чтобы раздуть масштаб победы, пишут о 100-тысячном русском войске.

[11] *Мицик Ю.* Конотопська битва — військовий аспект // Конотопська битва 1659 року: збірка наукових прац. Київ, 1996. С. 14, 15.
[12] *Борисенко В.Й., Бульвинський А.Г., Візер С.О.* Еволюція українсько-російских відносин у другій половині 17 ст. Київ, 2006. С. 246.
[13] *Шевчук В.* Суспільно-політична думка в Україні від 1710 по 90-ті роки 18 ст.// Тисяча років українськоі суспільно-політичної думки: у 9 т. Київ, 2001. Т. 4, кн. 1. С. 54.
[14] *Павленко С.О.* Іван Мазепа. Киів, 2003. С. 312, 314, 315. 368, 388, 394. Подобное повторяется петербургским историком Т.Г. Таировой-Яковлевой: «В выжженный край должен был превратиться Киев, вместе с Софией, братским монастырем, Киево-Могилянской академией и прочими священными... местами». — *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2007. С. 192.
[15] Письма и бумаги императора Петра Великого. (Далее ППВ) М., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 1151, 1152; *Романовский В.А.* Феодально-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII — начале XVIII в. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: сб. ст. М., 1959. С. 302.
[16] *Радишевский Р., Свербигуз В.* Іван Мазепа в сарматсько-роксоланському вимірі високого бароко. Київ, 2006. С. 403, 515.
[17] *Иваниченко Р.П.* Історія без міфів: бесіди з історії української державності. Київ, 2006. С. 157. (Рекомендовано Министерством просвещения Украины в качестве учебника для ВУЗов.) Реже встречаются более взвешенные работы, в которых пишется, что Россия не ввела прямого воеводского управления на Гетманщине и не взяла в царскую казну ее финансовые ресурсы. При Мазепе административная автономия Гетманщины даже расширилась. — *Горобець В.* «Волимо царя східного...»: український гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007. С. 439.
[18] *Толочко П.П.* Від Русі до України // Від Русі до України: вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці. Київ, 1997. С. 27, 28.
[19] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt; Leipzig, 1742. Bd. 3. S. 144, 231—234. Шведский историк П. Фром писал, что Мазепа вел двойную политику, выгадывал время в переговорах со Станиславом и рассчитывал, что шведы пойдут прямо на Москву. Еще в ноябре 1708 г. не было достигнуто конкретного соглашения Станислава Лещинского с Мазепой. — *From P.* Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska fälttåg 1707—1709. Lund, 2007. S. 226—228.
[20] *Defoe D.* An impartial history of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy... Written by a British Officer in the Service of the Czar. London, 1723.
[21] *Павленко С.О.* Іван Мазепа ... С. 314, 315, 368, 388, 394.
[22] Там же. С. 325, 378.
[23] См.: *Артамонов В.А.* Украино-русская конвергенция в последней трети XVII — XVIII вв. // Україна в Центрально-Східній Европі. Київ, 2005. С. 607—622. Идея украинской независимости стала рождаться только с середины XIX в. и то в форме федерализма с Россией.
[24] *Сокирко О.* Лицарі другого сорту: наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669—1726 рр. Київ, 2006. С. 109.
[25] ППВ. М.; Л., 1948. Т. 8, вып. 1. С. 262, 263.
[26] *Ульяновський В.* Пилип Орлик // Володарі гетьманської булави: історичні портрети. Київ, 1994. С. 230.
[27] С этими сокровищами он не расставался во время всех перемещений по Гетманщине, сохранил их при бегстве через Днепр 30 июня 1709 г., и удерживал вплоть до последнего вздоха 21 августа 1709 г. в Бендерах, где и скончался.
[28] *Павленко С.О.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004. С. 296.
[29] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berattelse // Karolinska krigares dagböcker. (Далее KKD). Lund, 1913. S. 66. Подробнее см.: *Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Санкт-Петербург, 2008. С. 47, 48.

[30] *Волынской Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ея в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1, кн. 2. С. 327—337.
[31] Nachricht von dem wahren Zustand der Konigl. schwedischen Armee... den 30 December 1708. Hamburg, 1709. S. 3a.
[32] *Субтельний О.* Україна. Історія. Київ, 1993. С. 209; *Павленко С.О.* Загибель Батурина 2 листопада 1708 р. Київ, 2007. С. 120. На сайте Батуринского государственного историко-культурного заповедника «Гетманская столица» размещены строки: «Батурин постигла та же судьба, что Ниневию, Трою, Карфаген, Иерусалим. Только с одним отличием — те знает весь мир, а память о Батурине выжигалась и корчевалась из украинских душ несколько веков, как ересь... как символ борьбы за свободу». «Батурин символ высокой жертвенности, патриотизма, силы духа украинского народа в борьбе за достойное место среди народов мира». «В 1708 г. Батурин был распят, вместе с ним распята вся Украина, весь украинский народ. За триста лет, начиная с Меншикова, из Батурина вывезли все, а что не могли — взорвали, разобрали, пожгли». В книге отзывов заповедника встречаются строки — «Святое место», «святыня украинского самосознания», «Трагедия Батурина стала началом возрождения Украины».
[33] О вине Мазепы в трагедии Батурина писал три века назад украинец Феофан Прокопович: «[никто] не радуется крови братней, елико неповинне пролияся, но да вопиет она на виновника своего Каина, да обратится болезнь твоя на главу твою, бессовестный предателю! ... Ты, ты, Иудо злочестивый, в первоначальном малороссийском граде не [ино]странным, но домашним нашим устроил... место погребения». — *Феофан Прокопович*. Сочинения М.; Л., 1961. С. 55, 56.
[34] C.M. Posses dagbok 1707—1709 // KKD. Lund, 1901. T. 1. S. 335, 336.
[35] *Шутой В.Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700—1709 гг. М., 1958. С. 348—350.
[36] *Павленко С.О.* Іван Мазепа ... С. 325.
[37] ППВ. Т. 8, вып. 1. С. 287, 289.
[38] *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 66, 67, 150.
[39] *Мацьків Т.* Гетьман Іван Мазепа в західньоевропейських джерелах, 1687—1709. Київ; Полтава, 1995. С. 96. Адлерфельд тоже писал, что Мазепа стал колебаться и собирался вернуть милость царя.
[40] *Adlerfeld G.* Op. cit. T. 3. S. 166.
[41] «В застоявшуюся зиму король собрался совершить опустошительное вторжение на несколько миль вглубь России, чтобы показать московским подданным войну, которую противная сторона несколько лет вела в Лифляндии». — *Weihe Fr.Chr.* Löjtnanten Fr.Chr. von Weihes dagbok, 1708—1712 // Historiska handlingar. Stockholm, 1902. Del. 19. N 1. S. 30.
[42] ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 693, 694. См. также: *From P.* Op. cit. S. 259.
[43] *Weihe Fr.Chr.* Op. cit. S. 32.
[44] Гистория Свейской войны: (поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 296*; Шутой В.Е.* Указ. соч. С. 348—350.
[45] А.Д. Меншиков И.И. Скоропадскому 16 (27) февраля. — ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 691.
[46] *Adlerfeld G.* Op. cit. T. 3. S. 190.
[47] *Weihe Fr.Chr.* Op. cit. S. 33, 34.
[48] *Siltmann D.N.* “Volontären” vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. v. Siltmanns dagbok, 1708—1709 // KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 292. Коломак был на расстоянии около 60 км к северо-востоку от Полтавы и на таком же расстоянии от степного пограничья запорожских казаков. Эту местность нельзя относить к «Татарии» (причерноморским степям Крымского ханства).
[49] «Все тамошние крестьяне сбежали оттуда и основали разбойный притон в зарослях по ту сторону Ворсклы. Оттуда они почти каждую ночь перебирались по льду и угнали у нас и, особенно у гетмана Мазепы в Будищах, несколько сотен

лошадей. Чтобы разогнать этих воров, туда поехал майор Юлленшерна с тремястами гвардейцами, но он мало что мог сделать. Крестьяне, застрелив наших трех человек, рассеялись по зарослям и исчезли за болотом. Однако потом мошенники должны были расплатиться девятью висельниками, когда мы их захватили в районе Будищ». — *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 34.

[50] Расспрос казака Мирона Петрова в Сумах 13 января 1709 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Ч. 1. Л. 67 об.

[51] ППВ. М., 1960. Т. 9, вып. 1. С. 80; См. также: РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 51. Л. 56—59.

[52] *Adlerfeld G.* Op. cit. T. 3. S. 196.

[53] ППВ. Т. 9, вып. 1. С. 97.

[54] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse med bilagor. Stockholm, 1952. S. 220. В русскую и украинскую историографию неосновательно вошла цифра в 8 тысяч, пущенная в обиход Г. Адлерфельдом.

[55] *Гилленкрок А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 80. Переговоры не имели успеха, но Левенец попал под подозрение и в марте 1709 г. был удален в Харьков, откуда рассылал универсалы, чтобы все казаки Полтавского полка собирались немедленно под его команду и «чинили поиск» над неприятелем. — ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 830.

[56] «А которые ныне в Сече казаки, и те самые лутчие ... и тогда единомысленно хотели служить Его Царскому Величеству. А того, чтоб им соединитися с Мазепою, отнюдь никто не советовал... Гордеенко ... и тех, которые ныне при нем, привел к Мазепе, обманув». — Расспросные речи запорожцев Н. Иванова и И. Романова, 30 марта 1709 г. // ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 746, 747.

[57] Там же. С. 135.

[58] *Adlerfeld G.* Op. cit. T. 3. S. 203.

[59] *Гилленкрок А.* Указ. соч. С. 83, 85. Сегодня украинские историки пишут, что жители Полтавы, как и Веприка, были заложниками русских. — *Шендрик Л., Янович О.* Карл XII і Петро I. Боротьба за панування // Київська старовина. 1995. № 3. С. 41.

[60] Реляция бывшего покоевого Мазепы Григория Новгородца. — РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Л. 157 об, 158.

[61] ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 810, 811.

[62] *Gyllenstierna N.* Op. cit. S. 81, 82.

[63] *Adlerfeld G.* Op. cit. T. 3. S. 262, 263.

[64] *Weihe Fr.Chr.* Op. cit. S. 37, 38.

[65] «Наших при той потребе больши 60 человек не пропало... а неприятельских с 800... Запорожцы, на которых наши люди напали, все свое ружье покиня, в воду топились, которых наши, кто хотел, тот рубил и по та мест, как устали». — ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 828, 829.

[66] Петр — Меншикову, 21 апреля 1709 г. // Там же. Вып. 1. С. 153.

[67] *Levenhaupt A.L.* Op. cit. S. 223.

[68] *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708—1709. Bratislawa, 1969.

[69] Перебежчики, покинувшие Мазепу, сообщали, что тот «потерял у шведов кредит. И шельмою его все называют за неправды». — ППВ. Т. 9, вып. 2. С. 929, 931.

[70] *Levenhaupt A.L.* Op. cit. S. 224.

[71] *Weihe Fr.Chr.* Op. cit. S. 47.

[72] *Gyllenstierna N.* Op. cit. S. 86.

[73] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 319.

В.М. Хевролина

РОССИЯ И ВОССОЗДАНИЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Победы русско-турецкой войны конца XVIII в. вызвали надежды православных балканских народов на освобождение от османского ига с помощью России, которая рассматривалась как важная опора балканской политики, развертывания борьбы за национальную болгарскую церковь. Н.П. Игнатьев добился решения о создании двух автономных провинций, управляемых христианскими губернаторами. В освобожденной Болгарии было создано русское гражданское управление, проведены реформы, разработан первый вариант болгарской конституции. Болгарское княжество стало центром в борьбе за единую Болгарию.

Ключевые слова: Россия, Болгария, роль русско-турецкой войны в освобождении Болгарии, национальная церковь, разработка конституции, создание болгарских княжеств.

С начала XVIII в. балканское направление начинает играть заметную роль во внешней политике России. Это было обусловлено геополитическими интересами Российской империи, стремившейся усилить свое присутствие на Балканах, укрепить позиции на Черном море и в Проливах, а также предотвратить экспансию западных держав в этом регионе. Существенную роль играли задачи экономического и стратегического порядка, связанные с необходимостью присоединения и освоения плодородных земель Северного Причерноморья и защиты их от набегов крымских татар.

Победоносные русско-турецкие войны конца XVIII в. вызвали надежды православных балканских народов (сербов, болгар, греков, молдаван) на освобождение от османского ига с помощью России. Особое значение приобретал факт христианской солидарности, единоверия и единоплеменности. Еще Петр I высказал идею возрождения государственности балканских народов. В условиях конца XVIII в. эта мысль казалась реализуемой даже не в очень отдаленной перспективе. Она разделялась некоторыми представителями правящих кругов России и российской общественности, а также рядом деятелей балканских земель. Греческий проект Екатерины II в условиях 80-х годов XVIII в. был утопичен, но идея создания Греческого и Дакийского государства содержала определенный позитив. Более конкретен был план создания славянского и греческого государств князя А. Чарторыйского (1806)[1].

В начале XIX в. в связи с усилением национально-освободительного движения на Балканах появился ряд проектов, принадлежавших как российским, так и балканским деятелям с планами создания славянской федерации под эгидой России. Идея эта основывалась на постулатах единства православного мира, славянской общности и культурной взаимности. В некоторых проектах подчеркивалась и роль Болгарии. Так, первый директор Царскосельского лицея В.Ф. Малиновский писал:

«Булгария населена народами единого племени со славянами и сербами. Она составит свою область. Если принять в рассмотрение все разорения и бедствия, какие она одна претерпевает при настоящем неустройстве Турецкой империи, то довольно найдется оправдания и восприятию каждому народу своей собственной над собой власти»[2] .

Идея славянской федерации занимала значительное место в идеологии декабристов, а затем славянофилов. Основными составляющими ее являлись освобождение славянских народов и создание национальных государственных формирований.

Осознание важной роли Болгарии в балканской политике России усилилось в связи с русско-турецкими войнами конца XVIII — начала XIX в., которые частично велись на болгарской территории и при содействии болгарских добровольческих отрядов. Географическая близость Болгарии к России, наличие у последней отвоеванных у турок незаселенных земель в Северном Причерноморье, наконец, усиление экономического, политического и религиозного гнета по отношению к христианам, в том числе и болгарам, в Османской империи способствовали массовому переселенческому движению болгар в Россию со второй половины XVIII в. Этот процесс поощрялся российским правительством, хотя оно не могло предоставить переселенцам достаточно приемлемых для них условий проживания. В начале XIX в. переселение приняло такие размеры, что Россия вынуждена была его ограничивать. Тем не менее, десятки тысяч болгарских переселенцев обосновались в Крыму, Бессарабии, Новороссии. Так, после Бухарестского мира 1812 г. из Болгарии в Россию и в Дунайские княжества переселилось 97 тыс. чел., а после Адрианопольского мирного договора 1829 г. из опасения турецких репрессий Болгарию покинуло 130—140 тыс. чел.[3] Значительное количество болгар переселилось в Россию и после Крымской войны. На юге России возникла влиятельная болгарская диаспора с центром в Одессе, имевшая обширные связи в российских политических, общественных и торговых кругах. Переселенцы сохранили тесные контакты с родиной и оказывали помощь развитию национально-

освободительного движения в Болгарии. Болгарские общественные деятели, живущие в России, пропагандировали идеи болгарского освобождения и создания Болгарского государства. Все это обусловило повышенное внимание к болгарскому вопросу как в правящих, так и в общественных кругах России и особенно в прессе и даже литературе (И.С. Тургенев «Накануне»).

Россия рассматривала Болгарию как важную опору своей балканской политики, особенно после поражения в Крымской войне. Усилению внимания к Болгарии способствовал ряд факторов: прозападная позиция правящих кругов Сербии и Дунайских княжеств, содействие болгарских добровольческих отрядов русской армии в период Крымской войны, развитие партизанского движения в самой Болгарии после войны, активизация болгарской диаспоры. Немаловажную роль сыграло развертывание острой борьбы в Болгарии за создание самостоятельной болгарской церкви. Как справедливо считали сами болгары, создание болгарской церкви, отделение ее от Константинопольской патриархии явится первым шагом к образованию болгарской государственности. В болгарском церковном вопросе у российских правящих кругов не было единства. С одной стороны, они поддерживали борьбу болгар за создание самостоятельной церкви, с другой — стремились к сохранению целостности православной церкви в Османской империи, воплощаемой Константинопольской патриархией, которая была мощным фактором влияния России в Османской империи. После некоторых колебаний Петербургом был сделан выбор в пользу болгар. Фактически патриархия уже давно «кормилась» из рук Порты, а болгарское освободительное движение расшатывало Османскую империю вкупе с борьбой против нее других балканских христианских народов.

Российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев убедил Порту создать Болгарский экзархат (1870), включавший епархии с большинством болгарского населения. Поскольку болгарские христианские церковные общины имели известную самостоятельность в делах религии, народного образования и культуры, то создание Болгарского экзархата способствовало появлению начал национально-культурной автономии в Болгарии. Епархии, включенные в экзархат, составили костяк будущего Болгарского государства. Это была первая победа на пути его создания, и ее удалось одержать с помощью России.

Рост национально-освободительного движения на Балканах, вызвавший Восточный кризис 70-х годов, заставил Европу принять какие-то меры в защиту христиан. На Константинопольской конференции послов европейских держав (декабрь 1876 — январь 1877),

созванной для урегулирования Восточного кризиса, Н.П. Игнатьеву удалось добиться принятия решения о создании двух болгарских автономных провинций — западной и восточной, управляемых христианскими губернаторами. При этом территория этих провинций была довольно обширной и простиралась от Черного до Эгейского морей и Родопских гор.

Непринятие Портой решений конференции привело в итоге к объявлению Россией войны Турции. В манифесте Александра II от 12 апреля 1877 г. об объявлении войны говорилось, что ее цель — улучшить положение балканских христиан — Боснии, Герцеговины и Болгарии, создать автономное Болгарское государство. Ведущими задачами войны были освобождение Болгарии, предоставление независимости Румынии, Сербии и Черногории.

Россия считала своей задачей не только освобождение Болгарии, но и содействие в формировании ее государственности. В проектах организации Болгарии, представленных Н.П. Игнатьевым на Константинопольской конференции, содержались планы ее будущего государственного устройства: создание высших органов власти, местного самоуправления, судебных учреждений, финансовых органов, организации милиции, народного образования и др.[4] Эти программы были разработаны на основе предложений болгарского населения.

В ноябре 1876 г. при главнокомандующем была введена должность заведующего гражданскими делами, которую занял князь В.А. Черкасский, участник подготовки крестьянской реформы в России и Польше, умеренный либерал по своим взглядам.

Перед переходом русской армией Дуная царь обратился к болгарскому народу, заявив, что задача России — создавать, а не разрушать, что вместо османского произвола в Болгарии будут водворены справедливость, право и порядок, а турецкие власти будут заменены правильным управлением с участием местного населения[5]. Оставив старое административно-территориальное деление — санджаки (губернии), нахии (округа) и казы (уезды), русское гражданское управление во главе с Черкасским существенно изменило содержание деятельности аппарата. Основное внимание было обращено на создание и работу местных органов в уездах — административных советов (муниципалитетов), члены которых частично назначались, а частично избирались населением. Руководящие должности в санджаках и округах заняли русские генералы и офицеры. Так, сразу же губернаторами были назначены Столыпин, Домонтович, Вельяминов, Золотарев, Анучин и другие генералы. В русском гражданском управлении активно работала и верхушка болгарской буржуазной

интеллигенции, также занимавшая руководящие должности (Геров, Начович, Бурмов, Балабанов, Греков, П. Каравелов, Крстович, бр. Цанковы и др.). Многие впоследствии стали членами болгарского правительства.

К созданию гражданской администрации в Болгарии Россия тщательно готовилась. Она стремилась сформировать основы болгарской государственности как можно скорее с тем, чтобы избежать хаоса в стране и поставить Европу перед фактом создания единой Болгарии, ибо вопрос о ее единстве вызывал протесты Лондона и Вены. В самом начале войны Черкасским была создана комиссия, подготовившая 6 выпусков «Материалов для изучения Болгарии» со статистическими сведениями о населении каждого санджака, земельной собственности и др. Эти материалы использовались в деятельности временной русской администрации.

Следует особо подчеркнуть, что с началом войны российские консулы в Болгарии (Сорокин, Белоцерковец, Юзефович, Геров и др.) были распределены по военным корпусам с тем, чтобы сразу после переправы их через Дунай «вводить самоуправление, обезоруживать мусульман и обеспечить спокойствие края»[6].

К февралю 1878 г., т.е. к окончанию военных действий в Болгарии, было образовано 8 санджаков (губерний) и 56 округов в них, где было введено гражданское управление[7]. Деятельность губернаторов и начальников округов регламентировалась специальными инструкциями, публикуемыми в «Сборнике официальных распоряжений и документов по Болгарскому краю». В работе управления активно участвовало и само болгарское население.

Первоочередной задачей русское управление считало наведение охраны и порядка, для чего в каждый округ были назначены штаб-офицеры, военно-полицейская стража создавалась из местных жителей. Не менее важно было создать из болгар боеспособные воинские части — в помощь русской армии формировались дружины болгарского ополчения под началом русских офицеров. Основой вновь создаваемого болгарского войска являлись те дружины, которые были сформированы еще до войны и участвовали в первых боях. Были созданы военное училище и военно-полевые суды. Кроме войска создавалась народная милиция.

Гражданским управлением были проведены реформы — финансовая (учреждено казначейство), налоговая (отменены военный налог и десятина, вместо которой был введен поземельный налог), в основном же большинство старых налогов было сохранено. Вместо конной почты устроен почтовый телеграф. На европейский лад организовано судебное дело. В связи с сокращением мусульманского

населения многие мечети были переоборудованы под православные церкви, существенные улучшения были внесены в дорожное дело, здравоохранение, народное образование. Русская гражданская администрация сыграла большую роль в решении земельного вопроса, передав земли бежавших турок болгарскому крестьянству (циркуляр В.А. Черкасского от 4 ноября 1877)[8]. Передача земель болгарам знаменовала собой аграрный переворот, способствовала созданию в Болгарии класса свободных земельных собственников.

В целом русская гражданская администрация за недолгое время своего существования проделала огромную работу по созданию аппарата управления и налаживанию мирной жизни в стране.

Характерно, что государственное строительство в Болгарии началось с местных органов власти, ибо первые преобразования делались в ходе войны, а высшие и центральные власти могли быть созданы лишь после официального провозглашения Болгарии государством.

Сан-Стефанский мирный договор от 3 марта 1878 г. подвел итоги начального этапа создания болгарской государственности. В отличие от решений Константинопольской конференции договор предусматривал создание единого Болгарского государства (автономного) в границах, признанных конференцией. Однако яростное сопротивление Турции, Великобритании и Австро-Венгрии, требовавших пересмотра договора, обусловило раздел Болгарии на автономное княжество и провинцию Восточную Румелию (в составе Османской империи), которой была дана лишь административная автономия. Но борьба за воссоздание болгарской государственности продолжалась.

Теперь стояла задача создания конституции для княжества и формирования высших и центральных органов власти, что надо было сделать до июня 1879 г., ибо эта дата была определена Берлинским конгрессом как время ухода русских войск из Болгарии. Уже в сентябре 1878 г. зав. судебным отделом гражданского управления известным российским юристом Лукьяновым был разработан первый вариант Органического устава для Болгарского княжества (конституция). За образец были взяты конституции Сербии и Румынии. Высшим органом должно было являться Народное собрание, состоящее из нотаблей (именитых людей) и лиц высшей администрации (120 чел.), а также выборных от населения (99 чел.). Однако на совещании у Александра II в ноябре 1878 г. лукьяновский проект подвергся серьезной критике со стороны известного либерального юриста Градовского. Исследовательница вопроса И.В. Козьменко, внимательно изучив протокол этого совещания, установила, что именно Градовский выступил против включения в собрание нотаблей. Он считал, что конституция Болгарии должна быть более либеральна, что сделает

привлекательнее Россию в глазах болгарского народа и будет способствовать скорейшему объединению Болгарии и Румелии. По требованию Градовского были включены такие статьи, как прямые выборы (1 депутат от 20 тыс. чел.), что увеличило количество делегатов от населения и уменьшило представителей администрации. Градовский добился включения статьи о свободе печати без предварительного надзора, статьи о праве ассоциаций, собраний, союзов без предварительного разрешения[9]. Княжество было объявлено наследственной монархией с народным представительством, что ограничивало власть князя. С Турцией оно было связано только уплатой дани. В качестве высших и центральных органов создавались Государственный совет, Совет министров, министерства. Для решения важнейших дел (например, выбор князя, изменение конституции) собиралось Великое народное собрание. Все это делало конституцию Болгарии одной из самых либеральных в Европе. Надо сказать, что добавления Градовского вызвали сильные протесты со стороны консервативных деятелей. Лобанов-Ростовский, Гирс отчаянно возражали против статей о свободе печати и праве ассоциаций, но эти статьи были поддержаны Горчаковым, Милютиным, Урусовым. Конституция была принята с поправками Градовского в апреле 1879 г. на Тырновском учредительном собрании, которое еще больше усилило ее демократические черты (например, статья о приобретении свободы каждым несвободным человеком, вступившим на территорию Болгарии и др.). 17 апреля был избран болгарский князь А. Баттенберг, который вскоре стал добиваться отмены конституции, что и случилось в 1881 г.

В России принятие Тырновской конституции было встречено одобрительно, в особенности либеральными кругами. В условиях либерально-конституционного движения в стране после войны общество надеялось, что и в России будет введена конституция. Ряд земств (Тверское, Черниговское) направили Александру II адреса с просьбой ввести в России конституцию наподобие болгарской. Результатом была ссылка смелых земцев. Последний факт свидетельствует о том, что русское правительство пошло на введение в Болгарии конституционного правления вынужденно. Приходилось учитывать существование конституций в соседних балканских странах, свободолюбивые традиции самих болгар, наличие конституционного движения в России, наконец, показать Европе, что в освобожденных Россией странах последняя следует либеральным началам. Немаловажную роль сыграло и стремление ограничить власть князя, на лояльность которого Россия не могла надеяться.

Одновременно России пришлось решать и другую задачу — создание государственности Восточной Румелии. Последняя должна

была управляться по решению Берлинского конгресса христианским губернатором, а разработка принципов управления была поручена Европейской комиссии по организации Восточной Румелии, состоявшей из представителей европейских держав.

На этом этапе перед Россией стояла задача выработки Органического статуса для этой провинции таким образом, чтобы исключить угрозу иностранной интервенции со стороны Турции и максимально приблизить устройство провинции к принципам устройства княжества с тем, чтобы облегчить их скорое объединение, в котором никто не сомневался.

Россия рассматривала Болгарское княжество как объединительный центр в дальнейшей борьбе за единую Болгарию. Задача осложнялась тем, что русской администрации приходилось в Румелии работать под контролем Европейской комиссии, стремившейся вернуть Румелию в состав Османской империи. Вдоль всей границы стояли турецкие гарнизоны, готовые в любой момент вторгнуться в Южную Болгарию, когда русские войска уйдут. Ввиду протестов России против турецких гарнизонов Европой был выдвинут план смешанной турецко-европейской оккупации. Надо было как можно скорее сформировать управление по типу существовавшего в княжестве, а также оградить аппетиты Европейской комиссии, желавшей контролировать и захватить финансы провинции. Российские представители в комиссии А.Н. Церетелев и А.А. Шепелев добились скорейшего составления Органического регламента (устава) области, который утвердил ее автономию. Принятый 14 апреля 1879 г. устав по сути представлял собой конституцию Южной Болгарии. Он создавал предпосылки для ее объединения с княжеством, ибо управление и администрация были созданы по одному типу. Россия настояла также на выдвижении на пост генерал-губернатора провинции болгарина Алеко Богориди. По ее требованию туркам пришлось отказаться от смешанной оккупации и снять свои гарнизоны по границам Румелии. Большую роль во всем этом сыграли усилия России по созданию в области собственного войска. По призыву администрации население собрало массу оружия на полях недавних сражений. Была создана народная милиция, а население в массовом порядке стало обучаться военному делу. В столице области Пловдиве открылась военная школа. Работой по созданию воинских частей руководил генерал-лейтенант А.Д. Столыпин, инструкторами были русские офицеры и солдаты. В обучении населения военному делу принимал участие М.Д. Скобелев. В Южную Болгарию были отправлены из Действующей армии офицеры-болгары. Для подкрепления войску были созданы так называемые гимнастические общества, где население обучалось воен-

ному делу под руководством русских офицеров и солдат. В г. Сливен, например, число членов общества достигало 1 тыс. чел. Посмотреть на ученья собирался весь город. «Нам надо приготовиться на всякий случай, — говорили болгары. — Мы покойны, пока русские войска здесь, а уйдут они — Бог знает, что нас ожидает»[10].

Активно действовала и российская дипломатия. Лично Горчаковым были предприняты огромные усилия по сохранению гарантии административной автономии Южной Болгарии. В переговорах с английским послом в Петерберге Ф. Дюфферином Горчаков протестовал против смешанной оккупации области. Усилия русской дипломатии и создание значительных боевых сил с помощью русских офицеров сыграли свою роль. Англия и Турция вынуждены были гарантировать автономию области[11]. Об этом торжественно заявил населению генерал Н.Н. Обручев 25 апреля 1879 г.: «Порта сдержит регулярные свои силы; против вторжения же башибузуков у вас есть оружие; на то оно вам дано, чтоб вы могли защищать от злодеев ваши дома, ваших жен и детей и чтоб в вашей стране не могли уже повторяться те ужасы, от которых она страдала в течение многих веков. Отныне ваше положение прочно, пользуйтесь его благами без всяких опасений, благодарите за них творца, благодарите русский народ и храните навсегда неизгладимую благодарность к великому царю-освободителю»[12].

В мае 1879 г. русское гражданское управление в Восточной Румелии было ликвидировано, область поступала под управление генерал-губернатора А. Богориди. В июне 1879 г. русские войска покинули Болгарию, а в начале июля — Восточную Румелию.

Таким образом правительство и дипломатия России отчасти нейтрализовали тяжелые для Болгарии условия Берлинского конгресса. Обе ее части получили конституции, что означало воссоздание болгарской государственности, буржуазной по своему характеру. Обе части Болгарии получили международное признание в качестве автономных государственных образований (политического и административного). Одновременно были созданы предпосылки для слияния их в единое государство, что и произошло в 1885 г. Восстановление османской власти в Болгарии уже было невозможно. Особо следует отметить роль России в разработке положений Тырновской конституции, именно последняя стала главным актом, свидетельствующим о легитимности государства.

После Сан-Стефанского мира Россия, вопреки желанию Запада, последовательно осуществляла линию на соединение двух Болгарий, опираясь при этом на население и болгарские буржуазные круги и учитывая их стремления. Никакой другой позиции она не могла за-

нять, если хотела сохранить свое влияние. Она вынуждена была признать условия Берлинского трактата, но при этом стремилась всеми силами обеспечить дальнейшее национально-государственное развитие Болгарии.

Роль России в воссоздании Болгарского национального государства определялась, прежде всего, ее собственными государственными интересами. Геополитические задачи России на Балканах можно было решить только при содействии балканских народов и возрождении их государственности. Российскую политику на Западе неправомерно обвиняли в стремлении к захватам, а в России многие считали ее альтруистической. В действительности в своей подавляющей части она исходила из реальных интересов обеих сторон, которые на данном отрезке времени совпадали.

[1] *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 69.
[2] Цит. по: Там же. С. 62.
[3] *Медведева О.В.* Переселение болгар в Россию в XVIII — первой половине XIX в. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа: материалы междунар. конф. М., 2004. С. 126; *Дойнов С.* Преселенческие движения от българските земли по време на руско-турските войни през първата половина на XIX в. // Българско възраждане и Русия. София, 1981. С. 290—312.
[4] Освобождение Болгарии от турецкого ига: документы: в 3 т. М., 1961. Т. I. С. 489—501.
[5] Воззвание Александра II к болгарскому народу, составленное В.А. Черкасским, было подписано царем в г. Плоешти и опубликовано 10 июня 1877 г. (Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 140).
[6] *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 года: письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 35.
[7] Освобождение Болгарии... Т. 2. С. 557.
[8] Там же. С. 320, 321.
[9] *Козменко И.В.* Руската дипломация и формирането на Былгарската държавност след Освобождението. София, 1982. С. 92, 97.
[10] Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 428.
[11] Там же. С. 575.
[12] Там же. С. 614, 615.

И.А. Хормач

РИМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1924 Г.

Статья посвящена почти неизвестной историкам конференции по сокращению морских вооружений, проходившей в Риме в 1924 г., — первой международной конференции по сокращению и ограничению вооружений под эгидой Лиги наций, на которую было приглашено Советское государство.

На материалах архивов автор раскрывает процесс подготовки советской делегации к форуму, позиции Кремля и военных ведомств в отношении возможности ограничения морских вооружений, анализирует проекты западных держав и Москвы.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, международные отношения, Лига наций, разоружение.

Какая проблема может быть более важной и актуальной, а ее реализация более лукавой, чем разоружение и ограничение вооружений? Наверное, только борьба за справедливость. Очередным подтверждением этого явилась Римская конференция по сокращению морских вооружений 1924 г. — II сессия Морской подкомиссии Постоянной консультативной комиссии Лиги наций. Ее особое место определяется тем, что она была первой международной конференцией по разоружению, проводимой под эгидой Лиги наций, на которую было приглашено Советское государство. В процессе подготовки к форуму и на самой конференции впервые стали очевидны мотивы и планы Москвы в области разоружения.

Как известно, на Вашингтонской конференции, проходившей с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г., представители США, Великобритании, Франции, Китая, Японии, Италии, Голландии, Бельгии и Португалии помимо тихоокеанских и дальневосточных проблем рассматривали вопросы ограничения морских вооружений. Это была первая послевоенная попытка реально воспрепятствовать гонке вооружений на море.

6 февраля 1922 г. США, Великобритания, Япония, Франция и Италия подписали Договор пяти держав, устанавливавший для них определенное соотношение предельного тоннажа линейного флота соответственно 5:5:3:1,75:1,75, общий тоннаж линкоров и авианосцев, максимальные нормы водоизмещения кораблей и предельный калибр артиллерии. Для остальных классов кораблей и подводных лодок ограничений не было.

В конечном счете, Англия могла иметь 20 линкоров общим тоннажем в 558 950 т, США — 18 кораблей (525 850 т), Япония — 10 ко-

раблей (301 320т), Франция — 10 кораблей (221 170 т), Италия — 10 кораблей (182 800 т). Державы обязались не приобретать и не строить линкоров водоизмещением больше 35 тыс. т. Ни один линкор не должен был обладать орудиями калибра свыше 16 дюймов. Общий тоннаж линейных судов, могущий подлежать замене, не должен был превышать: для США в Британии — 525 тыс. т, для Японии — 315 тыс. т и по 175 тыс. — для Франции и Италии. США добились отхода Англии от основного принципа британского морского могущества — иметь флот, равный флотам двух самых сильных в мире морских держав. Вводились ограничения на сооружение новых военно-морских баз на Тихом океане.

Конференция закрепила изменения в соотношении сил между державами, происшедшие в Азии и на Тихом океане в итоге первой мировой войны, и попыталась создать новое равновесие сил на Дальнем Востоке.

Кроме договора 6 февраля 1922 г. пять держав подписали соглашение о ненападении во время войны на суда нейтральных и невоюющих стран и о предупреждении использования во время войны «вредоносных газов и химических средств».

Представители РСФСР и Дальневосточной республики, несмотря на их решительные протесты, не были приглашены на конференцию, и дальневосточные проблемы решались без учета интересов Советского государства.

Вашингтонский договор об ограничении морских вооружений не устранял противоречий между державами, но несколько сдерживал гонку вооружений. Он был заключен помимо Лиги наций, но она хотела взять в свои руки его распространение на другие страны и таким образом принять под свою эгиду. Совет Лиги, согласно постановлению III Ассамблеи, на заседании 21 января 1923 г. решил созвать в Женеве соответствующую конференцию, пригласив членов Лиги и уведомив об этом остальных[1].

17 февраля 1923 г. помощник генерального секретаря Лиги Ж. Авеноль известил наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина, что в Женеве будет собрана конференция для рассмотрения вопроса о распространении принципов Вашингтонского договора о сокращении морских вооружений на все государства, не участвующие в нем, и о присоединении не подписавших Вашингтонского договора стран к договору 6 февраля 1922 г. о запрещении использования удушливых газах. Это была лишь информация, а не приглашение.

Можно было промолчать, но Коллегия НКИД предложила Политбюро «во избежание недоразумения» дать ответ — мотивированный отказ, и еще раз изложить отношение Кремля к Лиге наций.

В письме И.В. Сталину 4 марта 1923 г. Чичерин предлагал также выразить принципиальное отношение к морским разоружениям — горячее сочувствие этой идее и готовность содействовать ей, а также сообщить, что если какое-либо правительство (например, американское) созовет соответствующую конференцию, СССР «пойдет на нее». Кроме того, он считал целесообразным изложить заявление СССР в Лозанне в отношении морских разоружений.

Однако 8 марта Политбюро постановило заявить о согласии Москвы принять участие в конференции «ввиду особой важности вопроса, оговорив, что отношение к Лиге наций остается неизменным»[2].

12 марта ответ был дан в официальном коммюнике. В документе подчеркивалось, что Москва продолжает стоять по отношению к Лиге наций на позиции непризнания, усматривая в ней коалицию государств, «неосновательно пытающихся узурпировать власть над другими государствами и прикрывающих ложной видимостью несуществующей законности свои посягательства». Вместе с тем выражалось желание оказать содействие решению задач облегчения военного бремени, предотвращения военных конфликтов и упрочения мира. Отмечалось, что СССР слабо надеется на достижение этих целей при существовавшем международном положении, однако не будет отказываться от малейшей возможности способствовать делу сокращения вооружений. Москва напоминала, что тщетно пыталась на Генуэзской конференции поставить вопрос о разоружении, на Лозаннской — защитить принцип закрытия проливов для военных судов, чтобы сократить возможность военных столкновений и содействовать сокращению вооружений, на Московской — договориться о сокращении вооружений одновременно с соседними государствами. Теперь же, говорилось в коммюнике, Россия готова рассматривать предполагаемую конференцию как собрание представителей отдельных государств, несмотря на то, что некоторые из них «составляют мнимую Лигу наций», и принять участие в этой конференции. Более того, в заявлении подчеркивалось, что без участия России и ее союзников конференция будет бесцельной[3].

В процессе подготовки к конференции Совет Лиги решил учесть позиции СССР и ряда других морских держав — не членов Лиги и постановил уже выработанный проект Морской конвенции пересмотреть и расширить с учетом их замечаний. Кроме того, Морская подкомиссия Лиги наций приняла решение созвать 21 января 1924 г. в Женеве сессию, на которую пригласить специалистов по военно-морским вопросам государств, имеющих линейные корабли, тоннаж которых соответствовал нормам, установленным Вашингтонским

договором, но размеры которых еще не были юридически ограничены, — Бразилии, Испании, Швеции, Аргентины, Чили, Дании, Греции, Норвегии, Нидерландов, России и Турции. Эти государства, а также все страны, имеющие флот, или его еще не имеющие, после окончания работ совещания морских экспертов должны были быть приглашены на конференцию, чтобы обсудить и подписать трактат об ограничении морских вооружений.

19 октября 1923 г. Генеральный секретарь Лиги известил Чичерина об этих изменениях, предложил аккредитовать советских морских экспертов. К приглашению прилагался проект применения принципов Вашингтонского морского трактата к государствам, не участвовавшим в Вашингтонской конференции[4].

Надо сказать, что проект соглашения был «сколком» с Вашингтонского трактата. Общий тоннаж линейных судов Аргентины не мог превышать 31 тыс. т, Бразилии — 45, Чили — 35, Дании — 13, Греции — 36, Нидерландов — 26, Норвегии — 16, Испании — 81, Швеции — 62 (по положению на 12 ноября 1921 г.).

Тоннаж отдельных линейных судов не мог превышать 35 тыс. т; авиаматки могли занимать 1/3 общего тоннажа линейного флота, но не превышать водоизмещения 27 тыс. т. Линейные суда могли иметь орудия не более 16 дюймов, а авиаматки — 8. Орудия других боевых судов (кроме линейных и авиаматок) — не превышать 8 дюймов, а водоизмещение самих судов — 10 тыс. т.

В мирное время на торговых судах нельзя было устанавливать вооружение, кроме платформ с 6-дюймовыми пушками. При выполнении участником договора заказа на военное судно для третьего государства, следовало об этом сообщить Совету Лиги с указанием характеристик судна. В случае войны запрещалось использовать иностранные военные суда, строящиеся на верфях участника договора. К проекту прилагался перечень линейных судов, которые могли быть заменены по мере изнашивания (в пределах предоставляемого каждому государству тоннажа), определялись правила и порядок замены.

В конце проекта следовали политические статьи. Конвенция заключалась сроком до 31 декабря 1936 г. Если какая-либо держава пожелает возбудить вопрос о досрочном пересмотре договора, она должна сообщить Совету Лиги, который созовет соответствующую конференцию. Через 8 лет состоится пересмотр технических статей конвенции с точки зрения соответствия их науке.

На время войны державы, не нарушавшие обязательств Устава, могли заявить Совету о решении освободиться от обязательств. А Совет мог предложить другим державам принять соответствующие

изменения на особой конференции. По окончании военных действий должен был быть восстановлен довоенный статус-кво.

О России и Турции в документе ничего не говорилось[5].

29 октября 1923 г. состоялось заседание Коллегии НКИД, на котором было принято решение считать участие советского эксперта в конференции «политически допустимым» и передать вопрос на предварительное заключение в Реввоенсовет. В тот же день соответствующий запрос был направлен в РВС и в Морской штаб СССР[6].

16 ноября 1923 г. был получен ответ из Морского штаба. Военные специалисты подчеркивали, что проект предусматривает неприемлемые для России условия: установление статус-кво для общего тоннажа каждой из договаривающихся держав к моменту созыва Вашингтонской конференции (причем у многих из них в общий тоннаж введены не только линейные суда, но и броненосцы береговой охраны и крейсеры); запрет в будущем на постройку или приобретение линейных судов за исключением замены устаревших судов.

Принятие подобного положения, на взгляд морского командования, «означало для СССР сохранение в будущем наблюдаемого сейчас почти на всех его морских театрах полного отсутствия действительной обороны морских путей и побережий». Это было неприемлемо, так как, пока у враждебных СССР капиталистических морских держав имелись линейные флоты, и пока политика этих держав по отношению СССР оставалась враждебной, российские побережья и морские пути, лишенные должной защиты, не могли считаться даже в сравнительной безопасности. В качестве примера возможной экспансии в мирное время приводились действия Японии на Дальнем Востоке, Англии на северном побережья СССР, захват Норвегией о. Медвежий, покушение Англии и США на о. Врангеля[7].

Надо отметить, что некоторые из этих акций (претензии Норвегии на о. Медвежий) были вполне обоснованы.

Крайне негативно морское командование оценило и то, что СССР приглашался принять участие в подписании конвенции в ряду мелких морских держав, не имеющих крупных морских интересов, обладающих по сравнению с СССР ничтожной береговой полосой. По этой причине положение представителей СССР на конференции представлялось крайне сложным — ведь они должны были сразу назвать цифру, необходимую для эффективной обороны отечественных пяти морских театров, в несколько раз превышающую этот максимальный для остальных держав тоннаж. Подобное заявление будет истолковано не в пользу СССР и создаст почву для обвинения его в агрессивных намерениях.

Вместе с тем, соглашаться на фиксацию тоннажа, который не выделялся бы среди цифр других держав, было совершенно недо-

пустимо. Морские границы СССР значительно превосходили по своей протяженности береговую линию, например США. Однако США располагали 525 тыс. т линейного тоннажа, Япония — 315, а Италия — 175. Кроме того, стратегическая ситуация морской обороны СССР очень сложная, в отличие от других держав: омывающие Союз моря разделены на пять отдельных морских театров (Балтийский, Черноморский, Северный, Дальневосточный и Каспийский). В случае военных действий было невозможно перебрасывать морские силы с одного театра на другой, поэтому каждый флот должен был обладать достаточным количеством судов. Принятие предложенного статус-кво наряду с другими странами, а также распространение на СССР правила замены судов означало лишение страны должной защиты. По размеру своего линейного тоннажа, подчеркивали специалисты, он должен был встать в ряд с державами, заключившими договор в Вашингтоне в 1922 г. Распределение тоннажа должно было всецело зависеть от политической обстановки на морских театрах.

На предстоящей конференции, отмечалось в документе, советским экспертам следовало зафиксировать право страны на обладание достаточными морскими силами для гарантии безопасности побережий и ведущих к ним морских путей. Использование этого права зависело от международной обстановки и финансового положения страны. Далее подчеркивалось, что, связывая себя на многие годы международными обязательствами, следует фиксировать это право, учитывая не текущие потребности и возможности, а уровень, который необходим для обороны страны, имеющей пять изолированных морских театров.

Морское ведомство считало, что, если будет решено послать советских экспертов на совещание, необходимо зачислить в статус-кво на 12 ноября 1921 г. все имевшиеся в стране в тот момент в списках достроенных и достраивающихся крейсера (за исключением легких) и линейные суда, независимо от того, предназначались они к достройке и действиям, или нет. Иными словами, «сосчитать все развалины и даже не поднятые затонувшие суда». Кроме того, предлагалось включить в это число российские суда, находящиеся в иностранных портах (черноморские в Бизерте и оставшийся в Англии крейсер «Аскольд»). В результате получится 491 025 т.

Руководство военно-морскими силами СССР подчеркивало, что посылать морских экспертов на конференцию имело смысл, если им представится возможность отстоять насущные интересы морской обороны страны и фиксировать следующие положения: СССР должен иметь право на предельный тоннаж в размере не менее 490 тыс. т (что помимо прочего поставит СССР на должное место среди вели-

ких морских государств); в выполнении необходимой судостроительной программы в пределах указанного тоннажа не быть связанным заменой старых кораблей равноценными новыми, а строить новые линейные суда, из которых каждый не выйдет за пределы тоннажа и вооружения, установленные проектом конвенции в 35 тыс. т с вооружением в 16 дюймов[8].

Думается, подход морского ведомства к решению проблемы был абсолютно профессиональным и лишенным пропагандистского налета и, что немаловажно, был направлен на завоевание Советским Союзом должного места в мировой арене. Но этот подход совершенно не соответствовал целям конференции как провозглашенным, так как задуманным.

23 ноября 1923 г. Начальник Штаба РККА Лебедев сообщил, что Главное командования присоединяется к заключению Морского командования, и направил в РВС СССР пакет документов с изложением точки зрения специалистов по различным аспектам проблемы участия СССР в конференции[9].

Все эти документы подтверждали уже указанные соображения морских специалистов и подчеркивали, что смысл протеста Морского командования против статус-кво заключался в том, что у России находящихся в полном порядке линейных единиц «почти совершенно нет». Поэтому предлагалось «взять фикцию линейных судов и крейсеров», числящихся в списках флота, но на деле плавать не способных, прибавить к ним часть Черноморского флота, находящуюся в Бизерте, а также стоящий в Англии «Аскольд» и из всех этих единиц составить тот статус-кво в 490 тыс. т, который на бумаге составлял актив России к 12 ноября 1921 г. Кроме этого командование хотело оговорить право СССР на деле довести линейный флот до указанной величины, внести технические условия для замены старых кораблей судами нового типа.

Специалисты морских, экономических, военно-технических ведомств поддержали эту стратегию, но предупредили, что на флот в утвержденной правительством СССР программе военных заказов не предусмотрено. Поэтому выдвигалась альтернатива — потребовав сокращения срока действия конвенции, сделать пацифистский жест, заявив в отношении линейного флота, что Москва удовлетворится определенной даже более скромной, чем предлагается, цифрой тоннажа, и тем временем усиливать советский подводный флот и авиацию[10].

30 ноября 1923 г. Коллегия НКИД заслушала вопрос об участии в совещании экспертов и постановила: принять приглашение, отклонив место ее созыва — Женеву и подчеркнув, что отношение к Лиге наций остается прежним[11].

2 декабря Чичерин поставил перед Политбюро вопрос об участии советского представителя в конференции морских экспертов для пересмотра проекта конвенции о сокращении морских вооружений и изложил мнение Реввоенсовета о проекте[12]. 13 декабря 1923 г. Политбюро решило ответить ультимативно: СССР примет участие в совещании, если оно будет созвано не в Швейцарии, с которой были разорваны отношения после убийства в Лозанне В.В. Воровского. Обсуждение конкретных вопросов, связанных с совещанием, было отложено до получения ответа Лиги[13].

15 декабря 1923 г. соответствующий документ был направлен организаторам конференции[14].

16 января 1924 г., заместитель председателя Реввоенсовета Э.М. Склянский запросил Чичерина, не пора ли приступить к подготовке требований, с которыми советские эксперты начнут переговоры. Он считал необходимым немедленно наметить предельные уступки, которые могут быть сделаны в течение переговоров, а также подготовить морских экспертов.

18 января НКИД ответил, что пока ответа нет[15].

Но уже 26 января Чичерин и заведующий экономически-правовым отделом А.В. Сабанин направили Склянскому и помощнику Главкома по военным и морским делам Э.С. Панцержанскому сообщение, что по имеющимся сведениям, мнение советского правительства будет учтено, и место проведения конференции изменят. В связи с этим они просили «быстро установить для согласования с НКИД основные положения инструкции для советских представителей» и определить фамилии экспертов[16].

28 января 1924 г. была получена официальная телеграмма генерального секретаря Лиги Д.Э. Друмонда с сообщением, что заседание комиссии морских экспертов состоится в Риме 14 февраля 1924 г. Требование советской стороны было учтено, хотя, чтобы Лиге не терять лицо, в документе говорилось, что место заседаний изменено в связи с просьбой итальянского делегата командующего флотом адмирала Актона, который не может отлучиться из страны в этот период.

В Реввоенсовет сразу было передано соответствующее сообщение и просьба поспешить с подготовкой инструкций.

На следующий день нарком направил Сталину и членам Политбюро докладную записку о начале подготовки к конференции. Он подчеркнул, что НКИД предлагает ввиду плохого состояния морских сил СССР заменить принцип сокращения морских вооружений принципом их лимитации. Верхней границей рекомендовалось считать совокупность тоннажа всего советского флота, не только действующего, но и находящегося в руках других государств,

потопленного и еще не поднятого. В результате получится цифра 490 тыс. т, которая недалека от 525 тыс. т — для США.

Комиссариат предлагал также воспользоваться случаем, чтобы вновь потребовать вернуть находившиеся в Бизерте русские суда, а также возбудить вопрос о закрытии проливов Балтийского моря, о пересмотре режима Босфора и Дарданелл[17].

30 января 1924 г. Чичерин направил на утверждение в Политбюро подготовленную по поручению Сталина программу для Совещания морских экспертов.

В документе перечислялись уже знакомые нам тезисы. В военном плане требовать сохранения статус-кво всех числившихся линейных судов и крейсеров, а также судов, находившихся в иностранных руках — то есть права на линейный тоннаж флота в 490 000 т., а также права на выполнение судостроительной программы в этих пределах, при максимальном тоннаже одного судна — 35 000 т.

В политическом плане — отвергнуть вмешательство Совета Лиги наций в наблюдение за проведением в жизнь постановлений об ограничении морских сил и замене судов.

В стратегическом плане — поставить вопрос о закрытии проливов Балтийского моря и пересмотре вопроса о Босфоре и Дарданеллах, вновь потребовать возврата российских судов, принудительно удерживаемых за рубежом.

Морское командование предложило в случае отклонения желательного предела в 490 тыс. т, согласиться на меньшую цифру, исходя из минимальных потребностей в военных кораблях для обороны двух морских театров — 280 тыс. т.

2 февраля Политбюро приняло постановление принять предложение НКИД и РВС о направлении в комиссию экспертов Лиги наций Е.А. Беренса, занимающегося морскими вопросами в Революционном Военном Совете Союза. Он должен проводить предложенную Чичериным программу, «подвергнуть критике» предложенный комиссией проект, но не подписывать без разрешения ЦК никаких связывающих СССР соглашений.

Тогда же (31 января) Чичерин направил Склянскому письмо с просьбой срочно подготовить материалы выступлений советских экспертов и проекты поправок к предложениям морской комиссии Лиги наций[18].

Одновременно шла работа по изучению поправок других держав к предложенной Лигой программе. Морской Штаб прислал Чичерину справку по предложениям британской делегации Морской подкомиссии Лиги наций к тексту конвенции. Он перечислял следующие негативные для СССР моменты английских предложений: 1) уста-

новление цифры общего тоннажа для каждой из участвующих стран не по данным на 12 ноября 1921 г., а по имеющемуся в наличии флоту. Таким образом, намеченная Москвой цифра в 491 029 т отпала; 2) максимум тоннажа для СССР в 142 тыс. т (50% от предполагаемого Москвой предельного минимума); 3) перспектива иметь в будущем всего две авиаматки; 4) замена оставляемых СССР линкоров (по выслуге или предельному возрасту) линкорами по 23—27 тыс. т, тогда как другие морские державы строят современные линкоры по 35 тыс. т. Исключительно для России указывалось, что все линейные суда, кроме перечисленных в специальном списке, как построенные, так и строящиеся, должны быть выведены окончательно из строя. То есть СССР мог лишиться возможности достроить «Измаил», построить в 1925 г. один современный линкор взамен двух устаревших («Павел» и «Андрей») и т.д.

Вместе с тем, для СССР было выгодно признание обоснованности наличия на Балтике четырех линкоров и указание на бесспорную принадлежность СССР судов, стоящих в Бизерте.

Остальные английские поправки расценивались как несущественные: в них подчеркивался взаимный отказ от судостроительных программ, уточнялась редакция об общем тоннаже авиаматок, детализировались сроки вывода из строя старых линкоров и авиаматок и пр. Более значимым было предложение о приглашении к обсуждению конвенции таких стран, как Геджас, Венгрия и некоторых других, не имевших вообще морских сил. Советское морское ведомство опасалось, что в противовес этому предложению Франция потребует пригласить на конференцию Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Югославию, прибалтийские государства, что было невыгодно Москве.

5 февраля организаторам конференции сообщили о назначении советского эксперта. Для более квалифицированной подготовки его программы в НКИД были командированы начальник иностранной части комиссариата вооруженных сил Холодковский, начальник части военно-морской статистики Сокольников и помощник комиссара оперативного отдела Голубков. Одновременно Э.М. Склянским и Г.В. Чичериным была утверждена подробная инструкция, выработанная РВС[19].

6 февраля Коллегия НКИД утвердила директивы Е.А. Беренсу. Одновременно ему поручалось поддерживать все протесты малых государств против принципов договора, исходя из того, что они не должны оставаться беззащитными, когда большие державы «вооружены до зубов»[20].

Чичерин не ограничился этим и в тот же день подготовил эксперту письмо, в котором разъяснил его задачи на Римском совещании,

основные положения инструкции, особо отметив, что поскольку в Вашингтоне Англии предоставлено право иметь линейный флот водоизмещением 558 тыс. т, а США — 525, Москва не может ограничиться той мизерной цифрой, которую ей предложила Морская комиссия. Цифра 490 тыс. т была предложена нашим морским командованием и одобрена Политбюро. «Таким образом, — писал нарком, — ниже этой цифры мы не считает возможным принять предложений о сокращении тоннажа. Все предлагаемые строгие правила о замене одних судов другими к нам неприменимы. Мы будет проводить нашу программу судостроения в пределах этой цифры».

Кроме того, он подчеркивал, что Россия может сократить вооружения только одновременно со всеми. И она возражает против принуждения малых государств уменьшать свои вооружения, до того как крупные страны их не сократят в должной степени. Нарком поручал Беренсу поддерживать всех недовольных предлагаемым им лимитом морских вооружений. Так, если Бразилия потребует установить цифры на основе географических и стратегических соображений, поддержать ее протест, как и других не великих держав.

Далее он пояснял, что раз в Вашингтонской конвенции имеются политические условия (территориальный статус-кво на Тихом океане, запрет возводить укрепления в определенных местах), СССР также выставляет политические требования в качестве условия своего участия в конвенции о сокращении вооружений. А именно: принципиальное решение вопроса о закрытии прохода через Бельты и Зунд военными судами небалтийских держав, пересмотр Лозаннской конвенции и полное закрытие Босфора и Дарданелл для прохождения военных судов. Кроме того, нарком поручал Беренсу добиться, чтобы участники совещания присоединилось к его требованию о возвращении российских судов из Бизерты и Англии. Без выполнения этих условий СССР не мог подписать конвенции.

«Мы считаемся с тем, — заключал нарком, — что в этих условиях подписание нами конвенции, очевидно, не последует. Если бы вопреки правдоподобию дело дошло до подписания, еще раз запросите нас с точным указанием окончательного содержания проекта»[21].

Весьма жесткое отношение наркома к форме и существу обсуждения конвенции вызвало протест его заместителя, который считал необходимым развивать сотрудничество с Лигой в перспективных для Советского Союза областях.

7 февраля 1924 г. М.М.Литвинов направил Г.В. Чичерину служебную записку, в которой подчеркивал, что заключительная фраза из письма Беренсу об ультимативных требованиях со стороны СССР при подписании конвенции не соответствует последним решениям

Политбюро и Коллегии НКИД. Он писал, что упомянутые условия могут выдвигаться только в качестве пожелания. Если международная конференция согласится с советской программой судостроения, можно считать, что Москва добилась крупного дипломатического успеха, «но ставить этот успех в зависимость от удовлетворения явно невыполнимых в данное время других требований было бы абсолютно нецелесообразно». «Обусловливать, — писал он, — наше присоединение к конвенции такими требованиями значило бы создать неизгладимое впечатление о создании нами искусственных препятствий для прикрытия нашего нежелания участвовать в международной работе по сокращению вооружений. Такое впечатление подорвет веру в наши постоянные заверения о миролюбии». Литвинов подчеркивал, что не может себе представить, чтобы отказ СССР от присоединения к морской конвенции мог заставить морские державы согласиться на «самоисключение из вод Балтийского и Черного морей». Одновременно он рекомендовал послать необходимые разъяснения Беренсу, а копию письма Чичерину направил членам Коллегии НКИД[22].

В тот же день Чичерин направил второе, несколько сумбурное письмо эксперту, в котором давал дополнительные указания «в связи с политическими требованиями СССР». Он обращал внимание, что совещание экспертов не является окончательной конференцией, принимающей договор. Поэтому если Беренс в протоколе заявит, что СССР выдвигает какие-либо требования, это не значит, что советская сторона из-за них сорвет весь договор. Ему предписывалось выдвигать все перечисленные требования, не опасаясь разрыва. Но следовало «оставить... открытые двери для отступления в дальнейших стадиях». «После того, как я написал Вам письмо, — пояснял Чичерин, — мы еще раз обсудили вопрос о наших политических требованиях на Коллегии, и мы того мнения, что, в конце концов, когда настанет вопрос об ультиматировании или неультиматировании не надо будет, в случае выполнении других наших условий, срывать наш дипломатический успех из-за невыполнения требований о Зунде и Бельтах и о пересмотре Лозаннской конвенции. Вы можете выставить все требования, как одно неразрывное целое, но по поводу этих политических требований, Вам лучше не принимать такого абсолютного тона, который бы делал для Вас неудобным впоследствии уступку по этому вопросу»[23].

Очевидно, в НКИД побеждала линия компромиссов, направленная на установление сотрудничества в области разоружения с Лигой наций.

Но Чичерин не мог успокоиться. Он писал Беренсу, что он должен участвовать в выработке договора и выдвигать политические требования как составную его часть. Во время неформальных бесед

он просил подчеркивать, что СССР не признает себя подведомственным юрисдикции Совета Лиги, сблизиться с представителями государств, которые чувствовали себя обиженными. Он писал: «Наша роль оппозиционера против диктатуры великих держав может побудить второстепенные государства группироваться вокруг нас... Для нас будет большим успехом, если мы начнем выступать как покровитель малых национальностей не только на Востоке, но и во всех других частях света»[24].

Между тем, отношение западных стран к приглашению России на конференцию экспертов было неоднозначным. Например, английский журнал "Naval and Military Record" от 14 октября 1923 г. указывал на нецелесообразность такого рода конференций, если в них участвуют «столь непредсказуемые государства», как Россия. Автор статьи писал, что Россия, не будучи членом Лиги наций, вряд ли отзовется благожелательно на предложение сократить вооружения. Предложение о сокращении вооружений он считал бессмысленным, так как ни одна из приглашенных стран не располагала, в сущности, настоящим линейным тоннажем, за исключением отдельных единиц. А если принять во внимание огромную стоимость современного линейного судостроения, то станет очевидно, что ни одна из мелких морских держав, при их скромных бюджетах не в состоянии выдвинуть серьезную судостроительную программу, кроме России. Он полагал, что дело сведется к разговорам об ограничении легкого и подводного тоннажа, что также бесцельно, и делал вывод, что нельзя предположить, чтобы мелкие державы, для которых легкое и подводное судостроение имеет гораздо большее значение, пришли в этом отношении к согласию.

Однако в 1924 г. для Лиги начался этап демократического пацифизма. Вопрос о разоружении потерял свой академический характер и стал актуальным.

II сессия Морской подкомиссии Постоянной консультативной комиссии Лиги наций проходила в Риме с 14 по 28 февраля 1924 г. В ней приняли участие морские эксперты 17 стран. СССР впервые подключился к работам Лиги наций по разоружению именно на Римской сессии. Целью конференции было распространение принципов Вашингтонского договора на страны, не присутствовавшие в Вашингтоне, но обладающие линейным флотом. Должен был быть подготовлен проект договора об ограничении морских вооружений для рассмотрения и обсуждения соответствующими правительствами. То есть работы конференции носили подготовительный характер. Каждая страна могла лишь внести в проект свои требования.

Первые два заседания конференции были организационными, на них эксперты получили проекты для обсуждения.

Беренс в кулуарах развил активную деятельность с целью убедить других делегатов в неразумности требований, предъявляемых России ограничить линейный флот 110 тыс. т, что приносило плоды. 15 февраля он сообщал Чичерину, что французы понимают необходимость для СССР существенно большего тоннажа, но считают заявленную Москвой цифру чрезмерной, которую конференция не станет даже обсуждать[25].

На третьем заседании советский эксперт изложил требования России. В тот же день он телеграфировал заместителю председателя Реввоенсовета Э. Склянскому (копия — Чичерину): «Сегодня прошло третье заседание. Уже выступил два раза с длинными заявлениями. Указал на неизменность позиции СССР к Лиге наций. Сказал, что мы сможем принять цифры линейного тоннажа к 12 ноября 1921 г., считая всё, что у нас было», выставил условия закрытия Балтийского моря и пересмотра Лозаннской конвенции.

На четвертом заседании Беренс вновь поднял вопрос о необходимости увеличения лимита тоннажа линейных судов для СССР, учитывая его стратегическое положение и опыт мировой войны. Выполняя директивы руководства, он поддержал протесты Испании, Бразилии и других стран, заявлял, что надо считаться с географическими, стратегическими и прочими условиями отдельных государств, и нельзя всех подводить «под один масштаб». Он настаивал на свободе действий в пределах определенного тоннажа, призывал не притеснять страны с небольшим флотом.

«Наше заявление по поводу Лиги наций, — сообщал Беренс руководству, — приняли как естественное, но, вероятно, не согласятся устроить отдельное бюро, так как очень многие малые страны входят в Лигу наций». О тоннаже в тот момент говорили только в кулуарах. Эксперт считал, что названная им цифра 490 тыс. т вызовет большой шум, но, как он подчеркивал, ВСЕ на конференции сознавали, что Советскому Союзу на ней не место, так как он принадлежит к крупным государствам, а интересы малых стран для него мелки. Франция, Италия, Голландия, Бразилия, Греция были согласны с советской аргументацией, хотя это не значило, что они поддержат Москву.

У Беренса даже сложилось впечатление, что все, кроме России, смогут договориться, ему же придется сделать заявления и оговорки и на этом успокоиться. Что касается требования закрыть Балтийское море, эксперты сошлись во мнении, что этот вопрос выходит за пределы компетенции конференции, хотя шведов такая возможность заинтересовала[26].

Надо отметить, что в начале конференции все эксперты были так заняты борьбой за права своих стран, что серьезного внимания на заявления России не обращали, тем более что Беренс поддерживал их местнические претензии, однако организаторы форума и пресса, внимательно следившая за высказываниями советского представителя, не были столь благожелательны.

17 февраля газеты многих стран поместили информацию о требованиях Москвы и отметили, что они произвели впечатления «полного крушения». «Чикаго Трибюн» писала 17 февраля 1924 г.: «Совсем как Чичерин, ежедневно метавший бомбы в Генуэзскую конференцию, которые, правда, не разрушали ее, но делали Россию “самой важной страной”, так и теперь русский морской представитель начал метать бомбы в Римскую конференцию Лиги наций по разоружению». Наиболее сенсационными они считали намерение объявить Балтийское и Черное моря запретной зоной с предоставлением права России укрепляться в них, а также желание России получить тоннаж, равный английскому по условиям Вашингтонской конференции. Газета писала, что сам русский делегат понимает гибельность для конференции этих предложений[27].

Учитывая эти обстоятельства, 18 февраля 1924 г. состоялось заседание Коллегии НКИД, где было решено разрешить представителю СССР заявить, что крайней уступкой Москвы условно является цифра 280 тыс. т, но непременным условием ставилось принятие других советских требований, причем немалых: устранение Совета Лиги наций от контроля за решениями конференции, закрытие Босфора и Дарданелл, запрещение входа чужих военных судов в Балтийское море через Зунд и Бельты, разоружение Корейского пролива, ибо это японский Гибралтар. Если эти требования будут приняты, Чичерин считал возможным выдвинуть требование о возврате судов из Бизерты, а затем обсуждать лимитацию морских сил на Балтийском море[28].

Все это означало бы отмену режима проливов, установленного в Лозанне в 1923 г., и статей Версальского договора об интернационализации Кильского канала.

В тот же день новые условия были переданы телеграммой Беренсу.

20 февраля, на 8-м заседании подкомиссии, был поставлен на голосование предлагаемый для СССР объем тоннажа. Беренс прочитал декларацию, указав, что Советский Союз, который омывается четырьмя изолированными морскими бассейнами, должен иметь для защиты своих морских границ флот водоизмещением не менее 490 тыс. т, но эта цифра может быть понижена до 280 тыс. т при соблюдении изложенных условий. Советский эксперт настаивал

также на свободном перенесении части лимитированного общего тоннажа из одной категории или класса кораблей в другую. Это отвечало интересам обеспечения безопасности малых стран, имевших небольшие военные флоты, и ударяло по великим морским державам — инициаторам гонки морских вооружений. Одновременно он изложил и политические требования России, но они вызвали негативную реакцию, помешав конструктивному обсуждению практических советских требований.

Предложения России о закрытии морей для военных флотов неприбрежных стран и демилитаризации проливов встретили благоприятный отклик только среди представителей общественного мнения и военных кругов ряда малых стран, в первую очередь Скандинавских. Было несвоевременно, как и считал Беренс, поднимать на данной стадии конференции и вопрос «о Бизертских и старковских судах», не поддержанные никем. Немалое замешательство вызвала и оговорка советского делегата, что он может присоединиться к статьям, в которых упоминается об организациях, носящих название «Лига наций», «Совет Лиги наций», а также «Статут» только при условии, что эти наименования и организации будут заменены другими, не имеющими никакого отношения к Лиге наций, как это было сделано в Вашингтонском трактате.

Однако только 22 февраля, уже после выступления эксперта, Коллегия НКИД приняла решение признать правильными его аргументы[29].

Советское предложение не было принято. Представители Японии, Великобритании, Франции, Швеции, Италии и Бразилии проголосовали против лимита советского военного флота в 490 тыс. т. Воздержались делегаты Бельгии, Дании, Норвегии, Голландии и Чехословакии. «За» были представители Испании, Греции и Чили, хотя в частных разговорах Беренс услышал, что большинство делегатов, включая Японию, считали претензии Москвы правомерными. Конференция не сочла возможным утвердить даже цифру 280 тыс. т.

Борьба эксперта за права СССР не принесла существенных плодов из-за отсутствия конструктивности и реализма в советской программе. Но, в принципе, это не было очень важно, поскольку заявка России была занесена в документы, а решать вопрос могла только конференция более представительных политических деятелей, чем эксперты.

Не только требования России не были поддержаны конференцией. Разногласия среди морских экспертов вызвали и некоторые статьи подготовленного комиссией проекта об установлении цифры предельного тоннажа линейного флота для каждой страны и исклю-

чения из принципа десятилетней передышки судостроения. Ушла с конференции Испании, которая настаивала на праве достроить уже заложенные линейные корабли. Некоторые другие страны тоже внесли частичные оговорки, требуя права замены устаревших линейных судов новыми, не дожидаясь окончания десятилетней передышки судостроения[30].

24 февраля конференция закончила свою работу. Осталось отредактировать тексты принятых решений.

Эксперты смогли договориться об определении тоннажа только трех стран: Дании, Норвегии и Нидерландов. Для остальных цифры были спорные или условные, а в отношении СССР и Испании даже не сложилось определенного мнения. По образцу Вашингтонского договора, был составлен список судов, которые договаривающиеся страны имели право сохранить. На 10 лет была объявлена передышка в линейном судостроении, но одновременно был составлен список судов, которые в порядке исключения некоторые страны имели право построить в этот период.

В качестве приложения были зафиксированы поправки и оговорки советской стороны. Причем, учитывая, что конференция не сочла возможным обсудить второе советское предложение о предельном тоннаже (в 280 тыс. т) из-за его обусловленности политическими требованиями, советский эксперт оставил в ноте оба предложения[31].

В отчете Э. Склянскому и Г.В. Чичерину Беренс писал, что если СССР действительно хочет попробовать фиксировать свои морские вооружения, это надо сделать, потребовав созыва второй Вашингтонской конференции с участием тех же стран и Испании. В таком составе можно договориться, но с 15-ю государствами это безнадежно, а представить себе конференцию с привлечением стран, не обладающих линейным флотом (Румыния, Болгария, Польша, Китай), невозможно. В заключение он отметил, что Римская конференция экспертов не могла принять решения по выставленным СССР требованиям, как не смогла бы и Вашингтонская, если бы в ней участвовали только эксперты[32].

Несмотря на то, что инициативы и требования Москвы не были приняты, Е.А. Беренс отмечал в интервью корреспонденту газеты «Известия», опубликованном 14 марта 1924 г., что к морским требованиям СССР конференция отнеслась вдумчиво. Страны, готовившие морскую конвенцию, высказывались за необходимость и для СССР пойти на большие ограничения морских вооружений, но им было указано, что ограничение вооружений в Вашингтоне оказалось возможным лишь после достижения соглашения по ряду политических вопросов, гарантировавших им относительную безопасность в

Тихом океане. Советский Союз не имеет таких гарантий ни в одном океане и должен обеспечивать свою безопасность с моря тоннажем.

Беренс подчеркнул, что конференция не могла привести сразу к реальным результатам, но ее участники смогли ознакомиться с потребностями друг друга.

25 июня 1924 г. Начальник штаба РККА написал заведующему экономико-правового отдела НКИД, что морское командование полностью подтверждает заявления, сделанные Е.А. Беренсом на конференции в Риме, и заявляет, что созыв второй конференции экспертов нежелателен, «так как практического результата на ней достигнуто быть не может, а новые прения между экспертами вряд ли будут нам нужны». Руководство РККА учитывало вероятность обсуждения на предстоящей конференции вопроса об ограничении вооружений легкого судостроения, что в тот момент было невыгодно СССР[33].

В дальнейшем вопрос о заключении Морского договора заглох, так как Ассамблея Лиги резолюцией от 2 октября 1924 г. отложила его обсуждение до созыва конференции по разоружению[34].

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. 6. С. 226; League of Nations. C. L. 13(a). 1923. IX. Geneva, February, 17 1923; C. L. 119. 1923. IX. Geneva, Octobre 1923.
[2] Архив президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 63. Д. 174. Л. 1—3.
[3] Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 226—228.
[4] Там же. С. 544.
[5] Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 054. Оп. 6. Д. 49. Л. 26—27.
[6] Там же. Л. 11—12, 20.
[7] Там же. Л. 16.
[8] Там же. Л. 17—18.
[9] Там же. Л. 20.
[10] Там же. Л. 26—29.
[11] Там же. Л. 31.
[12] Там же. Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 116-118, 128.
[13] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 174. Л. 4—5.
[14] Документы внешней политики СССР. Т. 6. С. 545.
[15] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 174. Л. 8.
[16] АВП РФ. Ф. 54. Оп. 7. Д. 48. Л. 13, 15—16.
[17] Там же. Л. 20; Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 9—10, 11—12.
[18] АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 174. Л. 9—11, 14; АВП РФ. Ф. 415. Оп. 2. Д. 56. Л. 92; Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 23.
[19] В документе подчеркивалось, что правительство СССР не рассматривает конференцию и результаты ее работ как реальную меру, ведущую к действительному сокращению вооружений, поскольку Вашингтонское морское соглашение вызвало лишь новый виток гонки морских вооружений. К тому же проекты конвенций и высказывания морских представителей некоторых приглашенных держав показывают, что конференция в значительной степени насильственное и плохо скоор-

динированное мероприятие. Тем не менее, чтобы не давать повода для обвинения в препятствовании борьбе за мир, правительство СССР приняло приглашение и его эксперты изложат точку Москвы по подготовленным проектам.

Первоначальный проект Лиги устанавливал для всех держав линейный тоннаж, равный имевшемуся к 12 ноября 1921 г. (моменту открытия Вашингтонской конференции). Это положение приемлемо для СССР, так как дает ему право на обладание 491 029 т линейных судов. Но при условиях: оговорки, что Россия сохраняет право на наличие у нее в будущем линейного тоннажа, равного тому, который был к 12 ноября 1921 г., поскольку у нее отсутствует часть его, то есть говорить о доведении линейной мощи с цифры 345 336 т (считая находящихся в строю, в резерве, недостроенных, приданных в Госфонд и находящихся в Бизерте линкоры) до цифры 490 тыс. т, и СССР не должен отказываться от своей судостроительной программы. Кроме того, нужна оговорка, что СССР в период действия конвенции не будет строить и приобретать «линейный тоннаж» за исключением: а) предназначенного к замещению выводимого из строя и устаревшего; б) необходимого для доведения до установленной цифры.

Эти соображения могли потребоваться эксперту в случае рассмотрения на конференции первоначального проекта. Если будет принят за основу английский вариант, то подход к фиксированному тоннажу должен быть следующим. При предложении оставить без изменения тоннаж, которым обладали державы на данный момент, отменить специальную оговорку для СССР, что все его линейные суда, кроме отмеченных в списке, должны быть немедленно выведены из строя без права замены новыми единицами. Список судов для СССР состоял из 6 линкоров общим водоизмещением 142 тыс. Беренсу следовало предложить оставить за СССР право на наличие линейного тоннажа в 540 544 т, что представляло собой суммарный тоннаж ее линейного флота к 1 января 1917 г. Это необходимый минимум для России и, как показала мировая война, позволяющий выполнять оборонительные задачи, но не предпринимать наступательные действия, даже при наличии союзников. СССР готов был по конвенции, сократить этот тоннаж до цифры 490 тыс. т, которая станет предельной для его линейного тоннажа на все время действия конвенции.

Это предложение давало возможность Москве подойти к цифре 490 тыс. методом не увеличения необходимого тоннажа, а уменьшения. Далее требовалось внести в проект список судов СССР на 12 ноября 1921 г. с примечанием, что он оставляет за собой особое право на доведение общего размера своего линейного тоннажа с наличного (340 538 т) до прежнего (490 тыс. т).

Следовало также внести поправку — вместо Совета Лиги наций поставить Бюро из представителей государств, подписавших соглашение. Подчеркивалось, что правительство СССР не считает для себя возможным устанавливать в будущем зависимость от Лиги. Остальные статьи разрешалось принять без изменений.

Кроме этого рекомендовалось добиться, чтобы предельный срок службы судов 20 лет отсчитывался не от ввода в строй, а с момента закладки. Иначе СССР всегда будет страдать от тактической отсталости своих кораблей, не будучи в состоянии конкурировать в скорости их постройки. Советское правительство не могло согласиться и с пунктом о 10-летнем перерыве в постройке судов. И, наконец, рекомендовалось при обсуждении состава бюро предложить избрать пять человек — троих от Европы (одного от СССР), одного от Турции и одного от Южной Америки.

При аргументации следовало руководствоваться следующими положениями.

1. Омывающие СССР водные просторы разбиваются географически и политически на пять отдельных, не сообщающихся между собой, морских театров, четыре из которых требуют для своей обороны наличия линейного флота. 2. Береговая полоса приморских границ СССР значительно превосходит тако-

вые большинства держав, подписавших трактат. 3. СССР считает необходимым фиксировать на конференции свое право на обладание линейным флотом в 490 тыс. т, так как РВС признает его минимальным для правильной организации морской обороны границ страны и организации использования этого флота на всех театрах в зависимости от изменения международного положения страны. Советское правительство настаивает на возвращении ему захваченных и укрываемых правительствами Франции, США, Японии и Китая судов бывшего флота Врангеля и флотилии Старка.

Кроме того, НКИД требовал в процессе переговоров выставить советские политические требования, относившиеся к принципиальному разрешению вопроса о закрытии прохода через Бельты и Зунд военным судам небалтийских держав и о пересмотре Лозаннской конвенции 1923 г. в соответствии с советскими требованиями.

В документе подчеркивалось, что Москва не затрагивает вопроса о нейтрализации Балтийского и Черного морей, так как это лишило бы СССР возможности содержать военные флоты на указанных морях, что совершенно необходимо пока не будет достигнуто всеобщее и полное разоружение и есть угроза «прорыва иностранными морскими силами» даже закрытых проливов.

Беренс должен был иметь в виду, что конференция является техническим совещанием морских экспертов, и в случае успеха последует дипломатическая конференция. Поэтому ему давался мандат на право изложения точки зрения СССР на рассматриваемые вопросы и разрешалось принять участие в прениях. См.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 31—38.

[20] Там же. Ф. 54. Оп. 7. Д. 48. Л. 29.

[21] Там же. Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 28—30.

[22] Там же. Л. 54—55.

[23] Там же. Л. 51—53.

[24] Там же.

[25] Там же. Л. 59.

[26] Там же. Л. 60—64, 72—78.

[27] Там же. Ф. 0415. Оп. 1. Д. 6. Л. 11—12.

[28] Там же. Ф. 54. Оп. 7. Д. 48. Л. 36.

[29] Там же. Л. 79.

[30] Там же. Ф. 415. Оп. 2. Д. 56. Л. 92—93; Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 72—78.

[31] Sosiete des Nations. Sous-comission navale de la comission permanente consultative pour les questions miliyaries, navales et aeriennes. Comptes rendus de la deuxieme session. Geneve, 1924.

[32] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 50. Д. 54675. Л. 79—81.

[33] Там же. Ф. 54. Оп. 7. Д. 48. Л. 114.

[34] Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 7. С. 145—147.

И.В. Поткина,
И.А. Хормач

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ. XV—XX ВВ.»

1—2 ноября 2011 г., Москва

1—2 ноября 2011 г. в Москве прошла Международная научная конференция «Российско-итальянские общественные и культурные связи. XV—XX вв.», организованная Институтом российской истории РАН в связи с проведением Года итальянского языка и культуры в России. Данное мероприятие вошло в программу работы на 2011 г. российско-итальянского Форума-диалога по линии гражданских обществ, сопредседателем которого со стороны России является глава Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности “Внешэкономбанк”» В.А. Дмитриев. Это двустороннее объединение определило для себя следующие цели: формирование новых перспективных направлений расширения сотрудничества между странами в различных областях, выстраивание инфраструктуры двусторонних отношений на негосударственном уровне, в сфере экономики, науки и образования, культурных и гуманитарных обменов, по линии неправительственных и общественных организаций. Конференция «Российско-итальянские общественные и культурные связи. XV—XX вв.», устроенная ИРИ РАН при содействии Форума-диалога по линии гражданских обществ «Россия—Италия» и Внешэкономбанка, полностью соответствует целям и задачам данного общественно-политического и социально-культурного проекта.

В научном мероприятии приняли участие видные итальянские ученые, представлявшие старейшие научно-образовательные учреждения страны: Римский университет «Ла Сапиенца», Университет «Рома Тре», Неаполитанский университет «Л’Ориентале», Туринский университет и университеты г. Перуджи и г. Салерно. С российской стороны с докладами выступили специалисты Института российской истории РАН, Государственной Третьяковской галереи

и Государственного исторического Музея-заповедника «Горки Ленинские». Общее число участников конференции составило около 30 человек.

Конференцию открыл директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук Ю.А. Петров. Он огласил приветствие Первого заместителя Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ, заместителя Председателя Совета Сенаторского клуба А.П. Торшина. В своем письме в адрес конференции автор отметил, что научный форум ИРИ РАН «именно та площадка, где формируются новые общественные и культурные контакты на базе исторического опыта международных связей наших двух стран». Ю.А. Петров также кратко остановился на истории создания российско-итальянского Форума-диалога по линии гражданских обществ, официальный старт которому был дан в октябре 2004 г. Он рассказал о ряде важнейших мероприятий и обсуждаемых вопросах Форума-диалога, обратив внимание присутствующих на событие, состоявшееся 1—3 декабря 2010 г. в Сочи. Тогда в рамках Форума-диалога по линии гражданских обществ по проблеме «Россия и Италия: партнерство для модернизации» ИРИ РАН организовал «круглый стол». Главной темой заседания историков стало «Становление гражданского общества в России и Италии: сравнительный анализ. Роль гражданского общества в процессах модернизации». В этом мероприятии ИРИ РАН участвовали итальянские специалисты, которые выступили с докладами и на конференции в ноябре 2011 г. в Москве. Завершая свое выступление, Ю.А. Петров сказал о значимости очередного российско-итальянского международного форума, на котором ученые представляют результаты исследований по широкому спектру актуальных и малоизученных проблем. Он выразил надежду, что московская конференция станет заметным событием в научной жизни ИРИ РАН.

Доклады, вынесенные на обсуждение, носили главным образом сравнительно-исторический и междисциплинарный характер, и на конференции распределились по четырем секциям, каждая из которых объединила широкий круг вопросов. Тематически все сообщения группировались вокруг больших проблемных блоков, а именно: политические, религиозные и дипломатические отношения, общественные и культурные связи между двумя странами.

На конференции историки обсудили широкий круг проблем, связанный с восприятием русской культурой и общественной мыслью итальянского философского, политического, культурного и религиозного наследия, проследили динамику общественно-политических контактов и культурных обменов между двумя странами на протя-

жении нескольких столетий. Особенностью докладов итальянских историков стало освещение не только важнейших направлений развития российско-итальянских общественных и культурных связей, но и малоизвестных и малоизученных аспектов истории отношений двух государств. Российские специалисты в своих докладах затронули широкий спектр проблем, связанных, прежде всего, с политической историей России и взаимодействием культур России и Италии на протяжении нескольких столетий.

На пленарном заседании выступил сопредседатель конференции, крупный специалист по римскому праву профессор Римского университета «Ла Сапиенца» Пьераджело Каталано с докладом «Римская идея империи и Третий Рим». Профессор остановился, прежде всего, на религиозно-философском раскрытии понятия «Третий Рим», пояснив, что библейское выражение апостола Павла «Рим есть весь мир» означает римский универсализм, а Московской патриархат — не территориальное, а христианское вселенское образование. Он отметил непрерывное развитие идеи христианской империи на Востоке, подчеркнув, что с геополитической точки зрения включение России в состав римско-христианской ойкумены было решающим фактором. После падения Константинополя в 1453 г. понятие «город на семи холмах» перешло к Москве. П. Каталано на основе анналов и писаний Михаила Медоварцева, Филарета Псковского, Ивана Грозного, монаха Филофея, а также сочинений Дж. Ла Пира показал, как «подпитывалась» описаниями знамений, духовных и материальных связей Рима, Константинополя и Москвы юридическая и религиозная позиция Москвы, а эпоха императора Августа в юридическом и религиозном плане стала для Третьего Рима периодом утверждения.

Отметив неразрывное единство христианского мира, П. Каталано подчеркнул необходимость преодоления искусственных барьеров между Востоком и Западом.

Профессор Университета «Ла Сапиенца» Паоло Синискалько в докладе «Распространение русской религиозной мысли в Италии» обратился ко второй части проблемы взаимопроникновения философских и религиозных учений и познаний в Италии и России. Основное внимание он обратил на развитие русской теологической и религиозной мысли в XX в. — в советский период, период перестройки и в постперестроечное время. Из всего ряда российских философов и теологов он особо выделил три имени — В.С. Соловьева, П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова.

Особый акцент П. Синискалько сделал на том, что свои труды философы новейшего времени обращали, прежде всего, к молодому

поколению, и они хорошо известны среди студенчества, молодежи и людей среднего возраста. Профессор отметил важность изучения теологических и философских исследований российских мыслителей и в Италии, находящейся под сильным влиянием англо-саксонских идей.

Доктор Университета г. Перуджи М.К. Плюханова продолжила тему влияния римской и греческой церкви на христианство в России, выступив с докладом «Роль греко-итальянских юниатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV — начала XVI в.». Она остановилась на слабо изученном вопросе влияния итальянской живописи, скульптуры, зодчества, художественных ремесел, на развитие искусства и религиозной мысли в России. На примере дворцов и музеев Московского Кремля она показала, насколько интенсивно привлекались итальянские мастера к строительству и украшению царских покоев и церквей. М.К. Плюханова объясняет наличие значительного количества предметов культа и искусства итальянского происхождения тесной связью и кровным родством семей московских великих князей с итальянскими правителями. Особенно она отмечает роль женитьбы Ивана Грозного на Софье (Зое) Палеолог, привезшей с собой иконы, рукописи, символические предметы греко-итальянской церкви, прежде всего образ «бегущей церкви», связанный с судьбой Палеологов. В миссию Софьи входила задача вдохновить высшее духовенство русской Православной церкви на крестовый поход против врагов веры. Докладчик показывает, насколько сильно повлияли на общественное сознание России XVI в. документы об истории бегства Богоматери в Лорето и посещении папой Пием II святилища Богоматери.

Доклады остальных итальянских участников конференции были посвящены недостаточно изученным политическим проблемам отношений двух стран. Так, выступление профессора Университета «Рома Тре» Базиле Манискалько «Иезуит Антонио Поссевино в России» затрагивает цели дипломатической миссии 1582 г. иезуита в «Московию Ивана Грозного». Воспользовавшись просьбой Ивана Грозного к Папе Римскому выступить посредником между Россией и Польшей в проигранной Ливонской войне, Григорий XIII решил поставить вопрос о «втягивании Московии» в сферу влияния Святого Престола и к тому же использовать Россию против турецкой угрозы. Связать политические переговоры с согласием Московского царя пойти на альянс с князьями церкви и заключить союз России с каноническим миром под началом Святого Престола не удалось. Профессор Манискалько считает, что на выявление причин этой неудачи поможет пролить свет изучение особенностей религиозной культуры ортодоксальной Москвы.

Тему политических и дипломатических отношений между Италией и Россией продолжили российские и итальянские историки на секции «Динамика общественно-политических контактов и культурных обменов между СССР и Италией». О.Г. Агеева (д.и.н., ИРИ РАН) на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов реконструировала дипломатический церемониал приема послов Святого престола в России в конце XVIII в. Она убедительно показала, что внешне он полностью соответствовал правилам церемониала 1744 г. и обычаям русского двора второй половины XVIII в. О.Г. Агеева считает, что приёмные приватные столичные аудиенции у правящего монарха (монархини), наследника престола и его супруги и упрощенные загородные аудиенции были типичными для приема послов первого ранга, представлявших коронованных глав Европы. Отличиями, как показал докладчик, стали только священническое платье посла и ограничение в посещении маскарадов, что было естественным ввиду церковного сана нунция. По мнению О.Г. Агеевой, не нарушало общих правил и некоторое отличие в чинах и служителях на аудиенциях, а также представление посла малолетним членам монаршей фамилии.

Профессор Неаполитанского университета «Л'Ориентале» Серджио Бертолисси представил доклад «Крымская война и Рисорджименто». Он отметил, что участие маленького Королевства Сардиния в Крымской войне было примером того, как иногда превратности одной далекой в географическом и в политическом отношении войны оказывают влияние на политику государства, которое вмешалось в нее, не имея прямой заинтересованности. Так, Сардиния, ставшая после войны с Австрией в 1848 г. центром патриотического объединительного движения итальянских государств, решила добиваться совместно с другими странами «обуздания русского экспансионизма».

Профессор показал, что действия Николая I как «жандарма Европы» и продолжателя политики, провозглашенной Венским Конгрессом в 1815 г. и направленной на охрану европейского равновесия от всех национальный и прочих движений, подтолкнули итальянцев на борьбу с Россией. Ведь именно благодаря русскому царю Австрия получила право полного контроля над итальянской политикой, а чрезвычайно неблагоприятные условия, в которые были поставлены итальянские государства, стали благодатной почвой для деятельности Кавура и Виктора-Эммануила II по освобождению и объединению итальянских государств. Именно решение добиться для Италии права на признание и равноправие в Европе привело, по мнению С. Бертолисси, к участию итальянского корпуса на стороне Англии, Франции и Австрии в Крымской войне против России в 1855 г.

История дипломатических отношений в XX в. стала предметом анализа ведущих специалистов ИРИ РАН В.А. Невежина и И.А. Хормач. В.А. Невежин (д.и.н., ИРИ РАН), озаглавив свой доклад «Взаимоотношения с Италией в контексте советской культурной дипломатии (вторая половина 1930-х гг.)», подошел к изучению проблемы нестандартно. Данный период, как он отмечает, наиболее сложный в истории советско-итальянских отношений. В.А. Невежин считает, что фашистская Италия, будучи союзником нацистской Германии, проводила на международной арене такой курс, который не мог не вызывать озабоченности советского руководства. Со своей стороны, Рим был обеспокоен усилением геостратегических позиций Сталина в результате дипломатических договоренностей и кратковременного сближения с главным союзником Италии — Германией. Как показал автор, во второй половине 1930-х между СССР и Италией наблюдался резкий спад политических отношений, а культурные связи обеих стран фактически были свернуты. В.А. Невежин убежден, что несмотря на попытки Кремля как-то сгладить идеологические противоречия между большевизмом и итальянским фашизмом, предпринятые после подписания пакта Риббентропа — Молотова, для осуществления задач советской культурной дипломатии в Италии в указанный период не имелось никаких шансов.

Д.и.н. И.А. Хормач хронологически продолжила тему внешнеполитических взаимоотношений двух стран во второй половине 1940-х годов. Опираясь на большой массив опубликованных и архивных документов, она реконструировала в полном объеме процесс дипломатического признания Италии Советским Союзом в 1944 г. Целый ряд документов, использованных автором, фактически не был известен ни российским, ни итальянским историкам. И.А. Хормач детально проанализировала внутренние и внешнеполитические проблемы, вставшие перед Италией в связи с ее выходом из гитлеровской коалиции и переходом страны к демократической форме правления.

Тема общественно-политических связей в XIX—XX вв. между Италией и Россией стала предметом внимания российских и итальянских историков. А.В. Семенова (д.и.н., ИРИ РАН), принявшая участие в работе секции «Итальянские образы в российской общественной мысли», проанализировала новейшие документальные публикации по истории общественных процессов в России в первой половине XIX в. Она нашла неожиданные нюансы в традиционной для российской историографии теме. Изучение вновь изданных архивных материалов движения декабристов, как считает А.В. Семенова, позволяет внести новые штрихи в важную проблему изучения и восприятия декабристами западноевропейского опыта и показать

закономерность известной синхронности освободительных движений на европейском континенте в эпоху, когда, по словам Пестеля, «дух преобразований заставлял везде умы клокотать».

Не менее интересен был и доклад профессора Туринского университета Альдо Агости «Пальмиро Тольятти в России». Докладчик очень взвешенно подошел к рассмотрению сложной проблемы. С одной стороны, он охарактеризовал Тольятти как несгибаемого коммуниста, обладавшего огромным авторитетом, как в Италии, так и в других странах. С другой стороны, А. Агости показал, что лидер итальянского коммунистического движения, находясь в СССР в качестве одного из руководителей Коминтерна, в периоды сталинских чисток и репрессий не всегда оказывал содействие итальянской компартии.

Проанализировав биографию Тольятти, А. Агости пришел к выводу, что лидер итальянских коммунистов постоянно балансировал между интересами международного коммунистического движения (то есть требованиями, выдвигаемыми ВКП(б)-КПСС) и интересами Италии. В большей степени он учитывал первые, хотя и не пренебрегал вторыми. Проработав в Москве много лет и приобретя навыки искушенного политика, он научился поддерживать коммунистическую партию Италии в трудные минуты, жертвовать малым для укрепления ее позиций и в то же время сохранять принципиальность, в периоды, когда он возвращался на работу в Италию. В последние годы вера П. Тольятти в конечную цель — коммунизм — потускнела, однако под его руководством, подчеркивает А. Агости, компартия внесла большой вклад в демократическое движение Италии.

Свое сообщение Е.С. Сенявская (д.и.н., ИРИ РАН) посвятила теме «Итальянцы на Восточном фронте Второй мировой войны в советском и российском массовом сознании». Она пришла к выводу о том, что в массовом историческом сознании советских людей, а затем и россиян итальянцы почти отсутствуют в качестве союзника фашистской Германии в Великой Отечественной войне.

На конференции обозначился еще один блок проблем культурно-исторического и искусствоведческого плана. Эта серия докладов, носившая по преимуществу междисциплинарный характер, охватила широкий хронологический период, отличалась богатым разнообразием поднимаемых вопросов и красочностью иллюстративного материала.

Свой доклад С.М. Шамин (к.и.н., ИРИ РАН) озаглавил «Италия в Курантах второй половины XVII столетия». Обработав большой массив архивных материалов, находящихся на хранении в РГАДА, автор показывает, что в Москве через рукописную газету получа-

ли значительный объем самых разнообразных сведений об Италии. С.М. Шамин считает, что регулярное знакомство с реалиями повседневной жизни итальянцев способствовало преодолению традиционной неприязни к католикам и сближению России с государствами Италии. Главным же фактором такого сближения, по его мнению, было наличие общего врага — Османской империи.

Сообщение А.П. Богданова (д.и.н., ИРИ РАН) «Италия в культуре московского двора конца XVII — начала XVIII века» было подготовлено в рамках направления «история повседневности». По его мнению, в указанное время сложилось достаточно теплое отношение «русского культурного общества» к Италии. Как считает автор, в душе каждого русского человека существовало убеждение, что только Италия является подлинно культурной страной Европы.

Н.Н. Аурова (к.и.н., ИРИ РАН) посвятила свое исследование выявлению произведений итальянских писателей в книжных собраниях русского дворянства второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Она показывает, что произведения итальянских философов, политиков, юристов, писателей и поэтов заняли достойное место в личных библиотеках представителей благородного сословия России, и русские читатели расценивали эти книги не только как полезную, но серьезную литературу. Более того, как отмечает докладчик, периодическая печать первой четверти XIX в. регулярно отражала тему Италии и предоставляла свои страницы итальянской литературе, особенно журнал «Отечественные записки». Н.Н. Аурова приходит к выводу, что в России на рубеже XVIII—XIX вв. интерес к Италии и итальянской культуре носил устойчивый характер.

Доклад-презентация доктора искусствоведения Л.А. Маркиной (ГТГ) «Сюжеты из российской истории в творчестве живописца Михаила Скотти» был посвящен анализу полотен итальянского художника из собрания Третьяковской галереи. Автор представила аудитории произведения этого мастера. Изучая его художественную манеру, Л.А. Маркина показывает, что вслед за достижениями К. Брюллова и Ф. Бруни младшее поколение исторических живописцев, к которым принадлежал Скотти, берет на вооружение достижения этих мастеров — эмоциональную насыщенность сюжета, патетическую трактовку чувств и душевного смятения героев. Именно такой подход она обнаружила в его серии, посвященной событиям 1612 г. По мнению Л.А. Маркиной, он отвечал творческим интересам мастера, итальянца и русского патриота Михаила Скотти.

В своем выступлении И.В. Поткина (д.и.н., ИРИ РАН) затронула малоизвестный аспект истории создания Музея изящных искусств им. Александра III на Волхонке — неосуществленный проект

И.В. Цветаева копий римских катакомб. Опираясь на опубликованные источники и архивные материалы, автор показала, как развивались события от момента возникновения идеи до отказа от нее, охарактеризовала вклад каждого участника в общее дело — профессора И.В. Цветаева, художника Ф.П. Реймана, меценатов супругов Колесниковых. По мнению И.В. Поткиной, главной причиной отказа от воспроизведения в музее коридоров раннехристианских катакомб стало осознание И.В. Цветаевым всей художественной сложности реализации этого уникального проекта.

Е.Н. Савинова (к.и.н., ГИМЗ «Горки Ленинские») представила аудитории интересную и яркую презентацию «Князь С.С. Абамелек-Лазарев и его вилла в Риме», включившую большое число видов усадьбы, в том числе интерьеры, предметы искусства, а также фотографические и художественные портреты. Е.Н.Савинова изложила историю приобретения и перестройки виллы, рассказала о ее русских владельцах С.С. Абамелек-Лазареве и его супруге Марии Павловне, урожденной Демидовой, княжне Сан-Донато.

Свой доклад-презентацию кандидат искусствоведения Т.В. Юденкова (ГТГ) посвятила сложной судьбе семейного архива Боткиных, эмигрировавших после революции в Европу. Автор показала историческую значимость отложившихся в нем документов, которые находятся в неразрывном единстве с источниками, хранящимися в различный документальных собраниях России. По мнению Т.В. Юденковой, материалы обнаруженного в Италии архива семьи Боткиных во многом пролили свет на биографию Марии Павловны, урожденной Третьяковой, чей образ потерялся на фоне ярких судеб старших сестер. «Итальянский» архив, как считает автор, поведал не только о том, как сложилась судьба семьи после революции, но и позволил во многом расширить наши представления о частной жизни Боткиных, в особенности о Марии Павловне, ее жизни и окружении на чужбине.

А.В. Голубев (к.и.н., ИРИ РАН) представил очень интересный доклад «Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода», который вызвал повышенный интерес аудитории. Согласно точке зрения автора, советская карикатура отличалась своей демократичностью, нацеленностью на самые широкие слои населения. При этом он подчеркивает, что политическая карикатура зародилась на Западе, тогда как в России ее развитие надолго задержалось по причине цензуры. В 20—30-е годы в этом жанре, как отмечает А.В. Голубев, на Западе работали известные мастера, создававшие замечательные произведения. Сравнивая развитие жанра в СССР и в западноевропейских странах, он показывает, что там по-

литическая карикатура представляла собой достаточно элитарный тип художественных произведений, предназначенных для образованного меньшинства. В Советском же Союзе она превратилась в действительно массовое искусство.

А.В. Голубев показал, что политическая карикатура рассматривалась в СССР как эффективное средство пропаганды. Автор пришел к выводу о том, что образы внешнего мира, созданные советской карикатурой 20—30-х годов, во многом определили внешнеполитические стереотипы значительной части советского общества тех лет.

Конференция завершилась презентацией «Русско-итальянского архива», который издается в Италии с 1997 г. В нем, как рассказал составитель серии, профессор Университета в Салерно А.Б. Шишкин, публикуются неизвестные исторические и литературные источники и документы, а также исследования и эссе. Материалы «Русско-итальянского архива» посвящены как истории контактов между двумя странами, так и культурным аспектам взаимоотношений православного Востока и католического Запада. Последние выпуски «Русско-итальянского архива» А.Б. Шишкин передал в дар библиотекам ИНИОН и ИРИ РАН.

В заключение участники научного форума обменялись мнениями по поводу выслушанных докладов, обозначили дискуссионные проблемы и наметили новые перспективы в совместной работе.

В.Б. Перхавко

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» НА ТЕМУ «КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В ИСТОРИИ РОССИИ»

Накануне 150-летнего юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости, свершившегося 19 февраля 1861 г., Институт российской истории РАН при поддержке Отделения историко-филологических наук РАН провел 17 февраля 2011 г. дискуссионное заседание «круглого стола» на тему «Крепостное право в истории России».

Ведущие историки из академических институтов (ИВИ РАН, Института славяноведения РАН, ИРИ РАН) и ряда вузов страны (МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, Псковского педагогического университета, Самарского госуниверситета, Самарской государственной академии культуры и искусств) обсудили ряд важных и продолжающих оставаться спорными проблем, связанных с историей крепостнических порядков и их влиянием на жизнь России на протяжении четырех столетий, с XV по вторую половину XIX в.

Открывая дискуссию, д.и.н., директор ИРИ РАН **Ю.А. Петров** остановился на сущности крепостного права, общественной значимости крестьянской реформы 1861 г. и ее 150-летнего юбилея, а также на последствиях освобождения крестьян. От первой фиксированной даты — Судебника 1497 г. до 19 февраля 1861 г. прошло больше трех с половиной веков. За это время сама система крепостничества эволюционировала, развивалась в сторону ужесточения этой системы и, казалось, уже достигла своего пика при царе Алексее Михайловиче, когда в 1675 г. был издан указ о продаже крестьян без земли. Собственно, с этого момента возникла по существу рабская система. Эта система особенно интересна с точки зрения ее внутренних мотивов, где играли значительную роль аппетиты дворянского сословия, их желание получить дармовые рабочие руки. Едва ли не решающим фактором здесь были интересы самого государства, поскольку Россия, возникшая с самого начала как великая военная держава, нуждалась в системе хозяйственной, при которой она могла бы поддерживать свой великодержавный статус за счет напряжения внутренних ресурсов, за счет самого народа. Эта система своего апогея достигла в XVIII в., когда государство, Российская империя, со времен Петра Великого попыталась создать некий синтез — синтез западных технологий и рабского, принудительного труда. Эта имперская государственная модель модернизации действовала до

середины XIX в. На этой основе Россия утвердилась в европейском ранге держав, обрела статус действительно самой громадной по территории империи в мире после Британской, развивалось Русское имперское государство в XVIII — первой половине XIX в. Однако Крымская война показала, что эта система, мягко говоря, уязвима. Прежде всего, обнаружился громадный технологический разрыв между Россией и ведущими западными державами, и стало вполне очевидно, что эта система насильственного принуждения к труду — больше не способна обеспечить России ее статус великой державы. Это был один из основных мотивов, по которым Александр II приступал к подготовке реформы. Можно ли говорить, что данная система экономически себя изжила, что она абсолютно утратила свою экономическую эффективность? Существуют разные мнения. Есть точка зрения, что благосостояние российских помещичьих крестьян в целом в это время было не таким уж плохим по сравнению, например, с положением английских пролетариев в этот период. Но надо полагать, что не вопрос благосостояния народа стоял на первом месте при подготовке крестьянской реформы 1861 г., а вопросы поддержания Россией своего военного имперского статуса. В этом смысле реформа была проведена так, как обычно реформы проводились в имперской России, то есть за счет народа. Однако с отмены крепостного права обрела свои зримые осязаемые черты другая модель экономической модернизации — модель, основанная на свободном труде, на рыночных отношениях: то, что мы в свое время называли «капитализмом», да и сейчас так продолжаем называть. Эта система оформилась и обрела силу под решающим влиянием отмены крепостного права. Городское население России этого времени росло громадными темпами за счет тех самых крестьян, которые лишились части своей земли, разорились и были вынуждены мигрировать в города, искать там работу и находить эту работу на фабриках, что было громадным толчком для российской индустриализации. Отмечая сегодня 150-летие крестьянской реформы 1861 г., историки должны на основе расширившейся источниковой базы и современной методики исследования еще раз внимательно проанализировать ключевые проблемы зарождения и функционирования системы крепостного права в России.

На обсуждение перед участниками «круглого стола» были поставлены следующие вопросы, связанные с историей крепостного права:

1. Понятийно-терминологические аспекты изучения истории российского крепостного права. 2. Причины зарождения и формы крепостного права в России и других государствах Европы. 3. Влияние крепостнических отношений на социально-правовой статус,

экономическое положение и психологию крестьянства, дворянства и других социальных групп. 4. Постановка крестьянского вопроса и зарождение антикрепостнической идеологии в России в XVIII веке. 5. Проекты освобождения крестьян предреформенного периода и крестьянская реформа 1861 г. 6. Социально-экономические, политические и культурные последствия отмены крепостного права.

Как заявил к.и.н. **В.Б. Перхавко** (ИРИ РАН), в научных трудах, школьных и вузовских учебниках по истории феодальной России часто встречаются понятия и термины («закрепощение», «прикрепление крестьян», «крепостное право», «крепостные крестьяне», крепостные люди», «крепостные работники», «крепостная община», «крепостная мануфактура», «крепостничество», «крепостнические отношения» и др.), связанные с обсуждаемой проблемой. Далеко не всегда они используются корректно, а посему нуждаются в уточнении с учетом всех понятийно-терминологических нюансов. Термин «крепостные люди» в XVI—XVII вв. применялся только по отношению к полным и старинным холопом, и лишь с первой четверти XVIII в. он распространился на помещичьих крестьян. Именно в петровскую эпоху завершилось их слияние с холопами в одну социальную группу. Между тем, в научной литературе (вопреки лексике исторических источников) крепостными нередко именуются разные категории крестьянства XVII в. (вотчинные, помещичьи, монастырские крестьяне), XVIII в. (государственные, удельные, кабинетские, приписные, посессионные крестьяне). Словосочетание «крепостное право» впервые прозвучало в выступлениях кое-кого из помещиков во время обсуждения крестьянского вопроса на заседаниях Уложенной комиссии 1767—1768 гг., но стало более часто использоваться и государственными деятелями, и публицистами только с первой четверти XIX в. Это было помещичье право собственности на землю и на крестьянские души. Русские просветители и историки XVIII в., а позже декабристы называли крепостную зависимость крестьян рабством. Накануне крестьянской реформы 1861 г. в употребление входят слова «крепостничество» и «крепостник», которые применялись по отношению к непоколебимым защитникам крепостного права, но затем приобрели в марксистско-ленинской историографии слишком широкое толкование. Неправомерно ставить знак равенства между понятиями «крепостное право» («крепостничество») и «феодальная зависимость крестьян». Классическое крепостное право (по крайней мере, в его российской модели), представлявшее собой наиболее суровую форму феодальной зависимости крестьян, выражалось в прикреплении их не только к земле, но и к личности феодала, в лишении крепостных, находившихся в полной (в том

числе судебно-полицейской) власти владельца, юридических и экономических прав, наконец, в продаже их без земли.

По мнению д.и.н. **В.А. Кучкина** (ИРИ РАН), крепостное право — это внеэкономическое принуждение крестьян, и есть целый ряд показателей этого внеэкономического принуждения. Крестьянство рассматривалось в рамках недвижимой собственности помещика, и вместе с ней они могли закладываться, продаваться, дарится и т.д. В это неэкономическое принуждение историки и правоведы включают личную зависимость, особые имущественные права или, точнее, отсутствие этих прав, семейное положение и, наконец, так называемую «вотчинную юстицию». Это внеэкономическое принуждение смешивается с экономической зависимостью крестьян, которая связывалась с тем, что крестьяне имели в пользовании помещичью землю. Между тем, экономическая зависимость была присуща не только крепостным крестьянам, но и так называемым свободным сельским обывателям (государственным крестьянам, удельным крестьянам и ряду других категорий), то есть тем, кто не был в крепостной зависимости. Нельзя (вслед за петербургским историком Б.Н. Мироновым) распространять крепостничество как систему на все российское общество.

В основе этимологии терминов «крепостное право» и «крепостное состояние», подчеркнула к.и.н. **Л.Н. Вдовина** (МГУ имени М.В. Ломоносова), лежат слова «крепость, крепкий», то есть человек, «крепкий земле», приписанный к земле, лишенный права свободного перехода; человек, «крепкий владельцу», прикрепленный к помещику, крепостной. В исторической литературе в широком смысле под «крепостным правом» обычно имеют в виду высшую степень неполной собственности феодала на крестьянина. Крепостное право в правовом отношении выражалось в прикреплении крестьянина к земле; праве землевладельца отчуждать крестьянина без земли; в ограничении его дееспособности. Термин «крепостничество» как систему социальных отношений в ряде случаев принято отличать от «крепостного права» как юридической формы их выражения.

Продолжая разговор о понятийно-терминологических аспектах проблемы истории крепостного права, д.и.н. **В.Я. Гросул** (ИРИ РАН), отметил, что при сравнении положения крестьян феодальной эпохи в России и других странах Европы возникают проблемы адекватного перевода с европейских языков на русский язык тех или иных терминов. В частности, термин *Leibeigenschaft*, упомянутый в «Капитале» К. Маркса, И.И. Скворцов-Степанов перевел как крепостничество, которое у нас воспринималось как крепостное право. В действительности его следовало бы перевести как феодализм, поскольку для истинного крепостничества имеется в немецком языке

другой термин — *Hörigkeit*. Следует остановиться и на таком понятии как «крепостное состояние», которое означает фактическое крепостничество. Бытовали и такие случаи во взаимоотношениях крестьян и феодалов, когда юридически они были не оформленными, но реальная практика оказывалась таковой, что крестьянин, будучи опутан различного рода обязанностями, не мог покинуть свои места, оставаясь прикрепленным либо к земле, либо к личности помещика. То есть «крепостное состояние» означает конкретное положение крестьянина, не нашедшее отражения в законодательстве.

Член-корреспондент РАН **С.М. Каштанов** (ИВИ РАН) считает закрепощение крестьян на Руси с конца XV в. закономерным и, в силу этого, прогрессивным этапом развития феодальных отношений. Вместе с тем само понятие «крепостное право» в историографии носит многозначный характер: разные историки его трактуют по-разному. Иногда его понимают как разновидность феодальной зависимости, независимо от степени его «крепости». Кто-то считает, что для оформления крепостного права достаточно прикрепления крестьян к земле и не обязательно к личности феодала. В самом «крепостном праве» видятся как бы две составляющих — феодальное и рабовладельческое. И первая предшествовала второй. По отношению к крестьянам (не к холопам) российское крепостное право было естественно развивающимся до тех пор, пока их не стали продавать со второй половины XVII в. Вот тогда в нем проявляется в какой-то мере рабовладение. Отказавшись от основ материалистического подхода к истории, сегодня мы непонятно на какой базе изучаем многие проблемы истории феодальной России, в том числе и крепостного права.

В отечественной медиевистике за последние два десятилетия произошла кардинальная смена оценок: от утверждений о крепостничестве (в том числе его «втором издании» к востоку от Эльбы), крепостном праве и крепостных крестьянах в Западной Европе (1950—1970-е годы) до отрицания существования там крепостного права с констатацией более мягких форм феодальной зависимости и феодально-зависимых (но не крепостных) крестьян в современной литературе. Как полагает д.и.н. **М.В. Винокурова** (ИВИ РАН), по отношению к Западной Европе более уместен широкий термин «феодализация» (становление феодализма как системы, формирование земельной собственности и феодального поместья, складывание отношений господства и подчинения и др.). Чтобы выразить состояние, адекватное термину «крепостничество» в России, сегодня по отношению к феодально-зависимому крестьянству Англии чаще всего используют термины «вилланство», «вилланы», к крестьянству средневековой Франции — «серваж», «сервы».

В закрепощении крестьян и оформлении системы крепостного права в России, в отличие от Западной Европы, где оно складывалось с X—XI вв. на частно-феодальной основе, по утверждению **В.Б. Перхавко**, ведущую роль сыграло государство. Начало прикрепления крестьянства к земле далеко не случайно совпало с завершающим этапом объединения русских земель вокруг Москвы и созданием единого Российского государства. С одной стороны, возникновение крепостного права в России, как и в соседних странах Центральной и Восточной Европы (Венгрии, Польше, Литве, Прибалтике) было естественным и закономерным процессом развития феодальных отношений, процессом, который нельзя было избежать в условиях становления крупной собственности феодалов на землю и борьбы феодалов за рабочие руки. Прикрепление крестьян к земле и к личности землевладельца позволили государству сконцентрировать за счет эксплуатации крепостных значительные финансовые и продовольственные ресурсы, использовавшиеся для содержания госаппарата, вооруженных сил, активной и наступательной внешней политики, содержания светских и духовных феодалов. Иного способа извлечения прибавочного и значительной доли необходимого продукта у непосредственных сельхозпроизводителей не было и не могло быть. Нельзя не учитывать и суровые природно-климатические условия Восточной Европы, позволявшие создавать в основной отрасли экономики — сельском хозяйстве лишь ограниченный совокупный общественный продукт. Посему, как справедливо указывал академик Л.В. Милов, крепостное право сыграло роль своеобразного компенсационного механизма выкачивания средств из деревни. В крупных хозяйствах феодалов использовалась более передовая агротехника и создавался своего рода страховочный фонд для помощи крепостным крестьянам (правда, фактически за их же счет) во время неурожаев, эпидемий и стихийных бедствий. С другой стороны, полное прикрепление к земле и к личности феодала вызвали протест у значительной части крестьян, особенно недовольных барщиной. Он выливался и в бегство крепостных на южные окраины, в Сибирь, и в крестьянские волнения разного масштаба. Принуждение порождало у крестьян отрицательное отношение к бесплатному труду на благо феодала, отрывало их от забот о собственном поле. Крепостное право отрицательно сказалось и на крестьянской психологии.

В.Д. Назаров (ИВИ РАН) согласился с утверждением С.М. Каштанова о безотрадном состоянии современной отечественной историографии по истории зарождения крепостнических отношений в России. До середины 1980-х годов. среди советских историков господствовала точка зрения о нарастающем постоянно становлении

крепостничества, которая явно нуждается в коррективах. Возникновение и развитие крепостного права не было линейным. Когда мы делаем те или другие оценочные суждения, нужно учитывать весь комплекс факторов, характеризующих крестьянское хозяйство как таковое, с одной стороны, и его отношения с владельцем поместной или вотчинной земли, с другой. Исходя из этого, становление крепостного права происходило в основном в последней четверти XVII в. и где-то в первой половине XVIII в. Ранее речь может идти о прикреплении только к земле, но не к личности феодала.

Мнение В.Д. Назарова поддержал **В.Б. Перхавко**, также полагающий, что крепостное право в России окончательно сложилось не в 1649 г., а после указов 1675 и 1688 гг., когда государство разрешило вотчинникам свободно продавать и приобретать крестьян без земли. Родственники могли делить между собой вотчинных крестьян, передавать их по наследству и в качестве приданого. До 1714 г., т.е. до окончательного слияния поместья с вотчиной, поместные крестьяне могли перейти от одного владельца к другому лишь на основании поступных грамот. Заключительными аккордами оформления системы российского крепостного права в петровскую эпоху стали слияние частновладельческих крестьян и холопов в одну социальную группу крепостного населения и распространение на нее подушной подати (1718—1724 гг.). С 1721 г. лица недворянского происхождения (купцы, разбогатевшие ремесленники), владевшие мануфактурами, получили право приобретать для них крестьян. Государственных и дворцовых крестьян (своего рода полукрепостных) с конца XVII до начала XIX в. правители России могли раздавать в частные руки, превращая в крепостных. Кроме того, при Петре I и его преемниках был налажен строгий учет не только крестьянства, но и всего податного населения: с 1719 г. регулярно проводились ревизии и составлялись ревизские сказки, с 1724 г. вводится паспортная система, с 1730-х годов — метрические книги и исповедные ведомости.

К.и.н. **В.А. Аракчеев (**Псковский педагогический университет), не соглашаясь отчасти с концепцией Л.В. Милова об определяющем значении природно-географического фактора в формировании системы крепостного права в России, подчеркнул, что первостепенную роль в этом длительном и постепенном процессе сыграло государство, крайне заинтересованное в прикреплении всех податных групп населения к тяглу.

На истоках закрепощения крестьян сконцентрировал внимание **В.А. Кучкин**. В период политической раздробленности, несмотря на отдельные ограничения, крестьяне могли переходить и внутри княжества, и даже за его пределы. Их зависимость от феодалов имела,

главным образом, экономический (долговой) характер и была связана с кредитованием. Закрепостительные правовые тенденции, отчасти основывавшиеся на практике, которая существовала в различных княжествах, аккумулировались в эпоху завершения объединения русских земель вокруг Москвы. Как только образовалось Российское централизованное государство, стало ясно, что крестьянину уходить некуда, и именно в этот период начинаются отливы населения, когда беглые люди уходят на юг, уходят в места, где не было власти русского правительства. Но значительно усилившаяся великокняжеская (а затем царская) власть пошла по пути издания законов, которые постепенно прикрепляли крестьян к земле и заставляли их путем уже внеэкономического принуждения работать и на государство, и на землевладельца. В.А. Кучкин остановился также на социальной природе одной из категорий зависимых людей средневековой Руси — половников.

Д.и.н. **К.А. Аверьянов** (ИРИ РАН) полагает, что длительное обсуждение двух концепций оформления крепостного права (так называемого указного и безуказного закрепощения), возникших еще в дореволюционный период, сыграло определенную негативную роль в отечественной историографии. За юридическими деталями самого процесса прикрепления крестьян к земле в тени оставались основные причины закрепощения русского крестьянства. К.А. Аверьянов подверг также сомнению тезис советских историков о том, что непосредственно перед эпохой закрепощения крестьян в стране разразился «хозяйственный кризис 70—90-х годов XVI в.», о котором нельзя утверждать только на основе материалов писцовых книг. Присоединение в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств открыло путь для освоения плодородных районов Центрального Черноземья и Поволжья. Постепенно сюда направляется возрастающий поток переселенцев. Все это привело к известному запустению основной территории страны. Если раньше в центральных районах России при сохранении права крестьянского «выхода» происходил своеобразный круговорот рабочих рук, то в новых условиях здесь начинает наблюдаться их нехватка. Для правительства самым простым способом сглаживания остроты дефицита трудовых ресурсов стало временное, а затем постоянное запрещение крестьянского выхода.

По мнению **Л.Н. Вдовиной**, крепостное право являлось важнейшей частью системы государственного феодализма в России. Режим крепостничества, создание жестких рычагов власти, стали для российского государства и дворянства надежным средством изъятия прибавочного продукта у крестьянства. Л.В. Милов называл систему крепостного права механизмом «выживания» в российских услови-

ях. Еще одним компонентом выживания была крестьянская община, которая регулировала хозяйственные, податные, судебные отношения между собственником земли и крестьянами, обеспечивала до определенных пределов социальную стабильность, помогая отдельным крестьянским хозяйствам в критической ситуации. Система государственного феодализма, при которой верховная собственность на землю была у государства, а также сохранение крестьянской общины тормозили развитие частнособственнических тенденций, препятствовали вызреванию у крестьян представлений о частной собственности на землю.

«Принимая объяснения объективных причин зарождения и длительного существования крепостничества в России, его нельзя не рассматривать как абсолютное нравственное зло, которое не могло перестать быть злом в общественных отношениях, политической жизни, экономике», — полагает д.и.н., проф. **Ю.Н. Смирнов** (Самарский государственный университет). «Хотя временами принудительная мобилизация и подневольное напряжение сил могли приносить некоторый положительный эффект», но, по его мнению, цена была чрезмерна. «Этических оправданий крепостничеству нет, как и культурным или социально-психологическим пагубам этого явления. Крепостное право не только унижало зависимых людей, парализовало их активность и способности. Оно развращало само господствующее сословие».

М.В. Винокурова привела в своем выступлении материалы по Западной Европе, где по сравнению с Восточной Европой (в частности с Россией) процессы закрепощения крестьян происходили с особым динамическим качеством. Они были более ранними, в чем-то, конечно, специфичными и, может быть, более интенсивными. В Западной Европе едва ли мы можем найти указы со стороны государственной власти, подобные тем указам, которые выходили в России и ассоциируются историками с этапами закрепощения крестьянства. Так называемое закрепощение (скорее, попадание в феодальную зависимость) западноевропейского крестьянства приходится на период VIII—XIII вв. и начинается с раздачи властями феодалам иммунитетных хартий и передачей им публично-правовых функций в отношении крестьян. Таким образом они оказались в прямой зависимости от феодалов, но не от государства. С XI в. в английских источниках появляется информация о феодально-зависимых крестьянах-вилланах, во Франции они именовались «сервами». Крайнее выражение «вилланства» приходится на XIII в. (век «феодальной реакции» в Англии), когда, согласно общему праву, выраженному особенно четко в доктрине известного английского пра-

воведа Генри Брактона, статус виллана приравняли к статусу раба римского права. Уже с конца XIII в. и на протяжении следующих двух столетий в связи с переходом к денежной форме феодальной ренты (коммутация барщины) происходит постепенное освобождение вилланов от личной зависимости. Это освобождение могло совершаться по грамоте (за выкуп в присутствии свидетелей) или путем бегства в города. Вилланство в Англии эволюционирует в сторону копигольда (формы держания, при которой на право владения земельным участком крестьянам выдавалась копия документа), распространившегося с XV в. Во Франции серваж постепенно замещается цензивой — формой держания, при которой крестьянин-цензитарий также освобождается от личной зависимости и право которого на вещный объект (крестьянский надел) фактически приближается на протяжении XV—XVIII вв. к мелкой крестьянской собственности, которая юридически была освобождена во время Французской революции и далее получила правовую фиксацию в Кодексе Наполеона. В XVI в., когда в России продолжается процесс прикрепления крестьян к земле, в Англии и отчасти в Северной Франции начинается своего рода капиталистическая эволюция крестьянского хозяйства и хозяйства лендлордов (в том числе). Темпы и формы социально-экономического развития на западе и востоке Европейского континента явно не совпадали.

О необходимости продолжения целенаправленной разработки проблемы зарождения и функционирования крепостного права в России и соседних странах Европы (прежде всего, в Польше) говорил, выступая в дискуссии, член-корреспондент РАН **Б.Н. Флоря** (Институт славяноведения РАН). Получил поддержку тезис д.и.н. **Н.А. Ивановой** (ИРИ РАН) об отсутствии в дореформенной России сословия крепостных крестьян и позднем (после 1861 г.) оформлении крестьянского сословия в целом. Крепостное крестьянство, как убедительно обосновала Н.А. Иванова, находилось «вне сословного правового поля, в котором действие закона считалось определимым, а обязанности сочетались с правами», и в этой связи «представляется неправомерным считать владельческих крестьян крепостным сословием». По мнению к.и.н. **А.В. Ковальчука** (ИРИ РАН), необходимо отличать несвободных работников мануфактур (посессионных, «вечноотданных к заводам», находившихся на положении полукрепостных и прикрепленных, прежде всего, к предприятию, а не к его владельцу) от частновладельческих помещичьих крестьян. Первых (в отличие от вторых) нельзя было продавать отдельно от недвижимости (предприятий). Фактически они находились в крепостной зависимости от государства в большей степени, чем от мануфактуристов.

Расцвет системы крепостного права, распространявшейся как вширь (на новые районы страны), так и вглубь (за счет антикрестьянского крепостнического законодательства), приходится на 1725—1797 гг., когда крепостные крестьяне, лишенные экономических и юридических прав, оказались в полной власти помещиков и феодально-абсолютистского государства. Вместе с тем, именно к екатерининской эпохе относится зарождение антикрепостнической идеологии в России и начало разложение феодально-крепостнической системы хозяйства, связанное с распространением крестьянского отходничества на заработки, уменьшением площади крестьянских наделов и переводом части крестьян на «месячину», внедрением вольнонаемного труда на купеческих и крестьянских мануфактурах. Продолжая участие в дискуссии, **Л.Н. Вдовина** отметила, что екатерининская Уложенная комиссия 1767—1768 гг. впервые обозначила существование крестьянского вопроса, дала возможность публично, в печати, обсуждать тяжелое положение крестьянства. Этим воспользовались русские просветители, обличавшие в своих сочинениях произвол помещиков, бедность и бесправие крестьян. Екатерина II хотела быть «философом на троне», но была реальным политиком. В годы ее правления крепостничество развивалось вглубь и вширь. Монополизация собственности на крепостных крестьян у дворянства отразилась в государственном законодательстве: указы о праве помещиков ссылать неугодных крестьян в Сибирь на поселение (1760), каторжные работы (1765), заключать в тюрьму (1775), продавать и покупать крепостных без земли (1766), при продаже разрешалось разлучать детей с родителями. Крестьяне были лишены права жаловаться на своих владельцев. Закон предусматривал наказание за смерть крепостного от истязаний, причиненных помещиком. Но случай с помещицей Дарьей Салтыковой свидетельство того, как трудно было добиться крестьянам правосудия. Екатерина II пожаловала своим фаворитам и приближенным 800 тыс. крестьян. Неизбежным результатом политики по крестьянскому вопросу были волнения и мощное народное движение Емельяна Пугачева, которое как смерч пронеслось над огромной территорией, сея страх и ужас среди дворянства. «Как соотнести просвещенный абсолютизм Екатерины II и крепостное право? Ответ на этот вопрос после разговора с Дидро она дала сама, заметив, что его высокими идеями хорошо наполнять книги, но действовать по ним плохо. Как реальный политик она исходила из того, что трудится для подданных, которые нуждаются не в идеях, а в конкретных действиях. Естественно, что теми подданными, о чьих интересах пеклась императрица, были дворяне», — считает Л.Н. Вдовина.

Осознав по результатам обсуждений в Уложенной комиссии 1767—1768 гг. неготовность русского общества (особенно его верхов) решить крестьянский вопрос, сделала вывод д.и.н. **Л.М. Артамонова** (Самарская государственная академия культуры и искусств), Екатерина II перенесла «свои аболиционистские намерения и ожидания в сферу образования и воспитания, т.е. Просвещения в первоначальном и узком смысле этого слова». Императрица, по крайней мере, не возражала, чтобы часть русского общества воспринимала появление на основе Устава 1786 г. всесословных народных училищ как «первый шаг на пути отмены крепостного права». Другие участники дискуссии считают первой вехой в процессе смягчения норм крепостного права указ Павла I 1797 г. о трехдневной барщине.

Оживленную дискуссию вызвали выступления д.и.н. **Н.Н. Лисового** (ИРИ РАН) и к.и.н. **В.С. Румянцевой** (ИРИ РАН), посвященные отношению Русской православной церкви к крепостному праву. Как утверждала В.С. Румянцева, патриарх Никон негативно воспринимал (не только в период своей опалы, но сразу же по вступлении на патриарший престол) Соборное Уложение 1649 г., в котором крепостничество получило правовой статус, и называл этот крупнейший свод законов «беззаконной книгой». Н.Н. Лисовой отстаивал тезис об отсутствии у Церкви реальных возможностей повлиять на изменение государственной крепостнической политики, хотя в отдельных случаях священники и епископы ратовали за более мягкое отношение помещиков к крестьянам.

Первые проекты освобождения крестьян стали разрабатывать в России при Александре I, но практические действия властей ограничились указом о вольных хлебопашцах (1803), запретом публиковать объявления о продаже крепостных, прекращением раздачи государственных (казенных) и удельных (бывших дворцовых) крестьян в частные руки, а также освобождением (но без земли) крепостных крестьян Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерний. Верховная власть, высшая бюрократия и сословие дворян-помещиков были не готовы еще к радикальной аграрной реформе. К.и.н. **И.В. Ружицкая** (ИРИ РАН), остановившись на анализе проектов освобождения крестьян первой половины XIX в., пришла к следующим выводам. Деятельность секретных комитетов по крестьянскому вопросу в николаевскую эпоху создала «теоретическую» базу реформы 1861 г. В ходе их работы был сформулирован ряд положений будущего преобразования: необходимость переходного периода (обязанное состояние), отказ от выкупа личной свободы и безземельного освобождения, разработан порядок наделения крестьян землей при сохранении дворянского землевладения, определены будущее административное

и судебное устройство крестьян (последнее — с учетом опыта реформы государственных крестьян). Таким образом, выражаясь современным языком, отрабатывалась *методика* проведения будущих преобразований, складывалась *концепция* крестьянской реформы 1861 г. При Николае I к отмене крепостного права было подготовлено общественное мнение и сформированы силы, осуществившие реформу. Это получившие в исторической литературе наименование просвещенных или либеральных бюрократов представители правительственного реформизма старшего поколения и молодые чиновники, проявившие себя уже в ходе подготовки преобразований 1860-х годов. При изучении истории подготовки крестьянской реформы 1861 г., по мнению **Б.Н. Флори**, целесообразно обратиться к опыту осуществления аграрных преобразований в Австрии и Пруссии, который анализировался в свое время сторонниками отмены крепостного права в России.

В.Я. Гросул обратил внимание на важность изучения настроений русского крестьянства накануне 1861 г., которые отличались разнообразием. Наряду с теми, кто жаждал поскорее обрести свободу, были даже такие крестьяне, которые соглашались при определенных условиях на сохранение крепостных отношений. Больше всего крестьянство желало или сохранить свои прежние земельные наделы, при ликвидации обязательности работ на помещиков, или даже полностью разделить все помещичьи земли. Не случайно в известной прокламации «Великорусс» в 1861 г. говорилось о двух партиях среди крестьянства, одна из которых желала полного перехода всей земли в собственность крестьян без выкупа, а другая ратовала за сохранение прежних участков, но тоже без выкупа.

Были ли исчерпаны к 1861 г. почти все резервы развития экономики страны в условиях сохранения крепостного права, остается дискуссионным вопросом, отметил к.и.н. **И.А. Христофоров** (ИРИ РАН). Тем не менее, рано или чуть позже его нужно было отменять, несмотря на сопротивление огромной массы помещиков, привыкших к крепостническому быту и барщинным формам ведения хозяйства. Сохранение крепостнических порядков губительно сказывалось на обороноспособности страны, что показало поражение в Крымской войне 1853—1856 гг.

По мнению выступавших на «круглом столе», освобождение крестьян и последовавшие за ним другие буржуазные реформы (при их определенной ограниченности) все-таки открыли дорогу для ускоренного развития капитализма в России и становления в стране зачатков гражданского общества, хотя в русском обществе вплоть до революционного 1917 г. и сохранялись пережитки феодально-крепостнической эпохи.

Крестьянская реформа 1861 г., по утверждению **В.Я. Гросула**, несомненно, была крупнейшим событием русского XIX в., но при ее оценке, конечно, нужно сохранять чувство меры. Реформа все-таки была ограниченной и рано или поздно должна была проявить себя во всей этой ограниченности. Сохранилось самодержавие, при котором ни о каком гражданском обществе не может идти и речи. Сохранился в полном составе господствующий феодальный класс, мечтавший о реванше. В действительности, определенный реванш наступил с 1880-х годов, и не случайно об этом этапе русской истории говорят как о контрреформах. И самое главное, крестьянин не только не увеличил свой надел, но, более того, он сократил его, точнее, ему сократили, за счет так называемых отрезков, составлявших от одной пятой до одной четвертой его надела. Острейший аграрный вопрос конца XIX — начала XX в. был порожден во многом именно крестьянской реформой 1861 г.

Д.и.н. **С.А. Козлов** (ИРИ РАН) заострил внимание не только на положительных, но и на негативных последствиях отмены крепостного права. Если сразу же после реформы 1861 г. в российском обществе проявляется заметная эйфория, связанная с оживлением надежд на быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости, то вскоре она проходит, и на передний план вновь выступают нерешенные проблемы. К объективным проблемам относились: слабая техническая оснащенность помещичьих и крестьянских хозяйств; отсутствие средств для их развития; бедность и малоземелье сельских тружеников. Субъективные же проблемы коренились в особенностях традиционного менталитета: пресловутой «обломовщине» у землевладельцев, печально знаменитом крестьянском «авось», неумении и зачастую нежелании тех и других работать интенсивно. В первое пореформенное десятилетие помещичье хозяйство Центральной России пережило острейший хозяйственный кризис региона. Подавляющее большинство помещиков и крестьян оказалось *не готово* жить и хозяйствовать в новых условиях. Не сумев перестроить хозяйственный механизм на рыночные рельсы, многие землевладельцы разорились и бросили свои имения, переселившись в города. Зачастую как крестьяне, так и землевладельцы проявляли поразительную неуступчивость по отношению друг к другу, не желая идти на какие бы то ни было хозяйственные компромиссы. С одной стороны, крестьяне диктовали цены на вольнонаемный труд (нередко превышающие разумные), а с другой, — их бывшие владельцы не желали уступать земли в аренду по приемлемой для обеих сторон цене. Государственная аграрная политика была крайне непродуманной. С одной стороны, практически ничего не было

сделано для того, чтобы предохранить помещичьи хозяйства от неминуемого разорения после крестьянской реформы. Отсутствовала система финансового обеспечения частновладельческого хозяйства, и, прежде всего, предоставления краткосрочного кредита. С другой стороны, не были законодательно урегулированы спорные вопросы, возникавшие в пореформенный период между землевладельцами и вольнонаемными сельскими работниками. Главное заключалось в том, что реформа 1861 г. практически ничего не сделала для того, чтобы укрепить *частнособственнические тенденции* у крестьян и провинциальных дворян. В результате все попытки организовать широкомасштабный переход к рентабельному рыночному хозяйству в отдельных губерниях Центрально-Нечерноземной России потерпели неудачу. Условия, в которых оказались крестьяне и помещики региона после реформы 1861 г., во многом препятствовали консолидированной работе по подъему сельского хозяйства России, что следует признать одним из главных просчетов правительственной политики.

«Российский опыт относительно свободной социальной конкуренции и попыток налаживания социального партнерства оказался очень краток и беден, — констатировал **Ю.Н. Смирнов**. — Полувека пореформенного развития не хватило, чтобы россияне разных классов и состояний оказались готовы встретить вызовы XX в. национальной солидарностью, а не гражданским противостоянием». «Великие реформы в их *гигантском позитивном содержании* (которого не поняли и не оценили очень многие современники, не говоря о потомках), — сказал д.и.н., профессор РГГУ **М.А. Давыдов** (ВШЭ), — решительно отвоевывали для страны у Истории то, что было потеряно Россией раньше и, помимо ликвидации крепостного права, давали то, о чем она и помыслить прежде не могла и что было залогом ее будущего поступательного развития — независимый суд, местное самоуправление, реальную свободу слова, реформы образования, свободу передвижения и многое другое, что с течением времени должно было преобразить Империю». Но Россия могла бы добиться гораздо большего как в экономике, так и в величине и качестве человеческого капитала, если бы сразу после 1861 г., а не с конца 1906 г. начала бы реализоваться концептуальная идея крестьянской реформы — превращение крестьян в собственников своих наделов. Вместо этого с середины 1870-х годов. был взят курс на закрепление общинного начала пореформенной русской деревне. По мнению М.А. Давыдова, сохранение уравнительно-передельной общины было связано с крепостническим мышлением значительной части образованного общества, а также с эпидемическим распространением в пореформенной России социалистических идей

(в виде социализма разного толка: от народнического и марксистского — до земского и государственно-бюрократического в Бисмарковском варианте). Их носителями были люди, сформировавшиеся в атмосфере деспотическо-патерналистского режима. «В результате совместных, хотя и не скоординированных усилий постреформенного поколения бюрократии и общества декларированный Александром II переход к общегражданскому строю был искусственно заторможен, и тем самым основополагающая идея Великих реформ ушла в тень».

Многие участники «круглого стола» с сожалением констатировали ослабление внимания к проблемам истории крестьянства и сельского хозяйства (как России, так и других стран мира) в последние десятилетие в отечественной исторической науке. По их мнению, нуждаются в дальнейшем объективном исследовании ряд вопросов: 1) содержание понятий «крепостное право», «крепостничество», «крепостные люди» на разных этапах; 2) сравнение российской модели крепостного права с феодальной (а кое-где и крепостной) зависимостью крестьянства в других странах Европы; 3) роль крепостного труда в истории российской мануфактурной промышленности; 4) исчерпала ли к 1861 г. феодально-крепостническая система все свои внутренние экономические резервы. **Л.М. Артамонова** считает весьма своевременными предложения о создании обобщающего труда по истории крепостничества в России, основанного на надежном источниковом фундаменте и новейших разработках российских историков.

Вели заседание «круглого стола» д.и.н., директор ИРИ РАН **Ю.А. Петров** и д.и.н., заведующий Центром «История России в XIX — начале XX века» ИРИ РАН **А.П. Корелин**.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонов Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: политические отношения России со Швецией, Польшей и Турцией в XVII — первой половине XVIII в.; военная история стран Восточной Европы.

Бокарев Юрий Павлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Главные направления исследований: компаративная история, социально-экономическая история, геополитика, математические методы моделирования исторических процессов, источниковедение.

Горский Антон Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: Средневековая Русь.

Гросул Владислав Якимович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Специализируется в области истории России и балканских стран в XVIII—XX вв.

Журавлев Сергей Владимирович — доктор исторических наук, заместитель директора ИРИ РАН по научной работе. Специализируется в области советской социальной истории.

Земсков Виктор Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: различные аспекты отечественной истории XX в.

Иголкин Александр Алексеевич (1951—2008) — доктор исторических наук. Специалист по экономической истории России.

Кабузан Владимир Максимович (1932—2008) — доктор исторических наук, специалист по исторической географии, демографии России XVIII—XX вв.

Лобанов Вячеслав Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: история религий, история Русской Православной церкви в XX в.; история России в XX в.

Мамаев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: история российской революции 1917—1918 гг., городское самоуправление, Советы в первый год советской власти.

Невежин Владимир Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специализируется на проблемах отечественной истории, историографии и источниковедения.

Никитин Николай Иванович — кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: социально-политическая история России XVI—XVII вв., историческая география, археография, историческое краеведение, историческая публицистика.

Перхавко Валерий Борисович — кандидат исторических наук, куратор Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН. Область научных интересов: история Средневековой Руси и допетровской России XVI—XVII вв.

Поткина Ирина Викторовна — доктор исторических наук, ученый секретарь по международным научным связям ИРИ РАН. Область научных интересов: экономическая история России XIX — начала XX в., история отечественного предпринимательства.

Романенко С.А. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН. Историк и политолог, специалист по истории Средней Европы и Балкан XIX—XXI вв.

Сенявская Елена Спартаковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Специалист по военно-исторической антропологии, по истории российских войн XX в.

Сенявский Александр Спартакович — доктор исторических наук, руководитель центра «Россия, СССР в истории XX века», специалист в области российской истории XX в., теории и методологии исторических исследований, исторической урбанистики и исторической демографии, экономической и социальной истории.

Серазетдинов Борис Уразбекович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Область научных интересов: военная экономика, тыл России в годы Великой Отечественной войны.

Смирнова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Специализируется в области источниковедения и социальной истории Советской России 1920—1930-х годов.

Хевролина Виктория Максимовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, специалист в области внешней политики России второй половины XIX в.

Хормач Ирина Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: история внешней политики СССР, международные отношения.

Христофоров Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН. Область научных интересов: внутренняя политика России XIX — начала XX в.; аграрные преобразования; общественная мысль периода империи.

Шестаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, ученый секретарь ИРИ РАН. Специализируется в области социально-экономической и политической истории XX в.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 10

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Компьютерная верстка: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 32,8.
Тираж экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а
Тел.: (4872)47-08-71, тел./факс: (4872)49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru/ http://www.grif-tula.ru

9 785805 502362 >